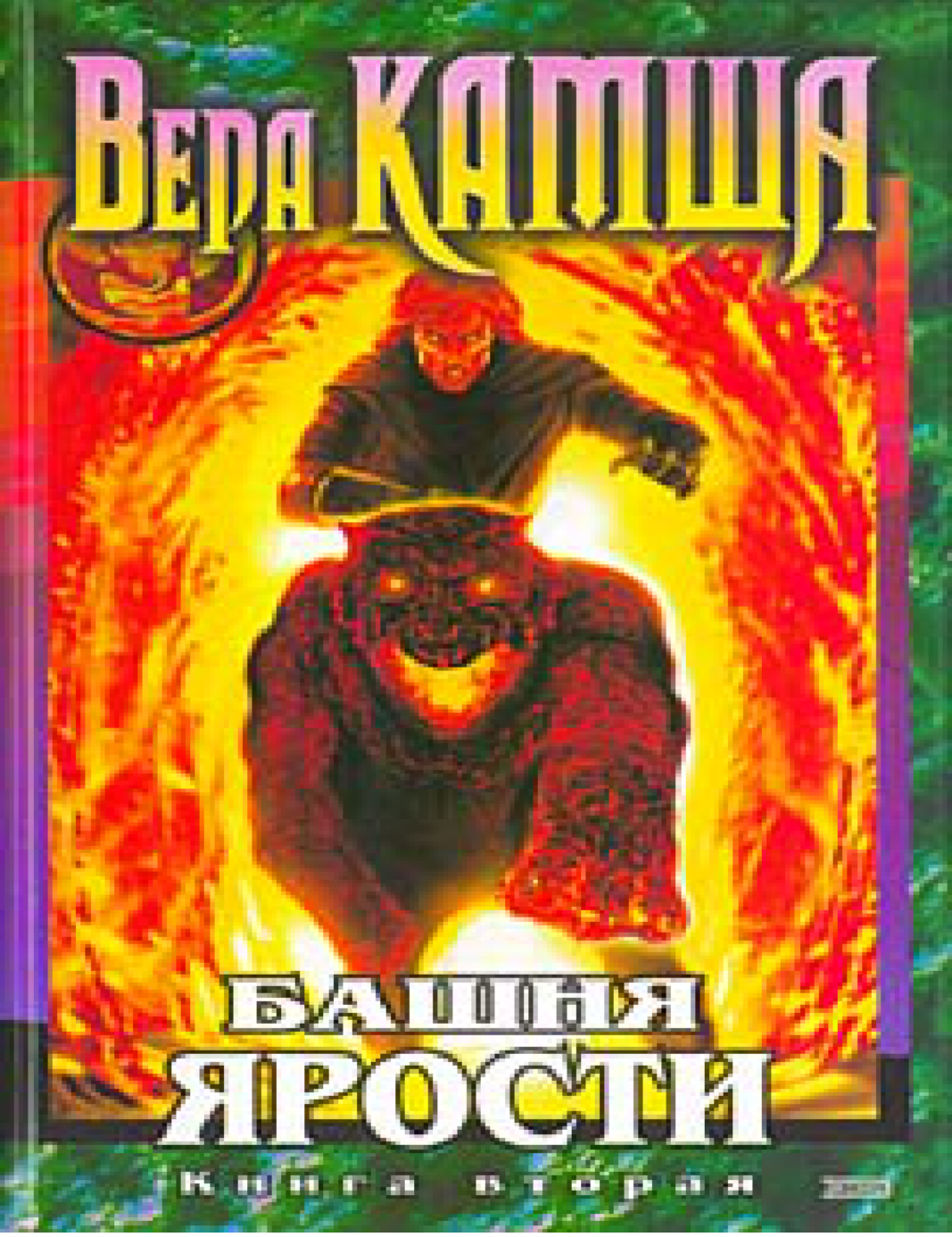
Вера Камша



Башня ярости

Книга вторая

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ничто не предвещает бури...

Но приближается время исполнения пророчеств.

Лишь те, кто видит больше обычных смертных, давно следят за наползающим безумием. Безумием, в которое будут вовлечены все жители Тарры – мирийцы и таянцы, атевы иэландцы, эльфы и орки, старые хранители и новые силы, родившиеся на больной земле.

В сумерках лжи и предательства брезжит свет трех звезд. Свет, что озарит дорогу тем, для кого честь и долг не пустые слова.

Время, когда каждому придется сделать выбор, пришло.

Но так далеко не суждено заглянуть даже прорицателям...

- Вера КАМША ХРОНИКИ АРЦИИ V. БАШНЯ ЯРОСТИ КНИГА 2. ВСХОДЫ ВЕТРА
  - ВСТУПЛЕНИЕ
  - ЧАСТЬ ПЯТАЯ EX
  - ЧАСТЬ ШЕСТАЯ DEBES, ERGO POTES16
  - ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ NON LICET IN BELLO BIS PECCARE20
  - ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ POLLICE VERSO39
  - ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ VIVIRE EST MILTARE48
  - ЭПИЛОГ
  - ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
    - ЛЮДИ ТАРРЫ
    - ЛЮДИ ФЕРРИЭННА
    - ЭЛЬФЫ
    - ГОБЛИНЫ
    - СВЕТОЗАРНЫЕ
    - ПРЕЖНИЕ БОГИ ТАРРЫ
    - ИНЫЕ СИЛЫ
    - МАГИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53

- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57

Вера КАМША ХРОНИКИ АРЦИИ V. БАШНЯ ЯРОСТИ КНИГА 2. ВСХОДЫ ВЕТРА

Александру Городницкому

Автор благодарит за оказанную помощь Майка Гончарова, Александра Домогарова, Данишла Мелинца, Юрия Нерсесова, Илью Снопченко, Артема Хачатурянца

ВСТУПЛЕНИЕ

– Сердце, скажи мне, сердце, -
Откуда горечь такая?
– Слишком горька, сеньор мой,
Вода морская…
А море смеется
У края лагуны.
Пенные зубы,
Лазурные губы…
Федерико Гарсиа Лорка[1]

Улов был прямо-таки отменным. Теперь они не только отдадут старому Тенару долг, но и смогут купить новый парус. Полные сети, и не какой-нибудь там салаки, а настоящего черноспинца! Густав – молодец! Ну и пусть никто, кроме них, не рискнул выйти в море! Шторма никакого нет, а рыбка-то – вот она! Шестнадцатилетний Робер Кошон с обожанием посмотрел на сидящего у руля старшего брата. Густав – самый отчаянный парень на всем побережье и самый видный, недаром Арлетта отказывает всем женихам! Ох, и бесится же ее папаша, ну да Проклятый с ним! Все равно Арлетта выйдет за Густава, хоть они с братом и беднее всех в Кер-Огасте. Пока беднее. Не пройдет и пяти лет, как у них будет все. И новая лодка, и хороший дом, и даже праздничные сапоги.

– Не нравится мне это, – голос брата вернул Робера на грешную землю, вернее, на утлое рыбачье суденышко, – ты будешь смеяться, но этот зануда Юстин, похоже, прав. Будет шторм, и немалый, – брат с грустью посмотрел на добычу. – Проклятый! Вот ведь жалость!

– Ты чего? – не понял Робер.

– А того, что кидай все за борт!

– Это ж черноспинец!

– Да хоть стервья рыба![2] Жизнь дороже! – Брат, не дожидаясь ответа, принялся выбрасывать драгоценный улов. Робер, чуть не лопаясь с досады, бросился помогать. Еще живые рыбины возвращались в свою стихию, вряд ли сообразив, что с ними произошло. Тяжело сидевшая в воде «Арлетта», освободившись от груза, весело закачалась на пока еще небольших волнах.

– Если выкрутимся, – пробормотал Густав, – носа из бухты не высуну, пока на небе хотя бы один хвост[3] будет!

Теперь Робер и сам видел, что дело плохо. Горизонт стремительно темнел, над головой неслась свора лохматых,

рваных облаков, то заслоняя солнце, то выпуская его на свободу; из-за этой свистопляски море казалось полосатым. Черно-серое и ослепительно-серебряное сменяло друг друга, но туч становилось все больше, и яркие сполохи растворялись в свинцовой мгле.

«Арлетта» заплясала на волнах, как норовистая кобылка. Густав, убрав и тщательно закрепив парус, хмуро вглядывался в стремительно сужающийся горизонт. Шторм не заставил себя ждать. Сначала налетел ветер, затем хлынул дождь, смешавшись с солеными брызгами. Робер поймал себя на том, что шепчет молитву святому Жозефу и святому Луи. И зачем только их понесло на промысел?! Брат одернул куртку из просмоленной парусины – на кожаную по милости пьянчуги-отца у них не было денег – и заорал:

– Держись!

Робер торопливо вцепился в попавшуюся под руки снасть, и вовремя. Суденышко грубо швырнуло в сторону, оно изрядно черпнуло бортом, но выровнялось. Густав, воспользовавшись коротким затишьем, умудрился развернуть лодку, встретив новый порыв ветра бейдевинд. «Арлетту» раскачивало вперед и назад, куда-то несло, она то взлетала к самым тучам, то проваливалась в ущелье между водяными горами, то – и это было всего хуже – зарывалась носом в волну. Юноше несколько раз казалось, что им конец, но кораблик каким-то чудом выправлялся.

Буря все усиливалась. Несчастную «Арлетту» трясло и мотало, как котенок трясет и мотает свою первую мышь. От напряжения и холода руки сводило судорогой, Робер не удержался и выпустил бечеву. Его б смыло, но Густав, успевший привязаться к мачте, ухватил юношу за пояс. Братья задыхались от водяной пыли, вокруг все кипело, словно в котле у ведьмы. Черные волны с грохотом разбивались друг о друга, ветер срывал с них седые верхушки, рев взбесившегося моря сливался с громом, а рогатые молнии, на мгновение раздиравшие тьму, слепили, делая сгущавшийся мрак еще непроглядней.

Робер, то и дело отряхиваясь, словно промокшая собака, пытался сообразить, куда их тащит и сколько прошло времени. Казалось – целая вечность, но юноша не первый раз попадал в шторм и понимал, что, скорее всего, прошло не более оры, от силы – двух. «Арлетта» держалась молодцом, хотя водяные горы явно вознамерились добраться до низких туч, а дождь лил, как из ведра. Если бы не холод и боль в ободранных руках, все было бы не так уж и плохо.

– Ничего! – Густав кричал во все горло, но сквозь визг ветра его было едва слышно. – Скоро конец!

И в самом деле становилось светлее, да и дождь малость

поутих. Может, обойдется? Куда же их снесло? И рыба пропала... Сквозь облака прорвался солнечный луч и сразу же погас, но Робер успел заметить буруны, не похожие на пенные гребни волн. Рачьи Рифы, не иначе! Святой Обен, за что?! Робер глянул на брата и по его лицу понял, что не ошибся.

Место было мерзкое. Здесь и в хорошую погоду разбилось немало лодок, а при таком ветре шансов и вовсе не было; но кошка-судьба решила позабавиться, и мышку-"Арлетту" протащило мимо предательских бурунов. Если б Робер захотел, он мог бы коснуться выраставшего со дна гранитного зуба... Им повезло: кораблик покружило в водовороте среди четырех или пяти скал и поволокло в узкий проход между рифами. Цепляясь за снасти, юноша, не отрываясь, смотрел на окруженную белой пеной смеющуюся смерть, раз за разом проходившую стороной. Наверное, ветер нагнал воды и затопил часть Рачьих. Неужели пронесет?

Впереди расстилалось ревущее море, казавшееся самым безопасным местом в мире. «Арлетта» сидит неглубоко, может, удастся проскочить... Налетел очередной порыв ветра, еще один бурун остался позади, но огромная волна, мимоходом подхватив суденышко, отбросила его назад, шмякнув бортом о вставшую из глубин скалу. Робер закричал от ужаса и обиды – до чистого моря оставалось всего ничего, – а проклятая волна рассмеялась и закинула надоевшую игрушку далеко вперед. Скалы-убийцы остались позади, но пробоина была слишком велика.

Густав попробовал подвести к течи парус, но куда там... Вычерпывать воду было еще глупее, но они пытались, хоть и понимали, что и им, и «Арлетте» конец. Робер с каким-то странным равнодушием поднял взгляд. Впереди среди дождевых струй мелькнуло что-то черное, исчезло и появилось вновь. Опять скалы? Нет! Наверное, он сошел с ума, но это корабль! Корабль, Проклятый побери! Откуда? Кого могло в такую бурю занести к Рачьим?! Все порядочные корабли сейчас или отстаиваются в гаванях, или болтаются в открытом море с убранными парусами, а этот!

Не веря собственным глазам, юноша смотрел на растущий на глазах парусник. Острый форштевень уверенно резал опененные горы, молния выхватила из мрака вздыбившуюся фигуру огромной короткохвостой кошки. Каким безумцем должен быть капитан, поднявший в такую бурю все паруса!

Черный трехмачтовик несся огромными оленьими прыжками, и в какой-то страшный миг Роберу показалось, что безумное видение промелькнет и исчезнет в свинцовой тьме, не заметив тонущей «Арлетты». Заметили! Слава святому Луи, заметили!

Странные светящиеся паруса разом упали, парусник замедлил ход и остановился, заслоняя обреченное суденышко от ветра. Кто-то, перегнувшись через фальшборт, сбросил им веревочную лестницу и приветливо махнул рукой. Густав несколькими ударами весел подогнал полузатопленный кораблик к борту, поймал раскачивающуюся ступень и полез вверх, Робер последовал за ним, но не утерпел и оглянулся. Там, где только что была лодка, плясали злые, серые волны. Юноше показалось – или Густав закричал? Какой страшный крик! Еще бы, он так любил «Арлетту», а теперь у них не осталось ничего, кроме жизни.

Кто-то сверху протянул ему руку, и Робер вцепился в нее, подивившись, какая она горячая, хотя с рукой-то как раз все было в порядке, это он замерз. Но теперь все будет хорошо, само небо послало им этот корабль!

Юноша спрыгнул на палубу и растерянно огляделся. Густав куда-то исчез, вокруг было пусто… Где же все?! Ведь кто-то же помог ему… Сзади послышался шорох, Робер обернулся, встретившись взглядом со стройным седым моряком, жалобно вскрикнул и неловко свалился на совершенно сухие доски, светящиеся мягким голубоватым светом.

Судно оделось парусами и рванулось с места. Волны ревели, бросаясь на поднимавшиеся со дна скалы, но корабль со вздыбившейся рысью на носу несся вперед, не замечая рифов. Дождь по-прежнему полосовал море, однако на мерцающую палубу не упало ни капли, и лежащий на ней мертвый рыбак в промокшей до нитки одежде казался столь же неуместным, как жалкая дворняжка на наборном дворцовом паркете.

Тот, кто помнил, что раньше носил имя Рене Аррой, опустился на корточки рядом с умершим. Резкий порыв ветра взъерошил белые волосы, но холода он не ощущал, равно как и ставших привычными боли и адского воя в ушах. Сильная рука с длинными пальцами привычно легла на Черную Цепь. Что-то было не так! Капитан провел рукой по камням. Здесь! Вот оно! Кроваво-красная точка – красная, хотя должна была казаться темно-бурой, – бешено пылала и пульсировала в самой сердцевине зеленого кристалла, словно стремясь заполонить его целиком.

Вот, значит, что. Хотел спасти – и убил, и не просто убил, а залил собственную боль чужой жизнью. Это оказалось так просто… Когда-то давным-давно в Таяне он собирал в ладонь переспелую малину – достаточно было подставить руку и слегка шевельнуть ветку, и ягоды осыпались теплым градом… Аррой словно бы вновь ощутил жар позднего лета, сладко-горький волнующий запах, ожоги от крапивы на руках. Тогда он был жив,

а теперь, выходит, может жить, лишь убивая других? Как в страшной сказке, которую рассказывала Ри эта дура Зенобия. Он еще отчитал старуху, хотя в ту пору кормилица Ольвии была младше, чем он перед своим последним походом. Впрочем, она всегда была гадиной.

Рене потер ладонью виски. Нужно понять, что с ним сделали, и найти выход! Аррой никогда не шел на поводу у судьбы, это еще один вызов, только и всего. Даже не вызов, а попытка купить. Его заперли в аду, а потом подсунули ключ от ворот. Убивай и живи, забудь о боли, жутком холоде, звоне в голове, о том, что рвет тебя на куски с того самого мгновения, как ты очнулся на пустом корабле с серебристыми парусами.

Красивая красная капля, прорастающая в зелени… Если он поддастся, она потянет за собой вторую, потом третью, и в один прекрасный день на берег сойдет всемогущий убийца, на шее которого будет цепь с рубинами. Но он не станет носить рубины! И питаться чужими жизнями не станет! Его воля при нем, вот и поглядим, кто кого!

Аррой закрыл глаза, сосредотачиваясь на алом пятнышке, отчаянно бившемся в самом сердце камня. Долой его! Не отрывая мысленного взгляда от раскаленного зерна, Рене потащил его наружу. Сначала не получилось ничего, потом навалилась боль, да такая, в сравнении с которой все предыдущее было, что легкий бриз в сравнении с эландской хъелой, и самым мучительным было осознание того, что ему ничего не стоит прекратить пытку. Прекратить и утонуть в блаженстве, брать от жизни все, что она может дать, почувствовать себя хозяином. Даже не хозяином – владыкой!

Ты спокойно ел мясо, но разве жизнь быка или барана дешевле жизни человека, да еще человека подлого? Ты своей рукой отправил на тот свет не один десяток себе подобных, а если вспомнить то, что делали по твоему приказу, счет пойдет на многие тысячи, так что же тебя смущает? Ты можешь выбирать жертву по своему вкусу, уничтожая мерзавцев, по которым и так плачет веревка. Ты и раньше так жил. Ты сможешь помогать тем, кто тебе нравится, тебя нельзя будет отличить от того, кто и в самом деле жив. Ты будешь почти бессмертен, сможешь сделать много, возможно, даже спасти Тарру и уничтожить чуть было не погубившую тебя тварь из Серого моря, а цена недорога. В год десятка три мертвецов, ну, может три с половиной, и довольно. Что в этом плохого? Ты убивал и больше…

Ах, тогда шла война, а бараны и быки не были людьми? Но ты не человек, Рене из рода Арроев! Посмотри правде в глаза, ты никогда не был человеком. В тебе течет кровь старых богов, а

боги всегда требовали жертв. Обычные люди в сравнении с тобой не больше, чем коровы в сравнении с людьми. Даже меньше. Так что вздохни поглубже и прими свою новую жизнь – и как данность, и как величайший дар.

Боль сделалась нестерпимой – хотя почему нестерпимой, если он терпит?! Красная искра была у самой поверхности, он знал это, хоть и не открывал глаз, не открывал, потому что открыть их – означало сдаться. Он не должен смотреть, пока не покончит с этой каплей, которая разольется в море, если он смирится. Долой ее! Холод, жар, нестерпимый визг, липкие, жуткие прикосновения, словно от скрюченных полуразложившихся пальцев, завывания, малиновые и желтые спирали... Может, лучше остановиться, набраться сил и начать все сначала? Или оставить, как есть?

Что значит маленькое пятнышко на одном из камней? Один желтый лист еще не осень. Он знает, что может случиться, и будет осторожен. Рыбаков, конечно, жаль, но он не желал им зла, и они так и так погибали. Не желал зла, но причинил, так имей мужество отпустить свою жертву. Старший все понял раньше тебя и сам бросился в море. Он помог тебе, потому что избавиться от двух капель ты бы не сумел, так отпусти взамен его спутника. Этот юноша не твой и вообще ничей. Он умер, и пусть эта смерть будет просто смертью. Ты – Рене Аррой, а не людоед из сказки Зенобии... Уж не эту ли участь она ему предрекала? Страшнее смерти... Похоже, эту.

Холод, пронизывающий, смертельный холод и знакомая пульсирующая боль! Благословенная боль, потому что он победил! Он избавился от красного «подарка». Аррой открыл глаза и увидел зеленый, без единого изъяна камень.

Тело рыбака по-прежнему лежало рядом, его спасать было поздно. Море всегда было могилой для моряков. Счастливчик Рене коснулся волос юноши, чьего имени он никогда не узнает, а потом легко, как котенка поднял на руки и понес на корму. «Созвездие» летело по бушующему морю, ветер и волны ему не могли повредить, ему вообще ничто не могло повредить. Счастливчик стиснул зубы и швырнул молодого рыбака вниз. Большего для него он сделать не мог. Тело да упокоится на дне морском, а душа теперь свободна.

Предоставленный самому себе корабль несся сквозь сгущающуюся ночь. Аррой не ведал, где его спутники, и лишь надеялся, что они просто мертвы – а вот он жив, потому что мертвец не может чувствовать такую боль и потому что над ним по-прежнему кружат звезды Тарры. Он не помнил, как ему удалось вырваться из серого тумана, и что с ним произошло, но

был уверен, что вернулся вопреки воле того, кто погубил Залиэль и Ларэна. Но каким же дураком он оказался, непозволительным дураком! Вообразил, что все дело в боли и холоде, с которыми он как-нибудь, да справится. Если б он соизволил как следует подумать, рыбаки были бы живы. Или мертвы, потому что без помощи они бы утонули, как тысячи других, связавших свою жизнь с морем... Мог ли он их спасти, зная, во что превратился, или единственное, что он должен сделать для живых – это держаться от них подальше? Если так, ему придется выжидать, пока не придет пора убивать, убивать без пощады. Неужели он вырвался лишь для того, чтобы стать рукой смерти?

Счастливчик задумчиво тронул Черную Цепь. Она была как-то связана с тем, что с ним случилось, в этом он не сомневался. Она и что-то еще. Великий Орел, и почему, когда тебе плохо, думаешь, что вся беда в твоей боли? И вообще, что будет, если он... сойдет на берег? Разумеется, подальше от людных мест. Просто сойдет, и все. Почувствует под ногами твердую землю, а не призрачную палубу, посидит на траве... Это-то он может сделать?! Рене не пошевелился, но корабль, обретший странный дар слышать мысли своего капитана, повернул на северо-восток. Аррой помнил высокую, похожую на башню скалу севернее устья Адены. Там никто не жил и почти никогда не бывал. Не будь Гверганды, залив, вдававшийся в сушу чуть ли не до Зимней Гряды, сгодился бы для постройки порта, но второй порт в тех краях – излишняя роскошь. Там Рене никто не увидит, и там он никого не убьет.

Рене так и не понял, каковы пределы, отпущенные ныне его «Созвездию». Казалось, корабль плывет с обычной скоростью, но теплые моря сменились неприветными волнами Сельдяного моря слишком быстро. Он никого не встретил на пути, сегодняшние рыбаки стали первыми. Наверное; он в глубине души что-то подозревал, иначе б вернулся на Лунные острова, а он о них позабыл и вспомнил лишь сейчас. Что-то его тянуло на север. Что-то или кто-то? Почему он не отправился к эльфам, ведь они могли помочь? Почему не бросился на поиски Геро? Почему почти не думал ни о ней, ни о Романе, ни о сыне? Он не забыл – так в чем же дело? Или он, как издыхающий снежный волк, хотел забиться подальше в родные скалы? Но он не думал о смерти, он вообще ни о чем не думал, все мысли занимала боль. Боль и сейчас с ним, но он сумел взять ее на сворку в тот самый миг, когда погасил проклятую искру. Он может думать и помнить, уже неплохо!

Скала возникла из тумана неожиданно, а, может, он слишком задумался. У нее не было имени, как не было имени и у залива,

на берегу которого она стояла. Когда-нибудь сюда доберутся докучливые монахи, нарисуют то, что увидели, на желтоватой хаонгской бумаге и дадут суше и водам имена святых, которых никогда не было, а если и были, то жили совсем не так, как пишет Книга Книг. Залив был удобным, глубоким, с чистым дном, защищенным от большинства ветров, но не у облюбованной Арроем скалы. Там море кипело и пенилось, волны сломя голову бросались на камни, отступали и снова бросались в яростной надежде свалить упрямые утесы. В былые дни Рене никогда бы не рискнул кораблем, но нынешнему «Созвездию» мели и рифы были не страшны. Корабль послушно подошел к самому берегу и остановился, как лошадь у крыльца. Капитан немного постоял, опираясь о борт. Болтали, что Счастливчик не знает страха, но ему было страшно. Впрочем, взнуздывать себя эландец умел. Рене, как обычно, когда на что-то решался, тряхнул головой и соскочил на берег.

Под ногами был обветренный темно-серый камень, но адмиралу показалось, что он оказался по колено в огне. Земля немилосердно жгла, хотя пламени не было. Выходит, он прикован к морю и «Созвездию»? Ну, нет! Если он терпит холод, выдержит и жар. Аррой стиснул зубы и быстро пошел вперед. Наверх вела тропа – а, может, не тропа, а русло пересохшего ручья. Не лучшая дорога, но Рене дал себе слово подняться – и шел. Ему казалось, что он вброд переходит поток лавы, родившийся из недр огнедышащих сурианских гор, к которым адмирала так влекло в юности, а обнимавший плечи холод не только не развеялся, но стал еще нестерпимее. Ну и пусть! Он все равно поднимется!

Если бы кто-то увидел стройного седого человека, легко взбиравшегося вверх по каменистой осыпи, то никогда б не догадался, какой ценой дается путнику каждый шаг. Подъем был долгим, но все имеет свой конец. Цель покорилась, одна из многих целей в жизни Счастливчика Рене. Капитан «Созвездия» стоял на вершине, подставляя лицо слабому ветру. Ни жар, ни холод никуда не делись, но он добился своего, как добивался всегда.

Впереди лежало море, сзади зеленели поля. Весна? Но какого года? Сколько дней, месяцев, лет он пробыл в белесой мгле, сожравшей его спутников и изуродовавшей его самого? И ведь не спросишь... Рыбак выглядел, как все рыбаки, люди моря вообще похожи друг на друга. Такие же лодчонки бороздили Сельдяное море при Руисе Арроe, а те, кто ими правил, носили такие же просмоленные парусиновые куртки. Нет, по одежде погибших ничего не понять, но как хорошо, что он вернулся именно весной, в пору первой зелени и первых гроз. А гроза будет, он чувствует

это, это и что-то еще! Великие братья!

Рене стремительно обернулся. В узком проходе между двух отливающих серебром валунов замер черный зеленоглазый конь. Гиб! Как же он нашел его? Жеребец, поняв, что его увидели и узнали, приветственно фыркнул и топнул ногой. Аррой бросился было вперед, но, вспомнив все, безнадежно махнул рукой и привалился к потрескавшейся скале. Гиб с шумом втянул воздух и медленно и плавно двинулся к хозяину.

– Стой, – Рене Аррой, когда был жив, никогда не повышал без нужды голос, его и так никто не смел ослушаться, но у Гиба было свое мнение. Конь упрямо шел к тому, кого признал своим владыкой.

– Гиб, стой, тебе говорят! Да стой же... – На сей раз вороной жеребец послушался, замерев в паре шагов от адмирала. Седина Рене соперничала белизной с конской гривой. – Гиб, ты знаешь, что со мной?

Конь понуро опустил голову. Именно так он стоял в церковном саду Кантиски, готовясь отвезти Сезару Мальвани приказ отступать и известие о том, что Рене и Эмзар отдают себя в руки Михая Годоя.

– Знаешь? – переспросил Рене. – Вижу, что знаешь. Тогда уходи. Я рад был тебя повидать.

Гиб вскинул голову и коротко заржал, ударив ногой о землю. Затем заржал еще раз и шагнул вперед. Зеленый глаз сверкнул совсем рядом.

– Уходи, ты мне не поможешь.

Водяной Конь подогнул колени и лег на камни. Он не уходил, и это не было ни упрямством, ни желанием утешить или выразить сочувствие.

– Гиб, уходи, я... – А что он? Он и сам не знал. Его прикосновение и взгляд убили человека, но Гиб – не человек. Водяной Конь – порождение древней Тарры, ему виднее, что для него опасно, а что – нет.

– Ты видел таких, как я? Да или нет?

Короткое ржание. Опущенная и вновь поднятая голова...

– Видел... Это очень плохо?

Гиб медленно наклонил шею вперед, так, что черные блестящие губы чуть не коснулись лица адмирала. Будь водяной демон обычным конем, Рене ощутил бы теплое, живое дыхание, как тогда, когда подал руку несчастному мальчишке, но порождение древней стихии не несло в себе тепла. Аррой посмотрел в бездонные зеленые глаза, пытаясь найти в них ответ. Их было двое. Конь, который не был конем, и седой моряк, еще недавно почитавший себя человеком. Над ними неслись рваные,

окровавленные закатом облака, внизу в бессильном гневе громыхало и билось о скалы море. «Скоро оно свое возьмет, – устало подумал Рене, – эти скалы уйдут под воду, и они это знают. Знают, но ничего не могут изменить. Проклятый! Откуда такие мысли?! Разве скалы могут думать? Разве море может надеяться?»

– Гиб, так я тебе не опасен?

Конь вздохнул и ткнулся носом в лоб адмиралу.

– Тогда тряхнем стариной!

Жеребец вскочил, радостно мотая гривой, но потом замер и словно бы простонал.

– Что ты хочешь сказать? Я причиню тебе вред? Нет? Тогда что же? А, ты боишься за меня? Но что может случиться со мной теперь?

Гиб вновь издал странный звук, больше похожий на плач, чем на ржание, и прикрыл глаза. Рене задумчиво коснулся висевшей на шее цепи. Эланд будет затоплен, это так же неизбежно, как неизбежен вечер, это не хорошо и не плохо. Это так, и с этим не стоит бороться. Потому что пройдет время, и придет черед моря отступить, выпуская из тысячелетнего плена серебряные скалы, на которых снова совьют гнезда альбатросы. Но откуда эти мысли у него, Рене Арроя? Эти мысли и это знание? Неужели от Гиба? Или он сумел расслышать в извечном грохоте прибоя то, чего не слышал раньше? И кто же, во имя Проклятого, он теперь?

ЧАСТЬ ПЯТАЯ EX ORIENTE LUXL[4]

Верность – прямо дорога без петель,
Верность – зрелой души добродетель,
Верность – августа слава и дым,
Зной, его не понять молодым,
Верность – вместе под пули ходили,
Вместе верных друзей хоронили.
Грусть и мужество – не расскажу.
Верность хлебу и верность ножу,
Верность смерти и верность обидам.
Бреда сердца не вспомню, не выдам.
В сердце целься! Пройдут по тебе
Верность сердцу и верность судьбе.

М. Цветаева

2895 год от В.И. 19-й день месяца Сирены. ТАЯНСКАЯ ФРОНТЕРА

Болото сменилось лесом, а затем расступился и он. Александр и Ликия были в Таяне. Впереди расстилалась волнистая, сверкающая равнина, лишь вдалеке маячили высоченные тополя, которыми здесь испокон веку обсаживали дороги и села. Солнце стояло еще высоко, и от снежного блеска болели глаза. Садан одобрительно фыркнул, выйдя после бесконечного блуждания по лесам на открытое пространство, достойное его внимания, да и Александр смотрел на таянские степи с восторженным ожиданием. Ликия, сидевшая в седле перед Александром, обернулась, щеки ее пылали.

– Это Таянская Фронтера, Сандер.

– Остается убедиться, что нам тут рады, – усмехнулся Тагэре, – постараемся кого-то отыскать.

Это оказалось нетрудно, их заметили почти сразу же. Десятка полтора всадников в белых, подбитых мехом плащах и высоких

рысьих шапках возникли из ломящей глаза белизны и с удивлением уставились на чужаков на белом, черногривом жеребце. Александр соскочил с Садана, снял Ликию с седла и встал с ней рядом. Видно было, как таянцы совещались, усиленно размахивая руками, наконец от группы отделились двое – плотный, широкоплечий воин с орлиным пером на шапке, видимо, начальник, и еще молодой нобиль, темноволосый и темноглазый.

Таянцы так же, как и фронтерцы, носили усы, и Сандер едва удержал метнувшуюся к мечу руку. Не все усатые – предатели, и не все предатели – усачи. Старший осадил коня и властно поднял руку. Голос у него был под стать внешности – низкий и сильный.

– День добрый, данове[5], кто вы и по какому делу?

Александр ответить не успел, так как заговорила Ликия:

– Мы идем в город, который раньше звали Геланью, нам нужно многое рассказать. Если можешь, ответь, стоит ли еще в Таяне дом Гардани?

– А как же, – вожак рассмотрел Ликию и с явным удовольствием подкрутил усы, – вот уже двадцать восемь лет, как погиб круль Ласло Гардани со старшими сынами. Тогда гомона[6] и прокричала «виват» ясновельможному Анджею, его последнему сыну.

– Ваш король Анджей Гардани?

– Точно, данна. А что вам до него?

– Долго рассказывать, данове. Мы пришли из Арции через Тахену.

– Как то? – глаза воина от удивления полезли на лоб, а вслед за ними, казалось, устремились и остальные части лица, включая усы, – то ж через Тахену человеку пройти никак нельзя.

– Тахена пропустила нас, – твердо сказала Ликия.

– Такое обдумать надо, – изрек таянец, – то, проше дана и данну, езжайте с нами. Коня мы еще одного вам дадим, вечер уже близко. Поужинаем, переночуем да подумаем. Если вас Тахена пропустила, а похоже на то: снега третий день нет, а следы мы каждый день смотрим, то, видать, предсказанные времена настают... Как вас называть, гости наши? Я – Стах Тонда, знаменний[7], но чаще меня Барсуком кличут, а то молодой Золтан Гери с Лайтаны.

Сандер протянул руку:

– Я – Александр Тагэре, а мою спутницу зовут Ликия.

– Ну вот и познакомились. Жеребец у вас хорош, – приосанился Барсук, – но и у нас неплохи. – И заорал:

– Стефко! Коня прекрасной данне. Белого!

Единственное, в чем дочь не разочаровала Элеонору, была красота. Бывшая королева не понимала, как от их с Филиппом союза могла родиться такая безмозглая овца, но сегодня Нора красивой не казалась. Глаза дочери были на мокром месте, губы тряслись, а на все вопросы она отвечала односложно «да» или «нет». Элла и сама в свое время терпела нелюбимых мужей, но это не мешало ей брать от жизни то, что она может дать, ведь любовь – та же Темная Звезда: все про нее говорят, кто боится, кто ждет, а ее все нет и, скорее всего, не будет.

– Нора, вам следует держать себя в руках.

– Да, матушка, – прошептала дочь, тиская шелковый платок.

– Я вам уже говорила. Руки королевы должны быть спокойны.

– Да, матушка.

– Дочь моя, что с вами?

– Ничего, матушка.

– Сигнора, – вмешался стоявший у окна Пьер Тартю, – Нора нездорова, но это хорошее нездоровье. Наш союз дал плоды.

– Но это же прекрасно! Девочка моя, почему ты мне сразу не сказала?

Это и на самом деле было прекрасно. Нора должна родить наследника, и чем скорее, тем лучше. Будет обидно, если первенец окажется девочкой, тогда придется терпеть Тартю еще год или два. Элеонора улыбнулась зятю, лет пятнадцать назад у нее была обворожительная улыбка.

– Мы не хотели вас волновать, сигнора, – пояснил король, – мы знаем, как вы волнуетесь о своих детях. Как здоровье несчастного Жореса? Нам его очень не хватает.

– Благодарю Его Величество за заботу. – Жоресу, даже слепому, корона пошла бы куда больше, чем этому заморышу. Все ее сыновья обладали внешностью королей, а таких, как Пьер, следует убивать при рождении, чтоб не портили породу. – Все так же. Мы надеемся, что преступника покарают.

– Рафаэль Кэрна покинул Арцию. Доносят, что его видели в Эр-Атэве, и он собирался в Новый Эланд. К сожалению, мы не можем требовать его выдачи, так как калиф Наджед разорвал старый союз.

Из-за тебя и разорвал. Придрался к тому, что Тартю не Волинг, и спустил с цепи своих корсаров. Теперь Старое море впору называть Атэвским озером, как семьсот лет назад.

– Это весьма прискорбно, Ваше Величество. Могу я узнать об успехах моих младших сыновей?

– Вам следует их повидать, сигнора. Они, несомненно,

скучают по матери и старшим братьям. Вы, я вижу, опасаетесь, что Филипп будет вести себя неразумно. Пустое, он избавился от скверной привычки спорить по пустякам.

– Видимо, за это следует благодарить его наставника?

– Безусловно. Если желаете, вы можете посетить Речной Замок сегодня на обратном пути. Мы распорядимся.

– Благодарю моего государя за заботу.

– О, заботиться о семье – наш долг. Мы можем вас порадовать, ваш сын, граф Мо, добился ощутимых успехов при Ифранском дворе. Ему удалось завязать дружбу с графом Вардо и его племянником герцогом Саррижским. Это очень влиятельные люди. Мы написали ему о том, что удовлетворены его службой.

Ее младший сын чего-то добился? Непостижимо! Ему никогда ни до чего не было дела, или с возрастом к нему пришло честолюбие? Базиль всегда был тенью Жореса, неужели он решил играть свою игру? Но домой он не написал ни одного письма.

– Вы удивлены, сигнора?

– К сожалению, мой младший сын не утруждает себя письмами.

– Мы напомним ему, что писать матери и сестре – его долг. Мы были рады видеть вас, сигнора.

Элеонора поняла намек и присела в малом придворном реверансе. Пьеру нравилось, когда даже близкие не забывают, что он король, а ей, пока Нора не родит сына, нужно быть безукоризненной. Жаль, что погибла Шарлотта, а Анастазия откровенно покровительствует Тартю.

Спускаясь по лестнице, Элеонора Гризье, волею зятя вновь ставшая Элеонорой Тагэре, приподняла тяжелую юбку цвета лаванды (когда-то этот цвет ей очень шел) меньше, чем следовало, наступила на оборку и споткнулась. Сопровождавший ее гвардеец поддержал мать королевы под локоть, та обернулась и поблагодарила. В последние годы жизни Филипп стал очень суеверен, споткнувшись, он менял все намеченные на день планы. Эллу это раздражало, она суеверной не была никогда.

Когда Элеонора вышла на крыльцо, ей пришло в голову, что перед встречей с детьми следует заехать в циалианскую резиденцию возблагодарить святую за Норину беременность. Ее спутник, несомненно, доложит Пьеру, где и зачем она была. Пьер знает, что она была тесно связана с Шарлоттой. Надо показать, что ее ничуть не расстроила замена бланкиссимы на Ее Иносенсию.

Элеонора окликнула кучера:

– Мы едем в обитель Святой Циалы.

– Да, сигнора, – ответил тот, – нам сказали.

2895 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. ТАЯНА

Разумеется, пьянка затянулась до глубокой ночи. Прекрасные данны удалились еще вечером, и мужчины гуляли на свободе. Царка лилась рекой. Александр, поняв, что пить вровень с хозяевами у него не выйдет, а обижать их нельзя, придумал незаметно сливать свою долю в здоровенную миску с остатками каких-то солений. Разоблачения арцийский король не боялся: никто из гуляк и не подумает убирать со стола, а женщинам с утра все равно, что и как мыть. Время летело незаметно. За последние месяцы Александр впервые оказался среди людей и был этому рад, хотя ему и не хватало Ликии, уведенной хозяйкой.

В усадьбе, куда Барсук привез нежданных гостей, их встретили с распростертыми объятиями, правда, Сандеру показалось, что хозяин, приходившийся Стаху двоюродным братом, рад был любому поводу для гулянки. То, что пить и есть в Таяне любят и умеют, Александр понял, едва лишь взглянув на обитателей поместья. Все, как на подбор, высокие, статные, с крепкими белыми зубами и улыбками во все лицо.

Таянцы разрывались между правилами учтивости, запрещавшими расспрашивать гостей, и любопытством. То, что пришельцы говорят правду, подтвердили четыре отряда следопытов, несмотря на зиму, неустанно стерегшие границу. Сандер сразу понял, что здесь идет война, и их с Ликией безоговорочно записали в «свои», причем именно потому, что пришли они через Тахену. Нужно будет расспросить Ликию, она явно знает о Таяне больше, чем рассказывала.

Александр был не прочь поговорить со своей колдуньей немедленно и не только о местных обычаях, но это было невозможно – хозяева только начинали веселиться по-настоящему. Откуда-то взялся инструмент, напоминающий гитару, но без женственного изгиба посередине. Немедленно разгорелся спор: одни требовали петь одно, другие – другое. Тагэре не знал ни одной из названных песен и просто рассматривал своих сотрапезников, вполуха слушая изрядно выпившего Стаха, долго и путано объяснявшего, как они по осени гоняли каких-то «рогатых» и как те были вынуждены убраться в какую-то Биллану. Сандер уже знал, что сам Стах в юности служил под началом Стефана Завгороднего, который был горбат, и куда больше, чем дан Александр, но был такой великий воин, что все против него – тьфу! Пыль и прах!

Про дана Завгороднего Тагэре слышал уже раз двадцать, и это его не обижало, отнюдь! Похоже, горбатый Стефан был

местной легендой, а в таянцах угадывались прирожденные воины. Уж это-то он понял сразу. Как и то, что пока одни пили, другие караулили.

В Таянской Фронтере жили, как живут рядом с войной. Когда за окном простучали копыта, сидящие в мгновение ока оторвались от царки и жареного мяса и схватились за сабли, готовые немедля куда-то мчаться и с кем-то драться, но приехавшие не были вестниками беды. Первым в комнату вошел давешний Золтан, который, едва сбросив заиндевевший плащ, потянулся к кубку, а вторым был... Луи Трюэль в таком же белом полушубке и рысьей шапке, что и таянцы. Александру показалось, что он все-таки напился, так как этого просто не могло быть. Луи опомнился первым и, не заботясь о том, сколько ног ему пришлось отдавить, бросился к Александру.

– Виват! – завопил Стах. Все гости, торопливо наполнив свои немалые кубки, шумно вскочили и заорали что-то не совсем понятное, но явно одобрительное и приветственное. Кто-то громко предложил немедленно заколоть еще одного кабана, кто-то требовал царки, кто-то загорланил приветственную песню, с готовностью подхваченную доброй дюжиной луженых глоток

– Они всегда так, – улыбнулся Луи, но голос его подозрительно дрогнул:

– Жабий хвост! Неужели же это ты?!

– Жабий хвост! Я! – Александр неожиданно для себя самого глупо расхохотался, видимо, царка взяла свое. В карих глазах Трюэля вспыхнуло удивление, он что-то попытался сказать, а потом тоже прыснул, а рядом как в бочку громыхнул ничего не понимающий, но всегда готовый порубиться или посмеяться дан Барсук.

2895 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. АРЦИЯ. МУНТ

Этот обморок был первым в жизни Элеоноры Гризье, по праву гордившейся и своим здоровьем, и своей выдержкой. Судьба ее никогда не баловала, но нет обстоятельств, с которыми нельзя спорить. Вдова заштатного барона поднялась на трон, и никто не знает, каких трудов ей это стоило. Все списали на ее красоту и легкомыслие Филиппа. О, тогда она и впрямь была хороша, а молодой король сходил с ума от высоких блондинок, но вовремя попасться ему на глаза оказалось непросто. Еще сложнее было раз за разом говорить «нет», не оскорбляя и не отталкивая.

Отец, мать, братья ничего не понимали, требуя, чтоб она

отперла Тагэре дверь спальни. Если б она это сделала, Филипп бы бросил ее, как бросал всех своих любовниц. Родные не смели и помыслить, что безродная Элла может стать королевой, а она ею стала, а потом удержала свою удачу, даже когда годы стали брать свое. Филипп хотел развестись и жениться на Дариоло Кэрне, но она договорилась с Шарлоттой, и та выдала мирийку за Артура Бэррота. Этот удар был первым из обрушившихся на нее и ее семью.

Филипп умер, оставив протектором брата, замысел Жореса немедленно короновать наследника и с благословения Церкви стать регентом провалился, а наследный принц принял сторону дяди. Королева-мать взяла себя в руки и помирилась с горбуном, но потом случилось самое страшное: ее брак был незаконным, она оказалась не матерью короля, а всего лишь постаревшей фавориткой. Впору было опустить руки, но она не сдалась, и вот ее дочь на троне и ждет ребенка. Если она родит сына, Пьер будет не нужен, но, чтобы довести дело до конца, нужно быть здоровой. Этот обморок – нехороший признак, нужно посоветоваться с несколькими медикусами. Неприятно, что ей стало плохо в храме, Анастазия должна считать мать королевы здоровой.

Предстоятельница старше на десять лет, а выглядит на двадцать моложе. Говорят, святым сестрам ниспослана благодать, но Элеонора в это не верила. Магия – и ничто другое! В свое время Элла умоляла Шарлотту помочь ей сберечь красоту, но бланкиссима лишь разводила руками и делала вид, что ничего об этом не знает. Отчего же все-таки загорелся храм? Страшная смерть...

Бывшая королева сделала над собой усилие и встала. Когда к ней войдут, нужно выглядеть бодро и привлекательно, а тут, как назло, когда она была без сознания, с нее сняли корсет. Без посторонней помощи его не затянуть, а без корсета не надеть платье. Хорошо хоть, сестры догадались положить рядом с кроватью белый балахон. Когда-то белый цвет ей изумительно шел, она всегда носила белое, сиреневое и желтое, а лучше всего выглядела в трауре по первому мужу. Строгое лиловое платье с белой оторочкой стало первым шагом к короне.

Элеонора накинула белое платье. К счастью, в комнате для гостей, обязательной для любой циалианской обители, имелось зеркало. Правда, посеребренные стекла уже давно не радовали, а оскорбляли, но теща Его Величества постаралась распределить складки самым выгодным образом и переплела волосы, которыми по-прежнему гордилась. Она как раз закалывала косу, когда на пороге появилась Ее Иносенсия. Это было добрым знаком, Анастазия редко удостаивала своим вниманием земных владык,

это они добивались ее аудиенции.

Элеонора Гризье преклонила колени и поцеловала сверкающий перстень.

– Прошу простить Ее Иносенсию. Я не знаю, почему мне стало дурно.

– Садитесь, сигнора, – произнесла Предстоятельница, подавая пример.

– Я чувствую себя вполне здоровой.

– Не сомневаюсь, ведь вам дали противоядие.

– Но...

– Вас отравили одним малоизвестным, но надежным ифранским ядом. К счастью, вы потеряли сознание там, где могли найти помощь.

Элеоноре показалось, что она ослышалась. Яд?! Но кто? Сторонники Тагэре предпочитают действовать мечами, хотя у погибших при Гразе остались матери, жены, любовницы. Яд – женское оружие.

– Ее Иносенсия спасла мне жизнь.

– Не думаю, что надолго. Здесь вы в безопасности, но только здесь. Мой долг и моя святая обязали спасать тех, кого можно спасти, но, быть может, я поторопилась.

– Ваша Иносенсия...

– Элеонора Гризье, – равнодушно произнесла Анастазия, – вы совершили достаточно преступлений. Заговоры против коронованных особ судит суд мирской, но святая Циала осуждает убийства и прелюбодеяния.

– Я БЫЛА женой Филиппа Тагэре, – выдохнула бывшая королева.

– Нет, и вы это прекрасно знаете. Бумаги сгорели, память о них тоже сгорит и скоро, но они были.

– Но вы же, – задохнулась Элеонора, забывая, с кем говорит, – вы же поддержали Пьера Тартю.

– Верно, ибо то, что он делает, идет на пользу ордену. Но я никогда не одобряла его решение жениться на незаконнорожденной и то, к чему это решение привело.

– Оно привело к тому, что у Арции есть королева и будет наследник.

– Сначала оно привело к тому, что у Арции появился законный король, которого никто не собирался допустить к трону.

– Мой сын еще несовершеннолетний.

– Ваш сын мертв, сигнора. Вернее, ваши сыновья мертвы. Убиты по приказу вашего зятя накануне свадьбы.

– Это ложь! Тартю разрешил мне свидание.

– Предварительно напоив вас ядом. Он не мог дольше тянуть, убийство решено свалить на Александра Тагэре, и чем скорей, тем лучше, но вы, сигнора, знаете, что племянники пережили дядю.

– Это знают многие!

– "Многие" забудут, мать вряд ли. По крайней мере, о матерях сложилось именно такое мнение. Мальчики были убиты по приказу горбуна в тот день, когда вы увезли их из дворца. Он разрешил вам это сделать, а ночью в Летнюю Резиденцию проник убийца. Думаю, ваши братья и старшие сыновья с этим согласятся.

– Кто их убил?

– Исполнители не важны, сигнора. Их убили вы, подсунув Пьеру Тартю дочь и потребовав признать ее принцессой Тагэре. Впрочем, до последнего он додумался бы и сам.

– Благодарю Ее Иносенсию. Я должна идти.

– Куда?

Куда?! Во дворец! Нет, сначала домой, у нее еще осталось зелье, отправившее Жаклин и Эдмона к райским вратам, Пьера оно отправит к адским. Домой, а потом к Тартю...

– Вы собираетесь мстить? Не советую. У вас ничего не выйдет...

– Ее Иносенсия покарает убийцу!

– Убийцу? В этом королевстве их слишком много. Я могла бы покарать убийцу Жаклин ре Фло и Эдмона Гаэльзского, но убийца наказал сам себя. У вас один выход, сигнора. Остаться в обители и замаливать свои грехи. В свое время Пьер Тартю предстанет перед высшим Судом, но не раньше, чем исполнит то, что обещано ордену.

– Я не останусь!

Элеонора попробовала встать и не смогла, придавленная чудовищной тяжестью. Королева рванулась еще раз. Бесполезно. Она закричала, но губы не пожелали разжаться.

– Вы никуда не уйдете, Элеонора Гризье, – сообщила Ее Иносенсия. – По крайней мере, сейчас. – Узкая рука потянула шнур звонка, и дверь тотчас распахнулась, пропустив худощавую циалианку средних лет.

– По приказу Ее Иносенсии.

– Сестра Теона, – губы Анастазии тронула легкая улыбка, сделавшая ее еще прекраснее, – наша гостья остается с нами. Ее Величество решила оставить мир и оплакивать свои потери в стенах обители. Более того, она дала обет молчания и полна решимости его исполнить, не дожидаясь пострига.

Проводите новую послушницу в нижние комнаты. Я

освобождаю ее от обязательной работы. Отведите ей келью, в которой ранее жила сестра Алмерия, и проследите, чтоб она ни в чем не нуждалась. Ее обет свят, никто из вас не должен нарушать ее уединения. Идите, дочери мои.

Элеоноре хотелось закричать, распахнуть дверь, вырваться из обители на площадь, поднять бунт против узурпатора и убийцы, но ее тело покорно встало, преклонило колени перед ледяной красавицей в белоснежном одеянии, облобызало полыхнувший свежей кровью рубин и побрело к выходу.

Анастазия проводила глазами бледную, полную женщину, покорно плетущуюся за провожатой, и подождала, пока закрылась дверь. Пьер при всем его уме глуп – прилюдно хвалить ифранские яды, а потом отравить мать жены и отправить умирать в храм. Случай с принцами его ничему не научил. Вернее, научил – не доверять стали и чужим рукам… И все равно шить белыми нитками можно только белое.

Элеонора будет жить и молчать. Это дополнительная узда на Тартю. Кроме того, белобрысая корова успела нарожать прорву детей. Двое мертвы, один слеп, но Базиль Гризье может пригодиться, а девчонки наверняка выйдут замуж в самые влиятельные семьи. И это, не считая королевы и будущих наследников. Поймал кошку – поймал и всех ее котят. Магия крови – великая вещь, противиться ей могут лишь избранные.

2895 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. АРЦИЯ. МУНТ

Румяный барон восседал во главе ломившегося от снеди и выпивки стола, красноречивым жестом приглашая всех желающих к нему присоединиться. Вывеска таверны «Щедрый нобиль» по праву считалась лучшей в Мунте, но кухня заведения была ее достойна. Увы, в последние месяцы посетителей поубавилось во всех столичных тавернах и «Нобиль» исключением не был. В самом деле, что за попойка, если нельзя брякнуть все, что заблагорассудится? Вот и нынешней ночью в уютном зале собралось куда меньше народу, чем хотелось хозяину. Несколько Ифранских дворян, распоряжавшихся в Мунте, как дома, строившая им глазки куртизанка, помощники дарнийского негоцианта, решившие, что лучше вовсе не ложиться, чем рано вставать, и двое нобилей, пристроившихся в дальнем углу.

Старший, седой и голубоглазый, заплатил вперед, бросив на стол необрезанную «Филиппу»[8], чем вызвал у трактирщика глубочайшее уважение, усилившееся после того, как гость

потребовал дюжину бутылок «Львиной крови». Хозяин опасался, что подвыпившие ифранцы станут задевать столь достойных сигноров, но гуляки не обращали на них никакого внимания, чего нельзя было сказать о седом и его товарище.

– Не думал, что такая ерунда, как пьяные иноземцы, может вывести меня из равновесия, – заметил Рене Аррой, разливая вино, – еще одно доказательство, что я все-таки жив.

– Предлагаешь их прикончить? – задумчиво произнес Эрасти Церна, – пожалуй, можно. Обнаглевшим гостям следует намекать, что они не хозяева, а магия здесь без надобности. Семеро на двоих – это немного.

– Мало, – улыбнулся Аррой, – но я готов поделиться.

– Значит, мы их «проводим». Думаю, будет честно, если каждый возьмет себе троих, а седьмой пусть убирается. Тартю полезно знать, что маркиз Гаэтано жив, здоров и недалеко.

– Тоже верно, – Аррой поднял бокал, – чтобы оценить вкус вина, нужно ненадолго умереть.

– Или выбраться из клетки. За победу, Рене, и за тех, кто с нами!

– За победу и за тех, кто с нами и не ударит в спину, – уточнил Скиталец, – я верю, что ты знал, что делал, показавшись Анхелю, но ему я НЕ верю. Если выбирать из четверки грешников, то Филиппа.

– Не согласен. Филипп искренне протянет нам руку, а потом предаст. Не из корысти, из слабости. Я знаю, чего и когда ждать от Анхеля, а когда и на чем сломается Филипп – не угадать. И потом, как бы мы его ни искали, а мой лучший друг не мог не явиться в свой дворец. Надо сказать, он почти не изменился.

– Я тоже почти не изменился, – засмеялся Рене, – по крайней мере, так говорят эльфы, но я вернулся сам, и я свободен, а твой Анхель – раб, причем двойной, если не тройной, и при этом он знает только одного хозяина.

– Которого ненавидит и презирает. Уже немало. Рене, ты сможешь их уничтожить? Всех четверых?

– Думаю, что да. Мы – твари одной породы, значит, станем драться одним оружием. Я – один, но я вернулся раньше и успел привыкнуть к тому, кем стал. Если мы схлестнемся, наша магия уничтожит сама себя, и тогда все решат мечи. Это будет обычный бой Эрасти, только убитые больше не вернутся. Их не будет нигде, даже за Чертой.

– Обычный бой одного против четверых, – покачал головой Эрасти, – странное у тебя понятие об обычности. Не знаю насчет Жоффруа и Лумэна, но Анхель – сильный воин.

– Я сильнее, – равнодушно откликнулся Аррой, – и я не

удивлюсь, если Филипп Тагэре встанет рядом со мной. Если б ты не удерживал меня, я б уже начал охоту. Их надо прикончить, и Тартю с его прихвостнями в придачу. Мне плевать на пророчества насчет тронов и бастардов, но эту мокрицу нужно раздавить.

– Вместе с орденами и ифранской сворой, я полагаю? Мы могли бы чудесно провести время, истребляя негодяев и спасая праведников.

– Вот уж кого не терплю, – хмыкнул Рене, – так это праведников. Посмотрели бы они на нас, кстати. Сидим в таверне, попиваем вино, собираемся прирезать каких-то ифранских наглецов... И это Проклятый и Скиталец! Несерьезно как-то!

– Переберемся на кладбище, – предложил Церна, – или на крышу сожженного храма? Рене, я не сомневаюсь, что после свершения Последнего Греха ты, шаля, справишься со всеми орденами, не говоря о смертных, что позорят сей бренный мир.

– Спасибо за доверие. Я в тебе тоже не сомневаюсь, а в эрмет[9] я раньше играл неплохо, хоть и не любил это дело. Да, мы «темные» и должны лишь отвечать, но правильно ли это? Может, лучше смахнуть фигуры с доски до того, как невидимки сделают свой ход?

– Я думаю об этом, – лицо Эрасти стало жестким, – если б не лиловый клирик, я бы рискнул, но начал не с орденов и не с Четверых, а с Вархи и только с Вархи. Втроем с Геро мы бы разнесли ее вдребезги, кто бы там ни засел, но эта церковная дурь заставляет задуматься. Почему ты не ищешь Геро?

– Потому что люблю, а сейчас нужно ненавидеть. Да и она... Ты сказал, что она бросилась в огонь из-за меня, а не из-за Тарры. Это похоже на Геро, но Эстель Оскора должна быть свободна от любви, иначе она дрогнет. И еще одно. Ты был учеником Ларэна, Эрасти, и ты раскопал правду о Белом Олене и Темной Звезде...

– Да, и что?

– А то, что я теперь в той же цене, что и Ройгу. Я НЕ знаю, что будет, если мы встретимся. Ты готов поклясться, что союз Эстель Оскоры и Вернувшегося не станет гибелью Тарры и что Геро переживет нашу встречу? Ты не знаешь, как водить на цепи собственную смерть и не давать ей сожрать тех, кто рядом? Я не могу потерять голову даже на миг...

– Геро все равно узнает, где ты и что с тобой.

– Знать – одно, встретить – другое. О, кажется, наши «друзья» собираются уходить.

Ифранцы и впрямь поднимались, опрокидывая стулья и отпуская дежурные шуточки в, адрес трактирщика, Мунта, Пьера, Арции и Триединого. Заплатить гости заплатили, но куда меньше,

чем съели и выпили. Хозяин молча взял монеты, радуясь, что обошлось без драки. Не успела за гуляками закрыться дверь, как двое арцийцев поднялись со своих мест.

– Похоже, тебя обсчитали, – собеседник седого вышел на свет, и хозяин чуть не свалился в обморок, узнав маркиза Гаэтано, – на, держи, – в дрожащую руку упала еще одна Филиппа. – Нобили должны быть щедрыми.

– Благодарю монсигнора, но он рискует.

– Жизнь – это танец со смертью, почтеннейший. Ты нас не видел, мы здесь не были.

Когда утром молочник рассказал, что через семь домов от таверны на углу улицы Святого Эрасти нашли шесть трупов порранцев, трое из которых были убиты ударами в горло, а трое – в сердце, добрый трактирщик не удивился.

2895 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. ТАЯНА

– ...и мы пошли в Таяну, а остальное ты знаешь, – Сандер поискал глазами, куда бы деть пустой кубок, и, не найдя на столе свободного места, подошел к окну и поставил на подоконник.

– Жабий хвост, – Луи потряс головой, словно отгоняя наваждение, – что у тебя с ногой?

– С ногой? – Тагэре удивленно посмотрел на свои сапоги. – Ничего...

– Ты больше не хромаешь!

– Святой Эрасти, как быстро забываешь о плохом... Да, не хромаю. Мне повезло, ифранцы перебили мне именно те кости, что не правильно срослись, и Ликэ меня вылечила от двух ран сразу. Жаль, ее хозяйка увела, вы должны стать друзьями.

– Да за то, что она для тебя сделала, я ее на руках носить буду!

– Не надо, – засмеялся Александр Тагэре, – я сам...

– Вот как, – карие глаза Луи блеснули прежним блеском, – значит, ты влюблен? В такое-то время...

– А в другое у меня вряд ли бы получилось. Мы и встретились, потому что война, потому что я проиграл и умирал. А от тебя ничего не спрячешь! Одно слово – внук Обена.

– Последний внук... Сандер! Мы надеялись, что ты жив, но... Проклятый, да я сегодня впервые за полгода усну спокойно! У меня снова есть король, как же это приятно. Давай выпьем!

– Мы и так целую ночь пьем.

– За такое месяц – и то мало... Если серьезно, знал бы ты, как

я устал... Я ведь думал, что я один. Это потом мне сказали про Рито, про тебя... Вообрази, Хайнц объявил меня командором и потребовал приказаний.

– Ну и?..

– Ты же знаешь дарнийцев, не отстанут, пока своего не добьются. Так что пришлось мне их строить и вести вместе с Шаотаном и другими уцелевшими к Лосю. Ты не представляешь, чего я натерпелся. Все время думал, что будет, если Рорик предаст, ведь это я их в Гвару тащу, и никто другой! Все время дергался, то хотел повернуть на Эльту, то вовсе в Оргонду, а эта дубина Хайнц только и делал, что ныл. То одно ему прикажи, то другое... Думал, с ума сойду. И как ты с целым королевством управлялся?

– Так же, как и ты, – улыбнулся Сандер, – думал, с ума сойду. Ну, командор, что делать будем?

– Жабий хвост, ты не только хромать перестал, ты дразниться начал. Какой я, к Проклятому, командор?!

– Арцийский! – твердо ответил Александр. – Если я – твой король, то ты – мой командор, а будешь спорить, станешь маршалом. Ты, как я понимаю, сюда за помощью приехал и устроил это Лидда?

– Кто ж еще, они со здешним королем давно переписываются. Правда, все больше по торговым делам. Лидда с Лосем хотят поднять Эстре, но этого мало. Рассказать тебе про таянцев?

– Конечно, но они мне уже нравятся.

– Еще бы, они всем нравятся, кроме тех, кому ОЧЕНЬ не нравятся. Ты про Войну Оленя хоть что-то знаешь? Я не про церковную брехню.

– Представь себе, знаю. Я читал письмо Усмана, и Ликэ кое-что рассказывала.

– Да, Сандер, непростую подружку ты себе нашел,

– Луи, не называй ее так. Она не подружка.

– Прости... Я поглупел, наверное.

– Давай лучше про Таяну. Я знаю, что здесь было шестьсот лет назад, а что теперь?

– Таяна воюет, Сандер. С фронтерцами, но это так, развлечение, и с соседями с севера и северо-востока. Эти хуже. Уж на что я наших антонианцев не терплю, но в Биллане и Тарске заправляет такое, в сравнении с чем покойный Орест покойным же Пьером покажется. Там и жертвы человеческие, и прочая похабень. Это не шутки и не вранье. Помнишь тех тварей, что в Лиарэ детей и девчонок убивали, из-за чего Марту чуть не сожгли? Они из здешней стаи! Короче, если б ни Таяна, эта нечисть уже по всей Арции бы гуляла, но и это не все... Мы с

тобой выпили хорошо, но я понимаю, что говорю. Тут живут орки и эльфы.

– Орки и эльфы? – Александру показалось, что он ослышался.

– Орки, ну, это они сами себя так кличут, а люди их гоблинами называют. Это горцы. Забавные такие, чем-то Лося напоминают. С непривычки чуть ли не чудищами кажутся, а приглядишься – ничего себе, даже красивые по-своему. Здоровенные, смуглые, глаза желтые, и вообще морды рысьи какие-то. Выносливые, как кони. Сами про себя говорят, что у них нет души, верят в Старых богов, ну, то есть совсем в Старых, потом расскажу. Так вот, есть южные гоблины, а есть северные. Южных еще рэнноками называют, они – союзники Таяны, но их меньше, чем Северных,

– А северные – враги?

– Смотри-ка, а ты не поглупел, с ходу все понимаешь. Северные в союзе с этими самыми Билланой и Тарской, но зато там люди подгуляли, до таянских конников им, что Рогге до Мальвани. Ну да Проклятый с ними со всеми, ты пословицы-то помнишь? «Красив, как эльф», «Поет, как эльф» и так далее?

– Помню, конечно…

– Ну так вот, они и вправду есть. Эльфы то есть. Я видел пару штук, и впрямь красавцы хоть куда. В придачу бессмертные, вечно молодые и магией владеют да так, что закачаешься. Как поют, правда, не слыхал, но, думаю, неплохо. Правда, мало их, но зато они на нашей стороне… Я должен был к ним поехать, как с границы вернусь, меня же Золтан из засады выдернул… Ничего, теперь к эльфам вместе отправимся, только Новый год отгуляем.

– Ты меня совсем запутал. Эльфы, орки, Новый год. Бред какой-то.

– Новый год отнюдь не бред. До него девять дней осталось, Анджей тебя раньше не отпустит.

– Анджей – это король? Стах вроде говорил.

– Он самый, Анджей Гардани. Не будь ты моим королем, я бы к нему подался. И дети ему под стать, четверо сыновей и дочка, будет красавицей, уже сейчас видно, а пока – бесенок в юбке. Да, у короля, вернее, у королевы, есть две племянницы. Жаль, Тартю решил жениться на Норе Вилльо, а не на младшей Ракаи. Он ее заслуживает…

– Неужели так страшно?

– Снаружи – нет, а внутри надо б хуже, да некуда. Она и тетушку свою измучила, и сестру, как Беата только ее терпит…

– Беата?

– Так зовут старшую.

– Я понял.

– Жабий хвост, ты о чем? – Луи неестественно расхохотался.

– Если хочешь, ни о чем, но ЕЕ зовут Беата.

– Сандер, не шути так. Я и видел-то ее всего раза четыре. Нас Ежи познакомил.

– Ежи?

– Ежи Гардани, наследник Анджея. Тут все друг друга по именам называют или по прозвищам. И на «ты». Выпили по-особому, и все. Никаких титулов, если ты свой! Они вокруг да около не ходят и на завтра ничего не откладывают. Из-за войны, наверное. Мы себя воинами считали, но у нас все не так – сложнее и похабнее. И с врагами миримся, и с друзьями ссоримся. Еще бы, у нас от войны до войны и десять, лет проходило, и все пятьдесят, а тут... Зато Стэнье и Вилльо тут не найдешь. Нет им здесь места! – Луи вскочил, и Сандер понял, что он пьян и сильно пьян. – Хайнц хочет разрубить эту тварь пополам, но я ему не дам. Не дам, слышишь?! Стэнье не умрет сразу, он будет подыхать десять, сто раз! По разу за каждого... Ты понимаешь, что нас осталось трое?!

– Четверо, – тихо проговорил Александр, – даже пятеро: ты, я, Рито, Сезар и Поль... Ты кого-то забыл.

– Сезара не было в Гразе. Поля тоже. Они наши, как Жорж, Лось, Лидда, но их там не было! Не было! – Луи сорвался на крик. Раньше он никогда не кричал, только смеялся. Сандер вскочил и схватил друга за плечи.

– Прекрати! Немедленно! Я тебе приказываю, Проклятый тебя побери! – Луи вздрогнул и посмотрел на своего короля взглядом только что разбуженного человека. Нет, он не был пьян, просто выдержанное горе пьянит не хуже выдержанного вина. – Хватит, Луи, – повторил Сандер, – принеси мне вина, и выпьем за всех, кто остался в Гразе. Они все равно с нами, пока мы живы, они нас в беде не бросят.

Луи кивнул и вышел. Сандер отошел к окну, глядя на холодную, зимнюю зарю. Странная земля, странные люди, верные прошлому и самим себе. Как же отсюда далеко до Мунта, но он вернется домой, обязательно вернется. Скрипнула дверь. Луи принес не вино, а царку, но это было даже лучше. Сандер наполнил высокие серебряные стопки, украшенные изображением рыси. Луи Трюэль молчал, губы у него дрожали, и Александр прекрасно понимал почему. Все эти месяцы Луи держал себя на цепи, он отвечал за других, ему было не до собственной боли, но теперь за все вновь отвечает король. Напряжение спало, и накатило отчаяние.

– Луи, – Сандер поднял стопку, – пока жив хотя бы один из «волчат», живы все. За нас, живых и мертвых. И за победу.

– Арде!

Царка была крепкой и к тому же настоянной на чем-то остром, Александру показалось, что он хватанул жидкого огня. Луи тоже зажмурился и затряс головой, но когда друг открыл глаза, Сандер понял: граф Трюэль с собой справился.

Нэо Рамиэрль

Падение в Бездну казалось бесконечным и не страшным, а прекрасным. Как часто мы считаем смертью то, что становится началом жизни. Рамиэрль знал, что они летят в пропасть, но знать и чувствовать – разные вещи. Нэо казалось, что время остановилось и он тоже стоит на месте, а мимо них несутся алые и багровые искры, словно идет пылающий снег, и искр этих становится все больше и больше, они сливаются в пламенные язычки, колеблясь и танцуя, как огоньки свечей. Огоньки превращались в огни, огни в костры, костры в сплошную огненную стену. Эльф понимал, что нужно ставить защиту, собственно говоря, это следовало сделать сразу же, как они шагнули во тьму, но ему было лень. Затянувшийся прыжок в никуда казался сном, тем самым сном, в котором приходит ощущение полета и невозможной, всепоглощающей радости. Нэо забыл даже о друзьях, завороженный незнакомыми ощущениями. Когда его ноги коснулись упругой поверхности, он, вопреки всему, почувствовал себя обиженным. Сказка кончилась, начинались странствия.

Тропа встретила их горной свежестью и забытым ощущением покоя и безопасности. Кто бы ни создал коридор, начинавшийся у врат Луцианы, он надежно защитил любого путника от багрового пламени, бушевавшего за невидимыми стенами. Света хватало, и Рамиэрль мог разглядеть удивленные лица своих спутников, да и сам он вряд ли выглядел умнее. Они были готовы ко всему – от мгновенной гибели до опасностей семицветного пути, по которому они с Норгэрелем вырвались за пределы Тарры, а оказалось, что никакого риска нет. Их ждала торная дорога, словно бы сама бежавшая навстречу, свежий ветер, доносивший шум отдаленных потоков и непонятная, но несокрушимая уверенность, что уж теперь-то все будет хорошо.

Рамиэрль загадал, что, если первым заговорит Норгэрель, они сразу же отыщут Ангеса, а если не выдержит Аддари, им придется немного поплутать. В последнем Нэо, к слову сказать, не сомневался, равно как и в том, что по натуре живой и общительный Солнечный не преминет поделиться своими

чувствами со спутниками. Разумеется, так и оказалось.

– Что это? – Аддари закинул голову вверх, рассматривая пламенные своды, жара от которых не ощущалось.

– Видимо, Бездна, – засмеялся Роман, протянув руку в тщетной попытке коснуться немедленно отступившей стены. – Альмик много потерял, что мы не дали его низвергнуть. А где Волчонка?

– Пошла домой, – предположил Норгэрель. Скорее всего, он был прав, но Роман ощутил странную досаду, Тварь-из-Бездны казалась такой верной и привязчивой. Настроение безнадежно испортилось, но Нэо давно приучился скрывать свои чувства, да и Аддари с Норгэрелем не были виноваты в забывчивости лльямы.

– Домой так домой, нам тоже пора.

Как все же иногда приятно не иметь выбора. У них был только один путь по коридору в океане пламени, и они им воспользовались, но путешествие оказалось коротким. От багрового свода медленно отделился лепесток, он загибался внутрь коридора, затем на его конце вспыхнула синяя звезда, но звездой она пробыла очень недолго. Лучи засыпающим цветком загибались внутрь, охватывая огненный вырост, который, в свою очередь, изо всех сил тянулся к путникам. Трое эльфов с недоумением наблюдали, как на сгусток пламени натягивается синий, переливчатый «чулок», затем пуповина лопнула. Синий «мешок», оторвавшись от породившего его огненного моря, повис в воздухе, неистово извиваясь, его очертания стремительно менялись, и, наконец, к Роману бросилась его огненная спутница, заботливо окруженная защитным коконом.

Обжечь лльяма не могла, но вот сбить с ног… Роман с трудом выдержал проявление бурной радости и, смеясь, отвел от себя сверкающую «морду».

– А я рад, что она вернулась, – признался Аддари, – без нее было как-то… Словно нас бросили. Но куда она делась и как появилась?

– Слилась с пламенем, – предположил Норгэрель, – а когда мы пошли, бросилась нас догонять. Тот, кто создал дорогу, озаботился, чтобы лльямы не причиняли вреда путникам, хотя проще было бы ее просто не пропустить.

– Не знаю, – Рамиэрль погладил прохладный синий загривок, и обрадованная лльяма предприняла очередную попытку опрокинуть своего кумира. Чувствовать прикосновение через кокон она не могла, но ей было довольно внимания. – Вот уж не ожидал от нее такой привязчивости.

– Врешь, ожидал и даже очень, но теперь можно немного и пококетничать.

– Неужели она всего лишь часть этого огня? – Норгэрель, как всегда, задавал нужные вопросы. – Тогда это пламя живое?

– Не думаю, скорее искра, каким-то неведомым образом заработавшая что-то вроде души и разума. Как бы то ни было, Волчонка, хорошо, что ты вернулась. А теперь пошли.

Упрашивать лльяму не понадобилось. Высоко подпрыгнув на месте, что у нее и раньше служило проявлением радости и согласия, огневушка опрометью бросилась вперед.

2895 год от В.И. 20-й день месяца Сирены. АРЦИЯ МУНТ

Тиран повержен. Жертвы отмщены
И да покоятся отныне с миром.
Прочь, царство крови, прочь!
Заменим меч на лиру,
Мы светом правоты своей сильны!

Высокий красивый актер, чье сходство с Пьером Тартю ограничивалось лишь наличием рук, ног и головы, с пафосом поднял одной рукой огромный двуручный меч. Картонный, разумеется. Отрок-хорист в белом, изображающий спасенную принцессу Элеонору (изначально царевну Галлиопию), преклонил перед спасителем колена и увенчал оного весьма кстати оказавшимся в страшной темнице венком из белых лилий. Актер снова поднял меч и заговорил о торжестве справедливости и закона и преимуществе сохранения добродетели и девственности" потом передал меч стоявшему сзади рыцарю, взял прекрасную деву на руки и унес под звуки фанфар.

Театр взорвался восторженным ревом. Горожанки в кружевных наколках утирали слезы, мужчины были более сдержанны, но небывалое зрелище проняло и их.

Актеры вышли на поклон. Высокий красавец в короне снова поднял меч, подошел к краю сцены и проникновенно прочел сонет о союзе меча и розы. Когда в притихшем зале прозвучала последняя фраза «так мир спасает Добродетель», все женщины были готовы пойти за прекрасным и благородным Тартю на край света и дальше. Каждая дама чувствовала себя королевой, красавицей, счастливо избежавшей бесчестия и постылого брака, а каждый мужчина был суровым и непобедимым бойцом, защитником справедливости и победителем тирана.

Бриан от восторга стиснул брата в объятиях, но аскетическое лицо старшего Перше было возмущенным и испуганным.

– Зачем ты это сделал? – Арман обладал достаточно громким голосом, и Бриану стало не по себе от мысли, что кто-то их услышит.

– Поговорим дома…

– Нет, – настаивал Арман, – нужно сейчас. Нужно выйти и сказать, что это ложь, что они смотрели не ту пьесу. Я не мог написать такого! Не мог и не написал.

– Ты и не писал, – торопливо зашептал Бриан, – мы писали вместе, я немного тебя подправил…

– Подправил?! – взвился поэт. – Ты все извратил! Все! Я на примере древнего тирана хотел показать, что цель не оправдывает средства, нельзя идти к трону по трупам, ибо возмездие неизбежно… А что сделал ты? Все знают, что у Александра не было любовниц и что он защищал своего брата-пьяницу. А королева, она же с родичами всю страну разорила, а тут все наоборот! Нужно объяснить…

– Да погоди ты! – зашипел Бриан. – Ты подумай, у нас теперь свой театр. Твои пьесы будут идти, их увидят люди. И все потому, что я догадался немного переделать одну трагедию. Ну, поменял я имена. Но ведь это и все. И какой успех!

– Но это не правильно, – поэт продолжал возражать, но Бриан услышал в его голосе неуверенность и поспешил развить свою мысль.

– Что не правильно? Что ради Театра, ради того, чтобы люди смогли увидеть твои пьесы и приобщиться к высокому искусству, стать добрее и умнее, пришлось пожертвовать памятью одного короля? Да через сто лет всем будет плевать, каким он был, этот Александр Тагэре, тем более после него не осталось ни семьи, ни друзей. Искусству он, кстати говоря, не помогал, ему воевать и возиться с грязными крестьянами было важнее. Я портил глаза за чужими бумагами, а ты и вовсе. – Бриан осекся, так как напоминать брату, что тот сидел у него на шее, в данный момент не стоило… – Нет, Арман, мы Тагэре ничего не должны. Зато теперь твоя пьеса будет жить и разоблачать тиранов всех времен и народов. Мы пожертвовали одним человеком, который все равно умер, ради высшей цели, высшей справедливости. Не все ли равно, кто говорит последний монолог: Пьер Тартю или Ариэн Великолепный, главное – смысл и форма. Чего тебе еще нужно?

А потом, если подумать, что мы знаем про Тагэре. Он вполне мог скрывать свои преступления, ведь Церковь поддержала нового короля, и вообще, нам нужно подумать о новых спектаклях. Теперь для разнообразия нужна комедия.

– Комедия? Может быть, возьмем Лаису и Луиса?

– Пожалуй…

– Господа, – сигурант в алом королевском бархате подошел к братьям Перше, и выражение его лица было необычайно любезным. – Его Величество наслышан о представлении и желает увидеть его во дворце во второй день Нового года.

– Вот видишь, – торжествующе заявил Бриан, – мы станем королевской труппой. Ты будешь писать свои пьесы, я их править и ставить. Мне не надо будет больше корпеть над бумагами и решать, кому сначала платить – молочнику или зеленщику, а у тебя будет театр и зрители. Ты сможешь объяснить народу, что такое добро, зло, любовь, правда, и все это потому, что я в одной пьесе переделал имена. Ну, согласись, оно того стоило!

Эстель Оскора

На первый взгляд, Гелань не так уж и изменилась, но меня это почти не тронуло. Я прекрасно помнила, что со мной творилось, когда мы с Эстелой оказались в Мунте. Тогда прошлое чуть меня не задушило, но столицу Таяны я оставила сразу после своего «второго рождения» в домике лекаря Симона. Я не успела ни полюбить город, ни возненавидеть и поэтому была спокойна.

Стах и Золтан, добровольно ставшие моими рыцарями, с гордостью указывали мне на местные достопримечательности, я кивала и делала большие глаза. Все были довольны и исполнены собственной значимости.

Доставшаяся мне белая длинногривая кобыла была славной лошадкой, но управиться с ней без помощи эльфийской магии я вряд ли смогла бы. К счастью, мои спутники этого не знали и смотрели на меня с уважением, как на хорошую наездницу. Мы ехали по трое в ряд по веселым и шумным улицам, нам махали из окон, по бокам кавалькады бежали с деревянными саблями мальчишки. Таяна была красивой, свободной и диковатой, как необъезженная лошадь. «Тварь-из-Моря» то ли ничего не могла с ней поделать, то ли не сочла нужным, сосредоточившись на Арции.

Я улыбнулась дану коронному и украдкой глянула вперед, на Александра. Утром мы чуть не подрались, но я настояла на своем: рядом с королем Арции должны ехать таянский принц и граф Трюэль, а не лесная ведьма, кем бы она ему ни приходилась. Иногда Сандер бывал ужасно упрямым, но Луи как-то его уболтал, полагаю, с помощью очередных рыцарских глупостей насчет моей репутации, словно мне могло что-то повредить. Как бы то ни было, Александр Тагэре занял почетное место во главе процессии, а я оказалась между рубакой Стахом и изящным

Золтаном, которые наперебой рассказывали мне о таянских делах и обычаях. За прошедшие шесть веков здесь случилось немало, но Таяна осталась сама собой, не то что Арция. Конечно, дружба с гоблинами и эльфами и бесконечные войны наложили свой отпечаток, но ядро осталось прежним.

Наши дрыганты весело цокали подковами по булыжным мостовым, я узнавала улицы и площади. Дома в центре стали повыше, прибавилось статуй и памятников, а в лицах многих горожан отчетливо проступали гоблинские черты, но это была Гелань. Это были друзья и союзники. Мы миновали площадь Ратуши с ее четырьмя фонтанами и свернули на широкую улицу, которой я не помнила и не могла вспомнить, так как появилась она много позже моего ухода. Улица Гардани, так ее назвал Золтан – и тут прошлое наконец-то схватило меня за горло. Когда-то Шани Гардани был моим лучшим другом, он знал про меня все. Даже больше, чем Рене, а теперь от него осталось лишь имя и...

Работу Клэра я узнала сразу! Улица Гардани пересекала другую, и на перекрестке кто-то (кто-то... эльфы, разумеется!) разбил сад, посредине которого стоял конный памятник, казавшийся живым. Гардани в одежде рядового «Серебряного», которую он всегда носил, легко сдерживал расшалившегося коня, одновременно вглядываясь куда-то вверх, словно следя за пролетающей птичьей стаей. Я не могла оторвать взгляда от лица Шани, казавшегося чуть старше, чем тогда, когда мы расстались. Как оказалось, навсегда.

Я знала о мечте Клэра повторить Всадников Горды, передав в камне ощущение мощи и полета, не знаю, удалось ли это ему, но Шандер! Я хорошо помнила это его выражение – задумчивое и вместе с тем твердое. Для меня он умер только сейчас, потому что одно дело понимать, что в одну реку дважды не входят, а другое вернуться к тем, с кем ты говорил, смеялся, пил из одного кубка, и взглянуть в глаза каменному изваянию.

– Данна Ликия устала? – иногда чужая забота вызывает искреннее желание убить. Я улыбнулась.

– Нет, я просто засмотрелась. Такой красоты нет даже в Мунте.

– А то ж, – Барсук очередной раз подкрутил многострадальные усы, – то ж не абы кто, а эльфы делали. Они с покойным крулем не разлей вода были, вот и сделали статую. Чисто живой, глаз не оторвать! А конь! Каждую волосинку в гриве посчитать можно.

– Эльфы? – я не сумела себя сдержать, но Стаха дрожь в моем голосе нисколько не удивила.

– Они! Дивный народ! Данна ж не знает, они ж с Арции ушли и теперь у нас живут. Мы союзники и друзья. Мы их защищаем от «рогатых» и прочей погани, а они нас от Зла, что в Вархе засело. Мало их, здесь они редко бывают, разве что когда круль умрет да гомона нового назовет. Но к себе кое-кого пускают. Я, – Стах подбоченился, – был у них аж три раза. Они, эльфы то есть, вроде людей, только красивые, глаз не оторвать, и старости не знают. Зато, уж простите, данна, с детишками у них плохо, потому и мало их. Грустные они, как деревья по осени, хотя Круль ихний, Емзаром прозывается, посильнее будет.

Эмзар! Он жив и в Таяне. Стережет Варху и дружит с домом Гардани. А Клэр с ним и утешился в творчестве. Я должна их увидеть, но не сразу, не надо привлекать внимание к своей персоне. Я всего лишь арцийская колдунья, спасшая раненого короля и ставшая его любовницей. Здесь идет война, и, надо полагать, чужих ушей в Гелани хватает, ройгианцы всегда умели шпионить. Мне хотелось расспросить про Шани, но я боялась не выдержать и проговориться, и еще я мучительно не хотела услышать что-то вроде «вот так он и умер». Я до сих пор думала о нем, как о живом. Воистину, Геро, тебе следует дружить лишь с эльфами, над жизнями которых время не властно…

Памятник остался сзади, город тоже, мы перешли так и не смиренную зимой Рысьву и поехали вдоль берега. Стах продолжал меня развлекать, показывая то башни иглеция святой Марты, на могиле которой даже зимой не вянет шиповник, то огромное засохшее дерево, на котором внук Шандера и Иланы повесил пять десятков ройгианцев, попытавшихся проникнуть в Высокий Замок, то замковую гору, закрывавшую чуть ли не половину неба.

Все эти годы я не вспоминала об этом месте, и зря! Оно было пропитано древней Силой, и оно было прекрасно. Мощные укрепления, трижды опоясывавшие крутой холм, вернее, невысокую гору, рвущиеся в небо башни, над которыми реяли сигны Гардани.

Здесь я провела почти два года, полюбила принца Стефана, вышла замуж за его отца, зачала ребенка от Ройгу, а потом бежала вместе с Преданным, давным-давно сгоревшим на алтаре Ангеса в Сером море. Стефан… Ну почему я не могу хотя бы взгрустнуть, вспоминая о нем, а один лишь вид герба Гардани заставляет меня дрожать? Я ведь любила наследника Ямборов, так любила, что пошла против воли отца, которого боялась до обморока. Боялась, пока не пришла в себя в халупе на Лисьей улице и не увидела над собой лицо Романа. Неужели он тоже здесь? Он должен знать про Рене, а я, я должна извиниться перед

ним за украденное Кольцо, которое вернула истинному владельцу, знать бы еще, где этого Проклятого сейчас носит.

2895 год от В.И. 24-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Обсаженная высокими кленами дорога извивалась вместе с рекой, на голубом снегу синели заячьи следы, синевой было пропитано все, зима кончалась да и год тоже.

– Ну, опять задумался, – Луи старательно засмеялся и столь же старательно добавил:

– Жабий, знаешь ли, хвост!

– Задумался, – не стал отпираться Александр. – Великолепный замок, я бы его брать не решился.

– Высокий Замок один раз взяли, – тихо сказал ехавший рядом принц Ежи, – предательством и обманом, разумеется. Михай Годой. Вы слышали о таком?

– Война Оленя... Мне рассказали, как было на самом деле. Мы в Арции выросли на лжи.

– Именно, – вмешался Луи, – здесь тебе многое расскажут, а будет время, сходи в галерею на портреты посмотри. У нас кое-кого попрятали, а здесь висят. Я сначала поверить не мог...

– А я заранее верю, хоть пока не знаю, во что. – Последний из Королей потрепал Садана по шее и оглянулся, ища взглядом Ликию. Та ехала чуть сзади со Стахом Тондои и Золтаном Гери, и Александр вдруг безумно испугался, что скоро ее потеряет. Захотелось развернуть коня и броситься назад, но он с детства научился сдерживать свои порывы, тем более впереди мелькнуло что-то яркое. – Ого, – Ежи улыбнулся, – отец не выдержал!

Но Александр и сам понял, что всадник на леопардовом дрыганте, похожий на вдруг постаревшего Ежи, и есть Анджей Гардани. Садан, повинуясь хозяйской руке, прыгнул навстречу. Арциец и таянец встретились у высокой серой скалы, в которую каким-то немыслимым образом вцепился растрепанный куст. Анджей протянул руку, и Александр с готовностью ее пожал, с интересом разглядывая таянского короля.

Анджею было около пятидесяти. Темноволосый и темноглазый, с худощавым волевым лицом, на котором оставила свою метку вражеская сабля, он казался простым и честным воином, но запутавшаяся в густых усах улыбка напомнила Сандеру Обена Трюэля. Гардани был не только рубакой, но и политиком, причем не последнего разбора.

– Я счастлив принимать в своем доме потомка Рене Арроя.

– Я не знал, что у меня есть союзники в Отлученных землях, –

улыбнулся Александр.

– Гардани помнят свою клятву, даже если те, кому она была принесена, о ней забыли. То, что я узнал из письма графа Лидды и рассказа сигнора Трюэля, настораживает. Нас ждет долгий разговор, но позже. Сначала вам нужно отдохнуть и оглядеться. Таянцы всегда отличались от тех, кто живет за Гремихой, а за пятьсот лет разрыва мы изрядно друг от друга отвыкли. Ваши покои готовы, а вечером нас ждет малый пир.

– Дан Анджей, – твердо сказал Александр, – со мной женщина, которой я обязан жизнью и которую я люблю. Она еще мне не жена, но она ею станет, как только мы вернемся в Арцию.

2895 год от В.И. 24-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Гражина не поехала встречать Александра Тагэре, пусть этот арцийский граф не думает, что она за ним бегает. Беата увидит, что ей совершенно все равно, и вообще это раньше Луи Трюэль был графом, а теперь он – изгнанник, которого приютил Лиддский господарь, а Лидда раз в сто меньше Таяны. Ну, пусть не в сто (с землеописаниями у племянницы королевы всегда было худо), но в пять точно. Если Луи настолько глуп, что сказал Беате, что у нее глаза, как звезды, то пусть на них и любуется. Гражина со злостью всадила иголку в вышивание, словно изображенные на будущем покрывале атриолы были в чем-то виноваты. На башне пробило третью ору, а Беата убежала – не было и двух, скоро вернутся, ну и пусть! Она вышивает, это ей интересней, чем все арцийцы мира.

Девушка упрямо склонилась над пяльцами, но сегодня все было против нее. Игла кололась, нитки путались, наперсток норовил свалиться с пальца и закатиться в самый дальний угол, и в довершение всего тетушке вздумалось мучить лютню. Ненавистная серенада, посвященная пустоголовым Золтаном Гери все той же Беатке, заставила Гражину отшвырнуть вышивание.

Племянница Ее Величества несколько раз обошла комнату, не зная, за что приняться, и остановилась у зеркала. Как всегда, она не понимала, где у мужчин глаза. Она красивее Беаты, намного красивее, но ей приходится довольствоваться объедками со стола старшей сестры, которая, по мнению Гражины, была толстовата, слишком румяна, плохо танцевала. Вдобавок Беатке приходилось чернить брови и ресницы, но молодые нобили от нее словно с ума посходили.

Только за эту зиму руки старшей из сестер Ракаи просило восемь человек, за двоих из которых Гражина с удовольствием бы

вышла сама, а эта дура не захотела. Теперь она, самое малое, год будет торчать в Высоком Замке и мешать сестре занять достойное положение, а скоро подрастет Ванда. Если не успеть выйти замуж, то все кавалеры оставят племянницу королевы ради дочери короля. Ванда, как назло, превращается в красавицу, уже теперь видно...

Гражина с ненавистью посмотрела на незаконченную вышивку и бросилась к зеркалу. Ну и что, что она решила никуда не выходить? Привести себя в порядок она может, она до сих пор не надевала новую сетку для волос, надо попробовать. Девушка тщательно расчесала и уложила блестящие темные волосы. Получилось очень даже ничего, и настроение улучшилось. Гражина себе нравилась и не понимала, почему первой красавицей Таяны называют то сестру, то молодую жену Стефана Гери.

Очередная победа любой из соперниц вызывала в сердечке Гражины ярость, смешанную с недоумением. Последний удар нанес девушке посол графа Лидды, который, выбирая на правах гостя себе даму на весь вечер, подал руку Беате, хотя видел ее в первый раз в жизни. Слушая веселый смех сестры, Гражина готова была запустить и в нее, и в красивого арцийца подсвечником или хотя бы лежащими на подносах розовыми зимними яблоками. Потом посол вместе с Ежи отправились на фронтерскую границу, их ждали к Новому году, но не прошло и кварты, как примчался молодой Золтан Гери и что-то сообщил королю и этой дуре Беатке.

Сестра объявила, что, оказывается, в Таяну приехал изгнанный арцийский король и Луи отбыл его встречать. Гражина назвала сестру лгуньей, но тетя заставила ее при всех извиняться. Оказалось, противная Беата сказала правду, и тогда Гражина наотрез отказалась принять участие во встрече. Тетка в ответ только рукой махнула, – дескать, кошка из кухни, повару спокойней. Теперь сестрица воркует с целой толпой «Серебряных», а она из-за нее сидит одна с дурацким вышиванием.

Со двора раздался шум, звон, веселые громкие голоса, и Гражина, слегка отдернув занавеску, глянула вниз. Вернулись, прах их побери! Девушка увидала дядю Анджея и рядом с ним кого-то незнакомого в темном плаще. Лица арцийца было не разглядеть, но в том, что это был он, Гражина не сомневалась, он ехал рядом с королем и под ним был такой конь, в сравнении с которым лучшие скакуны замковой конюшни казались деревенскими клячами. Интересно, каков он, этот Александр Тагэре? Жены у него нет, это она узнала. Если он недурен собой,

она могла бы выйти за него и утереть нос и Ванде, и Беате.

Арциец ловко спешился, и его заслонил навес. Подъехали Ежи и какая-то женщина! Белая кобылица, на которой сидела незнакомка, казалось, слушалась мыслей всадницы. Кокетливо подойдя к спешившимся рыцарям, лошадка остановилась, помахивая хвостом. Анджей сам помог сойти наезднице, и это могло означать лишь одно: незнакомая женщина была спутницей Александра Тагэре, и не просто спутницей, а женой или невестой. Гражина со злостью отвернулась от окна. Раз так, она никуда не выйдет, останется у себя, и пусть знают...

Нэо Рамиэрль

Врата никто не охранял, да их, собственно говоря, и не было. Просто огонь сменился камнем, а созданный Силой тоннель плавно перешел в обычную пещеру – сырую, темную и холодную. Капли, стекая по стенам, отражали зажженные тремя эльфами огоньки – золотистый и два голубоватых – и переливались, как драгоценные камни. Лльяме это место не нравилось, и она путалась в ногах Рамиэрля. Окружавший порождение Бездны голубоватый кокон начал таять, и Нэо едва успел накинуть на свою опасную подружку новый.

– Хотел бы я знать, куда нас занесло на этот раз... Аддари, боюсь, ты зря пошел с нами.

– Моя дорога – это моя дорога, – отозвался Солнечный принц. – Я не создан ни для покоя, ни для бунта, значит, Луциана не для меня.

– Норгэрель, – засмеялся Нэо, – было время, когда Тарра была исполнена Света. Как ты думаешь, нас бы тоже погнало из дома?

– Ты бы точно ушел, да и я, наверное, тоже, – сын Ларэна и Залиэли понимал шутки, но сам шутил редко и словно бы извиняясь. – Это так хорошо – уйти самим, зная, что дома все в порядке. Дорога, она ведь для избранных, а большинство хочет покоя и уверенности, что завтра будет не хуже, чем сегодня.

– Я тоже хочу, – заверил Рамиэрль, – по крайней мере, здесь. Не нравится мне этот склеп.

– Ты что-то чувствуешь? – быстро спросил Аддари. – Я – нет.

– И я нет, – признался Нэо, – пещера как пещера, это-то и плохо, она может быть очень большой.

Она и оказалась большой, но не бесконечной. Они два раза делали короткие привалы и один раз позволили себе «переночевать», хотя, весьма вероятно, наверху царил день. Рамиэрлю уже начало казаться, что выбранное им направление

было ошибочным, но сверху потянуло свежестью, а затем каменные своды расступились, туннель превратился в расщелину. Погода оказалась не из лучших, было сыро, накрапывал дождь, лльяма совсем сжалась, но ей было лучше всех – заклятия Рамиэрля не только спасали путников от жара огненной твари, но и защищали саму тварь от льющейся с неба воды.

– Мы прыгали в Бездну, а не в лужу, – заметил Нэо, смахнув со щеки крупную каплю, – но, вообще-то, здесь вполне мило, не то что в Светозарном. Любопытно, улитки здесь водятся или только пиявки?

– Это не Тарра? – Аддари задумчиво тронул мокрую скалу.

– Скорее всего, нет. В такое везение я не верю, хотя камни, дожди и небо есть и там. Если это Тарра, то, скорей всего, мы оказались в Тагэре. Похоже, здесь это называется весной, – Рамиэрль кивнул на скромный голубенький цветок, героически вцепившийся в камень.

– Я не видел таких цветов, – покачал головой Норгэрель, – конечно, я не бывал севернее Вархи.

– Похоже на таянскую атриолу, но меньше. Я таких тоже не видел, зато плющ тут такой же, как везде.

Плющ, карабкавшийся по скалам, и впрямь был самый обычный, равно как и кусты можжевельника. Расщелина становилась шире, края ее расходились, открывая все больший кусок низкого, серенького неба. Куда бы они ни попали, здесь царила поздняя, северная весна. Послышался резкий крик, и над путниками проплыла красивая белая птица.

– Что-то вроде чайки. Значит, рядом большая вода.

Большая вода, к которой они вышли через ору или полторы, оказалась мелким заливом, столь же серым, что и низкие, ни на миг не переставшие плакать тучи. Лльяме море не понравилось, и она, поочередно тряся окруженными синим сиянием лапами, затанцевала у края воды.

– Да, Волчонка, зря ты за мной увязалась, – засмеялся Нэо, – шла бы ты домой, в Бездну!

Лльяма оглянулась, как показалось Рамиэрлю, с обидой и припустилась вперед по мокрому песку. Эльфам ничего не оставалось, как двинуться следом вдоль низкого, поросшего скрюченными сосенками берега. Они шли оры полторы, когда Нэо ощутил чужое присутствие. Никакой магии. Просто люди. Десятка полтора. Недалеко. Чем-то озабочены и раздражены – эльф ощутил разлитую в воздухе напряженность. Воины? И да, и нет…

Рамиэрль обернулся к своим.

– Впереди кто-то есть, но им не до нас. Ссорятся.

– Я тоже чувствую, – кивнул Норгэрель, Аддари промолчал, лльяма всем своим видом выразила глубочайшее неодобрение.

– А ей что-то не нравится, – заметил Солнечный.

– Ей здесь все не нравится, вода мокрая, все чужие, а нам не до нее. Подождете меня здесь или пойдем все вместе?

– Вместе, мало ли что.

– Их не так уж и много.

– В этом мире нет магии, – тихо сказал Норгэрель, – мы можем рассчитывать только на оружие.

– Нет магии? – Нэо покачал головой. – Если бы ее не было, Волчонка бы нас всех уже поджарила. Или бы погасла.

– В самом деле, – глаза Аддари от удивления стали еще больше, – но я ничего не могу.

– И я тоже, – подтвердил Норгэрель, – а ты, Нэо?

Роман прикрыл глаза, потянувшись к источнику Силы, которая немедленно его захлестнула.

– Со мной все в порядке, – коротко бросил разведчик. Это был мир Ангеса, теперь в этом не было никакого сомнения. Роман узнал магию, создавшую Черное Кольцо. Разведчик носил его достаточно долго, чтобы стать своим в мире, объявленном почитателями Арцея Преисподней.

Эстель Оскора

Голубой эльфийский огонек я увидела издали. Огонь Лебедей после гибели Астени могли зажечь лишь Эмзар и Роман, кто же из них оставил пылающий цветок на могиле Друга?

Высокий Замок спал так крепко, как может спать обиталище королей, не знавших слова «мир». На стенах раздавались мерные шаги ночных дозорных, слышалось рычание сторожевых псов, на высоких башнях скрипели флюгера – менялся ветер. И все равно это была спокойная ночь, ведь большинство обитателей замка мирно спало, даже в королевских окнах погас свет, а Анджей ложился позже большинства своих подданных. Таяне с королями везло, Шани мог гордиться своими потомками, управляющимися с королевством и его строптивыми обитателями не хуже, чем со своими дрыгантами. Шани многим мог гордиться...

Я тихо опустилась на скамью рядом с его могилой. Отчего-то я была рада, что Илана не с ним, мне это казалось правильным. Шандер Гардани завещал похоронить себя под открытым небом у основания Арсенальной башни, видимо, так и не сумев избыть память о тюрьме. Жена и потомки Великого герцога Таянского, как и положено, лежали под церковными сводами, а он предпочел

небо с его звездами и ливнями. Эта ночь была звездной, да и Лебединый Огонь светил достаточно ярко, чтобы у меня сжалось сердце.

Без сомнения, надгробие тоже было работой Клэра. Шандер, казалось, уснул у голубого костра. Я смотрела на высеченный из камня четкий профиль, слегка сведенные брови, разметавшиеся волосы. Странный памятник для государя, но то ли наследники Шани не осмелились возражать эльфам, то ли они понимали больше, чем понимают обычные люди.

Я знала, что мой друг прожил довольно долго и вторая половина его жизни была относительно спокойной, другое дело, был ли он счастлив. Летописи утверждают, что да. Не считая Белки, у него было пятеро детей: три сына и две дочери, и никто из них не опозорил отца. Таяна процветала, первые набеги ройгианцев и северных гоблинов не казались чем-то опасным, в Арции и Эланде все шло прекрасно. Во время войны покой и мир кажутся недостижимым счастьем, Шандер и Илана его вкусили, нам с Рене не довелось.

Я накрыла рукой каменную ладонь, словно дожидаясь ответного пожатия, но камень остался камнем, холодным и твердым, даже Клэру было не под силу его оживить.

Вот мы и встретились, Шани Гардани, только ты меня не слышишь, ты больше никого не слышишь...

Когда-то у меня было много друзей и среди эльфов, и среди людей, и среди гоблинов, но никто из них не был ближе Шандера и Астени, хотя Астени – это было другое. Мы едва не полюбили друг друга, а неспетое не забывается. Прошлое гибнет под копытами настоящего, но то, чего так и не случилось, умирает только вместе с нами.

Я утонула в новой любви, но память об Астени осталась со мной, а вот с Шандером все было просто, как подснежник. Мы доверяли друг другу и понимали друг друга с полуслова, а то и вовсе без слов. Я избавила Гардани от финусов, а он не выдал меня даже Рене, хотя прекрасно знал, КТО я. Когда я встретила Сандера, мне показалось, что все повторяется и судьба послала мне второго друга, сделав залогом этого имя, ведь Шандером в Таяне называют Александра.

Дружбы не вышло, вышло нечто иное, в чем я не могу разобраться, и, самое дикое, я сама не знаю, чего же хочу. Если бы я встретила Рене, все бы встало на свои места, но он исчез. Возможно, я скоро увижу Эмзара, Клэра, Романа, с ними можно говорить о Пророчествах и древних проклятиях, но не о том, чего сам не понимаешь, а Шани мне уже никогда ничего не скажет.

Не знаю, зачем я позвала его по имени. Мы часто делаем

бессмысленные вещи оттого, что нам очень хорошо или очень плохо. Над Высоким Замком подняло переднюю лапу с голубоватой звездой-Когтем созвездие Рыси, ветер шевелил замерзшие ветки, взрыкнула и замолкла сторожевая собака. Никого, только ночь, я и память.

– Шани, если б ты знал, как я устала...

– Ты вернулась, я всегда знал, что ты вернешься.

– Шани?!

– Геро, милая. Не пугайся, не удивляйся, а слушай. Меня можешь услышать только ты, и только если будешь одна. Успокойся, мир пока еще не рухнул. Только не снимай руку с моей руки.

Голос принадлежал Шандеру, да и сердце меня не могло обмануть. Я послушно замерла, не отрывая ладони от камня. Эльфийский огонь неистово полыхнул, окутал голубым сиянием лежащую фигуру и погас. Нет, камень остался камнем, но рядом с надгробием я увидела Шандера, как всегда, серьезного, задумчивого и молодого.

"Геро, – он повернулся ко мне, – ты должна кое-что узнать. Эмзар мне обещал, что ты меня услышишь, но ЧТО я скажу, он не знает. Ты говоришь не с призраком, а со мной, хотя видишь меня почти таким, как в Кантиске после коронации Рене. Сейчас я намного старше и не могу больше тянуть.

Моя жизнь сложилась удачно, хоть и не так, как мне хотелось, но все мы можем сказать про себя то же самое. Ты вернулась, я надеюсь, что и Рене тоже. Я знаю, вы идете друг к другу и к Тарре, вы должны встретиться, ведь вы достойны друг друга. Прости, я заговорил не о том, а времени у меня мало.

Геро, я нашел талисман Михая Годоя. Он у меня. Это шейная гривна, украшенная чем-то вроде белого камня, который одновременно и существует, и нет. Это невозможно описать, но ничего более отвратительного мне не попадалось. Уцелевшие ройгианцы ищут свой талисман, но они думают, что он или в Вархе, или у эльфов. Кроме меня правду знает только мой пасынок Стефан.

Проще всего было бы эту гривну уничтожить, но мы не знаем, как это сделать. Возможно, помог бы огонь, но Жан-Флорентин говорит, что колдуны неминуемо повторяются. Есть свои законы и у магии эльфов, и у магии Ройгу. Если не может быть второй Эстель Оскоры, то, вероятно, не может быть и второго талисмана. Тогда, если я уничтожу этот, ройгианцы создадут новый. Мы не можем так рисковать.

Мы долго думали, что делать с этой вещью. Я – воин, я смертен и уже немолод, после моей смерти талисман может

попасть в дурные руки. Я знаю, тебе неприятно это слышать, но Ольвия и бывший когда-то нам другом Максимилиан, узнали больше, чем следовало. Они охотятся за талисманом и друг за другом, и нельзя допустить, чтобы в их руках оказалась такая Сила.

Стефан готов принять гривну на хранение, но это лишь отодвинет неизбежное. Ему придется искать наследника, и так до бесконечности или пока кто-нибудь не ошибется. Эмзар и Роман ясно дали понять, что не желают иметь с этой тайной ничего общего, и я их понимаю. Они боятся новой Эанке и нового Примеро. Эльфы отдают все силы, чтоб защитить мир от зла Вархи, они очень уязвимы, а ройгианцы нацелились именно на них.

Гривну нужно было укрыть там, где ее не станут искать и не смогут найти случайно. Этим местом, Геро, станет моя могила. Я завещал себя похоронить не по таянскому, а по арцийскому обряду на том самом месте, где когда-то дрался с гоблинами и тарскийцами. Илана исполнит мою волю, хоть и будет недовольна. Перед смертью я передам талисман Стефану или, если его не будет рядом, положу в шкатулку с секретом, которую завещаю ему.

Уррик и Илана давно свыклись с тем, что их сын ко мне привязан больше, чем к ним. Мы с ним очень дружны, хоть Стефко младше меня на тридцать пять лет. Только со Стефаном-старшим и с тобой я чувствовал себя так же просто.

Никого не удивит, что он подойдет ко мне проститься второй раз позже всех, а спрятать гривну среди цветов и знамен очень просто. Затем Эмзар и Роман наложат заклятие – и дело будет сделано.

Мы все продумали. Если даже у какого-то ройгианца или подосланного Архипастырем клирика появится мысль, что гривна у меня, у них будет довольно времени, чтобы порыться в моих вещах. Стефан будет вне подозрений, ведь когда был убит Михай, он был младенцем.

Геро, теперь ты знаешь, где талисман Михая, и можешь взять его, когда сочтешь нужным. Твоя Сила подскажет тебе, что с ним делать. Когда ты вернешься, он перестанет быть опасным, ведь твоя сила равна силе ройгианцев. Ты всегда сможешь их остановить, как остановила в Кантиске, что бы сейчас ни врали клирики. Рене и Эмзар ошиблись, отдав им победу, но сделанного не исправить, разве что развязать войну с Церковью. Я бы сделал именно это, но сын Рене полагает, что ничего страшного не происходит и не стоит проливать кровь из-за того, что уже прошло.

Вот и все, Геро. Я говорю эти слова на том месте, где много лет назад прикрывал уходящих «Серебряных» и где меня похоронят. Я обращаюсь к тебе и вижу тебя такой, какой ты вошла ко мне в Идаконе, когда я думал, что умираю. Ты тоже увидишь меня молодым, а теперь я почти старик. Я просил Эмзара помочь, и король Лебедей научил меня, как говорить с тобой через годы, а может, и через столетия. Теперь все зависит от тебя, если мы и впрямь такие друзья, как говорит мое сердце, рано или поздно ты придешь ко мне и заговоришь со мной, как с живым. Этого будет довольно, а если ты не вернешься, что ж... Гривна останется лежать здесь, и ее не найдет никто, пока стоит Высокий Замок и им владеет род Гардани.

Геро... Теперь, когда я сказал тебе, что должен сказать, у меня к тебе просьба. Я был счастлив с Иланой, она была мне другом, женой, соратницей, даже возлюбленной. Нам было хорошо вместе, но иногда меня захватывало то, что было... Вернее, то, чего не было, не случилось, не сбылось. Я остался человеком, и я умираю человеком. Мне не нужно бессмертие, но я хотел бы, чтобы Лупе, где бы она ни была, знала, что я ее не забыл. Найди ее, Геро, даже если она счастлива в своем лесу. Найди и попрощайся за меня, я прошу тебя об этом... Прощай теперь уже навсегда. Постарайся победить и стать счастливой... "

Это не было сном. Я исполню завещание Шани, хотя говорить с теперешней Лупе о прошлом все равно что с синицей или с белкой. Я ее заставлю, попытаюсь заставить вспомнить хотя бы на мгновение, но разговор придется отложить до лета. Шандер поймет и подождет. Он всегда приносил себя в жертву, но решиться на такое?! Положить в свою могилу главный ройгианский талисман, и это после того, что с ним сделал мой отец! Жизнью Шани рисковал не раз, но рискнуть посмертием! К счастью, риск себя оправдал. Гривна все это время мирно пролежала у Арсенальной башни, своей воли у этой штуки, похоже, не было.

Но что прикажете делать с отцовским наследством? Оставить здесь? Уничтожить? Пустить в дело? Гривна – безусловное зло или ключ к Силе, который можно использовать по своему усмотрению.

Я сосредоточилась, пытаясь сквозь песню Лебединого Огня услышать похороненное здесь зло. Талисман молчал, молчал и сам Ройгу. Я не слышала его, вернувшись в Тарру, хотя сама была исполнена силы. Это было, мягко говоря, странно. Если мой «супруг» мертв или полностью развоплощен, я должна стать обычной женщиной, которой подвластны разве что начатки эльфийской магии. Если я могу ворочать горы, то я должна

ощущать присутствие Ройгу, но его нет. Спит он, что ли? Нашел время...

Громко и зло залаяла собака, и я очнулась. Другой замерз бы до смерти, просидев чуть ли не всю ночь на заиндевевшем камне, но внешний холод для меня давно перестал быть холодом. Рысь почти исчезла, зато на зеленоватом небе ярко сияла Лебединая Звезда, предвещая рассвет. Надо было идти. Я еще раз коснулась каменной руки, но на этот раз ответа не было. Шани сказал то, что хотел, и тому, кому хотел, а дальше было мое дело. На башне колокол, который я слушала в юности, ударил пять раз, протопали по лестнице сапоги – менялся караул.

Я заставила себя подняться, меня никто не заметил да и не мог заметить. Дверь, послушная заклятию, открылась тихо и бесшумно, и я скользнула в отведенные мне покои.

Горела свеча, а рядом, положив на колени какую-то книгу, но даже не открыв ее, сидел Сандер. Как он смог войти, я не поняла. Я остановилась в дверях, глядя на него. Девяносто девять человек из ста спросили бы у своей любовницы, где ее носило, а сорок из этих девяноста девяти вместо слова «где» произнесли бы «с кем». Александр просто сказал: ночь холодная, ты, наверное, замерзла.

Я могла пережить и не такой мороз, но если замерзнуть означает заблудиться в прошлом, то да, я замерзла.

– Да, – тихо сказала я, – было холодно. Очень холодно...

– Я так и думал, – Сандер улыбнулся одними глазами, – потому и ждал.

Ждал и дождался, и как же я была ему за это благодарна, а пропустившее его заклятие... Что ж, наверное, в глубине души я хотела, чтобы он пришел, очень хотела.

Нэо Рамиэрль

Последний раз женскую драку Роман наблюдал в Аданском порту года за два до убийства Шарло Тагэре. Две местные красотки не поделили мирийского контрабандиста, и рыжая толстуха вцепилась в волосы худой как щепка брюнетке с ярко нарумяненным лицом. Девицы под улюлюканье и подначки завсегдатаев таверны «Отрубленный язык» с упоением тузили друг друга, а виновник драки в это время успел улизнуть с хорошенькой блондинкой. На этот раз драка была серьезней, так как обе ее участницы орудовали мечами. Еще человек двенадцать одетых в черное девушек смотрели на поединок. По тому, как держались зрительницы, Нэо понял, что дело не шуточное и что у каждой соперницы есть свои сторонницы.

Лиц дерущихся было не разглядеть из-за нелепых шлемов, одежда и доспехи воительниц и вовсе удивляли, так как открывали то, что у озабоченного своей безопасностью воина должно быть закрыто, и сковывали движения. Эльф бы понял, если б перед ним были странствующие комедиантки, старавшиеся раззадорить пришедших на представление мужчин, но зрителей не было, а железо, судя по синякам и порезам на телах девушек, было самым что ни на есть настоящим. Одна, повыше, со шлемом, украшенным зверем, похожим на крылатого льва, но со змеиным хвостом, хромала, и из носа у нее текла кровь. У второй, с двухголовой пантерой, выколотой или нарисованной на обнаженной вопреки здравому смыслу спине, действовала только правая рука, а из-под тройного железного браслета сочились алые капли.

«Львица» нанесла удар, «Пантера» пошатнулась, и по тому, как вспыхнули глаза рослой красногубой женщины в черной кожаной юбке с четырьмя высокими разрезами, Роман понял, что бой идет не на жизнь, а на смерть. Это ему не понравилось, женщины не должны убивать, тем более друг друга… Видимо, лльяма разделяла мнение своего кумира, а может, просто угадывала его желания. Как бы то ни было, отродье Темного Пламени выскочило из кустов, вихрем пронеслось сквозь кучку не успевших ничего понять воительниц и вклинилось между соперницами, двумя прыжками опрокинув обеих. Это было весьма некстати. Рамиэрль выскочил из кустов и заорал лльяме, чтоб она возвращалась. Напуганная собственной смелостью, огневушка бросилась назад, по своему обыкновению пристроившись за спиной своего покровителя. Увешанные железом девицы, как одна, повернулись в их сторону.

Эльф ожидал чего угодно – визга, бегства или, наоборот, попытки наброситься на странную зверюгу и ее хозяев с мечами, но воительницы выхватили свои клинки, коротко проорали какое-то странное слово и преклонили колени.

***

Что делать, было непонятно. Воинственные девы с внушающим опасение восторгом смотрели на гостей. Заварившая всю кашу лльяма самоустранилась, развалившись у ноги хозяина. Аддари и Норгэрель смирно стояли рядом, опустив глаза, так что договариваться с затянутыми в железо и кожу красотками выпало Рамиэрлю. В свое время Нэо приходилось объясняться с жителями Черного Сура, не знавшими ни арцийского, ни атэвского, ни хаони. Сурианцы чуть ли не в каждой деревне говорили по-разному, и Рамиэрль, искавший в лесу заброшенный храм, вынужден был всякий раз учиться заново хотя бы основным

словам. Он вспоминал тот поход как кошмарный сон, но никакой опыт не бывает лишним.

Для очистки совести проверив воительниц на незнание луцианского, эльфийского, арцийского и почему-то орочьего, Рамиэрль медленно произнес слово «Ангес», что вызвало очередные крики и подъятие мечей. Уже хорошо. Ангеса здесь знают и ценят, а судя по нелепым нарядам красавиц, о настоящей войне здесь и понятия не имеют.

Эльф еще раз оглядел девушек, и по тому, как они опускали глаза, перешептывались, а некоторые хихикали и краснели, понял, что перед ними обычные женщины, увидевшие троих незнакомых мужчин. Опытным глазом Нэо определил, кто из девиц на кого смотрит. Фаворитом оказался Аддари, но и они с Норгэрелем внакладе не остались.

Одна из девушек, постарше, темноволосая и смуглая, вышла вперед с большой черной флягой, отпила из нее и протянула гостю, произнеся что-то вроде: «Камаро эджаи».

Что ж, ничего нового, так знакомятся и в Суре, и в Корбуте. Слова разные, суть одна. Нэо хлебнул напитка, показавшегося ему довольно-таки противным. Слабее царки и даже вина, но, если много выпить, можно и захмелеть. Запах не очень приятный, отдает чем-то знакомым... Ладно, никто еще от подобного не помер. В Суре он из вежливости ел хафашей, а в Южном Корбуте – ежей, на что не сподобился даже Шандер. Нэо отхлебнул еще раз, раздельно произнес «Спа-си-бо», вернул флягу хозяйке и, коснувшись ладонью губ, несколько раз назвал свое имя. Затем были представлены Аддари, Норгэрель и Волчонка.

Хозяйка противного напитка сдвинула подсиненные брови, дотронулась до то ли украшающего, то ли защищающего, но никак не скрывающего внушительную грудь ожерелья из стальных колец и произнесла: «Онка», после чего на Нэо обрушился целый шквал странно звучащих имен. Он старался запомнить. Девушку с пантерой на спине звали Зайа, ее соперницу – Фагона. Еще одну, молоденькую, с лукавой улыбкой, чем-то напомнившую Белку Гардани, следовало называть Тигойа, а ее подружку – Шабба, что вызвало у Романа невольную ухмылку, явно истолкованную превратно. Шабба бросилась в кусты и через мгновение вернулась с распущенными волосами, подмалеванным ртом и еще более обнаженной грудью. Видимо, мужское внимание в мире, почитающем Ангеса, весьма ценилось. Равно как черный цвет, кожа и сталь.

Лльяма повернулась к раздевшейся Шаббе и противно зашипела, стараясь пустить побольше искр, но кокон выдержал.

– Прекрати, подружка, – велел Нэо. Итак, они попали в

курятник. У полуголых воительниц на уме то же, что и у арцийских скромниц, только вместо бархата и жемчугов – военные цацки.

– Аддари, Норгэрель, вы часом жениться не хотите? – осведомился Нэо, получив в ответ два возмущенных взгляда. – Вот и я не хочу, значит, будем держаться вместе, прятаться за Волчонку и учить здешний язык. И во имя Звезд – не пейте местное пойло...

2895 год от В.И. 29-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ВЫСОКИЙ ЗАМОК

Александр медленно шел по мрачноватому залу, останавливаясь у развешанных по стенам картин. Пожалуй, лишь эта часть Высокого Замка и не была затронута предновогодней суетой, которую Сандер не любил с детства. Праздники всегда были для него пыткой, хотя на этот раз, возможно, будет иначе. И все равно среди суетящихся слуг со значительными лицами и начавших праздновать еще с ночи таянцев он чувствовал себя неловко. Луи исчез, видимо, встретил Беату, Ликэ завладела Ванда, решившая разодеть новую подругу по-таянски, и Тагэре решил, что лучшего времени посмотреть старые портреты у него не будет.

Льющийся сквозь прорубленные у самого потолка окна свет падал на лица древних властителей, о которых он не знал ничего или почти ничего. Король Арции медленно шел мимо лихо закрученных усов, коротких плащей с «рысьими» сигнами, вставших на дыбы дрыгантов и валяющихся под их копытами врагов. Проклятый! Кто это?!

Потрясенный, Александр замер у портрета, который казался написанным вчера, хотя изображенный на нем мужчина был одет по моде семисотлетней давности. Александр никогда не видел подобной живописи и не предполагал, что такое возможно. Лицо казалось живым и... знакомым. Сандер готов был поклясться, что говорил с этим человеком. Только теперь на нем было роскошное алое одеяние с белой оторочкой у горла, подчеркивающей снежную белизну волос.

На плечах человека с портрета лежали три цепи – золотая с нарциссами, серебряная сложного плетения и черная с ярко-зелеными тревожными камнями, которую он тоже видел. Рука, украшенная золотым браслетом немыслимо тонкой работы в виде плети какого-то растения, в которую вцепилась осыпанная бриллиантами золотая жабка, уверенно лежала на эфесе

неожиданно простой шпаги. Ясные голубые глаза пристально смотрели в глаза Александру, которому на миг показалось, что бровь древнего императора, а это, без сомнения, был император, слегка поднялась, словно выражая удивление.

Александр Тагэре не заметил, сколько простоял перед картиной, в чувство его привело лишь шарканье ног. Сгорбленный старик в зеленом балахоне клирика почтительно приветствовал высокого гостя.

– Отец, вы не знаете, кто это?

– О, это жемчужина дворцовой коллекции. Люди так не нарисуют, эльфийская работа.

– Кто это?

– Император Рене Счастливый. Портрет сделан несколько лет спустя после его исчезновения и подарен Шандеру Первому Гардани эльфийским мастером, лично знавшим пропавшего императора. Современники отмечали потрясающее сходство...

– Отец, я, конечно, слышал о войне Оленя и об императоре Рене, но я знаю очень мало. Его дальнейшая судьба неизвестна?

– Неизвестна, – вздохнул старик, – сейчас я подниму свечу, там на раме есть надпись... Да, вот она... Рене-Аларик Руис рэ Аррой, герцог и-Рьего, Первый Паладин Зеленого храма Осейны. Великий Герцог Эланда, король Таяны, господарь Тарски, император Арции и прочая, и прочая, и прочая...

– Святой Эрасти! Аларик...

– Да, таково его полное имя. Дане Александр, что с вами?

2895 год от В.И. 29-й день месяца Сирены. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Над Лиарэ проплывали журавлиные стаи. Весна властно гнала птиц на север. Им не было дела до войн и интриг, которыми занимались люди, они хотели домой, и они возвращались домой. Марта аре Ги ре Мальвани проводила глазами серебряный клин. Ну почему судьбе было угодно, чтобы они с Сезаром, арцийцы до мозга костей, стали повелителями южной страны? И последней надеждой Арции и дома Тагэре, к слову сказать. Тартю меньше чем за год избавился от всех наследников, до которых мог дотянуться. Последним – разумеется, совершенно случайно – погиб Жан Бэррот.

Неужели Сандер тоже мертв? Тогда трон Арции принадлежит Сезару, а затем Шарлю-Анри, который будет еще и великим герцогом Оргонды. Разумеется, если Оргонда выстоит. Пауки слишком долго копили яд и золото, теперь они пустят в ход и то и другое. Дарнийцам и эскотцам все равно, кому служить, лишь

бы наниматель был с ними честен. У Жоселин хватит ауров на несколько армий, а вот им приходится рассчитывать только на преданность. Воины любят Сезара, а ушедшая под барабанный бой в Оргонду южная армия Арции ненавидит Тартю, но хватит ли этого, чтобы перешибить плетью обух? И нет ни старика Обена, ни кардинала Евгения, ни маршала Анри, знавших, как превратить слабость в силу, а поражения в победы. Сандер и Рауль это тоже умели. Проклятый, почему она не верит в Сезара?! Он – сын своего отца и лучший друг Александра, он должен найти выход!

Марта понимала, что есть вопросы, которые не следует задавать, если не хочешь услышать бодрой лжи или горькой правды, но она все же была женщиной и знала, что такое страх, хотя другие об этом и не догадывались. После бунта Лиарэ носила свою герцогиню на руках, а антонианцам пришлось убраться назад в Элл, и никто не подозревал, как обжег сердце Марты пережитый кошмар. Она была согласна на ложь, только б Сезар сказал, что они отобьются, но Сезар ей никогда не лгал.

Белая стая скрылась из глаз, теплый ветер донес тонкий запах цветущих мимоз. Марта еще немного постояла на балконе, поправила выбившуюся из высокой прически прядку, из последних сил давя в себе желание броситься за поддержкой к мужу. Он ищет выход из безвыходного положения, ее нытье его отвлечет.

– Моя сигнора, – вошедшая камеристка смотрела на свою госпожу с неприкрытым обожанием. – Монсигнор герцог просит вас спуститься к нему.

Марта согласно кивнула головой и нарочито медленно пошла за девушкой. Что-то случилось! Что?! Наверняка что-то плохое, потому что хороших новостей нет и быть не может, разве что от Жозе... Нет, Берег Бивней слишком далеко. «Сладость греха» с подмогой ли, без ли не вернется раньше осени.

Герцогиня дала себе клятву сохранить присутствие духа, что бы ни случилось, и позволила дежурному аюданту объявить о своем приходе. Сезар был не один. Рядом с герцогом сидел стройный молодой человек, чьи длинные черные волосы были стянуты на затылке черной лентой.

– Дорогая, – Мальвани улыбнулся, – позволь представить тебе графа Артьенде, нашего друга и союзника.

– Я счастлив служить благороднейшей из женщин, – граф стремительно вскочил и грациозно поклонился, – мой сюзерен герцог Энрике шлет вам наилучшие пожелания. Мы только что сошли на берег. Я и мой отряд в полном распоряжении властителей Оргонды и Арции.

– Мирия прислала полторы тысячи всадников.

– Я всегда верила в сердце Кэрны, – пробормотала Марта, – о судьбе маркиза Гаэтано что-то известно?

– Увы, нет, – Артьенде вздохнул и сразу же с вызовом вскинул голову, – но он жив, и не верьте никому, кто скажет обратное. Рафаэля Кэрну так просто не убить, где бы он ни был, он уже сражается. Так же, как и король Александр.

– Вы полагаете, мой брат жив?

– Живы все, пока мы не закрыли им глаза, – твердо сказал мириец. – Если б Александр Тагэре погиб, это было б несправедливо и не правильно, поэтому он жив...

2895 год от В.И. 29-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ВЫСОКИЙ ЗАМОК

Луи о чем-то оживленно разговаривал с миловидной девушкой в голубом, видимо, той самой Беатой. Тагэре видел сестер Ракаи в день приезда, но как-то не запомнил. Потом ему несколько раз попадалась младшая сестра – красивая, синеглазая брюнетка с капризным ртом. Та, с которой болтал Луи, была много приятнее. Александр не любил мешать друзьям, особенно когда они влюблялись, но на этот раз ждать не получалось.

– Луи, прости, но ты мне нужен.

– Иду, – откликнулся Трюэль, виновато улыбнувшись Беате.

Александр не стал мешать другу прощаться с белокурой даненкой. Он знал, что Луи его догонит. Так и вышло.

– Жабий хвост, что случилось?! На тебе лица нет.

– А мне казалось, я достаточно невозмутим.

– Для таянцев или мирийцев, безусловно. Если ты не станешь прыгать и кричать, они сочтут тебя совершенно спокойным, но я-то тебя давно знаю.

– Или я с ума схожу, или я увидел привидение.

– С ума ты не сходишь, – заверил друга последний потомок великого Обена, – во всяком случае, в последнее время, а вот привидения тут вполне могут водиться.

– Я серьезно.

– Ты всегда серьезно, это я всю жизнь дурака валяю. Я на ногах удержусь или лучше сначала сесть и выпить?

– Сесть и выпить, – улыбнулся Александр.

– Уже легче.

– А если бы я сказал, что садиться не надо?

– Я б за царкой побежал, так в чем дело-то?

– Помнишь, я тебе рассказывал о человеке, которого встретил перед дуэлью с Муланом?

– Конечно? Здесь он, что ли?

– В известном смысле, да.

– То есть?

– Я его нашел в портретной галерее. Это он… Его глаза, взгляд, цепь на шее. Такие же камни, как на моем мече! Камни, которые не узнают даже атэвы! Но и это не все! Получается, что со мной говорил Рене Аррой… Я же сказал тебе, что лучше сесть. Победить Мулана мне помог мой… Проклятый, я даже не знаю, какая частица его крови течет в моих жилах. Он же пропал больше шестисот лет тому назад! Получается, что он не погиб?

– Ты не ошибаешься? – Луи выглядел растерянным.

– Нет. Его ни с кем не перепутаешь. И потом имя... Он назвал себя Аларик, а на раме написано Рене-Аларик Руис рэ Аррой.

– "Счастливчик Рене"... Мы как-то забыли, что у него было несколько имен.

– Именно...

– Жабий хвост! – Трюэль сосредоточенно потер лоб. – Знаешь что, Сандер! Давай жить и ждать, что получится. Ну, встретил ты древнего императора, ну, научил он тебя, как эту «Белую погань» убить? Беды-то! Кстати, ты не пробовал «два» и «два» сложить?

– "Два" и «два»?

– Не хочешь «два» и «два» – сложи «один» и «один»... Вспомни корабль, который нас от дарнийских охотников спас, и то, что моряки вам с Сезаром про Скитальца рассказали. Вот тебе и разгадка. Скиталец и есть сгинувший император, и нечего удивляться, что он тебе помогает, а может, и не только тебе. Марту ведь кто-то седой спас. Ладно, мы, кажется, выпить решили. Здоровье Последнего из Королей.

– Луи!

– Я уже тридцать пять лет Луи, а фамилия моя – Трюэль, между прочим, и Обен был моим дедом, так что я знаю, что говорю. Хватит, Сандер, оглядываться и искать, кто за тебя твое дело сделает. Никто за тебя твой меч не поднимет. Прошлый раз ты на меня накричал, и был прав, а сейчас ты меня послушай! Забудь про Гразу! Слышишь?! Ты всегда все делал правильно и будешь делать правильно. Ты должен поверить в себя, иначе... Проклятый, иначе мы все сдохнем и Тарру угробим. Встряхнись, Сандер Тагэре! Ни Рене Аррой, ни Проклятый, ни Святой Эрасти за тебя воевать не станут, год Трех Звезд – это хвое дело.

2896 год от В.И. 3-й день месяца Агнца. ИФРАНА. АВИРА

Несовершеннолетний король Ифраны был очень воспитанным и очень серьезным и ничем не походил ни на красавца Филиппа, ни на толстенького Этьена Ларрэна. Вряд ли он умел держать в руках меч или шпагу и уж точно не читал про страдания благородного Леонарда. Худенький, тихий Жермон казался то младше, то старше своих неполных восемнадцати, а золотой петух на его груди выглядел чуть ли не издевательством. Ифранскому королю для консигны скорее подошел бы мышонок. Или крысенок, если хитростью он удался в деда и тетку, но до поры до времени это скрывает. Окажись тут Луи Трюэль, он сморозил бы что-то про ифранский птичник: коронованный

селезень, золотой петух, фазанья курочка, павлиньи перья… В Арции нобили избирали себе другие знаки, хотя его собственный единорог тоже был глупостью, причем напыщенной и пошлой.

Базиль Гризье преклонил колено перед королем и регентшей. Любопытно, что будет делать Жоселин, когда Жермону исполнится двадцать пять? В Ифране наследников держали в несовершеннолетних дольше, чем в других странах, но рано или поздно Паучихе придется заняться собственным будущим. Базиль не сомневался, что короленок в глубине души ненавидит тетку, ибо не ненавидеть эту особу было невозможно.

– Мы рады вас видеть, граф, – регентша была сама любезность. Пауки всегда любезны с мухами, пока те вне предела их досягаемости.

– Я счастлив засвидетельствовать свое почтение Его Величеству и Ее Высочеству.

– Получаете ли вы письма от сестры? Как ее самочувствие?

– Она счастлива и немного испугана – испугана, безусловно, но счастье там и не ночевало…

– Наш дом искренне расположен к дому Вилльо, – подал загодя заученную реплику Жермон и протянул бледную, прохладную ручку. На сколько же он старше Филиппа? На год и девять месяцев. Нет, уже на два года, потому что Филиппу никогда не исполнится шестнадцать.

– Я – преданный слуга Его Величества, – Гризье поцеловал вялые пальцы, поднялся и отошел, уступая место послу Дарнийского союза. Не нужно быть покойным Обеном, чтобы понять: Паучиха покупает в Дарнии солдат для войны с Оргондой. Она все делает правильно, для Ифраны, разумеется. Эта моль действует успешнее своего немытого отца, оставившего ей в наследство войну с Арцией. Паук не смог справиться с Тагэре, а Жоселин смогла, и теперь у нее остался лишь один враг – Оргонда…

Базиль оглядел разряженную толпу иноземных послов. Среди скромно одетых ифранцев иностранцы выглядели павлинами в курятнике, и оргондца среди них не было. Мальвани отозвал своего посла, когда он был на свадьбе Норы. Мишель Монтрагэ уже в Лиарэ. Он и так продержался в Авире дольше, чем можно было предполагать.

– Я рад видеть вас, граф, – маршал Аршо-Жуай был редким гостем на дворцовых церемониях, его появление на новогоднем приеме означало одно – Паучихе понадобились воины, причем немедленно.

– Ваш покорный слуга, маршал. Я не видел вас… – Базиль замялся, – с лета.

– Я слыхал о ваших приключениях в Ра-Гваре. Благодарность Его Величества Пьера превзошла все ожидания.

– Разве? – улыбнулся Базиль. – Мне кажется, Его Величество помнит оказанные услуги в той же мере, что и Ее Высочество.

Аршо-Жуай с трудом сдержал смешок.

– Арде! Не будь вы послом Арции, я пригласил бы вас прогуляться на берега Ньера.

– В Кер-Септим? Побойтесь бога, сигнор, общество Саброна вызовет несварение даже у хаонгской гаенны[10].

– Видимо, поэтому Ее Высочество избавила нас от сабронoвского гостеприимства.

– Вы рады, что уходите на войну?

– Да, – кивнул маршал, – надеюсь, воды Ньера смоют Гразскую грязь.

Ответить Базиль не успел, подошла герцогиня Фьонская. Прелестная Аврора недавно рассталась со своим любовником и была занята поисками нового. Вся в розовом, с алым бантом на плече, она казалась южной птицей папагалло, затесавшейся в стаю копошащихся на помойке ворон и воробьих. Проклятый, он перестанет сегодня думать о птицах?

Аврора взмахнула длинными подчерненными ресницами и спросила о здоровье королевы Арции. Базилю вновь пришлось врать про Нору, а потом еще раз и еще... О том, не собирается ли сестра подарить супругу наследника, спрашивали все. Гризье обворожительно улыбался.

– Благодарю вас, маркиза, и вас, графиня. Я обязательно передам ваши слова Ее Величеству. Она тоже надеется, что к зиме в королевстве будет наследник, – если вообще на что-то надеется...

Появился Альбер Вардо, как обычно, без супруги. Базиль знаменитую Антуанетту еще не видел: граф, в нарушение всех приличий, никогда не брал жену с собой. Официально считалось, что все дело в происхождении Антуанетты, но злые языки утверждали, что причиной столь вопиющего нарушения этикета является ревность. Впрочем, подсмеиваться над могущественным Альбером осмеливались немногие, и то за глаза. Базиль слышал, что враги графа весьма быстро представали перед Кастигатором, а тот, кто осмеливался обсуждать семейную жизнь Вардо, немедленно становился врагом. Арциец с вежливой улыбкой пожал протянутую ему руку.

– Рад вас видеть на этом приеме, граф.

– Взаимно, сударь.

– Вижу, вы стали любимцем наших дам.

– Не думаю. Дело в моей сестре.

– Надеюсь, Ее Величество чувствует себя хорошо?

– Разумеется.

– Что ж, не смею вас отвлекать от столь изысканного общества, но буду рад, если вы когда-нибудь согласитесь со мной отобедать.

И обсудить подробности заговора, хотя зачем? Все, что нужно, ему скажет отсутствующий Морис. Отсутствующий потому, что граф Вардо обязан присутствовать на большом приеме. Сарриж сейчас наверняка развлекает графиню, и вряд ли эти двое заняты сонетами Армана Перше. Базиль проводил глазами всесильного рогоносца и заодно заметил, как маршал Аршо-Жуай целует лапку регентше. Последние милости перед уходом на войну. Паучиха не успокоится, пока не сживет со света уцелевших Тагэре и Мальвани, и она права: врагов надо добивать. Озаботься Александр извести Тартю и, не будем скромничать, клан Вилльо, он бы до сих пор правил бы Арцией, Нора осталась бы незаконнорожденной, а Филипп с Алеком – живыми и здоровыми...

2896 год от В.И. 8-й день месяца Агнца. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Всадник покинул Гран-Гийо с первыми лучами солнца. Серпьент по случаю весны заявил, что лошадь ему не нужна, и жизнерадостно порхал вокруг вороного Алко, подаренного Эгоном Рафаэлю. Шарло Тагрэ следил за уезжавшим, пока тот не скрылся в еще прозрачном лесу. Больше всего на свете мальчик хотел бы отправиться на поиски отца, но это было невозможно. Кэрна и так рискует: магия магией, а разыскивать пропавшего короля в наводненной синяками, шпионами и продажными тварями стране – затея опасная. Шарло понимал, что он будет помехой, к тому же его место рядом с Катрин, да и барона подвести нельзя. Появившийся и исчезнувший «сын» насторожит кого угодно.

Эгон удивился, что Анри и не подумал проситься с уходившим, и никто не догадался, во что ему обошлась эта сдержанность. И хорошо, что не догадался. Отец говорил: если ты что-то скрываешь, делай это так, чтоб даже Илларион не понял.

Говорят, антонианцы знают все. Значит, они знают и про предательства, и про убийства? Знают и молчат, а после этого хотят, чтоб их слушали и им верили... Только б Серпьент нашел отца раньше, чем синяки, тогда все будет в порядке.

– Анри! – Шарло слегка вздрогнул. Он помнил свое новое имя, но одно дело помнить, а другое – сразу же оборачиваться и

делать вид, что все в порядке.

– Да... – а вот назвать Эгона отцом у него не получается и вряд ли получится.

– Анри, подойдите ко мне...

Это уже легче, он может вести себя с бароном, как вассал с сюзереном.

– Мой сигнор...

– Анри, – рядом с Эгоном стоял один из караул-деканов Гран-Гийо. Шарло знал, что его зовут Туссен Равье и он прекрасно владеет копьем и алебардой. – Вот ваш наставник. Слушайтесь его так, как слушаетесь меня. Через три месяца я проверю, чему вы научились. Если вы докажете, что достойны этой чести, в Светлый Рассвет вы станете оруженосцем.

– Я буду стараться, сигнор.

– Служба вас не освобождает ни от занятий с братом Николаем, ни от уроков сигнора Яго.

– Я буду стараться.

2896 год от В.И. 9-й день месяца Агнца. ИФРАНА. АВИРА

Герцогиня Фьонская была дурой, но ее муж оказался еще глупее жены, иначе бы не рассказал ей то, что должно скрывать даже от своей подушки.

Правду сказать, очаровательница была Базилю без надобности, но она положила глаз на арцийского посланника, а вежливость и долг дипломата заставили графа Мо ответить на заигрывания. Аврора была красива, смела и ненасытна, и при этом болтлива, как стая сорок. Связь с ней обещала стать довольно приятной, и к тому же она иногда выбалтывала очень интересные вещи. Такие, как сегодня. Прелестная Аврора не могла не похвастать своей осведомленностью перед новым любовником, а на государственные тайны ей было плевать.

О том, что военная кампания против Оргонды вот-вот начнется и пойдет не так, как подсказывали труды знаменитых стратегов, Базиль Гризье догадался после короткого разговора с маршалом Аршо, прерванного все той же Авророй. Зато теперь он знал все. Сроки, численность готовящейся к вторжению армии и, что самое важное, место вторжения. Сезар Мальвани ждет удара недалеко от Кер-Септима, но Аршо не собирается разбивать себе лоб в прямой схватке.

Герцогиня не сомневалась в скорой победе, и Базиль был склонен с ней согласиться. Тигры, случается, попадают в западню. Собственно говоря, это лучший способ охоты. Граф Мо немножко

пошутил на сей счет, а затем они с Авророй перешли к более важному делу, для которого он, собственно говоря, и был приглашен. Утром красавица напрочь забыла умные вечерние беседы, но Базиль помнил все, и это его ужасно злило.

Сын Элеоноры Гризье и брат новой королевы отчего-то не хотел, чтобы Сезар Мальвани разделил судьбу Александра Тагэре. Не хотел, и все тут! Базиль честно сражался со своим настроением, заливая его то вином, то логикой. На третье утро, вылив на голову несколько кувшинов холодной воды и с отвращением посмотрев на свое отражение в зеркале, посол Арции разоделся в черное ц сиреневое и направился с визитом к Альберу Вардо. Граф не только оказался дома, но и не стал сие скрывать. Похоже, он ждал арцийца, хотя и по другой причине.

Базиля провели в мрачноватую гостиную, как нельзя лучше отвечающую репутации хозяина. Арциец с любопытством обвел глазами старинные портреты. Множество графов Вардо с неодобрением смотрели на гостя, а за их спинами красовались неизбежные пылающие замки. «Там, где проходят Вардо, остаются лишь угли» – гласила витиеватая надпись на самом старом из портретов.

– Это Реджинальд Вардо-Кротало, – пояснил появившийся из боковой двери хозяин, по своему обыкновению затянутый в коричневое. Рядом с ним, опустив глаза, стояла молодая белокурая женщина в слишком роскошном для дома голубом платье. Видимо, знаменитая Антуанетта, отнюдь не показавшаяся Базилю красавицей. До Норы ей в любом случае было далеко, а до покойной Дариоло тем более.

– Вардо-Кротало? – на всякий случай переспросил гость.

– Он был третьим в нашем роду, – со спокойной гордостью заметил ифранец, – убил свою жену и двоих сюзеренов и был возведен в графское достоинство третьим. Тогда Ифрана была всего лишь герцогством в составе Арции. Смотреть в глаза своим предкам полезно.

– Иногда, – согласился Базиль, – воображаю своего отдаленного потомка, который с благоговением читает надпись: «Там, где проходят Вилльо, остаются лишь обглоданные косточки».

Тонкие губы Альбера шевельнулись в подобии улыбки.

– Надо мной редко смеются, сигнор Мо, но над собой смеются еще реже. Но я начал разговор не с того, с чего следовало бы. Я рад видеть вас в моем доме. – На жестком лице хозяина появилось нечто, долженствующее изображать гостеприимство. – Разрешите представить вам графиню Вардо.

– Счастлив служить сигноре, – под напряженным взглядом

супруга Базиль поцеловал унизанные тяжелыми старинными кольцами пальчики. Видимо, испытание он преодолел успешно, так как на лице Альбера отразилось что-то похожее на облегчение. Граф Вардо пришел к выводу, что арциец отнюдь не намерен немедленно соблазнить его молодую жену, и был совершенно прав. Антуанетта со своими кудряшками и бриллиантами не была нужна Базилю и через порог. Ему вообще никто не был нужен, по крайней мере, в данный момент.

– Надеюсь, с моим кузеном все благополучно? – пискнула графиня. Чем был вызван вопрос – наглостью или глупостью, граф Мо не понял, но ответил совершенно честно, что тоже на это надеется. Забавно, он совсем позабыл о Морисе из-за... из-за Сезара Мальвани, Проклятый бы побрал этого задаваку!

– Сигнор, – Базиль, отдав долг вежливости, вновь повернулся к хозяину, – мне хотелось бы с вами, как со знатоком, обсудить... один охотничий вопрос. Надеюсь, обворожительная сигнора простит мне мою бесцеремонность.

– Не сомневаюсь. Сударыня, мы к вам спустимся позже, – граф нежно улыбнулся жене.

– Я прикажу подавать закуски через пол-оры, – графиня говорила голоском послушной девочки. Похоже, бедняга Альбер и впрямь считает свою писклявую женушку ребенком. Хотя ему-то какое дело? Базиль, как всегда, когда видел что-то неприятное, но не имеющее к нему отношения, пожал плечами и последовал за всемогущим Вардо в его кабинет.

Граф себе ни в чем не отказывал, но вкус имел отменный. Братец Жорес счел бы обитель ифранского вельможи блеклой и невыразительной, но Базиль оценил и мореный дуб панелей, и охотничьи трофеи, и неброский ковер на полу. Вардо указал гостю на кресла у камина и налил вина. Очень хорошего вина, но Базиль Гризье поставил кубок на стол, лишь слегка пригубив.

– Итак, – небольшие цепкие глаза уставились на арцийца.

– Сударь, – Базиль очаровательно улыбнулся, – я помогаю вам изменять вашему королю, помогите мне предать моего.

Альбер Вардо поставил свой кубок рядом с кубком Гризье.

– Не знаю, что вы за животное, Базиль, но вы не пудель. Это точно.

– В данном случае я похож на осла.

– Прежде чем согласиться с вашим предположением или его отвергнуть, я должен знать, чего вы хотите и что вам нужно от меня.

– Чего я хочу, я не знаю, а от вас мне нужно одно: сообщите Сезару Мальвани, когда, где и с какими силами Аршо-Жуай перейдет Ньер.

– Всего-то? – засмеялся Вардо. – А я-то думал, что вы собрались обрушить мунтский храм Триединого на голову Его Величества.

– Если вы обещаете, что рядом с Тартю не будет моей сестры, я согласен. А вы можете обрушить храм?

– Нет.

– В таком случае вернемся к письму в Оргонду.

– Но я не знаю, где, когда и с какими силами маршал Аршо начнет кампанию.

– Это знаю я, но знать одно, а донести – другое.

– Дорогой граф, я полагаю, прежде чем обратиться ко мне, вы перебрали все возможности.

– Да, и пришел к неутешительному выводу. Граф Мо может поручить столь деликатную миссию только Базилю Гризье, но мои сестры, мать, брат и племянники этого не поймут, Пьер не простит, а Мальвани не поверит.

– Вы сказали «мой брат»? Правильно ли я понял, что вы считаете своим братом только Жореса Аганнского?

– Пьер Тартю не оставил мне выбора.

– То есть? – поднял бровь Вардо.

– Муж моей сестры приказал убить ее единоутробных братьев. Видимо, чтобы не искушать местных любителей менять королей.

– Мои соболезнования, – Базиль готов был поклясться, что ифранец говорит искренне, – могу ли я спросить, как давно вы об этом знаете?

– Довольно-таки. Мне сообщили накануне свадьбы Элеоноры.

– И все же вы отвели ее к алтарю!

– Проклятый! Держали же вы корону, над Жермоном во время миропомазания!

– Да, сигнор Гризье… Вы не только не пудель, но и не осел. Я рад, что вы на нашей стороне, хотя и не понимаю почему.

– Возможно, потому, что вы с Морисом не относите меня к милому собачьему семейству. Итак, дорогой граф, что вы думаете о моем деле?

– Трудно, но выполнимо. Более того, я полагаю вашу мысль удачной! Небольшое поражение нам не помешает, Жоселин стала слишком самоуверенна. Пожалуй, если б вы не пришли ко мне, я бы сам пришел к мысли послать гонца Мальвани. Если б сумел узнать подробности. Здесь наши интересы совпадают.

– Я рад. Разрешите откланяться.

– Не разрешаю, граф. Вы отобедаете с нами, Антуанетте хочется побольше узнать об Арции, да и я искренне рад вашему обществу. Я благодарен моему полоумному племяннику за то, что

он сдружился с вами, и, в свою очередь, предлагаю вам свою дружбу.

– Мне? Но я же...

Граф Вардо был не из тех, кто склонен слушать чужие возражения, он был знаменит тем, что знал или думал, что знает о других все. Арциец был много моложе, его происхождение было, мягко говоря, не слишком благородным, к тому же Базиль Гризье привык играть роль шута и к нему не относились серьезно даже родичи. Разумеется, бедняга растерялся, когда ему предложил дружбу первый вельможа Ифраны, но все это – ерунда, не имя делает человека, а человек – имя, а дружба... Что ж, покойный Александр Тагэре дружил с людьми, которые годились ему не только в отцы, но и в деды...

Альбер Вардо на правах старшего отчитал Базиля за излишнюю скромность и повел в столовую, где ожидала антуанетта, сменившая утренний наряд на дневной, более смелый. Базиля после истории с головой Жися все держали за наглеца, но сейчас арциец не знал, куда девать глаза. Когда он познакомился с Морисом, Вардо был не более чем старым, ревнивым мужем, не одурачить которого было просто неприлично. Теперь этот человек протянул ему свою руку, и он ее пожал, утонув в очередной лжи. Он будет лгать, потому что не может предать Мориса, да и радости это никому не принесет. Только смерть, потому что эти щенки играют с огнем и не понимают этого.

Базилю очень захотелось выпить, но он не мог позволить себе даже этого. Если ты предаешь двух королей сразу и при этом помогаешь одному своему другу обманывать другого, лучше не напиваться. Проклятый бы побрал эту Антуанетту, и что они оба в ней нашли?!

Нэо Рамиэрль

Онка потратила немало усилий, улыбок и жестов, объясняя гостям, как все будут счастливы, если они останутся в поселке воительниц. У Романа гремящие железом девы вызывали смешанное чувство смеха и досады, но они не были опасными и у них можно было научиться языку и разузнать о том, куда путников занесло на этот раз. И они остались.

Разведчик, и раньше все схватывал на лету, теперь же, когда от его способностей зависела судьба всего похода, превзошел сам себя. Язык оказался простым, но чем больше понимал Нэо, тем яснее становилось, что, хоть они и приблизились к цели, им идти

и идти. В этом мире, к слову сказать, именуемом Фэрриэнном, почитали Ангеса и Тьму, но услышанные Романом смешные сказки свидетельствовали, что Воин своим вниманием сие место не баловал, предоставив его обитателей самим себе. Жили здесь люди и только люди, по крайней мере, Онка не сказала ничего, что хотя бы намекало на присутствие эльфов, гоблинов или гномов.

Фэрриэннцы совершенно точно знали, что тела первых людей сотворил Воин, а души им вдохнула Дева, после чего ушла, а Воин остался защищать своих детей от живущих в Свете чудовищ, которым только и дел, что пить чужие души и обращать в рабство свободных.

Эльфы немало посмеялись, узнав, что исчадия Света уродливы и исполнены злобы и зависти ко всему сущему. У них покрытая золотой чешуей кожа, из их лишенных зрачков глаз изливается слепящий белый свет, выжигающий душу всякому, кто осмелится на них взглянуть. Светлые твари ненавидят и стараются уничтожить все, что отбрасывает тень. В их мире нет благословенной ночи, дарующей отдых и хранящей тайну Любви. Там, на голой равнине, усыпанной блестящими камнями и залитой беспощадным Светом-без-Тени, царят пятеро демонов, стремящихся захватить и уничтожить другие миры. Желая спасти от них фэрриэннцев, Воин создал Огонь и наполнил им сотворенную Девой Бездну, через которую могут пройти лишь избранники Ангеса, чьи души исполнены Тьмы. В таковые воинственные девицы и записали своих гостей.

Еще бы, ведь они взялись ниоткуда, не знали местного языка, были молоды, красивы и привели с собой лльяму, которую Онка, а затем и другие уважительно стали называть «Дитя Тьмы и Огня». Огневушка на лесть не клевала, а хозяек держала в строгости, всячески мешая им приближаться к Рамиэрлю. Впрочем, Аддари и Норгэрель тоже не остались без защиты.

Солнечный утверждал, что лльяма ревнует, и Рамиэрлю порой казалось, что сын Эльрагилла прав. Онка и ее подруги принимали их за великих героев и к тому же весьма недурных собой. Эх, знали бы красавицы, что заигрывают с порождениями Света!

Девы Тьмы, или же «Черные Лилии», как именовали себя их новые знакомые, несли пожизненную Стражу на границе Фамарского леса, где ничего более страшного, чем дятлы и ежи, Романом замечено не было. Причину столь странного поведения красавицы тщательно скрывали, хотя кое в чем были пугающе откровенны. При всем при том бренчащие железом девы ничем не напоминали луцианских паладинов, изображавших из себя

эльфов. С теми все было ясно и просто. Содрав с тыквоносцев их одежки и смыв грим, получишь самых обычных синяков, готовых следить, доносить и хватать. Воительницы же вызывали в памяти Нэо воспоминания об эллских маскарадах, некогда гремевших на всю Арцийскую империю.

Жизнь в лесу, странные доспехи, совершенно не годящиеся для боя, роковые тайны – все это казалось игрой, но если молодые фэрриэннки могут так играть, значит, этот мир добр и не знает настоящих бед. Любопытно, чем заняты здешние мужчины? Сидят в другом лесу? Если девы взялись за оружие, не значит ли это, что юноши с утра до вечера меняют юбки и вертятся перед зеркалом, хотя в здешнем лагере зеркал не меньше, чем мечей. Ни одна воительница не выйдет на улицу, не подведя глаз и губ.

Нэо с усмешкой поглядел на огненную ревнивицу, смирно сидевшую у стола. Та, как всегда, почуяв взгляд, встрепенулась и замерла, готовая броситься обожаемому хозяину на грудь, буде тот позволит. Рамиэрль совсем было собрался осчастливить свою зверушку, но помешал раздавшийся неподалеку крик, вернее, визг.

Привыкший к ночным тревогам Рамиэрль вскочил и бросился на шум в сопровождении неизбежной лльямы, прикидывая, не снять ли со своей приятельницы магический намордник. Решил подождать, и правильно. Причиной переполоха оказалась Шабба. Девица стояла на краю поляны, сжимая кулаки, и визжала, выкрикивая еще неизвестные Роману слова. Она была в ярости, но, похоже, цела и невредима. Вслушавшись в вопли, эльф понял, что «фартока Тигойа» бежала с каким-то «мадаром». Что это значило, эльф не знал, но подозревал, что ничего хорошего. Шабба была в ярости; что до сбежавшихся на ее крики темных дев, то в глазах одних Нэо заметил то же бешенство, что и у поднявшей переполох, другие же смотрели на завывающую Шаббу с явным злорадством.

Появилась Онка, в отличие от остальных вполне одетая, то есть, конечно, раздетая, но перед зеркалом. Брови и губы предводительницы были умело подведены, а волосы небрежно перевязаны красно-черной повязкой с шипами. Побывавший при многих дворах Нэо прекрасно знал цену подобной небрежности, над которой бились лучшие куаферы. Посмотрев на Шаббу, Онка презрительно скривила рот и холодно бросила:

– Замолчи.

Та напоследок выкрикнула что-то вроде «лашоп атреч!» и замолкла. От крика вокруг глаз у нее проступили красные точки, но сами глаза оставались сухими.

– Значит, – холодно бросила Онка, – Тигойа бежала. С кем?

– С Тамарином, – процедила сквозь зубы Шабба.

– Надо же, – подлила масла в огонь появившаяся Зайя, – бегала за кондином ты, а поймала его Тигойа.

– Флюэша! – взвизгнула Шабба, бросаясь на обидчицу. Роман не находил в женских схватках ничего красивого и ухватил озверевшую девушку за усыпанный бляхами и шипами широкий пояс. Он хотел ее удержать от драки, а не обнять, но рывок странным образом привел к тому, что Шабба прилипла к груди эльфа. Это не понравилось лльяме, немедленно долбанувшей несчастную синей мордой. Роман разжал руки, и Шабба шлепнулась на прелестные желтые цветочки, задрав оплетенные ремнями ножки. Подруги захохотали. Из темноты появились Аддари и Норгэрель, с некоторой робостью рассматривая сгрудившихся женщин.

– Хватит, – прикрикнула на воительниц Онка, – собирайтесь! Их дело бежать, наше – гнаться.

Повторять не потребовалось. «Лилии», возбужденно галдя, разбежались по своим шатрам, довольно-таки роскошным, к слову сказать.

– Мы пойдем с ними? – предположил Аддари. Солнечный откровенно страдал от внимания хозяек – за ним охотилась добрая дюжина девиц.

– Разумеется. Здесь мы больше ничего не узнаем и ничего не добьемся. Разве что вы разобьете еще несколько сердец.

– Тебе хорошо, – возмутился Норгэрель, – тебя охраняют.

– Да, мне хорошо, лльяма всех вокруг меня распугала, – хохотнул Роман.

Аддари и Норгэрель – чудесные спутники, но им незачем знать, что фэрриэннки заставляют его думать о Кризе. Они упоенно играют в готовых к бою охотниц и воительниц, а орка такой БЫЛА. Женщина может стать другом, спутницей, защитницей. Дочка Гредды не играла, она жила, а теперь по ее памяти ходят эти дуры в высоких сапогах.

– Что с тобой? – вопрос задал Аддари, но он был написан и на лице Норгэреля, и на морде лльямы.

– Ничего, думаю о том, как искать Ангеса.

Они говорили о боге Воине до тех пор, пока из шатров одна за другой не стали выходить преследовательницы. Нэо с интересом рассматривал возбужденных девушек. Он знал, что такое война и погоня, был не чужд охватывающего воинов возбуждения, но глаза «Лилий» блестели не так, как у уходящих в бой. И взгляды, которые они бросали друг на друга, не были взглядами товарищей, готовых прикрыть друг другу спину. Так

смотрят съехавшиеся на бал девицы, оценивая соперниц. Эльф окликнул Зайю, которая и ему, и лльяме казалась наиболее «безопасной». Та охотно подошла. Она тоже принарядилась, надев на крепкую шею усаженный колючками ошейник и такую же широкую кожаную полосу на руку и сильно подведя глаза и брови.

– Зачем гоняться за несчастными влюбленными?

– Несчастными? – то ли он слишком плохо знал язык и не мог связно выразить свои мысли, то ли девушка не понимала шуток. Она даже не улыбнулась. – Они сейчас счастливы.

– Тем более зачем их трогать? И что с ними будет, если вы их поймаете?

– Не поймаем, – махнула рукой Зайа, – они уже в Леганне.

2896 год от В.И. 19-й день месяца Агнца. АРЦИЯ. ФЛО

Искать лучше всего там, где потерял, а не там, где светлее. Александр Тагэре пропал недалеко от Гразы, Рафаэль туда и отправился. Деревья еще не покрылись зеленью, а пробивающиеся кое-где ростки крапивы, по утверждению Крапивника, ничего не соображали. Пока крапива не начнет жечься, разговаривать с ней бесполезно и она годится разве что на корм козам.

От Гран-Гийо до Гразы было не так чтобы далеко, можно было не спешить. Крапива вырастет только тогда, когда вырастет, а до этого можно рассчитывать лишь на глаза и уши.

За месяцы вынужденного сидения в Гран-Гийо Рито Кэрна научился по своему желанию делать то, что раньше у него выходило случайно, так что внимания они с Серпьентом не привлекали. Рафаэля его новое умение одновременно и радовало, и бесило. Да, это было оружием, но каким-то нечестным. Байланте не должен стрелять в быка из арбалета и скрывать свое имя, но не искать же Александра, размахивая родовой сигной.

Раньше Рафаэль болтал, пел и смеялся. За зиму он научился молчать и слушать. Люди его не то чтобы не видели, но не замечали, и он мог слышать все, что говорили, хоть говорить в Арции стали намного меньше. Страна встречала весну в глубокой уверенности, что все плохо, а любые перемены будут лишь к худшему. Про Александра почти не говорили – вспоминать добром боялись, а злом было не за что. Про нового короля и его родичей тоже помалкивали. Хвалить было не за что, ругать и сплетничать опасно.

Арция погасла и сломалась, как отец после болезни Ренаты. Люди глядели настороженно, не засиживались в общих залах,

стараясь побыстрее проглотить заказанную еду и убраться от греха подальше.

Кэрна привык к настороженному унынию, и развеселая компания, пьющая за здоровье короля и королевы в харчевне «Мечта путника», его изрядно удивила. На первый взгляд, это были люди как люди. Судя по одежде – зажиточные мещане, довольные жизнью и собственными персонами. Их шутки и здравицы казались неуместными, как пляски на похоронах, но пирующим не было дела до косых, угрюмых взглядов. Сначала Рито решил, что гуляки наняты, чтобы вызвать ссору и выявить недовольных, но, присмотревшись, понял: они те, за кого себя выдают. Кэрна повидал немало простолюдинов, влюбленных сначала в герцога Эстре, а потом в короля, чтобы ошибиться. Байланте всегда верит своим глазам, даже если то, что он видит, ему не нравится. Осенью Рафаэль полез бы на рожон, сейчас он сидел и смотрел, пытаясь понять, чем унылый и жадный ублюдок расположил к себе, в общем-то, славных людей. Маркиз Гаэтано сдержался, но закусывавший за соседним столом человек в зеленом, судя по всему, лесничий, не выдержал и громко буркнул:

– Нашли, за кого пить. Кошкин сын вас же подчистую к осени обчистит.

– Много ты понимаешь, – беззлобно откликнулся один из мешан, – налоги – это временно. Надо же от врагов защищаться. Сообщников горбуна еще не всех выловили...

– Погоди-погоди, – поднялся лесничий, – это ты о покойном короле?!

– Да какой он король? Убийца и негодяй! Детей малых, и тех не пожалел, чтоб на братний трон усесться. Жену отравил, чтоб на племяннице жениться. Совсем стыд потерял.

– Ты думай, что несешь, подстилка кошачья!

– Это ты думай, дубина зеленая! Все знают, что горбун убийца и что без Пьера Арция бы пропала...

Рафаэль не верил своим ушам. Гуляки за Тартю готовы в огонь и в воду. Лесничий был один, но он явно устал молчать и прямо-таки лез в драку. Трактирщик был смертельно перепуган то ли тем, что его заведение разгромят, то ли тем, что его сочтут сторонником свергнутого короля. Остальные молчали.

– Ты, прежде чем глотку рвать, узнал бы, как дело было, – надрывался сторонник Тартю.

– А ты знаешь, да?! Осел бесхвостый!

– Знаю, это все знают. Про то как было, театр показывает.

– А ты и поверил, так тебе правду и покажут.

– Именно, что покажут. При горбуне ты театр видел? А

почему? Потому что он правды боялся! А Пьер не боится. Сам за театр платит, чтоб народ видел.

– За брехню он платит. Чтоб такие дурни, как ты, евонную брехню без соли жрали!

– Да чего ты ему говоришь, – влез коротконогий плотный дядька, – Пьер Пьером, а рожу он тебе расквасит, ишь как за горбуна держится. Поехали лучше. А театр вы, люди добрые, все ж поглядите. Он у нас в Кер-Франсуа сейчас, а потом к вам поедет. Вот и поймете, что к чему...

Нэо Рамиэрль

Люди, стоявшие на опушке, были одеты в темно-серые куртки и черные штаны, заправленные в высокие сапоги, и сердце Романа возликовало. Наглядевшись на полуголых воительниц, Рамиэрль немного побаивался встречи с фэрриэннскими мужчинами. Обошлось. Те ничем не отличались от обитателей иных миров и стран и явно знали, что должны прикрывать доспехи и как обращаться с мечами.

Воины, в свою очередь, уставились на эльфов и лльяму, чем явно раздосадовали Шаббу, но Онка была умнее. Она что-то тихо объяснила хмурому лысоватому воину, чей темно-серый плащ был украшен изображением нападающего ворона, и вернулась к подругам. Нэо понял, что пришло время пустить в ход выученный фэрриэннский, и вышел вперед. Лльяма покатилась следом, на сей раз это было кстати.

Роман двигался медленно, давая рассмотреть себя и рассматривая будущего собеседника. Тот ему нравился, а Нэо привык доверять первым суждениям о людях, это чутье его еще не подводило ни разу. Человек с вороном будет трудным собеседником, но может стать хорошим другом.

– Прости, я назову себя и своих спутников сам, – Рамиэрль решил сразу же отделить себя от «Лилий», – мое имя Роман. Это Аддар и Норгэрель. Мы пришли из другого мира.

– Я вижу, – взгляд «Ворона» уперся в огневушку, – мое имя Таэтан, я вассал конда Вайарда. Давно Бездна не пропускала к нам изгнанников. Леганна приветствует вас.

– Мы благодарны Леганне, – наклонил голову Нэо, – но наша дорога кончается не здесь. Мы можем показаться безумцами, но мы ищем Ангеса.

Как ни странно, Таэтан не отшатнулся и не заговорил с гостем ласково-лицемерным лекарским голосом.

– Ангес вечно в бою, он не смотрит на то, что творится за его

спиной… Я не знаю никого, кто бы видел Воина сам, хотя в старину были и такие.

– Может, в храме…

– В храмах умеют только «волчью долю» собирать да дураков утешать. Ангес им не мешает, но никто не помнит, чтоб он являлся молельщикам. Воинам и кондам, тем да. Если они оружие не опускали и не за свою дурь сражались. Нет, в храмах вам делать нечего, разве что на каменных волков любоваться, а вот в соседней кондии есть одна тропа… Попытайте счастья.

– Если ты думаешь, что я понял… – вздохнул Рамиэрль.

– Это я – дурак, вот и говорю с конем о рыбе. Езжайте с нами, все равно без помощи конда вам не обойтись, да и красоток На опушке держать – издевательство. Путь неблизкий, чего доброго, с них вся краска слезет. Ты верхом ездил?.

– Да, – Рамиэрль почел за благо не уточнять, что может подчинить себе любую тварь с теплой кровью.

– Тогда по дороге все и обговорим.

Таэтан подал знак, и молодой парень, которого в Арции назвали бы аюдантом, привел двоих черных животных, отличавшихся от коней лишь отсутствием гривы и коровьим хвостом с кисточкой на конце. Разум и норов у чернышей оказались вполне лошадиными, и Нэо с наслаждением вскочил в седло, спиной ощутив восхищенно-раздосадованный взгляд «Лилий». Таэтан его посадку тоже оценил.

– Молодец, эдак мы с тобой до Лега доберемся к вечеру.

– А остальные?

– Будут ждать и трясти своими цацками, благо есть перед кем. Я доложу конду, что Девы Тьмы явились за подругой, тот пришлет ответ, начнут торговаться. Все, как положено…

Нэо не знал, что именно положено. Слезы и злость Шаббы были самыми что ни на есть настоящими, а остальные смотрели на затеянный поход как на вечеринку. Впрочем, Рамиэрлю было не до них.

– Что с моими друзьями?

– Им придется подождать, пока мы доберемся до Табра. Оттуда я за ними пошлю скакунов. Если они боятся попасться в коготки котиссам[11], пускай посидят с моими ребятами.

Эльфы не возражали, возражала лльяма, решительно припустившаяся за чернышом, оказавшимся быстрым, как таянский дрыгант. Прогонять Волчонку Рамиэрль не стал, бесполезно. Сейчас Романа занимала тропа над обрывом, про которую рассказал Таэтан. Неужели Врата?! Но куда? Опять Радужный мост, или Бездна, или что-то новенькое?

Фэрриэннец знал не так уж и много. Пресловутая тропа

тянулась вдоль самого настоящего обрыва, за которым виднелся лес, и была знаменита тем, что, сколько по ней ни иди, останешься на месте.

Те, кто пытались пройти Тропой, добирались до огромного корявого пня, а дальше начинались чудеса. С другой стороны оврага горе-путешественников было прекрасно видно, они старательно шагали вперед и никак не могли миновать зловредный пень. Когда неудачникам надоедало топтаться на месте, они поворачивали назад, но не тут-то было! Бедняги маршировали в другую сторону, не сдвигаясь ни на шаг, пока не проходило столько же времени, сколько они «шли» вперед. Только после этого проклятая коряга отпускала пленников. На памяти «Ворона» бывало только так, но лет за десять до его рождения двое парней сначала миновали заколдованный пень, а потом исчезли из глаз, и никто их больше не видел. Рассказывали, что подобное случалось и раньше, а больше в Фэрриэнне никаких чудес не было, разве что время от времени Бездна пропускала сюда изгнанников из Пяти Миров, где владычествовали помешанные на Свете злыдни. Правда, в покрытых золотой чешуей чудищ Таэтан не верил, но в том, что лучше смерть, чем жизнь под властью кого-то из бывших Светозарных, не сомневался.

Рамиэрль пожалел, что Альмик остался в Луциане, какого бы друга он себе здесь нашел! Хотя, с другой стороны, бунтарь нужен Эльрагиллу и своему миру, а они с Норгэрелем своему.

– Таэтан, нам нужно попробовать с этой тропой.

– А то я не понял, – засмеялся «Ворон», – обязательно попробуете, но сначала придется на свадьбе погулять. Конд и его брат мне не простят, если я вас им не представлю, да и с Адоном договориться надо. Тропа в его владениях находится, а он сейчас в Леге: как-никак дочка замуж выходит.

– Значит, Тигойа...

– Фамарская кондеска. А ты что думал?! Попасть к Девам Тьмы дело не дешевое. Они простолюдинок не берут, да и цацки их бешеных денег стоят. За один нагрудник пяток скакунов купить можно.

– Звездный Лебедь! – присвистнул Роман. – Выходит, Девы эти знатные и богатые, зачем же они по лесам бегают?

– Да за тем же, зачем вся ихняя порода, – махнул рукой «Ворон», – за женихами.

Нэо засмеялся и пошел за Таэтаном. Лично он ничего против маскарада не имел, тем паче Девы Тьмы, в отличие от паладинов Солнцецвета, тошноты не вызывали, только смех. Воительницы... Дочери и сестры местных нобилей, вздумавшие поиграть в сказку,

а заодно показать кавалерам то, что обычно дамы вынуждены скрывать. Отсюда и доспехи, которые не доспехи, и стража, которая не стража, хотя за самим обычаем наверняка что-то стоит.

К вечеру они с фэрриэннцем отмахали несколько вес. Черныш обладал прекрасной иноходью, а хвост… Не в хвосте, в конце концов, счастье, хотя в чем оно, Нэо Рамиэрль до сих пор не понял. Эльф знал одно: счастья без свободы быть не может, по крайней мере, для него. Но что есть свобода, как не право выбора, право жертвовать своим и чужим счастьем ради того, что почитается долгом.

2896 год от В.И. 21-й день месяца Агнца. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Дарниец казался честным, хотя найти дарнийца, который выглядит жуликом, трудней, чем белокурого атэва. Другое дело, что врать и предавать уроженцы вольных торговых городов умели, и еще как, но принесенные человеком по имени Вильхайм сведения походили на правду.

Герцог Сезар расплатился с доносчиком, который деньги взял, честно признав, что ему один раз уже заплачено и заплачено щедро. Мальвани не сомневался, что тринадцатая часть вырученной суммы будет чинно передана Церкви нашей Единой и Единственной, дабы святой Вильхайм, святой Отто, святой Хайнц и прочие дарнийские святые не оставили жертвователя своей милостью. Полученные сведения стоили заплаченных за них денег, знать бы еще, откуда они. Мальвани еще раз перечитал письмо. Почерк был хороший – крупный, размашистый, без завитушек и росчерков, он немного напоминал почерк Сандера. Марта до сих пор не верит в смерть брата, он тоже не хочет верить, но живой Александр уже где-нибудь бы объявился. То, что его не нашли враги, ничего не значит: в Гразских оврагах и болотах может сгинуть и здоровый, а король был ранен. Садан никогда не имел дела с трясинами, запросто мог принять топь за покрытую вкусной травой лужайку, и все. Хотя такая смерть лучше плена… Сезар рванул богато расшитый воротник и вернулся к посланию. Что бы сказали Сандер и отец, если б получили такое? И что б они сделали, окажись это правдой? Герцог потряс украшенный оргондским трилистником[12] колокольчик. Немедленно появившийся аюдант отнюдь не казался заспанным, хотя шла четвертая ора пополуночи.

– Сержи, пригласи братьев Монтрагэ, сигнора Гартажа и нашего мирийского друга, – у двери аюдант задержался, он

казался немного растерянным, и Сезар невольно улыбнулся, – разумеется, сигнору тоже.

Сержи поклонился и исчез. Мальвани проводил его взглядом, задумчиво перебирая герцогскую цепь. Виконт Тирован был любимым аюдантом отца. Узнав о смерти маршала, он места себе не находил. Бедняга и сейчас изводит себя мыслью, что, отправься он в сбесившуюся Лиарэ, Анри Мальвани остался бы жив. А сам он лучше, что ли? Тоже думает, что, окажись он на Гразском поле вместе с Сандером, все пошло бы иначе.

Никогда еще Сезар Мальвани не был так близок к тому, чтобы нарушить данное в юности обещание и напиться. Он оставил Арцию и Александра ради Марты, Сандер отпустил друга к сестре, а сам попал в ловушку и погиб. Сначала Сезар надеялся, что Рафаэль или Луи отыщут Александра, но Трюэль с уцелевшими дарнийцами всплыл в Гваре. Он ничего не знал ни про короля, ни про маркиза Гаэтано, а Рито прислал письмо из Мунта и как сквозь землю провалился. Представить себе, что мириец где-то отсиживается, было невозможно, и Сезар простился с обоими – и с королем, и с его другом, другом, который был рядом с Сандером, когда герцог Мальвани наслаждался жизнью в Оргонде.

В непроглядной ночной темноте ярко светила голубая звезда. Амора! Такой яркой он ее еще не видел, а может, дело в том, что люди имеют милую привычку связывать звезды со своими радостями и бедами. Когда мы счастливы или, напротив, впадаем в отчаяние, мы чаще смотрим на небо...

Герцог все еще стоял у распахнутого окна, за которым занималась заря, когда Серж Тирован доложил, что все собрались.

– Сержи, – повернулся к аюданту Сезар, – пригласите всех и останьтесь.

Виконт вспыхнул и вышел скорее, чем следовало. Сезар пригладил волосы, еще раз коснулся цепи с трилистниками и улыбнулся ранним гостям.

– Моя сигнора, благодарю... Господа, рад вас видеть. Я получил письмо. Довольно необычным способом, должен вам заметить, но отмахнуться от находящихся в нем сведений нельзя. Вы все в той или иной степени знаете наше положение и наших врагов. Мне нужно ваше мнение об этом послании. Слушайте.

"Анонимные письма у людей благородных вызывают законное отвращение, но в двух случаях отсутствие подписи оправдано. Когда письмо, попав в чужие руки, может стоить кому-то чести или жизни и когда подпись заставляет забыть о содержании. Вряд ли кот, даже самый великий, поверит тому, что ему напишет собака, и наоборот. На этом позвольте закончить с объяснениями

и перейти к делу.

Монсигнор, все понимают, что весна не принесет Оргонде мира. Насколько мне известно, вы ждете удара в нижнем течении Ньера, недалеко от крепости Кер-Септим. В свое время ваш отец построил в Крокаллье постоянный лагерь, более похожий на крепость, и был совершенно прав, так как находящихся там войск было довольно, чтоб перекрыть путь вторгнувшейся армии, какую б из трех ведущих к столице дорог та ни избрала. Однако с падением Арции ваше положение ухудшилось, и серьезно. Вы не только потеряли союзника и приобрели врага, теперь нацеленная на вас ифранская армия увеличилась в три раза, так как Ифране больше незачем держать войска на арцийской границе.

Возможно, вам будет интересно узнать, что командует компанией маршал Аршо-Жуай. Во время Гразской битвы он довольствовался ролью наблюдателя и горит желанием доказать, что достоин называться полководцем, а не приложением к предателям и интриганам. Жуай опасается генерального сражения, так как помнит уроки, преподанные ему вашим батюшкой, и желает выиграть войну с минимальными потерями. Не буду вас утомлять досужими рассуждениями и перейду к достоверным сведениям.

Маршал – неглупый человек, и он решил разделить свою армию на две. Первая (две тысячи рыцарей и около двадцати тысяч пехотинцев) должна сковать ваши основные силы в Крокаллье, а вторая (шесть тысяч рыцарей, десять тысяч пехотинцев и четыре тысячи стрелков) переправится через Ньер и двинется на Лиарэ, куда одновременно с ней подойдут морские силы дарнийцев, которым хорошо заплатили за их услуги. Кроме того, ведутся переговоры с теми же дарнийцами о формировании третьей сухопутной армии, которая должна довершить разгром, однако дарнийцы весьма опечалены гибелью отряда господина Игельберга. Дабы почтить его память, они запросили тройную цену, и Ее Высочество пока не может переступить через фамильную бережливость.

Начало кампании намечено на месяц Иноходца, когда спадет большая вода и дороги станут проходимыми. Соответственно, штурм Лиарэ с моря и с суши следует ожидать в конце месяца Медведя или в начале месяца Влюбленных.

Вот, собственно, и все, что я имею вам сообщить. Надеюсь, будучи вооружены этими сведениями, вы найдете выход из безвыходного положения, в котором оказались. Если мне будет дозволено высказать свое мнение, то Тигру не зазорно вспомнить об опыте мелких мяукающих родичей, которые избегают ловушек успешнее, чем волки, а в случае необходимости могут забраться

на дерево или на крышу".

– Итак, господа? Что вы об этом думаете?

Мишель Монтрагэ поднял покалеченную руку. Когда-то это помешало ему избрать военную карьеру, но личное несчастье молодого нобиля для Оргонды обернулось удачей. Мишель оказался прирожденным дипломатом и разведчиком. Пока Авира не сочла уместным разорвать отношения с Лиарэ, он находился при ифранском дворе и знал его, как никто.

– Я склонен верить письму, – твердо сказал дипломат, – но не представляю, кто его написал. Можно изменить почерк, можно взять перо в левую руку, но у нашего «друга» весьма своеобразная манера выражаться, и он более, чем информирован. На первый взгляд, его следует искать среди тех, кто был в Гразе вместе с маршалом Аршо, но вряд ли там оказался бы кто-то, желающий нам успеха. Разве что нас предупредили противники Жоселин.

По приезде я докладывал, что у девицы Пата множество недоброжелателей, главным из которых, на мой взгляд, является граф Вардо. Пока он ничем этого не проявил, но у меня сложилось твердое впечатление, что он готовит переворот. Вардо достаточно умен и циничен, чтобы передать нам секретные сведения, ведь военное поражение Жоселин льет воду на его мельницу. Но он на ножах с маршалом Аршо и другими военными и вряд ли имеет доступ к подобным сведениям.

– Что думает сигнор? Это ловушка или подарок? – сверкнул зубами граф Артьенде.

– Это очень похоже на правду, – задумчиво проговорил Арно Монтрагэ. – Аршо хочет выиграть войну, а это можно сделать и без приграничного сражения. Если они сговорились с дарнийскими капитанами, оборонять Лиарэ будет трудно.

– Но взять еще труднее, – подала голос Марта, – продовольствия нам хватит, а гарнизон и жители встанут насмерть.

– Пусть сигнора меня простит, – Мишель Монтрагэ виновато улыбнулся. – Лиарэ и впрямь может продержаться несколько лет, но за это время Оргонда станет провинцией Ифраны, кроме областей, которые Паучиха подарит Кантиске, чтобы Церковь закрыла глаза на войну.

– Если ифранцы начнут обирать оргондцев, их начнут убивать по ночам, – протянул Диего Артьенде, поигрывая кинжалом, – а мы им поможем. Легкая конница в тылу осаждающей армии изрядно отравит ей жизнь. Когда Али воюет с Сартахеной, он действует именно так.

– Диего, – в глазах Арно вспыхнул живой интерес, – вы следите за вашими южными соседями?

– Да, – засмеялся мириец. – Я очень ленив и не хочу ломать голову над тем, что давным-давно придумано. Клирики нас попрекают сходством с атэвами, но в этом есть свои преимущества. Легкие доспехи, быстрые лошади, безумные всадники… Вряд ли это понравится серьезным дарнийским господам.

– Хорошая мысль, – согласился Сезар. – Но прежде чем дергать дарнийцев за хвост, надо дать по носу ифранцам. Я не позволю им маршировать через всю Оргонду с развернутыми знаменами. Они собираются осадить Лиарэ в месяце Медведя. Дарнийцы раньше не подойдут, незачем, так что время у нас пока есть. Сигнор Гартаж, что бы, на ваш взгляд, сделал Александр Тагэре?

– Разбил бы Аршо, – вздохнул арциец, – не знаю, как, но разбил бы.

– Так мы и поступим. Моя Сигнора, я намерен оставить Лиарэ на ваше попечение. Если дарнийцы придут раньше нас, вам придется выдержать несколько штурмов.

– Я сделаю все, что могу, но оставьте мне настоящего полководца. Я – женщина, хоть и урожденная Тагэре, а не командор.

– Я помню и о первом, и о втором, – Сезар подошел к жене и поцеловал ее руку. – Сигнор Арно, с сегодняшнего дня гарнизоном Лиарэ командуете вы.

– Мы продержимся, – просто сказал маршал.

– Не сомневаюсь. Диего, вы отправитесь с нами. У вас будут все возможности развлечься.

– Мы готовы танцевать все ночи напролет, – засмеялся мириец, – иначе бы нас здесь не было.

– Сигнор Гартаж, я могу рассчитывать на арцийцев, стоящих в Крокалльe?

– Трижды. Как герцог Оргонды, как Мальвани и как наследник арцийского престола.

– Что ж, господа. Мы встретим Аршо там, где это удобно нам, а не ему.

2896 год от В.И. 22-й день месяца Агнца. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Таянский король, недолго думая, возвел своего гостя в звание коронного[13], так что о билланской войне Сандер знал все или почти все. Это было традицией. В свое время арцийская императрица Белинда Гардани отправила своего первенца на выучку к деду. Арцийский наследник вернулся в Мунт в звании

коронного, а единокровный брат Белинды Стефан получил звание командора Арции. Так продолжалось две с лишним сотни лет, потом в Мунте об этом забыли, а в Гелани – нет. В Арции Рене Счастливого старались вспоминать пореже, портреты его – и те исчезли, в Таяне же это имя произносили с благоговением.

Когда Анджей объявил, что Гардани остаются вассалами Арроев, Сандер сперва растерялся, а потом попытался обратить все в шутку, сказав, что лучше он вернет себе трон Арции. В ответ таянец заметил, что вернуть трон с таянскими саблями легче, чем без них, но эти сабли нужно освободить. То есть раз и навсегда выиграть войну с Билланой и Тарской или, по крайней мере, нанести такой удар, чтоб «рогатым»[14] и в голову не пришло нападать, пока таянцы будут заняты с Тартю.

Все было решено еще до появления Александра. Получив письмо графа Лидды, Гардани не колебался ни мгновения: на троне Арции не должно быть бастарда, да еще такого подлого, но прежде, чем воевать на западе, нужно обезопасить себя с востока. Гонцы в Вархy и Гар-Рэннок поскакали немедленно, и союзники откликнулись, появившись в Гелани в начале весны.

Первых в своей жизни гоблинов и эльфа Александр Тагэре увидел на Военном Совете, и у него закружилась голова. Нет, это был не Роман, но, несомненно, его родич, тоже стройный и гибкий, с узким, неимоверно правильным лицом и огромными, чуть раскосыми глазами. У Романа были золотые, небрежно подстриженные волосы и синие глаза, и он носил арцийское дорожное платье. Эльф был одет в странные, серебристо-зеленые одежды, а каштановые, зачесанные назад локоны поддерживал изумительной работы обруч, но это не мешало видеть очевидное. Эльта... Эльтова скала или... Эльфова скала?!

– ...наш гость...

– ...Нидаль Рябиновая Гроздь из Дома Ивы Клана Лебедя, пережившего Разлуку, – эльф с грацией горностая наклонил голову, – я рад приветствовать и знакомых, и тех, кого вижу впервые. К сожалению, Эмзар не смог приехать – в Вархе слишком неспокойно, а Клэр все еще не вернулся из зимнего поиска.

– В Вархе неспокойно? – переспросил Гардани. – Магия или мечи?

– И то, и то. Наши разведчики доходили до Монтайи и дальше на север. Там готовятся не к обычным летним набегам, а к войне. Кольцо горит по-прежнему, но требует все больше и больше силы. Год Трех Звезд близок, те, кто чтут Ройгу, верят, что Варха должна пасть.

– Эмзар думает, что ударят по Вархе?

– Это вероятно, но билланский господарь и тарскийские

жрецы горазды на хитрости. Ясно одно – они собрали всех, кого могли, и готовы к вторжению. Мы не спустим с них глаз – это все, чем мы можем помочь. Варха вычерпывает нас без остатка, но Огонь не погаснет, пока жив хотя бы один Лебедь.

– Таяна благодарит короля Лебедей, – в голосе Гардани звучала неподдельная теплота и тревога, – мы поведем войска к Глухариной. Став там лагерем, мы станем ждать известий.

– Это хорошее место, – согласился Нидаль, – оттуда удобно ударить и по Вархе, и по Рысьему тракту, и по Франке. Вы перережете дорогу билланцам, куда б они ни пошли, а мы их из виду не выпустим. А теперь прошу меня простить...

– Но ты ведь только приехал, – не смог скрыть удивления Анджей.

– Верно, но все, что нужно, я сказал, а мое место у Кольца. Узник Вархи рвется наружу. Я боюсь, если так пойдет и дальше, нам придется вернуть даже разведчиков и Клэра, – эльф поднялся и слегка поклонился Александру. – Я рад узнать Последнего из Королей и надеюсь на долгий разговор с ним в Лебедином Гнезде не позднее, чем в месяце Сирени. Этикет не дозволяет одного гостя просить другого проводить его до коня, но, возможно, Александр Тагэре окажет мне эту любезность.

Сандер встал и вышел вместе с эльфом, ему казалось, что он спит и видит сон. Нидаль улыбался, но в глазах застыла осенняя отрешенность.

– Я и впрямь надеюсь на встречу, но мое сердце слишком часто тоскует по несбывшемуся и несказанному. Вот и теперь оно твердит, что встречи может и не быть. Тебе еще расскажут о Всадниках Таяны. Смыслом их существования было не дать Ройгу перейти Горду. Они держались долго, дольше, чем мы надеялись, но враг оказался слишком силен, и они пали. Я все чаще и чаще их вспоминаю. Это придает сил, но лишает надежды.

– Мне кажется, я попал в сон, в легенду.

– Нет, мой друг. Это Арция спит и видит серый кошмар, а Таяна жива, и твоя легенда еще не сложена. Знаешь ли ты, что Пророчество Эрика о тебе? Скоро взойдет твоя Звезда – она зажжена Первым, но будет светить тебе, Последнему. И не бойся пойти на ее зов.

Когда ты был мальчиком, ты встретил нашего родича, и он научил тебя жить, когда ты был юношей, ты встретил Вернувшегося, и он научил тебя сражаться. Ты не должен их подвести.

– Ты знаешь о них?! Они в Вархе?!

– Нет. Как они тебе назвались?

– Роман и Аларик. Но теперь я знаю его полное имя.

– Роман… Нэо Рамиэрль был нашим разведчиком в мире людей, из одного похода он не вернулся. Мы еще надеемся на встречу, но путь домой порой бывает слишком долог. Рене Аррой приходит и уходит, как ветер. Здесь он бывает редко, он принадлежит морю и живет морем, но ты его еще увидишь.

– Когда?

– Не знаю, но, если время не сойдет с ума, ваши пути пересекутся, Рене найдет тебя, он никогда надолго не терял тебя из виду.

– Могу я спросить, откуда вы знаете обо мне?

– Многие годы Роман шел по следу Пророчества, а звезды указывали на дом Тагэре. Сначала мы считали Последним из Королей твоего отца, затем – брата, потом поняли, что это – ты. Но Роман разыскал тебя, потому что поклялся в этом Эдмону.

– Эдмону?! – Александру показалось, что он ослышался. – Где? Когда?

– Перед казнью. Спасти его Роман не мог. Мы не всемогущи, к тому же зимой силы эльфов слабеют, но наш родич был с твоим до конца. Эдмон шагнул в песню, смертный ужас его миновал. Но я отвлекся. Роман нашел тебя…

– Тогда я не хотел жить, он меня заставил.

– И, возможно, спас этим Тарру. Роман рассказал о тебе королю Лебедей и Рене. Мы стали за тобой следить, с каждым годом убеждаясь, что ты выстоишь там, где другие сломаются. Тебе ничего не давалось даром, ты сделал свою жизнь сам, ты готов к последнему бою.

– Последний бой, когда он будет?

– Не знаю. Возможно, он уже идет.

Они вышли на крыльцо, где ждал конь, родной брат того, что носил на себе Романа, вернее, Рамиэрля. Нидаль еще раз поклонился и вскочил в седло.

– Прощай, и да хранит тебя Звездный Лебедь, – золотистая молния рванулась сквозь высокую арку и исчезла. Это было как пробуждение от волшебного сна, но Сандер Тагэре всегда просыпался сразу. Там, наверху, сейчас говорят о войне, там все понятно, и его место там.

Нэо Рамиэрль

Легонна оказалась гостеприимной, а конд – вызывающим уважение. Они сразу поладили, возможно, потому, что Вайярд Легонский напомнил Нэо Стефана Ямбора, только был постарше. Лет сорока, слегка располневший из-за вынужденной

неподвижности (наемный убийца ударил Вайярда кинжалом в спину, и у конда отнялись ноги), с хорошим, волевым лицом, он думал не о своих бедах, а о своем долге, хотя жил в аду. Владел собой Вайярд отменно, но Нэо едва не опустил глаз, когда после первой встречи двое дюжих охранников подхватили кресло с сюзереном и понесли к двери. Таэтану следовало предупредить гостя, но он этого не сделал, и Нэо даже понимал почему. «Ворон» привык к увечью своего господина и к тому, что об этом известно всем, а Романа признал за своего, вот и упустил из виду, что тот ничего не знал о несчастье.

Они были откровенны друг с другом настолько, насколько могли себе позволить. Нэо не сказал, что он эльф и маг, а Вайярд… Вайарду тоже было что скрывать. Свою боль, бессилие, отчаяние. Но помочь легонец согласился. После свадьбы Таэтан проводит их с Аддари и Норгэрелем к Тропе. Вайярд обещал, что конд Фамарский согласится пропустить чужаков на свои земли. Еще бы ему не согласиться, ведь его дочь со временем станет кондессой Легонны и матерью наследников. Тамарин – славный парень, хотя до брата ему далеко. Так же, как Зенону и Марко было далеко до Стефана.

Если Тропа над обрывом не сказка, то Фэрриэнн будет лишь краткой передышкой на их пути не поймешь куда. Этот мир пронизан той же магией, что и Черное Кольцо, но того, кто его создал, здесь не видели веками. Если верить чьей-то памяти, оживавшей в Норгэреле, Ангес любил странствовать. Вряд ли трое эльфов смогут угнаться за богом, но не ждать же у моря, когда оно высохнет! Умильное ворчанье свидетельствовало, что лльяма полностью согласна со своим хозяином. Это, подружка, очень мило с твоей стороны, но ведешь ты себя неприлично. Нельзя же быть такой ревнивой.

Нэо напустил на себя строгий вид, огневушка тотчас отползла в сторону, и эльф рассмеялся, правда, не слишком весело. Ему было жаль конда. Фэрриэннские похождения начинались смешно, но «Черные лилии» росли из земли, в которую впиталось немало крови. Может, Арцей не так уж и не прав, полагая, что смертных нужно хорошо кормить и держать в строгости? Лучше тысяча паладинов, вещающих от имени Света и творящих суд, чем войны, в которых сильный пожирает слабого, чтобы в свою очередь быть сожранным кем-то еще.

Лльяма подскочила и зарычала, Рамиэрль уже научился разбираться в издаваемых его приятельницей звуках и понял, что к нему пришла женщина, причем не Онка и не Зайа. Этих двух Волчонка терпела, но остальных, будь ее воля, испепелила б на месте. Рамиэрль распахнул дверь. Так и есть, Шабба. В доспехах.

Жаль, до такого не додумались хаонгские работорговцы, продающие атэвским вельможам краденых красавиц. Одень они пленниц в платья из кожи и железных колец, их выручка подскочила б до небес, но Нэо Рамиэрль не был атэвским принцем и вид Шаббы вызвал у него единственное желание – захлопнуть дверь, оставив воительницу по ту сторону.

– Черные Лилии оплакивают предательство той, что была их подругой, – томно протянула дева, – и просят своих гостей осушить прощальную чашу.

Спасение пришло со стороны Таэтана, пришедшего по поручению конда. Вайард собирался на оплакивание и хотел видеть рядом с собой гостей. Что ж, рядом с ним никакая Шабба не страшна. Нэо поблагодарил за приглашение, а Волчонка торжествующе тявкнула на разочарованную Лилию.

– Как есть дура, – заметил Таэтан, когда они отошли достаточно далеко. – И злая к тому же. Мы боялись, что Тамарин на ней женится. Вообще-то, как союзник – ее отец выгодней, но иметь такую кондессу...

– ...то же, что проиграть три войны, – подсказал Роман, вспоминая Агнесу и Ольвию. – А куда мы идем?

Оказалось, жениться на Деве Тьмы – дело непростое. Мало того, что ее надо похитить, нужно умилостивить заявившихся за ней подруг и уговорить их освободить ее от клятвы. Уходя в лес пугать ежей, девы клялись служить Тьме до самой смерти, отказываясь от семьи, любви и всего того, что нужно человеку, чтобы быть человеком. Нэо хмыкнул, но вовремя вспомнил про арцийские посты и луцианскую манеру непременно вставать с восходом солнца, как бы ни хотелось спать. Похоже, во всех мирах находятся дураки, полагающие, что если они не станут есть, спать, любить и радоваться жизни, то угодят высшим силам.

Почему богам должно быть хорошо, когда кому-то из-за них плохо, Рамиэрль не понимал. Он подозревал, что Ангесу подобные жертвы без надобности, но Лилиям, видимо, хотелось нарушить побольше запретов. Прежде чем выйти замуж, Дева Тьмы должна была пасть от руки подруги и быть по всем правилам отправлена в мир иной. Жених же приводил в дом найденную в лесу Девицу, утратившую память, которой давали новое имя. Нечто подобное Рамиэрль видел в сурианских деревнях. Там невесту, которую выдавали замуж в соседнюю деревню, «съедал» речной кокодрил, а «найденные» на берегу бусины и какие-то косточки торжественно предавали земле, дабы обмануть местных божков.

Эльф поделился своими воспоминаниями с Таэтаном, вызвав у воина неуместный приступ хохота. Они еще смеялись, когда

догнали конда и его носильщиков. Роман был бы плохим целителем, если б не понял, что Вайард чувствует себя хуже некуда. Он держался – еще бы, свадьба единственного брата и наследника, но воля волей, а боль болью. По тому, как с лица Таэтана сбежала улыбка, эльф понял, что воин тоже обо всем догадался.

Вайард, приветствуя гостя, улыбнулся, протягивая руку, и Нэо не выдержал, хоть и знал, что в Легонне лечат только травами и каменными солями, которые привозят с юга. Сила Ангеса не давалась ни людям, ни Аддари с Норгэрелем, но Роман мог черпать ее полными пригоршнями, что и сделал, коснувшись отечной бледной руки.

– Мой конд, посмотрите мне в глаза.

Калека в стальном обруче на темно-русых волосах с удивлением поднял взгляд. Круг замкнулся. Рука в руке. Глаза в глаза. Он пытался таким образом лечить Норгэреля, но болезнь родича была рождена магией, конд же пострадал от простого железа. Такую боль в Арции глушит любой медикус, другое дело, что ненадолго. К ночи Вайарду станет хуже, но церемонию он выдержит.

– Что ты сделал? – прошептал конд.

– Снял боль, – признался Нэо, – к сожалению, не навсегда.

– Спасибо, – Вайард улыбнулся, – но не делай этого больше, ведь ты уйдешь, а я останусь.

Да, об этом он не подумал. Не случайно фэрриэннец напомнил ему Стефана. Другой владыка постарался б удержать чудо-лекаря при себе хоть золотом, хоть женщинами, хоть цепями, а Вайард не хочет отвыкать от боли, потому что, когда уйдет гость, она вернется.

– Не буду.

– Но этот вечер будет моим, – повелитель Легонны тронул эльфа за плечо, – мне жаль, что ты у нас не задержишься. Не потому, что ты можешь помочь, а потому, что я хотел бы иметь тебя рядом. И твоих спутников тоже.

– Если б я покинул свой мир оттого, что мне наскучил покой, я бы остался, но у нас идет война.

– У нас тоже, – улыбнулся Вайард. – Но мы прежде всего должны своему дому и своему миру… Что ж, попробуем повеселиться хотя бы сегодня. Когда бедную невесту «убьют» и «похоронят», в большом дворце начнется вечер Встречи. Это красивый обычай, особенно если жених и невеста любят друг друга, а мой брат и эта глупышка любят.

2896 год от В.И. 26-й день месяца Агнца. АРЦИЯ. ФЛО

Представление давали в наспех сколоченном деревянном бараке, украшенном увядшей по причине жары зеленью. Первые скамьи занимали клирики и нобили, сзади размещалось простонародье. Публика прямо-таки ломилась на дармовое зрелище, но Рито умудрился отхватить место в восьмом ряду с левого края, а Серпьент возжелал наблюдать за действом с плеча Рафаэля. Начали вовремя. На сцену вышел злодейского вида человек с подложенной под плащ подушкой и низким, рычащим голосом заявил, что намерен стать королем Арции, даже если ему придется переступить через трупы своих родителей, братьев, племянников и жен.

Я преступлю, не дрогнув, реки крови, -
Завывал урод с подушкой, -
Но трон арцийский я заполучу,
Что смерть, предательство, разруха, голод?
Всего лишь средства., а корона – цель!
О ней мечтал я с самого рожденья,
Себя во сне я видел королем,
Проснувшись же, оказывался я
Лишь тенью робкой царственного брата...

Актеру было самое малое под пятьдесят, а грим добавлял ему еще с десяток лет. Рафаэль не сразу сообразил, что рычащий и хрипящий придурок изображает Александра Тагэре. То, что происходило на подмостках, не лезло ни в какие ворота. Негодяй Жоффруа, бывший старше Сандера на пять лет, превратился в юного, белокурого херувимчика, оклеветанного и погубленного злодеем-горбуном, который на этом не успокоился и взялся за Жаклин. Сначала он самолично убил ее горячо любимого и благородного мужа, затем похитил и изнасиловал безутешную вдову, вынудив выйти за себя замуж, после чего ее же и отравил, чтобы жениться на племяннице.

С каждым сказанным словом Рито все больше казалось, что он рехнулся. Дело было не только в ерунде, которую несли актеры, довольно-таки бездарные, надо отдать им должное, а в том, КАК на них смотрели зрители. Тишина стояла такая, что пролети бабочка, и то было бы слышно. Кэрна видел, что люди верят ВСЕМУ, что им плетут. Для них Сандер, за всю свою не столь уж и долгую жизнь не сотворивший ничего бесчестного, был чудовищем, узурпатором и убийцей.

Стараясь не шуметь, Рафаэль встал со своего места и пробрался к стене. Было еще светло, и мириец лихорадочно искал лица, на которых бы читались возмущение, недоверие, ирония.

Таких не было! Завопи кто сейчас: «Бей горбуна!» – и собравшиеся повскакали б со своих мест и с палками и факелами бросились на кровавого негодяя.

– Занятная магия, – шепнул Серпьент, – сразу и не поймешь, на чем она замешана...

– Магия? – не понял Кэрна, немедленно став врагом стоящих рядом, ибо отвлек их от разворачивающегося действа.

– Волшба, – подтвердил Серпьент, заползая приятелю чуть ли не в ухо. – Кто-то умный работал, проешь его гусеница! Ну да на каждую задницу найдется крапива! Это все брехня? Не говори, кивни только.

Рито вслушался и решительно тряхнул головой. Брехней было абсолютно все. То есть до такой степени все, что становилось непонятно, как подобное вообще могло прийти в голову. Это была даже не ложь, потому что ложь все же отталкивается от правды, а какое-то чудовищное извращение, сумасшествие, причем оказавшееся заразным.

Толпа внимала. Актер с подушкой как раз дошел до захвата власти и подробно сообщал, что подкупил свидетелей, дабы те оклеветали покойного короля, обвинив его в двоеженстве.

Пусть ложе брата моего не знало скверны, -

Шипел «Александр», превознося добродетель покойного Филиппа, число только известных любовниц которого перевалило за две сотни, -

Его Залью зловонною смолой,
И не отмыть ее вдове и детям,
А чтобы даже шепот не раздался,
Племянницу я к браку приневолю...

Зачем законному королю потребовалось жениться на незаконнорожденной, тиран объяснить не успел, так как раздался тонкий, дребезжащий голосок:

– Это все ложь, люди добрые! Клянусь святым Эрасти!

Рито бросился вперед и успел вовремя, чтобы прикрыть собой невысокого старичка в потертой кожаной куртке, а тот, сжимая сухонькие кулачки, кричал о покойном Шарло Тагэре, продажных лицедеях и несправедливости. Рафаэлю не впервой было драться, но против озверевшей толпы он еще не выходил. Зрители, только что с ужасом взиравшие на великого злодея, ополчились на тех, кто осмелился его защищать. Правда, не все. Слева вскочило трое

плечистых мужчин, явно готовых дать бой остальным, а справа раздался громкий, переливчатый свист. Свары возникли еще в нескольких местах.

Два десятка человек против четырех или пяти сотен! Говорите, нет суда справедливей памяти народной? Вот она вам, ваша память! Да и благодарность заодно! Старикашка за спиной Рафаэля не унимался, выкрикивая правильные слова, которые лишь подбавляли масла в огонь.

– Нашел, – гаркнул мирийцу в ухо Крапивник, – мы их поймали!

– Как бы не они нас, – огрызнулся Рито, проверяя, как ходит в ножнах меч.

– Погоди, я с ними и без железяк управлюсь.

Ответить Кэрна не успел – Серпьент заткнулся, и вверх взмыла огромная рыжая бабочка. Вызывающе трепеща крылышками, она подлетела к сцене и пристроилась на занавесе, а затем театр заполнил уже знакомый Рафаэлю хриплый рев.

Серпьент Кулебрин завел свою старую песню. Нет, не совсем! Вслушавшись, мириец понял, что слова изрядно изменились:

Бей Тартю крапивой по унылой харе,
Чтоб забыл, как из себя корчить государя.
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо.
Бей шута крапивой по вонючей пасти,
Чтоб навеки позабыл, как брехать для власти!
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо.
По ушам крапивой – дурней лопоухих,
Чтоб умели отличить правду от чернухи,
Бей свиней крапивой по голому заду,
Потому что заслужили, потому что надо.
Бей...

Мириец с детства обладал прекрасным слухом, но никогда ему не доводилось слышать ничего прекраснее, чем вопли Серпьента. Потому что безумные закатившиеся глаза становились обычными, человеческими, а побелевшие и закушенные губы расплывались в ухмылках.

Молодой мещанин в пестрой куртке, обнимавший за плечи свою подружку, замахал рукой и завопил:

– А Тартю – козел!

– Не козел, а кошкин сын! – поправил мордатый лавочник.

– ...кошачье! – подхватил его сосед.

– Долой!

– И шутов этих долой!

– Бей лгунов!

Кто-то свистел и топал ногами, кто-то запустил в сцену какой-то дрянью. Хозяин труппы с побелевшим лицом проблеял что-то вроде "представление отменяяяяяяяя... " и удрал, стирая с физиономии то, что мгновение назад было протухшим яйцом, а человек тридцать-сорок, обняв друг друга за плечи и раскачиваясь в обе стороны, вдохновенно орали:

Бей свиней крапивой по голому заду...

Лопоухий студиозус подскочил к стене, выхватил уголек и, несколькими штрихами изобразив непристойную картинку, подписал «Кошкин сын». Другой вырвал у приятеля орудие и добавил пару деталей. Вокруг немедленно образовалась толпа, подающая художникам советы все больше скабрезного толка. Еще с полсотни человек лупили друг друга по спинам и от души орали «Виват Тагэре!» и «Долой Тартю!».

– Эти готовы, – Серпьент описал несколько кругов перед самым носом Рафаэля, – больше их не окрутишь. Нет, каковы?! Я! Я не сразу понял, как это они делают. Ну ничего, теперь я им пропишу по первое число, до зимы чесаться будут!

Нэо Рамиэрль

Ветер обрывал белые лепестки цветов, на небе буйствовала огромная серебристая луна, столь любимая Ангесом. Рамиэрль не сразу привык к мысли, что в нем самом течет кровь Лунных королей, но это так. Может быть, поэтому серебряный свет и разбудил древнюю тоску. А Тамарин и Тигойа влюблены и счастливы, и дай им Звездный Лебедь всего хорошего! У них впереди не так уж и много лет, пусть они будут наполнены радостью.

Во дворце играла музыка, мужчины и женщины пили, танцевали, бросали друг на друга томные взоры, назначали свидания. Нэо видел это сотни раз, так было в Арции, Эланде, Таяне, Корбуте. Эльф оглянулся на освещенные окна: будем надеяться, что его отсутствия не заметят. Конд говорит с отцом жениха, остальные веселятся, и пусть их.

...С неба упала звезда, ярким росчерком пронеслась среди незнакомых созвездий. Странно, что ночь Фэрриэнна не освещали Амора и Ангеза, Дева и Воин не зажгли своих звезд, хоть и взяли

этот мир под свою руку. Рамиэрль тронул ствол какого-то дерева и почувствовал его ответ. Захотелось взять в руки гитару. Как давно он не играл... Разве что у зачарованного пруда в Солнечном замке, но тогда его пальцами водили своя и чужая боль, а сейчас назло всему хочется спеть о весне.

Нэо смотрел на звезды и думал о счастье, а потом рядом заплакала женщина. Тихие всхлипы среди цветов и музыки казались особенно безнадежными. Эльф не знал, что оплакивает фэрриэннка, его это не касалось, у него были свои беды, свой долг, своя память, ему следовало уйти и забыть, но он пошел на звук. Незнакомка забилась в самую гущу цветущих кустов, человек ее нипочем бы не отыскал и тем более не подошел бы незаметно, но перед эльфом усыпанные нежными пахучими колокольчиками ветви расступались сами. Нэо узнал Онку. Эльф не представлял, что заставило предводительницу Лилий забиться в самый дальний угол сада, но что дело плохо, понял сразу. Рамиэрль тихо отступил, оставляя женщину наедине с ее горем, но не тут-то было. У лльямы было слишком доброе сердце или что там имеется у подобных созданий. Огневушка проломилась сквозь кустарник и, будучи исполнена глубочайшего сочувствия, наскочила на всхлипывающую Онку, вдохновенно поскуливая. Та вскрикнула и отняла ладони от лица. Отступать было некуда, и Нэо вышел вперед.

– Прости, я здесь оказался случайно. Пошли, Волчонка.

Но лльяма, доселе относившаяся к фэрриэннским женщинам с неодобрением, не ушла, продолжая толкать Онку то головой, то лапами. Пришлось крикнуть еще раз. Огневушка подпрыгнула, подскочила к Нэо, описала вокруг него пару кругов, вернулась назад и улеглась.

– Не бойся, она не со зла, она хочет тебе помочь. Я сейчас ее уведу, – тихо сказал эльф.

– Мне никто не поможет, – фэрриэннка подняла голову. Черная и синяя краска на ее лице размазалась и потекла, губы и глаза опухли, но смешным и уродливым это не казалось. Такое горе не может быть смешным. Нэо подошел к женщине и опустился на траву у ее ног рядом с лльямой, немедленно положившей ему на колени тяжеленную синюю лапу. Очутившись в мире Ангеса, она все больше напоминала волка или собаку, по крайней мере, внешне.

Какое-то время все молчали, потом Онка заговорила. Тихо, словно бы сама с собой:

– Пусть они будут счастливы, у них должны быть дети, наследники Легонны... Хорошо, что он выбрал Тигойю. Я боялась, что в этот дом приведут Шаббу...

– Ты хорошо их знаешь, – откликнулся Рамиэрль. Раз она заговорила, будет и дальше говорить. Иногда горе можно ненадолго отпугнуть откровенностью. Эльф-разведчик знал, когда и как вступать, чтобы собеседник не останавливался.

– Хорошо, – фэрриэннка сорвала небольшую ветку, смуглые пальцы теребили цветочную кисть, – очень хорошо... – она помолчала. – Я была невестой Вайарда. Он ехал за мной, когда на него напали. Сначала мне сказали, что он умер, потом, что жив, но умирает. Я сидела рядом и ждала конца, а смерть все не приходила и не приходила... Появлялся лекарь и говорил, что он не доживет до утра. А потом до вечера. А потом снова до утра... На третью ночь Вайард пришел в себя и увидел меня.

Я всегда любила его, хотя наш брак... Его задумали родители, чтобы скрепить союз Легонны и Ратты. Вайард и раньше думал сначала о кондии, потом о себе. Он согласился, я знала, что он будет со мной честен, но я не думала, что он тоже любит, а он любил. Он сказал мне об этом, когда думал, что уходит...

Онка замолчала. Лльяма еще сильнее навалилась на Рамиэрля, и тот был готов поклясться, что огневушка все понимает. Или чувствует, что в такие мгновения важнее. Пауза затягивалась, и Рамиэрль тронул собеседницу за руку.

– Он выжил, почему же вы не вместе?

– Вайард отослал меня, когда ему сказали, что он... Что он жив лишь до пояса. Я умоляла его остаться со мной, клялась в верности, в том, что я люблю его любым, но он не хотел губить две жизни вместо одной. И все равно погубил... Зачем?!

– Он не хотел быть беспомощным в глазах любимой женщины. Такие не позволяют себя оплакивать и себя жалеть.

– Да, – Онка вздохнула, – наверное... Я рвалась за ним ухаживать, он не давал. Волчье сердце! Какой же дурой я была...

– Ты ушла к Девам Тьмы поэтому?

– Нет, я просто не вернулась домой. Я была такой же Подругой, как Тигойа, мне нравилось носить холодное железо и показывать свои ноги и грудь... Если б я не была на Страже, если б Вайард не поехал за мной, все было бы иначе!

– Неизвестно, лучше или хуже. Онка, дорогая, если Вайарда решили убить, на него бы все равно напали. Никому не известно, чем бы закончилось покушение. Он мог выжить, а мог погибнуть. Возможно, быстрая смерть для него была бы милосердием, но для Легонны стала бы бедой.

– Да, – всхлипнула Онка, – да, наверное. Он живет для Легонны, а для меня... Для меня места нет.

– Прости, но ведь ты могла выйти за другого.

– Могла... И не могла. Я люблю и буду любить, тебе этого не

понять...

"Тебе этого не понять... " Всем кажется, что их беда самая страшная, что другие никогда не поймут их боли. Хотя почему всем? Рене все понял, Рене и Геро... «Почему ты ее отдал?» – спросила она после коронации. Он отдал Кризу Уррику, потому что боялся любви, потому что думал, что еще не поздно уйти. Почему мы «думаем» там, где надо просто жить?! Вайард тоже «думает», побери его Бездна! И почему только он не Ларэн, тот бы знал, что делать!

– Если можешь, забудь, что я сказала, – Онка попробовала улыбнуться, – я, наверное, очень страшная, да?

– Страшная? Ничего подобного, – Нэо пристально посмотрел на женщину. Он ничего не сделал. Или почти ничего, но потеки краски на лице исчезли, а выбившаяся из-под повязки седая прядь стала черной. – Я не лгу, все в порядке, – заверил эльф и вдруг добавил:

– Ты можешь сделать так, чтобы сюда принесли Вайарда и он остался один? Совсем один?

– Могу... Но, – она с испугом посмотрела на Нэо, – зачем?

– Самое худшее, что ему грозит, это послушать ночных птиц... Онка, я ничего не могу тебе обещать, но я... Я попробую ему помочь.

– Это невозможно. И... ты же не лекарь?

– Невозможно? А вот она, – Нэо схватил за шиворот пискнувшую лльяму, – возможна?! Я не лекарь, Онка, но я попробую. Хуже не будет. В крайнем случае, ничего не выйдет, так что лучше соврать. Сможешь?

– Смогу.

– Тогда я жду.

Онка ушла, лльяма в порыве восторга постаралась опрокинуть Нэо на усеянную лепестками траву, но эльф увернулся. Он сам не знал, как у него сорвались эти слова, и что будет, если он ошибается в своих силах? Он слишком многое сегодня вспомнил, вот и растаял. Огневушка опять подпрыгнула, и Нэо на нее цыкнул. Скоро сюда придут, значит, надо спрятаться.

– Волчонка, – лльяма насторожилась, – а ну иди сюда и ложись. И тихо! Поняла? Тихо! Нас тут нет!

Порождение Тьмы осознало, что сейчас не до шуток, и старательно затаилось, Нэо пригасил синее свечение. Они ждали. Долго или нет эльф не думал, отбиваясь от нахлынувших воспоминаний, в который Кризин смех сменялся голоском Мариты, а седые, древние травы оборачивались цветами могильного шиповника, который он заставил жить и цвести

вопреки осени и смерти. Как далеко сейчас этот шиповник…

Шаги то ли слуг, то ли охранников Рамиэрль услышал задолго до того, как зашевелились ветви и на освещенную луной потайную полянку вышла Онка. Женщина оглянулась по сторонам, но никого не заметила. За ней появились и остальные. Нэо видел, как конд отпустил носильщиков и повернулся к Онке.

– Ты хотела со мной поговорить. О чем? Все давным-давно сказано…

– Все? Неужели все? Ты помнишь это место?

– Да, – эльф видел четкий профиль Вайарда и его отекшую руку, лежащую на резном подлокотнике, – я не могу позволить себе роскошь забыть о счастье, хотя тогда я не думал, что это счастье… Я тогда вообще мало думал. Онка, хорошо, что мы остались одни. Я должен тебе сказать одну вещь, – он помолчал. – Если ты хочешь мне помочь, возвращайся к отцу и выходи замуж. Ты не должна себя губить с этими дурищами…

– Я была одной из них.

– Была, но тогда тебе было восемнадцать и ты не собиралась там оставаться. Просто играла… Тебе хотелось, чтобы я тебя похитил, чтобы была погоня, пир, черное платье. Выходи замуж, Онка. Прошу тебя. Я не могу видеть тебя такой.

– Нет, и ты знаешь почему.

– Знаю и именно поэтому прошу. Я и так каждый день думаю, что ты из-за меня себя хоронишь. Твой отец тоже…

– Отец? Он приезжал? Да?! Кто ему позволил?

– Он – твой отец…

– Хватит, – выкрикнула женщина чуть громче, чем нужно. – Поговорили… Я пойду, позову слуг, – она обвела глазами поляну и исчезла. Вайард остался, рука еще сильнее сжала резную птичью голову, но конд промолчал.

Нэо собрался с силами. Ларэн властью Ангеса вернул Эрасти руки, и Роман лишь сейчас понял, КАК он это сделал. Воина помнили как бога войн и холодного железа, забывая, что он был и богом прощения. И это было правильным. Те, кто смотрят в лицо смерти, умеют прощать, как никто.

Человек в кресле посреди поляны что-то почувствовал, что-то необычное, зашевелился, попробовал крикнуть, но синий купол, похожий и не похожий на тот, что защищал живой мир от лльямы и лльяму от мира, уже окружил легонского конда второй кожей, и тот замер. Сейчас он спит и видит… Кто его знает, что. Может, танцующую Кризу, может, Рене, положившего руку на холку Гиба, или золотоволосого юношу на эшафоте, говорящего о том, что смерти нет… Роман стиснул зубы и накинул магическую сеть на цветущие кусты. Если получилось у Ларэна, получится и у него!

Стон умирающих растений был тихим и покорным. Зеленые создания умирают там, где родились, они не могут бежать, не могут защищаться, не могут умолять… Здесь долго ничего не вырастет, но так надо. Внук Лунного короля сосредоточился и влил в синий панцирь силу, забранную у весенних кустов. В висок вонзилась раскаленная игла, но такую боль пережить можно. Синий свет сменился зеленым, магический кокон оплывал, стягиваясь к пояснице и ногам все еще грезящего человека. Сначала сияние нарастало, потом стало гаснуть, впитываясь, как вода впитывается в раскаленный песок. Зелень стремительно исчезала, сквозь нее стали пробиваться оранжевые и алые блики. Неужели не хватает?! Да. Не хватает. Что ж, пустим в ход собственную силу.

Игла превратилась в кинжал, во рту появился привкус крови, но осенние пятна исчезли, зелень вновь стала чистой и нежной, как в Корбутских горах в месяц березы[15]. Нэо, едва стоя на ногах, устало смотрел на очнувшегося конда. Вряд ли тот что-то запомнил, а хоть бы и запомнил.

Голова разламывалась, но это пустяки в сравнении с тем, что выпало на долю Рене. Рамиэрль закусил губу и попытался найти Онку. Женщина была совсем рядом. Ждала. Что ж, тянуть не стоит. Если получилось, оно уже получилось. Эльф тенью скользнул сквозь кусты, листья на ветвях еще трепетали от легкого ночного ветра, а цветы обдавали ароматом, но растение было мертво, так что ветви Роман раздвинул сам.

– Онка!

Та вздрогнула и оглянулась. Если ничего не вышло, ее лучше сразу убить.

– Онка, теперь все зависит от тебя. Ты должна закричать.

– Зачем?

– Закричать так, словно тебе что-то грозит. Что-то очень страшное… Он должен услышать.

Она молча кивнула. Подползла Волчонка и улеглась у ног Романа. Нэо присел на корточки, положив руку на прохладную синюю морду. Не так ли и он сам? Внутри все полыхает, а сверху – прохладная безмятежность…

Онка закричала неожиданно и так, словно ее и впрямь схватило чудовище. Закричала и бросилась на землю, колотя по ней кулаками. Это не было игрой, просто она слишком долго молчала.

– Онка, – крик Вайарда был не менее отчаянным. – Онка! Что с тобой?!

Роман едва успел отступить в сторону, иначе конд сбил бы его с ног. Женщина рывком поднялась с земли навстречу. Дальше

Рамиэрль не смотрел, пробираясь умирающими кустами в сторону дворца. Надо сделать так, чтобы сюда никто не пришел хотя бы ору.

2896 год от В.И. Ночь с 6-го на 7-й день месяца Иноходца. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Нельзя сказать, чтоб план был безупречен, но лучшего герцог Мальвани придумать не мог. У них было слишком мало людей, и приходилось трижды примерять, прежде чем решить судьбу хотя бы одного полка. Получив письмо от тайного доброжелателя, Сезар не спал несколько ночей и наконец принял решение. Первой о нем, разумеется, узнала Марта. Герцог рассказывал, герцогиня слушала, как всегда, не перебивая. Потом она задаст вопросы, немного помолчит, по привычке теребя ожерелье, и, наконец, скажет, согласна или нет. Они никогда не врали друг другу, даже когда в глубине души хотели утешительной лжи.

– Нужно решить, что важнее: удержать Краколлье или разбить Аршо-Жуая. На то и на другое нас не хватит.

– Ты уже решил, насколько я понимаю.

– Да. Я оставлю в лагере две сотни рыцарей с двумя тысячами пехотинцев и стрелков и пошлю туда десять тысяч ополченцев. Для защиты укреплений хватит, ведь для первой ифранской армии главное – сковать наши силы и дать возможность Ипполиту вторгнуться в среднюю Оргонду. Они не станут разбивать себе голову о стены, Паучиха – девушка скупая, гробить армию без толку не будет.

– А что станешь делать ты?

– Тихонько пойду за ифранцами по нашему берегу. Думаю, они двинут к Кер-Женевьев, это подходящее место для переправы, и оно достаточно далеко от Краколлье. Жуай решил перейти Ньер там, куда нам не успеть, даже узнай мы о его маневре.

– Ты дашь бой на переправе?

– Не уверен. Возможно, дам, а возможно, помешаю им перейти на нашу сторону и заставлю идти выше по реке. Все будет зависеть от обстоятельств.

– Аршо-Жуай у Кер-Женевьев поймет, что ты вывел из Краколлье почти всех.

– Поймет.

– Значит, гарнизон обречен.

– У нас нет другого выхода. Если ифранцы разозлятся и решат во что бы то ни стало взять лагерь, они его возьмут. Те, кто там остается, об этом знают. Они сами вызвались.

– Кто это?

– Марта, ты же догадалась.

– Паже?

– Да, он не может простить себе Мунта. Я тысячу раз говорил ему, что на его месте попался бы любой, что Вилльо били наверняка и неладное почуял бы разве что покойный Обен. Эти твари обманули даже старшего Бэррота, чего уж говорить о бедняге Паже. Его никто не винит, но он себя осудил. В Краколлье он или искупит вину, или погибнет. Это его выбор.

– Остальные тоже арцийцы?

– Да, из южной армии. Те, кто пристал к Гартажу.

– А ты ведь тоже, – Марта накрутила на руку жемчужную нить.

– Что «тоже»? – первый раз за три года Сезар Мальвани изобразил непонимание. У него получилось очень хорошо.

– Тоже не можешь себе простить, что тебя не было ни у Гразы, ни в Мунте.

– Не могу, – тут он соврать не мог, да она бы и не поверила, – но я бы тоже попался. Если уж Луи и Ювер ничего не поняли…

– Ты помнишь, как все было в Эльте? – тихо спросила Марта. – Мне тогда было четырнадцать. Даже Обен не догадался… Даже Обен! – герцогиня резко дернула рукой, золотистые жемчужины раскатились по комнате, но дочь Шарля Тагэре на них даже не взглянула. – Сезар, мы обречены. Мы ничего не сможем сделать. Ничего…

– Марта!

– Неужели ты не понимаешь? Отец был лучшим воином Арции, Александр превзошел даже его, а их смела с ладони серость, которую они и замечали-то лишь для того, чтоб пожалеть! Можно бороться с тем, у чего есть голова и сердце, а это… Это как чума, как яд. Не знаешь, с каким глотком в тебя войдет смерть. Тут один закон: первыми гибнут лучшие и сильные. Нас у отца было шестеро, остались я и Лаура, которая ни на Тагэре, ни на Фло не похожа. Просто глупая женщина, занятая лишь своим домом. От Эдмона ждали многого, от Сандера не ждали ничего, но он взлетел выше всех. И разбился.

Жоффруа вырос ничтожеством, но он смог убить Рауля, которому был по колено, и… Филиппа. Потому что Филипп сломался из-за этой твари и еще из-за Эллы, которая со своим выводком погубила Сандера. Кто такие Вилльо, Сезар и кто был мой брат?! Но победили они. Кем были Агнеса с Батаром в сравнении с отцом? Но они его доконали. Теперь дошла очередь до нас…

Сезар задумчиво смотрел на раскатившиеся жемчужины,

потом перевел взгляд на эллский гобелен, где рыцарь на белом коне тыкал копьем в пасть маленькому и нестрашному дракону, кокетливо, чтобы не сказать больше, развалившемуся кверху пузом.

– Ты права и не права, – герцог подошел к жене и опустился на ковер у ее ног, – было бы чудесно, воплотись все зло в каком-нибудь чудище, которое можно убить. Или, того лучше, стань оно чем-то вроде ожерелья или кольца, которые взял да и бросил в море или в огонь. Тогда бы ни твой отец, ни Сандер не погибли, но у зла нет лица, оно везде и нигде, но это не значит, что оно непобедимо. Ты вспомнила Эльту и Гразу, а ведь был еще и Беток! У Кэрна на сигне горящее сердце, но тогда сердца горели у всех, и зло сгорело в этом пламени. Пусть не до конца, но сгорело! Ты сказала: чума. Это и впрямь похоже на чуму, а зараза боится огня, Марта. Не надо отчаиваться.

– Ты прав, я... Просто мне очень плохо без Сандера. Мы мало виделись, но он был моим братом, мы даже не понимали, мы чувствовали друг друга. Он был последним из Тагэре, а теперь последняя – я. Я все сделаю, как нужно, Сезар, не волнуйся.

– А я в герцогине Оргонды никогда не сомневался. Помни, после Эльты был Беток. Свой Беток будет и у нас.

2896 год от В.И. 7-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Последний кубок был поднят два дня назад: в Таяне пили после победы, а не до нее. Высокий Замок притих, словно приготовившаяся к прыжку рысь. Все знали, что делают, лица были сосредоточенными, движения быстрыми и точными. Обоз выступил ночью, конница уходила в поддень, а пехоты, пехоты в Таяне не было, разве что в гарнизонах, зато у них были союзники из Южного Корбута, которые ждали у неведомой еще Глухариной.

Луи Трюэль с самого утра болтался по Замку, решая для себя очень важный вопрос. На одной из лестниц он столкнулся с одетым по-походному Александром.

– Вот и начался наш путь домой, – глаза Тагэре ярко сверкнули, – пусть в обход, но начался.

– Арде, – кивнул Трюэль и, спохватившись, добавил:

– То есть Жабий хвост! Ты куда?

– Поднимусь к Ликэ.

– Вы еще не простились? – участливо спросил Луи Трюэль.

– Я забыл сказать ей одну вещь. Встречаемся во дворе, – Сандер поставил было ногу на ступеньку, но передумал и повернулся к другу. – А ты не будешь прощаться с Беатой?

– Нет, – отрезал Луи, но Александра это не удовлетворило.

– Почему?

– Потому что мне не шестнадцать, потому что я ухожу на войну и вообще… Жабий хвост, ну чего пристал?!

– Пристал, потому что ты творишь глупости. Пойди к ней и все скажи!

– Я творю глупости? – Луи показалось, что он ослышался. – Кто бы говорил!

– Я тебе это говорю. Осел, который однажды угробил любовь из-за вбитой в голову чуши. Твой дед призывал учиться на чужих ошибках. Вот и учись!

– Ты соображаешь, кто я? Изгнанник и друг изгнанника, нам еще воевать и воевать, что я могу ей дать?!

– Счастье! – отрезал Сандер.

Ответить Луи не успел, Тагэре исчез. Луи постоял, словно продолжая безмолвный спор, сделал шаг в направлении лестницы, по которой поднимались к сестрам Ракаи, но отпрянул, словно наступив на змею, и пошел к себе. Впрочем, «к себе» это было слишком сильно сказано, комнаты, отведенные послу графа Лидды, были обставлены таянской мебелью, на стенах висело таянское оружие и Корбутские шкуры, а присутствие Луи было обозначено разве что содержимым нескольких вьюков, да и оно по большей части было подарено Лиддой и Лосем. Своего у графа Трюэля не было ничего, кроме меча, графской цепи да пары колец. Даже конь принадлежал пропавшему Рито.

Собирать арцийцу было нечего, терять тоже… Луи посмотрел, как играют солнечные зайчики на медвежьих шкурах, подмигнул усатому дану с картины, лихо сносившему башку здоровенному гоблину со знаком Рогов на одежке, немного подумал и решил написать письмо Беате, но отчего-то вывел на листе бумаги:

«Дорогой Рорик! Мы с Александром уходим на войну, если нам удастся до осени разбить билланцев, весной Таяна и южные орки направят нам на помощь…»

Робкий стук в дверь отвлек графа от перечисления будущих союзников. Луи пригладил каштановые волосы и крикнул.

– Проше дана!

Это был не дан, а даненка! Беата! Девушка вошла довольно смело, но сразу же отчаянно покраснела. Руки она отчего-то прятала за спиной, а на лице застыла странная смесь решимости и смущения.

– Сигнора!

– Дан Луи, – девушка вдохнула поглубже, – дан Луи… Вы ж на войну идете, так я принесла…

Она принесла плащ, на котором красовался старательно

вышитый герб Трюэлей, правда, совершенно непохожий на тот, что был выбит на фронтоне мунтского особняка. В Таяне были свои понятия о геральдике, здесь рысь была именно рысью, лис – лисом, меч – мечом. В интерпретации Беаты Лежащий Бык и Ветка Яблони превратились в очаровательную картинку, где могучий, освещенный солнцем рогач развалился под цветущими ветками. На самом деле на сигне Трюэлей были не цветы, а плоды, а бык лежал в позе, более напоминающей львиную, и был не рыжим, а коричневым, но какое это имело значение?!

– Сигнора… Неужели это вышивали вы?

– Конечно, – она казалась удивленной.

– Но это же долго!

– Я начала шить, – Беата зарделась еще сильнее, – в тот вечер, как увидела дана. Я спросила дана про консигну, и он сказал, что бык и ветка яблони. Я все правильно сделала?

– Да, так и есть. – Проклятый, если он вернется в Арцию, бык Трюэлей будет лежать только под весенними деревьями! – Как красиво.

– Дан примерит?

Еще бы дан не примерил?! Луи сбросил плащ с «волчьей» сигной – Сандер простит – и накинул обновку.

– У дана есть зеркало?

Зеркало было и послушно отразило темноволосого воина со счастливыми глазами. Плащ пришелся впору.

– Дан Луи очень красивый, – сказала Беата, повергнув внука барона Обена в сильнейшее смущение. Так его еще не называли. Красавцами были Артур и Рито, а остальные, остальные были просто «волчатами». Были и нет.

– Дана, – тихо сказал Луи, – я благодарю за подарок, но я не могу его взять.

Голубые глаза наполнились слезами, и Луи, сам не соображая, что делает, схватил девушку за руку:

– Беата, ты не поняла! Понимаешь, нас было много. Нас звали «волчата», мы носили синие плащи с консигной Сандера, а теперь все погибли. Осталось только двое… И еще трое в разных местах, может, они живы, а может, и нет. Если я сменю «волчий» плащ на твой, я их предам. Пойми, я, я… Ты не представляешь, как я тебе благодарен, как я…

Беата Ракаи была таянкой, дочерью, сестрой и племянницей воинов, ее старший брат погиб. И отец тоже. Она поняла.

– Но дан может в бой надевать свой плащ, а в дороге, когда не жалко, этот. Правда? – она улыбнулась. – А когда дан вернется, я вышью ему волка и луну.

– Беата, – Луи захлестнула благодарность к самой лучшей на

свете девушке. – Сигнора...

От признания отделяло одно мгновение, но незапертая дверь распахнулась и на пороге застыла Гражина в роскошном синем платье, расшитом голубками, в руках сестра Беаты держала что-то, похожее на скатанный шарф. Нежная улыбка на прелестных губках медленно гасла, а в глазах загорался нехороший огонек.

– Беатка, что ты тут делаешь?

– Дана была так любезна, – начал Луи, но Беата не дала ему договорить.

– Я пришла проводить дана Луи, и я вышила ему плащ, а что нужно тебе?

– Ты... – голос младшей сестры не сулил ничего хорошего, но старшая ее опередила:

– Тебя послали за мной? Хорошо, идем.

Луи не успел оглянуться, как Беата взяла Гражину за руку и буквально выволокла из комнаты, не забыв прикрыть дверь. Арциец привалился к стене, лихорадочно соображая, что он должен был сделать или сказать. Хваленая смекалка Трюэлей отказала напрочь.

2896 год от В.И. 7-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Ликия была сдержанна и спокойна. Сандера поражало, с какой легкостью его подруга сменила чуть ли не крестьянскую одежду на дворцовые наряды. Она знала, как их носить, и она привыкла повелевать, хоть и не испытывала от этого наслаждения. Александр Тагэре рос среди знати, сам был герцогом и королем и не мог не узнать себе подобного, но даже отдаленно не представлял, кем же была его спасительница, возлюбленная и, наконец, невеста. Александр молча стоял и смотрел на высокую женщину со светлыми косами, которым бы позавидовала даже Миранда. Ликия ответила на взгляд взглядом, в столбе света танцевали майерку золотистые пылинки, на подоконнике нежилась кошка, как две капли воды похожая на ту, что пропала в Гразском лесу. Он пришел сказать нечто очень нужное для них обоих, но не знал, с чего начать. И она не знала...

– Мы идем к Глухариной. Там к нам присоединятся гоблины.

– Это хорошие союзники, – чуть промедлив, сказала Ликия. – Им можно верить до конца.

– А тебе, – Сандер сам не понял, как у него это сорвалось с языка, но, заговорив, он не останавливался, – тебе я могу верить?

– Мне? – она казалась удивленной. – Верить мне?

– Да, Ликэ... Не обижайся... Я однажды ушел на войну. Я

воевал долго, слишком долго, и меня не дождались. Я вернулся и узнал, что Даро... что та женщина, которой я верил больше, чем себе, выходит замуж за другого – за моего друга и вассала, готового за меня умереть. Я узнал об этом, когда наконец собрался рассказать о нас брату. Войну я выиграл, а счастье проиграл. Так мне тогда казалось. Ты меня дождешься?

Ликэ опустила голову, кошка перевернулась и принялась сосредоточенно облизывать лапу, солнечный луч немного переместился и разбился о граненый хрустальный шар, на который опиралась бронзовая рысь.

Александр смотрел на светлокосую женщину в платье из тяжелого шелка, словно видел ее впервые. Зачем он назвал ей имя? Именно сейчас и именно так? Что стоят женские клятвы?! Он ни разу не просил Даро говорить то, что она говорила, не просил плакать, ревновать, хранить верность. Она это делала сама, и ее слова ничего не стоили, а выпрошенные обещания и вовсе хуже милостыни. Ликия подняла побледневшее лицо.

– Александр, я дождусь тебя. Клянусь тебе всем, что для меня свято. Памятью, надеждой, дорогами, которыми я прошла. Верь мне. Я тебя не предам, что бы с тобой ни случилось.

Так она с ним еще не говорила, так она вообще не говорила. На мгновение ему стало страшно, словно он заглянул в бездну, у которой нет дна, но потом страх сменился счастьем. Он поверил Ликэ сразу и навсегда и именно поэтому спросил:

– Ты меня любишь?

– Да! – она ответила тихо, но твердости в ее ответе было больше, чем в гранитной скале.

– Я должен идти, Ликэ.

– Ты должен идти и вернуться, а я ждать и дождаться. Да хранят тебя Великие Братья...

Когда он вернется, он ей расскажет все! И про барда Романа, который оказался эльфом, и про древнего императора, научившего его заветным ударам. Почему он рассказал о нем Луи, а не Ликэ? Почему промолчал о словах Нидаля? Не потому ли, что цеплялся за привычный и понятный мир, в котором человек не может прожить семьсот лет, в котором нет ни эльфов, ни гоблинов, в котором все просто, хотя ему раньше казалось, что нет ничего сложней и путаней его жизни.

Ликэ, непонятная, тревожная, спасшая его от смерти, знает иные пути, которые стремительно становятся и его тоже. Больше он не будет бояться говорить правду тем, кого любит, Ликия все поймет и все вынесет. Сейчас для разговора уже нет времени, но самое главное он скажет.

– Пусть помогут, – Александр с силой прижал Ликию к себе, –

я люблю тебя, кем бы ты ни была! Слышишь? И я тебя никому не отдам.

Последний поцелуй был горячим и быстрым, они отшатнулись друг от друга, словно боясь переступить некую черту. Сандер уже принадлежал войне и дороге, а они ревнивы, как женщины, и не прощают измены. Словно напоминая об этом, со двора донесся зов трубы.

– "Не плачьте об уходящих в бой", – прошептала Ликия, – «Серебряные» выступают. Тебе пора, и помни, я дождусь.

– А я вернусь, – Александр легко коснулся рукой янтарной прядки и стремительно вышел. Так вот оно какое, счастье, о котором поют в здешних песнях. Счастье любви, войны и уверенности в победе и возвращении, уверенности в своей счастливой руке, сердце женщины и плече друга.

Последний из Королей стремглав сбежал по крутой лестнице. Внизу он столкнулся с Ежи и Луи. Принц был в черном, отороченном серебром местном одеянии, название которого Тагэре в очередной раз забыл, хотя сам носил такое же. На плечи Луи был наброшен роскошный вышитый плащ, на котором под веткой яблони возлежал рыжий бык с не правдоподобно острыми рогами. Глядя в пьяные от счастья глаза товарища, Сандер подумал, что смотрится в зеркало.

– Теперь ты должен привезти Беатке плащ билланского знаменного, – улыбнулся Ежи.

– Жабий хвост! Я ей привезу десять, – просиял глазами Луи Трюэль.

Сын Анджея хлопнул влюбленного по спине, и они втроем вышли на крыльцо.

Эстель Оскора

Сандер вышел на крыльцо вместе с Луи и Ежи, эта троица становилась неразлучной. Таянец еще ничего не понимал, но уже шел за Последним из Королей, как шли за ним «волчата», мириец Кэрна, гварские вожаки – все те, в которых честь и жизнь сильнее предательства и желания выжить, по возможности урвав кусок пожирнее. Ежи Гардани, в своем черном доломане казавшийся младшим братом Шани, вскочил в седло первым.

Снова запели трубы. Садясь на Садана, Сандер глянул на мое окно, и я подняла руку. Может быть, мной овладело безумие, но я ему не солгала. Я дождусь его возвращения, и я люблю его. Глядя в спину уходящим на войну, перестаешь прятать голову в песок и врать себе. Когда-то я не понимала Лупе… Что ж, самый верный

способ угодить в западню, это осудить того, кто попался раньше тебя. Я не знала, жив ли Рене и где он, я не знала, что будет, если мы с ним встретимся, но сейчас, стоя в этой пронизанной солнечным светом комнате, я любила другого. Много лет назад я осознала, что я нелюдь и мне придется с этим жить. Теперь я поняла, что предала того, во имя кого бросилась в огонь и с чьим именем прорвалась в обреченную Тарру сквозь десятки миров. И с этим тоже придется жить…

Я стояла у раскрытого окна и смотрела, как в высокое седло поднялся Анджей Гардани. Леопардовый дрыгант затанцевал, грациозно изгибая шею, король умело сдержал расходившегося любимца и властно направил к распахнутым воротам. Словно дожидавшийся этого ветер расправил знамена. Таянская рысь с мечом охраняла крепостные ворота, меч Гардани серебрился на фоне трехглавой горы, над которой поднималось солнце, потрясали копьями лисы Гери, дальше шли сигны, которых я позабыла или вовсе не знала – путник с мечом и хищной птицей на плече, сбросивший всадника конь, пылающее дерево… А вот боевое знамя «Серебряных» я помнила. Рысь. Просто серебряная рысь на черном и девиз «Меч и верность». Консигна Стефана Ямбора, навсегда закрепленная Шандером за гвардией таянских принцев.

Звездный Лебедь, Великие Братья и все боги и покровители, дайте мне не сойти с ума, глядя на знамена, которые я провожала в юности и которые провожаю теперь… Рядом с Рысью Стефана задирал голову к невидимой луне молодой волк и серебрились три нарцисса. Ежи поднял консигну друга рядом со своей, и она… Она отличалась от консигны Рене Арроя лишь отсутствием луны и молодостью волка. Как же я раньше не поняла?! Рене и Сандер! Первый из династии и Последний из Королей! Избравший ту же консигну и ту же судьбу, что и его великий предок, и, как и он, вознесенный на гребень охватывающей Тарру войны. И я, Эстель Оскора, неразрывно связанная с обоими…

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ DEBES, ERGO POTES[16]

Ваше благородие, госпожа Победа,
Значит, моя песенка до конца не спета.
Перестаньте, черти, клясться на крови!
Не везет мне в смерти, повезет в любви…

Б. Окуджава

2896 год от В.И. 26-й день месяца Иноходца. ТАЯНА

Садан попытался ускорить шаг, и Александр придержал любимца. Сейчас войско ведут другие.

Это было так странно – оказаться на чужой войне. Чувствовать себя гостем, пусть желанным и уважаемым, но гостем, которому не нужно принимать решений, взваливать на себя ответственность за чужие жизни и исход сражений. Всю жизнь Александра Тагэре мучила боязнь что-то сделать не так, подвести других, ошибиться. Сейчас он стал тем, кем всегда хотел быть, – простым рыцарем, и это было непривычно, ему не хватало возникающей перед битвой суеты с докладами, спорами, вопросами, советами, не хватало осознания того, что он отвечает за все и всех. Впрочем, думать о грядущем сражении он мог.

Александр всегда отличался любопытством, к тому же осенью гомона наверняка решит ввязаться в арцийскую склоку, и нужно знать, на что способны новые союзники. Сандер уже понял, что таянцы – отменные кавалеристы и природные вояки, но в больших сражениях подданных Анджея еще не видел. Их горячность и уверенность в себе немного настораживали: удержать подобную конницу на цепи под силу только настоящему повелителю, и Александру хотелось думать, что Анджей Гардани таковым и является.

Он, видимо, слишком задумался, потому что ехавший рядом с другом и сюзереном Луи не замедлил помянуть Жабий хвост и спросить сюзерена и друга, о чем он мечтает.

– Все в порядке, – улыбнулся Александр, – просто я всегда

хотел свободы, хотел, чтоб от меня ничего не зависело, а теперь мне как-то неуютно. Я вот думаю, если бы меня вдруг избавили от горба, я бы и по нему затосковал?

– Умеешь ты удивить, – хмыкнул Трюэль. – Ты, как я понимаю, останешься с Анджеем, а он в бой не пойдет.

– Видимо, а ты?

– Если не возражаешь, пристану к Ежи. Разомнусь немного.

– Чтоб было, о чем Беате рассказывать?

– Жабий хвост, должна же она узнать, что я не «пудель».

– Для этого ей сначала нужно показать «пуделей».

– Мы с тобой, похоже, местами поменялись. Я переживаю из-за глупостей, а ты дразнишься.

– Нет, я тоже переживаю. С непривычки, видимо. Странная эта затея – штурмовать Варху именно теперь. Зачем?

– Ну, у ройгианцев есть свои пророчества, там ясно сказано, что в канун этого треклятого года Варха падет. На то, чтобы понять, что сама по себе она не падет, их ума хватает, вот они и лезут.

– А мы придем, ударим их с тыла и разобьем. Тебе это Гразу, часом, не напоминает?

– В смысле?

– Тогда мы были уверены в победе, но было как-то неуютно, а сейчас в победе уверен Анджей.

– И ему вполне уютно. Ты боишься, что наши проиграют?

– Надеюсь, они знают, что делают. Ладно, командор, покажи таянцам, что у нас в жилах не водица. Только башку не сломай, а то Беата расстроится.

– А ты?

– Я? – Сандер улыбнулся. – Если тебя убьют, я сочту это государственной изменой!

– Трюэли никогда не были предателями. А что эльфы говорят?

Тагэре кивнул. Он пока не привык к тому, что бессмертные и вечно юные создания не только существуют, но и являются союзниками Таяны в многовековой войне с поклоняющимся клыкастому оленю изуверами. Сандер очень хотел узнать эльфов поближе, но пока загадочные Лебеди из последних сил сдерживали какое-то Зло, а их прикрывали река, лес и наружные укрепления, которые защищали девять тысяч людей и орков.

– Анджей говорит, эльфы насчитали шесть тысяч билланской пехоты, тысячу конников, сотни две конных стрелков и двенадцать тысяч гоблинов. Четыре тысячи пехотинцев собрались у северной насыпи. Делают вид, что вот-вот пойдут на штурм, но Анджей в это не верит.

– И правильно делает, – подтвердил Луи. – Билланцы – не гоблины, воюют так себе, а в пешем строю и вовсе не лучше ифранцев. Шум поднять они могут, и все. А куда они остальных подевали?

– Тысячи полторы болтаются на холмах, остальные засели в лагере, а твои любимые гоблины сосредоточились в центре и, по всему, готовятся к штурму, но не раньше, чем люди нанесут отвлекающий удар. Конница защищает их с тыла у прохода в холмах.

Про холмы эти Сандер был наслышан. Невысокая гряда, начинавшаяся в излучине впадающей в Гану речки и постепенно сходящая на нет. В центре холмы расступались, образуя удобный, широкий проход. Именно его и сторожила билланская конница. Существовал и второй разрыв, но там все дело портил длиннющий овраг, тянущийся до самой Вархи.

Если б Александра спросили, что делать, он бы посоветовал кавалерии обойти гряду, выйти в тыл стоящим отдельно от орков билланцам и изрубить их в капусту, а потом со стороны Вархи ударить по незащищенному лагерю, захватить его и оттуда неожиданно атаковать гоблинов во фланг. Желательно тогда, когда те увязнут в лобовой стычке.

Сил должно хватить. Четыре тысячи тяжелой конницы, не считая пяти сотен «Серебряных», тысяча легких конников и четыре тысячи гоблинской пехоты. Еще восемь тысяч сторожили фронтерскую границу. Соотношение сил вполне терпимое. Таянцы выигрывали в кавалерии, но уступали в пехоте, хотя, если умно распорядиться теми, кто стоит у Вархи, этот недостаток можно свести к минимуму.

– Ты, я полагаю, уже придумал, что делать.

– Надо же чем-то себя занять? – смутился Александр, – но я Гардани не указ. Он и своих, и врагов лучше знает.

– Оно конечно, – согласился Луи, – вояка он неплохой, в позапрошлом году отлупил билланцев по самое некуда.

– Мне обоз на опушке не нравится, – невпопад ответил Александр, – не люблю непонятного.

– Обоз?

– Да, эльфы видели. Стоит второй день, телеги нагружены чем-то тяжелым.

– Может, катапульты со снарядами?

– Тогда их надо было или на холмы втащить, или ближе к Вархе подвезти.

– А что Анджей говорит?

– Анджей думает пока. Время есть, мы к холмам разве что завтра доберемся. Они всегда вперед кавалерию пускают ?

– Вроде бы, – кивнул Луи, – король с наследником и его полком идут сзади, спину всем прикрывают, впереди – данская конница, а посередине – гоблины. Эти двуногие жеребцы, к слову сказать, от четвероногих почти не отстают, если рысью. Жаль, галопом бегать не умеют.

Сандер расхохотался. Он всегда любил старшего из братцев Трюэлей, хотя Рито и Сезар были ему ближе. Что-то с ними теперь? В Оргонде, скорее всего, идет война, а что учудит оставшийся без присмотра Кэрна, можно лишь гадать. Напасть на ратушной площади на Аганна мог только байланте… Только б он не заигрался!

– Жабий хвост! У тебя что, зуб заболел, – осведомился Луи, – чего смеяться бросил?

Ответить Тагэре не успел – подскакавший таянец в доломане «Серебряного» передал приглашение дану коронному пожаловать к королю.

Нэо Рамиэрль

– Дальше нету пути, – вздохнул Таэтан, – по крайней мере, нам.

– Пути не может не быть, – улыбнулся Нэо, – просто он вам сейчас не нужен.

– Может быть, – пожал плечами ветеран, отчего-то напомнив эльфу Уанна, – тогда вы найдете дорогу, ведь вы ее ищете. Или проложите. Удачи!

– И вам удачи. Передай мою благодарность конду.

Нэо улыбнулся фэрриэннцам и пошел вперед, не дожидаясь ответных благословений и благодарностей. Вайард заслужил свое счастье, другое дело, что заслуживших куда больше, чем обретших. Судьба справедливостью никогда не отличалась, но на этот раз ему удалось отменить приговор. Пусть это будет доброй приметой и тропинка над обрывом не окажется очередной обманкой.

Прикосновение Нэо почувствовал именно тогда, когда достиг пресловутого пня. У эльфа возникло чувство, что его обнюхивает невидимая собака или волк. Разведчик остановился, позволяя стражу делать свою работу. Видимо, его сочли достойным доверия. Невидимый пес исчез, и его последнее касание вызвало в памяти почившего в Корбутских горах Кроха, норовившего на прощание лизнуть Нэо в щеку.

Его признали, а признают ли его друзей? Нэо Рамиэрль махнул рукой, Норгэрель, Аддари и лльяма побежали к нему,

фэрриэннцы остались на месте.

Людям было видно, как трое чужаков и странное, светящееся синим существо уходят по узкой тропинке. Поднялся ветер, закружил дорожную пыль и со смехом швырнул в глаза леганцам, они невольно зажмурились, а когда вновь открыли глаза, тропа была пуста. Надежды на то, что гости останутся, больше не было. Таэтан немного помолчал и приказал возвращаться.

Нэо оглянулся как раз вовремя, чтоб увидеть, как уходят люди. Уходят, значит, для смертных эльфы исчезли? Выходит, тропа и впрямь ведет в запретное для прочих место? На то, что они найдут врата в Тарру, Нэо не надеялся. Их скитания затянулись, дорога домой оказалась слишком длинной, и Рамиэрль старательно гнал от себя мысль о Геро, которой потребовалось шесть с лишним сотен лет, чтобы вернуться.

Тропа бежала вперед сначала вдоль обрыва, над которым цвели синие цветы с острыми лепестками, затем свернула в сосновую рощу: Такую же, как на севере Арции. Норгэрель и Аддари о чем-то спорили, лльяма рыскала между стволов, как самая обычная собачонка. Вдали мелькнуло животное, похожее на оленя, но, к счастью, не белое, а рыжеватое со светлыми пятнами на спине и боках, похожими на солнечные зайчики. Лес был самым обычным, но Рамиэрль чувствовал, что они приближаются к источнику Силы. Похоже, он был единственным в этом мире, кому было дано узнавать силу Ангеса и использовать ее.

Рамиэрль был избранником Воина, но избран он был для спасения Тарры, а не для приключений в Фэрриэнне, хотя Ангес, оставляя Ларэну свое кольцо, а Воину – свою память, вряд ли думал о том, что обретет собственный мир. Возможно, сейчас ему нет дела до Тарры. Возможно, он далеко и воюет с исчадиями Света, в которых фэрриэннцы превратили бывших Светозарных. Боги могут воевать долго, время же смертных истекает.

...Тропа закончилась у подножия скалы, похожей на лежащего волка, между передних лап которого бил ключ. Вокруг шумели корабельные сосны, в небе плыли легкие облака, под ними лениво парила хищная птица. Пристрастия Ангеса к волчьим камням оставались неизменными, но Романа это не обрадовало.

– Не хватает вернуться туда, откуда мы начали, – Нэо с раздражением махнул рукой. Лльяма, расценив это как приглашение, попробовала на него наскочить, но была отправлена прочь и в расстроенных чувствах прижалась к каменному боку.

– Не думаю, что мы вернемся, – негромко возразил Норгэрель, – веди дорога из мира Зимы не только в Светозарное, мы б увидели развилку.

– Значит, попадем в очередной мир, а потом в следующий, и так до скончания времен, а когда отыщем путь в Тарру, она или уже погибнет, или спасется без нашей помощи.

– Не идти вперед, значит, идти назад, – напомнил сын Ларэна, – ты сам это говорил.

– Я узнал эту присказку от Рене, а он еще от кого-то.

– От этого она не стала менее верной. Конечно, можно остаться здесь…

– Мне нравится Фэрриэнн, – признался Рамиэрль, – я бы с радостью в нем жил… если б потерял память, но память при мне, а наши дороги – слишком длинная песня. От нее устают и те, кто слушает, и те, кто поет. Аддари, а ты что скажешь?

– Ничего, – светло улыбнулся Солнечный, – все уже сказано. Надо идти, когда-нибудь мы придем… Куда-нибудь.

– Золотые слова, – Нэо отпихнул пытавшуюся забраться на каменную лапу лльяму, – знать бы, кто нас ждет: улитки или драконы?

– Ничего хорошего, – сначала эльфам показалось, что с ними заговорила скала, но потом они увидели на гранитном плече темноволосого воина в развевающемся синем плаще. Ангес почтил Фэрриэнн своим присутствием именно тогда, когда его никто не ждал.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Сражение никто не начинал, оно началось само. Авангард Гардани с ходу налетел на отряд билланской кавалерии, прикрывавший проход между холмами. Врагов было больше раза в два, но для горячих таянцев это ничего не значило, они пришпорили дрыгантов и лихо бросились вперед. Бой разгорался, как пожар в степи в летнюю сушь. Билланцы, используя численное превосходство, держались хоть и с трудом, но не отступали, и вскоре стало ясно почему. Тот, кто командовал ройгианцами, решил покончить хотя бы с вражеским авангардом и послал подкрепление. Тысяча конников со знаком Рогов изрядно потрепала три сотни дана Тонды, но к этому времени подоспел полк Михая Гарского, немедленно вступивший в драку.

Завязалась нешуточная рубка, но перевес был на стороне таянцев, когда же подошел Стефан Гери, положение билланцев стало безнадежным и они, огрызаясь, попятились в холмы. Это была прекрасная возможность – на плечах отступавшего врага проскочить проход и ударить в спину готовящимся к штурму

гоблинам. Ее было грех упускать. Гери и не упустил.

Послав гонцов к Гардани, он лихой атакой сломил сопротивление рогоносцев и бросился в погоню за беспорядочно отходящим противником. Доставивший донесение молоденький нобиль дрожал, как в лихорадке, мечтая об одном: успеть догнать своих до конца сражения. Окружавшие короля «Серебряные» откровенно завидовали мальчишке, так как было ясно, что им подраться не удастся. Анджей Гардани славился своей отвагой и именно потому мог себе позволить не лезть на рожон там, где это было не нужно. Урожай славы он собрал в молодости, будучи наследником и командиром «Серебряных», но король не должен пасть жертвой шальной стрелы или сабельного удара.

Гардани с улыбкой отпустил просиявшего гонца, но был ли он доволен началом сражения, Сандер Тагэре не понял. Сам Александр относился к подобной тактике настороженно. Вступать в бой с марша было делом опасным, оправданным лишь в самом крайнем случае, как когда-то у Мелового прохода, к тому же кавалерия, отрывающаяся от пехоты, всегда уязвима, но говорить об этом было поздно. Он не военачальник, а гость. Здесь и думают, и воюют иначе. То, что арцийская военная наука считает ошибкой, в Таяне воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Если конница Гери погонит расстроенную билланскую кавалерию на ее же пехоту, увязнувшую в штурме вархианских укреплений, той будет не развернуться, а к этому времени поспеют и гоблины. Но почему они все-таки оставили у леса обоз?

От мыслей о проклятых телегах Александра отвлек еще один вестник, выглядевший много хуже первого. Гнедой дрыгант был весь в мыле, да и седок мало походил на победителя. Александр еще путался в таянских знаках различия, но, услыхав ими Ракаи, понял, что всадник прибыл из-под самой Вархи. Не удивительно, что и всадник и конь чуть не падали от усталости. Ракаи сообщал, что билланцы пошли на штурм, который отнюдь не кажется игрушечным, и что он бросил к месту возможного прорыва находящихся в его распоряжении гоблинов, решив одним махом покончить с нападавшими. Дан Коронный решил, что тарскийские гоблины вот-вот пойдут навстречу королевским войскам и им будет не до Вархи.

Ничего страшного в решении Ракаи не было, одни наступали в одном месте, другие в другом, такое бывает сплошь и рядом. Анджей одобрил решение дана коронного, но приказал, как только штурм захлебнется, отправить «Зубров»[17] на прежние позиции. К гонцу подвели другого коня, и тот умчался.

Король, его свита и «Серебряные» теперь шли вплотную к

отряду гоблинов. Гардани спешил развить и закрепить успех Гери. Глаза таянцев горели охотничьим азартом и жаждой битвы. Это были люди войны, не представлявшие другой жизни и не желавшие ее.

До холмов оставалось всего ничего. Луи умчался к «Серебряным», и Александр остался рядом с Анджеем Гардани и его коронными, как никогда чувствуя себя гостем на чужом пиру.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Анджей Гардани воевал с четырнадцати лет. Третий сын короля Ласло, как и его братья, рос в походах и схватках то с фронтерцами, то с билланцами и тарскийцами. Мужчины рода Гардани редко умирали в своей постели. Сначала фронтерская стрела унесла жизнь Яноша, бывшего старше Анджея на два года, потом гоблинский клинок раскроил голову отцу, и ставший королем на поле боя брат Ласло повел «Серебряных» в атаку на билланцев. Они победили, но Ласло из схватки не вышел. Так Анджей Гардани оказался старшим в роду, гомона подтвердила его права, мать и сестры нашли новому королю жену, и он стал править так же, как отец, дед, прадед, не слезая с коня и не вкладывая меч в ножны.

Нынешний поход был не первым, но должен был стать последним. Король Таянский принял решение, прочитав письмо графа Лидды и поговорив с Луи Трюэлем. Таяна должна исполнить свой долг перед Благодатными землями, но сначала нужно перебить хребет ройгианцам, их за спиной оставлять нельзя. Нынешний господарь «рогатых» словно подслушал мысли Гардани и ударил по Вархе. Это казалось удачей, но Анджей в удачу никогда не верил. Он не собирался ввязываться с ходу в бой, не разведав замыслов врага. Прорваться к Вархе непросто, билланцы могут возле нее хоть майерку плясать, хоть в Гане топиться. Не понимать этого они не могли, значит, на что-то рассчитывали. На что? Обоз вот этот еще...

Король задумчиво потрогал усы. Гоблины шли быстро, кони, само собой, тоже, до гряды оставалось не больше полувесы, но все равно Гери поторопился. Нужно было подождать, хотя когда это таянские конники ждали? Перед ними был враг, и они на него напали. Остудить их мог разве что боевой гоблинский строй, а билланская конница для них, что кошка для собаки. Не порвать, так на дерево загнать. Таянец повернулся к арцийскому изгнаннику, молча ехавшему рядом.

– Что думает дан про наши дела?

– Я слишком мало знаю о ваших обычаях. В Арции я сказал бы, что конница поторопилась.

– В Таяне я скажу то же самое, – буркнул Анджей, – пронесет, оттаскаю этих орлов за усы.

Не пронесло. Четверо прискакавших друг за другом гонцов принесли вести хуже не придумаешь. Гери угодил в западню – да какое там в западню, в мешок! Гоблины не собирались проламываться в Варху, они ждали, когда конница выведет к ним врагов и дождались. Таянские тысячи с маху налетели на ощетинившийся пиками строй. Но это еще полбеды, будь куда отступить и где развернуться. Якобы расстроенная билланская кавалерия пронеслась между расступившимися перед ней и вновь сомкнувшимися гоблинскими колоннами, развернулась у лагеря и, пройдя кромкой леса, ударила Гери во фланг, а замкнул ловушку проклятый обоз. Груженные обычным камнем, связанные друг с другом тяжеленными коваными цепями телеги перекрыли проход в холмах, а за ними и на них угнездилась часть спустившейся с гряды пехоты.

Защитники Вархи попытались помочь окруженным, ударив гоблинам в спину, – не вышло. «Зубры» дрались с билланской пехотой, а напоровшиеся на копья горцев легко вооруженные пехотинцы отлетели обратно и убрались за линию укреплений.

Поняв, что он натворил, Стефан Гери послал три десятка человек к королю, вырвалось четверо...

Анджей выслушал донесение, не дрогнув бровью, и приказал остановиться. Спасти Гери мог только сам Гери. Те, кто уцелеет, прорвутся к Вархе, для них это единственный выход. За укреплениями достаточно сил, чтобы выдержать штурм, но вряд ли билланцы, перемолов четыре лучших таянских полка, будут думать о приступе. Гоблины сильнее и выносливее людей, но они не железные. Даже при худшем раскладе они потеряют не меньше трети своих и будут измотаны. Ближе к утру, обойдя проклятые холмы, можно ударить по победителям и превратить их в побежденных. И марш надо начинать немедленно.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

С ним такое уже бывало. В палатке брата у Тар-Игоны, под стенами Кер-Септима и Геммы, в холмах Набота. Он видел победу и знал, как ее схватить под уздцы. Он видел, а вот Анджей Гардани – нет. Приподнявшись на стременах, Александр Тагэре

еще раз пересчитал сигны строящихся гоблинов. Да, все верно, они могут победить, если...

Анджей смотрел на гостя, не понимая. Еще бы, так в Таяне не воевали. Так нигде не воевали, но другого выхода не было.

Будь на месте таянского короля господин Игельберг, он бы сказал, что это есть замечательный и необычный план, который может осуществиться и стать знаменитым, но дарниец девятый месяц лежал в Гразской земле, а Гардани был прекрасным человеком и хорошим королем, но смотреть чужими глазами не умел. Александр попробовал объяснить еще раз, не получалось, а победа вытекала, как кровь из разорванной вены. Подскакал молодой Ежи со своими «Серебряными», подошли гоблинские вожаки, которые должны были прикрывать отступление. Бред! Отступать сейчас, когда можно выиграть не только бой, но и войну!

– Ежи, – Анджей слегка возвысил голос, отдавая приказ, губящий сражение, а может быть, и Таяну.

Такое Александр Тагэре тоже видел. Он говорил правду Филиппу, тот его не слышал или не хотел слышать. Он сказал правду Анджею, тот ничего не понял, а приказывать он не может. Не может? «Верность Гардани не иссякнет!» А если это лишь слова и король не пожелает подчиниться изгнаннику? Да, Сандер, здорово тебя смяли все эти Рогге, если ты судишь о чужой верности по ним, а не по себе!

– Именем Рене Арроя приказываю, – голос Александра зазвенел, как струна, – «Серебряным» обойти холмы, ударить в тыл рвущейся к Вархе пехоте и ее уничтожить. Они нас не ждут. Всех, кто в лагере и на ногах, – в бой. Две трети вдоль оврага к холмам, закрыть проходы. Треть на захват их лагеря. Марграч! Прорваться через самый высокий холм к опушке. Вы – горцы, сможете. Ваше дело пробить коридор к коннице и держать его, пока все не уйдут в лес, заступить дорогу северянам и стоять, хотя б на вас небо падало.

Анджей потряс головой, ему явно показалось, что он ослышался. Таянец собрался что-то сказать, скорее всего, возразить, но не успел. Ежи вскинул два пальца к украшенному фигуркой рыси шлему.

– Меч и Верность. Мы идем.

– За кровь детей Инты, – рявкнул старший из гоблинов, – вперед! Гарджа – на пад каорэ из! Варгат!

В Отлученных землях умели помнить. Анджей Гардани наклонил седеющую голову.

– Арде! Судьба битвы в твоих руках.

– Мы победим, – уверенно сказал Александр, чувствуя, как

его захватывает давно забытое чувство полета и уверенности в своих силах и своей правоте.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Луи Трюэль с удивлением смотрел на сияющего Ежи, не представляя, что мог приказать ему отец. Неужели таянцы решили атаковать? Если так, то все действительно пропало. Влететь в бутылку легче, чем из нее вылезти. Луи представил себе проход между холмами – наверху билланские стрелки, впереди – баррикада. Может, гоблины и проломятся, но с такими потерями, что победа не замедлит обернуться поражением. Их надо остановить, но как?! Проклятый, они что, собираются прорываться в конном строю? В такую узость?! Это даже не глупость, это безумие. Будь что будет, но он удержит Ежи, должен же тот хоть что-то соображать. В том, чтобы сломать себе башку, нет ничего героического, что бы ни пели про смелых дурней менестрели.

Луи тщательно собрал все имеющиеся мысли и направил Браво к отдающему последние распоряжения таянскому принцу. При виде арцийца Гардани радостно просиял глазами.

– Это будет отличный бой, только бы не запалить лошадей, они нам еще пригодятся. Эй, все, – Ежи поднял руку, – чередуем рысь и кентер[18]. Если кто собьется на галоп, пусть пеняет на себя. Вперед!

Ежи тронулся с места первым, но совсем не в ту сторону, куда думал Луи. «Серебряные» уверенно забирали влево от проклятых холмов, обходя их по широкой дуге. Трюэль ничего не понимал, но от сердца немного отлегло. Что бы то ни было, а в ловушку они, похоже, не полезут. Но и на отступление не похоже, с такими физиономиями таянцы не отступают.

Дрыганты шли резвой рысью, будь у Луи обычная арцийская лошадь, ему, чтоб не отстать, пришлось бы перейти на легкий галоп, но Браво успешно доказывал, что коней, равных атэвским, в Тарре нет и быть не может. Трюэль слегка пришпорил жеребца, догоняя Ежи. Перед наследником ехал лишь мальчишка со знаменем, в котором арциец узнал младшего из принцев. Значит, Данута проводила на войну всех своих мужчин.

– Ежи, что мы делаем?

– Побеждаем! – откликнулся таянец. Луи показалось, что он ослышался, но Гардани был уверен и в том, что делает, и в том, что говорит. – Наше дело вырезать тех, кто лезет в Варху, и

захватить их лагерь. Он пуст!

Захватить пустой лагерь. Не рваться сквозь строй ожидающего тебя сильного врага, а ударить его оттуда, откуда он не ждет. Тар-Игона! Сандер! Он нашел выход и сумел убедить Анджея! Какой же он молодец, и как все повторяется. Ну, не все, но многое...

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Гоблины были выше чуть ли не на голову и шли очень быстро, но Александр не отставал. Анджей попытался его отговорить от затеи сражаться пешком плечом к плечу с горцами, но Сандер только покачал головой. Если он втравил всех в этот безумный бросок, он должен быть в самом опасном месте. Странное дело, могучие хмурые воины подчинились чужаку безоговорочно. Слова «кровь Инты» для них значили много больше, чем имя Триединого со всеми святыми даже для самого набожного дарнийца. И, кроме того, Марграч с ходу схватил мысль Сандера. Огромный гоблин чем-то напомнил господина Игельберга, и у Тагэре на мгновение сжалось сердце! Нет! Больше он никогда не проиграет. Те, кто пойдут за ним, будут только побеждать.

По принятому в горах закону вожди шли в середине колонны. У орков бой начинают молодые, прошедшие школу воинов. Их дело доказать, что они поняли то, чему учили старшие, и испытать судьбу. Лучшие из лучших идут второй волной, и среди них место вождей, волынщиков и барабанщиков, которых защищают до последнего.

Садану в таком строю места не нашлось, и Сандер не без колебаний поручил черногривого заботам одного из «Серебряных». Если его затея увенчается успехом, коня он найдет, но сначала придется драться пешим.

Для штурма они выбрали самый высокий и крутой холм, впрочем, для выросших в горах гоблинов и с малолетства обожавшего лазать по скалам Александра Тагэре эта горка препятствием не являлась. Билланцам же и в голову не приходило, что кто-то рванет через гребень. Они ожидали врагов у прохода и в местах, где склоны были более пологими, а здесь не было никого, кроме заливавшихся в небе черных таянских жаворонков. Шагавший справа от Александра Марграч повернулся, еще сильнее напомнив господина Игельберга.

– Мы пришли.

– Поднимаемся. Чем быстрее, тем лучше.

Гоблин что-то выкрикнул, волынка сменила мелодию, барабан застучал чаще. Орки, почти не замедлив волчьей рыси, затопили подножие холма и начали подъем, словно сошедшая с ума коричневая река, вздумавшая течь в небо. Впрочем, любовался на это зрелище Александр недолго, нужно было идти вперед, и он пошел, благословляя себя за то, что сменил сапоги. Подъем был крутым, но терпимым. Когда билланцы спохватились и бросились к месту прорыва, первые «вепри» были у самой вершины и не жалким человеческим сотням было их остановить.

– Мы пришли, – снова сказал Марграч.

Сандер кивнул. Бой еще впереди, но на войне главное вовремя оказаться там, где нужно. Это им удалось. Проклятый! Сегодня ему удастся все, что бы он ни задумал. Сегодня его день!

– Теперь наискосок и вниз – туда, где стоит их конница.

– Аргр, – рявкнул гоблин, повторяя приказ. Волынщик и барабанщик заиграли что-то новое – низкое, грозное, отрывистое. «Вепри» перестроились клином и, постепенно убыстряя шаг, лавиной пошли вниз.

Первым был сметен небольшой отряд пехоты, спешно брошенный между лихорадочно разворачивающимися всадниками и возникшей из ниоткуда угрозой. Воины Марграча расшвыряли билланцев, как лягушек, и врубились в и без того потрепанную таянцами вражескую конницу.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Приказ Ежи был прост. Держаться в десяти шагах друг от друга, вперед не вырываться, но и не отставать и рубить все, что движется. «Серебряные» быстро развернулись широким полукругом. До все еще лезущих на частокол билланцев оставалось всего ничего, а охрану рогатые выставить и не подумали. Непростительная беспечность, но рыдать над ошибками врагов Луи Трюэль не собирался. Заняв свое место по правую руку от Ежи Гардани, арциец сдерживал Браво. Жеребец чуял схватку и дрожал от нетерпения, напоминая Трюэлю своего хозяина. Когда-нибудь он вернет Браво Рафаэлю, когда-нибудь они вернутся в Арцию, стащат с трона это ничтожество, увидят Мунт, Льюферу, и все будет хорошо… Ежи поднял руку, и Луи, сам не понимая почему, сделал то же. Его жест с точностью зеркала повторил юный Марко, затем Золтан Гери, Янош Лодзий, братья Лайды…

Всадники и лошади замерли, только плыли на запад редкие перистые облака да трещали равнодушные и к войне, и к миру кузнечики, а потом Гардани закинул голову и испустил дикий, воющий крик, повторенный пятью сотнями глоток. Кони, знавшие что к чему, сорвались в галоп и наметом понеслись по золотому от солнца лугу.

Луи мчался между Ежи и Марко, не отрывая глаз от стремительно приближающихся, суетящихся фигурок. Крики конников сливались с воплями очумевших билланцев, не ожидавших удара сзади. «Серебряные» неслись к Вархе, рубя и топча все и всех, что попадалось на пути. Луи налетел на сбившихся в кучу пехотинцев, крича что-то бессмысленное и страшное. Опьяневший от боя Браво помогал, как мог. Трюэль заметил, как свалился, получив в висок копытом, высокий билланец, прежде чем он успел его достать железом – кривые таянские сабли для такого боя годились лучше прямых мечей.

Марко еще выше поднял свое знамя. Серебряная рысь на черном фоне казалась живой и яростной. Знамя надо защищать, и Трюэль поскакал за младшим Гардани, но тому ничего не грозило – все случилось слишком внезапно. Да, изначально нападающих было раз в восемь меньше, чем вражеских пехотинцев, но разница стремительно сокращалась. Луи с Браво свалили никак не меньше десятка, другие дрались не хуже.

Это был не бой, а избиение, но после Гразы Луи Трюэль растерял последнюю сентиментальность. Меч графа поднялся и опустился, разрубая удирающих врагов, еще двое пытались прошмыгнуть к лесу, и Луи бросил на них Браво. Одного жеребец сбил грудью, второй удостоился удара копытами. Луи огляделся в поисках новых противников, но их не было. Слева несколько «Серебряных» добивали кучку билланцев, справа Ежи стряхивал кровь с сабли.

– С этими кончено, – весело крикнул принц.

Луи кивнул, здесь и впрямь больше нечего делать, если кто и удрал, он это уже сделал. «Серебряные» собрались вместе столь же стремительно, как до этого рассеялись. Потные, разгоряченные, залитые чужой кровью, они смеялись и шутили, как испокон веков смеются и шутят победители.

– Хватит, – осадил подданных Ежи, – сделали четверть дела и рады? Хватит ржать, лучше сбрую проверьте и вперед.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Стах Тонда во всем винил себя, что не мешало ему работать мечом за троих. Он попался первым и потащил за собой остальных, а теперь ничего не поделаешь, приходится умирать. Но так, чтобы эти гады запомнили на всю жизнь! Дан знаменный потерял коня еще в начале стычки и теперь, стоя во главе небольшого клина, образованного спешенными рыцарями, мерно взмахивал чужой алебардой. В голове у Стаха осталось всего три мысли: он во всем виноват, отступать некуда, надо свою жизнь продать подороже. Смотреть по сторонам и тем более оглядываться было некогда.

Гоблины наседали, и это были не те враги, от которых можно отворачиваться. Весь мир сузился до клочка залитой пока еще чужой кровью земли. Северяне наступали умело, не зарывались, держали строй, предпочитая проиграть во времени, но добиться полного успеха. Таянцам изрядно мешали уставшие, очумевшие кони, то и дело норовившие ослушаться всадников, а потерявшие наездников и вовсе усугубляли сумятицу. Очень трудно отбиваться от врага, зная, что можешь получить в спину копытом.

Тонда удачно перерубил древко гоблинской алебарды, а потом достал и ее хозяина, на место упавшего горца тут же заступил новый. Сзади раздалось отчаянное ржание, и оставшийся без всадника вороной дрыгант, не разбирая своих и чужих, попробовал вырваться из кровавой каши. Что с ним случилось дальше, Стах не видел, так как гоблины вновь пошли вперед, и таянцам пришлось отступить сначала на шаг, потом на два, потом на три... Рука знаменного онемела, легким не хватало воздуха, нетяжелые в общем-то доспехи стали неподъемными, но он продолжал отбиваться, уже не думая и почти не чувствуя. Шум и крики сзади его не заботили. Чего оглядываться! Все равно умирать! Однако когда его схватили за плечо, Стах обернулся с неожиданной прытью и увидел воина в непривычных доспехах, за которым возвышалось несколько гоблинов с бронзовыми кабаньими мордами на шлемах. Южане! Южане, Проклятый их побери! Но откуда?!

– Дан Тонда, – рыцарь поднял забрало, на Стаха смотрели серые глаза Александра Тагэре, – соберите всех потерявших коней и выводите в лес!

Наверное, Тонда выглядел полным дураком, потому что арциец пояснил:

– Мы к вам прорвались. Выводите людей, остановить гоблинов могут только гоблины. Торопитесь, – Тагэре быстрым движением схватил за повод серого, забрызганного кровью дрыганта (Стах запамятовал, кто на нем сидел утром) и ловко вскочил в седло. – Знаменный, вы – начальник над всеми

спешенными. К лесу, живо! И ждать! – арциец рванул узду, и серый послушно повернулся, словно всю жизнь носил на себе именно этого всадника. Стах перевел дыхание и рванулся назад собирать уцелевших.

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Он сам не понял, как стал командиром над семью тысячами людей и гоблинов, просто так вышло. Ежи с «Серебряными» умчались захватывать лагерь, а на Луи свалилась пехота, которую нужно было привести туда, куда хотел Сандер. Объяснить вразумительней Гардани не смог, он очень торопился. Черные с серебром доломаны исчезли из глаз, а к Луи подошли три улыбающихся человека и хмурый горец. Все повторилось. Для полного счастья не хватало только долговязого Хайнца с его неизменным «я готов исполнять приказ монсигнора».

А он-то надеялся, что с возвращением Александра все пойдет как прежде. Как же, пойдет оно! Граф Трюэль вздохнул и велел строиться в походный порядок.

Что же имел в виду Сандер? Что?! Нет, с лагерем все понятно, его надо захватить и из него ударить по гоблинам, благо они этого не ждут. Проклятый побери этого Ежи, задрал хвост и ускакал. Из «Серебряных» вроде никто не погиб или почти никто. Пятьсот даже очень хороших всадников против двенадцати тысяч гоблинов?! Ну, пусть не двенадцати – люди Гери знают, как держать меч. Против десяти плюс внезапность... Нет, тут что-то не так. Александр на такой риск не пойдет, но, может, он хотел, чтобы по гоблинам ударили от Вархи? Тогда нужно пройти за кольцом укреплений, выждать, пока Ежи сделает свое дело, и... Вроде все сходится. Кроме одного: гоблинов десять тысяч и они вряд ли забывают поглядывать по сторонам. Допустим, он их отвлечет, а Ежи ударит. Или Ежи начнет, а они подхватят, а горцы? Горцы быстро перестроятся, им даже не нужно прекращать избиение кавалерии и раздадут всем сестрам по серьгам. Вместо одного разгромленного отряда будет три, только и всего.

От вархианской пехоты будет толк, только если сделать то, чего противник не ждет. Он не ждал, что «Серебряные» рванут к Вархе. И он не ждет, что гарнизон Вархи присоединится к армии Анджея! Значит, надо идти вдоль оврага на соединение с королем!

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА.

Серый был неплохим конем, даже хорошим, но Сандер чувствовал себя половиной всадника. Саданом не надо было управлять, он сам делал все, что нужно, и даже сверх того, а чужой дрыгант мог только слушаться, и это пусть немного, но отвлекало. Самым же худшим было, что Александр не мог быть сразу в четырех местах. Не мог вместе с Марграчем удерживать натиск северных гоблинов, не мог вместе с Ежи громить билланскую пехоту и занимать вражеский лагерь, не мог выводить ошалевшую от потерь и неудач конницу, не мог командовать снятой с укреплений пехотой!

Проклятый, ну почему ему кажется, что другие глупее, чем он, что они не поймут, сломаются, отступят? Все так просто, что проще и быть не может. Ежи сделает свое дело, по крайней мере, в том, что касается лагеря и тех несчастных четырех тысяч. Хорошо, что с ним напросился Луи. Что не поймет таянец, поймет он. И не только поймет, но и скажет, и заставит себя выслушать. Трюэль может сколько угодно упираться, но он стал полководцем и никуда от этого не денется. Сейчас главное привести в порядок кавалерию. Александр Тагэре склонился с коня к гоблинскому вожаку.

– Марграч, все уже в лесу. Смыкайте ряды. Вы должны продержаться. Если немного отступите, не страшно, но немного.

– Мы не отступим. Слово Гор!

– Ждите, – Александр развернул коня (ну и кляча, Проклятый ее побери) и помчался к лесу, куда отошли полки Гери, еще не верящие своему спасению. Окровавленные, уставшие, злые, растерянные, они никак не походили на воинов, которые к вечеру разобьют врага, но куда им деваться?! Они должны победить! Сандер остановил какого-то знаменного с подбитым глазом.

– Где Гери?

– Пусть дан что полегче спросит. Последний раз его пешим видели, и на него чуть ли не десяток пер.

Дожили! Коронный погиб. Что ж, Сандер, это значит лишь то, что конницу поведешь ты. Сегодня – твой день, но не день бедняги Стефана. Тагэре огляделся и сразу заметил того, кого искал. Привалившись к стволу дерева, стоял невысокий человек, у пояса которого висела труба. Воистину, если везет, то везет во всем.

– Трубач! Играй «По приказу короля»!

Никто не знает, почему одни рождены повелевать, а другие повиноваться. Раздавшийся призыв разнесся по лесу, напоминая только что избежавшим смерти людям, что еще не конец и что

они воины, а не побитые собаки.

– Таянцы, Стефан Гери исчез. Отныне вас веду я. По приказу Анджея Гардани и по праву крови Арроев. Билланский лагерь взят. – А взят ли? Взят! Ежи и «Серебряным» можно верить, да и взять его несложно. – Мы пройдем туда, развернемся и ударим северным в спину. Нужно торопиться. Марграч и его воины не отступят, но они могут умереть. Они спасли вас, вы спасете их, а вместе мы спасем победу! – Сандер вздыбил коня и какое-то время удерживал его в таком положении, одновременно вскинув руку в воинском салюте. С Саданом было бы проще, но он справился и тут. – Виват! Трубач, «Не плачьте об уходящих»!

Он добился своего, он всегда добивался своего, разговаривая с воинами. Потому и не проиграл ни одной войны, только мир. И еще была Граза, о которой он должен забыть. Тут нет предателей, а с врагами он справится.

– Вперед, за победой!

Ожили, поверили, пошли. Пошли за кровью Арроев и за тобой, Сандер. Теперь ты не можешь их подвести, ты обещал им победу, и ты ее им дашь!

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Друг его оставил с чужим человеком. Друг ушел туда, где пахнет кровью. Его место рядом с Другом… Он там один. Нет, не один! Не один!!! Ничтожный, разве сможет он понять Друга, разве он унес его от смерти, разве он слышит его мысли? Как он смеет?! Друг им недоволен, Другу нужен его Садан! Но Друг отдал поводья чужому. Он должен ждать! Но он нужен Другу! Ждать нельзя, его место с ним и только с ним! Промедление смерти подобно!

Громовое злобное ржание, рывок, удар копытом, еще один удар, крики…

Анджей Гардани с удивлением оглянулся и успел увидеть лежащего оруженосца с разбитой головой и кончик развевающегося черного хвоста.

– Поднимите Янека, – таянский король, казалось, ничуть не удивлен, – он мертв?

– Нет…

– Значит, выживет Я тоже был ранен в голову. Если не умрешь сразу, будешь жить. Хотел бы я знать, что почуял конь.

– Отец, разреши, – девятнадцатилетний Янош Гардани умоляюще взглянул на отца.

– Два твоих брата в бою, – невозмутимо ответил Анджей, – третий во Фронтере. Ты останешься тут. Если Пророчество имеет смысл, Последний из Королей победит и вернется. Если нет, кому-то придется начинать сначала, и мне будет нужен хотя бы один живой сын.

Янош замолчал, следя за исчезающим белым пятнышком. Садан уверенно несся в обход холмов. Откуда он знает, куда бежать?

– Это не простой конь, – бросил король, – они связаны, Аррой и этот жеребец. Такое бывает.

Янчи хочется драться, святой Эрасти свидетель, ему тоже, но он не имеет права, он король, а «Золотые» – последний резерв.

– Гонец до дана Гардани!

– Слушаю.

– Билланцев больше нет. Их лагерь взят. Марграч пробился к Гери, но тот сгинул. Дан Шандер вывел конницу. Они ударят по северным оркам из лагеря, нужно закрыть проход, и «рогатые» в мешке!

– Они его сами сшили, – таянский король задумчиво тронул усы и повернулся к сыну, – всему свое время, Янчи, и свое место. Прикажи трубить «К бою!».

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Стах Тонда и несколько сотен его товарищей стояли на опушке и смотрели, как в поле умирали «Вепри». Марграч держался, но северяне хоть и медленно, но шли вперед. За каждый шаг наступавшие расплачивались сотней жизней, обороняющиеся несколькими десятками, но северных было втрое больше. Над ухом прозвенел комар, уселся на шею, вонзил хоботок. Кровопийцам нет дела до не выпитой ими крови, сколько б ее ни лилось. Стах машинально прихлопнул комара. Арциец приказал ждать. Он привел сюда северных гоблинов, он командует сражением. Если б не утренняя ошибка, Тонда бы не выдержал и бросился на выручку своим, но его горячность уже привела к одной беде, и Стах терпел, рыча на других спешенных, рвавшихся в бой. Сколько же еще?!

«Свои» гоблины подались назад еще немного, Тонда видел последние ряды и мог лишь представлять, что творится в первых. «Вепри» менялись местами. Раненые отходили в тыл, отдохнувшие и отделавшиеся легкими ранами возвращались в бой. Кусавший усы знаменный сдерживал боевую лихорадку из

последних сил, когда его окликнул Алехно, младший из братьев Лайда. И что ему тут делать? «Серебряные» и «Золотые» в утренней свалке не участвовали, но Алехно был весь в пыли и крови.

– Дан Тонда. Пора! Отводите своих вон к тем деревьям и держитесь!

– Что, – не понял Стах, – куда? Кто велел?!

– Дан Шандер... Мы их загнали, как они вас... Они между нашими гоблинами и конницей. Могут рвануть в лес, но тут уж ваше дело. Надо, чтоб они если и драпали, так через холмы!

– Так вы тут?! – дошло до Тонды.

– Все! – Алехно развернул коня, и Стах бросился к своим. Проклятый! Не зря он как горбуна увидел, дана Завгороднего вспомнил. Выкрутился, в таком бою выкрутился! Волк драл барана, а охотник волка! Ну молодец арциец, ну умница! А этих мы не выпустим, кончилось их время!

Люди Тонды торопливо занимали места. Они даже успели обсудить с соседями новости. Янек Шарый залез на дерево, глядя по сторонам. Стах стоял внизу, всем своим видом изображая, что он и так все знает и во всем уверен, хотя душа знаменного рвалась наверх за мальчишкой. Хорошо хоть, другим не надо было изображать терпение и невозмутимость, и они то и дело окликали Янека, а тот сообщал, что пока никого, только пыль.

Кончалась третья вечность, как таянцы вышли к приказанному рубежу, когда Шарый стремительно соскользнул вниз.

– Прут! Ой, несладко им, так что держитесь...

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

«Золотые» спешили на встречу с врагом, но сначала они встретились с друзьями. Анджей с удивлением уставился на ряды пехоты и «Зубров», выстроившихся вдоль линии холмов. Те, кто выйдут из прохода, просто-напросто перепрыгнут в мешке на новое место, но не выберутся из него.

Король с радостным удовлетворением обозревал нежданных союзников и не сразу заметил всадника на вороной лошади. Подскакав к Гардани, Луи Трюэль осадил Браво и отдал честь.

– Дан Луи, – Анджей улыбнулся, – вижу, вы расстались с моим сыном?

– Ежи должен взять билланский лагерь.

– Он его взял, туда же подошла уцелевшая конница. Они

ударили северным с тыла.

– Сандер… Мой король там?

– Да. Он командует сражением по праву Арроя, я лишь не мешаю ему. Мы должны не выпустить из второй ловушки тех, кто вырвется из первой. Это – гоблины, так что нам придется туго.

– Мы должны победить, – горячо заверил Луи, изо всех сил стараясь не брякнуть про Жабий хвост. Анджей Гардани походил на Сандера. В том смысле, что прежде всего был хорошим человеком, потом отменным воином и лишь в третью очередь достойным королем, но жабьи хвосты для него пока слишком. Таянец прислушался. Было тихо – холмы глушили звуки, и можно было лишь гадать, что заслоняют мирные, заросшие зеленой травой склоны.

– Дан Луи.

– Ваше Величество.

– Вы любите одну из моих племянниц? Говорите, как есть, нам скоро в бой.

– Я люблю Беату.

– Но вы с ней не объяснились?

– Нет. Она – племянница короля Таяны, я – изгнанник, моя дорога – это дорога Александра.

– Дорога Александра – это дорога Гардани и дорога Тарры. Вы ничего не сказали Беате, зато она сказала мне все. Она вас любит. Вы поженитесь осенью. Вы правы, идет война и надо спешить жить. – Анджей прикрыл ладонью глаза от солнца. – Идут. Что ж, мы готовы…

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Возмущенное ржание за спиной. Так свои чувства выказывал лишь один конь на свете. Садан! Черногривый возник из гущи боя и помчался бок о бок с хозяином. У Садана хватило ума не задевать серого, свою злобу он срывал на врагах. Жеребец вскидывался на дыбы и обрушивал кованые копыта на огрызающихся гоблинов. Атэв был умен, он не позволял подсечь себе ноги и не нападал там, где его ждали. Садан знал, что ржать в походе – преступление, но в бою отыгрывался на полную катушку. Огромная лошадь злобно кричала и убивала, словно в нее и впрямь вселился неистовый дух атэвских пустынь. Для Александра появление Садана стало еще одним знаком победы, он жалел лишь о том, что в пылу битвы не может сменить глупенького серого на испытанного друга.

Пока ему удалось все, что он задумал. Северяне не ожидали удара в спину, и копье тяжелой конницы, наконечником которого стали «Серебряные», нанесло им пусть не смертельный, но серьезный удар. Александр рубился в первых рядах и чувствовал, что враг вот-вот сломается. Отбиваться на два фронта тяжело даже гоблинам, особенно когда спереди такие же горцы, а сзади – исконные враги, испытавшие в один день поражение и победу. Сандер сам не знал, откуда у него такая уверенность в себе и в исходе боя, ему некогда было об этом думать, он отдавал приказы, дрался, вновь отдавал приказы и брался за меч, с каждым шагом приближаясь к цели.

Северяне отступали, собираясь прорваться через лес той же дорогой, что и пришли. Не вышло! Правильно он там оставил спешенных рыцарей. Они отдохнули и жаждали искупить утренние глупости. Налетевшие на сильный отряд северяне отступили и рванулись к единственной оставленной им дороге. К проходу в холмах. Сердце Сандера бешено застучало, он и его люди сделали все, что нужно, но Анджей и Луи, поняли ли они? Пришли ли? Поняли и пришли. Отступление гоблинов замедлилось. Они по-прежнему уходили сквозь расщелину, но медленно, очень медленно. Так не наступают и не отступают, так стоят на месте и умирают, место умерших заступают следующие, и очередь за смертью сдвигается на один шаг.

Задние гоблины еще огрызались, но Сандер о них почти не думал, осадив коня, он начал выбираться из схватки. Садан ударом копыт добил последнего врага и последовал за хозяином. У большого, похожего на кабана камня Сандер наконец расстался с серым дрыгантом, которого взял под уздцы неизвестно откуда взявшийся «Серебряный». Счастливый Садан танцевал, желая вернуться в бой, но Сандеру был нужен Ежи.

Сын Анджея отыскался почти сразу. Он увидел маневр Тагэре и поскакал за ним. Шлемы оба сняли одновременно, подставив теплому вечернему ветру мокрые лица.

– Победа! – выдохнул таянец.

– Да, но она должна быть полной. Из первого мешка они вырвались и угодили во второй. С людей бы хватило, но эти ваши гоблины... Оставь здесь с полтысячи и тех, кто потерял коней и легко ранен. Когда северяне вползут в холмы, перекройте проход их же телегами и держите пробку, а остальные за мной. Если они вырвутся из второго мешка, то угодят в третий! И пошлите кого-то за «Вепрями», пусть возвращаются тем же путем, что пришли.

– Виват, – черные глаза Гардани полыхнули радостью, – мы покончим с ними!

Это был тот самый овраг и та самая речка, в которой он смывал с себя чужую кровь. Тогда была осень, и рябиновые гроздья заменили ему погребальные лилии, теперь там, где он закопал мальчишку, имени которого так и не узнал, белели какие-то цветочки, а Гразские холмы покрывала молодая трава, которую щипали овцы. Им было все равно, что тут произошло, да и людям, по большому счету, тоже.

Рафаэль Кэрна опустил руку в холодную воду – говорят, в одну реку два раза не войдешь, как бы ни хотелось. Мириец с раздражением брызнул на нагло рассевшуюся перед самым его носом стрекозу, стрекоза улетела, но это ничего не изменило. Они с Алко ждали почти кварту, а отправившийся на поиски Александра Серпьент не возвращался. Рито очень надеялся, что Крапивнику не попались очередные актеры. Они и так изрядно подзадержались, гоняясь за «театром» и разрушая его магию.

Когда стало ясно, для чего по Арции расползаются бродячие труппы, маркиз Гаэтано и его жгучий приятель пошли по следам лгунов. Крапивник пел, Кэрна готовился, если что, станцевать – не потребовалось. Песня про крапиву действовала безотказно, более того, она зажила своей жизнью, ее пели везде, в ней меняли и переставляли слова, добавляли куплеты, по большей части непристойные. «Крапивные куплеты» догоняли и опережали актерские фургончики, прорастая сквозь магию лжи, как прорастает крапива в запущенных садах. Через двенадцать дней Кэрна опомнился, вернее, понял, что больше делать ничего не нужно, все пойдет само собой.

Серпьент слегка огорчился, но затем воспылал желанием отыскать пропавшего короля и спеть ему. До Гразы они добрались быстро и без приключений, самым трудным было найти место, где можно свести в овраг Алко, после чего Серпьент улетел, не забыв вырастить в месте спуска чудовищные крапивные заросли. Ждать – вещь неприятная, особенно для мирийца, но Кэрна терпел, то следя за облаками, то считая звезды, то повторяя уроки Серпьента или вспоминая эскотские песни. След Сандера мог найти только Крапивник, значит, он его дождется.

Серпьент вернулся на седьмые сутки. Рыжая бабочка размером с молоденького хафаша[19] выпорхнула из зарослей цветущей черемухи и с довольным хрюканьем шмякнулась на шею Алко, впрочем, успевший привыкнуть к Крапивнику жеребец не повел и ухом.

– Что бы вы без меня делали?! – осведомилась бабочка, расправляя крылышки.

– Пропали бы, – покорно ответил Рафаэль. Свой отчет Серпьент начинал с этой фразы, и ничего не заставило бы его заговорить, не получив привычную порцию лести.

– Не то слово, – заверила бабочка, принимая человеческий облик, – где моя царка?

– Ты же говорил, что весной тебе ничего не нужно, кроме дождика, – напомнил Кэрна.

– Дождик хорошо, а царка лучше, – нимало не смутился Повелитель Всея Крапивы, – а сегодня я и вовсе заслужил. Плясать бы тебя заставить, да ладно! Знай мою доброту, нашел я твоего короля. Кварту искал, а нашел!

– Нашел?! Где?!

– В болоте! Да не злись ты! В самом деле в болоте. Ну, словом, был он там. И не один.

– Был? А где...

– У ежа на бороде! Ушел он, и Она с ним ушла. Не бойся, он теперь никому не по зубам.

– Она? Ты можешь по-людски рассказать?

– А я что, по-твоему, делаю? Поганые пиесы сочиняю? И где моя царка, кстати?!

– А то ты не знаешь!

– Знаю, но кто-то мне говорил, что шарить по чужим сумкам грех.

– Говорил Николай, я такие глупости не мелю...

– Ладно, – Серпьент вытащил из седельной сумки плоскую фляжку, отвинтил крышку и лихо глотнул, – короче, тут в трясинах нарциссы завелись, отродясь их не было.

– При чем тут нарциссы?

– Ты дурак? – осведомился Крапивник, делая еще один глоток. – Или притворяешься? Нарциссам тут расти не положено, они и не растут, а эти и вовсе раньше гусиным луком были...

– Слушай, не будь ты бессмертным и не посади ты в лужу этого Перше...

– Угу. Не, ты и впрямь не соображаешь? Эти нарциссы раньше БЫЛИ гусиным луком, а их заставили СТАТЬ нарциссами. В том самом месте, где пропал твой король, которого никто найти не мог...

– Нарциссы, – глаза Рафаэля блеснули, – Сандеру каждую осень нарциссы дарили. Это его цветы!

– Врешь! Не может такого быть, – Серпьент глотнул еще раз, видимо, для повышения догадливости, – если Она с ним столько лет возится, как этот ваш пЕршЕвец, проешь его гусеница, на трон уселся? Ей такого прихлопнуть проще, чем мне голый зад прижечь!

– Что за Она?!

– Она – это Она. А твой король при ней, потому как больше ему деться некуда.

– Где он?!

– Спроси что полегче. Были тут и ушли. Куда – не знаю, зимой это было, мои все спали, никто ничего не слышал… Вот что осенью случилось, они помнят. Пришла Она, с ней были раненый и конь. Конь точно ваш. Большой, белый, грива и хвост черные. Знал бы ты, как трудно из этого сена, проешь его гусеница, что-то вытащить! Всякий раз с ним сливаться приходится, такое точно запить нужно!

Нарциссы – те только Ее запомнили, еще бы не запомнить, если Она с ними такое учудила. Ты б тоже запомнил, если б из тебя Яфе сделали! Чужая Она и своя, это я точно тебе говорю…

– Значит, Сандер жив и с ним друг… А куда они пошли?!

– Говорю тебе, не знаю. Зимой ушли, а если Она не захочет, чтоб их нашли, их никто не найдет. Даже я!

– Серпьент, ты мне покажешь, где они жили?

– А на кой? – Серпьент допил царку и озадаченно глянул на опустевшую фляжку.

– Может, я там что-то пойму.

– Ты? Не смеши меня. Ну да ладно, – сменил гнев на милость Серпьент, – проведу. Утонешь, сам виноват…

2896 год от В.И. 27-й день месяца Иноходца. ТАЯНА. ОКРЕСТНОСТИ ВАРХИ

Никогда ни одной из своих побед он так не радовался, да и чему было радоваться? Разгрому Рауля и его смерти? Убийству несчастного принца Гаэльзского? Захват Кер-Септима отравили слова Саброна о предательстве и отступничестве Филиппа, а эскотские и фронтерские кампании были слишком простыми. Он знал, что выиграет для брата эти войны, и думал сначала о мунтских предателях, потом о своей беде. Ему некогда было радоваться, и, только потеряв все, кроме жизни, он научился жить. Раньше корона Александра Тагэре тяготила, теперь он хотел ее вернуть. Раньше он боялся любить, теперь гордился своей любовью. Раньше его победы так или иначе отдавали горечью, теперь он разбил тех, кто не достоин ни жалости, ни сочувствия. И каждый его успех – это шаг к Арции. Покончив со старыми врагами, таянцы пойдут с ним на запад.

Подошли гоблины. Огромные, сильные, залитые своей и чужой кровью. Как мало их осталось! Полторы тысячи из четырех

и еще сотни три из тех, кто сторожил Варху. Но северян погибло вчетверо больше, их армии больше нет, путь к Биллане и Тарске открыт.

В руках Марграча мерцал жутковатого вида ятаган с белой рукояткой. Горец преклонил колено, протянув оружие Александру. Марграч знал и человеческий язык, но момент требовал ритуальных фраз. «Вепрь» говорил, Ежи переводил.

– Вожди Юга просят потомка Инты принять знак его победы.

Александр сделал шаг вперед. Подхватившая Последнего из Королей сила не отпускала, просияв глазами и вызвав ответные улыбки на смуглых суровых лицах, младший сын Шарло Тагэре вытянул вперед руку, словно отклоняя дар.

– Я благодарю воинов Корбута за то, что они сотворили невозможное. Те, кто погиб, не должны быть забыты, но этот меч слишком долго служил злу, чтобы оставить его на земле. Нужно бросить его в пламя Вархи, чтобы он исчез. Чтобы исчезла страна, живущая чужой кровью. Нельзя останавливаться. Мы пойдем на северо-восток и покончим с бледным злом еще до зимы!

Сандер поймал на себе одобрительно-восхищенный взгляд гоблинского вождя. Он не первый год водил войска и знал, что это означает: горцы признали за ним право приказывать уже не по праву крови, а по праву войны. Они поверили именно ему, Александру Тагэре, его делу и его слову. Он привел их к победе, а затем сказал то, что они жаждали услышать. Теперь они не успокоятся, пока не сокрушат врага.

Гоблины готовы были выступать немедленно, люди устали больше, но в том, что победу нельзя упускать, не сомневался никто. Александр с силой сжал поводья Садана. Эту осень он проведет здесь, но следующую встретит в Мунте. Есть войны, которые нужно доводить до конца, и есть враги, которых можно только убивать. Он сказал и это, и раздавшийся по полю одобрительный рев подтвердил: да, это именно такая война. В Таяне, в Тарре нет места для Ройгу и тех, кто жаждет вернуть древней твари жизнь, отнимая ее у других. Если что-то и есть святого в этом мире, то это Жизнь – не существование, не прозябание, а Жизнь – и за нее нужно и должно драться!

Нэо Рамиэрль

Ангес был моложе своего двойника и странным образом напоминал сразу и Рене Арроя, и Шарло Тагэре, и его сероглазого сына, хоть и не походил ни на одного из них. Воин не ослеплял, не подавлял мощью, его появление не сопровождалось громами и

молниями, на нем даже не было доспехов, но лльяма тихонько отползла от скалы за спину Рамиэрля и припала к земле, вытянув «морду» в сторону пришельца, а тот… Эльфы даже не поняли, как бог оказался рядом с ними, ведь мгновение назад он был на скале.

– Двое из вас – дети Тарры, – Ангес говорил негромко, хотя именно он наделил Романа даром говорить с тысячами, – а третий – сын Незамутненного Света… Скажите, в Луциане по-прежнему боятся Тьмы и низвергают в Бездну отступников? Неужели среди них появились эльфы?

– Мы ушли добровольно, – вспыхнул Аддари, – то есть, я ушел.

– Это дано не всем – уйти добровольно, – наклонил голову Ангес, – вы, верно, полагаете меня ясновидящим и всезнающим, но я знаю далеко не все. Итак, двое сумели покинуть Тарру. Каким образом?

– Через твою обитель. Я одно время носил Черное Кольцо.

– Его вам отдал отец?

– Мы не братья. Норгэрель и впрямь сын Ларэна и Залиэли, а я – внук. Я нашел кольцо там, где его оставил воспитанный Ларэном маг. Мне удалось понять его послание, и я решил освободить его из заточения в обители Адены. У меня ничего не вышло, но я нашел Седое Поле, поле, где вы победили Старых Богов Тарры, а потом и твою обитель. Я говорил с твоей тенью…

– Что ж, значит, ты знаешь все, что я знал перед Исходом. Уже хорошо. Что было дальше? Кольца с тобой нет, значит, ты уходил и вернулся. Почему? Тебе был нужен спутник? И кому ты отдал талисман?

– Мы оказались в Зиме из-за меня, – вышел вперед Норгэрель. – Я был болен, и мы решили, что мне не место в Тарре.

– Болен? – Воин положил руки на плечи Норгэрелю и внимательно вгляделся ему в глаза. – Верно, ты был болен и вы нашли единственно верное решение. Что сталось с твоим отцом?

– Он исчез в Сером море еще до моего рождения. Мать за ним не последовала. Из-за меня.

– Серое море! – темно-синие глаза Ангеса полыхнули, и лльяма от ужаса вовсе вжалась в землю, – я чувствовал, что в Тарре прячется что-то чужое, чувствовал, но Арцей и этот дурак, Владыка Вод, не желали слушать. А зло ждало своего часа и дождалось – мы ушли… Значит, Ларэн исчез и никто его больше не видел? Жаль, он стоил всех моих братцев, вместе взятых! Но твой рассказ слишком рваный. Он порождает вопросы, а не дает ответы.

– Рваный? – Рамиэрль задумался, не зная, с чего начинать. – Если хочешь, возьми мою память. Нам надо спешить, рассказывать слишком долго.

– Хорошо, – кивнул Ангес, – я больше не требую от других того, что не сделал бы сам, но моя память пока слишком тяжела для тебя. Ты отдаешь себе отчет, что я узнаю о тебе все?

– Да. Я бы вырвал из своей жизни многое, но это невозможно.

– Каждый, кто чувствует и помнит, так полагает, но нельзя убить часть себя. Ты готов?

– Да, – Роман отпихнул пискнувшую лльяму. Ангес протянул ему руку, и они оказались на вершине какой-то скалы. Внизу клубился туман, вверху в темно-синем, как глаза Ангеса, небе сияла одинокая алая звезда.

– Ты готов? – повторил Воин, и эльф поднял взгляд, столкнувшись со взглядом бога. Он еще мог отступить, Ангес бы не стал настаивать, но Роман выдержал – и канул в прошлое.

И вновь танцевала Криза, вскидывая смуглые руки. Темные волосы метались, как тени, а тени на стенах повторяли ее движения. Криза танцевала, а он играл, и струны резали пальцы в кровь. Криза танцевала, а он ее терял. Даже не терял, а отдавал другому, понятному, смертному, сильному... Пусть уходит, так надо. Потому что страшно идти по вечности со сгоревшим сердцем.

Бешеный бой гитары, стук подкованных сапожек, восхищенные, горящие глаза Уррика, все понимающий взгляд Геро. Эстель Оскора, любившая Рене больше Тарры и обманутая им и Залиэлью. Он должен был умереть, но умер Преданный. Великий Лебедь, как он закричал на алтаре, а Геро исчезла в сине-черном пламени. Синее и черное...

Всегда синее и черное! Зима, снег, плеск горной реки и юноша, который завтра умрет. Он солгал ему, потому что иначе не мог. Он сказал, что смерти нет, а она есть, и она не Добро и не Зло, она – равнодушие, тупая тварь с мордой жующей овцы... Она не всесильна, хоть и неотвратима. Рене вырвался и вернулся. Его любовь – спасение Тарры, сказала Эаритэ. Его жизнь страшнее смерти, кричала старая Зенобия.

Рев прибоя, тревожные крики чаек. Черный конь на вершине скалы и седой всадник, поднимающий полные муки глаза. Рене не велел к нему приближаться. Топаз, сын Топаза, задрожал и впервые в жизни ослушался хозяина... Черная Цепь с зелеными камнями, вцепившиеся в нее, как в спасение, сильные пальцы... Он заставил Рене пожать протянутую руку. Это было страшно обоим, но они справились и со страхом, и со смертью, вернее, справился Рене. Роман не представлял, что можно жить в таком

аду, но Аррой жил, потому что знал, что должен. А они должны вернуться, чтобы Тарра не стала тем, чем стало Светозарное...

– Эта участь Тарре не грозит, – усталый голос вырвал Рамиэрля из многоцветного вихря. – Светозарное уничтожили мы. Да, на развалинах что-то стало прорастать, и Дракон низверг все в небытие. Это – конец, Рамиэрль, и это не самое страшное. Богов можно уничтожить, но, к счастью для них и их обиталищ, их никто не пожелает спасать.

2896 год от В.И. 29-й день месяца Иноходца. АРЦИЯ. ГРАЗА

На глине под навесом сохранился отпечаток конского копыта. Атэвскую боевую подкову Рафаэль узнал сразу. Али, вернее, главный над калифскими конями, оставил новому хозяину Садана множество таких. Рито смотрел на след и чувствовал, что его сердце бешено колотится. Одно дело надеяться или слышать чужие заверения, другое – видеть своими глазами! Сандер был здесь с какой-то таинственной Ней, он жив и здоров, а остальное – ерунда.

Лес у края болота жил своей жизнью, стремительно избывая воспоминания о людях. Там, где у прежних хозяев лесной хижины было что-то вроде огорода, разрасталась крапива и еще какое-то растение с мясистыми большими листьями. Зеленые стрелы проросли сквозь посеревшие доски вкопанного в землю стола, в забор и стены лачуги вцепились побеги мокрого вьюна. Дверь была закрыта и подперта деревянным обрубком, но не заперта, и Рафаэль вошел в низкую комнату. Жалкие крестьянские пожитки, почти голые стены, в углу пучки каких-то трав... Ничего, что бы напоминало об Александре или рассказывало о его спутнице.

– Нашел! – Серпьент, разумеется, тоже не преминул забраться в дом и вовсю шуровал в дальнем углу.

– Что нашел?

– Царка! Бочонок. Почти целый!

Этого еще не хватало! Самомнения трезвого Крапивника с успехом хватало на сотню властителей земных, но, заполучив столько царки, он объявит войну не только Тартю и его актерам, но всем орденам и всем колдунам! И, самое печальное, оторвать Серпьента от добычи труднее, чем загонять до упаду десяток быков, а ждать нельзя! Нельзя! Нужно немедленно возвращаться. Откуда у него возникла такая мысль, Рито не понял, но Серпьент внезапно оторвался от драгоценного бочонка, и с его физиономии сошло обычное глумливо-самодовольное выражение.

– Что-то прошло. Очень сильное и гнусное, – Серпьент был не

на шутку встревожен.

– Я ничего не заметил, – Рито стремительно выскочил на двор, обошел халупу, сбежал по тропинке к болотам. Над спокойной золотистой водой мирно склонялись молодые тростники. – Все тихо вроде бы.

– Именно, что тихо. Сам дурак, так на умных погляди. Где стрекозы? Где птицы, где лягушки, где гусеницы, наконец?!

Гусениц и стрекоз и впрямь было незаметно, куда-то попрятались даже водомерки, но тишина длилась недолго. Пискнула какая-то птица, словно из ниоткуда вынырнула голубая стрекоза и пристроилась на остром листе осоки. Болото зажили обычной летней жизнью.

– Оно ищет нас?

– Не, оно мимо шло. – Крапивник плюхнулся на траву, заложил ногу за ногу и уставился на стенку хижины, у которой немедленно поперли вверх крапивные стебли. – Так лучше будет, а то, не приведи гусеницы, какие-нибудь ромашки вырастут. Не люблю. Глупые цветы... "Любит – не любит, плюнет – поцелует... " Тьфу!

– Да уж, – согласился Рито, – на крапиве гадать еще не научились.

– Гадать? – возмутился Серпьент, успевший забыть о промелькнувшей угрозе. – Так я и дам из-за глупости щипаться?! Нагадить кому-то – это да, это полезно, а гадать ни-ни! Слушай, короля твоего мы всяко не догоним, давай снова за этих актеришек возьмемся! Вот смеху-то будет... Я продолжение песенки придумал. Хочешь?

– Нет.

– Это еще почему? Я сейчас в самой буйной силе, они от меня не отвертятся! Ну, давай, а? Клин клином. Они народ накрутят, а мы раз – и в нашу корзинку!

– Серпьент, я возвращаюсь в Гран-Гийо. Немедленно. Надо рассказать Шарло и Эгону про Сандера и про эти театеры. Пусть вызывает Крэсси и остальных, надо что-то решать. А ты давай, гоняй этих бездарей, я тебе в этом только помеха.

– В одиночку?! – надулся Крапивник. – Скучно!

– Зрителей тебе мало?

– Мало! Они же не знают, что это делаю я!

– Ну, поехали со мной.

– Бум-бум-бум, – нахмурился Кулебрин, – не пойду я с тобой. На театер я управу нашел, проешь их всех гусеница. Раз запели про крапиву, не заткнутся до осени. О! Смотаюсь-ка я в столицу, разберусь, откуда ноги растут, да на Тартю вашего гляну.

– Вряд ли он тебе понравится, – хмыкнул Рафаэль.

– Тем более, – в зеленых глазах Крапивника мелькнула гордость, – я знаю, что с ним сделать! Будет чесаться! Вот. Когда чешутся – глупеют, а глупый враг – это хорошо.

– Этот враг хорош только мертвым, – тихо сказал Рафаэль, – но если ты и впрямь разберешься, что творится в Мунте, скажем спасибо.

– Я быстро, – заверил Серпьент Кулебрин, – только гляну – и к вам, а потом мы все вместе им зададим.

2896 год от В.И. 29-й день месяца Иноходца. АРЦИЯ. МУНТ

Месть свершилась, причем без ее участия. Подлая баба покарала сама себя, и страшно покарала, но сестра Мария, вернее, Маргарита Тагэре, отнюдь не была счастлива. Девушка думала, что с падением Элеоноры Вилльо победит свою детскую беду, оказалось – нет! Она, законная принцесса из рода Тагэре, вынуждена скрываться под чужим именем и смотреть на бастардов, завладевших арцийским троном.

Свою единокровную сестрицу Маргарита сначала ненавидела, затем стала презирать. Нора, как ее называли даже слуги, чтобы не путать с матерью, была глупа, хоть и невероятно красива. Сначала она шла на поводу у своей Элеоноры-старшей, и по поведению и словам молодой королевы было ясно, что в голове у старой. Нора то и дело бегала советоваться в особняк Вилльо, пока Пьер не показал, кто в доме хозяин. Тогда дурища стала реветь в три ручья и смотреть в рот мужу – собственного ума у нее не было.

Узнав о смерти братьев и заточении матери, Нора упала в обморок, и сестра Мария не терпящим возражений юном выставила из спальни королевы посторонних. Нора, подурневшая и жалкая, рыдала, сжавшись в комок, она принадлежала к той породе блондинок, которым плакать не следует, покрасневшее, распухшее лицо и заложенный нос ее не красили, а бессвязные слова, вырывающиеся между всхлипами, могли отправить молодую женщину вслед за матерью.

Королева рыдала, а принцесса Маргарита слушала, стараясь не пропустить ни одного слова. Нора во всех своих несчастьях винила дядю-горбуна, отказавшегося на ней жениться. Если бы он согласился, мать бы никогда не выдала ее за Пьера, он бы не стал королем и все были бы живы и свободны. А Александр ее не захотел… Про себя Мария решила, что брат отца был прав, не женившись на такой плаксе, впрочем, ей до этого дела не было. Она выполнила приказание Ее Иносенсии – Элеонора глупа и слабовольна, в отсутствие матери она вцепится в наперсницу, что и требовалось доказать. И все равно королева Арции не должна быть такой! Смотря на перепуганную гусыню, Маргарита Тагэре представляла на ее месте себя. Какой бы она была королевой! Пусть женщина не может занимать престол, но она может править! Была же Иволга, свергнувшая мужа и влюбившая в себя всех нобилей королевства, а чем она хуже оргондской бесприданницы?!

Мария знала, что делает, вступая в орден. Тогда на троне сидел отец со своей шлюхой, они с матерью были забыты. Девушке пришлось выбирать между убогим замужеством, еще более убогим девичеством и Церковью, где умом и решительностью можно добиться многого. В своем решении Маргарита усомнилась, лишь попав ко двору. Она была Тагэре, ее местом был дворец Анхеля, а не обитель. Даже Рубины Ее Иносенсии, и те потеряли половину своего блеска в лучах короны. Будь у Маргариты магические таланты, она могла бы за них побороться, но Анастазия потому ее и приблизила, что не опасалась соперничества. Предстоятельницей может быть лишь женщина, сведущая в орденской магии, самое большее, на что может рассчитывать сестра Мария, – ожерелье бланкиссимы, но теперь этого было мало!

Наперсница королевы была со всеми мила, спокойна и холодна, как горный снег, и никто не знал, как она ненавидела тех, кто занял ее место. Но из ненависти меч не скуешь. Мария честно исполняла поручения Анастазии, но мысль о собственной игре, сначала смутная и неясная, затягивала, как водоворот. С Элеонорой все было ясно, и Маргарита повернулась к Пьеру. Он был отвратителен, этот слизняк с редкими серыми волосиками и нездоровой кожей, но умен. Пьер был жаден, труслив, мнителен, он никому не доверял, но он сумел за несколько месяцев подмять под себя страну, которая его презирала и ненавидела. Конечно, ему помогли, но воли и ловкости коронованному крысенку не занимать. Мария следила за Пьером со странной смесью брезгливости и восхищения, с каждым днем укрепляясь в мысли, что из него выйдет отличный союзник против сильных покровителей. Наперсница королевы подозревала, что Пьеру не по душе быть марионеткой в руках Ифраны, Церкви и Ее Иносенсии, но обойтись без Анастазии он не может.

Свалив убийство детей Филиппа на Александра, Предстоятельница намертво привязала Тартю к себе. Это была не просто помощь – королю доходчиво объяснили, что с ним станет в случае непослушания. Его разорвут в клочки его же подданные как убийцу, бастарда и узурпатора, и все будет чисто, ибо он таковым и является. Заставить арцийцев разлюбить горбуна было трудно, помочь им вспомнить о ненависти к тому, кого они раньше терпеть не могли, легче легкого.

Во время представления Мария сидела в королевской ложе, но смотрела не на сцену, а на королевскую чету. Им обоим было страшно, королю и королеве, но по-разному. Элеонора боялась мужа, муж боялся будущего. Он был в руках циалианок и знал это, а нужно, чтобы в наперснице жены он увидел возможность

вырваться из-под опеки. Конечно, в такой игре недолго и голову сломать, но это лучше, чем ходить с опущенными глазами за незаконной сестрой и доносить, доносить, доносить…

Оставалось решить, как и с чего начать. Пьер не из тех, с кем можно говорить с пустыми руками, нужно какое-то оружие и какое-то лакомство, чтобы он увидел ее силу и понял, что она на его стороне. Способ был, древний и безотказный, но слишком отвратительный. К мужчинам Марию никогда особенно не тянуло, но представить себя в объятиях Пьера… Нет, тут нужно что-то другое, но другое не придумывалось, а потом с севера стали поступать странные вести.

Пиесы господина Перше на жителей Тагэре, Эстре и Мальвани не подействовали, напротив, оттуда в Среднюю Арцию заползла похабная песенка, сводившая на нет усилия актеров и драматургов. Кто бы ни был неизвестный сочинитель – гениальным шалопаем, опытным магом или и тем и другим, – но его выдумка напрочь разрушала магию сказки о горбатом убийце и обращала злость и негодование зрителей на исполнителей и короля.

В Мунт непозволительные вирши прислал один антонианец. На первый взгляд, в них не было ничего особенного – обычная уличная похабень из тех, что распевают подвыпившие студиозусы. Марии песню показала Ее Иносенсия.

– Что ты думаешь об этом?

– Ничего, – честно призналась наперсница Ее Величества, – этот поэт вряд ли будет великим.

– Он уже велик, так как сочинил песню, разошедшуюся по всему северу, если не по всей стране. Многие пишут лучше и достигают меньшего. Ты знаешь, как все происходит? Труппа дает представление, все идет прекрасно, пока кто-то не начнет орать про крапиву. В итоге на сцену летят тухлые яйца, а все обнимаются и поют. Это магия, осознанная или нет, но магия. Кто-то идет по следу наших актеров и мешает им. На севере творятся странные дела, Мария.

– Может быть, дело в том, что те провинции всегда были на стороне Тагэре?

– Это объясняет все или не объясняет ничего. Как себя чувствует малышка Нора?

– Плохо, ей тяжело дается беременность.

– Пьер ей еще не изменяет?

– Нет, хотя глаза у него голодные.

– Он родился голодным, – на лице Анастазии возникло брезгливое выражение, – и трусливым. Первый раз изменить жене сложно, потом пойдет как по маслу. Я должна знать, кто будут

его любовницы. И кто будет любовником королевы.

– Ее Иносенсия ошибается, Нора слишком труслива.

– Трусливые женщины – очень легкая добыча. Другое дело, что во дворце не осталось мужчин, разве что гвардейцы. Ты попала не к самому веселому двору, дитя мое.

– Я должна веселиться?

– Если ты захочешь приблизить к себе какого-нибудь рыцаря, я возражать не буду. Любовь мешает и магии, и политике, только если она чрезмерна. Но я должна знать, кем будет твой друг.

– У меня нет друга.

– Я знаю, – очи Ее Иносенсии были холодны и равнодушны, – я говорю о том, кто будет, а он будет. Рано или поздно. И его, моя дорогая, не должны звать ни Его Величеством Пьером, ни Его Высокопреосвященством Клавдием, ни Его Преосвященством Илларионом. Остальные к твоим услугам.

Нэо Рамиэрль

На двух лицах и одной почти что морде был написан вопрос: «Что Он тебе сказал?», но Аддари и Норгэрель молчали, не желая торопить друга, а лльяма говорить еще не научилась. Нэо тряхнул головой, приводя в порядок мысли, и усмехнулся, вспомнив привычку Рене. Адмирал, решившись на очередную безумную выходку, ведущую к победе или погибели, всегда рывком отбрасывал назад волосы. Знал бы Рене, куда ведет его невероятная звезда и до чего ему остался лишь шаг...

Лльяма не выдержала первой и сиганула на грудь хозяину, едва не сбив того с ног. Нэо засмеялся и потрепал сверкающий синий загривок.

– Скоро мы увидим отвратительное место, Волчонка.

Огневушка не возражала – отвратительное так отвратительное. Где наша не пропадала! Порождение Тьмы предприняло еще одну попытку обнять эльфа, но Рамиэрль вовремя увернулся.

– Сидеть, Волчонка! Сидеть! Аддари, Норгэрель! Вам лучше остаться здесь. Это не так уж и плохо, Фэрриэнн достоин того, чтобы ему служить...

– А ты?

– Мы с Волчонкой попробуем прорваться.

– Почему ты не хочешь, чтобы мы шли вместе?

– Аддари, я ОЧЕНЬ этого хочу, но, понимаешь ли, я уже не совсем я. Это трудно объяснить, но я носил Кольцо Ангеса, у меня получается черпать из Бездны и даже из Тьмы, а вы оба – Свет и

Жизнь.

– И что?

– Дорога в Тарру, по крайней мере, та, о которой говорит Ангес, лежит через погибший мир. Это даже не Светозарное, это хуже. Вы можете не выдержать.

– Это тоже сказал Ангес? – на лице Аддари проступило упрямое выражение луцианских времен, когда Солнечный принц вопреки здравому смыслу настаивал (и настоял!) на разговоре с паладинами.

– Воин не видел нынешнего Светозарного, ему туда дороги нет, но он сказал достаточно, чтоб я понял, куда иду. Бездна в сравнении – цветочная поляна.

– Не стоит говорить загадками, – подал голос Норгэрель, – мы заслужили правду, а бояться нам давно нечего.

– А вот я боюсь. Хорошо, Ангес сказал, что нам нужно пройти через мир, павший под тяжестью своих грехов на глазах высших сил, игравших там в свои игры. Праведные души были спасены, о том, что сталось с остальными, лучше не думать. Там был храм, связанный с силами, чуждыми и Тьме, и Свету, и оттуда ведет странный след. То, что мне показал Воин, ОЧЕНЬ похоже на то, что мне показал Эмзар незадолго до нашего с Норгэрелем ухода. Я попробую пройти этой тропой. Если повезет, мы окажемся в Дальнем Суре.

– Значит, мы пойдем по дороге Зла? – деловито уточнил Аддари.

«Дорога Зла», а ведь Солнечный верно сказал. Если Ангес прав, они найдут тропу, по которой в Тарру пришло Зло, сначала запятнавшее джунгли Сура, затем Серое море и, наконец, Варху. Зло, по милости которого один из Первых Богов возжелал стать единственным и восстал против Омма. Зло, смеявшееся, когда Светозарные встали друг против друга, держась за мечи, а потом ушли, бросив Тарру на произвол судьбы. Зло, поднимавшее со дна живых душ всю грязь, которая там таится. Зло, которое тысячелетиями шло к своей цели и почти победило.

Рамиэрль смотрел на своих товарищей и не видел их, вновь и вновь переживая рассказ Ангеса. Давным-давно Воин побывал в одном из миров, тот был не лучше и не хуже других, он не принадлежал Свету, но был ближе ему, чем Тьме. Ангес не нашел ничего его взволновавшего и отправился своим путем, запомнив лишь гигантский храм, вызвавший у тогда еще Светозарного небывалое отвращение. Воин хотел задержаться и разрушить исполненное чуждой и грязной силы сооружение. Тогда он был моложе и слабее, но задача была ему по плечу. Он до сих пор проклинает себя за то, что не сделал этого, вняв посланцу Света,

схватившему его за руку, когда над проклятым Храмом уже сгущались тучи. Свету не было дела до не вредившей ему Силы, Свету нужны были новые миры, доселе управляемые своими богами, и огромное серое здание на берегу мертвого зеленого озера осталось стоять.

Порвав с родичами, Ангес вспомнил об этом месте и решил назло всем довершить задуманное. Правду сказать, Воину хотелось сорвать на чем-то бессильную ярость, а в том, что странный храм следует уничтожить, он не сомневался. Ангес вернулся – и нашел погибший мир. Он был мертв, и мертв давно, но исполнен неизбывного ужаса и боли. Нет, мерзкий Храм не имел к его гибели прямого отношения, но Воин не сомневался, что, уничтожь он вовремя эту заразу, все пошло бы иначе. Он опоздал, Сила ушла из этого места, ее адепты бежали, оставив едва заметный след. Ангес подумывал: броситься ли в погоню, но ему вновь помешал Свет.

Брат Арцей решил раз и навсегда выяснить отношения с отступником, а заодно осчастливить нарождающийся Фэрриэнн. Ангесу пришлось броситься назад и встать одному против пятерых... Так появилась Бездна, но чуждый и Тьме, и Свету храм уцелел.

– Ты рассказал нам не все, – Аддари не был обижен, но ему хотелось знать.

– Не все, – признал Рамиэрль, – но я и не знаю всего... Нам придется идти в место, вызвавшее страх даже у бога.

– Мы попробуем, – спокойно сообщил Норгэрель, – вряд ли это много хуже радужных троп.

– Даже Ангес назвал его дном отчаяния.

– Он нам поможет?

– Он уже помог. Мы знаем дорогу, и нам откроют Врата.

– Но с нами Воин не пойдет.

– Нет. Его долг и его жизнь – не только и не столько Фэрриэнн. Воин ведет свой бой, о котором нам лучше не знать. В Тарру Ангес может вернуться лишь путем богов, но он открыт лишь для всех Светозарных, один из которых мертв, а остальные утопили память о брошенном мире в новых заботах.

– А что Адена? – в глазах Норгэреля мелькнула растерянность.

– Дева пошла своей тропой, они потеряли друг друга. Так я понял.

– Ты понял правильно, – Ангес вновь был тут, стоял, прислонившись к каменному волку и положив руку на голову волку живому, проявлявшему откровенный интерес к лльяме. – Адена умеет забывать о прошлом, даже о счастливом, а

неотданные долги ее не заботят. Я был бы рад, если бы Аддар и Норгэрель остались в Фэрриэнне. Это мир людей, в этом его сила и его слабость, а я не могу бывать здесь слишком часто. Людям можно верить до определенной черты, но порой их нужно схватить за руку. Так вышло, что Фэрриэнн слишком близко к Границе и слишком хорош, чтобы позволить ему сгинуть. Помощь бессмертных была бы бесценной, но я вижу, что вы уйдете вместе.

– Да, – виновато сказал Аддари, – я должен увидеть Тарру.

– Тебе придется не только ее увидеть, но и спасти. Или погибнуть, – Ангес надавил на холку своего волка, и тот лег, продолжая коситься на огневушку. – Если вы хотите дойти, не оглядывайтесь, не думайте о том, что видите. Этого нет. Все уже случилось. Случилось века назад, и даже Орел не может ничего исправить.

Река Времени когда-нибудь затопит мертвый остров, но пока Все не обратится в Ничто или пока Странник не устанет от Любви и Прощения и не отринет Надежду, приговор не изменить.

Воин, словно бы грезивший наяву, оборвал себя на полуслове.

– Идите, и да помогут вам Сталь и Пламя не вспоминать каждую ночь об увиденном. Нэо Рамиэрль! Не забудь, что я тебе сказал. Возможно, мы еще увидимся и даже узнаем друг друга. Удачи!

В вечерних глазах Ангеса промелькнуло нечто трудноуловимое – то ли горечь, то ли гордость, то ли вызов. Воин выхватил меч и под победный вой волка вскинул вверх, поймав клинком заходящее солнце. Блеснул алый луч, изгибаясь дугой, внутри которой вскипела кромешная Тьма. На сей раз лльяма не спешила, замешкались и Норгэрель с Аддари. Рамиэрль почувствовал, как его сердце, все еще живое и горячее, судорожно забилось, но эта дорога, какой бы горькой она ни была, могла вести к дому, и Нэо пошел по ней.

2896 год от В.И. 11-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ЛАНДЕЙ

Лесные проселки походили друг на друга, как горошины из одного стручка, но ехать трактом Мария не решилась. Если Ее Иносенсия захочет ее вернуть, она пошлет белых рыцарей прямым путем. Анастазия умна, но ей и в голову не придет, что за поступком ее помощницы стоит нечто большее, чем желание услужить. Она уехала тайно, воспользовавшись тем, что Предстоятельница отбыла в Кантиску, где в очередной раз пытались выяснить, являются ли Мальвани еретиками. Этот вопрос Анастазию волновал мало, но она не могла не поехать

туда, куда едет Илларион. Марля давно заметила, что Ее Иносенсию Предстоятель антонианцев заботил больше других дел, земных и небесных. На следующий день после отъезда Анастазии уехала и сестра Мария, оставив верноподданническое письмо о том, что отправляется разузнать и доложить покровительнице, что же творится на севере. Это было и правдой, и нет.

Мария и в самом деле намеревалась выяснить все про проклятую песенку и настроения местных нобилей, но главным было другое. После разговора с Ее Иносенсией она написала в Гран-Гийо и очень быстро получила ответ, заставивший задуматься. Девушку мало занимал второй брак матери с второразрядным бароном, она так и не удосужилась встретиться с приезжавшими в Мунт родичами, те, впрочем, тоже не явились в обитель.

Маргарита росла наблюдательной девочкой, конечно, она ушла из дома очень давно и многое пропустила. Возможно, оставшись одна, мать и не устояла перед огромным бароном, но в то, что она позволила ему куда-то отослать близнецов, выбрав не детей, а мужчину, верилось с трудом. Да и письмо, в котором мать уведомляла о своем замужестве и переезде в замок супруга, было каким-то странным. Тогда она, увлеченная Мунтом, не обратила на это внимания, но теперь поняла, что именно ее удивило. Клотильда Гран-Гийо не звала свою дочь к себе. Обида? Нет, мать прощала ей любые грубости, вплоть до прямых оскорблений. Она писала куда чаще, чем хотелось Марии, и звала приехать, даже когда была беременна, если, конечно, была.

Мысль о том, что ее новоявленные брат и сестра на самом деле пропавшие дети пропавшего короля, сперва показалась Марии безумием. Главным образом из-за того, что отчим был сторонником Лумэнов, но барон был по уши влюблен в мать, а та без разговоров приняла б племянников Филиппа, если б кто-то догадался их привезти. Чем больше Мария размышляла, тем больше убеждалась, что ее догадка может оказаться правдой. Значит, ее нужно проверить! Знать, где дети свергнутого короля, полезно в любом случае, а кому об этом говорить, и говорить ли, она решит потом. Возможно, с этого начнется ее союз с Тартю. Или с Мальвани. Но Анастазия об этом не узнает в любом случае.

Мать о своем приезде девушка решила не уведомлять: та могла отправить «близнецов» погостить, а правду придется вытрясать именно из них. Говорят, мальчик – вылитый отец, а девочка похожа на Марту Оргондскую в детстве. Если так, нужно как следует рассмотреть свалившегося с неба «брата». Внешность девочки ничего не решает – по словам матери, в Эльте их с

Мартой Тагэре принимали за родных сестер.

Пьер сбился с ног, пытаясь отыскать Тагэре, его детей и маркиза Гаэтано, он оценит, если ему подскажут место, где скрывается хоть кто-то. Мальвани тоже оценят, но они далеко и воюют. Мария слышала разговор Рогге с Эжем – отчим короля не исключал, что Тигр передушит «Селезней». Пожалуй, она не станет ничего говорить о детях, пока не выяснит, чья взяла.

Хотя зачем ощипывать летящего фазана? Скорее всего, близнецы и впрямь приходятся ей братом и сестрой. Что ж, тогда она сделает то, что обещала, а именно: разберется в северных делах и доложит Ее Иносенсии. В крайнем случае, придется выслушать поучение об излишнем усердии. Ничего, эту беду пережить можно.

Дорожный возок, нанятый молодой состоятельной мещанкой, направлявшейся к мужу (циалианская сестра не может путешествовать одна, без рыцарского эскорта, а рыцари Оленя в Гран-Гийо не нужны), остановился и стал неуклюже разворачиваться. Мария раздвинула занавески и спросила, что случилось

– Да дурак он, госпожа, – ехавший рядом охранник презрительно указал на возницу, – не туда заехал. Тут только коровы ходють, повертать надо.

Мария, сдержав раздражение, откинулась на жесткую спинку. Возок покатил назад, за окном тянулось все то же мелколесье. Мало-помалу накатила дрема, из которой девушку вырвали грубые мужские голоса. Не успела Мария прийти в себя, как дверца распахнулась и в ней показалась не блистающая красой физиономия.

– Лейтенант Пушон. Кто вы? Куда и откуда направляетесь?

– А в чем дело?

– Отвечайте!

– Я… Мадлен Райи (так звали ее подругу, нет, не подругу, подруг у нее не было, соседку) из Фаро. Еду в Гран-Гийо.

– Куды-куды, – переспросил страж, – это ж совсем в другую сторону?

– Мы сбились с дороги, – брезгливо сморщившись – от вояки безбожно разило чесноком, – сказала Мария.

– А откуда?

– Из Мунта.

– Вон оно как, – хмыкнул чесночник, – не пойдет, сударыня! Все едут из Мунта, и все сбились с дороги, как бы не так! Так мы и дадим вам заразу развозить, а ну завертайте!

– Я не собираюсь сворачивать, – надменно произнесла Мария, забыв, что на ней нет белого покрывала, – мне нужно в Гран-Гийо.

– На Мунтский тракт тебе нужно. Короче, заворачивай, а то хуже будет! Пешком пойдешь.

Возражения от чесночника отлетали, как от стенки горох, а взятка, похоже, была предложена слишком поздно. Пришлось ехать туда, куда было велено. Даже не ехать – ползти. Вместе с ними тащилось несколько телег, шли какие-то люди. В окно кареты Мария рассмотрела пятерых или шестерых горожан, наемника, бродячего зубодера, а потом какой-то детина бесцеремонно распахнул дверцу кареты и хлопнулся напротив Марии. Несмотря на жару, он кашлял, чихал и сопел. Девушка брезгливо отодвинулась, а наглец шумно шмыгнул носом, сплюнул на пол и грязно выругался. Нужно было гнать его в шею, но на Марию напал какой-то столбняк, она молча смотрела на простуженного мерзавца, а тот, еще раз плюнув, пересел к ней. Разумеется, он был пьян!

Возок тащился со скоростью смертельно больной улитки, и распахнуть дверцу и позвать на помощь было проще, чем самой выталкивать распустившего руки нахала. Нанятый охранник, как назло, куда-то подевался, возница делал вид, что происходящее его не касается, да и остальным было не до нее. Пьяница мерзко заржал и отпустил площадное словцо. Мария крикнула еще раз. На сей раз помощь пришла. Парень, похожий на проигравшегося наемника, дерзко подмигнул Марии и вскочил внутрь кареты, после чего пьяный наглец ее покинул через противоположную дверцу.

– Раз уж ты меня пригласила, – наемник ослепительно улыбнулся, – я проделаю остаток пути в твоем обществе.

Следовало его одернуть, но лучше такой защитник, чем никакого.

– Куда мы едем?

– В ближайшую деревню.

– А что случилось?

– Стражники утверждают, что чума.

2896 год от В.И. 12-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Отряд выехал из леса и на рысях пошел к замку. Шарло Тагрэ, отзывавшийся нынче на имя Анри Гийо, вскинул руку и доложил караул-декану:

– Сигнор, к замку приближается отряд.

– Сигна?

– Три звезды на голубом поле и замок.

– Число?

– От трех до четырех дюжин.

– Когда гости достигнут горелой сосны, они выстроятся попарно. Извольте перечесть и доложить.

– Слушаю…

Пересчитывать, сколько воинов взял с собой барон Крэсси, не имело смысла. Это были друзья, а хоть бы и враги…

Четыре дюжины воинов для Гран-Гийо не опаснее, чем детская стрела для осеннего кабана, но Туссен Равье делал все, чтобы превратить новообретенного сына своего сигнора в настоящего рыцаря. В кругу приятелей Равье не мог нахвалиться подопечным, находя в нем множество отцовских достоинств, зато самому Анри вояка не давал спуску, впрочем, мальчик был этому только рад. Он упражнялся с утра до вечера, мечтая, как удивит отца, когда они наконец встретятся. В том, что Рафаэль отыщет своего друга и короля, Шарло не сомневался, его же дело исполнять приказания Туссена, который хоть и уступал покойному Артуру, был хорошим учителем.

Шарло стрелой взлетел назад на стену и отыскал глазами отряд. Сигна с тремя звездами и замком была уже совсем близко. Так… Сигноносец, двое сигурантов, сам сигнор, рядом с ним оруженосец с личным знаменем, затем двое аюдантов и попарно воины. Всего сорок семь человек. Странное число, ну да барону виднее.

– Сигнор Равье! С бароном Крэсси сорок шесть человек, в том числе сигноносец, оруженосец, двое аюдантов и двое сигурантов.

Туссен набросил на себя плащ с сигной Гран-Гийо.

– Прикажите опустить мост и догоняйте.

Караул-декан был куда большим блюстителем обычаев, чем отец и тем более Рито, но до господина Игельберга ему было далеко. Штефан не стал бы опускать мост, не убедившись, что люди на том берегу именно те, за кого себя выдают, а Рафаэлю б и в голову не пришло спрашивать друзей, по какой надобности они заявились.

Барон Крэсси, похудевший и поседевший, с красными от бессонницы глазами, хрипло ответил Туссену, что приехал обсудить с господином бароном осеннюю охоту. Шарло понимал, что это вранье, если, конечно, под охотой не подразумевать охоту на Тартю, но мнения оруженосца никто не спросил. Караул-декан любезно пригласил сигнора и всех его спутников войти, и восемь алебардщиков выстроились по обе стороны ворот, пропуская гостей. Шарло старательно опустил глаза вниз – не хватало, чтобы старик Крэсси его узнал. Волосы волосами, но глаза у него отцовские, а глаза Александра Тагэре вошли в поговорку. На всякий случай мальчик не смотрел ни на кого из проезжавших

(Крэсси были слишком дружны с Тагэре), ожидая, когда процокает последний конь.

Все было замечательно, и Шарло сам не понял, когда ему стало очень страшно. Так, как не бывало еще никогда, даже в ту ночь, когда они с Кати бежали из дворца Анхеля. Это было, как в плохом сне, когда к тебе приближается что-то отвратительное, злобное и могущественное, а ты не в состоянии ни драться, ни бежать, ни хотя бы позвать на помощь. Сердце Шарло на мгновение остановилось, а потом жалко затрепыхалось, по спине побежали противные мурашки, но все это было ерундой в сравнении с осознанием чего-то ужасного, вступившего в Гран-Гийо. Шарло сжал в кулак всю свою волю и поднял ставшую немыслимо тяжелой голову. Он больше не боялся, что его узнают, главным было – понять, что происходит, но не происходило ничего. Ласковое летнее солнце освещало мост, по которому в замок въезжали всадники в плащах со звездами. Махали хвостами откормленные гнедые лошади, блестели доспехи, стучали копыта. Страшное мгновение миновало.

Шарло не слышал, как Николай, выглянувший в окно замковой библиотеки, вздрогнул, как от порыва ветра, и, повернувшись к Яфе, процитировал Книгу Книг «и услышал я шорох крыльев смерти и страха, и их голоса, исполненные ненависти ко всему сущему».

– Я не слышал голосов, – в голосе Яфе была тревога, – но саддан и впрямь спустил с цепи самого голодного из своих псов, иначе почему так холодно на душе?

2896 год от В.И. 12-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. КРАКОЛЛЬЕ

У всех мирийцев волосы на затылке были перехвачены лентами – у кого черными, у кого красными, у кого белыми. Сезар Мальвани знал этот обычай, с которым не могли покончить ни клирики, ни синяки. Так островитяне объявляли о том, что собираются мстить до последней капли крови. После убийства Шарля Тагэре многие сторонники погибшего герцога, особенно молодые, стянули себе волосы на мирийский манер. Сезару тогда было одиннадцать лет, но такое не забывается.

– Диего, – граф Артьенде был младше Сезара на десять лет, но они сразу же отказались от условностей, – я все время хочу спросить и все время забываю: откуда пошел ваш обычай повязывать волосы?

– Так проще, – пояснил мириец, – один взгляд – и все ясно.

Мы честны и с быками, и с врагами, своих намерений не скрываем, а цвета… Что бы ни болтали «сестры», но для байланте черный – это жизнь, алый – бой, белый – смерть, а почему, мы уже и забыли. Черный, наверное, из-за ночи, когда к нам приходит любовь, красный – кровь, а белый – это цвет савана, костей да тряпок, которые носят капустницы.

– Значит, никакой легенды нет?

– Может, и была, да мы ее забыли, – мириец лукаво посмотрел на арцийца, – все помнить невозможно, но к бою мы готовы.

– Очень хорошо. Сегодня ночью наш друг Аршо-Жуай наконец двинулся вверх по течению Ньера. Он ползет, как черепаха, потому что с ним пехота и огромный обоз. Их нужно проводить, Диего.

– Проводим. Когда преподнести им первые цветы?

– С цветами погоди, идите следом, пока они не соберутся переправляться. Думаю, это будет в Кер-Женевьев, но, возможно, они остановятся и раньше. Перетащить армию через такую реку дело хлопотное, им придется долго возиться. Если они решатся, не мешайте, но когда они будут готовы…

– Мы их поцелуем. Где будете вы?

– На другой стороне, они нас увидят, едва вы испортите переправу, а до этого пусть…

– Пусть думают, что они одиноки, брошены и никому не нужны, – закончил мириец. – Мы переплывем Ньер в любом месте, он широкий, но медленный, а таскать на себе беры железа мы не собираемся.

– На это я и рассчитываю. Если ты станешь присылать мне известия о наших «друзьях», буду весьма признателен.

– Люблю оказывать услуги друзьям, – кивнул мириец. – Я видел, прибыл гонец. В Лиарэ уже началось?

– Да. Когда он выезжал, дарнийцы как раз начали морскую блокаду. До штурма вряд ли дойдет, ждут Жуая, пока же они заняли Устричный остров и установили там баллисты и катапульты, но обстрел не начинают.

– Дарнийцы все делают вовремя, – засмеялся Диего Артьенде, – а мы или обгоняем, или опаздываем. И поэтому они нас никогда не догонят, а мы их всегда найдем. Я надеюсь, Шарлю-Анри и сигноре Франго понравится в Кер-Эрасти. Жаль, твой сын еще мал для байлы.

– Зато Вивиана Франго еще годится для байланте, – Сезар искренне любил добрую и любвеобильную Вивиану и доверял ей, но Виа на его слова бы не обиделась, напротив.

– Да, золотые волосы у нас в цене, – согласился, поднимаясь,

Диего, – ты узнаешь Мигеля и Федерико или мы все для тебя на одно лицо?

– Вы похожи, не спорю. У Мигеля шрам на верхней губе, а Федерико носит сразу две ленты – красную и черную.

– Лента одна, но сшита из двух половинок. Да, это они, и они будут рассказывать о нашем танце. Мы не подведем.

В том, что мирийцы сделают все, как нужно, Сезар был уверен. Земляки Рафаэля при всем их удручающем легкомыслии были надежными союзниками. Не сомневался Сезар и в остающихся в Краколлье смертниках, но будет или нет их жертва оправданной, зависело от него и от маршала Аршо. Он должен обыграть ифранца, хотя раньше никогда не водил в бой большие армии и не командовал сражениями, но когда-то все приходит впервые. У Мальвани полководческий талант в крови, он должен проснуться, а Гартаж – лучший в мире командир авангарда.

Герцог открыл дверь и спустился к Ньеру. Третья по величине река Благодатных земель медленно катила волны к морю, то, что творилось на другом берегу, можно было рассмотреть лишь при помощи окуляра. Ифранцы не должны их заметить раньше времени. «Цветы», как выражается Диего Артьенде, нужно преподнести неожиданно.

2896 год от В.И. 12-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ЛАНДЕЙ

Мария не хотела умирать в чумной деревне в какой-то жалкой гостинице, но выхода не было. Если б она путешествовала с приличествующим эскортом как доверенное лицо Ее Иносенсии, с ней бы не посмели так обращаться, а теперь! Этот мерзкий лейтенант не желает ее слушать, а когда заявятся синяки, будет еще хуже.

Девушка еще раз с тоской посмотрела в окно. Сквозь веселую летнюю зелень проглядывала обсаженная кустами канава, а за ней маячили алые туники стражников. Что же делать? Бежать некуда да и смысла не имеет. Она слишком долго дышала одним воздухом с больным негодяем. Она уже больна, а с чумой не могут справиться даже маги-медикусы.

Говорят, антонианцы и циалианки знают заклятие, предотвращающее болезнь, но заразившимся оно не помогает. И почему только она так бездарна в магии! И к тому же глупа. Нужно было озаботиться и попросить кого-то из старших сестер, лучше всего Еву, защитить ее от чумы, хотя кто же мог такое предвидеть… Мария стиснула кулаки. Все, что ей представлялось важным и нужным, оказалось ерундой. Ну и что, если мать и

отчим спрятали бастардов горбуна? Рано или поздно это выплывет наружу и с ними будет покончено, а она, она захотела стать хозяйкой тайны, за которую этот сморчок Пьер при всей своей скупости ничего не пожалеет… Ей, видите ли, понадобилось поиграть с коронами, вот и доигралась!

Ее жизнь кончилась, не начавшись. Мать – и та своего часа дождалась. Хозяйка замка, баронесса, она будет жить и жить… Мария оттолкнула от себя поднос с едой. Дурак трактирщик продолжает готовить жранье и брать за него деньги, а сам уже мертвец! Подумать только, от чего она отказалась в надежде получить все, и не получила ничего! Десять лет быть на побегушках у Анастазии, прятать свою красоту и свою знатность! А ведь она могла стать падчерицей барона, выйти замуж за нобиля, носить идущие ей платья.

Глупости, не напяль она на себя этот балахон, она бы стала принцессой! Горбун вернул бы ей все права, она бы вышла замуж за герцога или графа! И почему только она не покинула обитель?! Постриг, ну и что?! Анастазия бы ее отпустила – Маргарита Тагэре ей нужна не меньше, чем сестра Мария, а при помощи Анастазии она бы поднялась… Может быть, даже на трон. Разумеется, не с Тартю, но мало ли в Арции нобилей, родственных Арроям и не являющихся бастардами. Ее Иносенсия от Архипастыря и «паучат» не в восторге, она поддержала Пьера, потому что не было другого претендента. Если б Мария ей открылась, Предстоятельница сыграла иначе.

Бы… бы… бы… К Проклятому все это! Девушка швырнула злосчастный поднос на пол, осколки и жирные брызги разлетелись во все стороны! Другие интригуют, воюют, дышат, им плевать, что она скоро умрет. Никто и не заметит, что по Александру выло пол-Арции, едва уняли, а о ней не пожалеет никто. Даже мать! У нее новая семья и эти бастарды, свои ли, чужие ли, но они при ней! Если б Мария могла написать Тартю о своих подозрениях, она бы это сделала, пропадать – так всем, но ни один стражник не возьмет ничего из чумной деревни.

Девушка схватила кувшин с вином, собираясь отправить его вслед за жарким, но передумала и припала к горлышку. Страх и возбуждение требовалось куда-то девать: запить, забыть, вытеснить хоть чем-то… Она не может сидеть тут и ждать, пока у нее заболит горло, станут слезиться глаза, тело пойдет пятнами… Покончить со всем сразу? Яд у нее есть и нож тоже.

Мария задумчиво поглядела на такое невинное, на первый взгляд, колечко с беленьким камушком. Может не подействовать – она восемь лет принимает настойку, приучающую ее ко всем известным ядам, кроме тех, к которым привыкнуть нельзя. Но у

нее здесь не Агва Закта, а простой и надежный яд, который может достать почти каждый. Она хотела как лучше, хотела не оставлять улик, указывающих на орден, и опять себя обманула. Выходит, сталь?

Дочь Филиппа Тагэре еще раз хлебнула из кувшина и вытащила кинжал. Тронула безупречное лезвие, поднесла к груди, потом к шее. Нажать, и все. Быстрая, чистая смерть, но в том-то и дело, что умирать ей не хотелось. Еще три глотка не помогли, кинжал полетел в угол, зазвенев, упал рядом с осколками супницы. Девушка вскочила, метнулась к окну, глянула на стражников, отступила в глубь комнаты. Проклятые воробьи. Орут, суетятся... Кошки на них нет! Мария и сама походила на затравленную кошку, только вот вцепиться в лицо было некому, она была одна. Она всегда была одна и гордилась этим, но сейчас одиночество было невыносимым.

Мария залпом допила вино и рухнула в кресло. Ярость, страх и жалость к себе спутались в какой-то пульсирующий ком. Бежать некуда, но и здесь оставаться невозможно. За окном отчаянно закудахтала курица. Идиот-трактирщик собрался кого-то кормить! Покойник варит суп для другого покойника, и тот будет пить и жрать, облизывать пальцы. Один сдохнет с набитым брюхом, другой с набитым кошельком...

Где-то рядом звякнула струна, звук смолк, и почти сразу же раздался гитарный перебор. Давешний наемник! У него была гитара, это точно. Мария вскочила, поняв, что сделает. Мириец был наглым животным, но сильным и красивым, она еще возьмет от жизни то, от чего отказалась, погнавшись за миражом. Циалианка торопливо сменила залитое вином платье, переплела волосы и, больше не заботясь о своих пожитках, вышла в коридор. Гитара смеялась и кокетничала за соседней дверью. Нужно было постучать, но девушке это в голову не пришло. Впрочем, наемник и не думал запираться. Дверь немилосердно скрипнула, заглушая мелодию, мириец отложил гитару и весело посмотрел на гостью.

– Сигнора, чем обязан?

– Я пришла к вам, – начала Мария и замолчала, не зная, что говорить дальше.

– Хочешь вина? – осведомился хозяин, переходя на «ты». Девушке захотелось его ударить, но... Но она пришла не для того, чтоб выказывать гордость.

– Я выпью, – согласилась Мария.

Наемник налил ей и себе.

– Если наши дорогие стражники сгонят сюда еще полсотни человек, от вина скоро ничего не останется. Люди, когда боятся и бездельничают, пьют больше, чем обычно. Можешь называть меня

Хозе, Хозе Вальдец.

– Ты мириец?

– Был когда-то, – Хозе махнул рукой, – мой дом там, где мне нравится. Мне никто ничего не должен, и я никому ничего не должен.

– Меня зовут Мария. Я ехала навестить родичей.

– Бунтовщиков? – поинтересовался наемник.

– Мать… Ей нет дела до всего этого.

– Зато «всему этому» есть дело до всех. Твое здоровье, Мария. Ты очень красивая.

– Здоровье! – она горько рассмеялась и тоже отхлебнула. – Здоровье в чумной деревне!

– Именно. Во время чумы здоровье нужнее всего. Кислятина! Пожалуй, я все-таки мириец, так как не могу пить паршивое вино. Что ж, буду пить царку. Так зачем красотка пришла к нахалу?

– Я читала про чуму. Мы уже больны, хоть и не знаем это. Завтра к вечеру начнется горячка, а через пять дней, самое позднее, через кварту, мы умрем.

– Ну, кварта – это не так уж и мало, – Хозе плеснул себе из темной бутыли, – а царка здесь сносная. Хочешь?

– Налей, – Мария с утра ничего не ела и уже изрядно выпила, теперь ей море было по колено.

– Выпьем за смерть. Пусть она нас боится, а не мы ее.

– Пусть! Сигнор Хозе…

– Нет, – мириец дерзко подмигнул, – просто Хозе. Сегодня я не желаю быть сигнором. Сегодня я просто живу.

– Хорошо, пусть будет Хозе… – вино и царка свое дело сделали. Пропавшие было слова нашлись:

– Я – девушка, но я хочу умереть женщиной. Я видела всех, кто здесь остановился, и пришла к тебе.

– Я польщен, – он налил еще. – Значит, ты собралась умереть. Очень глупо!

– Глупо не видеть очевидного.

– Не спорю. Сколько тебе лет?

– Будет двадцать шесть!

– Стыдно… С такими косами и девственница… Почему?

– Не твое дело.

– Ну должен же я знать, почему с тобой такая беда приключилась. От любви или от ее отсутствия?

– Ненавижу мужчин.

– Мило… Твое здоровье! И чем мы тебе не угодили?

– Тем, что вы все забрали себе.

– То есть? – Хозе откровенно забавлялся.

– Вы правите, воюете, торгуете. Решаете все за всех.

– А ты чего хочешь? Воевать или торговать?

– Я хочу занять место, которого достойна.

– Ну и займи, – не стал возражать наемник.

– Поздно, – выкрикнула она, – я попала сюда, и завтра все кончится!

– Ты в этом уверена? – черноглазый засмеялся и оттолкнул стакан. – Хватит! Если делать, так делать хорошо…

– Что делать?

– То, что ты просила. Хотя зачем это тебе, ума не приложу.

– Я хочу взять от жизни все, что могу. Здесь я могу только это.

– Не так уж и мало, между прочим, – Хозе глянул в окно, поднялся и задернул занавески, – солнышко высоко еще, и времени у нас достаточно.

2896 год от В.И. 12-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Эгон Гран-Гийо был гостеприимным человеком. Было бы странным, не закати он родичу и его воинам хорошей пирушки, благо и повод нашелся – со дня рождения баронессы прошло всего три дня.

«Дети» хозяина ужинали в своих комнатах. Затаиться, пока Крэсси не отправятся восвояси, было разумно, и Шарло бы с радостью скоротал вечерок за подаренными Эгоном книгами, если б не случай на мосту. Мальчик не понимал, что произошло, но оставить все как есть тоже не мог. Если ты чего-то не понимаешь, постарайся понять, – говорил отец, ты – Тагэре, а не глупый авеструс, который прячет голову в песок.

Шарло не сомневался, что его страхи как-то связаны с гостями, но как? Крэсси – это Крэсси, его хорошо знают, он никогда не причинит зла друзьям. Кто-то из его людей? Но вряд ли он бы почуял, заявись в замок предатель или убийца. Во дворце Анхеля каких только мерзавцев не болталось, но он ни разу не чувствовал ничего подобного. Шарло старательно припоминал все слышанные им истории. Рито говорил про каких-то бабочек и летучих мышей – отвратительных, но не таких уж и страшных. Однажды на него напала Дафна, кажется, тогда ему стало холодно, но Кэрна сразу понял, где зло, и сумел с ним справиться. Нет, Рито ничего полезного не знал. Эскотцы боялись оживших покойников, от которых оборонялись осколками зеркал, а фронтерцы пугали болотной и лесной нечистью, боявшейся серебра и золота. Но все эти страхи были ночными, днем они не выползали. Шарло нахмурился, запустив руки в шевелюру, и

тотчас торопливо пригладил волосы. У корней они снова совсем темные, а Клотильде сейчас не до того, чтоб варить краску для приемного сына.

В дверь тихо постучали. Кати! В ночной рубашке и с распущенными волосами. Некогда ему сегодня с ней играть, он должен понять что-то важное.

– Шарло!

– Анри! Сколько раз тебе повторять!

– Шарло, – упрямо возразила сестрица, – мне страшно.

– Какие глупости, – мальчик нарочито громко рассмеялся, – тут мы в безопасности. У Эгона много воинов, да и не знает никто, что мы здесь.

– Я не о войне... Какой ты глупый, можно подумать, другой беды быть не может. Собаки воют.

– И пусть воют, беды-то.

– Нет, не пусть! Собаки всегда чуют зло. И кошка пропала.

– Кошки ночами гуляют.

– Шарло, – взгляд сестры стал очень внимательным, – ты врешь. Ты тоже боишься. Надо что-то делать.

– Что делать? И чего, по-твоему, я боюсь?

– Не знаю... Но собаки воют. Надо кому-то сказать...

– Чего говорить, и так всем слышно. Давай, я схожу посмотрю.

– Нет! Не надо...

– Надо. Сиди тут и никому не открывай. Я в окно, постучу три раза.

Катрин молча кивнула, хотя губы у нее тряслись. Шарло поднял тяжелую раму и скользнул наружу. Ночь была светлой, да и замок по случаю приезда гостей сиял огнями. Мальчик немного подумал и вместо того, чтоб спуститься во двор, поднялся на крышу. Собаки и вправду выли, громко и тоскливо, но в остальном все было в порядке. Если б они почуяли чужих, они бы лаяли, рычали, рвались с цепи, а тут... Может, дело в луне, хотя полнолуние еще не скоро. Шарло прошелся по крыше, полюбовался на летучих мышей – совершенно обычных, перепрыгнул с одной крыши на другую, скользнул на чердак, а оттуда на узкую винтовую лестницу, выходящую на конюшенный двор. Все спокойно, Кати опять наслушалась глупых сказок, а собаки могли почуять что-то в реке. Например, утопленника.

Конюхи не спали, баловались винцом. На молодого сигнора они глянули с некоторым удивлением, но одобрительно. Надо было придумать, что им сказать...

– Могу я посмотреть на коня Крэсси?

– Угу, сигнор, – старший конюх махнул рукой

прикорнувшему на охапке сена парнишке, – покажи молодому господину баронова жеребца да и прочих заодно. Крэсси только на гнедых ездят, привычка ихняя такая. У них за лошадками справно ходят, только вот перекармливают... Надо меньше овса давать, а то зажиреют...

Конюшонок без лишних слов поднялся и взял в руки факел, Шарло решил про себя завтра же дать ему монетку. Среди вздыхавших и жующих лошадей было на удивление спокойно и мирно, все страхи куда-то делись, и «Анри» с удовольствием скормил гнедому Крэсси пару захваченных мальчишкой морковок. Рядом помещались и другие кони. Школа Туссена сделала свое дело, и Шарло принялся их пересчитывать. Сорок шесть!

– А почему одного поместили отдельно? Больной? Или норовистый?

– Сигнор, дык их столько, сколько было. Аккурат сорок шесть. Да сами прикиньте. Баронов жеребец, оруженосца его нового, два сигурантовых, два аюдантские да сигноносец. Ну и воинов три по тринадцать. Вот и выходит.

Выходить-то выходит, но он своими глазами видел, как к замку подъехало сорок семь всадников. Сорок семь! А Туссен пригласил войти всех, кто прибыл с бароном Крэсси. В Эскоте говорят, что лихо не переступит текущую воду и жилой порог, пока его не пригласят. Кого же пригласил добряк Туссен?

Видимо, конюшонок решил, что молодой сигнор рехнулся или впервые в жизни угостился вином, но Шарло меньше всего думал о том, что про него скажут. Собаки выли неспроста. Катрин почуяла то же, что и он. Нужно что-то делать.

Эгон был у себя. Барон задумчиво сидел у окна, вертя в руках серебряный кубок. Появление «сына» его удивило, но не рассердило.

– Крэсси готовит восстание. Если б не вы с баронессой, я бы согласился. А так даже не знаю, что и сказать. И маркиз Гаэтано как назло уехал, хоть бы он следы отыскал.

Эти ублюдки что удумали: написали про твоего отца сказку, удавить их за это мало! Таким его выставили, хуже не придумаешь! Набрали актеришек, и те эту дурь по всем провинциям показывают. И, что хуже всего, верят им!

– Чему верят? – слова барона об отце оттеснили и воющих собак, и пропавшую лошадь.

– Тому, что Александр Тагэре – узурпатор и убийца, а этот недоносок – спаситель Арции. Крэсси считает, что тянуть больше нельзя. Иначе лицедеи всех на свою сторону перетянут. Правда, нашлась управа и на них. Думаю, без Кэрны там не обошлось, но

тогда он вряд ли скоро объявится. А ты-то чего хотел?

– Сигнор, сколько барон Крэсси взял с собой людей?

– Сорок пять, он сорок шестой, а что?

– Я их пересчитал со стены. Их было сорок семь! Туссен пригласил войти всех, кто пришел с Крэсси, и они перешли текущую воду. А теперь их сорок шесть и в замке воют собаки. Сигнор Эгон, когда они мимо меня через мост шли, я почувствовал что-то... Что-то очень плохое.

– А тебя, часом, не лихорадит? – барон участливо тронул лоб мальчика. – Да нет, холодный вроде. Почему псы развылись, пес их знает, – барон расхохотался собственной шутке. – Если хочешь, завтра заставлю клирика над мостом кадилом потрясти, только ерунда все это. Нам не нечисти бояться надо, а тех, кто штаны носит да мечами машет. Если мы эту кашу заварим, головы полетят и с них, и с нас! Выждать бы, да Крэсси говорит, что циалианки и антонианцы из Александра чудище лепят и почти вылепили. Только Север им пока не верит.

Эгон разговаривал с сыном Александра Тагэре как с равным. Шарло слушал, стараясь забыть о воющих собаках и пропавшем всаднике.

– Ну и что ты скажешь? – спросил напоследок барон.

– Сигнор, а мы можем найти маркиза Гаэтано?

– Если скажем Крэсси, что он здесь...

– Сигнор, если вы решите восстать, я буду с вами!

– То есть?

– Если вы не скажете, кто я, я пойду на войну, как Анри Гийо, но пойду.

– Пожалуй... А вот женщин надо спрятать. Отправлю Клотильду с Кати к моей тетке, она их давно приглашала. Ну а осенью, благословясь, и начнем...

Крэсси я отвечу, когда он назад поедет. Старик в Малве собрался, совсем себя загонял, выглядит – краше в гроб кладут. Да оно и не мудрено – всех потерять... Назад он в конце Дракона поедет, тогда я ему кое-что и расскажу, глядишь, и Кэрна к тому времени объявится. А всадника твоего мы поищем, может, и впрямь шпион какой затесался, но, вернее всего, ты просчитался, ведь против солнца смотрел.

Когда Шарло вернулся к себе, он почти забыл про свои страхи, осенняя война полностью завладела его мыслями. Кати еще не спала и выглядела немного виноватой.

– Шарло... Ой, Анрио! Я взяла твое кольцо. То есть не твое, а Рафаэля...

– С ума сошла?!

– Нет, – поджала губы девочка, – я хочу, чтоб он вернулся.

– Я тоже хочу, но кольцо-то здесь при чем?

– Способ есть, – заговорщицки прошептала Кати, – только нужна вещь, которую человек долго носил... Еще лучше прядь волос или капля крови, но и кольцо подойдет. Вот я и позвала его, теперь он домой захочет...

– Глупости, – отрезал брат, – если б это было так, никто б писем не писал и гонцов не держал...

– Ты ничего не понимаешь! Письма нужны, потому что в них объяснить можно. И гонцы нужны, если знать, куда ехать, а если не знаешь... Тогда нужно звать. Магия крови! Только я не знаю, вышло ли у меня. Вот если б Рито был нам родич, он бы точно услышал...

2896 год от В.И. 12-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ЛАНДЕЙ

По зеленому лугу бродили гнедые кони, спускались к быстрой, прозрачной реке, тянули морды к воде. Вдали синели поросшие лесом горы, цвел шиповник – алый, розовый...

– Мария!

Кто здесь? И где она, с кем?!

– Просыпайся...

Горы и лошади исчезли. Над ней нависал дощатый потолок, кое-как освещенный масляным светильником, голова кружилась, все тело непривычно ломило.

– Выпей, будет легче.

Царка показалась отвратительной, но голова прояснилась. Сколько же она вчера выпила... Хотя это хороший способ забыть о чуме. Мария с трудом села, тронула рукой волосы. Распущенные, спутанные. Которая сейчас ора? Судя по всему, глубокая ночь, а она в постели у мирийского наемника, хотя через кварту тут не будет ни наемников, ни крестьян, ни торговцев – только трупы.

Хозе с усмешкой на нее смотрел, и Мария, спохватившись, накинула на плечи одеяло.

– Вот как? – поднял бровь наемник. Он, кстати говоря, был полностью одет. – Вообще-то, тебе не мешало бы подняться. Нам пора.

– Куда?

– Подальше отсюда. Мне здесь надоело.

Мария, ничего не понимая, смотрела на смеющегося мужчину, чувствуя, как у нее внутри все закипает. Он сумасшедший! Сумасшедший, да и она тоже.

– Ты уйдешь из чумной деревни? Мимо стражников и скорбящих? Ты – покойник, который вечером не сможет поднять

голову.

– Я не собираюсь вечером пить, – хмыкнул мириец, – так что с головой у меня будет все в порядке.

– Ты понимаешь, что ты мертвец, – заорала Мария, – мертвец с тех самых пор, как сюда попал?!

– Не понимаю, – ответил тот, – если хочешь скоротать со мной еще вечерок, так и скажи. Я, пожалуй, задержусь. Днем больше, днем меньше.

Нет, он положительно не в себе.

– Судя по всему, я зря оделся, – заметил мириец. А вот этот блеск в черных глазах она помнила. Помнила, несмотря на выпитую царку. Мария натянула одеяло до подбородка, злясь уже на себя. Хозе – наглец и безумец, но от его взгляда жарко даже на краю смерти.

– То есть мне не раздеваться? – уточнил он. – Ты уж реши, пожалуйста. Или ты идешь со мной, или остаешься здесь, или мы уходим, но не сразу, – незаметным кошачьим движением наемник пересек комнатенку и опустился на край кровати. – А волосы у тебя перепутались ой-ей-ей как. Если сейчас не расчесать, придется обрезать. Помочь? Я умею...

В этом она не сомневалась, и отчего-то это очень задевало.

– Я сама.

– Ты в этом уверена? – темные губы изогнулись в усмешке. Проклятый, его забавляет все. Даже чума! Даже смерть!

Чтобы добраться до гребня, нужно было встать и сбросить спасительное одеяло. Или встать прямо в нем?

– Воистину, вы – странные создания, – философски заметил Хозе.

– Мы?

– Женщины. Вчера ты собиралась умирать и пришла ко мне, гм, с весьма необычной просьбой. Сегодня ты по-прежнему собираешься на тот свет, но тебя волнует, что я снова увижу то, – он засмеялся, – что, уверяю тебя, прекрасно рассмотрел. Думаешь, чем в меня бросить? Попробуй подушкой!

Мария знала, как разговаривать с мужчинами, но не в таком положении и не с такими. Ее ярость никуда не исчезла, равно как и страх перед неизбежным, но ей стало смешно. Хозе все же принес гребень и без лишних слов принялся разбирать спутавшиеся пряди. Надо отдать ему должное, он действительно делал это великолепно, напевая вполголоса какую-то песенку и то и дело отпуская сомнительные замечания в адрес женщин вообще и двадцатишестилетних девственниц в частности. Мария пыталась огрызаться, но когда ты сидишь голая в кровати и тебя держат за волосы, изображать оскорбленное достоинство трудно,

а Хозе не собирался ее выпускать.

– Светлые волосы тоньше и сильнее путаются, чем черные, – мириец ловко разбирал прядь за прядью, – хотя приятнее всего расчесывать конские хвосты, лошади – создания умные, когда не надо, не брыкаются.

– Вот и иди к лошадям! – Проклятый, что она несет? Словно какая-нибудь мещанка, да он ее таковой и считает!

– Всему свое время. Для некоторых вещей лошади не годятся. Готово! – Хозе умело заплел ей косу, а потом резким движением сорвал и отбросил в сторону одеяло. Мария попыталась вцепиться наглецу в лицо, но тот стремительно уклонился и смирно сел на краешек постели, скрестив руки на груди.

– Будем драться? Любить? Или уходить? – черные глаза лукаво блестели, он ждал ответа, но любой ответ был бы глупым. Одеяло было недосягаемо, а мириец был рядом. И, в конце концов, скоро все равно все кончится навсегда. Мария молчала, и Хозе истолковал ее молчание так, как счел нужным. Кстати говоря, совершенно правильно.

Эстель Оскора

Все шло, как и предполагали мы с Эрасти. Началось с войны смертных, в Арции победил Тартю, но в Таяне таянско-корбутская армия разнесла Биллану в клочья и готовилась к прыжку на Тарску. Ройгианские колдуны оказались бессильны, убивать нынешние «бледные» умели, но дальше дело у них не шло. То ли не хватало талисмана, то ли опыта, но от Ройгу на этой войне было столько же толку, сколько от Триединого, а именно – никакого. Александр, первенство которого признали и таянцы, и гоблины, с ходу взял столицу Билланы и пошел дальше на северо-восток.

Южные орки разрушили капища, заваленные еще теплыми трупами, а заодно перебили «Косцов», «Жнецов» и «Ожидающих», которые в сравнении со своими предшественниками были не больше, чем речные лягушки рядом с эр-хабо. Признаться, когда я об этом узнала, у меня отлегло от сердца. Умом я понимала, что без гривны и меня ройгианские ритуалы утратили всякий смысл, кроме обычного для клириков пускания пыли в глаза пастве, но в глубине души боялась. Одно дело во время празднеств замучить на алтаре десяток девчонок и совсем другое – защищать свою жизнь и свою власть. Тут, если в запасе имеется хоть какой-нибудь проблеск силы, он проснется, но силы у ройгианцев не было, разумеется, если говорить о волшбе. Топоры, мечи и

арбалеты в Биллане и Тарске имелись в изобилии, и владели ими неплохо, но Сандер всякий раз умудрялся делать то, чего северяне не ждали. К середине лета в счастливую звезду арцийского изгнанника поверили окончательно и бесповоротно.

Война будет выиграна, в этом в Высоком Замке не сомневались даже кошки. Люди с утра до ночи торчали на стенах, поджидая гонцов, которые появлялись не реже, чем раз в три дня, и привозили известия об очередных успехах. Таянцы выслушивали, кричали «виват» и тут же принимались ждать следующих побед.

Неизбежные на самой удачной войне смерти и ранения не могли сбить общей радости и гордости. После гибели у Вархи Стефана Гери Коронным от кавалерии стал Стах Тонда, а авангард перешел к Ласло Ракаи, обладавшему редкой для таянцев склонностью писать подробные письма родичам. Ванда притаскивала мне мелко исписанные свитки с описанием немыслимой доблести, блестящих обходов и стремительных атак. Мне казалось, что в изложении Ласло скалы становились выше и круче, враги одновременно глупее и сильнее, а «свои» – отважнее, но дочь Анджея верила каждому слову.

Королевна и внешне, и характером напоминала сразу и Белку, и Мариту. Это был ураган в юбке, но ураган сентиментальный Поговаривали, что Ванда выйдет замуж за Золтана Гери, но в Таяне даже сильные мира сего могли любить того, кого захотят, а верная рука и смелое сердце ценились дороже золота и древности рода.

Ванда твердо вознамерилась отдать сердце величайшему из рыцарей, о чем мне и сообщила. Мы с ней подружились, вернее, это она подружилась со мной, но я ничего против не имела. Делать мне все равно было нечего. Только ждать. Возвращения Александра. Ответного удара со стороны наших врагов. Появления Эрасти.

Вестей о Проклятом ни до Таяны, ни до Лидды и Набота не доходило, значит, Эрасти выжидает. Сгоревший в Мунте циалианский храм, без сомнения, дело его рук, но дальше его след терялся. Я вела себя глупее, чуть не выдав себя в мире Обмана Четверым, ведьме с оленем и тому, про которого мне и думать-то не хотелось. Этот знает даже то, что я не одна, если ему нужна именно я. Мир Обмана искажает все, к чему прикасается, какой бы меня там ни видели, в Тарре я – незнакомка с очень длинными косами. И все. Что-то мне подсказывало, что и женщине с Оленем, и хозяину жемчужного сияния вход в наш мир пока заказан.

Оставалось Четверо, но они знают, что Последний из Королей

под защитой кого-то, кто их сильнее. Пока этого довольно, хотя Филипп, если б удалось его освободить, мог стать союзником. Анхель… Пожалуй, сейчас он не враг. Больше всего великому императору хочется сорваться со створки, на которой его держат, но без помощи со стороны ему это не удастся. Он предпочел бы, чтобы кто-то прикончил его хозяев, а я бы начала с него, если б знала как. Предателей надо уничтожать без жалости и сомнений, особенно умных и сильных. К несчастью, Вернувшегося может убить лишь Вернувшийся или тот, кто его вывел из-за Грани. Остальные, если повезет, могут до одури истреблять материальные оболочки этих тварей, спустя какое-то время они все равно возродятся. Та же история, что и с Ройгу…

Ройгу меня тоже беспокоил в том смысле, что не беспокоил вообще. Его адептов вырезали подчистую, его храмы разрушали, под носом у меня хранился его главный талисман, а я ничегошеньки не ощущала. Поверить в то, что Белый Олень взял и издох, завещав мне всю свою силу, дабы я спасла Тарру и поставила на могилке «мужа» иглеций, я не могла, а других объяснений не находилось. Я не слышала Ройгу, и я ощущала в себе немалое могущество, не имеющее ничего общего ни с эльфийской магией, ни с магией миров, по которым прошла.

Мне ужасно хотелось перевалить эту загадку на Эмзара, но я поклялась Александру дождаться, и я дождусь. Мы встретимся в Высоком Замке в час его торжества, я должна сдержать свое слово и ради него, и ради себя, и ради Тарры. Последний из Королей должен быть уверен в себе и в тех, кто с ним.

Я бродила по коридорам и переходам Высокого Замка, рассматривала старинные портреты, болтала с Вандой и Беатой, мало чем отличаясь от обычной женщины, которая ждет с войны своего мужчину, но это было не так. На самом деле я знала, что в войну смертных скоро вмешается некто, полагающий себя вправе распоряжаться чужими судьбами. Он вмешается, и мне придется драться, придется сказать, кто я, или уйти, молча, не попрощавшись.

Если предсказания не врут, будущим летом в Тарре начнется такое, в сравнении с чем Война Оленя покажется грибным дождичком. Но где же Ройгу? Я орами сидела у могилы Шандера, пытаясь услышать гривну, но та спала, а вести из Тарски становились все радужнее. Если так пойдет и дальше, Монтайа вот-вот падет и в начале осени армия вернется в Гелань. Я смотрела на Беату, старательно вышивавшую молодого белого волка, и просила судьбу помиловать Луи для этой девочки, из всех высших сил знающей только об одной, именуемой любовью. Когда мне придется уйти в неизвестность, растоптав свою

непозволительную любовь, я буду думать о том, что делаю это для Беаты и таких, как она. Пусть живут, любят, вышивают плащи и ничего не знают...

2896 год от В.И. Ночь с 12-го на 13-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ЛАНДЕЙ

Смерть поступила нечестно, подло, мерзко, несправедливо. Мария закусила губу, стараясь думать о чем-то другом, но не получалось. Последние оры таяли, как льдинки в весенней воде. В горле першило, совсем чуть-чуть, но это было началом.

– А это еще зачем? – Хозе осторожно снял с ее лица слезы. – Блондинкам лучше не плакать. Некрасиво.

Мария жалко улыбнулась. Подумать только, совсем недавно она то же самое говорила Элеоноре. Эта несчастная дура будет жить и реветь еще лет сорок, а она умрет, и никому до этого не будет дела.

– Хозе, почему так? Я не хочу умирать.

– Никто не хочет, а кто хочет, тот безнадежный осел. И туда ему и дорога.

– У меня уже началось.

– Что у тебя началось? – поинтересовался наемник, впрочем, без особого волнения.

– Чума. В горле...

– А холеры у тебя нет случайно? Или конской оспы? Да, дорогая, девственность плохо влияет на разум, я это давно подозревал.

– Не утешай меня. Я все знаю...

– Проклятый! Да что ты знаешь? Нет тут никакой чумы. Нет, не было и быть не может.

– Как? – Марии показалось, что она ослышалась.

– Так! Север послал Тартю к Проклятому, того и гляди начнется восстание. Король и его молодчики боятся, что оно перекинется на Среднюю Арцию. Для них это и впрямь чума, но только для них. Вот они и понаставили кордонов. Никого никуда не пускают. Если Тартю здесь камня на камне не оставит, никто и не пикнет. Здешним все ясно, а вот в Арции народ и впрямь испугается. Здоровые слишком не хотят заболеть, чтобы жалеть тех, кого сожгут заживо.

– Ты, – Мария задохнулась от обуявшего ее гнева, – ты это знал еще вчера?!

– Разумеется, – подтвердил мириец, – чума всегда начинается на юге в больших городах и идет на север и никогда наоборот.

Это выдумка, не спорю, удачная... Те, кто попались, это понимают, только куда против стражников попрешь, одна ты у нас, как из лесу вышла, всему веришь... Неужели ты думаешь, что стражники, будь тут и впрямь чума, ходили б с открытыми рожами и раздавали зуботычины? Да они бы всех из арбалетов на расстоянии клали! И трактирщик, как пить дать, в доле... Ладно, хватит! Нам и правда пора.

Но Марии в кои веки не было дела до политики. Никакой опасности нет и не было! Она зря мучилась, зря прощалась с жизнью. Она позволила этому насмешнику делать с собой все, что он захочет, думая, что обманывает смерть...

– Я тебя убью, – она попыталась вскочить, но Хозе с неожиданной силой прижал ее к постели.

– Прекрати дурить! Ты со мной не справишься.

– Ты знал, что мы не умрем. Знал!

– Ну и что? Сначала ты меня и слушать не хотела, а потом... Тебя точно надо было спасать. Не от чумы, а от твоей девственности. Хочешь остаться, оставайся. Нет, одевайся и пошли. Из этой дыры я тебя, так и быть, вытащу, ты была моей женщиной, я тебя не брошу.

– Не трогай меня!

– Милая, ночь кончается, если я тебя трону, нам придется остаться здесь до вечера, и только Проклятый знает, что за это время может случиться.

– Ты ответишь за свое преступление! – буркнула Мария, понимая, что несет чушь, но не останавливаясь. Соблазнение приравнивается к изнасилованию!

– Только малолеток, ноблесок и капустниц, – отмахнулся наемник, – а ты на них не похожа. И потом, ты пришла сама.

– Я думала, что завтра умру.

– Ты могла бы молиться.

Мария лихорадочно придумывала достойный ответ, но он не придумывался, а Хозе спокойно смотрел на звезды. Потом он ответит за все, но сначала и впрямь нужно бежать. Она стала лихорадочно одеваться, стараясь не смотреть на обманщика. Как он почувствовал, что она готова, женщина не поняла.

Мириец распахнул окно, выпрыгнул сам и протянул ей руку. Мария никогда не увлекалась мальчишескими забавами, да и платье мешало, но наемник ее вытащил. Она хотела отстраниться, но Хозе решительно сжал ее руку и потащил за собой, в его прикосновении не было ни следа ласки, точно так же он волок бы козу или корову. Они пробирались через палисадники, перелезали какие-то заборы, прыгали через канавы. Иногда спутник прижимал ее к дереву и заставлял замереть.

Задыхаясь одновременно от злости, страха и досады, она слышала, как кто-то проходил, гремя железом. Один раз он бросил ее в канаве и исчез, но скоро вернулся, в тусклом предрассветном мареве ей показалось, что на рукаве Хозе кровь, но она промолчала. Это была последняя задержка, они вышли к ручейку, и мириец заставил ее идти по воде, что было даже приятно, потом они выбрались на берег в какой-то рощице, где у ее знакомца отыскался конь. Не какая-нибудь кляча, а атэвский скакун, достойный знатного рыцаря. Хозе ее подсадил и сам вскочил в седло. Она не удержалась и спросила, что это за лошадь.

– Алко, – бросил он, словно это что-то объясняло, и добавил:

– Я его тут спрятал и пошел глянуть, что они затеяли. Ну, и стражников сосчитать на всякий случай. А потом увидел тебя и решил задержаться.

Мария не ответила. Уже совсем рассвело. Конь шел упругой иноходью вдоль берега речки. Несколько раз им попадались ручьи и ручейки, через которые жеребец перескакивал. Хозе был полностью поглощен лошадью и дорогой, обращая на спутницу не больше внимания, чем на дорожные вьюки. Солнце клонилось к вечеру, когда мириец остановил коня.

– Будь я проклят, если мы не выбрались.

– Где мы?

– Пинские холмы, направо – Мунт, налево – Север. Нам туда.

– Нам?

– Ты же хотела повидать мать.

– Я возвращаюсь в Мунт.

– Что ж, попутного ветра.

– Проводи меня. Тебе заплатят.

– И кто же?

– Ее Иносенсия. Я служу ей.

– Жаль, ты не сказала этого раньше, – мириец соскочил с коня и снял Марию, – я не могу убить женщину, с которой спал, так что иди в свой Мунт и не попадайся мне на дороге.

Нэо Рамиэрль

Первое, что они увидели, была луна. Огромная, низкая, более похожая на рыжее яйцо, чем на честное ночное светило. Звезд не было. Ни одной!

– Рррррррррррррря, – неодобрительно вякнула лльяма – сине-черный силуэт в тяжелых, безнадежных сумерках. Сам не понимая, что и зачем он делает, Нэо снял защиту. Пахнуло жаром

Бездны, тварешка с наслаждением открыла багровую пасть, к неприятной луне вспорхнула веселая стайка искр.

– Правильно, – голос Аддари звучал глухо и хрипло, – не надо ее сдерживать. Так спокойнее.

Норгэрель не ответил, пытаясь зажечь свет.

– Нэо, похоже, мы опять зависим от тебя.

Засветить голубоватый огонек Роману удалось, хоть и не сразу. Луциану пронизывала сила Света, Фэриэнн и Бездна дышали чем-то иным, что при желании можно было назвать Тьмой, но здесь магия преодолевала то же сопротивление, что и в Тарре, и даже большее. Круг света, в котором сгрудились трое эльфов и лльяма, отделил их от тревожного мрака. Волчонка, сообразив, что в таком виде лучше на друзей не прыгать, отползла на безопасное расстояние и прижалась к земле, на которой теперь останутся ожоги. Нэо невольно глянул под ноги. Растрескавшаяся глина, и все. Ни камешка, ни травинки.

– Какая странная луна, – подал голос Аддари, – хотя ее наверняка зовут иначе.

– Звали, – жестко сказал Рамиэрль, – а теперь звать некому. Нам повезло, что сначала мы угодили в ночь. Ангес говорит, что пришел сюда днем и чуть не лишился рассудка.

– Может быть, хватит намеков? – в голосе Норгэреля впервые за время их странствий зазвучало раздражение.

– Мы еще успеем все увидеть. Признаться, мне до сих пор не верится, что Ангес сказал правду. Пошли, к вечеру мы доберемся. Здесь неподалеку должен быть город, именно там стоит храм, в котором, будем надеяться, и был заточен «осчастлививший» Тарру колдун.

Ответа Нэо не дождался, говорить тут не хотелось, тут вообще ничего не хотелось, только бежать куда глаза глядят. Они еще могли вернуться в Фэрриэнн, живой, противоречивый, яркий, могли стать свитой Ангеса, узнать правду о Границе, о войне, которую ведет одинокий бог, встать с ним рядом. Этот бой, без сомнения, важнее того, куда они рвутся вопреки здравому смыслу и судьбе. Лльяма тявкнула на луну и требовательно уставилась на своих спутников. Ей здесь не нравилось, можно подумать, что кому-то здесь могло понравиться!

Зажженного света хватало, чтобы не провалиться в яму, но не для того, чтоб как следует оглядеться. Ждать рассвета было безумием. Рамиэрль сосредоточился, пытаясь уловить следы магии. Сначала эльфа окружило что-то серое, иссохшее, легкое, словно скопившаяся за тысячелетия пыль, серость душила, иссушала, вызывала животную ярость, но Нэо заставлял себя погружаться в нее все глубже и глубже. Наконец на самом краю

восприятия что-то замерцало. В куче пыли отыскался осколок обглоданной кости. Острый, как игла, но тоже иссохший, готовый рассыпаться в прах, затем еще «кость», и еще, и еще… Защитные заклятия! Старые, изменившиеся, опасные даже для тех, кто их накладывал и… Вот оно! Тоненькая ниточка буйного безумия, словно выдернутая из чудовищного неба над Вархой.

– Нам в ту сторону, – твердо сказал Роман, ничего не объясняя. Его спутники не ответили, просто последовали за своим вожаком.

Трое быстро шагали по сухой, растрескавшейся глине, словно по чудовищному мозаичному полу. Лльяма рыскала впереди, и ее присутствие как-то успокаивало. Луна лениво взбиралась на небосклон, став круглой, но не утратив чудовищного оранжевого цвета. Все молчали, этот мир, названия которого никто не знал, и впрямь был страшней Светозарного со всеми его вулканами, а что чувствовал родившийся в благодатной Луциане Аддари, Нэо мог лишь гадать.

Пойманная Рамиэрлем ниточка не становилась осязаемее, но успела его измучить, эта Сила, в отличие от Тьмы и Бездны, была отвратительна самой его природе, но эльф цепко держал бесконечный, жгучий волос. Что было по сторонам и было ли, он не видел. Луна ушла, беззвездное небо стало светлеть, видимо, в той стороне был восток.

– Остановимся, – бросил Нэо.

– Мы еще не устали, – Аддари невесело улыбнулся.

– Ты нам хочешь что-то сказать? – Норгэрель явно не горел желанием узнать историю земли, по которой шел. Лльяма почуяла, что ее друзья остановились, и вернулась.

– Скоро рассвет, – грустно сказал Рамиэрль, глядя в огненные глаза, – мне до сих пор это кажется бредом, но это не бред. Я уже говорил, что этот мир пал под тяжестью собственного зла. Те, кто был достоин спасения, были спасены, вернее, были спасены и упокоены их души.

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю, Аддари, и Ангес не знает. Это за пределами понимания тех, кто живет в борьбе и движении. Но дело не в спасенных, а в других, признанных недостойными. Они до сих пор привязаны к этому миру. С каждым восходом начинается их последний день, в полдень приходит Судия и до заката вершит Последний Суд, отделяя грешников от искупивших свои грехи. Сначала судят живых, затем – умерших. На закате изливается огненный дождь и льет до полуночи, выжигая все живое; то, что творится с полуночи до рассвета, мы видели. Нам придется идти сквозь тени гибнущего мира, мы увидим все, но ничего не сможем

сделать, потому что это – прошлое. Нашим телам ничего не грозит, но за наш разум Воин опасается.

– Прости, – Аддари быстрым, нервным жестом пригладил волосы, – но зачем все это? Праведных вывели, грешных сожгли, это был конец, после которого должно что-то начаться. Ты говорил про улитку на развалинах Светозарного, это я понял, но...

– Зачем? – перебил Роман. – Затем, что благие судьи даруют грешникам возможность покаяться и заслужить прощение, вот их и воскрешают каждый день, чтобы вновь осудить и вновь сжечь. И каждый новый приговор делает прощение все менее вероятным, но судьи не теряют надежды, и этой надежде не видно конца!

– А они помнят, что это уже было?

– Нет! И суд, и приговор, и казнь – все это, как в первый раз.

– И ты называешь судей благими? – Аддари странным образом стал похож на бунтовщика Альмика.

– Мы здесь не для того, чтобы судить судий, и мы не можем ничего изменить. Мы должны найти дорогу, по которой отсюда удрала та тварь, что губит Тарру, а потом и ее саму! Солнце вот-вот поднимется, нам придется идти сквозь прошлую смерть, может быть, вы закроете глаза, а я вас поведу?

– Мы пойдем с открытыми глазами, – мягко сказал Норгэрель, – мы видим, что ты сильнее нас, что ты меняешься, но это не значит, что вся боль должна падать на твои плечи.

2896 год от В.И. 21-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. КЕР-ЖЕНЕВЬЕВ

Итак, он оказался прав. Ифранцы рассчитывают на мосты Кер-Женевьев и уверены, что Мальвани засел в Краколлье. Оттуда до Кер-Женевьев кварта пути, даже поняв, в чем дело, не догнать. Сезар вновь вернулся к мысли, что было бы, не получи он письма из Ифраны. Дал бы он себя обмануть или догадался? Аршо-Жуай – лучший ифранский полководец, за что его и терпят, хотя и Паучиха, и Вардо Ипполита недолюбливают. Он слишком воин, чтобы нравиться интриганам, надо полагать, маршал испытывает к Паучихе не менее теплые чувства, но служит не за страх, а за совесть. Нельзя забывать, что он был под Гразой, значит, ему полностью доверяют...

Мирийцы доносят, что ифранцы к вечеру подойдут к Кер-Женевьев. Диего молодец, он обогнал ползущего Аршо и с помощью гарнизона и местных ополченцев разрушил знаменитые мосты. Мосты было жалко, но, с другой стороны, пока с Ифраной война, они не нужны, а отстроить их не так уж и сложно. Главное

– врытые в дно реки гранитные быки, а настилы и подвесные цепи дело наживное.

Сделав свое дело, Диего растворился в прибрежных холмах. Бедняга совсем извелся, следя за врагом и не имея возможности его укусить. Ничего, после Кер-Женевьев пост кончается, и Артьенде сможет дарить ифранцам цветы, пусть нюхают и наслаждаются. Сезар Мальвани невольно усмехнулся, вспомнив своего отчаянного союзника. Диего не удержался и прошлой ночью сам переплыл Ньер, дабы поведать о своих планах. Он не был байланте, это, несомненно, облегчало участь быков, но мало чем могло помочь людям, оказавшимся на пути молодого мирийца. Такой будет драться до последнего, даже если останется один. Мальвани взглянул на ту сторону Ньера – ифранцы скоро появятся и удивятся, а через кварту первая армия набросится на Краколлье, поняв, что лагерь почти пуст. Ополченцев Паже распустит, и ищи ветра в поле, а вот арцийцы. Он предупредил Андре, что тот нужен ему живым, но, похоже, бедняга простит себя, только умирая.

– Монсигнор, – виконт Серж Тирован с обожанием взглянул на герцога. Точно так же он смотрел на его отца, – письмо из Лиарэ…

Марта писала, что в городе все в порядке. К дарнийским кораблям в проливе привыкли. Они мешают рыбакам выходить в море, так что рыбы стало заметно меньше, но всего остального у осажденных вдосталь. Впрочем, осажденными они себя не считают, так как со стороны суши все в порядке. Арно Монтрагэ учит ополченцев владеть оружием, и это очень забавно. Горожане настроены весьма решительно, про ифранских «пауков» и дарнийских наемников сочинили множество хулительных песен, которые и распевают на набережных, особенно, когда ветер дует в сторону моря. Его письма Марта получает и очень надеется, что в следующем будут хорошие новости, потому что маршалу Аршо-Жуаю под стенами Лиарэ делать нечего.

Герцог усмехнулся. Маршалу Аршо-Жуаю нечего делать не только под стенами Лиарэ, но и вообще в Оргонде, но объяснить ему это можно лишь одним способом.

2896 год от В.И. 21-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Крыса была старой и опытной. Она знала, что люди не только источник пищи, но и смертельная опасность, а прислуживающие им мяукающие и лающие твари еще хуже. За свою, по крысиным меркам, долгую и успешную жизнь серая бестия вырастила не

одну дюжину крысят, изгрызла десятки мешков с крупой и избежала сотен ловушек, и все потому, что была осторожна. Она избегала покидать подвалы, а если поднималась в кухню, то лишь ночам и да и то изредка, так как там обитало несколько отвратительных котов, а ни сыр, ни ветчина не стоят того, чтобы из-за них рисковать жизнью.

Сколько молодых, сильных и глупых уходило за жирным куском и не возвращалось, а она благоденствовала в подвалах, которые привыкла считать своими, но сегодня благоразумие покинуло хвостатую затворницу, и она поднялась наверх средь бела дня. Люди, собаки и кошки никуда не делись, но серая перестала их бояться, напротив, она должна была станцевать им свой танец. Свой великий танец, посвященный Тому, Кто Уводит За Собой. Крыса вошла в заполненный людьми зал спокойно и уверенно, шум, суета, яркий свет не пугали, а пьянили.

Вокруг было множество врагов и множество яств, которые она в своей осторожности так ни разу и не попробовала, так как рядом с ними была смерть, принимавшая облик то оскаленной кошачьей пасти, то капкана, то отравы. Никогда раньше серая не видела столько опасностей и столько сокровищ, но ей не было дела ни до первых, ни до вторых. Главным был Танец, и крыса решительно выбежала на середину зала, встала столбиком, словно намереваясь ударить одной лапкой о другую, резко опустилась на передние ноги – поклонилась и начала! Она кувыркалась, крутила сальто вперед и назад, падала на спину, перебирая в воздухе лапками, хватая себя то за самый длинный в замке хвост, то за усы, и вновь подскакивала на месте, приземлялась, кружилась, падала и вновь поднималась, подбадривая себя писком.

Каждый новый прыжок был выше предыдущего, каждый новый поворот быстрей и изящнее. Крыса танцевала на глазах сотен людей, утратив былой страх, наслаждаясь каждым движением, как лошадь наслаждается бегом, а ласточка полетом. Она не слышала, как завизжала какая-то женщина, не видела, как в дверь вбежали несколько собак. Псы взвыли и попятились, позорно поджав хвосты. Рядом что-то грохнулось и зазвенело. Еще раз… Это было опасно, но крыса забыла то, что было смыслом ее жизни, издав победный писк она подскочила, почти взлетела и свалилась на серые плиты, до конца отдав себя Тому, Кто Уводит За Собой. Удачно брошенный нож сбил в полете уже мертвое тельце.

– Хороший бросок, сигнор, – в голосе капитана стражи Гран-Гийо послышалось с трудом скрываемое облегчение.

– Выйдите все, – Эгон Гран-Гийо был спокоен, но Шарло

научился отличать действительное спокойствие от мнимого года в четыре, – все, я сказал.

Клотильда встала и оперлась на руку капитана, Шарло направился вслед за ней. Повиноваться, когда нужно, он умел не хуже баронессы. Они вышли из общей трапезной, прошли через двор и поднялись в комнаты Клотильды. Она явно ничего не понимала, и капитан тоже, а вот Шарло вспомнил, хоть и не сразу. Уроки землеописания всегда были его страстью, а отец, Рафаэль и оргондские родичи задаривали его книгами.

Шарло Тагрэ, ставший Анри Гийо, знал, когда пляшут крысы, но отец никогда не пугал других дурными новостями, и Шарло молча устроился на подоконнике. Вскоре из окон трапезной повалил сизый дымок, дверь открылась, оттуда вышел Эгон и что-то сказал коменданту. Принесли замок, и барон Гран-Гийо собственноручно наложил тяжелый медный брус и повернул ключ. Шарло ждал, что на лестнице вот-вот раздадутся тяжелые шаги, но Эгон Фарни появился на пороге лишь через три четверти оры, он был в новой кожаной одежде и волосы его блестели от воды.

– Дорогая, – вопреки обыкновению, Фарни не поцеловал руку жены, – вам с детьми лучше покинуть Гран-Гийо. Я уже распорядился об эскорте.

– А вы, сударь? – как всегда на людях Клотильда держалась с мужем подчеркнуто уважительно.

– Я присоединюсь к вам позже. Дела...

– Капитан, – баронесса улыбнулась, – оставьте нас. И отведите Анри и Матильду в их комнаты.

Шарло позволил себя увести, но в спальне оставался ровно столько, сколько требовалось, чтобы открыть окно и выскользнуть на карниз. Приобретенное еще в Эстре умение лазать по крышам мальчик изрядно усовершенствовал сначала в Мунте, а потом и в Гран-Гийо. Кати незачем знать про крысу и капитану тоже, но решать СВОЮ судьбу у себя за спиной он не позволит. Тагэре не бегают от опасности. И Фарни, к слову сказать, тоже.

Нэо Рамиэрль

Утренний резкий ветер развевал знамена, гривы коней, плюмажи и плащи воинов, одетых в непривычные, но красивые доспехи. Высокие люди в ярких одеждах тащили осадные лестницы, суетились у катапульт, рядом с которыми горками, как яблоки на лотках зеленщиков, лежали камни и круглые глиняные снаряды. Пожилой вояка распекал десяток молодых, куда-то

проскакал хмурый воин, видимо, с донесением или приказом. У шестов, над которыми развевались черные флаги со странными алыми символами, выстроилось несколько человек со здоровенными прямыми дудками, каждая из которых была чуть ли не в рост трубача. Раздался надсадный, резкий вой, из богатого шатра вышел коренастый человек не первой молодости, за которым следовала негустая толпа знатных воинов. Коренастый с трудом взобрался в седло, свита последовала его примеру.

– Не оглядывайся, Аддари, – это прошлое мира, у которого нет настоящего. Нам в город...

Флаги развеваются, а волосы Норгэреля и Аддари – нет. Ветер тоже умер. Осталась лишь пыль и тени, ведущие последний бой, который каждое утро начинается и никогда не закончится.

Город без имени к штурму был готов. Тем, кто укрылся за притихшими могучими стенами, самой страшной опасностью казались копошащиеся внизу враги. Защитники готовились сражаться с ними, а не с разверзшимися небесами.

Солнце поднималось все выше, на небе не было ни облачка. Трое эльфов и лльяма шли сквозь и мимо того, что видели. Мимо полководцев и солдат, мимо коней и катапульт, мимо трубачей, знаменщиков, стрелков, копейщиков, осадных башен, горящих костров, походных кузниц, разряженных жрецов в алом, без сомнения, призывавших громы и молнии на головы засевших в городе нечестивцев...

Нэо невольно вздрогнул, когда сквозь них тяжелым галопом пронесся давешний коренастый и, остановившись перед воротами, властно поднял руку. Прогудели трубы, коренастый что-то выкрикнул на навсегда умолкшем языке. Аддари замедлил шаг, и Норгэрель, поторапливая, тронул друга за плечо. Они не видели, что делают нападающие, но на городской стене появился кто-то с непокрытой головой в белом плаще и встал, скрестив на груди руки.

Такое было, есть и будет во всех мирах. Одни предлагают сдаться, другие либо сдаются, либо нет.

Воин в белом плаще ответил, ответ был коротким – одна чеканная фраза. Та, которую произносят на сотнях языков те, кто предпочитают умереть стоя, но не жить на коленях.

Стены города казались неприступными, если сердца защитников под стать сердцу их вождя, а на стене стоял именно вождь, осажденные могут отбиться. Могут?! Могли бы, но им не дано ни победить, ни умереть со славой. Впрочем, осаждающим тоже.

Ведущие в город ворота были заперты. Мощные ворота, такие

с ходу не прошибить никаким тараном. Шедший впереди Норгэрель невольно остановился, Нэо не стал его подгонять, а крикнул лльяму. Тварешка бойко порысила вперед, пройдя сквозь чудовищные створки. Она их не подожгла и не расплавила, потому что их не было. Они рассыпались в прах давным-давно.

2896 год от В.И. 21-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. КЕР-ЖЕНЕВЬЕВ

Кер-Женевьев был на месте. Чистенький городок со старой крепостью на холме маячил на той стороне Ньера и, казалось, дразнился. Знаменитые мосты, построенные в эпоху Рене Веселого, прекратили свое существование. Каменные быки по-прежнему вырастали из речного дна, но деревянные настилы исчезли, равно как и толстенные цепи, по слухам откованные в армских горах. Более того, на ифранской стороне кто-то разрушил пристани и угнал или сжег все имевшиеся лодки и лодчонки.

Помянув про себя Проклятого, Ипполит Аршо-Жуай поднес к глазам старинный окуляр. Оргондский берег стал ближе. Маршал ясно видел сбегающие к воде улочки, заполненные людьми, отнюдь не похожими на мирных горожан. Конечно, в Кер-Женевьев имелся гарнизон, но в нем было от силы две или три сотни отъевшихся на мещанских харчах пикинеров и лучников, а тут... Сверкала дорогая броня, взбрыкивали породистые кони, которых поили в реке воины в зеленых и темно-синих плащах. Это походило не на гарнизон, а на армию, причем армию сильную.

Внимание маршала привлек всадник на белой лошади, выехавший к Ньеру. Арциец повернулся к сопровождавшему его аюданту, тот протянул такой же окуляр, как и тот, что был у самого Аршо. Отчего-то это окончательно испортило маршалу настроение. Мост разрушен, в Кер-Женевьев засела непонятно откуда взявшаяся армия и, в довершение всего, на него самого кто-то смотрит!

Всадник на белом коне, между тем, поднял руку, словно приветствуя своего противника на другом берегу, а подоспевшие сигноносцы подняли знамена, услужливо развернутые, слабым летним ветром. Оргондский трилистник и лежащий тигр. Мальвани! Собственной персоной! В кварте от Краколлье! Догадался, Проклятый его побери, догадался и все это время вел свою армию по другому берегу.

Аршо Жуай со злостью опустил трубу. И что теперь

прикажете делать? Лезть в воду на глазах у сильного и готового к бою противника? Глупо. Продолжать играть в прятки еще глупее, но спесь с герцога сбить надо. Он, видимо, в восторге от своей проницательности, пусть порадуется. А мы встанем на дневку, людям и лошадям так и так нужно дать отдых, а ночью...

Ипполит Аршо-Жуай нарочито медленно повернул коня и поехал в сторону от реки. Когда прибрежная рощица скрыла его от чужих глаз, маршал вызвал начальника обоза и двух полковников. Хорошо, что он, хоть и рассчитывал на женевьевские мосты, прихватил с собой все необходимое для переправы. Ночью полк «Красных голубей» и половина полка «Райских птиц», спустившись вниз на несколько вес, переправится на оргондский берег. Кавалерийский рейд по тылам ничего не подозревающего, полусонного противника, что может быть лучше?!

Нэо Рамиэрль

Солнце было почти в зените, тени съежились, прижавшись к предметам, которые их отбрасывали. Осажденные отбили штурм и теперь занимались тем, чем спокон веку занимаются вышедшие из боя воины. Их не было, но они были – измотанные, грязные, но гордые своей пусть и не окончательной, но победой. Ночью или завтра будет новый штурм, а потом еще и еще, но они выстоят, их город не падет, их женщины и дети останутся свободными... Только вот ничего этого не будет. Это их последний день и их последний бой.

– Аддари, Норгэрель, быстрее!

– Ты по-прежнему не договариваешь, Нэо, – обронил Аддари, обошедший девушку с каштановой косой, перевязывавшей плечо высокому голубоглазому парню. Солнечный принц знал, что может пройти сквозь них, но ноги сами собой сделали шаг в сторону, – нам эти призраки и все, что тут происходит, не угрожает.

– Того, что ТУТ происходит, – нет, – огрызнулся Нэо, но вовремя взял себя в руки, – но есть вещи, которые лучше не видеть. Скоро начнется Суд, а до Храма нам идти и идти...

Они и так потеряли уйму времени, глядя на штурм и «болея» за осажденных и их предводителя. Сначала Рамиэрль пытался образумить своих друзей, но потом и сам увлекся. Глупо...

– Суд? Над кем?

– Звездный Лебедь, я же все сказал. Над ними всеми, сначала над живыми, потом над мертвыми.

Тени совсем исчезли, когда лльяма остановилась на краю широкой, мощенной мозаичными плитами площади и взвыла. Впереди возвышался храм, не тот, к которому шли эльфы, а поменьше и попроще, построенный руками людей, а не странными чуждыми силами. Зазвонили колокола, резные двери распахнулись, выпуская торжественную процессию, во главе которой шествовал прибрюшистый клирик в белом, расшитом жемчугом и золотом облачении и странной высокой шапке. За ним строго поочередно шли другие пастыри, неся на увитых белыми лентами шестах странные символы, похожие на сломанную осеннюю ветку, сквозь которую светит звезда.

Лльяма завыла так, что у Нэо зазвенело в ушах, глаза Волчонки неистово засветились, по загривку побежали багровые искры. Морда огненной твари была обращена на восток. На восток двинулся и Святой Ход, как бы эта процессия ни называлась в этом мире, суть была одна. Вопли лльямы подняли бы и мертвого, но осанистый священник с достоинством прошествовал сквозь порождение Бездны навстречу въехавшему на площадь усталому всаднику на усталом, блестевшем от пота коне. Воин в измятом, когда-то белом плаще спрыгнул на землю и преклонил колено. Нэо видел измученное лицо, слипшиеся темно-русые волосы, запекшуюся кровь на щеке. Давешний полководец! Он не сдал свой город, он не сдал бы его никому, будь у него время.

– Идемте же, – отчаянно выкрикнул Нэо, но его друзья завороженно смотрели, как клирик простер руки и воин протянул ему меч. Лльяма уже не выла, а рычала, в ее горле клокотало, как в гейзерах Берега Злобы. – Идемте! – безнадежно повторил Рамиэрль, понимая, что никто никуда не пойдет. Священник коснулся меча и что-то сказал. Воин ответил и тяжело поднялся с колен, его лицо невольно скривилось. Старая рана? Новых не будет!

Клирики продолжили обход площади, а полководца обступили воины и простые горожане, он устало улыбался, ища кого-то глазами. Нашел! А глаза у него странные, не серые, но и не зеленые… Хорошие глаза. Толпа расступилась, пропуская девочку лет пяти в синем платьице, воин подхватил ее на руки, девочка рассмеялась. Тихо подошла женщина, тоненькая, темноволосая, она могла бы быть сестрой Мариты. В оленьих глазах сияла неизбывная нежность. Так Криза смотрела на Уррика, так Геро смотрела на Рене…

Трое счастливых среди возбужденной, радостной толпы, звон колоколов, яркий, слишком яркий свет и рычащая огневушка, сквозь которую проходят люди, полагающие себя живыми.

– Свете Милосердный, – прошептал Солнечный принц.

Милосердный? Свет не может быть Милосердным, так же, как и Тьма. День померк мгновенно. Мрак накрыл город даже не плащом – подушкой, которой душат гостей злодеи-трактирщики. Только разгоревшееся пламя Бездны противостояло жуткой пелене, но обреченный город его не видел. Лльяма была будущим, которого у них не было. Трое эльфов невольно подались к огневушке, жар был нестерпимым, но живым. Дети Звезд видят в темноте, но не в такой. Это не было ночью, тьма пещер – и та легче и добрее, Нэо не понимал, почему они стоят и смотрят, но они стояли и смотрели. Когда-то он, сжав зубы, затерялся в толпе, глядя, как на эшафоте расстается с жизнью Эдмон Тагэре, которому он поклялся защитить больного брата и Арцию. В тот трижды проклятый миг Нэо не мог никого спасти, только освободить от страха и боли, подарив уверенность, что смерти нет.

Когда все кончилось, эльф-разведчик сказал, что это был самый горький день в его жизни, день бессилия и лжи. Роман не сомневался, что худшего не может быть, но в Эльте он мог сделать хоть что-то. Сейчас он был сильнее, много сильнее, с ним были друзья и порождение Тьмы, но будь он богом, как Ангес, и то он мог бы лишь смотреть. Рене говорил, что нет слова страшнее слова «поздно», как же он был прав!

Страх кричит, ужас лишает голоса. Обреченный город замер, за его стенами в такой же смертной муке застыли недавние враги, а дальше на север, юг, запад, восток, в селах, городах, замках, хижинах перепуганные люди призывали непослушными губами разных богов и святых. А звери и растения никого не призывали, они не умели ни молиться, ни каяться, ни грешить… Сколько длилось молчание? Нэо не знал. Рядом коротко простонал Норгэрель, Аддари снова воззвал к Свету, вокруг лльямы плясали багровые сполохи, глаза и пасть огневушки горели, она была готова к бою, но враг ушел давным-давно, если вообще приходил.

Мрак вспороло сияние, но свет этот был не добрее секиры палача. Со всех сторон зарычал гром, а может, это был не гром, а зов чудовищной трубы. Тучи разошлись, чтоб дать обреченным увидеть, как с неба сыплются звезды, словно крошки со сдернутой со стола бархатной скатерти. Когда скатилась последняя, сквозь иссушающий душу рев стали проступать слова. Тяжелые, отрывистые, они падали комьями земли в могилу. Заголосила какая-то женщина. Другая заломила руки и бросилась на пыльные плиты. Раненый воин зарычал, сорвал окровавленную повязку, бросил под ноги и стал топтать. На той стороне площади отчаянно ржали и рвались лошади. В перерывах между словами

раздавался звон колокола, но он больше не казался величественным, а звенел жалко и тускло, словно ударяли ложкой по оловянной миске.

Кто-то вцепился Нэо в плечо, Аддари. Норгэрель – тот стоит, сжав зубы, и смотрит, смотрит, словно хочет запомнить все до мельчайшей подробности. И воющую старуху, и троих обнявших друг друга друзей, и девочку лет четырнадцати с родимым пятном на щеке, похожим на летящую чайку...

– Тут мало детей и почти совсем нет нищих, – Норгэреля это удивило лишь сейчас.

– Это город воинов... – а может, родич прав и в этом есть какой-то смысл. Тяжелый голос умолк. Крики, стенания, колокольный звон, конское ржание сливались в один раздирающей душу гул и при этом казались мертвой тишиной.

– Что будет теперь? – неужели Аддари даже сейчас не жалеет о том, что покинул Луциану?!

– Не знаю... – он не знает и знает...

Теплый жемчужный свет. Возникшая из ниоткуда сверкающая арка. И новый голос, исполненный сочувствия и любви. Он зовет за собой, зовет, обещая искупление, прощение и вечную, незамутненную страстями и грехами радость. Жемчужное сияние ширится, накрывая стенающую площадь, растекается дальше, дальше.

– Это конец? – Аддари все еще надеется. Вот уж в чьем сердце нет ни капли – нет, не Тьмы, ибо Тьма не есть зло, – грязи.

Если бы это было концом, но это не конец. Это обман, пустышка, дурман, которым он опоил перед смертью Эдмона. Свет прощения заливает город, но он не светит. Толпящиеся люди тонут во мраке. Их фигуры кажутся уродливыми и страшными в сравнении с жемчужными переливами. Они несовместны, эти низкие существа и высшая благодать.

Зря он сравнил свой обман с этим. Он облегчил Эдмону и другим осужденным уход, а это – это пытка! Страшная, безжалостная пытка, и кто-то еще принимает ее за Милосердие.

– Смотри! – вскрикнул, почти простонал Аддари. – Девочка и женщина. Они прощены! Прощены!

– Да, верно. – Неужели он ошибся?

Жемчужное сияние нежно окутывало подругу полководца и ее дочь, придавая им неземное совершенство. Даже красота Детей Звезд, и та меркла перед этой чистотой и невинностью. Волна света омыла их и погасла, осталось лишь слабое сияние над головами. Вновь раздался голос, призывавший избранных, и женщина медленно и отрешенно пошла к сияющей арке.

Если бы Клэр мог их видеть, он бы создал величайшее из

своих творений, но их видел Нэо, и он не чувствовал ни благоговения, ни радости от того, что двое из тысяч признаны достойными.

Ноги прощенных сначала ступали по камням, потом перед ними упала светящаяся тропа, и они пошли по звездам навстречу вечной жизни. Неужели она все забыла? Забыла того, на кого смотрела такими глазами?! Неужели и Криза так же пошла бы по звездному вихрю навстречу чужому зову, забыв о том, чем билось ее сердце? Геро, бросившаяся в огонь, Марита, нашедшая утешение в реке, приняли бы они спасение, отринув то, что любили больше жизни?

Уходящая застыла на пороге Спасения, прижала к себе дочку и обернулась. Ее глаза отчаянно призывали того, кого она оставляла навеки.

Он ответил. Нэо не понимал слов, но кому нужны слова, когда говорит нечто высшее! Женщина покачала головой и внезапно толкнула девочку вперед, та скрылась в жемчужном сиянии, а ее мать побежала назад. Мужчина бросился к ней. Они стояли, обнявшись, посреди замершей площади, потом он поцеловал жену в губы и, развернув, легонько подтолкнул в направлении жемчужной арки. Она остановилась и вдруг бросилась на колени, простирая руки к порталу, в глубине которого стала проступать соразмерная мужская фигура. Мягкий и величавый голос произнес несколько слов, женщина пала ниц, а потом вскочила, по ее лицу текли слезы, но это были слезы счастья. Она бросилась к мужу, жемчужный свет воссиял сильнее, его отблеск пал на лицо воина. Ему было даровано прощение! Полководец обнял жену, а затем резко отстранился и пошел к арке, печатая шаг и положив руку на рукоять меча. Женщина закрыла лицо руками. Она знала, кого любила, и поняла, что сейчас произойдет.

Когда между Судией и человеком осталось несколько шагов, тот заговорил. И Роман, не зная ни одного слова, понял все, представив вместо безвестного вождя Рене Арроя. Этот человек был таким же, он не мог принять благодать, оставив свой народ умирать, каким бы тот ни был. Ореол света вокруг чела гордеца угас, но его жену по-прежнему ждало Спасение. Она могла уйти, грехи мужа на ее плечи не давили, но она лишь покачала головой.

– Она вымолила для него прощение, но он остался со своими людьми. А она осталась с ним... – зеленые глаза Аддари казались вместилищем скорби.

– Арде, – шепнул Норгэрель, не в силах оторвать взгляд от мужчины и женщины, отринувших Спасение, – но что будет

дальше?

– Дальше? Забыли?! На закате прольется огненный дождь и будет лить до полуночи. Не уцелеет никто. Звездный Лебедь, что такое я несу! Не уцелеет… Не уцелел! Это было до того, как в Тарре появилась эта тварь из моря. Хватит! – Роман схватил Норгэреля за руку. – Идем! Я не хочу видеть, как Александр Тагэре отрекается от Благодати, как этот, в белом плаще… В Тарре никаких Труб Небесных и чужих Прощений не будет!

На этот раз его послушались. Последним, что увидел зачем-то оглянувшийся Рамиэрль, была девочка, бегущая от спасительной арки к матери, и чудовищная ненависть, исказившая лицо Норгэреля.

2896 год от В.И. Ночь с 21-го на 22-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. КЕР-ЖЕНЕВЬЕВ

Из задумчивости сигнора Аршо-Жуая вырвал конский топот и крики, сначала недоуменные, а потом злые и растерянные. Кричали у входа в лагерь, видимо, там что-то произошло. Второй маршал Ифраны был не из тех, кто не обращает внимания на мелочи, так как из них вырастают как крупные удачи, так и здоровенные неприятности. Ипполит быстро, однако с достоинством направился к источнику шума, но обнаружил лишь дозорных, один из которых с недоумением держал перевитую алой лентой охапку шиповника. Как оказалось, из темноты на полном скаку вылетел всадник в развевающемся плаще, пронесся между растерявшимися стражниками, бросил старшему проклятый букет и умчался.

Аршо-Жуай недоверчиво уставился на цветы. Судя по всему, они были сорваны совсем недавно и где-то поблизости, лента была шелковой, дорогой и очень хорошей. Маршал глупейшим образом несколько раз встряхнул подарок, из него ничего не выпало. Солдаты с интересом смотрели на манипуляции своего командира, который под их взглядами начал закипать. От начальственной выволочки бедняг спас новый всадник, у этого цветов не было. Осадив коня, корнет со значком полка «Красных голубей» срывающимся голосом доложил, что на их отряд было совершено нападение. Несколько тысяч всадников с дикими воплями налетели со всех сторон, топча и круша все, что попадалось на пути.

– Это были атэвы, – повторял гонец, – атэвы… Язычники, больше некому… В красных плащах… У них кони прыгают, как кошки… Они сожгли все, что горело, распугали и увели половину

лошадей. Нам не на чем ехать, не на чем переправляться... Сигнор Рашо убит, сигнор Торгау убит, сигнор Фанюэль ранен...

– Придите в себя, корнет, – маршал с трудом удержался от того, чтобы дать перетрусившему щенку затрещину, иногда это помогает, но сейчас это выглядело бы слабостью, – позовите сюда сигнора Гошона. Переправиться в Кер-Женевьев мы не смогли, что ж, пойдем вверх по реке к Поросячьему броду. Этот мост разрушить не под силу никому, благо стоит дикая жара, а вы... – Аршо-Жуай с презрением посмотрел на гонца, – сигнор Гошон примет командование над «Красными голубями», и, надеюсь, научит вас уму-разуму, а эти розочки возьмите и передайте вашему бывшему полковнику. Он их заслужил.

Нэо Рамиэрль

Последний поворот, и перед глазами выросла серая, безрадостная громадина. В обреченном городе молились, пили, рыдали, проклинали, надеялись. Здесь было тихо. Никто не искал спасения в ЭТОМ храме, хотя если что-то и могло пережить огненный ливень, так здание, воздвигнутое не людскими руками, а нездешней силой, одинаково чуждой и Тьме, и Свету, и «милостивому» Судье. Правду говорят, что утопающий хватается за куст терновый, но даже он не схватится за сурианского кокодрила.

Первой к огромным дверям подошла лльяма и зарычала, давая понять, что внутри нет ничего хорошего даже в сравнении с бушевавшим снаружи адом. Огневушка была права, от храма веяло той безумной, извращенной силой, которую Роман почуял, когда Эмзар в их последнюю встречу на мгновение разорвал Кольцо. Нэо с тревогой взглянул на Норгэреля, если его болезнь все же связана с Вархой.

– Со мной все в порядке, – натянуто улыбнулся родич. Ему было не по себе, как и всем им, но он, без сомнения, был здоров, – раз нужно, мы войдем, но как это сделать? Сдается мне, эти двери настоящие и они заперты.

В одном Норгэрель ошибался, в другом – нет. Двери существовали, но заперты не были, напротив, стоило Роману подойти поближе, и чудовищные створки медленно и бесшумно, как в ночном кошмаре, раздвинулись. Путь был свободен. Нэо Рамиэрль отнюдь не был трусом, но годы странствий, поражений и побед сделали его осмотрительным, бросаться очертя голову навстречу неведомому не стоило.

– Волчонка, ты-то что думаешь?

Волчонка думала плохо, о чем недвусмысленно свидетельствовали пробегавшие по хребту багровые искры. Ей не нравилось то, что пряталось внутри.

– Нас приглашают, – настойчиво сказал Аддари, – идем!

– Ты полагаешь?

– Нэо, куда бы мы ни провалились, хуже не будет! Куда угодно, но подальше отсюда! – перед глазами Солнечного принца все еще был умирающий город, где отринувший спасение полководец и его воины мечом и словом заставляли обреченных встретить смерть, оставаясь людьми, а не обезумевшим стадом. Когда ошалевший от ужаса и вина еще не старый мужчина прямо на улице повалил совсем юную девчонку, вождь зарубил его и пошел дальше сквозь толпу, уговаривая и, если нужно, убивая.

Сколько раз он отказывался от спасения, обрекая на муки не только себя, но и жену, и дочь? Сколько раз метался по забитым народом улицам, обуздывая добрых горожан, в свой последний день превратившихся в насильников и грабителей? И сколько раз он еще пройдет через это? Он, и та, которая его любит, и остальные осужденные… За что?! Звездный Лебедь, за что?!

– Ты прав, идем, но осторожно. Я ничего не имею ни против Бездны, ни против Света, но здесь не только Сила, но и Воля, и Воля эта хуже не придумаешь… Волчонка, вперед.

Лльяма укоризненно вякнула, но пошла первой, вторым двинулся Аддари, Нэо и Норгэрель шагнули одновременно. Ничего не произошло, если не считать того, что ворота, пропустив гостей, немедленно сомкнулись. Даже не сомкнулись, исчезли.

2896 год от В.И. 28-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. МУНТ

Все было так и не так. Этот странный наемник не желал убираться из памяти. Наглец и негодяй спас ее от смерти. В этом Мария убедилась, узнав о сожженных «чумных деревнях» на севере Ландея. Пьер, как мог, отгораживался от мятежных провинций, и жизнь тех, кто случайно оказался в ловушке, не стоила ничего. Ее безумная мысль отдаться Хозе оказалась не столь уж и безумной. Мириец ушел сам и вытащил свою случайную подругу.

Зря она ему сказала про Ее Иносенсию, островитяне сестер ненавидят. Влюбленный в Анастазию Бекко – исключение. Если б не это, Хозе проводил бы ее до столицы, а так ей пришлось сначала долго идти пешком, пугаясь каждого звука, потом трястись на какой-то повозке. Она рискнула открыть свое имя

только в Лаге, куда за ней прискакали Белые рыцари.

Сидя в высоком седле в окружении воинов с кохалонговыми ожерельями на груди, Мария поняла, что все кончилось, и тут же мелькнула предательская мысль: а что бы было, отправься она с Хозе на север? Они бы ехали днем на одном коне, а ночами спали под одним плащом. В замке Гран-Гийо мириец наверняка бы пришелся ко двору, а она? Что стала бы она делать в этом захолустье? Хотя они могли разведать, что думает северная знать, найти проклятого рифмоплета и вернуться.

Может быть, Хозе передумал и согласился бы стать одним из рыцарей Оленя. Он смышлен, ловок, недурен собой, а происхождение... Происхождение важно для светского дворянства, а в ордене все решает сила, сноровка и близость к Предстоятелям. Анастазия благоволит к мирийцам, она могла бы приблизить Хозе к себе. Странное дело, Мария почувствовала, что ей бы это отнюдь не понравилось.

Один из сопровождавших сестру рыцарей заговорил о последних новостях, Мария ответила. В светло-карих глазах воина дрожал огонек, который нельзя ни с чем спутать, и девушка резко оборвала беседу, послав коня вперед. Наглец и дурак! Ворона в павлиньих перьях! И на коне сидит, как собака на заборе...

Рыцарь, видимо, поняв, что вел себя излишне вольно, затерялся среди товарищей. Мария молча ехала впереди, думая, что говорить Ее Иносенсии. О выходке Тартю Предстоятельница, без сомнения, уже осведомлена. Правильно ли она сделала, что вернулась? Анастазия ошибок не прощает. И что, ей рассказать о Хозе или вообще промолчать? Слишком рискованно. Мария слышала, что опытный человек всегда отличит девственницу от женщины, а Анастазия была более, чем опытной. В конце концов, девушка решила рассказать все, кроме причины, толкнувшей ее в мужские объятия. Она заплатила собой за свободу, только и всего. Немного подумав, Мария решила не говорить, что ее любовник оказался мирийцем. Не нужно, чтобы кто-то, пусть и случайно, догадался, с кем она была, ведь Хозе узнал о ней слишком много.

2896 год от В.И. 28-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. БЕРЕГ НЬЕРА

Диего Артьенде придирчиво осмотрел букет ранних астр, заменил фиолетовую на белую и убрал одну, у которой несколько лепестков были сморщенными и почерневшими.

– Сигнор Аршо-Жуай должен остаться доволен, – задумчиво произнес мириец, любуясь на дело рук своих, – боюсь, гвоздики, которые я ему вручил прошлый раз, уже завяли.

– Диего, – герцог Мальвани с трудом сдерживал смех, – ты невозможен.

– Разве? – Артьенде тронул приколотый к расстегнутой по случаю жары легкой куртке цветок, – но мне нравится преподносить ифранцу цветы. Хотелось бы, чтоб он понимал их язык, но в этом я не уверен...

– Я думаю, главное он понимает.

– Главное? – мириец поднял черную бровь. – Я ни разу не повторился, составляя букеты.

– Проклятый тебя побери, Диего, – последний год выдался невеселым, но земляк Рафаэля вновь научил Мальвани смеяться, – ты со своими букетами не лучше наших капралов, которые показывают ифранцам свой зад в надежде, что кто-то смотрит в окуляр на наш берег.

– Ньер очень широк, – неодобрительно заметил мириец, – у нас нет таких рек. Если б он был уже, через него можно было б переговариваться.

– Табит уже Ньера, я присутствовал при обмене солдатскими любезностями. Они не меняются веками.

– Потому я и предпочитаю цветы. Обещаю, этой же ночью они будут в руках Ипполита. Скоро стемнеет, – Диего оценивающе глянул на пылающий горизонт, – мне пора возвращаться.

– Ты мог прислать кого-то другого.

– На ифранском берегу цветы хуже, моему коню нравится плавать, а я люблю сам выслушивать приказы. Нашим прогулкам скоро придет конец, не правда ли?

– Если Аршо-Жуай готов дать сражение, то да.

– Он готов, – взгляд Диего стал мечтательным, – мы навещаем их каждую ночь, ифранцы злы, как атэвские садданы, но нас им не поймать. Значит, они злятся на своего маршала. У них уже почти нет палаток, а об обозе с лодками и прочей дребеденью им пришлось забыть еще в Кер-Женевьев. Каждый раз я захватываю ровно одиннадцать пленных и на следующую ночь отпускаю, – мириец скромно потупил глаза, – ммммм, не совсем одетыми... Кроме того, цветы и письма...

– Письма? Диего, ты меня в гроб вгонишь!

– Тебя нет, но ты сам сказал, что Ньер очень широк и на ифранском берегу не слышно, что кричат твои люди. Мы обгоняем Аршо и на видных местах пишем и рисуем то, что ваши воины хотят им передать. Уверяю вас, против истины мы не грешим.

Сезар замахал руками, захлебываясь хохотом. Услужливое воображение нарисовало ему Ипполита Аршо-Жуая в ночном колпаке с очередным букетом, испакощенные стены и ухмыляющиеся черноглазые физиономии. Мирийцы никогда не станут серьезными, даже если будут умирать. Они не боятся смерти, странно, что именно Мирию так подмяли клирики, или все дело в герцогской семье? Но сейчас Энрике поднял голову. Он отказался от своего предыдущего завещания в пользу младшего сына, и наследником провозглашен пропавший Рафаэль. Жаль, что Рафаэль не узнал о том, что его отец вырвался из лап циалианок. Как бы то ни было, его собственный сын и наследник в Мирии в безопасности, и слава святому Эрасти. Как бы Марта с матерью и Монтрагэ ни храбрились, осада есть осада... Герцог Оргонды усилием воли вернулся на берега Ньера. Лиарэ выдержит, если он через несколько дней остановит и уничтожит армию Ипполита. Дарнийцы без поддержки на штурм не полезут.

– Диего!

– Да?

– Тебе не будет трудно передать Аршо-Жуаю еще один букет? От меня!

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ NON LICET IN BELLO BIS PECCARE[20]

Привольем пахнет дикий мед,
Пыль – солнечным лучом,
Фиалкою – девичий рот,
А золото – ничем.
Водою пахнет резеда
И яблоком – любовь.
Но мы узнали навсегда,
Что кровью пахнет только кровь.

А. Ахматова

2896 год от В.И. 29-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Анри Мальвани любил повторять, что хороший полководец любую кочку сделает крепостью, а плохой любую крепость – ловушкой. Оставалось выяснить, кто из полководцев лучше – его сын или Ипполит Аршо-Жуай. Оба – и ифранский маршал, и оргондский герцог – рвались к одному и тому же месту, туда, где Ньер широко разливался по плоской, как тарелка, Лоакской равнине. Лето выдалось жарким, и знаменитая мель, отчего-то именуемая Поросячьим бродом, уже кварту как стала проходимой для конницы. Сезар не сомневался, что его противник прекрасно осведомлен, что к его услугам мост, который не разрушишь и не подожжешь. Было совершенно очевидно, что Жуай решился на битву, осознав, что, не разбив Мальвани, к Лиарэ ему не пройти.

Ифранцы могли себе позволить потерять большую часть второй армии, ведь у них оставалась первая, а если Жоселин раскошелится, появится третья. Сезар на подкрепление не рассчитывал, а посему было нужно не только расколотить Аршо, но и сохранить не меньше двух третей своих людей.

– Что вы думаете от этом месте, сигнор? – граф Гартаж указал рукой на реку, отражавшую полыхающие закатные облака.

– Куда важнее, что о нем думает наш ифранский друг, – пожал плечами Сезар.

– Это очевидно: если не перейти Ньер здесь, придется тащиться до Святой области, а святые отцы хоть и любят

ифранское золото, будут от этого не в восторге. Им же положено войну порицать. Да и времени у Аршо нет – дарнийцы появятся у Лиарэ со дня на день, так что придется рискнуть.

– Похоже на то, – Сезар приподнялся в стременах, разглядывая поле будущей битвы. С пологого холма открывался очаровательный вид. Теплый вечерний ветерок колыхал созревающие хлеба, по разгороженным живыми изгородями пастбищам бродили коровы и овцы, а вдали сквозь буйную зелень черешен и слив просвечивали черепичные крыши: село Поросячий Брод было большим и богатым.

– Мы загубим им весь урожай, – вздохнул Эжен Гартаж.

– Лучше пожертвовать пшеницей, чем свободой.

– Для нобиля, безусловно, а для крестьянина...

– Оргондские крестьяне не хотят становиться Ифранскими, – Сезар Мальвани ловко прихлопнул усевшегося на шею его коня овода. – Ни для кого не секрет, сколько шкур дерет со своих подданных Паучиха. Но пшеницу мы и впрямь вытопчем, никуда не денешься. Ладно, оставлю взамен трофейных лошадей, но сначала придется победить.

– Как называется эта речонка?

– Лягва. Очень подходящее имя, к слову сказать: не берега, а сплошное болото.

– Конница не пройдет?

– Куда там! Здесь глина почти на поверхность выходит, не земля, а кисель!

– Значит, одна стена у нас есть, – улыбнулся Эжен Гартаж, – дело за тремя остальными.

– За тремя? Вам не нравится холм, на котором мы стоим?

– Слишком пологий.

– Ничего, сгодится, – Мальвани еще раз оглядел рябой от ветра Ньер, ядовитую зелень болотной травы в устье Лягвы, широкий луг между болотом и холмом. Природа сделала все, что могла, теперь дело за людьми. Герцог подозвал аюданта:

– Сержи, поезжайте в деревню, соберите крестьян. Нужно за ночь укрепить берег. Ничего особенного: плетни, деревянные щиты, кое-где разрушите спуски к воде. Передайте старосте, если мы победим, их труд будет оплачен – и оплачен хорошо. Насчет плотов помните?

– Монсигнор!

– Не надо обижаться, я себя спрашиваю чаще, чем других. Отправляйтесь.

Виконт Терован привстал на стременах, отдавая честь, и поскакал вниз. Сезар перехватил взгляд Гартажа, и тот опустил глаза. Мальвани понял, о чем, вернее, о ком он думает. На

Гразском поле остался единственный сын Эжена, теперь после смерти графа титул перейдет к дальним родинам, если, разумеется, Гартаж не женится второй раз. Он еще не стар, может рискнуть.

– Сезар, даже если мы победим...

– Это никого не вернет? Не вернет, но наша победа нужна и им.

– Не пытайтесь меня утешить, вам не веселее, чем мне. Скажите лучше, как вы нашли новые алебарды?

– Великолепно. Тут тебе и бронебойная пика, и крюк для всадников, и серп для коней хотя лошадиные ноги мне жаль.

– Мне тоже. Люди сами выбирают свой путь, кони – нет.

– Людей тоже запрягают. Ифранцы о последней выдумке Сандера еще не осведомлены?

– С арбалетчиками? Нет, хотя странно, как до этого раньше никто не додумался.

– Александр умел заменять хорошее лучшим. Мы с вами в одной упряжке, Эжен. Нас обоих не было у Гразы, зато теперь есть только мы.

– Вы не верите, что Кэрна и Александр найдутся?

– Я даже в Триединого не верю... Вы хотите, чтобы два самых заметных человека в Арции за год не дали о себе знать? Добрался же Луи до Гвары!

– Не представляю, как вам удалось об этом узнать.

– Как бы Тартю ни обнаглел, задерживать посланцев кардинала он не смеет. Брат отца со слов Базиля Гризье утверждает, что Рафаэль Кэрна в месяце Зеркала был жив и здоров, а тело короля так и не нашли и выдали за него младшего Трюэля. Похоже, Жорж этому «пуделю» верит, но с тех пор прошло десять месяцев, граф! Десять! Но Марта все еще надеется.

– Гризье сейчас в Ифране, не так ли?

– Да. С позволения сказать, посол.

– Сезар, вы не думаете, что письмо, которое нам так помогло, написал он? Базиль был у Гразы, и он как будто дружен с Морисом Саррижским, родичем графа Вардо?

– Я скорее поверю в Темную Звезду, чем в то, что сын Элеоноры станет мне помогать. Кто-то скачет...

Молодой мириец с красно-черной лентой в волосах лихо осадил коня и весело сообщил, что ифранцы утром выйдут к броду. Сезар улыбнулся, он только теперь понял, как хочет этого боя.

Невероятно высокий потолок был свинцово-серым и давил на душу, как давят низкие осенние облака. Свет тоже был гниловато-предзимним, а в глубине непонятно зачем выдолбленных ниш клубился разноцветный туман, не давая рассмотреть, что же за ним кроется.

Что поражало, так это отсутствие каких бы то ни было светильников, курильниц, идолов, икон и прочих вещей, столь любезных клирикам. И не похоже, что все это было, но истлело и рассыпалось в прах. Здание было чудовищно огромным и столь же чудовищно пустым, и Роману это очень не понравилось. Эльф-разведчик никогда не испытывал пристрастия к храмам, а мунтский храм Триединого откровенно ненавидел, но здесь таилось нечто большее, чем обычное для церковников желание поразить воображение паствы.

Сам Нэо Рамиэрль в посредниках между собой и небесами не нуждался даже тогда, когда числил себя человеком, а узнав про Исход и прочие прелести, и вовсе пришел к выводу, что боги не так уж и отличаются от людей, гоблинов и орков и молиться им нет никакого смысла. Те из высших сил, кто хочет и может помочь, помогут и так. Тех, кто не желает вмешиваться или вознамерился наказать или поработить, свечками и кореньями не умилостивить. Что до церковников, то они, за исключением таянцев и южных гоблинов, которых и клириками-то можно было назвать с натяжкой, бывали не менее лживыми и корыстными, чем дарнийские менялы. Конечно, были священники, радевшие не за себя, не без этого. Того же Евгения Арцийского Роман очень уважал и сделал все, чтобы старик прожил подольше, но верой здесь и не пахло. Кардинал служил своей стране там, где мог, и так, как мог. Его оружием стала Церковь, и оружие это было сильным. Тарра была оставлена богами, но разумным созданиям тяжко отвечать за себя самим, им нужно одобрение небес или страх перед ними, вот люди и выдумали себе богов и пророков, а гоблины вцепились в память о давно утерянном. Лишь эльфы не закрывали глаза на то, что случилось, но у бессмертных и вечно юных другие печали.

Во время своих скитаний Рамиэрль-разведчик повидал немало храмов и капищ. Адепты зла украшали их в меру своей испорченности, изображая все самое мерзкое, что приходило в их не совсем здоровые головы. В величественные храмы Церкви Единой и Единственной, крытые лазуритом атэвские массалы[21] и многовратные святилища Хаона свозили самое ценное со всего мира. Но и кантисские храмы Триединого и монтайские храмы Ройгу были зданиями из камня и дерева, задуманными, построенными и украшенными людьми, пусть и с помощью

магии. К найденному Ангесом сооружению человеческая воля и человеческий разум не имели никакого отношения. И еще оно поражало своим бездушием, если, разумеется, так можно сказать о храме, но, как бы то ни было, нужно было идти.

Раздражающий, ядовитый след вел в глубь здания. Только бы это был след той твари, что обосновалась в Тарре, а не ее собрата! Огневушка дернулась идти вперед, но Нэо ее остановил. Первым должен идти он, и ему же вступать в бой, если тут есть с кем сражаться.

Эльф бесшумно ступал по пластам застывшей лавы, заменявшей здесь пол, чувствуя за спиной присутствие товарищей и жар лльямы. Они шли быстро и при этом словно бы стояли на месте, уж больно невыразительны были чудовищные стены, заполненные радужным маревом ниши повторяли одна другую, а дальний край храма по-прежнему терялся во мгле. Сначала это раздражало, затем заставило думать о том, что они УЖЕ покинули погибший мир. Отвратительная, пульсирующая нить, за которую держался Нэо, стала толще и ярче, а затем эльф увидел подобие портала и в нем... крысу. Каменную. Огромную.

Изваяние возникло неожиданно: многоцветный туман слегка рассеялся, и на пришельцев воззрилась чудовищная обсидиановая морда с оскаленными зубами. Зверюга была ростом с болотного льва, но выполнена так, что казалась живой, и лишь слепые каменные глаза немного успокаивали.

– Во имя Света, они что тут, крысам молятся?! – не выдержал Аддари.

Нэо начал было рассказывать, что смертные порой поклоняются таким тварям, о которых в Луциане и не слыхали (к счастью для луцианцев), но оборвал себя на полуслове. Гигантские обезьяны, гайенны, даже змеи и скорпионы, изваяний которых он насмотрелся, шатаясь по Суру, были воплощениями божеств хоть и злобных, но несуществующих. Здесь же была крыса как таковая. Хитрое, нечистое, злобное животное, не более того.

Звездный Лебедь! Воздвигнутый нелюдскою мощью храм скрывал изображение мерзкого грызуна! И не только...

Портал, за которым виднелся еще один бесконечный зал, стерегло четыре монстра, причем Крыса казалась самой приятной. Два изваяния прятались в нишах, до поры до времени скрытые туманом, а еще одно свисало с потолка. Даже самый великий скульптор без помощи магии не прицепил бы к монолитным серым сводам каменного нетопыря размером с хорошую лошадь. Нэо невольно остановился, разглядывая каменный зверинец. Крыса торчала прямо на пути, слева из мерцающего марева выступало жуткого вида шестиногое

существо с длинными клешнями, по правую руку возвышалась колоссальная улитка, вытянувшая в сторону прохода уродливую башку, увенчанную четырьмя рогами, самый короткий из которых был длиной с человеческую руку.

– Дракона на нее нет, – прошипел Роман, – что делать будем?

Монстры выглядели безжизненными. Блестящий черный камень уродливых тел казался обычным обсидианом, но Рамиэрль в некоторых случаях предпочитал не верить собственным глазам и, как выяснилось, был абсолютно прав. Каменные бестии были стражами, караулившими некую черту. Стоило ее перейти, и обсидиановый зверинец ожил. Первым сдвинулась с места улитка. Отвратительное существо медленно, волосок за волоском поползло к нарушителям древнего запрета. Дойдя до какой-то, одному ему ведомой границы, монстр развернулся и двинулся по кругу, в центре которого оказались путники, не отрывавшие взгляда от жутковатой улитки. Вторым ожил шестиногий и клешнявый, которого Нэо для удобства окрестил ракотараканом. Этот преодолел расстояние до уже обозначенной Слизнем межи одним стремительным броском, достигнув которой пустился вслед за улиткой. Крыса и нетопырь продолжали изображать из себя творения неведомых гениев.

Трое эльфов замерли, обмениваясь недоуменными взглядами. Нэо был близок к тому, чтоб попробовать проскочить мимо пока еще не пробудившейся крысы, но в дело вмешалась лльяма. Огневушка решила заняться ракотараканом – бросившись к твари, она дыхнула жаром и отскочила назад. Взметнулось и тут же погасло багровое пламя, но монстр как ни в чем не бывало продолжал ползти по кругу, разве что пару раз недовольно дернув клешней.

– Видимо, ты не из «светлых», – проворчал Нэо.

– Вверх, смотри вверх! – в голосе Аддари звучал страх.

Вскинув голову, Нэо увидел нетопыря, мчавшегося прямо на него. Со шпагой Рамиэрль не расставался, но что сталь против камня?! Танцующим движением Нэо ушел в сторону. Монстр довольно ловко развернулся, взмыл вверх и снова нацелился на добычу. Краем глаза эльф заметил, что таракан придвинулся поближе. Боится опоздать? Что же, голубчик, сейчас ты будешь доволен. Хотя ты слишком быстр, а вот Слизень… Дракон должен знать обо всем, что творится во всех мирах. Пусть порадуется за свою ползучую «любимицу», а то она что-то слишком разрослась!

Стараясь держать в поле зрения всех монстров, Рамиэрль двинулся к улитке, около которой крутилась озверевшая лльяма. Молодец, Волчонка, отвлекай ее! Прыжок, и он наверху. Улитка была или глупа, или излишне задумчива, она и не заметила, что

несет на себе всадника, зато это прекрасно видел нетопырь. Взвыв дурным голосом, тварь завалилась на крыло и пошла вниз. Нэо спрыгнул в последний момент, когда чудовищный летун уже не мог свернуть. Хафаш всем своим немалым весом врезался в панцирь ползуна, брызнули блестящие, черные осколки. Улитка, не обладавшая, по-видимому, никаким разумом, но обалдевшая от боли и неожиданности, взвизгнула на пределе человеческого слуха и дернулась, придавив незадачливому летуну крыло. Нетопырь забыл об эльфе, обратив свою ярость на нового врага.

Каменные чудища сплелись в смертельном поединке. Зрелище было захватывающим. Разбивший при ударе и без того отвратную морду хафаш изо всех сил пытался освободиться, бешено колотя свободным крылом по рогатой башке, и заставил-таки противницу втянуть рога, на которых, видимо, помещались глаза. Ослепшие чудища старались, как могли – столкновение каменных тел подняло шум, достойный хорошего обвала. Во все стороны летели каменные брызги. Судя по всему, у тварей не было ничего похожего на кровь, потому что жуткие раны оставались сухими.

Стоя в нише, некогда принадлежавшей улитке, Нэо лихорадочно прикидывал, что делать. Аддари и Норгэрель, укрывшиеся в бывшем обиталище ракотаракана по ту сторону сражающихся, смотрели на своего предводителя, явно ожидая указаний. А если с ним что-то случится, они соизволят начать думать или будут ждать приказа Волчонки?

Улитка с летучей мышью слились в гремящий черный ком. Крыса упорно не подавала признаков жизни, зато ракотаракан не дремал. Умишка у него не было вовсе, он напрочь забыл, для чего его тут поставили. Приглядевшись, Роман с отвращением увидел, что гадина не просто наблюдает за битвой – она обедает. Отлетавшие куски каменных тел моментально подбирались здоровенными клешнями и отправлялись прямехонько в пасть. Воистину плох тот бог, что взял в слуги столь жадное и безмозглое создание!

Ракотаракан вошел в раж, и одна из клацающих клешней вцепилась в шею Слизню, но попала под удар перепончатого крыла. Возмущенный шестиног цапнул второй клешней хафаша за развороченное пузо и немедленно был укушен. Теперь уже три переплетенных чудовища бились в корчах, разрывая друг друга на куски. Нэо рискнул и, проскочив мимо кучи-малы, присоединился к товарищам. Трое эльфов с сомнением смотрели на последнего из стражей, однако у крысы в голове, похоже, что-то было. Она не желала ни присоединяться к схватке, ни в одиночку встречать незваных гостей. Тварь дернулась, и взору Романа предстал

отвратительный исполинский хвост, исчезавший в расступившейся стене.

Им повезло! Присущая крысам, не до конца загнанным в угол, трусость открыла возможность, о которой мечтает любой воин: ворваться в чужую крепость на плечах удирающего врага. Роман что было сил припустил за монстром, не сомневаясь, что спутники последуют его примеру. Обсидиановая туша двигалась проворно, но от преследователей оторваться не могла. Создаваемый мчавшимся монстром коридор сгибался, как змея, поворачивал назад, опускался и сразу же поднимался. Нэо не знал, сколько времени прошло с тех пор, как отвратительный грызун решил покинуть поле боя, но ухваченная им магическая нить становилась все толще. Значит, он бежит туда, куда нужно, если, разумеется, Ангес нашел след обитателя Серого моря, а не другой, хоть и подобной твари.

2896 год от В.И. 29-й день месяца Лебедя. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Чумные флаги[22] на башнях было видно издалека, и Рито стало страшно. Мириец не боялся ни бычьих рогов, ни мечей, ни магии, но умирать отвратительной, грязной, неотвратимой смертью, смертью, которой нельзя бросить вызов, мягко говоря, не хотелось. Кэрна осадил коня на речном берегу, не в силах оторвать взгляда от черного полотнища с алым кругом посередине. Оно не было ни мороком, ни ложью, Эгон не стал бы так шутить. Так вообще не шутят, чтобы не накликать…

Мысли толкались и спотыкались, как овцы в слишком тесном загоне. Выходит, болезнь все-таки пришла на север?! Пришла вопреки всему, очередной раз опровергнув неубиенный довод «так не бывает». Тартю не врал, чумные заставы были выстроены не для того, чтоб предотвратить мятеж. Капустная приживалка, прыгнувшая со страху в постель к мирийскому авантюристу, боялась не зря. Но он не заболел, надо думать, и она тоже, так что в деревне, куда их загнали, болезни не было. Да и по дороге в Гран-Гийо ему ничего такого не попадалось, хоть он и старался ехать проселками.

Откуда синяки и стражники узнали про чуму и как зараза дошла до Гран-Гийо, пощадив Мунт, Аганн, Батар? Или и вправду есть вещи, с которыми не шутят, ублюдок придумал мор, чтобы удержаться у власти, а беда пришла на самом деле. Беда, в сравнении с которой все войны и перевороты – ничто. Заразу остановит только время и зима, ее не убьешь, не уговоришь, не обманешь.

Разум подсказывал, что надо бежать, а потом, стиснув зубы, заняться тем, что еще можно сделать. Он же не остался на Гразском поле дожидаться, пока его прикончат, он ушел, И сейчас нужно уходить, с чумой танцевать нельзя!

В детстве Рафаэль Кэрна наслушался легенд о «чумных замках», десятилетиями стоявших на высоких холмах и по берегам рек. Замках, в которых не осталось ни единой живой души. По медленно разрушавшимся крышам стучали дожди, ветры завывали в разбитых окнах, стены разрывали корни растений, а в опустевших залах и дворах лежали непогребенные, чьими могильщиками становились птицы и крысы. Только через семьдесят восемь лет под мертвые своды рисковали зайти монахи-эрастианцы, совершавшие над давным-давно умершими погребальные службы, и лишь затем туда могли вернуться люди, если, разумеется, хотели. Таких, впрочем, находилось немного.

Последний раз мышиная чума бушевала в Эр-Атэве триста лет назад, а в Мирии и того раньше. Кэрна любил читать о войнах, но не о моровых поветриях, он не слишком хорошо представлял, с чего начинается болезнь и как идет, но спастись от чумы можно было лишь бегством.

Конь повел ушами и затанцевал – устал стоять. Небо над обреченным замком наливалось алым – завтра будет ветреный день. Вечер наползал медленно и равнодушно, серый камень темнел, башни и стены сливались в единый темный силуэт, словно кто-то вырезал из черной замши крепость и наклеил на алый бархат. Алые круги на знаменах исчезли, и те превратились в тревожные пляшущие тени.

«Кровь заката на черных маках, неподвижная кровь заката...»

Опять та же песня, что и под Гразой. Он вновь остался один. Эгон, Клотильда, Шарло, Катрин, Яфе, Николай – им он тоже не помог, как не помог Юверу и светловолосому парнишке, имя которого так и не узнал. Ему здесь нечего делать. Чем скорее он уберется, тем лучше, говорят, зараза передается и через воду, и через ветер.

Рафаэль Кэрна усмехнулся и погнал коня в сторону Гран-Гийо. Застоявшийся жеребец легко мчался по жесткой, выгоревшей траве, ему было все равно, куда скакать, лишь бы не стоять на месте. Лошадям чума не страшна, лошади не умеют думать о смерти. Маркиз Гаэтано о ней думать тоже не умел. Черный силуэт стремительно вырастал, отрезая всадника от полыхающего неба, ночь словно бы неслась навстречу – душная, летняя ночь. Завтра будет ветер, а возможно, и гроза. Он ее еще увидит, капустная дрянь сказала, что от чумы умирают, самое малое, кварту.

Мост был поднят, Эгон не хотел рисковать чужими жизнями. Ров был выкопан на совесть – глубокий, с отвесными стенами, облицованным камнем берегом. Что ж, Алко[23], придется нам здесь проститься. И, кстати, надо будет отпустить всех замковых лошадей, не умирать же им в конюшнях от голода! Кэрна спрыгнул на землю, и жеребец, словно понимая, что они расстаются, потянулся к нему мордой. Этого еще не хватало, он не герой баллады, который два часа прощается со своим конем и просит его что-то кому-то передать... Рафаэль быстро расседлал скакуна и бросил сбрую под мост, туда же отправился тюк с доспехами, сапоги и верхняя куртка. Алко обиженно заржал, Рафаэль обернулся и потрепал друга по шее.

– Беги, нечего тебе тут делать. Постарайся попасться какому-нибудь нобилю поприличнее, а то крестьяне имеют обыкновение на лошадях пахать.

Вряд ли Алко понял, но уйти он и не подумал. Что ж, пускай остается, его право. Травы тут хватит, с водой хуже: вроде и близко, а не спустишься. Захочет пить, уйдет. Рито проверил кинжалы (могут пригодиться, если ворота заперты, а привратник мертв) и, больше не оглядываясь, прыгнул в воду. Переплыть речку для мирийца было парой пустяков, труднее было в кромешной темноте подняться по почти отвесному склону, но он сделал и это, оказавшись у наглухо запертых ворот.

2896 год от В.И. Вечер 29-го дня месяца Лебедя. АРЦИЯ. МУНТ

Серпьент Кулебрин добрался до Мунта позже, чем собирался. Так уж вышло, что по дороге ему попались аж четыре бродячие труппы, причем в одной из них актер, игравший кровавого горбуна, попытался сварить суп из крапивы. Подобное кощунство нельзя было оставлять безнаказанным. Серпьент не успокоился, пока актеришку не побили пьяные возчики. Пусть знает, что есть вещи священные и неприкосновенные! Крапива тебе не какая-нибудь капуста или репа, которые годятся только в похлебку! Товарищам горе-повара тоже досталось. Потом были другие дела, не менее важные, так что в столицу Повелитель Всея Крапивы въехал в фургоне с треском провалившейся в Бэрроте труппы лишь в последний вечер месяца Лебедя.

Хозяин театрика со старательно замазанным синяком на скуле немедля отправился к господину Бриану Перше, не обратив никакого внимания на увязавшуюся за ним бабочку. Брат сочинителя пиес и хозяин королевской труппы жил в уютном двухэтажном домике. Пока дурак с разбитой мордой дергал

дверной колокольчик и препирался со слугой, Крапивник влетел в открытое окно на втором этаже и очутился в комнате, заваленной свитками. За столом у окна сидел худощавый, лысоватый человек и, глядя в стену, грыз перо, а перед ним лежал измаранный лист хаонгской бумаги, стояли чернильница, нетронутый обед и алая роза в высоком кубке темного стекла. Серпьент с трудом сдержал торжествующий вопль – перед ним был бумагомарака, написавший гадости про короля, которого повелитель крапивы взял под свою защиту, и к тому же здесь явно было, где размахнуться.

Для начала обернувшийся гусеницей Крапивник изуродовал розу, хотя на вкус она была просто омерзительна. Когда дело было сделано, затаившийся меж продырявленных лепестков Кулебрин задумался, прислушиваясь к поэтическому бормотанию.

– Жить иль не жить, не знаю я ответа, – бубнил сочинитель. – Не жить или жить, я не могу ответить... Я не могу ответить, жить ли мне...

– Ну, раз не можешь, значит, не живи, – разрешила роза, – не очень-то ты здешний мир украсил.

Арман Перше вздрогнул и оглянулся по сторонам. Никого. Обед совсем остыл. Брат прав, он слишком много работает и слишком много пьет, но что делать, если он и впрямь не украшает этот мир? Увы! Человек слаб и тщеславен. Что стоит правда в сравнении с успехом, с тем, что из безвестного сочинителя он превратился в знаменитого поэта. Вино кончилось – и хорошо. Он больше не станет пить, по крайней мере, с утра. Сейчас он поест, и все пройдет. Это просто роза, она не может разговаривать, тем более стихами, так похожими на его собственные.

Поэт пододвинул себе миску и даже взялся за ложку, но тут его осенило, и Арман с чувством провозгласил:

Жить иль не жить, ответа не найти,
Так, может быть, достойней умереть?

– Сначала врать, мерзавец, прекрати, – перебил цветок. Он и впрямь разговаривал и, более того, был совершенно прав. Арман и сам знал, что сделал подлость. Ну, пусть не сделал, но с ней согласился, что немногим лучше, а красная роза знала про него все и била наотмашь.

– Кто на Тагэре напраслину возвел, – тоном судьи вопрошал цветок, – кто из Тартю спасителя Арции сделал? Кто променял правду на домик с садиком? Не ты, проешь тебя гусеница?!

Арман Перше безумными глазами вперился в собеседницу.

Это, конечно, бред, но как сильно! Заговорившая роза! Красная Роза, Роза Совести... Да, конечно! С принцем будет говорить Роза и только Роза! Именно этого и не хватает его новой трагедии. Призраки, ведьмы, черепа уже были и не раз и всем приелись, но цветок – алый, как невинно пролитая кровь, – заставит зрителей рыдать!

– С принцем будет говорить роза, – вслух произнес Арман Перше.

– Не будет, – осадил расходившегося поэта цветок и завывающим голосом добавил:

– И никто не будет. И принца тебе никакого не будет. И пиес! А ну, повторяй за мной!

Бей меня крапивой, по чему – неважно,
Чтобы я быть перестал шкурою продажной!
Бей меня крапивой по голому заду,
Потому что заслужил, потому что надо!

– Что? – дрогнувшим голосом спросил Арман и, выронив ложку, схватился за перо, собираясь записать пришедшие на ум строки о розе, но рука самочинно вывела: «Бей меня крапивой по голому заду, потому что заслужил, потому что надо!»

– Это – твое проклятие! – наставительно сказала роза. – Пока ты не искупишь свою вину перед Тагэре, ты не напишешь ни строчки!

– Это несправедливо!

– Надо же, – хмыкнул цветок, – о справедливости заговорил. Нетушки. Око за око, а за брехню – крапивой!

– Я умру, если не смогу писать.

– А мне-то что? Плакать не стану.

– Роза не может быть столь жестока!

– Еще как могу! – заверила та. – Кровь Тагэре и кровь детей Филиппа взывают к отмщению.

– Да, да... Невинная кровь, превратившая белые лепестки в алые. Позволь мне написать об этом сонет.

– Мало, – возмутилась роза, – как врать, так пиесами, а как правду говорить, так сонетом отделаться хочешь? Нет уж. За «Кровавого горбуна» с тебя... бум-бум-бум... Две пиесы! Про Тартю со всеми его потрохами и убийствами и про его родичей, гады те еще были. О! Про первого Лумэна накалякай, как он трон захапал, короля убил и с любовницей при живой жене жил! Ну и сонетов с десяток. Не, лучше двенадцать. Вот как напишешь, проклятие с тебя и снимется.

– Как же я напишу про Тартю, если я проклят?

– На правду проклятие не распространяется.

– Это будет трагедия в четырех, нет, в пяти актах! – глаза поэта сверкнули, и он лихорадочно набросал с десяток строк. – Я ее назову «Кровавый бастард»... И там обязательно будет говорящая роза.

– Будет, будет, – качнулась роза.

Послышались шаги, и на пороге возник Бриан. Младший из братьев Перше был явно не в духе. Прямиком подойдя к столу, он взял в руки верхний лист бумаги, и лицо его побагровело.

– Так этой песенкой мы обязаны тебе?! И как я не сообразил... Ты понимаешь, что натворил? Если Ее Иносенсия узнает, нам конец! А это что?! Ты собрался писать пьесу про Александра Тагэре? После того, как нам наконец повезло? Неблагодарный дурак! Да где б ты был без Тартю?!

– Тартю – убийца, – пробормотал поэт.

– Тартю нас кормит! – хозяин труппы был вне себя. – Если ты не в состоянии написать ничего путного, пей свое вино и марай свои вирши и пиески, а я буду их доводить до ума, но чтоб такого больше не было! – Бриан выхватил огненный камень и поджег злосчастный лист. – Ты сейчас напишешь оду королю, все равно какому, имя я вставлю.

– Нет! – прошептал Арман. – Мы прокляты, брат, прокляты красной розой за ложь и клевету. Я позволил тебе использовать мой дар во зло, и пока не искуплю...

– Ах, розой?! – Бриан схватил и не подумавший сопротивляться цветок и вышвырнул за окно, в которое немедленно влетела рыжая бабочка и уселась на занавеску, но братьям Перше было не до насекомых. – Приличные люди пьют до говорящих жеребцов, а мой братец допился до говорящей розы! Ты немедленно забудешь о своих выдумках!

– Выдумках?! Поэзия не терпит подлости!

Это послужило последней каплей. Бриан топал ногами, брызгал слюной, махал перед носом у брата пальцем, его лицо покраснело, словно обданное кипятком. Арман, наоборот, побледнел. Он больше не спорил, только молчал, с тоской глядя на недоступную бумагу. Внезапно младший брат осекся на полуслове и уставился на свои руки. Они на глазах покрывались красными пятнами.

– Ты поднял руку на розу, – выдавил из себя старший, – и она отомстила.

– Никчемный дурак! Это от ягод...

– Нет, Бриан. Это от лжи, – поэт с силой оттолкнул от себя поднос с остывшим завтраком. Тот свалился на пол, но Арман этого даже и не заметил, – я все равно напишу свою трагедию, и

она станет лучшей моей вещью, потому что в ней все будет настоящим! Это будет жизнь, Бриан, наша жизнь, а не выдуманные хаонгские тираны...

– Я тебе запрещаю, – взвился брат, остервенело расчесывая руку, и сам себя перебил:

– А, впрочем, пиши, но НИКОМУ не показывай, слышишь?! А то тебе башку свернут да и мне заодно... Нам пиесу и оду к рождению наследника заказали, вот и займемся. Я – твоим старьем, а ты своими розами, пусть будут. Я, конечно, не верю, что Тагэре вернется, но мало ли...

– Ты не понимаешь, – в голосе старшего неожиданно зазвучала сталь, – я ДОЛЖЕН сказать правду.

– Да кому она нужна, твоя правда?! – руки Бриана Перше чесались все сильнее, что отнюдь не улучшало настроение. – Твое дело сидеть тихо и писать, а куда девать твои опусы, решать мне...

2896 год от В.И. 29-й день месяца Лебедя. ОРГОНДА. КРАКОЛЛЬЕ

Ультиматум был коротким. Командующий первой ифранской армией граф Габан писал командору Краколлье, что ему известно о том, что герцог Мальвани покинул лагерь. Ифранец сообщал, что получил подкрепление в лице десяти тысяч дарнийцев и предлагал сдать Краколлье, полагая дальнейшее сопротивление бессмысленным. Габан был прав, командор Паже это прекрасно понимал. Что ж, свое дело они сделали, и сделали неплохо. Ифранцам и в голову не пришло, что лагерь защищают ополченцы и горстка арцийских рыцарей, а оргондская армия ушла вслед за Аршо-Жуаем. Надо полагать, сигнор маршал был крайне раздосадован, обнаружив Мальвани у Кер-Женевьев. Теперь Краколлье никому не нужен, судьба Летней кампании решается в другом месте. Сезар, прощаясь, просил остающихся сохранять благоразумие, и Паже его сохранит! Зря гибнуть и впрямь глупо, а кое-как обученным ополченцам против дарнийцев не продержаться и дня.

Пока ифранцы думали, что им противостоит большая армия, они соблюдали осторожность. В конце концов, им было велено сковывать Мальвани, пока Жуай прямым маршем движется к Лиарэ. Не вышло, теперь им нужно сорвать злость и предъявить Паучихе хоть какую-то победу. Хоть какую-то... Андре Паже налил себе вина, подошел к висевшему на стене старенькому зеркалу, чокнулся со своим изображением! Вы хотите победу, лапчатые-

перепончатые?[24] Вы ее получите, и вы ее надолго запомните!

Командор Краколлье не спеша допил свое авирское, спросил горячей воды, тщательно побрился, открыл окованный медью сундучок и вытащил платье лейтенанта арцийской гвардии. Если б он не уехал из Мунта, все было бы иначе, но он как мальчишка попался на удочку Гризье! Пока Андре Паже гнал коня к отцовскому замку, Жорес Гризье опоил и разоружил гвардейцев и ввел в Мунт аганнских мерзавцев.

О Гразском разгроме и предательстве Андре узнал в родительском доме, когда безбожно хвастал перед отцом своими успехами. Выслушав гонца от графа Гартажа, старик ничего не сказал сыну, только покачал головой и заказал по погибшим поминальную службу. Стоя в маленьком темном иглеции с тающей свечкой в руке, Паже понял, что отпевают не только погибших рядом с королем, но и его самого. Ночью Андре присоединился к Эжену Гартажу и тем арцийцам, которые решили уйти к Мальвани. Эжен был готов прорываться с боем, но остановить лучшего по обе стороны Табита командира авангарда никто не посмел. Теперь Гартаж – правая рука Сезара, да поможет им обоим святой Эрасти. Паже еще раз пробежал глазами письмо Габана и усмехнулся – есть вещи, которых ифранцам никогда не понять.

Следующие оры командора Краколлье были наполнены суетой и сборами. На раздумье Габан дал полсуток, и Андре выжал из отпущенного времени столько, сколько мог. К ночи все было готово. Готовые к походу защитники лагеря выстроились во внутреннем дворе. Им все было ясно. Здесь они сделали все, что могли, но война только начинается. Паже глянул вверх, где в розовеющем небе развевался флаг с оргондским трилистником, и поднял руку.

– Защитники Краколлье, – Андре никогда не был мастаком говорить, но сегодня знал, что должен сказать, – мы сделали то, что от нас требовалось. Пока Габан торчал под нашими стенами, герцог Мальвани гнался за Аршо-Жуаем. Вчера до лапчатых дошло, что они сторожили свой, скажем так, хвост да еще и подмогу выписали. Десять тысяч дарнийцев! С ними нам не справиться, да мы и не станем!

Господа ополченцы, вы свободны. Благодарю вас от имени монсигнора Мальвани. Как стемнеет, уходите через плавни, об этом проходе ифранские... знать не знают! Что дальше – ваше дело, присяги вы не давали. Хотите – идите по домам, хотите – догоняйте монсигнора или лупите лапчатых, где попало, чем попало и по чему попало! Война только начинается, на ваш век утятины хватит. Хоть жареной, хоть пареной!

Оргондцы! Отныне вами командует лейтенант Лутен. Мой последний приказ – прикрывать ополченцев, пока те не разойдутся, а затем идти на соединение с основной армией.

Арцийцы, наш король мертв. Теперь нам приказывает наша совесть. Каждый решает за себя, что делать и куда идти. А теперь все свободны, и да хранит вас святой Эрасти!

Через две с половиной оры защитники Краколлье потянулись к прорытому еще при Анри Мальвани ходу. Утром они будут далеко. Паже отчего-то был уверен, что никто из уходящих не вложит меч в ножны. Последними лагерь покидали арцийские рыцари. Андре от всего сердца пожелал им дожить до конца войны и до победы, потому что эта война кончится или победой, или смертью последнего, сохранившего верность Тагэре.

– Сигнор, лагерь пуст, – доложил аюдант.

– Хорошо, Реми. Благодарю вас за службу, вы тоже свободны.

– Сигнор, мы направляемся в Лиарэ или к Кер-Женевьев?

– На вашем месте я б отправился в Лиарэ.

– Я поеду с моим сигнором.

– Это невозможно, Реми. Я никуда не еду.

– Мой сигнор!

– Однажды я уехал, тогда как должен был остаться. За все надо платить. Утром Габан увидит сигну с белыми нарциссами. Посмотрим, скольких он положит, прежде чем до нее доберется!

– Я тоже останусь

– Реми, я вам запрещаю!

– Мне может запрещать лишь мой король и моя совесть, – твердо сказал юноша.

Андре Паже махнул рукой и отправился к себе. Когда командор Краколлье уже в плаще лейтенанта арцийской гвардии поверх доспехов вышел из дома, его ждали.

– Сигнор лейтенант, – имя высокого русоволосого парня из Эльты Андре, как назло, запамятовал, – мы догадались, что вы задумали, и вернулись. Одного мы вас не бросим, и не надейтесь! Драться, так драться.

2896 год от В.И. Ночь с 29-го дня месяца Лебедя на 1-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Гран-Гийо была хорошей крепостью, но до Кер-Септима ей было далеко. И стены пониже, и щели между камнями пошире. Рафаэль задумчиво тронул рукой теплый шершавый камень – забраться наверх просто, только вот назад дороги не будет. Крикнуть? Может, все-таки откроют... Окажись тут Серпьент, он

был бы вне себя от гнева, так как его ученику и в голову не пришло прибегнуть к магии, чтобы узнать, есть ли рядом кто живой.

Столкнувшись с бедой, мириец напрочь позабыл все уроки Крапивника – у ворот обреченного замка стоял не маг и даже не рыцарь, а байланте. Не больше, но и не меньше. Байланте, не мудрствуя лукаво, ударил ногой калитку, звук был странно глухим. Рафаэль ударил еще раз и понял, что Эгон замуровал вход изнутри. Значит, надежды и впрямь нет. Кэрна запрокинул голову: небо было совсем черным, но по нему чья-то рука щедро рассыпала ожерелья созвездий. Там, где кончались бриллиантовые россыпи, начиналась стена. Тоже чернота, только без звезд.

Невдалеке заржала лошадь. Алко! Он здесь, еще можно повернуть назад, вряд ли он успел подхватить заразу, можно выждать кварту в поле и вернуться... Куда? В Мирию? В Мунт? «Логуэ це кведа логуэ»[25], – сообщил сам себе Рафаэль Кэрна и всадил первый кинжал в расщелину между гранитными глыбами. Он поднимался спокойно и уверенно, не забывая проверять камни, выбросив из головы мысли о том, что его ждет в Гран-Гийо. Точно так же десять лет назад маркиз Гаэтано лез в Кер-Септим, но тогда он шел за победой, а сейчас за смертью. Ну и пусть! Шарло и Катрин он не бросит... И Яфе с Эгоном тоже.

Путь наверх оказался короче, чем думалось. Рито последний раз подтянулся, ухватился за край стены и уселся, привалившись к нагретому за день зубцу. Днем с этого места было видно всех, кто подъезжает к замку, сейчас внизу царствовала непроглядная темень, и лишь вода во рву серебрилась, отражая сияние звезд. Рафаэль сидел долго, может, ору, а может, и две. Было очень тихо, не перекликались караульщики, не лаяли собаки, не звонил, отсчитывая время, сигнальный колокол. Отчетливо пахло сгоревшей смолой и чем-то еще – острым и терпким. Надо было идти и кого-то или чего-то искать.

В темноте Рито видел хуже кошки, но лучше большинства людей, опасность свалиться ему не грозила. Байланте встал и двинулся вдоль стены, намереваясь спуститься по первой же лестнице, но лестниц не было. Эгон не хотел рисковать – вдруг кто-то, обезумев, бросится со стены и отравит своим телом воду в реке. Верхние двери в башнях тоже замуровали. Кэрна шел быстро, ощущая себя то ли призраком, то ли котом. У высокого дерева, росшего невдалеке от восточной стены, он остановился. Дерево барон не тронул – вряд ли кто-то мог подняться по нему на такую высоту и тем паче перескочить оттуда на стену, разве что с помощью веревки, но об этом Эгон не подумал, равно как и

о том, что кто-то полезет в зачумленный замок.

Мириец прикинул расстояние, разбежался и прыгнул. Тополь не подвел, ветка выдержала, и вскоре Кэрна стоял во внутреннем дворе. Он не знал, что его ждет в зачумленной крепости, старые сказки были всего лишь старыми сказками. Больше всего о мышиной чуме знали атэвы, жаль, но ему и в голову не пришло расспросить Яфе, кто же мог подумать, что проклятая зараза вернется на арцийскую землю, что она придет в Гран-Гийо?!

Окажись на месте Рито другой, он не преминул бы вообразить чудовищные картины, но Кэрна помнил первый закон байлы: если хочешь победить, освободи голову и сердце от лишнего груза. А что может быть тяжелее страха и сомнений? Рафаэль проверил кинжалы, потрепал по стволу выручивший его тополь, словно тот был лошадью или собакой, и пошел вперед мимо распахнутых дверей конюшен. Пусто! Значит, Эгон сделал то, что собирался сделать и он – отпустил коней. Отпустил, прежде чем замуровать ворота и окна башен и сломать ведущие на стены лестницы. Неужели барон мертв? Хватит, Рито! Во время байлы думают лишь покойники... Вернее, те, кто ими вот-вот станет.

Кэрна прошел под низкой аркой, отделявшей конюшенный двор от оружейного. Здесь полыхали два немалых костра, а рядом высилось несколько поленниц, стояли бочки со смолой и какие-то чаны. И снова никого, но дверь в казарму открыта и занавешена мокрой дерюгой. Значит, кто-то жив, кто-то, зажегший костер и намочивший тряпку, чтоб защитить дверь от искр. И никаких следов паники, никаких разбитых винных погребов и трупов, валяющихся вперемешку с пьяными, как рассказывают легенды. Странно, что у костров нет часовых... Рафаэль немного постоял у открытой двери, но оттуда никто не появлялся. Охваченное огнем толстенное полено, больше похожее на бревно, треснуло и осело, к небу рванулся сноп искр, навстречу ему покатилась звезда, потом другая, третья.

Звезды сыпались сплошным дождем, налетевший порыв ветра взъерошил огненные вихри, подхватил и закружил пепел, дохнув в лицо нестерпимым жаром. Рафаэль стиснул рукоятку подаренного Сезаром Мальвани кинжала. Это было глупо – сталь против чумы, огня и ночи, но она придавала уверенности хотя бы в том, что он жив, он здесь и все происходит на самом деле, а не во сне. Очень давно в Кер-Эрасти Рито видел подобное – пустой замок, костры, искры, летящие навстречу осыпавшимся с неба звездам, иссушающий жар и горящее сердце на протянутой ладони...

Тогда он умирал от хаонгской лихорадки. Его спас Лючо,

вырвавший герцогского сына из лап медикусов и пустивший в ход единственное средство – горчичных скорпионов, чей яд убивал здоровых, но иногда спасал больных. Когда наследник пришел в себя, он увидел у своего изголовья старого байланте и, кажется, спросил, где огонь.

– Огонь в тебе, – ответил Лючо, – и будет гореть долго.

– Ты научишь меня байле, – потребовал он.

– А что мне остается...

С тех пор прошло двадцать лет... Нет, двадцать три! Лючо давно мертв, а то, что Рафаэль видит, не горячечный бред, а истина, столь же смертоносная, как армская сталь. Но где же все, Проклятый их побери?! Кэрна не стал отдергивать мокрую и тяжелую занавеску, отчего-то показавшуюся отвратительной, и пошел вдоль дома, ощущая спиной жар костра. Вот и покои баронов Гран-Гийо – приземистые, прочные, сложенные из могучих каменных глыб, он так и не удосужился узнать, сколько им лет, но уж никак не меньше шести или семи сотен. Дверь была запертой, а окна темными, но это ничего не значило. Палач стоит в зените, значит, третья ора пополуночи. Живые спят, а мертвым... А мертвым свет не нужен!

Рафаэль стоял у двери, думая, идти ли ему дальше или взломать одно из окон второго этажа, когда услышал крик. Катрин! Жива!

Крик повторился, он даже различил слово «нет» и что-то еще, кажется, «убирайся!» Кати жива, но с ней что-то не так... Окна племянницы выходили на восток, и они были темными, а крик, крик донесся с южной стены, оттуда, где раньше была спальня Клотильды. Рито кинулся за угол. Так и есть! Окно на третьем этаже открыто и светится даже сквозь спущенные занавеси. Тоже мокрые, Проклятый их побери... Если б у Рафаэля Кэрны выросли крылья, и то он вряд ли б быстрее оказался на вожделенном подоконнике. Мокрая, пахнущая какой-то дрянью ткань облепила лицо и руки, и мириец с остервенением рванул ее. Что-то хрустнуло, видимо, не выдержала планка, к которой крепились портьеры. Рито швырнул мокрый тяжелый ком вниз и сиганул в комнату.

Свет полыхавшего, несмотря на жару, камина и нескольких свечей падал на растрепанную Кати, заслонившую собой кровать со спущенным пологом. Такой племянницу Рито еще не видел. Котенок при виде опасности изгибается дугой и топорщит шерсть, становясь больше чуть ли не вдвое. Кати тоже словно бы выросла. Отчаянной ярости, бившейся в ее глазах, хватило б на пяток взрослых воинов, в руках девчонка сжимала что-то похожее на хлыст, а перед ней замер кто-то массивный и широкоплечий.

Выяснять, чего он хочет, Рито не стал. Кинжал свистнул и воткнулся в спину чужаку.

Кэрна еще ни разу в своей жизни не промахнулся, но здоровяк даже не покачнулся. Он повернулся медленно, словно исполняя церемониальный ифранский танец, и Рито столкнулся взглядом с... Жоффруа Тагэре! Вот так и сходят с ума! Жоффруа мертв уже восемь лет, он не мог оказаться в спальне Клотильды Гран-Гийо, но оказался. И армская сталь не причинила ему никакого вреда. Маркиз Гаэтано и герцог Ларэн смотрели друг на друга, похоже, братец Сандера отнюдь не был обрадован. Кати вновь закричала громко и отчаянно. Она хотела, нет, требовала, чтобы Рито бежал.

Бежать от этой дряни?!

– Рито! – похоже, девочка сорвала голос. – Уходи! Он – чума! Чума!

– Да хоть холера, – прорычал байланте, – Нейора байла ес байла гон морта[26]. Это ты уходи!

– Нет, – выдохнула племяшка. В отца пошла... Жоффруа стоял, набычившись, как всегда, когда злился, но был недостаточно пьян, чтобы полностью потерять страх. Он и впрямь его боится, выходит, старая опаска пережила даже смерть? Стоит и смотрит, ноздри раздуваются, а шея и лицо остаются бледными. Раньше Ларэн, когда был в ярости, походил на взбесившийся доматтин[27]. Как же эта тварь вернулась?! И зачем?

– Рито, ты ничего не сможешь...

– Ничего?! Ну, это еще вопрос...

Кто-то застонал... Не Катрин, на кровати... Конечно же, девчонка кого-то защищала, кого-то, за кем пришла эта падаль! А нож ему нипочем! Какая жарища, а они еще камин разожгли... Как тогда у Рено...

Глаза Ларэна нехорошо блеснули, он хотел что-то сказать, но с толстых губ сорвался лишь визг, в котором не было ничего человеческого. Так визжит стекло, когда по нему проводят железом... Улыбнулся, если это можно назвать улыбкой. Да он словно бы хмелеет на глазах, хмелеет без вина... Рито стоял вполоборота. Совершенно спокойно, заведя одну руку за спину. Спасший их Капитан тоже вернулся из-за Грани, он рассказал об этом. Скиталец был сильнее и смелее любого из людей, но он и в жизни был первым. А Жоффруа? Что подарила смерть ему? Быстроту? Ловкость? Неуязвимость? Или яд? Сейчас ты все узнаешь, Рито Кэрна. Ты привык танцевать со смертью, вот и танцуй! Пляши до упаду!

Жоффруа двинулся вперед, Рито остался на месте. Еще шаг, и еще. Между ними опрокинутый пуфик для ног. Перепрыгнет?

Споткнется? Обойдет?

Наступил… Как на гриб. Как медленно он приближается, и эта улыбка… Проклятый! Неужели он и раньше так ухмылялся? Тогда Филипп был прав… Прав… Кэрна увернулся и отпрыгнул, когда белая, ничем не защищенная рука была на расстоянии ширины клинка.

– Что ты тут делаешь, Жоффруа Тагэре? Уходи! – старый Лючо говорил, что прогнать призрак можно, назвав его по имени, которое он когда-то носил. Если, конечно, Жоффруа стал призраком…

– Кому говорят, Жоффруа! – повторил Рафаэль, отступая к стене, у которой приткнулся комод, на крышке которого стоял великолепный тяжелый подсвечник. – Ты меня знаешь, я шутить не стану!

Брат Александра, похоже, расслышал, так как ухмылка на творожистой физиономии стала еще шире. Жоффруа остановился, как-то неловко вывернув ногу, а затем все так же неторопливо повернулся к своему врагу.

– Неймется? Ты и раньше не понимал, когда с тобой обращались по-человечески…

Подсвечник угодил в висок, такой удар свалил бы и быка, но Ларрэн лишь пошатнулся, как пошатнулся бы шкаф, в который со всей силы залепили железякой. Не показалось ни капли крови, да что там кровь! На отвратной башке ни осталось даже следа, а будь Ларрэн ожившим мертвецом, которым в Дарнии детей пугают, его череп лопнул бы, как гнилое яйцо, другое дело, что мертвяка такая неприятность не остановила бы. Покойный Штефан говорил, что на них действует Знак и молитва…

– Кати, – Рито еще раз увернулся, и между ним и Ларрэном оказался пресловутый комод, – ты должна помнить… молитвы… Попробуй!

– Какие? – пискнула племянница.

– Проклятый, да любые!

– Я… я уже бросила в него настенным Знаком… Не помогло!

– Я так и думал, что молиться без толку, – Кэрна продолжал безумный танец, всякий раз упреждая Ларрэна на волосок. Кати все же собралась с мыслями и громко и отчетливо бубнила все известные ей молитвы, до которых не было дела ни Жоффруа, ни святым, не говоря уж о Триедином. Клирики болтают, что детская молитва особенно угодна Калватору… Может, и угодна, только он занят. Он всегда занят, когда приходит беда. Но что же это за напасть такая, которую ни Сталью, ни Посохом не проймешь?! Чем же тебя прикончить, Проклятый тебя побери?! Золотом? Серебром? Осколками от зеркала? Вряд ли, но где наша ни

пропадала…

– Кати, кончай с молитвами. Разыщи что-то серебряное, лучше острое и тяжелое. И золотое…

Прыжок через стол, затем на подоконник… А ведь, пожалуй, Жоффруа его не догонит… Не догонит и не хочет догонять! Ему НУЖНО, чтобы он ушел, так же, как и пришел… Уже хорошо! И даже замечательно, отпускают, когда боятся. Или, по крайней мере, не уверены в своих силах. А Катрин – молодец, в такой свалке раскопала нож для фруктов, надо полагать, чистое серебро, и какие-то булавки…

Для байланте не штука перемахнуть с подоконника на опрокинутый стол, выхватить у племянницы «оружие», оказаться за спиной у неспешной, бледнокожей гадины и садануть ее сначала серебром, а потом и золотом! Другое дело, что без толку, а вот сам Рито едва увернулся от толстых пальцев с обломанными ногтями. Следующей неудачей оказалось зеркало. Мириец разбил его одним ударом, но, пытаясь подхватить осколок побольше и одновременно увернуться от не знавшего устали противника, задел об острый край. Порез был ерундовым, но враг байланте не должен видеть его крови! Рито остановился. Ларрэн тоже. Неужели он все-таки нашел и тварь боится осколков? Кэрна бросился вперед, удар был точен, но Жоффруа не отпрянул с располосованной щекой, как обычный человек, и не истаял на месте, как чудище из сказки.

Отбросив бесполезные осколки, Рафаэль вновь отступил к окну, а Жоффруа вновь остановился. Если б эта тварь полезла за ним, он бы столкнул ее вниз на плиты двора, но Ларрэн не собирался нападать. Более того, на сей раз он остановился подальше, ненамного, всего на шаг, но подальше. И улыбки на физиономии больше не было…

Стало тихо. Кати смотрела на них широко открытыми глазами, ее ноги топтали драгоценности и зеркальные осколки. Вновь послышался стон. Там, за пологом кровати, кто-то умирал, кто-то, кого защищала Катрин. В отблесках потухающего камина девочка, может быть, впервые в жизни, напомнила Дариоло. Та так же смотрела в ночь санданги, когда они прыгали через огонь… Ну, если и это не поможет!

– Катрин, Вьего! Да ра Огуэра! Таде бриза![28] – Понимает ли эта тварь по-мирийски? Хотя чего тут понимать…

Катрин сорвалась с места. Первой в топку отправился толстенный том, надо полагать, Книга Книг, дальше Рито не смотрел. Спрыгнув с подоконника, он ринулся вперед. Жоффруа двинулся наперерез, явно намереваясь зайти слева. Годится! Это не береника[29], но похоже. Так… Шаг вперед, два в сторону,

полшага назад… От смерти тяжелеют или нет? Внешне кабан кабаном… Пожалуй, нужно ближе… Еще ближе.

– Катрин, в простенок! Живо! – Ну, Рито Кэрна, вот она твоя красная ставка![30] Проклятый порез, сколько крови, ну да Проклятый с ним! Броситься вперед, схватить Жоффруа за оба предплечья и, подминая под себя, опрокинуть в пылающий камин… Безумие? Но безумием была вся жизнь маркиза Гаэтано. Умные поступки ему редко удавались, умные поступки это для умных – для Сандера, Луи, Штефана Игельберга…

Левую руку пронзила чудовищная боль – не ожог и не рана, а что-то куда более страшное, пальцы разжались сами собой, выпуская добычу, но правая, хоть и раненая, оказалась сильнее. Ларрэн вырваться не сумел, оба – байланте и Вернувшийся рухнули в разгоревшийся огонь. Жара Рито не почувствовал, напротив, зимней ночью в эскотских горах и то ему не было так холодно, но главным было другое – ненавистное лицо стало таять, оплывать, словно было слеплено из снега. Ларрэн извивался, как огромный сом, в лицо Рафаэлю пахнуло зловонной сыростью, мириец едва не разжал рук, но не разжал. Вокруг плясали какие-то отблески – рыжие, алые, золотые, что-то гудело и звенело, раздался испуганный крик. Кати!

– Катрин, – масла сюда! Живо! Масла из лампады…

Услышала! И поняла! Умница! Эта тварь горит, нет, не горит, а тает… Рыжая огненная грива взметнулась, багровым оком глянула раскаленная Тьма… Черное, жаркое копыто расплющило ненавистное лицо. Тело Жоффруа оседало под руками Рафаэля, растекалось слизью… Наконец-то! Тварь исчезла, заледеневшие руки мирийца сжимали черные угли, по которым еще пробегали алые сполохи.

2896 год от В.И. Ночь с 29-го дня месяца Лебедя на 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Вот и пришли. Битва будет именно здесь, нравится это маршалу Аршо-Жуаю и герцогу Мальвани или нет. Поросячий Брод – не единственное место, где можно перейти Ньер, но лишь тут нападающие рискуют немногим больше, чем обороняющиеся. Жуай и хотел бы поверить, что на детях великих природа отдыхает, но сын Анри Мальвани родился тигром, а не помойной кошкой. Конечно, непобедимых нет и судьба Александра Тагэре тому пример, но голову волку свернули интриганы и клирики, а охотиться за тигром отправили военных.

В начале кампании Ипполит не сомневался в успехе, но

прогулка вдоль реки изрядно охладила пыл его воинов, а неудача у Кер-Женевьев и проклятые конники в тылу подорвали в войсках и уверенность в победе, и доверие к командующему. Жоселин тоже недовольна. Еще бы, пришлось раскошелиться на целую армию, дарнийцы с Фобаном наверняка возьмут ставший ненужным лагерь, а потом куда? К той же Кер-Женевьев! Нужно их опередить, иначе с жезлом[31] придется расстаться...

Ипполит Аршо-Жуай спрыгнул с коня и подошел к самой воде, на мокром песке четко отпечатались следы маршальских сапог. Завтра – бой, то есть уже сегодня. На том берегу оргондцы, которые не хотят становиться ифранцами, и арцийцы, готовые на все, лишь бы отплатить за Гразу, а командует ими сын маршала Мальвани и друг горбуна. Сезар ищет сражения, но головы он не потерял. Более того, за всю кампанию герцог не допустил ни единой ошибки. Оргондская армия подошла к Поросячьему броду одновременно с ифранской, но это ничего не значит, Мальвани, несомненно, озаботился послать кого-то вперед. То, что берег укреплен, очевидно, но это явно не все... Герцог задумал какую-то каверзу, а то и несколько, нужно заставить его раскрыть карты, но как?

Ифранский полководец раздраженно вгляделся в темноту. Лучше Поросячьего брода места для переправы не найти, но и у него есть два изъяна. Во-первых, заболоченная речонка, через которую перебраться труднее, чем через сам Ньер, и, во-вторых, – холм. Сама по себе горка ерундовая, пологая, за нее не закрепишься, но за ней можно скрыть резерв. Сам бы он поставил там тяжелую кавалерию и ударил бы с фланга по переправившимся. Никогда нельзя считать противника глупее себя, особенно если он носит фамилию Мальвани...

Ифранец изо всей силы наподдал ногой ни в чем не повинной снулой рыбине, и так выброшенной на берег. Та, как смогла, отомстила: в нос шибанула отвратительная вонь, что отнюдь не улучшило настроения и вызвало в памяти образ почившего Паука. Маршал отпрянул от дохлятины и старательно вытер сапог о траву. Нет, не зная брода, он в воду не сунется. Если единственный способ проверить, что задумал противник, пожертвовать частью армии, он сделает это, благо саррижские разгильдяи ведут себя из рук вон плохо. Вот их он и пошлет. И нечего откладывать, пускай прямо сейчас и отправляются. Аршо-Жуай подозвал аюданта и продиктовал приказ. Саррижские полки должны перебраться через Ньер ниже брода. На чем – их забота, у реки должны найтись лодки и плоты, а нет – на пригорке село, пусть хоть ворота с петель снимают, но чтоб через три оры были готовы.

Разумеется, их отобьют, но зато он узнает, успели ли оргондцы укрепить берег и как именно.

2896 год от В.И. Ночь на 1-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

– Ты – дурак, – строго сказал Серпьент Кулебрин, – причем безнадежный. Говорил же я тебе…

– На изломе эпох случайностей не бывает, – покачал седой головой Аларик.

– Называй меня Сандер, – попросил герцог Эстре.

– Рито, какой же ты добрый…

Даро?! Малявка? Она же мертва… Умерла недавно, совсем взрослой. Проклятый, куда это его опять занесло?

– Рито, Рито…

Пепел… Почему здесь так много пепла? Камни и пепел, как на Берегу Злобы, где горы дышат огнем… Берег Злобы… А за проливом Берег Бивней, куда он так и не попал.

– Рито!

Маркиз Гаэтано приподнялся, взметнув облачко пепла. Однажды его здорово помял бык, но и тогда он чувствовал себя лучше. Проклятый, что же с ним случилось? Катрин? Ах да, он же в Гран-Гийо, и здесь чума.

– Кати, тут и правда был Жоффруа или мне показалось?

– Жоффруа? Никакого Жоффруа здесь не было. Здесь была чума, но ты ее сжег. В камине. А я тебе помогла.

– Ну, значит, чума и была Жоффруа или Жоффруа чумой. А где все? Погоди, глоток воды у тебя найдется?

– Нет… Мы не пьем воду, только вино и еще чернолист завариваем, но их надо пить сразу.

– Тогда дай вина, – Кэрна привалился к камину и оглядел разгромленную комнату. Ночь еще не кончилась, значит, он был без сознания не так уж и долго.

– А оно вылилось…

– Я долго тут валялся? – Рито с тоской взглянул на красную лужицу авирского в углу.

– Совсем не валялся. Я только тебя позвала, и ты встал.

– А где все? Хотя я уже спрашивал… Но ты все равно не ответила.

– Шарло и Эгон с больными… И Николай там же. Они нам запретили туда ходить, а в доме мы одни. С Ильдой. Она тоже больная, а этот… за ней пришел. Я закричала…

– Чем ты с ним воевать собралась?

– Поясом. У него пряжка тяжелая... Тут ничего другого не было, а Ильда больная. Мы тоже заболеем и умрем.

– Прекрати... Эту тварь кто-то, кроме тебя, видел?

– Не знаю...

– Но почему Жоффруа? – Рито поднес к глазам руки. – Я и впрямь в огонь полез?

– Да. Ты еще мне крикнул, чтоб я масло туда...

– Надо же, какой я умный... Тогда почему со мной все в порядке? Или нет?

– В порядке, – подтвердила Катрин, – только ты весь в золе.

– Золу я переживу, – мириец подошел к свече, протянул руку и сразу же отдернул, – жжется!.. Огонь как огонь. Ничего не понимаю, – Кэрна осмотрел свои руки, неимоверно грязные, но целые. – Я еще об осколок порезался, куда все делось? Ни царапины, ни ожогов... Кати, глянь, как Клотильда.

Клотильда была плоха. Очень белые лицо и шея были испещрены малиновыми пятнами, словно бы присыпанными пудрой, губы потрескались.

– Когда? – вопрос был задан глупо, но Катрин поняла.

– Позавчера... Она умрет послезавтра вечером.

– Ты знаешь и это?

– Знаю. Нам Яго рассказал. Он атэв, а не мириец... От мышиной чумы умирают на пятый или на шестой день, а самые заразные в первый день и в последний, когда язвы потемнеют и из них потечет гной. – Кати помолчала и добавила:

– Я заболею завтра, а умру через кварту, а ты... Если ты не уйдешь, то заразишься от меня, так что уходи... Сейчас я еще не больная, а от Тильды ты не заразишься, если не будешь ее трогать. Она уже не кашляет, а гноя пока нет...

– Проклятый, какая ерунда! – Рито молча смотрел на больную. – Ты за ней все время ухаживаешь?

– Конечно. Она же нас спасала...

– Катрин, откуда пришел Жоффруа?

– Не знаю... Отовсюду. Он же чума... Ты его совсем сжег?

– Вряд ли, – Кэрна оглядел разгромленную комнату в тщетной надежде отыскать что-то выпить. – Но прогнал, это точно. Хорошо бы чумой и впрямь был Жоффруа Ларрэн.

– Почему?

– Потому что раньше он был трусом и дураком. Трус может расхрабриться от безнаказанности, но, если получит по шее, очень быстро вспомнит, кто он такой... Если Ларрэн меня узнал, он не вернется.

– Значит, мы не умрем?

– Проклятый его знает, – Кэрна наморщил лоб, пытаясь

вспомнить уроки Крапивника, – если убить колдуна, иногда кончается и колдовство... Если прикончить воина, он больше никого не убьет, но тех, кого он уже убил или ранил, это не поднимет. Да и не мог я совсем убить такую тварь. Кто он, а кто я... Кстати, почему ты кричала?

– Чтобы не было страшно. Он не должен был забирать Ильду раньше времени. И меня тоже... Рито, что теперь будет?

– А я откуда знаю? Ты побудь с Ильдой, а я пойду Эгона поищу. Или знаешь что... Нельзя ее в таком тарараме оставлять. Твоя комната в порядке?

– Да! Что ты делаешь?!

– Глупости, Кати. Разумеется, я делаю глупости... – Кэрна поудобнее подхватил бесчувственную женщину, – открой дверь, пожалуйста.

2896 год от В.И. Утро 1-го дня месяца Дракона. АРЦИЯ. МУНТ

Оставив позади разгорающуюся ссору, Серпьент Кулебрин отправился на новые подвиги. В глубине души Крапивник чувствовал, что был не прав, гоняясь за театерами и оставив без присмотра дурачка Рафаэля и прочих обитателей Гран-Гийо. Да и толку-то от этих актеришек! Нужно было сразу шуровать в столицу, ведь поганый король и авторы подлой пиесы обитают именно здесь. Задним числом Серпьент понял, что, пока он занимался мелюзгой, настоящая добыча сидела в Мунте и даже не думала чесаться. Да, он сглупил, но он наверстает!

Поэт и его братец не скоро помирятся, а думать о чем-то, кроме зуда во всяких разных местах, Бриан не сможет до осени, но Крапивнику этого было мало. Во время своих театральных похождений Кулебрин выучил «Кровавого горбуна» чуть ли не наизусть и пришел к выводу, что все, кого писаки выставили хорошими, – негодяи, предатели и мерзавцы, проешь их три гусеницы в четыре стороны! Серпьент твердо вознамерился восстановить справедливость хотя бы в части чесания. Это не дело, что всяким Рогге да Клавдиям жизнь кажется цветочками. Никаких цветочков! Крапива и только крапива!

Повелитель великого растения и всего сопредельного не сомневался, что за парочку кварт доберется до всех. Вот смеху-то будет! Пристроившись на кусте каких-то придурочных роз, Серпьент сосредоточенно прикидывал план кампании. Главным было решить, с кого начинать. Очень хотелось немедля взяться за Пьера, но набравшийся театральной премудрости Крапивник знал, что преступных королей положено убивать в конце пиесы,

чтобы те видели, как кара раз за разом настигает их сообщников, и трепетали в ожидании возмездия. Крапивник вздохнул и решил начать с кардинала Клавдия и даже не глядеть в сторону дворца, но потом его осенило. Негодяю может явиться призрак и сообщить, что грядет расплата, тогда он начнет дрожать немедленно! Серпьент был не слишком высокого мнения об уме Рафаэля, но в том, что мириец говорил, не сомневался, а говорил он, что Пьер Тартю – трус. А трусы, проешь их гусеница, для того и созданы, чтоб их пугать. Решено, он сейчас же напугает короля, а потом возьмется за Клавдия!

Серпьент покинул свое пристанище, с неприязнью оглядел ухоженный садик, засаженный совершенно бесполезными растениями, не удержался и вырастил прямо напротив ворот преотличнейший крапивный куст, а в розы запустил сотню волосатых гусениц. Сразу стало легко и приятно, Кулебрин преодолел сильнейшее искушение дождаться, пока обитатели особнячка проснутся и увидят его работу, и полетел во дворец, по дороге сочиняя пугательный монолог. Простые песенки тут не годились, уважающие себя призраки не поют, а несут заумную чепуху. Нужно долго трепаться о загробном мире, намекать на всякие глупости, и только потом можно браться за предсказания.

Я – дух, я – твой издохший дед,
Который должен по ночам шататься,
А днем сидеть в крапиве без штанов, -
Вдохновенно сочинял Крапивник, -
Пока мои поганые делишки
На этом свете вовсе не протухнут
И гусеницы их не проедят.
Когда б ни тайна, я б такую пакость
Тебе поведал, что тебя б стошнило,
Как будто ты за ужином объелся
Свое перележавшей ветчины.

Начало получилось не хуже, чем у Армана Перше, только вот у призраков не могло быть штанов. Строчку было жалко, но Серпьент решил не уподобляться некоторым и не жертвовать правдой во имя поэзии.

А днем сидеть в крапиве голым задом – тоже не то... О! А днем в крапиве пламенной сидеть!!! Крапивник в восторге от себя и найденного образа взмыл над просыпающейся улочкой, глянул сверху вниз на копошащихся на земле смертных и увидел... Рафаэля! Проешь его гусеница, что этот оболтус здесь делает?!

Возмущение утонуло в запоздалом раскаянии. Разумеется,

Кэрна ищет его, Серпьента. С байланте станется вообразить, что с ним, великим и бессмертным, что-то случилось, и броситься на выручку. Ладно уж, раз заявился, пусть остается, посмотрит на возмездие. Крапивник, трепеща рыжими крылышками, запорхал к приятелю и шмякнулся ему на плечо со словами:

– Ты чего здесь делаешь, горе мое?

Сильная, очень сильная рука накрыла разговорчивую бабочку, и чужой голос тихо произнес:

– Рене, кажется, нам повезло.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Вчерашний закат не солгал – утро было ветреным и недобрым. Ильда спала, Кати тоже заснула, едва он уложил ее на брошенные на пол подушки и сел рядом, взяв за руку. Рито смотрел, как по желтому от зари небу наперегонки мчатся клочковатые облака, он так устал, что не мог ни спать, ни думать, ни действовать, только сидеть и смотреть в окно. Катрин что-то пробормотала, повернулась, но руку не выпустила, наоборот, прижалась к ней щекой. Клотильда застонала и попросила воды, Рафаэль осторожно высвободился из цепких пальчиков племянницы и поднялся, с трудом сдержав стон – Жоффруа, или как его там, все же здорово его отделал. Клотильда позвала еще раз, Рито оглядел ночной столик, воды не нашел, но вино, которым его поила Катрин, стояло на видном месте, и мириец плеснул в стакан темно-красную, пахнущую югом жидкость.

Женщина была в сознании и сразу его узнала.

– Ты с ума сошел, – она говорила очень тихо, но внятно, – зачем ты вернулся?

– Захотел и вернулся, – Рафаэль приподнял Клотильду, приобняв за плечи, – где тут у вас вода, я не знаю. Это вино, авирское, насколько я понимаю, но сносное.

– А где...

– Все живы, – жизнерадостно соврал Рафаэль, – они внизу, а Катрин спит.

– Ты не должен меня трогать, – печально проговорила баронесса.

– Если б я делал только то, что должен, я бы по сей день торчал в Мирии. – Кэрна опустил больную на подушки и поставил кубок на стол. – Пока вы тут спали, мы с Катрин с чумой воевали. По-моему, я его отсюда выставил.

– "Его"? – изъязвленные губы недоверчиво дрогнули.

– Эта тварь вообразила себя герцогом Ларрэном и так вошла

в роль, что пришлось швырнуть ее в камин, – объяснил Кэрна, – так что никакой чумы в Гран-Гийо больше нет. А раз нет чумы, я имею полное право обнимать женщин, тем более Эгон нас не видит.

Клотильда не выдержала и улыбнулась.

– Ты неисправим.

– Арде! Первый раз я сей приговор услышал от своей матушки, и было мне от роду года четыре. Сигнора, вам больше ничего не нужно? А то я хочу спуститься вниз.

– Ничего, – Клотильда посмотрела на свои руки, – странно, я думала, уже...

– Уже?

– Язвам уже пора открыться.

– Глупости, – сверкнул глазами Кэрна, – никаких язв! Жоффруа убрался, так что извольте пойти на поправку. До встречи, сигнора, я скоро вернусь.

Ильда молча кивнула, Рито, совершив еще одну глупость, поцеловал женщину в лоб, допил вино и вышел.

Уже совсем рассвело, ветер немилосердно трепал тополя, но Кэрну от него защищал каменный выступ. Мириец немного достоял, держась рукой за тяжелую бронзовую ручку. Все казалось каким-то бредом – хижина в болоте, неожиданное решение вернуться, дура, попросившая сделать ее женщиной, бешеная скачка, вырастающий из заката черный замок, ночная схватка, пустой двор, по которому ветер кружит золу и до срока опавшие листья... Хотелось упасть прямо здесь, на крыльце, и закрыть глаза, в которые словно бросили горсть горячего пепла, но надо было идти, искать Эгона, Шарло, Яфе с Николаем, всех остальных.

Рафаэль отпустил дверь и вышел из укрытия, ветер немедленно швырнул ему в лицо пригоршню какого-то сора, но это было правильно. Ветер в лицо на стороне тех, кто не сдается. Рито пересек двор, завернул за угол и столкнулся с человеком, закутанным в черное. Этого еще не хватало! Еще одна чума? Керна сделал шаг назад, рука сама собой метнулась к кинжалам.

– Во имя Баадука! – «черный» тоже отступил назад.

– Во имя Проклятого! Яфе!

– Я и впрямь вижу сына твоего отца? – атэв наклонил голову, но отступил еще на шаг. – Радость нашей встречи омрачена...

– Да знаю я, чума и все такое прочее. Мне Катрин рассказала.

– Мы просим сильных, чтобы они прикрыли слабых. Ты был в доме нашего хозяина, он еще чист?

– Не так, чтобы... Яфе, что на тебе за тряпки? Так надо? Ты здоров?

– Баадуку угодно, чтобы я проводил к Его Мосту многих и многих. Обычай моего народа требует скрывать свое горе под черным плащом. Милосердный судит приходящих к нему по их последним мыслям и читает о них в сердцах тех, кто остался. Те, кто жил в этой крепости, достойны любви сребровласых девственниц и покорности облачных коней.

– Кто уже умер? – тихо спросил мириец.

– Из тех, о ком сильнее всех болит твое сердце, никто. С тех пор как мы ушли к больным, мы боялись смотреть на дом, в котором оставили женщин, но сын Эссандера жив. Жив и мой удрученный жестокостью своего бога спутник, но Баадуку вновь потребовались лучшие из лучших. Он счел уместным призвать к себе хозяина крепости.

– Эгон?!

– День и две ночи назад он не смог подняться. Воля Эгона сильнее девяти пар быков, но тело его во власти чумы. Юный Шарлах стал настоящим господином. Когда пришла беда, хозяин хотел его увезти, но сын дея сказал, что Тагэре решают сами, когда уйти и с кем остаться.

– Сандер бы им гордился…

– Сердце Шарлаха – лучшая награда породившему его. Но как ты вернулся и нашел ли ты то, что искал, и где тот, кто называет себя деем жгучей травы и поедающих ее червяков?

– Скорее я нашел то, чего НЕ искал. Теперь мы точно знаем, что Александр жив, свободен и в безопасности. Серпьент нас найдет, когда будет нужно, а сейчас он идет по следам тех, кто пытался навести на Север отвратительные чары.

– Вы нашли спустившего с шести цепей шелудивого Садана, рассыпающего чуму?

– Нет, я о другом, хотя… Как я об этом не подумал! Это не простая чума, Яфе!

– В год Беды все исполнено смысла, – согласился атэв, – но что сестра юного Шарлаха и жена нашего хозяина?

– Катрин здорова. Клотильда больна, но ей лучше, чем можно надеяться.

– Старый Абуна писал, что один из сотни здоровых не подвластен заразе, и два из сотни больных возвращаются с Порога. Да будет Баадук милостив к Эгону и благородной Лоттил. Но что ты будешь делать?

– А что сейчас делал ты?

– Я отдал огню тех, кто ушел ночью, и шел к тем, кому я нужен днем.

– Надеюсь, я тоже пригожусь. Проклятый, я должен увидеть Шарло и сказать ему про отца!

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Ифранцы попробовали переправиться ниже брода, это было откровенно глупо, но все глупости делятся на две части. Бескорыстные и преследующие какую-то цель. Аршо-Жуай был далеко не прост, и полторы тысячи вояк на жалких деревяшках, полезшие в воду ниже широкой и удобной переправы, могли означать лишь одно – Ипполит боится, или, вернее, опасается. Маршалу нужно знать, что его ждет, когда он влезет в дело всерьез, вот он и играет в поддавки.

Разумеется, бедолаг, плывущих чуть ли не на садовых калитках, к берегу не пропустили ближе, чем на арбалетный выстрел. Сезар был прав, дав в помощь каждому арбалетчику дюжего ополченца, который таскал и устанавливал щит с прорезями для стрельбы и перезаряжал во время боя арбалеты. Вчерашние крестьяне быстро освоили эту нехитрую науку, что и доказали в первом же бою.

Впрочем, долго наблюдать за подвигами стрелков не пришлось. Ифранцы развернули свои бревна и лодчонки и погребли назад. Теперь, надо полагать, маршал ждет ответного угощения. Отчего бы не уважить старого знакомого? Мальвани положил руку на плечо виконту Теровану.

– Сержи, как ты относишься к утренней верховой прогулке? Я так и думал, что с полным одобрением. Скачи к Гартажу, пусть начинает. И учтите, чем больше брызг, тем лучше.

Терован умчался, и почти тотчас вдалеке запела сигнальная труба. Герцог Мальвани подобрал брошенный на траву черный, подбитый оранжевым плащ. С точки зрения политики, ему стоило надеть цвета Оргонды, но Аршо был у Гразы, и его ждет не травка, а тигриные когти![32] Оргондцы поймут, а арцийцы… Проклятый, он видел, какими глазами они на него смотрели, когда у Кер-Женевьев он вышел в отцовских доспехах. Отец говорил, что в Оргонде они защищают Арцию. Сегодня Оргонда – это все, что осталось от Арции и у Арции. Герцог глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться: когда-нибудь, когда он столкнется лицом к лицу с Тартю и Вилльо, он, может быть, и станет тигром, но герцог Оргонды и главнокомандующий такой роскоши себе позволить не может. Его дело уничтожать армии, а не рвать чужие глотки, как бы этого ни хотелось.

К небу рванулась испуганная птица, снова взревели трубы, перекрывая стрекот кузнечиков, множество копыт мерно били по высохшей земле, поднимая золотившуюся в солнечном свете пыль. Левофланговая кавалерия двинулась вперед красиво и

слаженно. Всадники по двенадцать в ряд влетели в теплую, прозрачную воду, подняв тучи сверкающих брызг, невысокие волны обиженно выплеснулись на плоский берег. Отдохнувшие, сытые кони мчались вперед с радостью, утреннее купание распалило и всадников, и лошадей.

Десять конных сотен стремительно проскочили брод и обрушились на болтавшихся у воды ифранцев. Аршо подобной наглости не ожидал. Гартаж сыграл отменно, умело опрокинув стоящий у переправы полк. Ифранец тоже не подкачал, бросив на помощь часть кавалерии второй линии. Сезар не мог рассмотреть консигны, но это явно были не худшие части. Теперь на одного арцийца приходилось два, а то и три противника, но драки не получилось. Гартаж и Сержи сделали то, что им велели, а именно – развернулись и помчались назад по собственным следам, увлекая за собой раззадорившихся преследователей.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Жуай умел ценить и чужую удаль, и чужую выучку. Оргондцы… Маршал пригляделся: нет, не оргондцы! Арцийцы, и не просто арцийцы! Своими дальнозоркими глазами Ипполит сразу же заприметил рыцаря, мчавшегося в первых рядах. Воин на гнедом жеребце с белой передней бабкой был Эженом Гартажом, непревзойденным командиром авангарда или, если приходилось отступать, арьергарда. Эжен никогда не водил за собой большие армии, в этом ему с Тагэре и Мальвани было не тягаться, но исполнить их замысел, став щитом или наконечником копья, лучше не мог никто.

Узнав о предательстве Вилльо, смерти Александра и решении Церкви, Эжен увел несмирившихся в Оргонду. У него к ифранцам особый счет: среди «волчат» был и его сын Одуэн… Ипполит со странным чувством смотрел на легендарного графа, рядом с которым трепетала сигна с орлиной лапой, известная всем, кто знал, как держать меч и копье. Гартаж еще ни разу не подвел в бою ни своих солдат, ни своего сюзерена, он не из тех, кто с горя теряет голову, но мстить будет, пока жив или пока по земле ходит хоть кто-то из виновников Гразы.

«Орлиная лапа» маячила уже совсем близко. Опрокинув растерявшихся от неожиданности «Куропаток», арцийцы повернули к реке, но, видимо, поняли, что погони нет и, развернувшись на середине Ньера, вновь понеслись к ифранскому берегу. Всадники изображали из себя морской прибой, то

выскакивая на сушу и сбивая подвернувшихся под руку недотеп, то отступая, они носились туда-сюда по мелководью, поднимая тучи брызг, и при этом умудрялись не сбиваться в кучу и не мешать друг другу.

Ипполит махнул рукой одному из полковников.

– Пусть «Черные стрижи» атакуют, а за ними пойдут «Соловьи».

Командир «Стрижей», квадратный человек с унылым носом, был отнюдь не дураком.

– Монсигнор, нас явно провоцируют на атаку через реку, видимо, за холмом засада.

– Наверняка, – согласился Аршо-Жуай, – но вы все равно атакуйте...

– Вы бросаете нас на оргондские копья, и все потому, что полгода назад...

– Не будьте слишком злопамятным, барон, – в голосе маршала зазвенел металл, – это вам не идет... Если на вас навалятся большими силами, вы отойдете, только и всего. Неужели вы не в состоянии сделать то же, что делает Эжен Гартаж?

Командир «Стрижей» не ошибся. Атака арцийцев – ловушка. Старая, как мир, но не ставшая от этого менее опасной. Воины, особенно кавалеристы из привилегированных полков, не так уж и далеко ушли от борзых. Увидят убегающую добычу, и вперед! Догнать и затрясти. В лучшем случае принести хозяину, в худшем – сожрать самим. Только тяжелые конники не зайцы и даже не лисы, преследователь сам рискует остаться без хвоста, а то и без головы...

– Сигнор маршал, я полагаю...

– Барон, меня не волнует, что вы полагаете. Ваше дело выполнять приказ!

Барон скрипнул зубами и поскакал к своим. Он был и прав, и не прав. Ипполит Аршо-Жуай не был ни злопамятным, ни мстительным, и уж точно маршал не стал бы посылать на верную гибель один из лучших полков только потому, что в прошлом году один из лейтенантов непочтительно отозвался о нем как о полководце. Но для того чтобы узнать, что задумал Мальвани, нужно было кем-то пожертвовать. «Стрижи» для этого вполне подходили, к тому же это был знаменитый полк, увидев их сигну, Сезар поймет, что ловушка сработала, и пустит в ход, что задумал...

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

С каким бы удовольствием герцог Мальвани сейчас мчался вперед, а не смотрел из укрытия, как дерутся другие, но он потерял это право, надев на себя герцогскую цепь. Да; короли и герцоги тоже уходят в бой, но лишь тогда, когда они – последний резерв, который есть у их подданных. Александр на Гразском поле рубился во главе обреченного отряда и был прав, а вот ему до поры до времени придется оберегать собственную голову. Сезар приподнял руку, защищая глаза от солнечных лучей. Что ж, у Мелового было еще жарче и еще безнадежнее, а эту битву он выиграет, и это станет началом большой войны.

Герцог холодно улыбнулся, глядя, как его авангард пляшет по взбаламученной реке. До Поросячьего брода вода была чистой и прозрачной. Ниже ей не побрезговало бы разве что давшее мели имя животное. Эжен Гартаж и его ребята трудились на совесть, но Ипполит медлил. Ничего никуда не денется, переправляться в другом месте еще хуже, а врасплох оргондскую армию ему не застать, он это понимает, да и Диего со спины не сбросить, мирийцы вцепились в добычу намертво.

Ага, зашевелились! И кто это у нас? Идут хорошо, слаженно, не медленно, но и не слишком быстро. Что за сигна? Против солнца и не разглядеть, но полк не из последних, это точно. Или «Сойки», или «Жаворонки», или «Стрижи»... Но один полк – это маловато! Ага, пошел второй да еще те лопухи, что стояли на берегу. Так он и думал, три полка. Ипполит – опытный лис, половину пустил вперед, половину держит при себе. Ну и пусть, дойдут руки и до них...

Ифранцы почти догнали Гартажа, который, разумеется, скакал в последних рядах. Старый упрямец, ведь ему же было сказано! У возникающих из солнечного сияния темных силуэтов не было ни сигн, ни тем более лиц, но Сезар узнал и Эжена, и Сержи, отставшего от графа на полкорпуса. Сандер бы послал в погоню конных арбалетчиков, но в Ифране воевали по старинке. Впрочем, он и сам играл в поддавки, загнав в реку тяжелую конницу. Диего расстроился, ну да его время еще наступит.

Высыпавшие на широкий луг всадники пошли широким полукругом, и герцог смог наконец рассмотреть плащи передних. Да, «Стрижи», один из лучших ифранских полков, а за ними «Соловьи» и обглоданные «Куропатки»! Мальвани судорожно сжал рукоять хлыста. Ждать и догонять тяжело, но всего тяжелее смотреть, как дерутся другие..

Арцийцы, пролетев мимо холма, быстро развернулись и ударили по «Стрижам», а из-за холма выскочил дождавшийся своей оры оргондский полк. Рыцари с трилистниками на щитах лихо ударили во фланг наступавшим, благо луг был прямо-таки

создан для конных поединков. Сезар невольно сжал конские бока, и застоявшийся жеребец с готовностью двинулся вперед. Герцог со вздохом натянул поводья, это был не его бой. Одно утешение, все только начиналось. Два с половиной ифранских полка – это далеко не все, что есть у Аршо. Ага, отступают, чтоб не сказать – бегут!

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Конница за холмом, и все! Никогда еще Ипполит Аршо-Жуай так не радовался при виде вражеских всадников. Мальвани действовал грамотно и умело, но не более умело, чем он сам. Луг оказался чистым, без волчьих ям и проклятых «ежиков», калечащих лошадям ноги. Оргондцы готовы к схватке, выиграть ее будет не просто, потерь не избежать, но на то и война. Он должен уничтожить кавалерию Мальвани, и он сделает это.

Маршал отдал приказ, и три с лишним тысячи тяжелых всадников спешно выстроились на правом фланге. От их побывавших в битве товарищей осталась едва ли треть, но остатки «Стрижей» и «Соловьев», вырвавшихся из ловушки и не утонувших в Лягве, без лишних разговоров присоединились к товарищам.

Известные своим пристрастием к ярким побрякушкам «Райские птицы», прозванные злопыхателями «Сороками», «Корольки», куда по извечному армейскому остроумию определяли самых высоких, вечно готовые к драке ради драки «Бойцовые петухи» и щеголявшие в сине-зеленых куртках «Саррижские павлины». Все они были хорошими воинами, хоть и уступавшими арцийцам Гартажа, но превосходившими большинство оргондцев и вооружением, и опытом. К тому же на одного конника Мальвани придется два, если не три ифранца. Это был беспроигрышный расклад. Как у Александра Тагэре на Гразском поле, Проклятый бы их всех побрал.

Ипполит Аршо-Жуай пышных речей не любил. Быстро проехав мимо готовых к бою всадников, маршал громко и внятно произнес.

– За рекой наш старый друг Сезар Мальвани. Он – хороший воин, но до отца и покойного друга ему далеко. Сейчас вы перейдете Ньер и столкнетесь с конницей Оргонды. Их осталось не более полутора тысяч, из которых внимания заслуживает лишь полк Эжена Гартажа. Тот, кто захватит или убьет старика, окажет ифранской короне большую услугу. «Черные стрижи» проверили

поле боя, там все чисто, можете смело разгонять коней, только чур не забывать про речонку справа. Берега у нее топкие, не вздумайте передать привет тем дурням, что там уже завязли. Все, отличившиеся в бою, получат двойное жалованье, а «Стрижи» и «Соловьи» – тройное.

Ее Высочество на вас надеется (за «двойное жалованье» Жоселин его не поблагодарит, но заплатить придется. Дарнийцы дарнийцами, но не кормить своих нельзя). Принесите мне победу! Кавалерия, – Ипполит сделал паузу, – пошла!

Полковники отдали честь и опустили забрала. Грянули трубы, знаменщики гордо выехали вперед. Первыми к Ньеру спустились «Сороки», «Стрижи» на сей раз шли замыкающими и, кажется, больше на своего маршала зла не таили. Ипполит с законной гордостью наблюдал, как ифрайская конница покоряла оргондскую реку. Более пятнадцати тысяч копыт вспенили и без того взбаламученную воду. Ньер обиженно выплескивался из берегов, поднятая со дна илистая муть желтым облаком медленно плыла к Кер-Женевьев.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Эжен Гартаж, сжав зубы, смотрел на прущих вперед ифранцев. Первые всадники уже выходили на оргондский берег, а сигны последних еще терялись в поднятой пыли на том берегу. Переправившиеся торопились, освобождая прибрежную полосу для тех, кто шел следом.

Молодой оргондец с двумя золотистыми конями на щите то и дело оборачивался к Эжену. По мнению «жеребенка», ифранцев нужно было сбросить в Ньер. В этом был свой смысл, но Гартаж ждал, пока «Райские птицы» выберутся из воды и построятся в боевой порядок.

– Сигнор, – а это уже не выдержал старый товарищ, помнивший еще первое оргондское изгнание, – неужели после Гразы вы считаете их рыцарями?

– Не считаю, – покачал головой командир арьергарда. – Рыцарей в Ифране не осталось, эти дерутся за ауры, у них даже родовых сигн на щитах нет.

– Тем более...

– Успокойтесь, всему свое время. Пусть выходят. Уклон тут небольшой, но гнать коней в гору все равно неприятно.

«Сороки», в полной мере воспользовавшись предоставленным им временем, разомкнули ряды, заняв все пространство от холма

до болотца, в спину им уже дышали «Корольки». И ифранский рыцарь, за которым развевалось полотнище с пестрой, сверкающей птицей, послал коня в галоп. Гартаж прикинул расстояние и повернулся к «жеребенку».

– Пора. И, Проклятый вас побери, не зарывайтесь. Чтоб никто не смел лезть вперед меня! Поняли?

Гнедой жеребец с белой бабкой взял с места в карьер, Эжен мчался навстречу врагам, как делал десятки раз, сначала оруженосцем, затем рыцарем и, наконец, полководцем. Разноцветный, блестящий строй приближался. Эжен поудобнее перехватил древко, целясь в забрало намеченному врагу. Ифранцы тоже приготовились.

Тяжелые копья остановили «Райских птиц». Рыцари отбросили ненужные обломки и схватились за мечи и секиры. Стремительный конский бег сменила неистовая рубка, в которой нобили мало чем отличались от презираемых ими простолюдинов-дровосеков, разве что атакованные деревья не имели обыкновения отвечать ударом на удар.

Бой шел на равных. Да, арцийцы, принявшие на себя удар «Райских птиц», были вооружены и обучены немного лучше, к тому же их вела ярость и желание отплатить за Гразу, но их было меньше. Возможно, нападай они первыми, они бы и отбросили ифранцев назад, за реку, но Гартаж упустил момент, и теперь авангарду оставалось только держаться. «Птицы» ломились вперед и не только потому, что хотели победить: в спину их подпирали конные тысячи, столпившиеся у брода.

Нападающие давили всей мощью, обороняющиеся стояли насмерть. Трещали и ломались щиты, шлемы и наплечники, принимавшие удары вражеских мечей, кони топтали упавших, то путаясь в разорванной чужой сбруе и плащах, то скользя по закованным в железо телам. Людские и лошадиные крики, лязг, грохот, плеск были слышны и в окрестных деревнях, и далеко за рекой.

Эжен Гартаж не отступил ни на шаг, он не просто рубился с лезшими вперед «Сороками», многие из которых потеряли не только перья, но и головы, но и умудрялся приглядывать за теми, кто был слева и справа. Меч столкнулся с мечом, полетели искры, «жеребенок» рубанул своего противника по шлему, тот отклонился, голова осталась целой, но пышный султан полетел под конские копыта. Кто-то вышедший в бой в цветах Тагэре вздыбил коня, и тот обрушил копыта на голову ифранской лошади, которая рухнула, подминая не успевшего выдернуть из стремян ноги всадника.

Щит Эжена треснул, и граф, швырнув обломки в голову

одному из нападавших, обмотал руку сорванным с другого плащом, та еще защита, но на безрыбье… Кто-то счел его лакомой добычей, но Гартаж изо всей силы ткнул наглеца мечом в живот, пробив доспех. Рядом сверкнул меч, разрубая блестящий предплечник, – «жеребенок» пришел на помощь, и вовремя, Проклятый бы его побрал. Оруженосец с запасным щитом как-то умудрился пробиться к сигнору, потом надо сказать спасибо обоим.

Сбоку кто-то упал… Если ранен, под конскими копытами не выжить, и Эжен послал коня вперед и влево, чтоб не топтать своего. Рядом возник оргондец с трилистником на щите, но без меча: то ли потерял, то ли сломался. Рыцарь, однако, не растерялся – перехватил за руку кого-то из нападающих и вздыбил лошадь, выдергивая противника из седла. Ага, это уже не «Сороки», значит, с одним полком покончено… Вторыми идут «Корольки». Эти дерутся не хуже арцийцев, только вот умирать им не за что, а значит, не очень хочется. Потерявший меч оргондец завладел чужим мечом и зарубил им бывшего хозяина… Кто же у них пойдет за «Корольками»? В этом столпотворении ничего не разглядеть, кроме нависших над тобой противников…

Арцийцы и оргондцы стояли насмерть, но на смену упавшим ифранцам подходили новые и новые, с нетерпением ожидавшие очереди выбраться из осточертевшей реки. Копыта вязли в ставшем ненадежным песке, кони недовольно фыркали и взбрыкивали, но застрявшим посреди переправы всадникам оставалось лишь неистово ругаться да любоваться на конские крупы и спины мающихся впереди товарищей.

Казалось, время остановилось, но усталость и численный перевес были надежными союзниками маршала Аршо-Жуая. Оргондская конница хоть и медленно, много медленнее, чем хотелось напиравшим друг на друга Ифранцам, стала пятиться назад.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Сезар спрыгнул с коня и кинул поводья аюданту. Он не любил сражаться пешим, но ничего не поделаешь. Если ты задумал нечто немыслимое, покажи другим, как это делается. Сандер поступал именно так. Собственно говоря, мысль о том, что пехота может не только останавливать конницу, но и атаковать, пришла в голову Александру. Они как-то болтали обо всем и ни о чем, и Сандер заметил, что вовремя сделанная глупость перестает

быть глупостью, жаль только, что сработать она может лишь раз. И добавил, что было б занятно ударить сверху во фланг кавалерии, потом они заговорили о чем-то другом, но, когда Мальвани увидел поле между холмом и болотом, он сразу понял, что сделает.

Ифранскую конницу нужно загнать в мешок. Речка Лягва с ее топким берегом для кавалерии непреодолима, а с холма он пустит пехоту, но этого мало. Чтобы алебарды сделали свое дело, нужно превратить преимущество, которое дают кони, в недостаток. То, что ифранцы не смогут двигаться вправо и влево, хорошо, но позволить им миновать холм и развернуться нельзя. Нужно устроить свалку между склоном и болотом, да такую, чтоб яблоку негде было упасть.

Сезар поговорил с Гартажем, и тот, с ходу поняв, что от него требуется, обещал в точности исполнить. Эжен рассчитал все до мелочей. Задние ифранцы лезли на берег куда с большей скоростью, чем передние продвигались вперед, к тому же дальше от Ньера поле несколько сужалось, и раззадоренные всадники сами загоняли себя в горшок. Какое-то время Гартаж продержал их на одном месте, потом начал медленно отступать. Застоявшиеся вояки радостно навалились на тех, кто был спереди, и тут Мальвани, вооружившись алебардой, бросился вниз по склону, увлекая за собой пехоту. Сезар первым обрушился на ошалевших от неожиданности ифранцев. Одного герцог заколол, второго стащил с коня, благословив про себя новую выдумку эльтских оружейников.

Сдавленные между рекой, болотом, конницей и пехотой, ифранские кавалеристы повели себя не умнее баранов в загоне: бестолково толкались, мешая друг другу. Задние, не понимая, что творится впереди, продолжали лезть в ловушку, те, кто были в середине, не только не могли пустить коней на нового противника, но даже поворачивались к нему с большим трудом, а передних свои же намертво прижали к арцийским всадникам. Это еще не было победой, но она уже отчетливо маячила впереди.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Находясь в гуще схватки, Эжен Гартаж не мог видеть, что произошло, но по раздавшимся сбоку крикам понял, что Сезар бросил в бой пехоту. В успехе их предприятия граф не сомневался: он не раз видел, как численный перевес из залога победы превращается в причину поражения. Атакованные

ифранцы перепугались и растерялись, но перепуганный и растерянный противник может натворить немало бед, если позволить ему прорваться. Да, часть ифранцев повернет назад через многострадальную мель, кто-то влетит в болото, но те, кому отступать некуда, будут пробивать стену лбом, благо стена не столь уж и толстая.

Сейчас главное не отступать и держать линию. Слава святому Эрасти, его люди это понимают… Ага, ифранцы поперли со всей силы! Ничего, надолго вас не хватит, надо думать, алебардщики уже положили немало народа. Еще бы, такой пикой в бок… Армский доспех, может, и выдержал бы, но когда это Пауки заказывали оружие в калифате?! За время боя Гартаж изрядно устал и теперь берег силы, позволяя себе бить лишь наверняка.

«Корольки» вперемешку с кем-то там еще пытались прорваться, но кони не могли взять разгон, а мечи и секиры противников безжалостно делали свое дело. Перед людьми Гартажа лежали груды убитых, тем, кто рвался вперед, приходилось пробираться между трупов, что обороняющимся было лишь на руку. Их дело остановить, а добивать будет пехота. Крики сбоку становились громче, герцог все рассчитал правильно.

Отчаявшийся «Королек» поднял коня на дыбы, намереваясь достать графа мечом, но не принял в расчет «жеребенка», по-прежнему сражавшегося рядом. Оргондец ударил не всадника, а коня, и тот завалился на бок, подминая седока и еще больше затрудняя проход. Защищая предводителя, рыцарь неловко повернулся, чем не замедлил воспользоваться всадник в залитом чужой кровью плаще. Блеснул меч, юноша не успел отбить удар и, раненый или мертвый, припал к шее коня. Это было последнее, что заметил Эжен Гартаж, прежде чем потерял голову от прорвавшейся наконец ярости.

Граф бросился на ифранца так, словно перед ним был убийца Одуэна, и, в известном смысле, так оно и было. Оргондский мальчишка, защищавший у безымянного холмика своего командира, и погибший под Гразой сын слились для Гартажа в одного, за которого должно отомстить. Эжен мощным ударом развалил вражеский шлем вместе с черепом и набросился на новую жертву. Уцелевшие арцийцы и ифранцы восприняли рывок командира как сигнал и ринулись вперед. Это стало последней каплей – не прошло и десятинки, как отчаявшиеся ифранцы один за другим стали опускать оружие. Арцийцы пленных брать избегали, не прошедшие через предательство оргондцы проявляли больше милосердия.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Сезар с сожалением выбрался из схватки и сменил окровавленную алебарду на привычный меч. Ифранской коннице конец, по крайней мере, здесь, но есть еще пехота и господин маршал Ипполит Аршо-Жуай, стоявший под Гразой на холме рядом с Пьером Тартю. Есть первая ифрайская армия, застрявшая у Краколлье, а может, уже взявшая его и форсированным маршем идущая к переправе, есть Лиарэ, которую осадили дарнийцы, и со всем этим надо что-то делать. Мальвани вскочил на коня и, спустившись по противоположному склону, скрылся в зарослях ивняка, где расположился Диего Артьенде. Мириец в легких доспехах и без шлема смотрел в сторону брода, где на превращенной тысячами копыт в кисель переправе барахтались остатки ифранской кавалерии. Увидев герцога, он слегка улыбнулся.

– Потому-то мы и предпочитаем легкие доспехи, – смуглая рука с кольцом указала на ифранцев, – я всегда мечтал посмотреть на знаменитые зыбучие пески Элла. Прелестное зрелище. Вы сварили из врага прекрасный гороховый суп, монсигнор. С клецками.

– Если б тут был Луи Трюэль, он бы с тобой не согласился, – покачал головой Мальвани, – ифранцы в латах, значит, это скорее устрицы.

– Я слышал про деда нынешнего графа Трюэля. Он переписывался с главным поваром монсигнора Энрике. Его внук не может не знать, что гороховый суп с устрицами малосъедобен. К тому же устрицы умирают смирно, руками и ногами не дрыгают. Рыцари в броне скорее похожи на раков. Да, Сезар, на первое вы сварили гороховый суп с раками по-оргондски... Видимо, приготовить второе блюдо должен я?

– Именно. Я очень на вас рассчитываю. Диего, вам придется спуститься вниз по течению, перейти реку и атаковать с тыла ифранскую пехоту. Я понимаю, что вода грязная...

– Зато наши намерения чисты, – засмеялся мириец, в который раз напомнив Сезару пропавшего Рафаэля, – куда нам отходить после того, как мы подадим жаркое по-ньерски?

– Никуда. Дождитесь третьего блюда.

– Прелестно... Значит, предполагается еще и десерт? Вы задумали настоящее пиршество.

– Ифранцев нужно накормить досыта, – зло бросил Сезар, – заслужили.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. ОРГОНДА. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

Кавалерию он погубил, но кто же знал, что тигриное отродье бросится с алебардами на всадников! Арцийцы всегда были сумасшедшими, а Тагэре с Мальвани и вовсе.

Маршал с ненавистью взглянул на реку, ставшую могилой ифранской конницы. Жоселин изрядно сэкономит на жалованье, хотя это вряд ли ее обрадует. Сезар Мальвани теперь встанет на том берегу, и будь он, Ипполит Аршо-Жуай, проклят во веки веков, если удастся снова погнать армию через свинячью переправу на арцийские копья, да и гнать-то особо некого. Даже когда осядет песок, хотя Проклятый его знает, когда он осядет. Одно хорошо – через Ньер никому не перебраться, так что можно отдохнуть и зализать свои раны.

Мальвани, как бы он ни хорохорился, тоже изрядно досталось. Он бросил в бой всех, кого имел. Сейчас это помогло, но рано или поздно он нарвется… Как бы то ни было, брод непроходим. У Сезара выбор небогатый – стоять здесь или, пользуясь тем, что сейчас его не догнать, отступать к Лиарэ. Он еще успеет войти в город до того, как замкнется кольцо. А дальше что? Сидеть и смотреть, как твою страну делят между Авирой и Кантиской? Это не для Мальвани. Значит, он останется здесь и через день-два попробует развить сегодняшний успех…

От размышлений маршала отвлекла странная суета и вопли в тылу. Кричали по-разному. Одни громко и слаженно, хотя что именно, было не понять, другие – зло ц растерянно. Что там у них произошло, Проклятый их побери? Неужели какой-то дурак погнал к переправе стадо? Нашел время! Хотя свежее мясо сегодня – это то, что нужно, чтобы поднять настроение. Мясо и вино. По тазе[33] на человека, как раз. Не слишком много, чтобы забыть о том, что враг рядом, но достаточно, чтобы вернуть уверенность. Шум в тылу нарастал и приближался. Нет, это не стадо, но что тогда?! От необходимости посылать аюданта Аршо избавил всадник на обозной лошади, заоравший: «Снова! Ночные!».

Сезар Мальвани решил закрепить успех и бросил в бой цветочных головорезов. Поняв, кто перед ним, маршал смог разобрать, что нападающие кричат «Вьего э Кэрна!»[34]. Значит, все-таки мирийцы! Вот уж некстати! Кончено, эту свору не так уж и трудно отбросить, но то; что они успели сотворить с обозами, представить тошно. Ифранец вполголоса выругался, сообщив

своему коню все, что он думает о мирийском герцоге и его подданных, а также об их родственных связях с атэвами, быками и прочими конями, и приказал развернуться лицом к новому врагу. Усталая и раздосадованная поражением пехота выстраивалась для отражения конной атаки, но островитяне заявились не воевать, а танцевать.

Выжав все, что можно, из неожиданности, смяв и порубив растерявшихся и зазевавшихся легких стрелков и обозников, мирийцы отошли, но недалеко. Пользуясь каждым пригорком или рощицей, они носились вдоль Ифранских позиций, умудряясь гадить именно там, где их в данный момент ожидали меньше всего. Легкие, свежие лошади с удовольствием перепрыгивали опрокинутые возы и трупы своих же товарок, всадники, крича что-то оскорбительное, бросали дротики, швырялись зажженными факелами, стреляли из атэвских луков и арбалетов, не преступая какую-то им одним ведомую черту.

Ифранцы первый раз видели своих ночных недругов при свете дня, зрелище было весьма красочным, но ужасно неприятным. Мирийцы с наслаждением изводили противников, и это не говоря о том, что они оставили армию без запаса стрел, ужина и сносного ночлега.

Неизвестно, сколько шуточек оставалось в запасе у разодетых в черное и алое всадников, ибо конец их выходкам положил Мальвани, начавший переправу. Ипполиту показалось, что он сходит с ума, но из прибрежного ивняка ниже злосчастного брода отошли плоты, и это были отнюдь не жалкие калитки и связанные кое-как бревна, на которых пытались перебраться саррижские пехотинцы. Крепко сколоченные и устойчивые платформы, предназначенные для перевозки скота во время высокой воды, были надежно защищены разборными щитами, в которых проделали амбразуры для стрелков и отверстия для шестов и весел.

Ошарашенные ифранцы не могли даже сосчитать новых врагов, по мере приближения начавших методично осыпать вражеский берег стрелами. Когда первый плот ткнулся в песок, на нем запалили какую-то гадость. К небу бодро повалил черно-желтый дым, послуживший сигналом для мирийцев, которые перестали дурачиться и тремя клиньями ударили в стык между ифранскими полками. Защищенные легкими доспехами, черно-алые в ближнем бою оказались куда более сильными противниками, чем казалось. Мирийская уязвимость была таким же обманом, как надежность мели и безопасность холма. Атэвские клинки с легкостью прорубали ифранские латы, а специально обученные лошади помогали всадникам шипастыми

боевыми подковами.

Ифранцы не знали, куда смотреть – вперед или назад. Оттолкнуть плоты от пологого песчаного берега было невозможно. Нападавшие осыпали стоявших на берегу стрелами, затем с грохотом падали защитные щиты, давая дорогу тяжелой пехоте, за спиной которой продолжали орудовать стрелки. Не прошло и оры, как пятящиеся от берега налетели на тех, кого теснили мирийцы, и ифранцев охватила паника.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Шарло Тагрэ сидел у старой казармы и рассматривал серую, сложенную из булыжников стену. За ней сейчас решалось, жить или умереть человеку, который называл его сыном, но которого он ни разу не смог назвать отцом. Вечером надежды не было, утром вернулся Рафаэль, и Николай сказал, что на нем благословение. Сам Рито ничего не обещал и ничего не объяснял, просто сжал плечо племянника и скрылся за дверью, а Шарло остался ждать.

За две последние кварты он повидал больше смертей, чем за всю свою жизнь, это было страшно, но по-другому. Он боялся чумы, боялся, что заболеет сам или Кати, или Клотильда, но не барон. Эгон не дал обитателям Гран-Гийо сойти с ума, перепиться, наброситься друг на друга с мечами, разбежаться, разнося заразу по окрестностям. Барон сказал, что, если они будут делать, что надо, кто-то может уцелеть, и ему поверили. Конечно, помогли Николай и Яфе, они знали о мышиной чуме больше других, ведь зараза родилась за Проливом.

Атэв ничего не боялся, он взял на себя самое страшное – выносить и сжигать в специальных ямах трупы, но ямы вырыли по приказу Эгона, который своей рукой убил троих мужчин и одну женщину, решивших вырваться из замка с оружием в руках. Убил и сказал, что те, кто останется, в любом случае переживут тех, кто попробует уйти. Потом они с Яфе выгнали лошадей и собак, и Эгон сам поднял мост. Кто-то замуровывал ворота и ломал лестницы, кто-то пек хлеб, чтоб его хватило надолго, кто-то копал могилы, кто-то готовил дрова для костров, ведь Яфе и Николай сказали, что зараза боится огня и соленой воды. Но, что бы ни делалось в замке, за всем стоял Эгон Фарни. Шарло как мог помогал ему, нельзя сказать, чтобы от него было много толка, но воины говорили, что сигнор не прячет сына.

Сначала больных было трое, затем – семеро, потом болезнь стала косить людей десятками. Взявшийся за ними ухаживать

Николай не справлялся, и ему пришлось помогать. Хлеб был испечен, дрова разрублены, ямы вырыты, но рабочие руки убывали быстрее, чем работа. И снова барон заставил тех, кто оставался на ногах, делать то, что нужно. Заболевшие сразу же уходили в отведенные им Старые Казармы, у которых ни днем ни ночью не гасли огромные костры. Те, кто был на ногах, как могли помогали эрастианцу и женщинам, не побоявшимся взглянуть в глаза чуме. В замке Гран-Гийо каждый занимал свое место. Шарло не знал, когда Эгон спит, сам он по приказу властителя Гран-Гийо в одиннадцатой оре пополудни отправлялся в маленькую комнатенку, когда-то принадлежавшую обшивавшему стражников колченогому портному.

Иногда к мальчику заходил наставник и рассказывал о Войне Нарциссов. Он не знал, что «Анри» был сыном Александра Тагэре и, как и все в Фарни, был верен дому Лумэнов, но в рассказах ветерана отец оставался рыцарем и непревзойденным воином, хотя Туссен и сожалел, что «младший из Тагэре» был верен своему брату.

– Но, – заключал свои рассказы воин, – если б Эстре его предал, он перестал бы быть самим собой.

Потом наставник исчез, и Эгон не стал скрывать, что он заболел. Это, был самый страшный день, в который свалилось тридцать шесть человек, а умерло около сорока. Эгон хотел помочь Яфе хоронить мертвецов, но атэв отказался. В черном плаще, который он сделал себе сам, Яфе походил на вестника смерти. Шарло с колокольни замкового иглеция, на который иногда поднимался, видел, как он зажигал погребальные костры на бывшем оружейном дворе, как прощался с каждым. Они так решили – Николай отвечает за живых, а атэв – за мертвых. Они не боялись ничего и верили, что не умрут.

– Мы призваны, мой брат, – сказал Николай в первый же день, – и никто нам не помешает исполнить свой долг.

– Да не развяжется завязанное, – подтвердил Яфе. – Тогда он еще был одет, как арциец, только перестал бриться. – Мы знаем, что должны, а дальше все в руке Баадука. Все, кроме нашей совести и нашего слова.

Когда в Гран-Гийо пришла чума, эти двое перестали спорить о боге и истине, они были как… Как два крыла у птицы, но ее сердцем был Эгон. Третьего дня Шарло заметил на Провалившихся щеках барона багровые пятна, он прекрасно знал, что это такое, но не поверил. Этого не могло быть, как же они без Эгона?! Но барон запретил ему к себе приближаться, а на следующее утро ушел в дом, где раньше жили воины, а теперь умирали все.

Шарло стоял и смотрел на запертую дверь, к горлу подступали слезы, он не знал, что ему делать, пока к нему не подошла жена одного из стражников, ставшая после смерти косой Жанны старшей стряпухой. Она искала Эгона, чтобы узнать, сколько чернолистника заваривать для больных. Он ответил, что барон «ушел в казармы», и дура завыла в голос, что вот сейчас-то им всем и конец. И тогда Шарло в первый раз в своей жизни ударил женщину. По лицу. Изо всей силы. Стряпуха осеклась, а он ровным и спокойным голосом приказал приготовить питье в двух котлах. Женщина поклонилась и ушла, потирая рукой покрасневшую щеку, а «Анри» сделал то, что каждое утро делал барон, – обошел всех, объяснив каждому его задачу.

Ежедневные приказы Эгона повторялись почти слово в слово, и Шарло все прекрасно помнил. Он не понимал, зачем напоминать то, что и так всем известно, но людям от этого становилось легче. Мальчик целый день ходил по замку, отдавая распоряжения. Его спрашивали, он отвечал, и люди делали то, что им было велено. Так «Анри» стал хозяином Гран-Гийо, его слово было законом. Утром Шарло казалось, что он что-то сделает не так, что у него не получится, но день проходил, проходил незаметно, разодранный на части мелкими делами, без которых они все уже были бы мертвы, и к вечеру он понимал, что справился. А завтра все начиналось сначала.

По ночам они разговаривали с Яфе, когда тот, покончив со своим делом, сбрасывал черный балахон и, пройдя чуть ли не сквозь огонь, присаживался на корточки у закопченной стены. Их разделял ревущий костер, но атэв был единственным, которому Шарло мог рассказать, как он ничего не понимает, как не знает, что делать завтра.

– Не нужно думать о болотном льве, когда едешь по песку, – улыбался сын Усмана, – думай о неотложных делах, а не о будущих бедах. Каждый день несет свои заботы и стирает вчерашние. Рассказывают, что...

Яфе знал множество сказаний и легенд, но больше всего Шарло любил слушать про клятву Льва и Волка, про Забытую Войну и про Смертные Звезды, которые скоро взойдут на востоке.

"И тогда придет то, что придет, но мы срубим дерево ада, как бы ни были глубоки его корни... " Шарло представлял себе это дерево: без листьев, но усыпанное мясистыми, пупырчатыми цветами, от которых шел тошнотворный сладкий аромат, аромат грязной, бесславной смерти...

Прошлой ночью Яфе не рассказывал о прошлых битвах и будущих бедах. Он сидел и молча смотрел в огонь, и Шарло спросил то, о чем спрашивать в Гран-Гийо было запрещено:

– Ты болен?

– Моя звезда все еще выше смертной звезды Эр-Арсий, – откликнулся атэв. – Ты – Шарлах, сын Эссандера, я смотрю на тебя, и мое сердце гордится твоим. Но тот, кто дал тебе и дочери твоего отца имя и кров, завтра вечером уйдет по Мосту Баадука. Мои слова не больше, чем тень бегущего облака, но названному Эгоном будет легче пройти на Синий берег, если он еще раз увидит твои глаза.

– Эгон зовет меня?

– Хозяин этого дома молчит и ждет неизбежного, но в таком большом сердце легко читать.

– Я пойду к нему, – Шарло вскочил.

– Не теперь. Завтра. Если ты придешь сейчас, он в свой последний день будет винить себя в твоем безумии, а твои подданные должны услышать твое утреннее слово. Ты придешь проводить его на закате. Ты успеешь, клянусь своими глазами.

Яфе поднялся и ушел к своему коню. Дженнах оставался единственной лошадью в крепости, атэвские боевые скакуны не могут пережить своих хозяев. Шарло немного посидел у огня и отправился к себе. Он не спал и спал одновременно, такое с ним в последнее время случалось почти каждую ночь, наконец он задремал и проснулся от голоса Рафаэля. Кати все же сумела до него докричаться!

В эту ночь никто не заболел, и это было добрым знаком. По замку пошли слухи, что у сигнора «легкая рука». Какой-то стражник клялся, что у него жгло горло и глаза и он уже собирался «уйти в казармы», а мирийский сигнор на него взглянул, и «как рукой сняло». Как-то так вышло, что настоящее имя Рафаэля сразу же стало известно всем. Стряпуха сказала про благословение Эрасти, и здоровые обитатели замка бросились к родичу святого. Мириец коснулся каждого, а потом ушел к больным.

День был ветреным и холодным, но Шарло казалось, что светит солнце и поют птицы, хотя в Гран-Гийо остались только вороны. Шарль еще раз обошел дворы, улыбаясь уцелевшим, которых тоже охватила радость, а потом пришел к казармам и стал ждать чуда. Постепенно затихли все звуки, наступила ночь, а он все еще сидел, глядя на кружащиеся звезды. Потом дверь открылась и вышел Рито. Казалось, что он в одиночку только что разгрузил несколько телег с камнем, и он не улыбался.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. ПОРОСЯЧИЙ БРОД

В жизни Сезара Мальвани были и победы, и пленные, а вот от поражений судьба его старательно уберегала. Он влезал в безнадежные дела и бросался спасать тех, кого было не спасти, прощался с жизнью, но удача всякий раз подставляла ему плечо, только вот отца он не спас. И Сандера… Вот и сегодня. Так долго ждали сражения, и так быстро и легко все кончилось. Слишком простая победа, слишком малая цена, а может, дело в том, что после Гразы он во всем видит подвох.

Великий герцог Оргонды позволил Сержи снять с себя доспехи, вздохнув, отказался от протянутой ему фляги с вином, что-то сказал белозубому Диего, умудрившемуся приколоть к распахнутой короткой куртке цветок дикой розы. Проклятый побери этих мирийцев, они слишком любят жизнь, чтобы бояться смерти!

– Монсигнор, – воин, принесший известие едва держался на ногах, – пленные доставлены.

– Благодарю. Сержи, налейте гонцу авирского. Диего, идем со мной.

Сезар Мальвани видел Аршо много лет назад после штурма Кер-Септима, но ифранец изменился мало, разве что слегка обрюзг. Пленник стоял спокойно и казался очень уставшим, хотя кто сегодня не устал… За спиной глухо кашлянул Эжен Гартаж, над самой землей пролетела, предвещая дождь, ласточка, вдали заржала лошадь. Надо было что-то говорить…

– Вы проиграли, маршал.

– Я не ожидал, что вы рискнете атаковать с холма пешим строем.

– А Александр Тагэре не ожидал, что его дважды предадут. Я обыграл вас, сигнор, но как воин, а не как нечестный купец.

– Если вы думаете, что я получил под Гразой удовольствие, вы ошибаетесь. Эта победа была грязной.

– Но она была, и вам придется за нее отвечать. Впрочем, не сейчас.

– Могу я узнать, что ждет меня и моих людей.

– Вполне. Я обменяю вас на тех, кто мне нужен. А если наши дела пойдут неудачно, казню. Мы выиграем войну с Ифраной, можете не сомневаться. И знаете почему? Потому что одним из нас нечего терять, а другие, глядя на вас, видят, что они могут потерять. Оргонда не сдастся, а Арция поднимется.

– Вы это говорите мне или себе? Если мне, то не стоит беспокоиться, я знаю, что некоторые вещи высасывают удачу. Нас победите не вы, а ваши мертвые, если вы понимаете, что я говорю. А пытаться нас продать не стоит, Жоселин не покупает испорченные вещи.

– Пока у нее есть новые, возможно, но их у нее скоро не будет, – Сезар обернулся к своим военачальникам, – вы желаете что-то сказать?

– Все, что мог, я сказал во время боя, – отрезал Гартаж.

– Я должен принести вам свои соболезнования, граф, – Ипполит собрался с силой и взглянул в лицо Эжену, – ваш сын и его друзья погибли более, чем достойно.

– Я в этом не сомневался, – командир авангарда повернулся и пошел вниз по истоптанному склону, не спросив разрешения у своего герцога.

– Атэвы говорят, что умереть сумеет только тот, кто умел жить, – Диего Артьенде коснулся цветка в петлице, – без смерти жизнь пуста, а смерть без жизни невозможна. Значит, – мириец ослепительно улыбнулся, но черные глаза остались серьезными, – это смерть зависит от нас, а не мы от нее.

– Видимо, я должен представить графа Артьенде, – Сезар вежливо наклонил голову, – с его всадниками, маршал, вы познакомились в Кер-Женевьев.

– Я как мог старался заменить маркиза Гаэтано, – улыбка сбежала с лица мирийца. – Мы останемся с его друзьями до самого конца, и никто не скажет, что мы отступили и отступились. Сердца горят не только у Кэрны, хоть вам этого и не понять. Вы променяли огонь на золото, но золото – это зола...

2896 год от В.И. 1-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Почему-то Шарло представлял себе мрачный подвал, где на соломе рядами лежат больные и умирающие. Это было глупо, ведь он не раз бывал в Старых Казармах, да и Эгон никогда не позволил бы людям валяться вповалку на холодном, грязном полу. Наверное, все дело в страхе: достаточно испугаться чего-то, чего не видишь своими глазами, а остальное возьмет на себя воображение. Старые Казармы встретили полумраком и острым, горьковатым запахом чернолистника. Двери в коридор были открыты, но занавешены влажными рогожами, и у входа в них дымились неизбежные жаровни. Шарло, хоть на него никто не смотрел, шел, глядя прямо перед собой и слегка вздернув подбородок. Так его учили: нельзя опускать голову, как бы ни было грустно или страшно. Рито был рядом, и мальчику очень хотелось схватить его за руку, но он держался.

Мириец остановился у девятой или десятой двери и взялся за занавеску, Шарло с надеждой посмотрел на брата своей матери.

– Я – Кэрна, Шарло, – шепнул Рафаэль, – но я не святой

Эрасти... Николай ошибся. Я могу убивать, но целитель из меня никакой.

– Значит... ты...

– Мы пришли прощаться. Соберись! Или уходи...

– Я готов.

Кэрна кивнул и отступил, пропуская Шарло вперед. Когда-то здесь лежали запасные доспехи, а теперь стояли два грубо сколоченных топчана и стол, на котором стояла жаровня. У выходящего в ночь окна, скрестив руки на груди, высился Яфе в своем балахоне. Свет масляной лампы отражался в черных глазах атэва, превращая его в сказочное существо.

– Маркиз, ты сошел с ума, – Эгон охрип, но Шарло все равно узнал бы его голос из тысячи.

– Это его право, Эгон. Ты же не хочешь, чтоб он жил, презирая себя.

– Я хочу, чтоб он жил! Жил!

– Я буду жить, – услышал собственный голос Шарло, – со мной ничего не случится. И с Кати, и со всеми остальными.

– Это так, – подал голос Яфе, – те, кто был отмечен, уже смотрят на ту сторону Реки. Юный Шарлах остается на этом берегу.

Ответить атэву не успели. В коридоре послышался шум, и в комнату ввалилось шесть или семь воинов во главе с капитаном замка и стряпуха, на щеке которой багровел внушительный синяк. Сзади Шарло заметил Николая. Эрастианец, как всегда, стоял, опустив глаза, близкий и далекий одновременно.

– Сигнор, – пробормотал капитан, – брат Николай нам сказал...

– Что я умираю? Похоже на то... – Эгон зашевелился, пытаясь приподняться на локтях, и Шарло его поддержал, опередив даже Рафаэля. Барон исхудал, его тело было покрыто язвами, но гной из них уже не сочился, ранки подсохли и покрылись темными корками. Их было не так уж и много, но мальчик знал, что это хуже всего. Те, у кого много мелких язв, имеют больше шансов выжить.

Эгон больше не пытался прогнать «сына» – то ли не хотел показаться слабым перед своими людьми, то ли поверил Яфе.

Властитель Гран-Гийо все еще был страшно тяжел. Изо всех сил удерживая барона, Шарло не мог видеть его лица, вынужденно глядя на тех, кто пришел к своему сигнору. Так они и замерли – девять человек у двери, двое на постели и двое у окна. Первым подал голос Николай:

– Да воздаст тебе по заслугам святой Эрасти, брат мой.

– Это его дело, – закашлялся барон, – вы, у входа...

Подойдите, раз уж пришли… Яфе… говорит… это последний прилив сил… Но мы эту заразу победили… Кто-то еще умрет, но главное позади… Оноре! Я тебе говорю!

Капитан Гран-Гийо отчеканил два с половиной шага, как на плацу, а затем грузно бухнулся на колени. Ветеран заразы не боялся, он вообще ничего и никого не боялся, кроме умершей позавчера жены.

– Оноре Годи, за безупречную службу я произвожу вас в личные нобили с правом выбора сигны и консигны. Принимаете ли вы из моих рук это звание и клянетесь ли честью нобиля… – Эгон с шумом втянул воздух, Кодекс Розы был слишком пространен и многословен для его сгоревших легких, – честью нобиля служить дому Фарни?

– Клянусь, сигнор, – выдохнул новоиспеченный дворянин.

– Какую сигну вы избираете?

– К-к-костер, сигнор. И над ним молодую луну… Как сейчас на небе…

– Да будет так… Маркиз Гаэтано… свидетельствуете ли вы присягу сигнора ре Годи?

– Свидетельствую, – быстро произнес Рафаэль положенную фразу, – да будет честь дома Кэрны порукой, что путь избранного будет путем чести. Если сигнор ре Годи свернет с него, его покарает моя рука.

– Арде… А теперь, капитан, слушайте… Я всегда служил Арции и Лумэнам, но Лумэнов больше нет… В Мунте сидит узурпатор и детоубийца… Но этого мало. Север послал его куда подальше… Тартю и его капустницы колдовством наслали на нас чуму… Север должен восстать и вернуть на трон… наследников Александра Тагэре.

Я думал сделать это сам… Не смогу. Но с нами тот, кто годится для этого лучше меня… Рафаэль Кэрна, маркиз Гаэтано… Он поведет вас… Отправьте Тартю с капустницами и синяками в преисподнюю… Они это заслужили… Рафаэль, именем святого Эрасти клянись, что ты… – Эгон замолчал, судорожно хватая раскрытым ртом воздух.

– Я, Хозе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец, маркиз Гаэтано, – Шарло впервые слышал, чтобы Рито называл все свои имена и титулы, – старший сын и наследник герцога Энрике, клянусь, что Пьер Тартю и его сообщники будут наказаны за все. Я найду их хоть в Кантиске, хоть в Сером море. Александр Тагэре жив. Он снова будет королем, клянусь сердцем Кэрны!

Огонь в лампе вспыхнул ярко и светло, превратившись в некое подобие охваченного огнем сердца.

– Святой Эрасти услышал клятву, – отчетливо произнес

Николай.

– Да не развяжется завязанное, – эхом отозвался Яфе.

Руки Шарло совсем затекли, но мальчик не мог и помыслить передать свою ношу другому или попросить помощи, но барон Эгон Фарни неожиданно сильным движением освободился из державших его рук и развернул «сына» лицом к себе.

– Я называю вас своим наследником… Тагэре, когда вернется, подтвердит ваши права. Все! Я благословляю вас, Шарль, виконт Тагрэ… Вас и Катрин. Шарль… Именем дома Фарни… Служи Арции и Тагэре.

Бросившийся на помощь Яфе успел подхватить мертвого барона и бережно положить на постель.

– Сигнор Тагрэ, – новоиспеченный нобиль, шмыгнув носом, выхватил меч, – сталью и жизнью клянусь в верности!

– Я принимаю вашу клятву, – горло Шарло сдавил горячий ком, – Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре!

– Вернем Арции Тагэре! Смерть Тартю и капустницам!

Пламя вновь взметнулось вверх, став алым, как кровь или закатное солнце. Шарло Тагрэ встал на колени у тела Эгона,

– Спасибо, сигноры. А теперь я должен проститься. Его послушался даже Яфе. Последним выходил мириец, но Шарло схватил его за руку

– Рито… Что теперь делать?

– Ты же только что все сказал, – тихо сказал Кэрна. – Мы не святые и не всемогущие, но мы должны победить, и мы победим. И для начала покончим с чумой!

Нэо Рамиэрль

Рамиэрль не отставал от мчавшейся крысы и молил всех богов Света и Тьмы, чтобы его друзья тоже выдержали неистовую гонку. Это было похуже радужных троп, там хотя бы имелись островки, на которых можно передохнуть, а сине-зеленые лучи придавали странникам междумирья сил. Здесь все было иначе. Крыса бежала сквозь пульсирующую мглу, впереди ничего не было, сзади тоже. Каменная тварь то ли знала дорогу, то ли ее вело чутье, или же она различала нужный голос в дикой, разрывающей барабанные перепонки какофонии.

Нэо не сомневался, что здесь нет пути ни для кого, кроме служащих неведомым силам мерзких созданий, на след одного из которых они стали. Ни вернуться, ни пойти другой дорогой было нельзя, оставалось бежать и бежать, стараясь ничего не слышать и не видеть, кроме мелькающего впереди блестящего голого хвоста.

Рамиэрль не мог знать, куда выведет их, если выведет, невольная проводница. Ангес полагал, что в храме обитало нечто, воспользовавшееся обрушившейся на безымянный мир бедой и удравшее в Тарру, но Воин мог ошибиться. Никто не мешал крысе припустить, скажем, в место, населенное своими товарками, но тут уж ничего не поделаешь! Если падаешь в пропасть, поздно думать о веревке.

Роман по праву считал себя выносливым, но в любом другом месте он бы уже валялся на земле. Что было с его спутниками, особенно с Норгэрелем, было страшно и подумать.

Крыса взвизгнула, словно сковородка под ножом чудовищного повара, и припустила еще быстрее. Нэо, проклиная все на свете, ускорил бег, понимая, что скоро сломается, но тварь неожиданно прыгнула вперед и вниз. Рамиэрль последовал за ней. Что-то еле слышно хрустнуло, словно разбилась тоненькая ледяная пластинка. Этот звук вытеснил все остальные и оказался последним, наступила тишина. Кто-то с налету ткнулся Нэо в спину, и он подхватил споткнувшегося Аддари, державшего за руку Норгэреля. Дохнуло жаром – лльяма тоже умудрилась протиснуться сквозь исчезающий Проход. Хвала Звездному Лебедю, все живы и все вместе!

– Где мы? – широко раскрыл глаза Солнечный принц. И впрямь, где?

Трое эльфов и огненная тварь теснились в небольшом круглом помещении, соединенном низкой аркой с другим, похожим и не похожим на покинутую ими обитель обсидиановых бестий. Под самой аркой валялась куча щебенки, в которую превратилась каменная крыса, и воздух над ней дрожал, как в лесу над костром. Передний зал был большим, но его размеры хотя бы не сводили с ума. Слева от входа громоздилось нечто вроде разрушенного алтаря, засыпанного камнями и камешками, на полу виднелись отвратительные пятна, справа не было ничего, окон и дверей тоже не наблюдалось.

Нэо задумчиво шевельнул ногой каменную крошку, мгновение назад бывшую отвратительным хвостом, поднял глаза и вздрогнул при виде черного отпечатка на гладкой сероватой стене.

– Вот мы и дома, эмикиэ! Добро пожаловать. Нас даже встретили, не цветами, конечно, но жаловаться грех.

– Дома, – выдохнул Норгэрель, – с чего ты это взял? Неприятное место, в Тарре ничего подобного нет и быть не может.

– Здесь и правда поработали чужие силы, – кивнул Рамиэрль, – но это – Тарра. Мы в Черном Суре, под тем самом

храмом, о котором писал Майхуб. Мы прошли по следу бывшего узника, а вернее всего, по следу его тюремщиков. Ангес был прав.

– Солнце Всемилостивое! – Аддари, подошедший посмотреть на то, что осталось от их странного проводника, с ужасом и отвращением воззрился на выжженную мужскую ладонь. – Это хуже, чем смерть!

– Иногда, чтобы победить то, что хуже, чем жизнь, нужно быть более чем мертвым, – пробормотал Нэо, благословляя выходку Рене Арроя – не бойся, это привет от друга.

– Это зло, запредельное зло! Я слышал об этом. Вернувшиеся несут в себе смерть, и они сами – смерть. Миры, осквернённые подобными созданиями, обречены. Даже боги оттуда уходят, не смея спорить с вестниками Конца.

– Не суди дельфина, повидав кэргору, – пробормотал Норгэрель эландскую поговорку.

– Именно, – подтвердил Роман, – твои слова – это слова Арцея или кого-то ему подобного. Им, похоже, не впервой удирать, бросая то, что должно защищать, на произвол судьбы. Может, отпущенные из-за Грани и предвещают закаты миров, но Рене вырвался и вернулся по собственной воле.

– И не погубит, а спасет, – вмешался Норгэрель, блестя глазами, – если придут те, о ком ты говоришь, они будут иметь дело со Скитальцем. То, что ты чуешь, не зло, а Сила, и она послушна лучшему сердцу Тарры. Когда ты узнаешь Рене, ты поймешь. Ты не в Луциане, Аддари, где Зло – это Тьма, а Тьма все, что не Свет…

– Я давно так не думаю, – перебил Солнечный, – С тех пор как мы встретились, я повидал немало Зла, но истинную Тьму не встречал. Просто мне страшно… Я даже не знаю, как назвать эту… Эту дыру в ткани Жизни.

– Ну и не знай, – прекратил разговор Роман, – придумывать имена тому, чему нет названия, будем позже. Если Тарра не превратится в… Звездный Лебедь! Тому, что мы видели по ту сторону Прохода, названия тоже нет.

Похоже, они дружно спятили: накативший на всех троих смех явно был подобен безумию. Ничего не понявшая лльяма не преминула усугубить суматоху, завертевшись волчком, плюющимся багровыми искрами. Нэо трясся от хохота, прислонившись к холодной, скользкой стене и стараясь не изжариться живьем по милости разгулявшейся огневушки.

Эльф иногда позволял себе помечтать о том, как они с Норгэрелем возвращаются домой. Это обязательно происходило лунной весенней ночью с высокими звездами, запахом черемухи и птичьим щебетом. Вдалеке шумела река, а у Врат, положив руку

на холку Гиба, стоял Рене.

Да уж, Нэо, воображение барда – вещь страшная. Вместо Гиба – каменная крыса, вместо неба – серый подвал, угадал он только с Рене. Скиталец и Клэр, как и собирались, прошли по следам старой легенды и добрались до заброшенного храма в сурианских джунглях, весь вопрос когда...

2896 год от В.И. 6-й день месяца Дракона. ИФРАНА. АВИРА

То, что регентша родилась летом, было глупостью и несуразицей. Жоселин больше подходила или поздняя слякотная осень, или затяжная, холодная весна, полная грязи и появившихся из-под снега нечистот, хотя всего лучше было б, если б ифранка вовсе не являлась в этот мир. Равно как ее батюшка и другие достойные представители семейства Пата. Тем не менее они существовали, и Базиль Гризье был вынужден на них любоваться и даже поздравлять.

Лето в Ифране было жарким и душным, а посему празднества устраивали по вечерам. Базиль не сомневался: будь на то воля Жоселин, она бы никогда не стала тратить деньги на свечи, закуски и вина, но обязанности регента требовали собирать знать и иноземных послов на торжественные приемы, и ифранка это делала. Разумеется, посол Арции, он же брат Ее Величества Элеоноры, принимал в этом участие, то есть одевался в черное и сиреневое, вешал на шею графскую цепь и толкался с бокалом вина среди скучающих нобилей, говоря обо всем и ни о чем. Здесь не танцевали, не пели и почти не пили, хотя музыканты играли, а Большой зал королевского дворца вмещал до пятисот танцующих пар. При отце и деде Жозефа в Авире проигрывали войны и веселились, затем здесь научились побеждать и разучились радоваться.

Глядя на регентшу и топтавшегося рядом с ней серенького короленыша, Базиль не мог отделаться от мысли, что такой моли, как Пьер Тартю, самое место при ифранском дворе и что Мунт лет через пять, если не раньше, превратится в подобие Авиры. Арциец обернулся, выискивая тех, с кем можно поговорить хотя бы о погоде, не опасаясь вывихнуть себе от скуки челюсти. В соседнем зале в окружении десятка-полугора подхалимов и шпионов стоял Альбер Вардо, которому на сей раз пришлось явиться с Антуанеттой: день рождения принцессы требовал присутствия всех знатнейших дам.

Базиль изящно поклонился эллскому послу, берет которого приходился арцийцу как раз на уровне воротника, и, лавируя

между гостями, направился в сторону Альбера. Разумеется, тот его окликнул. Дружеские отношения арцийского дипломата с Морисом Саррижем и его знаменитым дядей были всем известны, но Базиль полагал, что Жоселин остается в счастливом неведении о его участии в заговоре. В то, что регентша не догадывается о том, что ей противостоит довольно-таки сильная партия, Гризье не верил – дочь Паука была умна и проницательна. Она боялась Вардо, но на Мориса смотрела как на вертопраха, а на его арцийского приятеля как на «пуделя», что и требовалось доказать.

«Собачья» репутация Базиля была заговорщикам на пользу, а самого графа мысль, что он ходит по лезвию ножа, предавая двух монархов сразу, грела, как хорошее вино. Если б только Морис не был любовником жены Вардо или хотя бы ничего об этом не говорил приятелю! Хотя, какие глупости! Они и подружились-то из-за этой истории.

– Монсигнор!

– Здравствуйте, Базиль. Слышали новости?

– Для того чтобы ответить, я должен понять, что вы имеете в виду.

– Оргондскую кампанию и арцийскую чуму.

– Что ж, о существовании и первого, и второго я осведомлен, но о подробностях нет. Итак, что слышно из Оргонды?

– Новости из Арции вас интересуют меньше.

– Разумеется, – Базиль взял у проходящего слуги кубок, – ведь меня сейчас в Арции нет. Что до чумы, то, как мне кажется, она еще только начинается.

Граф Вардо внимательно взглянул на своего собеседника и заметил:

– К нашему большому сожалению, маршал Аршо-Жуай пока не оправдал возложенных на него надежд.

– Или Сезар Мальвани оправдал возложенные на него опасения?

– Можно сказать и так, но охотника на тигров из Ипполита не получилось. Мальвани обвел наших Стратегов вокруг пальца и заставил прогуляться вдоль Ньера. Сначала Аршо хотел обойтись без генерального сражения и сразу же двинуться к Лиарэ, но, побегав наперегонки с Мальвани, стал мечтать о драке.

– Ну, драться для Тигра одно удовольствие, – заметил Базиль, – маршал Аршо получит то, что хочет.

– И потеряет маршальский жезл, – встрял в разговор какой-то сплетник, – из-за его нерасторопности Ее Высочеству пришлось принять условия дарнийцев. Кстати, хочу сообщить вам приятное известие: оргондский лагерь наконец-то взят. Вернее, – сплетник внимательно посмотрел на графа Мо, – следует говорить

арцийский.

– О нет, – покачал головой Базиль, – ни в коем случае, иначе мне пришлось бы называть арцийцами и правящую в Лиарэ семейку, а это неприятно, учитывая их происхождение. Пусть лучше остаются оргондцами...

– Имена Мальвани и Тагэре столь ненавистны послу Его Величества?

– В каждом государстве есть имена, раздражающие слух монарха, а значит, и тех, кто ему служит.

У Жоселин была мерзкая привычка подходить незаметно, хотя Пьер Тартю со своей манерой сидеть на троне и требовать почестей для своей тощей задницы был еще хуже.

– Сигнор Мо, – регентша была сама любезность, – граф Альбер уже попросил вас об услуге?

– Я с радостью ее окажу, если это не ущемит интересов моего короля, – фиалковые глаза арцийца были совершенно безмятежными.

– Дело в том, – продолжала мурлыкать Жоселин, – что супруга господина графа обеспокоена судьбой своего брата. Видите ли, ей снятся дурные сны.

– Это очень печально, – согласился Базиль, не понимая, к чему клонит Жоселин, но чувствуя, что вступает на тонкий лед.

– Вы, видимо, знаете, что Антуанетта приходится мне кузиной?

– Кузены и даже братья есть почти у всех монархов. К счастью, – простите Ваше Высочество, за оговорку, – к моему глубокому сожалению, Его Величество король Арции по воле судьбы лишен братской и сестринской любви.

Короткий взгляд Альбера предупреждал об осторожности, но Базиль знал, что делает. Тот, кто что-то затевает, на словах должен быть очень осторожен – мать слишком часто это повторяла, чтобы он понял: так думают все интриганы. Значит, тот, кто дерзит, останется вне подозрений!

– Некоторые (регентша подчеркнула это слово) нобили полагают, что брат Антуанетты имеет определенные права на престол. К несчастью, юноша очень слаб здоровьем и вынужден жить в уединении на попечении антонианцев. Это порождает неприятные слухи. Мы с графом Вардо были бы весьма признательны, если б посол Арции, как лицо непредвзятое и чуждое здешних политических интриг, согласился встретиться с моим кузеном Роланом, переговорить с ним наедине, передать письма от сестры и привезти ей ответ. Надеюсь, это послужит веским доказательством того, что в затворничестве Ролана нет ничего противоестественного.

– Я счастлив служить высокой сигноре, – Базиль почтительно поднес к губам неопределенного цвета ленту, показывающую, где у Жоселин должна быть талия. Хотя зачем она ручке от метлы? – Но не проще ли сигноре Антуанетте самой проведать брата?

– В антонианскую обитель нет хода женщинам.

– В таком случае, я готов. Надеюсь, к моему возвращению я смогу поздравить вас с победой.

– Нас, граф, – Жоселин блеснула острыми беличьими зубками, – победа над Мальвани – это окончательная победа над Тагэре. К несчастью, муж Марты оказался слишком проницателен или, – регентша помедлила, – сумел найти друзей там, где не ожидал.

– Вы имеете в виду поступок Энрике Кэрны? – деловито уточнил Вардо, и Базилю стало очень неуютно. Лично он слова Жоселин «не понял», их вообще не следовало замечать.

– Это как раз вполне объяснимо, – заметила регентша. – Энрике желает отомстить за сына и дочь. К тому же выставить с острова две с половиной тысячи самых горячих голов всегда полезно. Нет, я о другом. Сезар Мальвани угадал, что и как мы станем делать.

– Вот уж ничего удивительного, – пожал плечами Гризье, – я очень уважаю маршала Аршо, но он слишком хорошо обучен, чтобы воевать с диким тигром. Все, кто читают книжки по стратегии и тактике, поступают очень умно, но одинаково.

– А вы читаете военные труды? – поинтересовался Альбер.

– Упаси святая Циала, я почти год, как бросил читать! Вот мой младший брат зачитывался историей Леонарда. Это вредно сказалось на его здоровье.

– Мои соболезнования, граф. Наверное, это было для вас ударом. Ведь несчастья становятся несчастьями, лишь когда мы про них узнаем.

– Не буду лгать, сударыня, – Базиль слегка улыбнулся, – мы с Филиппом не ладили. Он вел себя, как волчонок, и мог вырасти в матерого волка... Лучше оплакивать невинную жертву, чем самому стать таковой. Те короли, которые это понимают, иногда правят долго и успешно... А иногда и нет. Горбун был наказан за свои, скажем так, ошибки. Я думаю, Его Величество Пьер их учел.

– Когда вы собираетесь на родину, граф?

– Согласно этикету, я должен присутствовать при именовании своего племянника. Его еще нет на свете, и я готов помолиться о здравии моей сестры в антонианской обители. А также о том, чтобы оргондская кампания завершилась наилучшим образом.

– Надеюсь, Ее Величество чувствует себя хорошо.

– Благодарю вас, все в порядке.

В порядке? Кто знает... Он не видел Нору со свадьбы, а ее пустенькие записочки были явно написаны под диктовку, да другими быть и не могли. Удивляло другое: отсутствие писем от матери. Похоже, он ее, наконец, довел или Жорес полностью завладел ее мыслями, вытеснив даже политику. Если б он мог написать Доротее! Но его письмо будет прочитано самое малое трижды, а об условных словах они не договорились.

Нэо Рамиэрль

Аддари с сомнением взглянул на крысиные останки. Нэо его понял, он и сам думал, не постигнет ли их подобная судьба, если они попробуют выйти.

– Волчонка! – лльяма прекратила вертеться и повернулась к обожаемому повелителю. Лучше всего ее поведение подошло бы под определение «смотрит собачьими глазами», разве что жаркие провалы в черноту не слишком походили на глаза. – Иди вперед. Туда!

Если огневушка погибнет, он себе этого не простит, но кто-то должен идти первым. Как хорошо странствовать в одиночестве, тогда ты никого не можешь послать на смерть, кроме самого себя. Он бы и сейчас пошел, но на его шее Аддари с Норгэрелем, не считая других долгов. Рисковать нельзя, не рисковать отвратительно.

Лльяма недовольно заурчала и брезгливо затрясла тем, что, видимо, считала передней лапой.

– Вперед, Волчонка!

Огневушка укоризненно фыркнула, по ее спине побежали оранжевые огоньки, и Роман, не выдержав, сделал шаг. Лльяма, устыдившись своей трусости, прыгнула вперед, обдав эльфа жаром, и выскочила в большой зал. С ней НИЧЕГО не произошло. Конечно, отродье Бездны и эльфы были разными силами, но Свет созвучнее Тьме, чем силе, создавшей крысу, и Нэо уверенно шагнул сквозь дрожащую завесу. Ему показалось, что сквозь него смотрит кто-то старый и хитрый, но ощущение было слишком мимолетным, чтобы понять больше.

Очутившись рядом с гордой собой лльямой, Рамиэрль обернулся и махнул рукой, подзывая Норгэреля и Аддари, но подзывать было некого. Перед ним была гладкая серая стена! Морок? Нэо бросился назад, его пальцы коснулись чего-то прохладного и скользкого. Звездный Лебедь! Как же это?! Они с лльямой выбрались, а друзья не смогли?! Нет, выходят.

Аддари с Норгэрелем возникли из ничего и тоже оторопело

уставились на мерцающую поверхность. Угадать место Прохода можно было лишь по каменной куче, отдаленно напоминавшей переднюю часть чудовищного грызуна.

– Похоже, эта дорога в одну сторону, – пробормотал Аддари, – слышал об этом.

– Ничего не понимаю, – признался Норгэрель, глядя на незримый дрожащий занавес, услужливо переместившийся вместе с ними и теперь разделявший большой зал на две неравные половины. Выход из одной отметила ладонь Скитальца, и там же оказались все замеченные эльфом пятна, в торце другой располагался алтарь, на который вдохновенно рычала лльяма.

– Тут и понимать нечего, – откликнулся Роман, – выйти отсюда можно, войти – нет. С той стороны видна только стена, потому-то Рене и повернул назад – для него путешествие было закончено. Эти пятна, несомненно, на его совести, и хорошо. Вряд ли при жизни они были приятными созданиями.

– Рамиэрль, – Аддари тронул разведчика за плечо, – ты знаешь больше меня и больше Норгэреля, а говоришь с нами, как с равными. Я понял, что твой друг, привязавший к себе свою смерть, побывал здесь. Его дорога ведет наверх? Мы можем по ней выйти?

– Можем и выйдем, – заверил Рамиэрль, глядя на мертвый алтарь, – интересно, что за идолы там стояли?

– Крысы? – предположил Норгэрель.

– Нет, – покачал головой разведчик, – крысы и прочая нечисть, без сомнения, стражи. Их дело охранять проход и сообщить хозяину, если что не так.

– А кто прикончил эту тварь? – Норгэрель кивнул на бренные останки, принявшие тот же мертвый серый оттенок, как и все в этом месте.

– Узник, когда освободился. Боялся, что за ним придут, и принял меры – поставил ловушку, разрушил алтарь. Не терплю тюремщиков, но, если б эти делали свое дело получше, наш «друг» до сих пор сидел бы здесь, а не в Вархе, а мы обошлись бы без Ройгу и прочих подлостей. Эмикиэ, мы так и будем стоять и думать о Зле, Добре и том, что было до Великого Исхода?

– Не злись, – примирительно сказал Аддари, к которому присоединилась пискнувшая что-то умильное лльяма. Стало жарко.

– Прости, – улыбнулся Нэо.

– Ничего, – кивнул Солнечный. – Нэо, если мы отсюда выйдем, дороги назад не будет. Вдруг нам нужно что-нибудь сделать?

Еще как нужно, потому он и злится... Роман с тоской

посмотрел на угольный отпечаток. Один шаг – и они дома. Воду они найдут быстро, позовут Гиба, он придет за ними один или с Рене, и прощайте радужные тропы и здравствуй, Тарра. Орел и Дракон были правы, он – хороший разведчик и неплохой воин, но в обычной войне он, в лучшем случае, будет лучшим из многих; сейчас же ему выпал шанс сделать то, что не сделает никто, но как же не хочется!

Рамиэрль обошел остатки алтаря, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся еще отвратительнее. Вряд ли прорвавшееся в Тарру неведомое существо добиралось до Серого моря вплавь, и уж тем более невероятно, что оно проскочило в Варху под носом у Эмзара и не кажет оттуда носа по собственному желанию. Если отбросить то, что лежит за пределами вероятности, есть лишь один ответ, объясняющий все. Древние пути – те самые, которыми они с Кризой ушли с Седого поля. Из храма или его окрестностей должен быть ход в Серое море, а оттуда – в Варху. Он уже ходил этими тропами, и это не лучшее воспоминание в его жизни. Рамиэрль прикрыл глаза, вызывая полузабытое ощущение дороги, в кромешной тьме отражаемой во множестве зеркал. Там еще был странный, казавшийся живым слабый ветер, а далеко впереди летел огонек, за которым надо было бежать. Ветер... Он коснулся лица, как слепец, желающий узнать, с кем имеет дело. Можно открыть глаза и выйти вон, но тогда Хозяин Вархи останется недоступен, а эльфы будут связаны своей стражей. Отступать нельзя, он пройдет этим путем, потому что, кроме него, некому.

Вспышку Нэо увидел даже сквозь сомкнутые веки.

– Свете Всемилостивый, – почти простонал Аддари, – что это?!

– Этим путем отсюда ушел наш «приятель», – быстро проговорил Роман, – сначала в Серое море, потом в Варху. Все, эмикиэ. Прощаемся. Аддари, Норгэрель, ступайте дорогой Рене, он сделал это подземелье безопасным. Норгэрель, когда выберетесь, пошли весточку Гибу, тот всегда найдет Скитальца или, если он в море, придет сам. Скоро вы будете в Вархе.

– ...к которой я, по словам того же Рене, не должен приближаться, – усмехнулся Норгэрель. – Я знаю, что ты задумал, Нэо. Ты решил схватить тварь в ее же логове, и не думай, что я отпущу тебя одного.

– А я не отпущу вас обоих, – не допускающим возражений тоном заявил Аддари.

– А, – махнул рукой Нэо, – бездна с вами!

– Ну, – засмеялся Солнечный, указывая на насторожившуюся лльяму, – бездна-то как раз с тобой.

Предоставленный самому себе парк за особняком Бэрротов изрядно разросся. Сильные растения глушили слабые, необрезанные ветки торчали во все стороны, а сорвавшийся словно с цепи бесов вьюн превратил столь любимый покойным Антуаном лабиринт-каприз в непроходимую чащу. Пьер Тартю подарил оставшийся без хозяев дворец Его Высокопреосвященству, но Клавдий боялся этого места, как чумы. Его многие боялись. Кто-то слышал, как в заколоченном доме звучала мирийская гитара, кто-то видел две тени – женскую и мужскую, кому-то привиделся огромный черный конь, рывший копытом воду старого пруда, словно это был песок.

Кардинал, чья знаменитая трусость была подвергнута серьезнейшему испытанию не менее знаменитой жадностью, обращался за помощью и в Красную Палату, и к Предстоятелю антонианцев. Камилл Дюбар лично обошел дворец и парк с Кристаллом Поиска, но ничего не нашел. Илларион же посоветовал Клавдию молить Триединого о прощении, а не думать о мирском на краю пропасти. Кардинал, расценив это как совет держаться подальше от здания, предыдущие хозяева которого в одночасье погибли необъяснимой и страшной смертью, вывез из комнат все, что представляло хоть какую-то ценность, заколотил окна и двери и запер ворота. Так стремительно зарастающий парк оказался в полном распоряжении бродячих собак, кошек, птиц и насекомых.

Никто и не подумал обратить внимание на крупную бабочку, перелетевшую через высокую ограду и устремившуюся в центр запущенного лабиринта. Когда-то там бил фонтан, украшенный скульптурой мраморной лисицы, теперь бассейн был сух, а на его краю сидели двое. Стройный голубоглазый человек задумчиво поигрывал кинжалом, его собеседник, как две капли воды похожий на снящегося всем арцийским прознатчикам и стражникам маркиза Гаэтано, грыз травинку и смотрел в выгоревшее летнее небо.

– Рене, – окликнул он приятеля, нехорошо улыбнувшись, – а ведь уже полдень! Книга Книг опять соврала.

– Арде, – голубоглазый вбросил кинжал в ножны. – Итак, Антипод, коему после свершения Последнего Греха должна была достаться Тарра, так и не явился, и отпущенные ему семь месяцев, семь дней и семь ор прошли. Жаль, но, похоже, любимое пугало церковников сродни Звездному Старцу[35]. Зря я задержался.

– Ты успеешь, им еще плыть и плыть.

– Верно, – откликнулся Рене, – но пойти на поводу у этой писанины было глупо. О, кого я вижу!

– Меня, – сообщила бабочка, спускаясь на траву и принимая человеческий облик. – И что б вы без меня делали?

– Серпьент, – золотисто-зеленоватые глаза «маркиза Гаэтано» слегка сузились, – ты был в храме?

– Был, – самодовольная физиономия Крапивника сразу поскучнела, – отвратительное место. Дохлое. Елка, и та завянет.

– Ты сделал все, как надо?

– Если не доверяешь, сам бы и лез в эту осень, – огрызнулся Кулебрин. – Этот ваш лиловый ночи напролет стоит на коленках, пялится на стенку и себе под нос бормочет.

– А что со стенкой?

– Мокрая она.

– Мокрая?

– Ага, в потеках. Развалится эта дрянь скоро, точно говорю! Вот шуму-то будет... Хорошо б этого лилового придавило, ненавижу.

– Почему? – быстро переспросил Скиталец.

– А потому, проешь его гусеница, что важный очень. И тупой, как замшелый пень. Жизни нет давно, а торчит, да еще дрянь всякая в нем гнездится.

– Серпьент, – спокойно сказал Рене, – смотри на меня. Внимательно смотри. Что ты видишь?

– Бум-бум-бум, – Крапивник нахмурился. – Врешь! Быть не может!

– Может, – губы Скитальца дрогнули в улыбке, – ты сказал, в Илларионе нет жизни? Он похож на меня? Хоть чем-то?

– Нет, – Кулебрин был на удивление краток, – ничего похожего. Ты все равно наш, таррский, а этот чужой. Такой чужой, что чужее не бывает. Может, ты и умирал, но ты живой, а этот хоть и не сдыхал, а дохлый. А больше ничего сказать не могу. Разит там чем-то, внизу особенно.

– Не кровью?

– Кровь была, но высохла, только пятна на стенках остались... Много пятен. Ну, не знаю я, что там такое! Слушайте, может, вы все это спалите, а? А я потом сверху крапиву выращу, и всем хорошо будет. Или хотя бы клирика этого прибьете?

– Мы подумаем, – очень серьезно ответил Рене, – правда, Эрасти?

– Обязательно. А что женщина?

– Ведьма, – припечатал Серпьент, – и тоже дохлая, но иначе. Я у нее чуть не завял, но теперь все знаю! И что бы вы без меня делали?!

– Серпьент, – поднял бровь Проклятый.

– Ладно уж... Ведьма эта путается с другой, посильнее. Та, то есть то – нет, ее можно вызвать, но сначала кто-то должен завянуть.

– Завянуть? – переспросил Рене.

– Умереть, – пояснил Эрасти. – Анастазия открывает кому-то Проход чужой жизнью.

– Этой ночью завяло трое, – добавил Крапивник, – в том же доме. И еще там цветы не живут.

– Весело, – присвистнул Рене, – меня вот цветы не боятся.

– А чего тебя бояться? Так вот, эта ведьма, проешь ее гусеница, запирается, надевает на себя мерзкие штуки и зажигает ими свечи.

– Ими?

– Угу. Тронет свечку кольцом, та и загорится, только огонь не правильный. Там все не правильное, и сама она не правильная, а уж зеркала у нее... В одно вторая и залазит. А с ней зверь, хуже не придумаешь.

– Белый олень?

– Может, вы его как оленя и видите, но тварь эта травку есть не станет. Только недолго я на него любовался, хозяйка его в другое зеркало отправила. К ведьме, что все это затеяла, и они куда-то ускакали. Фу, пакость! В одном зеркале пусто, в другом – чужачка эта, а посредине ваша Анастазия торчит – то ли спит, то ли померла.

– Долго так продолжалось?

– Долго, я желтеть начал. Из-за свечек этих осень наступает, да еще та, в первом зеркале, бормотала.

– Что?! Что она говорила?! Ты запомнил?

– Не, – покачал головой Серпьент, – тихо и не по-нашему. Но она довольна была, проешь ее гусеница.

– Что было, когда вернулся олень?

– А ничего. Свечки погасли, зеркала стали зеркалами, а ведьма проснулась, сняла камни и пошла себе. Ну, а я за ней. Может, вы хотя бы ее убьете?

– Их убью я, – жестко сказал Эрасти, – обеих, но сначала ты туда вернешься и посмотришь, что будет делать Анастазия и с кем говорить. Вряд ли она каждый день жертвует тремя сестрами, видимо, ей что-то было очень нужно.

– Ладно, – буркнул Крапивник, – если ты потом ее прикончишь, я готов. Только она в храм поперлась до вечера. Можно, я пока во дворец слетаю?

– Можно, – засмеялся Рене, – но ведь ты там уже напакостил.

– Я хочу посмотреть, как он чешется, – на лице Серпьента

появилось мечтательное выражение. – Этот Пьер, проешь его гусеница, заявил, что болячки у него в наказание за грехи страны, и он их искупает. Искупает, как же! Шестерых медикусов в тюрьму отправил… И главного повара заодно. Ну, я полетел.

– Серпьент, – Эрасти был очень серьезен, – хочешь смотреть – смотри, но никуда не встревай. Если Тартю вылечат, не беда, главное, чтоб о тебе никто не догадался. Твое дело – Анастазия.

– Учи ученого… Если ты похож на моего друга, это еще не значит, что…

2896 год от В.И. 21-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. МУНТ

О приходе Бекко Ее Иносенсии всегда докладывали незамедлительно, как бы занята она ни была. В этот раз мириец появился, когда Ее Иносенсия молилась, вернее, думала о чем-то своем, глядя на изображение святой, у ног которой лежал белый олень. Когда прознатчик вошел, Предстоятельница опустила плотную ткань, скрывшую изображение. Последнее время взгляд святой не то чтобы раздражал, но Анастазия предпочитала заниматься земными делами, занавесив икону.

Бекко, как всегда, обжег свою сигнору обожающим взглядом, Ее Иносенсия протянула любимому шпиону руку для поцелуя.

– Я полагаю, вы из Оргонды? Война еще не закончилась?

– Да возрадуется Ее Иносенсия! Война только началась.

– О разгроме Аршо-Жуая я наслышана. Тигр оказался удачливей волка…

– Чтоб не утомлять мою сигнору, с чего мне начинать?

– С того, что случилось после взятия Краколлье.

– Извольте. Жоселин собрала еще одну армию. Эллские наемники и пожелавшие выслужиться нобили. Регентша преувеличивает численность и мощь своей покупки.

– Не сомневаюсь, что Бекко ре Бейра знает правду.

– Знает, – поклонился прознатчик, – в третьей ифранской армии, которой командует маршал Фобан, четыре тысячи тяжеловооруженных конников, шестнадцать тысяч пехотинцев и шесть тысяч стрелков. Эти достойные господа воссоединились с теми, кто брал Краколлье. К слову сказать, бой, который дали оставшиеся в лагере арцийцы, неприятно поразил цвет ифранского рыцарства. Они начали бояться.

– Я знаю про Паже. Он поступил глупо…

– Ее Иносенсия никогда не ошибается. Андре Паже и его люди могли сохранить свою жизнь, уйдя с ополченцами, но, умерев под «волчьими» и «тигриными» сигнами, напомнили

нашим ифранским друзьям, что есть нечто подороже денег.

– Похоже, вы на стороне погибших.

– Я – мириец, моя сигнора, и ценю танцующих со смертью дороже бегущих за золотом.

– Не отвлекайтесь. Что делают первая и третья Ифранские армии?

– Ловят Тигра за хвост, – блеснул зубами Бекко.

– Опасное занятие.

– Арде. Маршал Фобан сделал то, чего не сделал бедняга Жуай, а именно: форсировал Ньер у Кер-Женевьев. Переправился он довольно лихо, обложил цитадель и предложил сдаться.

– Что ему ответили?

– Эти слова не годятся для слуха Ее Иносенсии. Скажу лишь, что оргондцы были весьма грубы и, без сомнения, читали письмо Гварского Лося Пьеру Тартю. Фобан испугался, так что смерть Паже, по большому счету, оказалась не столь уж глупой. Ифранцы не рискнули с налета штурмовать старую крепость, в которой хорошо, если бы было пять сотен воинов и тысячи две ополченцев. Ее Иносенсия будет смеяться, но они перешли к осаде, оказавшейся, впрочем, недолгой. На третью ночь подошел Сезар Мальвани, деблокировал крепость, вывел гарнизон и растворился в тумане, засыпав Фобана цветами.

– Энрике сделал Мальвани щедрый подарок. Говорят, все букеты Диего Артьенде имеют смысл.

– Да, Фобан получил стрелолисты, златоцветы и гвоздики четырех сортов. На языке цветов сие означает надежду на будущую встречу и извинение за то, что предыдущее свидание было недолгим.

– Где Мальвани?

– Везде и нигде. Фобан направился к Лиарэ, а оргондская армия исчезла. Тигр неглуп. Разбить ифранцев в сражении, сохранив войска, ему не под силу, но сделать жизнь Фобана невыносимой он может. И он это сделает, даже если падет Лиарэ.

– Марта Тагэре в столице?

– И Миранда Мальвани тоже. Они вывезли только наследника. Шарль-Анри в Мирии под защитой герцога Энрике.

– Значит, Сезар рискнул женой и матерью.

– Скорее эти дамы рискнули собой сами. Вдова Анри после смерти маршала не боится ничего, а Марта – Тагэре, и этим все сказано.

– Кто выиграет войну? – глаза Анастазии требовательно сверкнули.

– Я бы поставил на Тигров. Коня против мула. Если, разумеется, уцелеют вожди.

– Бекко, – Анастазия вновь была сама невозмутимость, – пусть спор Мальвани и Пата решит судьба. Ты останешься здесь.

– Слушаю Ее Иносенсию.

– Ты вернулся из опасного путешествия, так возблагодари Триединого за то, что он тебя сохранил.

– Моя сигнора хочет, чтобы я заказал благодарственный молебен в храме Триединого?

– Это было бы уместно, Бекко. Его Высокопреосвященство Илларион произносит блистательные проповеди, но, говорят, он нездоров. Будет жаль, если вы упустите возможность его услышать…

– Я немедленно отправлюсь в храм.

– Отчего же немедленно? Вы только что сошли с коня, а забота о душе не должна губить тело.

2896 год от В.И. 21-й день месяца Дракона. АРЦИЯ. МУНТ

Нужно было возвращаться во дворец. Ее Величество ждала свою наперсницу, отлучившуюся к Ее Иносенсии, а Ее Иносенсия оказалась занята. Сестра Теона передала, что аудиенция отменяется, так как прибыл сигнор Бекко. Мария прекрасно знала влюбленного в Предстоятельницу мирийского красавца, он был умен, циничен и весел, как все мирийцы. «Все мирийцы»? Она и видела-то лишь двоих.

Мария около оры проболтала с сестрами, выслушав ворох никому не нужных глупостей. Ее не должны считать выскочкой и задавакой, ведь самые опасные враги – это обиженные подруги. Колокол отзвонил два раза, и сестра-наперсница с недовольной гримаской поднялась. Это не было ложью, она и впрямь устала от дворца Анхеля, вернее, от короля и королевы, занявших и осквернивших чужое место. Нора была жалкой и глупой, у нее не имелось ни гордости, ни ума, только слезы и живот. И то и другое вызывало у сестры-наперсницы отвращение. Маргарита всегда была скрытной и сдержанной, но после незадавшегося путешествия эти качества начали стремительно таять. Впору было браться за успокоительные настойки или… за царку, как в той подлой гостинице, как же она называлась?

Молодая женщина поправила покрывало и спустилась вниз, где несли дежурство рыцари Оленя. Кто-то из них проводит ее во дворец – циалианская сестра никогда не ходит без защиты.

– Приветствую сестру Марию.

Бекко. Конечно же! К Анастазии только что поднялась настоятельница Фэй-Вэйи, прибывшая за телами умерших сестер.

Предстоит долгий разговор, затем начнется прощание. Мария не желала знать, почему в обители так часто умирают...

– Я рада видеть сигнора.

– Все входят, а сестра Мария выходит?

– Меня ждут во дворце.

– Я могу проводить сестру, если мне одолжат рыцарский плащ.

Разумеется, плащ появился немедленно: Бекко ре Бейра был не последним человеком в ордене Оленя, хотя с разрешения Ее Иносенсии обычно носил светское платье. Мария была рада его обществу, Бекко был куда занятней маявшегося в приемной молодого Мишеля Кадр с его щенячьими глазами.

Ре Бейра в белом плаще, берете с пером авеструса и кохалонговом ожерелье на плечах был великолепен. Мария оперлась на поданную ей руку, и они вышли на улицу. Мириец развлекал благочестивую сестру разговорами об оргондской войне и ифранском дворе, благочестивая сестра улыбалась и задавала вопросы. На перекрестке улиц Святого Мишеля и Мясной Мария споткнулась, спутник ее подхватил и отпустил на мгновение позже, чем требовала учтивость. Бедный Бекко, он выходит от Анастазии и отправляется на поиски шлюхи. Ее Иносенсия как-то сказала, что прознатчик никогда не выбирает женщин, похожих на нее, и это – признак истинной любви.

Предстоятельница водит мирийца на поводке больше десяти лет и ни разу ему не уступила. Анастазия никого не любит и никогда не любила. Сестры уверены, что она – девственница. Раньше Мария считала также, но теперь ей кажется, что Предстоятельница вкусила запретных радостей.

– Сестра всегда так задумчива? – поинтересовался Бекко, галантно придерживая спутницу под локоток. – Мне кажется, дворец Анхеля не самое веселое место в мире.

Как же он был прав!

– Я бы сказала, самое невеселое, – подтвердила Маргарита Тагэре и почувствовала, как бедро рыцаря на мгновение прижалось к ее бедру. Следовало отстраниться и обдать наглеца зимним холодом, но Мария предпочла «не заметить».

– Скажи, каков твой дворец, и я скажу, что ты за король, – засмеялся мириец, – я слыхал, ваше новое величество скупее всех скупых и при этом требует, чтобы с ним носились, как с атэвским калифом. Бедная Арция!

Что он знает об Арции, этот южанин?! Это она каждый день видит на троне Волингов кошачье отродье. На своем троне!

– Вы правы, сигнор ре Бейра. Пьер Тартю уже не «Ваша Милость», а только и исключительно «Ваше Величество». Он –

господин, остальные – слуги.

– Что ж, если не можешь быть первым среди равных, стань шишкой на ровном месте, – заключил Бекко. – Тагэре мог себе позволить сидеть на подоконнике и перекусывать на ходу. Волк и в яме – волк, а крыса и в золотом ящике – крыса. Этот образчик бережливости и в самом деле ввел рацион для придворных?

– Да, и прескверный. Свита королевы получает к завтраку три рэны[36] сидра.

– Никогда не поверю, что прелестные дамы пьют крестьянский напиток.

– В том-то и дело, – следовало рассмеяться, а она едва сдерживается от крика, – что не пьют. Теперь те, кто несет службу при дворе, посылают слуг в ближайшие трактиры, разумеется, за свой счет, а невыпитый сидр достается гвардейцам.

– Только не говорите, что охрану Тартю тоже не кормит. Не поверю.

– Охрану кормят, и хорошо. Король боится вашего соотечественника.

– Маркиза Гаэтано? – уточнил мириец. – Правильно делает, что боится. Я видел его глаза, когда он шел убивать Дафну, а ведь старуха всего-навсего наложила лапу на его сестру. Пьер ударом ножа не отделается.

– Я не знаю Кэрну, – Мария с тоской взглянула на дворцовые ворота, за которыми ее ждали Нора и ненависть, – но он не торопится со своей местью.

– Значит, у него есть дела поважнее. Готов поклясться, неистовый Рафаэль отыскал или Александра, или, что вероятнее, его детей, но он вернется. Байланте платят не только свои долги, но и долги друзей, а Кэрне придется расплачиваться за целую стаю.

Неужели маркиз Гаэтано в Гран-Гийо? Бред, она перемудрила в своем желании всех обойти. Мириец среди северян заметней, чем вороной конь на снежном поле. Бекко – лучший прознатчик Ее Иносенсии, он не ошибается. Кэрна где-то прячет детей Тагэре, но это не может длиться вечно. Он вернется и прикончит Тартю. Вот тогда-то она и откроет свою тайну. Жаль, маркиз Гаэтано ненавидит циалианок.

– Сигнора, мы пришли.

– Простите, я задумалась.

– О чем, если не секрет?

– О ваших земляках. Они ненавидят орден.

– Можно ненавидеть орден и делать исключение для некоторых сестер, – Бекко крепко сжал локоть своей спутницы. – Приходите после вечерней службы на улицу Цветочниц в трактир

«Зеленая повозка» и скажите хозяину, что вас ждут.

– Вы с ума сошли!

– Не забудьте надеть плащ с капюшоном, – сильные пальцы разжались, – вы придете, потому что вам скучно так же, как и мне.

Мария высвободила руку и гордо вошла в ворота. Подмывало оглянуться, но она удержалась – мирийский прознатчик и принцесса Тагэре ночью в жалкой гостинице?! Смешно…

Бекко давно исчез в паутине городских улиц, и сестре-наперснице стало не до него. Она выслушала очередные причитания Норы, подержала руку на ее животе, с трудом сдерживая тошноту, побеседовала с Его Величеством о здоровье Ее Величества и Ее Иносенсии, полюбовалась на безгубую рожу маршала Рогге и лиловые шелка его супруги. Крысы даже в золотом ящике крысы, Бекко прав. Это ее дворец, ее корона, ее королевство, но всем завладели крысы. Ничего, на каждую крысу найдется кошка! Кэрна убил Дафну, а она была сильной колдуньей, одной из сильнейших в ордене. На байланте защитная магия не действует. Он доберется и до Тартю, и до Рогге, и до уцелевших Вилльо, а пока нужно сцепить зубы и ждать.

Вечером Мария набросила плотный плащ и отправилась на улицу Цветочниц. Она прекрасно знала, что произойдет, но клин вышибают клином. Странно, что Хозе и Бекко – земляки, хотя Бекко и постарше. Мирия – маленькая страна, возможно, они даже из одного города, но ре Бейра – нобиль, а Хозе – авантюрист. Авантюрист и наглец, воспользовавшийся ее глупостью. Любопытно, почему он так ненавидит циалианок, хотя кто их любит? Люди всегда ненавидят сильных, она согласна на ненависть в обмен на силу и власть, но власть мирскую. Маргарита Тагэре должна взойти на трон предков, цель поставлена, а средство она отыщет.

Проще всего признаться во всем Анастазии, но расстаться со своей тайной означает из игрока превратиться в игрушку, в племенную кобылу, как Элеонора Вилльо. Если терпеть такого слизняка, как Пьер, так лишь для того, чтоб, родив наследника, пойти по стопам Иволги, но Нора способна только хныкать и расставлять ноги. Маргариту аж передернуло – после ландейского приключения отвращение сестры-наперсницы к Тартю стало чуть ли не осязаемым, но она дождется, пока мириец расплатится с долгами.

Улица Цветочниц оказалась совсем небольшой. Харчевню Мария увидела сразу – пузатый, гостеприимный дом за низким забором; перед домом – цветничок, посредине которого торчит выкрашенная в зеленый цвет телега. Молодая женщина воровато

оглянулась и вошла. В общем зале сидело несколько мещан, а у стойки протирал кружки пожилой человек в зеленом фартуке и зеленых же нарукавниках. Мария сказала, что ее ждут, и хозяин равнодушно приоткрыл маленькую дверь за стойкой. Девушка поднялась по узкой скрипучей лестнице. Бекко услышал и распахнул дверь.

Принцесса рода Тагэре шагнула в низкую опрятную комнату с широкой кроватью и придвинутым к ней столиком, на котором стояло вино. Ре Бейра без лишних слов снял с нее плащ, рывком поднял гостью на руки и бросил на постель лицом вниз. Мария попробовала перевернуться, ей не позволили. Бекко был сильным, умелым и прекрасно знал, чего хочет. Второй раз он взял ее обнаженной, заставив долго и медленно раздеваться, а в третий раз вынудил его просить, и она бесстыдно умоляла, забыв обо всем, даже о том, чьей дочерью была.

Ночь пролетела быстро и не так уж плохо, но лошади на цветущем лугу в этот раз Маргарите не снились, может быть, потому, что она пришла к Бекко трезвой, думая не о смерти, а о троне.

Мириец ушел первым, оставив в ее полном распоряжении комнату и сказав, что будет ждать здесь же ровно через кварту. Маргарита гордо промолчала, но Бекко и не ждал ответа. Он отвесил глубокий, церемониальный поклон, громко рассмеялся и исчез. Мария допила оставшееся в ее кубке вино и потянулась к платью. Оно было измято, но не слишком сильно, зато волосы... Молодая женщина с непонятно откуда взявшейся злостью принялась за спутанные пряди. В Мирии волосы у женщин черные и жесткие, с ними легче, а она – блондинка. Проклятый бы побрал этого Хозе... Хозе? Он-то тут при чем? Мария отбросила гребень и закусила губу.

В дверь постучали. Пожилая служанка принесла горячую воду и предложила свои услуги. Руки у нее были опытными и равнодушными, как и у Бекко Покончив с работой, старуха спросила, что подавать на завтрак. Похоже, они знают ре Бейру не первый год, но для них он сигнор Роберто. Интересно, сколько женщин побывало в этой комнате до нее и многие ли носили белое покрывало? Бекко любит одну, а спит с десятками. Маргарита Тагэре – одна из многих любовниц мирийского прознатчика! Слава святой Циале, он у нее тоже не первый, хотя Хозе ничем не лучше.

Маргарита позавтракала, накинула плащ и вышла из гостиницы. Город просыпался, высунувшаяся из окна служанка торговалась с зеленщиком, на углу бранились две толстухи, к воротам пекарни подъехала повозка с мукой.

Законная дочь Филиппа Четвертого брела по утреннему Мунту. Через кварту она вернется к Бекко. Будь мириец в нее влюблен, она б с ним не связалась, но она ему нужна не больше, чем он ей. Ре Бейра – умелый любовник и толковый собеседник, но с ним придется держать ухо востро. Бекко помешан на Анастазии и ради ее благосклонности предаст кого угодно. Да и она сама, случись что, не задумываясь, откупится головой любовника. Она – не лебедь и не волчица, а кошка, у нее один долг – перед самой собой.

Эстель Оскора

Так уж вышло, что Луи Трюэля первой встретила я. Граф прискакал глубокой ночью, когда не спали только стражи, кошки с хафашами и ваша покорная слуга. Сандер воевал в краях, почитавшихся моими родными, а я мало-помалу отвыкала от привычек спать, мерзнуть, уставать и так далее, вновь становясь тем странным созданием, которое из меня слепили судьба и милая привычка плыть против течения. Ликия могла любить и ждать, Эстель Оскора ждала только боя.

Ночи я чаще всего коротала на Арсенальной башне, то воюя с лезущими в голову глупостями, то пытаясь услышать Ройгу, то следя за летучими мышами, которых в Высоком Замке развелось видимо-невидимо. Они про меня знали, стража – нет.

Одинокого всадника я увидела издали и почти сразу же узнала. Луи был горд и счастлив, радость из него прямо-таки рвалась. Что бы там ни говорили, прочитать чужие мысли без согласия собеседника невозможно, зато совсем нетрудно «подслушать» обуревающие человека чувства.

Я легко сложила «два» и «два». Счастливый Трюэль был вестником победы и никем иным. Сандер и Анджей послали в Гелань именно его, потому что здесь была Беата, но она глубоко спала. Может, ей и снился жених, но просыпаться даненка не собиралась, и я ее разбудила. Внушить девушке непреодолимое желание одеться и выйти, нет, выбежать во двор было проще простого. Я не отказала себе в удовольствии посмотреть на встречу влюбленных, в конце концов, это я ее устроила. Без моей помощи Луи и Беата свиделись бы лишь поздним утром да еще на чужих глазах.

Вышколенные Анджеем стражники по моему наущению нагло пренебрегли своими обязанностями. Они пропустили Луи в замок, не удосужившись ни проводить его до конюшен, не поддержать стремя. Во внутренний двор граф въехал один-

одинешенек, и в это время на крыльцо вылетела Беата.

Это было красиво, как в песне. Луи соскочил с коня, они бросились друг к другу и застыли, облитые звездным сиянием. Она то смеялась, то всхлипывала и рассказывала, как что-то ее заставило проснуться и выйти навстречу, он целовал ее волосы и руки, говорил самые правдивые и самые прекрасные слова в мире. Я тихонько, хотя они никогда бы меня не заметили, отступила назад и поднялась к себе.

Утром «разбудившая» меня Ванда восхищенно тараторила, рассказывая о победе и подвигах дана Шандера. Луи и Беата прямо-таки лучились счастьем, впрочем, в этот день в Высоком Замке я заметила только одно злое лицо Разумеется, это была Гражина. Я смотрела на разъяренную, никому не нужную красавицу и тонула в прошлом. За спиной арцийского графа и таянской даненки маячили Клэр и Тина, а Эанке, глядя на них и на меня, исходила ядом. Все повторялось – и любовь, и зависть, и ненависть. Луи и Беата не могли наглядеться друг на друга, а Гражина, по выражению Ванды, только что не кусалась, и ничего хорошего это не обещало. Я не понимала, откуда в таком молодом и, в общем-то, красивом создании столько злости. Беата была слишком счастлива, чтоб обращать внимание на шипение сестры, других это даже забавляло. Других, но не меня, и я начала следить за Беаткой, когда та оставалась одна.

Несколько дней ничего не происходило, но мое подлое предчувствие и не думало исчезать, отравляя и радость победы, и ожидание Сандера. Последний из Королей, оказывается, успел побывать в Вархе. Эмзар его принял и признал, уж не знаю, о чем они там говорили, но Александр не был бы Александром, не передай подаренное ему Лебединым Королем кольцо мне. Я прекрасно помнила этот перстень – очень темный звездчатый сапфир в окружении черных бриллиантов, как и все эльфийские кольца приноравливающийся к руке хозяина. Когда Луи надел мне его на палец, я чуть себя не выдала. Не будь Трюэль столь влюбленным, он бы наверняка что-то заподозрил. На мое счастье, его проницательность глубоко спала, зато моя подозрительность, на его счастье, бодрствовала. Именно она погнала меня в Закатный садик, куда имела обыкновение уходить Беата со своим вышиванием. Девушка закончила «волчий» плащ для жениха и взялась за такой же для Сандера.

Луи обожал своего короля, а Беата была зеркалом, отражающим чувства любимого. Я со стены рассеянно наблюдала за сосредоточенно склоненной над синим шелком головкой, когда через единственную калитку в садик ворвалось несколько огромных горных псов. Днем этих зверей, подчинявшихся только

псарям-гоблинам, держали в специальных загонах, а на ночь выпускали во внешние дворы. Беата закричала и бросилась бежать, но бежать было некуда. Выход из Закатного садика был лишь один, а спастись от таких собак бегством мог разве что эльф.

Псы знали, что те, кто бегут и кричат – враги, которых нужно хватать и рвать. Раздумывать было некогда, и я отшвырнула собак от насмерть перепуганной девушки. Вожак стаи оказался самым невезучим, его проволокло по земле и шмякнуло о единственный дуб, росший в садике, остальных просто отбросило к стене. Я не дала псам опомниться, оглушив их другим заклятием, на сей раз эльфийским. Теперь их хозяйкой была я. Не могу сказать, что мне доставляет удовольствие собачье обожание, но не убивать же злосчастных сторожей из-за того, что они слишком рьяно исполняли свои обязанности. Бежать к башне, где имелась лестница, было слишком долго, и я, оглянувшись по сторонам, прыгнула со стены, надеясь, что Беате не до того, чтоб вертеть головой. Оказавшись на земле, я приказала собакам подойти ко мне, и, видимо, перестаралась, потому что бедняги поползли на брюхе, жалобно поскуливая.

Я велела им лечь и совсем было собралась успокоить Беату, но опоздала. Возле нее уже суетилась какая-то женщина и двое стражников. В Закатный садик повалили люди, и одной из первых прибежала Ванда. Кто-то предложил перестрелять собак, но это было не правильно и несправедливо. Появилась королева Данута, примчался смертельно бледный Луи и следом за ним наспех одевшиеся псари, отсыпавшиеся после ночи. Я с наслаждением вернула зверей тем, кому положено.

Собаки, поджав хвосты, поплелись за гоблинами, за ними потянулись и остальные. Данута была настоящей госпожой, стоило ей поднять бровь, и обитатели замка поняли, что их присутствие излишне. Нас осталось пятеро. Луи обнимал дрожащую Беату, Ванда угрюмо молчала, королева тоже не сияла счастьем. Вернулся один из гоблинов и что-то прошептал. Данута кивнула головой. Псарь ушел, и жена Анджея повернулась к нам.

– Кто-то бросил в собачий загон кошку, а потом отпер дверцу и прикрыл ворота, ведущие в другие дворы.

– Кто-то? – буркнула Ванда. – Гражинка, больше некому.

– Может быть, но если ее никто не видел и она не признается, наше подозрение так и останется подозрением.

– Если б не Ликэ, – пролепетала Беата, – они бы меня загрызли.

– Вряд ли, – попробовала улыбнуться я, – просто сбили бы с ног и испачкали платье.

Луи прижимал к себе девушку, глядя на меня такими глазами, что я была готова провалиться сквозь землю. Я отнюдь не была уверена, что удостоюсь подобной благодарности, если и впрямь остановлю обещанное нам в будущем году светопреставление. Тишину нарушила Данута:

– Луи, Беата, будет неплохо, если вы навестите Стефана и сами пригласите его на свадьбу. На границе сейчас тихо, а вам надо развеяться.

– Мы с Ликией тоже поедем, – захлопала в ладоши Ванда. – Я соскучилась по Стефку, и потом... Дана Ликия, вы покажете мне Тахену? Про нее столько говорят, но никто ничего не знает. Раз Тахена вас пропустила, она вас любит. Она нас пустит?

– Разумеется, пустит, – подтвердила я, – но сначала тебя должна пустить мать.

– Пусть едет, – улыбнулась Данута, – в четырнадцать лет самое время посмотреть на чудо.

– Тогда решено, – радость Ванды захлестнула и меня, – я покажу тебе Тахену, но только тебе.

– А другие сами не пойдут, – заверила Ванда.

2896 год от В.И. 24-й день месяца Дракона. ЮЖНЫЙ КОРБУТ. ГАР-РЭННОК

Садан наверняка обиделся, да и сам Александр чувствовал себя неуютно, но спорить не приходилось. Орки во что бы то ни стало решили внести его в свою столицу на щитах. Отказать горцам в этом удовольствии означало нанести им огромную и незаслуженную обиду. Пришлось, поручив черногривого заботам Ежи (влюбленного Луи они с Анджеем отправили в Гелань с вестью о победе), подняться на живой помост, и гоблины вступили на заполненные народом улицы.

Дома были разукрашены ветвями лиственниц и треугольными черными флагами с Белой Стаей. Под ноги победителям бросали цветы, люди что-то кричали, смеялись, махали руками. Сандер не сомневался – скоро девушки начнут подбегать к воинам и целовать их, а к вечеру все будут пить, петь и плясать прямо на улицах. Так бывает всегда, в какой бы город или село ни возвращались победители.

«Зубры» двигались размеренным шагом, не похожим на их походную волчью рысцу, волынщики и барабанщики играли что-то торжественное, чего Сандер раньше не слышал. Стоя на плечах союзников между черными знаменами с Белой Стаей, Сандер вынужденно смотрел только вперед, на заросшую вековыми

лиственницами гору, на склоне которой высился храм, в сравнении с которым детище Иллариона казалось… покойным Муланом в сравнении с эльфами! Удержаться на щитах было не так уж и трудно, орки шли слаженно, а их медвежьей силы хватило бы, чтоб протащить на себе Штефана Игельберга вместе с племянником. Странный обычай, но Марграч объяснил, что так в горах почитают истинную доблесть. Воины поднимают на свои плечи не королей, а тех, кто умом и мечом добыл победу.

Когда-то, много лет назад, на месте Александра побывал и сам Марграч, тогда еще простой воин, в одиночку защищавший раненого наследника от дюжины северян. Кого поднять на щиты, решают все вышедшие из боя, и спорить с их решением нельзя. Оно свято. Теперь Александр Тагэре получит право украсить свой щит и плащ Белой Стаей, а в его честь в храмовой роще будет посажена серебряная лиственница. Что поделать, до орденов в горах Корбута еще не додумались, и слава святому Эрасти! Филипп одарил брата всеми высшими наградами Арции, и каждая из них – память о какой-то боли. Не надо думать об этом! Ссоры, ошибки, непонимание остались в прошлом, а у его новой победы нет привкуса горечи.

Впервые, уходя в бой, Александр не ждал удара в спину, не боялся, что скрестит меч с другом, не думал о том, на чьей стороне правда и стоит ли победа пролитой за нее крови. В Корбутских горах он не прорубал себе дорогу домой, как думал вначале, он схватился со злом, о котором даже не догадывался. Теперь с Билланой и Тарской покончено, Таяна и стражи Вархи в безопасности. Больше никто не будет похищать и приносить в жертву клыкастому оленю людей, гоблинов и эльфов. Рука с мечом, много лет занесенная над восточными землями, отрублена и не отрастет.

До того как они с Ежи верхом конь о конь ворвались в главное капище Монтайи, Сандер думал, что его друзья преувеличивают ройгианские зверства, а они преуменьшали. Белые жрецы пытались разбудить своего бога и умолить его вступить в войну и не щадили ради этого никого.

Захваченных таянцев и южных орков не хватало и в ход пошли свои. Александр собственными глазами видел, как на алтаре исходили кровью белокожая билланка и смуглая орка, а в углу с позволения сказать божьей обители были свалены десятки, если не сотни обескровленных девичьих тел. Орка еще была жива, и ею занялся один из вбежавших вслед за ними эльфов-разведчиков, а трое северных гоблинов встали рядом с целителем, готовые, если что, прикрыть его собой. Сандер с ними не остался – во дворе капища шел бой, стражи храма огрызались

до последнего. Меч сам скользнул в руку Александра Тагэре, он убивал – нет, не с наслаждением, с чувством того, что так нужно и правильно, и никто не должен уйти. Именно ему удалось зарубить огромного гоблина в молочно-белых доспехах, на шее которого болталось опаловое ожерелье. «Белый» сражался как бешеный, спереди его защищала груда трупов, а по бокам кружили «Зубры», словно гончие, травившие матерого секача. Тагэре не помнил, как сиганул на кучу мертвецов и скрестил свой меч с мутным клинком «рогатого».. На мгновение Сандеру показалось, что в руках у него не сталь, а черный луч, в глазах противника мелькнул ужас, и он, даже не пытаясь отразить удар, рухнул на колени и склонил голову. Александр хотел было остановиться – пленник представлялся важной персоной, но не смог удержать разогнавшийся клинок. Голова покатилась по камням, и по странному совпадению в тот же миг с крыши храма обрушились венчавшие его чудовищные рога. Все было кончено. Последние из защитников кто упал на колени, прося пощады, кто бросился на собственный нож. Сандер все еще рассматривал свою добычу, когда подошел Ежи и сказал, что Тагэре ждут корбутцы. Их глаз Александр не забудет никогда.

Марграч говорил о крови Инты, Истинных Созидателях, клятве Уррика и грядущих походах, а за спиной горел храм Ройгу. Тагэре не сомневался, что подожгли его эльфы, уж слишком быстро охватило каменную громадину пламя, а в рыжей огненной гриве нет-нет, да мелькали небесно-синие пряди. Это был конец одной войны и начало другой, предсказанной старым Эриком, но между ними будет полгода мира и счастья, именно счастья, хотя Сандер и понимал всю неуместность этого слова. Время было кровавым, будущее – туманным, но Последний из Королей хоть и отдавал себе в этом отчет, но жил, как в волшебном сне. Отлученная от Церкви Таяна сразу стала для него близкой. Здесь чтили понятные ему законы чести, друзья были друзьями, а враги – врагами. В Гелани и Гар-Рэнноке не было места Рогге, Тартю, Батарам, Вилльо, эта земля их просто бы отринула. Он же среди всех этих Ласло, Золтанов, Ежи, Грэддоков чувствовал себя как рыба в воде…

Дорога кончилась у подножия горы, и воины остановились, не доходя десятка шагов до встречной процессии. Что от него требовалось дальше, Сандер не знал: гоблинский этикет был арцийцу внове, и он боялся невольно обидеть союзников и, что было много важнее, друзей. Настоящих, до последней капли крови. Александр Тагэре стоял на черных, поднятых над головами щитах и смотрел, как к нему приближаются двое орков средних лет и совсем молодой.

Воины, державшие щиты, слаженно опустились на колени, а подошедшие протянули руки. Сандер мог спрыгнуть и сам, но послушно принял помощь. Между двумя огромными горцами он чувствовал себя хрупким подростком, но это не унижало.

– Горы склоняются перед кровью Инты, – низкий, рокочущий бас старшего был достоин его внушительной фигуры, – пришло время вернуть долги. Мы тебя ждали, и ты пришел.

– Горы склоняются перед доблестью воинов, взявших Монтайю, – мягко возразил Александр, – Я счастлив дружбой твоего народа.

– Мы помним все, – торжественно сказал Горный Король.

Эстель Оскора

Предосенняя Тахена казалась зеленой стеной – непролазные заросли барбариса, за которыми виднелись увешанные созревающими ягодами рябины. Войти в лесную крепость можно было либо с помощью топора, либо с помощью магии: Я мило улыбнулась воинам, взяла Ванду за руку и шагнула вперед. Колючие, густые ветви расступились, узнав меня, как собака узнает хозяина. Я была в здешних краях всего однажды, но прекрасно знала, куда идти. Это были мои владения, мой дом, моя колыбель, где бы ни родилось мое тело и откуда бы ни прилетела моя душа.

Где-то здесь по звенящей от птичьего щебета чаще бродит Лупе, защищая заповедный край от чужаков, трогает отягощенные ягодами ветви, гладит рыжих лисят. Я должна исполнить просьбу Шандера и передать этому счастливому созданию слова, которые оно не поймет. Могла ли я, Эстель Оскора, хотя б на миг пробудить в Хозяйке Тахены человека и хотел бы этого Шани?

– Я никогда не видела такого леса, – шепнула Ванда, не выпуская моей руки, хотя сторожевые заросли кончились и мы шли по невысокой, мягкой траве среди старых рябин. Обилие ягод обещало суровую зиму.

– Тахена – не лес, – объяснение было глупым, но девочка, похоже, поняла, что я имела в виду. Год неминуемо катился к осени, свечи лета[37] отгорели, и по воздуху плыли их семена – маленькие, оперенные серебром стрелы, в наконечниках которых таилась будущая жизнь. Сквозь заросли все еще цветущей таволги замерцало одно из множества озер. Мы спустились к таинственной, темной воде. Водяные лилии горделиво белели среди крупных кожистых листьев, а дальше, на чистой воде, резвились молодые лебеди, сменившие серенький детский пух на

роскошные белоснежные одеяния.

Ванда замерла от восторга, и я воспользовалась этим, чтобы вырвать девочку из настоящего. Теперь королевна будет грезить наяву – лес, заросший цветами берег, словно вырезанные из белого камня лилии, горделивые птицы – все это станет ее сном, лучшим сном расцветающей жизни. Тахена не тронет ту, что находится под защитой Эстель Оскоры. Ванда в полной безопасности, а я могу делать то, зачем пришла.

...Кэриун меня ждал на поляне у границы топей. Я бы никогда не узнала в этом богатыре прежнего худенького юношу. Лицо последнего Хозяина Тарры изменилось мало, но больше о его эльфийских предках не напоминало ничего. Тахена взяла свое, и Кэриун казался порождением Древней Тарры.

– Я приветствую Хозяина окрестных лесов, – произнесла я ритуальную фразу. Дружба дружбой, но призванный не может первым заговорить с призывающим.

– Леса склоняются перед Эстель Оскорой. Твоя дорога оказалась долгой.

Долгой, очень долгой и очень страшной. Сейчас мне дарована передышка, но скоро я вновь пойду в никуда, переступая через смерти и не оглядываясь назад. Да смилостивятся Великие Братья над теми, кого я оставлю...

– Здравствуй, Кэриун. Ты прав, я задержалась дольше, чем следовало. Где другие Хозяева? Как вышло, что Тарра осиротела?

Я опустилась на траву и протянула руку. На нее тут же уселась соловьиха – серенькая, с блестящими темными глазками. Скоро она отправится в Мирию, Эрасти рассказывал о птицах, отдыхающих на острове, прежде чем пуститься дальше, за Сартахену, но соловьи и иволги зимуют возле Кер-Эрасти...

– Хозяева ушли в осень и не вернулись. У них не стало сил проснуться, остался только я, ведь меня приняла Тахена. Прежней силы больше нет, разве ты не слышишь?

Я слышала, но не сумела связать воедино очевидное. Хозяева вели свой род от одиноких эльфов, отказавшихся от своей сущности и слившихся с природой, но эльфы были детьми Звезд, чужаками, пришедшими со Светозарными. Те ушли, и Свет ослабел. Лебеди и Лунные сумели это пережить, но Хозяева были сродни растениям, которым не обойтись без воды и не дойти до нее.

– Кэриун, я понимаю, что ты хочешь сказать, но почему все произошло так быстро и так сразу?

Владыка леса не знал. Ответ нашли, если нашли, только Эмзар и Роман, но разведчик, как оказалось, исчез в Ночной обители.

Кэриун рассказал немало важного, и новости были одна хуже другой. Сам он не покидал своих лесов, но Прашинко бывал и дальше. По словам Хозяина Дорог, мир за Гордой был отравлен. Люди там как-то жили, хоть, судя по тому, что творилось в Арции, не слишком счастливо, но магическим созданиям было плохо, по крайней мере, тем, кто появился, когда Тарра еще была чиста.

– Гнезда не могут долго пустовать, – Кэриун посмотрел на меня так, словно все зависело от меня, – вместо ушедших в осень земля родит новых, но я не знаю, какими они будут. На отравленной земле растут сорняки, а не дубы.

– Значит, сначала родятся Хозяева бурьяна…

Повелителю дубов моя шутка не понравилась, но еще меньше ему нравилось то, что творилось в мире людей. Кэриун и Прашинко умудрились ввязаться в войну, и вышло у них неплохо. Луи рассказывал про то, что случилось с фронтерскими предателями, но кто именно «удружил» Жисю, я поняла лишь сейчас, а до того грешила на Романа. Неужели бард погиб? Или, как и я, потерял память и его носит по чужим мирам в поисках единственной дороги или слова, что сорвет повязки со старой раны, и тогда кровь прошлого отворит дверь домой?

Беззвучный, исполненный смертной муки крик полоснул меня, как ножом. Рядом погибал человек, но откуда он здесь взялся?!

– Хозяйка любит играть, – словно бы извиняясь, сказал Кэриун.

Вот как… Лупе и впрямь стала зверьком, забавляющимся с добычей. Сбить с пути, заморочить, утопить… Болотные духи развлекаются во всех мирах, но Лупе родилась человеком, очень добрым человеком, хоть и несчастным.

Я быстро ее обнаружила, но оторвать Хозяйку Тахены от добычи оказалось невозможно. Она слышала мой зов и она придет, когда покончит с игрушкой. Кто пытался отобрать у котенка пойманного воробья, тот знает, как это трудно. Я ощущала животную радость, переполнявшую возлюбленную Шани, и ужас ее жертв – человека и коня. Кэриун с грустью смотрел в небо, он чувствовал все, но не ему было перечить наследнице Эаритэ. Мы не знали, кого она убивала, но оставить все как есть я не могла.

Спорить с Лупе не было времени, и я отдала приказ Тахене. Травы дружно склонились к земле, деревья качнули вершинами, по воздуху поплыли первые желтые листья, разом смолкли птицы и насекомые. Хозяйка была не на шутку рассержена, но игрушка ей больше не принадлежала…

Любопытно, кого и зачем понесло в это гиблое место? Тахена властна лишь над теми, кто вторгается в заповедный край, а, насколько я поняла, таких безумцев нет ни по ту, ни по эту сторону Горды.

– Что ты сделаешь с этим человеком? – спросил Кэриун.

– Для начала вытащу из болота… Он ведь не первый?

– В это лето Хозяйка забрала многих. Она зовет, и они идут, но таянцев она не трогает…

Не трогает, значит, помнит, что в Таяне живут друзья. Запрет пережил все – и доброту, и сострадание, и разум…

Хозяйку Тахены мы встретили на краю болота в окружении стайки желтых бабочек. Увенчанная живой золотистой короной Лупе казалась волшебным видением. Говорить с ней было не о чем и незачем, но я все же спросила:

– Зачем ты убиваешь?

– Слезы елани[38] должны цвести. Топь хочет тепла, ее дочери ждут поцелуев… Ты уйдешь дорогой осени искать весну. Ты возьмешь, что хочешь и кого хочешь… Оставь нам наше…

Она смотрела жалобно и немного кокетливо, ни один мужчина не устоял бы перед таким взглядом, но я была женщиной.

– Ты не должна зазывать в Тахену людей. Тебе принадлежат лишь те, кто по доброй воле нарушил запрет.

– Они не идут сюда сами. Они боятся. Я их зову, я умею звать… Им хорошо, когда они идут за мной… Одни ждут поцелуев, другие – золота. – И находят и то и другое… Ты им не дашь ничего… Тебе они не нужны, твои избранники не слышат моего зова… Им не нужно золото Тахены, о них будут плакать другие.

Золото цветов, поцелуи в мертвые губы…

– Лупе! Вспомни! Вспомни Шандера! Вспомни Луи! Я приказываю тебе! А эори Эаритэ а Омме! А элое Эстель Оскора! Меймоэ! Лэопина! Меймоэ аельти!

Худенькое личико исказила боль, Хозяйка Тахены с жалобным криком упала в покрывшиеся инеем травы. Не отпусти я ее, она б умерла. Лупе добровольно связала свою память со смертью, потому что, помня, не могла жить. Великие Братья, неужели и для меня память станет такой же пыткой?! Но я ее не отдам, лучше ходить с ножом в сердце, чем улыбаться цветам, выросшим из мертвых глаз!

Я оставила ту, что когда-то была Леопиной, на умирающих травах – к ночи она очнется, ничего не помня и ни о чем не жалея. Это создание следовало убить, но Тахена не могла остаться без хозяйки, тем более накануне войны.

Кэриун молча смотрел в землю, ему было не по себе, мне – тоже, но дело следовало довести до конца. Тахена послушно держит пленника между жизнью и смертью, нужно его найти и вывести на твердую землю. Одного из многих, которому повезло, ведь он попался тогда, когда меня занесло в здешние края. Я уйду, и Хозяйка возьмется за свое...

2896 год от В.И. 25-й день месяца Дракона. ИФРАНА. КЕР-АНТУАН

Место для своей обители святые братья выбрали прелестное. Светлый буковый лес, зеленый луг, озеро, из которого вытекала то ли небольшая речка, то ли полноводный ручей, все это нежно шептало о великой благодати, ниспосланной небом, да и сам сложенный из светлого камня монастырь, строгий и соразмерный, как нельзя лучше дополнял живую красоту этих мест. Тут и впрямь хотелось благодарить Триединого за то, что он создал всю эту красоту. К несчастью, Базиль Гризье был слишком циничен для того, чтобы благодарить бога за цветущие ромашки и хорошую погоду, ведь кроме ромашек господь насадил в своем саду цикуты и болиголов, а на смену солнечному лету обязательно придет дождливая осень. Базиль был далек от того, чтобы роптать на небеса за зимние холода и человеческую подлость, но благодарить их он тоже не благодарил. Осадив коня, арциец повернулся к худому, вежливому нобилю, состоявшему в должности младшего секретаря при особе регентши.

– Виконт, почему вы не хотите идти со мной?

– В моем присутствии герцог Ролан может ощущать себя скованно, – резонно заметил секретарь, – сигнора графиня пожелала, чтобы с монсигнором говорил непредвзятый человек, причем наедине.

– Вы могли бы, пока суть да дело, перекусить и отдохнуть.

– Нам приказано не переступать порог обители. Мы будем ждать сигнора на постоялом дворе в деревне, через которую проезжали утром.

– Ждите, – пожал плечами Гризье, направляя коня к воротам.

Младший сын Элеоноры Вилльо с детства не терпел клириков и в бытность свою сыном королевы как мог отлынивал даже от обязательных для члена августейшей фамилии служб. После падения Вилльо и воцарения Александра граф Мо хорошо, если был в иглециях раз шесть, да и то с матерью.

Надо было уезжать в Ифрану, чтоб в итоге оказаться в монастыре, да еще и антонианском! Базиль еще раз пожал

плечами (за эту привычку ему немало доставалось от родичей) и постучал в аккуратную калитку, украшенную изображением Посоха. В решетчатом окошечке тотчас возникла благостная физиономия, осведомившаяся, откуда приехал дорогой брат. Гризье едва удержался от того, чтобы сообщить привратнику, кто тому, по его мнению, является братом на самом деле, и вежливо объяснил, что с разрешения Его Величества прибыл к Его Светлости герцогу Авирскому.

Страж ворот оказался воистину божьим человеком, так как поверил гостю на слово. Ворота открылись, и Бретер, благочестиво помахивая хвостом, вступил в обитель. Благодать царила не только снаружи аббатства, но и внутри. Все прямо-таки дышало миром и набожностью. К Базилю вышел молодой послушник и проводил к благообразному седому настоятелю. Настоятель извиняющимся голосом попросил у Базиля письмо Его Величества, удостоверился в его подлинности и самолично проводил арцийца в монастырский сад.

– Наш гость сейчас придет. Вы можете беседовать сколь угодно долго. Здесь вам никто не помешает, – ласково улыбнулся клирик и был прав: среди залитых солнцем низких кустов, усыпанных созревающими ягодами, могла укрыться разве что кошка.

Брат Антуанетты появился спустя десятинку или полторы. Худощавый молодой человек чем-то походил на Мориса. Темные глаза смотрели настороженно и печально, но больным Ролан не казался, скорей испуганным.

– Мне передали, что со мной хочет говорить посол Арции. Зачем я вам?

– Ваша сестра просила передать вам послание.

– Сестра?

– Разумеется, – улыбнулся Базиль, – сестра хочет знать о здоровье брата, что может быть естественней?

– Я здоров, – тихо сказал герцог.

– Я рад.

– Вы меня не поняли. Я совсем здоров. Я всегда был здоров, и я никогда не хотел здесь жить. Я ненавижу это место, этих лжецов в рясах!

– Но обитель кажется такой уютной и мирной.

– Именно, что кажется! Она и должна казаться. Прошлый раз меня навещал эллский посол, и ему это гадючье гнездо тоже показалось голубиным. Я здоров, сигнор Базиль. Я не сумасшедший и не припадочный! Они мне дают яд, это да. Когда нужно, чтобы я при свидетелях свалился на землю в конвульсиях. Потом они прибегают и начинают блеять про приступ, про то, что

меня взволновало чужое лицо...

У нас очень мало времени, сигнор. Десятинку или две они подождут ваших криков о помощи, потом придут проверить, чем мы заняты и почему я на ногах, если должен биться в припадке.

– Откуда вы это знаете?

– Утром в моей келье трогали кувшин. Прошлый раз было так же, я догадался и стал ставить его на маленькую царапину на столе. Совсем незаметную, но я теперь знаю, когда туда что-то подсыпают...

– Ваш рассказ, герцог, весьма поучителен. Итак, вас решили опоить.

– Да, ягоды бувиалиса...

– Я что-то о них слышал.

– Если выпить их настой, а потом оказаться на солнце, да еще в зарослях цветущей масляники, у человека начнется приступ падучей болезни. Даже медикус не отличит истинно больного от отравленного. Три раза сюда приезжали послы иноземных держав. И три раза они видели готового вцепиться в глотку добрым клирикам эпилептика. Жоселин меня не выпустит, сигнор Гризье.

– Странные вещи вы говорите. Вы мне верите, но почему? Откуда вы знаете, что я это я? А даже будь я тем, за кого себя выдаю. Арция и Ифрана сейчас союзники.

– Да, я знаю, что Тагэре свергнут. Он был моей последней надеждой.

– Вот как? – разговор становился все интереснее.

– Да! Я мечтал, чтобы горбун разбил Жоселин, тогда б меня или убили, или вытащили отсюда, но эта ведьма обошла меня и здесь, – Ролан скрипнул зубами.

– Увы, я не могу разделить ваших сожалений. Моя семья принимала участие в свержении горбуна, а моя сестра стала королевой Арции и матерью будущего наследника.

– Тогда я понимаю, почему вам разрешили меня увидеть. Мы – враги. Те, кто на стороне узурпаторов, всегда сбиваются в стаи, а те, кого предают, остаются в одиночестве.

– Возможно, – не стал спорить Гризье, – вы будете читать письмо сестры?

– Разумеется, – герцог выхватил свиток, по мере чтения его лицо разгладилось, принимая мечтательное выражение, – когда-то мы были очень дружны с сестрой. Очень... Она хотя бы счастлива со своим мужем? Я слышал, он старик?

– Не сказал бы. Граф Вардо очень крепкий человек и очень влиятельный.

– И тоже держится за место у краденого трона! Вы не сказали

мне ничего обнадеживающего, вы служите предателю, но ваше лицо… Отчего-то вы мне кажетесь честным человеком.

– Вы ошибаетесь, сударь. Я – мерзавец, в Арции об этом знает каждая курица.

– Я вам не верю, – Ролан улыбнулся в первый раз за время их странной беседы, – подлец начал бы мне поддакивать, а потом продал с потрохами. Подлец никогда не назвал бы себя подлецом. И, самое главное, Туанон никогда бы не поручила подлецу такое письмо. Она пишет, что вам можно верить.

– Сигнора еще молода и неопытна.

– Вы заблуждаетесь, сестра всегда была умнее меня. Мы были еще детьми, когда она придумала: если кто-то из нас якобы случайно не назовет кого-то по титулу, значит, это друг. Вы для нее просто Базиль Мо, значит, вы друг. И вы ей расскажете правду.

– Возможно, но какую?

– Меня сведут с ума, – просто сказал Ролан, – способов много: не давать спать, подливать в питье всяческие зелья. Я замечал, что они собирают волосы с моего гребня, а это дурной знак.

– А вы не ошибаетесь? Зачем сводить с ума, если можно просто отравить, ведь всем известно, что вы давно и тяжело больны.

– Пока я жив и в руках Жоселин, Туанон и ее ребенок ей не опасны, но если я умру…

– Я – рыцарь, а не нотариус и плохо разбираюсь в ифранских законах.

– Если вы рыцарь, вы мне поможете. Вы передадите Туанон мое письмо?

– Разумеется, я за этим и приехал.

– Жоселин его у вас отберет.

– Вот как?

– Выкрадет, когда вы будете спать или что-то в этом роде. Вы ведь путешествуете не один? Нет, я не стану ей писать. Вы передайте ей, что я ее люблю и помню. И что, если она хочет меня спасти, пусть поторопится. А теперь я выпью отраву, и вы сами увидите, что будет.

Роланд вытащил из кармана пузырек с золотистой жидкостью, быстро проглотил его содержимое, сунул склянку Базилю и наклонился над кустом масляники, вдыхая острый аромат. Какое-то время ничего не происходило, потом лицо герцога покраснело, глаза вылезли из орбит, на губах проступила пена, и он в корчах рухнул на траву. Зрелище было жутковатым, но любоваться на него Гризье не собирался. Чем бы ни был вызван припадок, его нужно снять, и чем скорее, тем лучше, и

Базиль бросился к ближайшему зданию, откуда уже спешило несколько монахов с горестными лицами.

Эстель Оскора

Отвоеванный у Лупе всадник был молод и хорош собой, несмотря на то что его облепили тина и жидкая грязь. Бедный конь принялся кататься по траве, стирая с себя болотную жижу, человеку было хуже. Я подмигнула Кэриуну – гулять так гулять – и пустила в ход один из тех пустячков, благодаря которым эльфы кажутся волшебными видениями. Высушенный чужак оказался даже лучше, чем я думала. Смуглый, широкоплечий, с дерзкими карими глазами и темными, но не черными волосами, обстриженными в кружок, он явно не был таянцем, хотя такие черты в здешних краях не редкость. Вот будет мило, если я спасла фронтерского лазутчика.

Признаться, мне не улыбалось тащить спасенного к Стефану. Во-первых, выдавать врагам кого бы то ни было – подло, уж лучше, если нет другого выхода, убить, а во-вторых, «утопленник» видел вещи, про которые таянцам знать не обязательно. Лучше всего его расспросить и выставить во Фронтеру, и пусть Кэриун его проводит. Я прикидывала, с чего начать разговор, но парень заговорил сам. Он и вправду оказался фронтерцем не из простых и не из пугливых. Звали его Степаном, и был он сотником у самого господаря. Степан сразу сообразил, что я – ведьма, но это его не испугало. Нашу многообещающую беседу прервала Ванда. Оно и не удивительно: заорав на Лупе, я спугнула свое скромненькое заклятие, девчонка очнулась и прибежала на шум. Хорошо хоть она не видела, как я выуживала из болота тонущего всадника, зрелище было еще то.

Королевна с любопытством смотрела на нас троих, а Степан пожирал глазами королевну, и, будь я проклята, тут было чем любоваться! Ванда распустила волосы и надела венок из белой амаполы, а Тахена подарила ее глазам эльфийскую зелень. Это была красота нежного весеннего утра, предвещающая роскошный, бесконечно долгий день.

– Хто ты, дана? – в шепоте несостоявшегося утопленника слышалось благоговение. – Ты русалка лисова?

– Я Ванда Гардани, – важно ответило зеленоглазое чудо, – дочь короля Таяны Анджея, а кто ты?

– Степан... – хрипло выдохнул фронтерец, – сотник дана Тодора.

– Ты наш враг? – в голоске Ванды послышалось возмущение.

– Ни… Я не можу буты ворогом даны. Я ее слуга, ее раб. Як шо дана схочет, я вырву серце з грудей и витдам йий.

Я поняла, что Степан пропал, причем навсегда. Если Ванда пожелает, он бросит все и всех и пойдет за ней, забыв и про Фронтеру, и про Тодора, и про родичей, если таковые у него имеются. Подобная любовь вспыхивает не часто, но если вспыхнет, прошлое в ней сгорит без следа.

– Мне не нужно твое сердце, – улыбнулась королевна.

А из девчонки выйдет толк! Знает, как посмотреть! Я думала, у таянских рыцарей в запасе два года спокойной жизни, я ошиблась. Осенью Ванда соберет первый урожай.

– А що хоче дана? – поэты в один голос утверждают, что любовь делает человека красивее, и ведь не врут! Степан и так был парнем хоть куда, а сейчас и вовсе превратился в сказочного красавца, но моя даненка не повела и бровью.

– Я хочу, чтоб вы нам не мешали, – обнаружила государственный ум принцесса из дома Гардани, – и чтоб вы не пугались с арцийским ублюдком.

Как ни странно, Степан все понял.

– Господари Тодар погнав, як тих псов всих, хто порушив клятву и перекинувся до нового арцийского круля…

– Разве они вернулись?

Каюсь, мне ужасно захотелось подразнить Кэриуна.

– Трохи больше за четыре сотни. З ными нихто й знаться не хоче. Правду казаты, Жись завжды гадом й зрадныком був. Не треба було йому довиряты, у нас, як вин в Арцию пишов, нихто не плакав. Нам до арцийцив дила нема, де они, а де – мы, но Жись своей зрадой розбудыв давне лыхо. Нихто з наших тепер ныколы тому арцийцу допомагаты не буде.

Похоже, Кэриун с Прашинко знали, что делали. Фронтерцы из игры выпали, это радует. Я глянула на розовеющее небо, пора было возвращаться. С одной стороны, не мешало б прихватить сотника с собой, с другой, кто его знает, как поведут себя таянцы при виде старого врага, тем паче, если тот распетушится, а Степан распетушится.

– Как ты оказался здесь? Заблудился?

Если б заблудился! Лупе играла наверняка, она заставила коня, предав и всадника, и самого себя, сойти с тракта и понестись в болото. Фронтерцу повезло, что хозяйка решила вырастить свои цветы здесь, а не на другом конце топей, где его б никто не услышал.

– Возвращайся в Таяну, Степан. Наш друг тебя переведет через болота, и старайся держаться подальше от Тахены, особенно ночами.

– А що скаже даненка? – он не хотел уходить, мучительно не хотел.

– Возвращайся к Тодору, – приказала Ванда без всякой жалости.

– Я не зможу житы без даненки.

Я решила вмешаться.

– Приезжай с миром в Высокий Замок, Таяна и Фронтера в Войне Оленя стояли рядом, пора об этом вспомнить.

– Да, – подхватила королевна, – приезжай, если тебе будет, что сказать.

Кэриун взял под уздцы фыркнувшего коня, красавец-сотник в последний раз взглянул на Ванду. Мне было его жаль, но если фронтерец и впрямь влюблен, то сумеет достучаться до своего Тодора.

– Вы еще встретитесь, – сказала я, когда Степан и Кэриун скрылись из виду, – он пройдет огонь и воду, чтобы увидеть тебя еще раз.

– Пусть проходит, – Ванда пожала плечиками, – мне не жалко.

– Неужели он тебе не понравился? Он ведь красив, да и воин, судя по всему, отменный.

– До дана Шандера ему, как зайцу до коня. Лучше его нет и не будет!

Вот и разгадка. Таянская принцесса влюблена в арцийского короля. Будь девочка на пару лет постарше, она б меня возненавидела, но пока я не стена между ней и сероглазым изгнанником, а мостик. Сандер для нее лучше и Степана, и всех таянских рыцарей. Ванде – четырнадцатый, Александру – тридцать четыре. Когда я поняла, что люблю Рене, мне не было двадцати, а ему исполнилось сорок восемь, так что у моей королевны все не так уж и страшно. Через несколько лет Последний из Королей взглянет на таянку так же, как Уррик на Кризу, если я... Если я окажусь не слабее Романа. Великие Братья! Я должна сделать то, что сделал он, и я сделаю. Только сначала нужно выжить и спасти Тарру. Такие пустяки...

– Ванда, ты знаешь про Герику Годойю и Счастливчика Рене?

– Они любили друг друга и сгинули в Сером море...

– Можно сказать и так... У Рене до их встречи была бурная жизнь, в ней случалось всякое, кроме любви, а дочь Годоя и вовсе думала, что с ней все кончено. Ты видела Эмзара?

– Лебединого Короля? Конечно.

– У него был младший брат, отец Романа Вечного. Они очень похожи, но Астен... Астен Кленовая Ветвь не был странником...

– Откуда ты знаешь?

– Откуда? – переспросила я. А в самом деле – откуда? – В Таяне помнят и знают то, что забыли в Арции, но и в Арции остались песни, неизвестные за Тахеной. Герика Годойа и Астен встретились.

– И полюбили друг друга? – с восторгом переспросила Ванда. Как же у нее все просто.

– Не успели, – я покачала головой. И зачем я ей это рассказываю? Ах да... Я должна подумать о тех, кто останется. – Астена убили.

– Кто его убил и за что?

– Сестра Романа. Астен считал, что эльфы должны сражаться за Тарру, а Эанке (так ее звали) Тарру ненавидела, а людей презирала. Она была очень красива, в ее жилах текла кровь эльфийских владык, ей хотелось власти, поклонения...

– Гражина такая же, – перебила меня Ванда, – она злится, потому что не принцесса и потому что Беатку любят больше, чем ее. Мама говорит, Гражину нужно поскорее выдать замуж.

– Я бы на твоем месте за ней приглядывала.

– Чего ее бояться, она же дура! Ну, спустила собак, так сама же перетрусила.

Ванда Гардани еще не знала, что злые, вернее, злобные дуры – одни из самых опасных, но королевне говорить про Гражину было скучно. Она хотела слушать про Рене и Герику, и я рассказала, что могла. Великие братья, я не забыла ничего! Ни своего прихода в Эланд и последних слез, ни дурацкой размолвки на берегу ныне исчезнувшей реки, ни встречи в лесу после кантисской битвы. Я жила своей любовью, как же вышло, что я, не разлюбив Рене, полюбила Сандера? Пусть по-другому, но полюбила, или у любви бессмертных свои законы – для того чтоб родилось новое, старому умирать не обязательно.

– ...Вот и все, Ванда. В роду Арроев были и другие истории. Внучка Рене, дочь его сына и Белинды Гардани, полюбила Анри Мальвани, хотя он был старше ее на двадцать лет. Они жили долго и счастливо.

– Ликия, – голосок Ванды дрогнул, – зачем ты это говоришь?

– Чтоб ты знала, что нет ничего глупее слов «не может быть», особенно в любви. Скоро начнется война, кто-то погибнет, а кто-то вернется, потеряв что-то или кого-то...

– Ты думаешь, тебя убьют? – странно, почему она так решила, хотя если под смертью понимать вечную разлуку, меня, безусловно, убьют. – Но ты – женщина, а не воин.

– Ванда, эта война будет непростой. Армии будут сражаться с армиями, но у наших врагов очень сильные союзники. – Что же ей сказать, чтоб не обмануть и не запугать? – Ты слышала о

циалианках?

– Они – ведьмы, – уверенно сказала Ванда, – и ты тоже. Ты справишься с ними?

– Я постараюсь, Ванда. Я уйду вместе с армией, но, возможно, мне придется расстаться и с ними. Может быть, мне придется врать или прятаться. Если я не вернусь, ты, когда все закончится, объяснишь Александру, почему я это сделала, и постараешься ему помочь. Обещаешь?

– Ты гадала?

– С чего ты взяла?

– Ты ЗНАЕШЬ, что с тобой будет!

– Да, я знаю, что со мной будет. Я отпущу Александра в счастливую, человеческую жизнь, пусть радуется, надеется, имеет наследников...

– Гадание – это глупости. Судьба не всесильна, что бы про нее ни говорили, но Александр Тагэре должен знать, что я его не предала. Я хочу, чтобы рядом с ним была ты, а не, скажем, Гражина.

– Ты – ведьма, – повторила Ванда, – ты узнала, что я поклялась не выходить замуж, потому что нет никого лучше дана Шандера, а он любит тебя. Но я не хочу, чтоб тебя убили циалианки. Не хочу!

– Я тоже этого не хочу, но ты все-таки обещай.

– Честью Гардани клянусь, если ты не вернешься, я скажу дану Шандеру, что ты его любишь, и...

– И заставишь его полюбить жизнь и тебя. Ты это сможешь.

2896 год от В.И. 29-й день месяца Дракона. ЮЖНЫЙ КОРБУТ. ГАР-РЭННОК

Александр Тагэре долго смотрел на казавшееся настоящим закатное небо, в котором кружила Белая Стая, и не мог наглядеться. Окажись он в храме Ушедших, ничего не зная об эльфах, он бы точно сошел с ума от красоты и золотой осенней грусти. Здесь орки почитали, погибших богов, вождей и героев, среди которых были не только горцы, но и люди, и эльфы.

Теперь Сандер знал, кто нарисовал столь поразившую его святую Ренату в храме Триединого и карточную колоду, найденную им во Фло. Клэр Утренний Ветер – так звали художника, расписавшего храм в память обо всех погибших. Александр надеялся с ним познакомиться, но сейчас Утренний Ветер, заменивший исчезнувшего Романа, где-то скитался. Где-то? Скорее всего, в Арции.

– О чем задумался? – Ежи Гардани тронул гостя за рукав, – Посмотри лучше, как Инта похожа на Ликию, а сын Омма на твоего предка! Это неспроста – Год Трех Звезд просыпается и Старая Кровь ищет друг друга.

– Ты о чем?

– Ты – потомок Рене Счастливого, значит, в тебе течет кровь Первых Владык Тарры. А Ликия – одно лицо с Интой, значит, и она тоже. Теперь понял? Ваш союз не случайность, и неважно, где ты ее встретил, в Тарре нет рода выше, чем дети Инты.

– Мне все равно, какого она рода, – улыбнулся Александр, позволяя Ежи увлечь себя на улицу, – давно хотел тебя спросить, ты веришь в гоблинских богов, твой отец – тоже, но в Гелани полно иглециев...

– Ах, ты об этом, давай погуляем, я тебе все расскажу, все равно до пира делать нечего. Лучше нам как следует проголодаться, а то вечером по целому кабану придется проглотить. Со шкурой и копытами.

Сандер усмехнулся. Разумеется, таянский принц не заменил да и не мог заменить ни Сезара, ни Рито, ни погибших на Гразском поле, но Ежи стал ему другом, и дружба эта уже прошла испытание войной. Арциец с удовольствием последовал за Гардани на гору Памяти. Сначала они шли, болтая о всяких пустяках, потом подъем стал круче и разговоры сами собой увяли.

Друзья карабкались по узкой тропинке, то и дело норовившей выскользнуть из-под ног. Шуршали осыпавшиеся камешки, доцветал горный шиповник, на солнце грелись ящерицы с рыжими пятнами над глазами. Александр с детства обожал лазать по скалам, и прогулка вызвала у него очередной приступ глупого, необузданного счастья. Ему было стыдно, ведь тем, кого он оставил за перевалом, приходилось невесело. Сезар воюет, Рито ходит по лезвию ножа, что с Шарло и Катрин – неизвестно, страной заправляет ничтожество, с которого клирики и ифранцы за помощь сдерут семь шкур, а отдуваться придется Арции. В такое время король не может быть счастлив, а ему хочется петь. Ликия вернула ему не только жизнь, но нечто большее... Надо же, они – родичи, он ей расскажет об этом, когда вернется в Гелань.

Тропинка затерялась в кустах ежевики, но рыцари продолжали идти вперед, хотя колючие плети изо всех сил цеплялись за одежду.

– Чего ей надо? – возмутился Ежи, пытаясь освободиться от особо нахальной ветки.

– Наверное, хочет нас угостить. Смотри, сколько ягод.

– А ведь верно.

Они лакомились терпко-сладкими ягодами, как мальчишки, и

им улыбалось солнце позднего лета. Большой глянцевый уж, обитавший в гуще ежевичника, не выдержал поднятого шума и, возмущенно шипя, отправился прочь, вызвав очередной приступ веселья. Когда арциец и таянец выбрались из ягодника на вершину, солнце начинало клониться к закату. Первые серебряные лиственницы у храма были посажены шесть сотен лет назад, но огромное дерево на вершине горы было старше. У его корней лежал растрескавшийся валун, на котором попытался найти приют несчастный уж. Бедняге вновь пришлось спасаться бегством.

– Хочешь? – Ежи протянул плоскую фляжку с царкой, верную спутницу каждого «Серебряного» или «Золотого». Тагэре отпил из горлышка и вернул приятелю. – Ты хотел поговорить о святых и прочей дребедени?

– Хотел, – кивнул головой Тагэре, любуясь облитыми золотом горами, – ваши края у нас называют Отлученными, но в прежние времена Таяна и даже Тарска были в лоне Церкви Единой и Единственной.

– Были, до Тиберия, – подтвердил Ежи, – знаешь про него?

– Нас учили, что он был благочестивым и невинно убиенным, но тут я узнал...

– ...что Тиберий был мерзкой тварью, с потрохами продавшейся Годою. Один ублюдок самочинно провозгласил другого кардиналом, а на самом деле Архипастырь Феликс отдал посох Эланда, Таяны и Тарски Максимилиану. Во время Войны Оленя тот принял сторону Рене Арроя, но потом...

– Ему очень захотелось стать Архипастырем? – предположил Сандер.

– Так захотелось, что Феликс заболел и умер. Роман Ясный считал, что смерть не была случайной, но бросить обвинение в лицо Максимилиану никто не решился. Доказательств не было, а поставить все на кон и сцепиться с бывшим союзником, ставшим убийцей, император не рискнул. Завладев Посохом, Максимилиан начал правдами и не правдами укреплять власть Церкви, но у него было два сильных противника. Иоахиммиус Гидалский и кардинал Таяны, Тарски и Эланда, поставленный покойным Феликсом. Он был таянцем по происхождению и состоял в родстве с Шандером Гардани, а герцог не мог простить Максимилиану Феликса и лжи.

– Как звали таянского кардинала?

– В миру Балаж Ракаи, после пострига он принял имя Бенедикта. Когда Максимилиан сначала осторожно, а потом все нахальней принялся переписывать историю, а циалианки стали ему помогать, Бенедикт выступил против. Один из всего

конклава. Он тоже был должен умереть, но Роман был рядом, и у Максимилиана ничего не вышло. Стало ясно, что Кантиска становится опасным местом для тех, кто не согласен с Его Святейшеством. С тех пор Бенедикт Таяну не покидал, между ним и Максимилианом началась тайная война. Низложить своего врага Архипастырь не мог, это вызвало бы слишком большой шум, к тому же был кое-кто, кого Максимилиан боялся.

– Эльфы?

– Да, и особенно Роман. Он настаивал на том, что с Максимилианом и его политикой нужно кончать, в Эланде и Таяне считали так же.

– А в Арции?

– Император почти согласился пойти против Церкви, но тут очень кстати умерла его жена, Белинда Гардани, и Рене Смелый отступил. В Арции Церковь продолжала гнать свою линию, но в Эланде и Таяне ей воли не давали. Сын Шандера Гардани Стефан был сильным человеком. Поняв, что в империи творится что-то странное, он сделал то, что нас и спасло. Стефан провозгласил себя королем, хоть и союзным Арции, но суверенным, а Бенедикт объявил, что таянские клирики выходят из-под руки Кантиски.

– Но отлучены вы были много позже.

– Верно. Максимилиан до колик боялся появления в Святом граде «Божьих вестников», но эльфы были заняты Вархой, а Роман и Клэр не могли воевать с Церковью без поддержки Мунта. Так тянулось еще двести лет, Арция потихоньку сходила с ума и распадалась на куски, мы держались. Потом на нас натравили Западную Фронтеру.

– Западную?

– Восточная – это почти что Таяна, разве что имена отличаются да и то не слишком. Завгородни и Лодзии – фронтерцы, но они – свои.

– Я понял, – кивнул головой Александр, – но я спрашивал о другом. Не о том, как вас отлучили, а о том, во что вы верите?

– А вы? – лукаво улыбнулся Ежи.

– Мы? – Сандер немного растерялся. – В Триединого, наверное.

– Ты веруешь в «Триединого, всемогущего и всеблагого, жизнью нас одарившего» и так далее? Ты ему молишься?

– Сейчас – нет. Раньше, когда был маленьким, – Александр собрался с мыслями, – я просил Триединого сделать меня таким, как все, просил вернуть отца и брата, а потом как-то перестал... Может, дело в том, что я встретил Романа Ясного, хотя нет... Тогда я уже не молился.

– Не молился или не верил?

– Я понял, что мне никто не поможет, но дальше как-то не думал. Моя семья всегда принадлежала Церкви Единой и Единственной, хотя теперь я вижу, мы просто исполняли то, что заведено. – Сандер задумчиво накрутил на палец темную прядь. – И все же очень многим в жизни я обязан именно клирику. Евгений был кардиналом Арции, но о Триедином со мной не говорил, только о земном… Верил ли отец, не знаю, но матушка верила, хоть и не любила циалианский орден.

– Триединого нету, Шандер, – просто сказал Ежи, – это выдумка. И Баадука с его Всеотцом нет, и хаонгского Созерцателя, и сурианских божков… Тарру создали боги гоблинов, потом пришли другие, привели с собой эльфов и истребили первых богов. Чужаки правили Таррой, потом куда-то ушли, бросив все на произвол судьбы, но люди не могут не молиться, и они придумали себе таких богов, которые им понятны, а клирики появились сами. Был бы мед, а мухи найдутся…

– Но в Гелани на каждом углу иглеции.

– Верно, – таянец вынул саблю и начал что-то чертить на песке, – в семье Гардани заведено смотреть правде в лицо, но это не значит, что нужно лишать надежды других. Без богов обойтись можно, без церкви – нет. Надо именовать детей, хоронить покойников, соединять молодоженов. Рысьи когти! Человеку нужно место, где можно поплакать, пожаловаться, прощения попросить. Наши клирики страну не губят, а людям с ними легче, проще и понятнее. Поговори с отцом, если хочешь, или с Геланским епископом Львом, я могу только за ними повторять.

– Повтори, – улыбнулся Сандер.

– Изволь. Отец говорит, что одному, чтобы не украсть, хватает совести, другому нужен стражник, а третьему – страх божий. Кто-то может тащить свою беду на себе, кто-то ее свалит на соседа, а кто-то на бога. Беды от этого никакой.

– Ты так думаешь? – Александр закинул голову, подставляя лицо заходящему солнцу. – Наверное, ты прав, когда говоришь о людях вообще, но некоторым легче знать правду. Какой бы она ни была. Я мало думал о Триедином, но раз ты говоришь, что мы одни…

– Одни? – Анджей вбросил саблю обратно в ножны. – Если бы это было так! То, что мы знаем, мы знаем от эльфов. Думаю, отец не рассказал тебе всего, потому что Лебединый король это сделает лучше.

– Об этом мы с ним не говорили.

– Значит, поговорите. Триединый – выдумка, зато есть другие…

– Другие? И кто же?

– Всех не знают даже Лебеди, но, похоже, это не боги нам помогут, а мы им. Все это слишком сложно, я мало что понимаю, но Тарра висит на волоске, и этот волосок – мы. Даже странно, – таянец невесело улыбнулся, сразу став старше своих двадцати семи, – мы, и вдруг – спасители всего сущего.

– Наверное, – предположил Тагэре, – это потому, что Триединого нету, а мы – есть. Я бы хотел, что б и вправду над нами был кто-то мудрый и милосердный, я всегда хотел быть вассалом достойного сюзерена, а не королем, не вышло... Если не будет другого выхода, придется держать Тарру на плечах, но, может быть, все не так страшно?

– Может быть, – не стал спорить Гардани, – я не силен в этих вещах. Правду сказать, мне и самому в голову не лезет, что Тарра может погибнуть, но ты спросил, во что мы верим, а мы верим в то, что со злом нужно драться самим, а не просить помощи у тех, кому и так тяжело.

2896 год от В.И. 16-й день месяца Собаки. ИФРАНА. АВИРА

Базиль умудрился напиться, когда до столицы оставалось всего несколько вес. Он и так держался всю дорогу до антонианской обители и обратно, но в таверне «Зеленый рыцарь» было слишком хорошее вино и слишком хорошенькая служаночка, и арциец сорвался. Намеки скучного ифранца не помогли, граф Мо закутил со всей страстью истомившейся души. Утром красотка любовалась кольцом с бирюзой, а у гуляки нещадно болела голова. Выехать смогли только к вечеру, и тут в Гризье проснулось запоздалое раскаяние. Он не только попросил прощения у секретаря Ее Высочества, но и заявил, что будет ехать всю ночь, но поспеет к утреннему докладу. Ифранец попытался объяснить, что задержка на сутки не так уж и важна, но Базиль уперся, и эскорту ничего не осталось, как всю ночь нахлестывать лошадей.

В десятой оре утра запыленные всадники осадили коней у дворца. Ее Высочество как раз выслушала военные известия и доклад казначея и в окружении придворных вышла в приемную. Базиль Гризье шагнул вперед и преклонил колени.

– Вы вернулись, граф? – Жоселин протянула руку для поцелуя. – Вижу, вы только что сошли с коня? Неужели дела обстоят так печально?

– Похоже на то.

– Что с герцогом?

– Моя сигнора, герцог Ролан производит впечатление совершенно здорового и разумного человека, но ему грозит серьезная опасность. Он просил передать своей сестре, что надзирающие за ним монахи медленно травят его настойкой, вызывающей безумие, и что, если она хочет его спасти, нужно действовать немедленно. Более того, он мне предъявил весьма убедительные доказательства, на моих глазах выпив принесенную с собой настойку, которая вызвала приступ. Я очень сожалею, если расстроил Ее Высочество, но я обещал рассказать правду о том, что увижу.

Если бы граф Вардо мог убивать взглядом, Базиль Гризье был бы уже мертв, однако такой способностью Триединый Альбера не наделил. Ифранец перевел дух и чужим голосом спросил:

– Ваше Высочество, могу ли я узнать, привез ли сигнор письмо своей сестре?

– Конечно. Граф, написал ли герцог Ролан графине Вардо?

– Нет, моя сигнора. Он опасался, что письмо украдут или тайно прочтут, поэтому все передал на словах.

– Герцог был весьма неосторожен, – улыбнулась регентша.

– Отнюдь нет, ведь в письме сигноры был известный ему с детства тайный знак, согласно которому я был достоин доверия.

– И вы его оправдали, – глухо сказал Вардо.

– Несомненно, – склонил голову Базиль, – я всегда оправдываю все возложенные на меня надежды.

– Мы благодарим вас за оказанную ифранскому престолу услугу, – милостиво улыбнулась дочь Паука, – и будем рады видеть вас вечером.

Жоселин подобрала юбки и проследовала в свои покои. Базиль ослепительно улыбнулся белому от ярости Вардо.

– Засвидетельствуйте мое почтение вашей супруге. Я всю обратную дорогу вспоминал ее прелестные голубые глаза.

– Вы весьма любезны, сударь, – Альбер побледнел еще сильнее.

– Не стоит говорить таких вещей нашему дорогому графу, – герцог Фьонне с дружеской иронией посмотрел на Вардо, – он ужасно ревнив.

– Я полагаю, ревнивцам не следует жениться, – подошедшая Аврора обожгла Базиля изголодавшимся взглядом.

– Не согласен, сигнора, – арциец галантно поцеловал поясную ленту своей любовницы, – неженатый ревнивец еще опаснее. Семейный очаг защищает Церковь, а у любовника есть только кинжал.

– Какие ужасы вы говорите, – улыбнулась герцогиня, – теперь я никогда не осмелюсь изменить супругу.

– Это действительно ужас, – в фиалковых глазах мелькнула едва заметная насмешка, – но я не смею и далее шокировать вас своим запыленным платьем. Долг перед Ее Высочеством я исполнил, на очереди долг перед самим собой и моим несчастным конем. Разрешите откланяться.

– Я тоже ухожу, – обронил Вардо, – нам ведь по дороге, сударь.

– О да, – наклонил голову Базиль, – несомненно, нам по дороге.

2896 год от В.И. 16-й день месяца Собаки. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Раненых было не слишком много, возле них хлопотали медикусы и цирюльники, которым помогали женщины, менявшие воду в тазах, подававшие куски полотна, бинты, квасцы, арнику. Десятка три убитых унесли в иглеции. На стенах суетились каменщики и плотники, сменившие воинов, безошибочно почуявших, что на сегодня осаждающие иссякли.

Лиарэ опять выстояла, в чем Марта Мальвани и не сомневалась. Осаждающие мало походили на тех, кто готов умереть, но водрузить победную сигну на вражескую крепость. Наемники и есть наемники, они могут честно сражаться, но, налетев на тех, кто дерется за нечто большее, чем полный кошель, становятся осторожны.

Герцогиня в сопровождении нескольких гвардейцев и Мишеля Монтрагэ обошла раненых и поднялась на стены. Во время штурмов Марта оставалась во дворце, как ни в чем не бывало занимаясь повседневными делами, которых в осажденном городе было немало. Оборону возглавлял Арно Монтрагэ, его опыту и его смелости можно было полностью доверять. Конечно, если угроза прорыва будет реальной, Марту Мальвани увидят на стенах. Не потому, что она великий полководец или хороший боец, а потому, что присутствие монарха делает безнадежный бой менее безнадежным. Струсивший король или герцог то же, что брошенное знамя. Воинам становится нечего защищать, они чувствуют себя обманутыми и сдаются или бегут, но в роду Тагэре не принято бросать своих людей, спасая собственные шкуры.

Марта шла по привыкшему к войне городу и улыбалась, отвечая на бурные приветствия гордых очередной победой воинов и горожан. Жители Лиарэ рвались в бой. Орест разбудил в добродушных обывателях воинский дух, а Аларик и не подумал его погасить, а может, не смог. Как бы то ни было, оргондцы

воевали со страстью, не забывая насмехаться над застрявшими у стен крепости ифранцами.

Все шло хорошо, Лиарэ без особых усилий и потерь продержалась два месяца, оружия и продовольствия хватало, да и море всегда выручит: блокада блокадой, но свежая рыба в городе не переводилась. Дарнийские корабли были слишком тяжелы для того, чтоб болтаться у самого берега, и рыбаки вновь стали выходить в море. Ловить рыбку на мелководье под самым носом у врага стало для них сплошным удовольствием. По вечерам на площадях пели, танцевали и смеялись над потратившейся Паучихой, но Марте отчего-то в последнее время было неуютно. Она сама не знала, чего ждет, но дочь Шарля Тагэре видела слишком много подлостей, чтобы радоваться белой полосе, не думая о приближении черной. Даже весть о победе Сезара ее не столько обрадовала, сколько насторожила, – если прибыло в одном месте, в другом обязательно убудет.

Арно Монтрагэ отыскался в Рыбном городе. Командор Лиарэ был подтянут и свеж, словно командовал парадом, а не отражал третий штурм за кварту.

– Сигнора, – Монтрагэ подал герцогине руку, помогая подняться на невысокую башенку, – должен вам сообщить, что изрядная часть наших «друзей» нас покинула сразу же после штурма, если это действо можно так назвать.

– Вы полагаете, нас пытались обмануть?

– Не без этого.

– Подкоп?

– Вряд ли, но я велел поставить во всех подходящих местах тазы с водой и барабаны, на которые насыпан горох. Дозорные проверяют их каждые полчаса, но вода пока не дрожит, а горошины не пляшут. Нет, моя сигнора, подкоп они не введут. Да и что б он им дал? Двадцать человек, даже прорвись они в город, ничего не смогут, если, разумеется, это не «волчата». Конечно, они могли бы попытаться убить вас, вашу свекровь или меня, но нас охраняют и, смею сказать, надежно.

– О да, Арно, – улыбнулась Марта, – на мой взгляд, даже слишком надежно. Так куда, по-вашему, ушли ифранцы? Навстречу Сезару?

– Не думаю. После Поросячьего брода они опасаются герцога, к тому же легче поймать тень от облака, чем отыскать монсигнора.

Это было правдой. Сезар на месте не стоял. Оргонда с ее холмами, перелесками, небольшими городами и проселочными дорогами как нельзя лучше годилась для «малой войны», которую развязал герцог, но в которую втянулось чуть ли не все

население. Ифранцы, собравшиеся сковать основные силы оргондцев в Лиарэ и Краколлье и прибрать к рукам беззащитную страну, с громким плеском сели в большую и глубокую лужу, распугав всех жаб и лягушек. Пусть Лиарэ была в осаде, но Сезар и его армия, благополучно прикончив Аршо-Жуая, не пошли на лобовую схватку с превосходящим по численности противником, позволив ему отправиться к Лиарэ, оставляя в городах и городках небольшие гарнизоны, и ударили по тылам.

Марта знала, что неугомонный Диего Артьенде и его «хвостатый эскадрон» творили в якобы завоеванной стране, показывая пример крестьянам и горожанам, почувствовавшим в своем кармане загребущую ифранскую лапу, и раздавая им отобранное оружие. Оргонда кипела. Дневные хлебопашцы и лавочники ночью превращались в форменных разбойников. Не прошло и кварты, как ифранские фуражиры и курьеры стали передвигаться лишь днем с большой охраной, да и это не всегда помогало.

Партизанскую войну Паучиха проигрывала вчистую, а Сезар, совершая стремительные переходы, появлялся в самых неожиданных местах, уничтожая вражеские гарнизоны. Искать герцога в разбушевавшейся Оргонде было то же, что волка ночью в лесу, но если ифранцы охотятся не за ним, то за кем же?

– Арно, я вижу, вы для себя на этот вопрос ответили.

– Да, хотя мне ответ очень не нравится. Если захватчики не могут спать спокойно ни в одной деревне, то рано или поздно они примутся резать всех подряд. Мы не можем выйти из города, в поле нас слишком мало, а горожане без прикрытия стен против опытных солдат и вовсе ничто. Сигнора, я поставил себя на место ифранского маршала и учел ошибки бедняги Аршо,

– И как бы вы завоевали Оргонду, Арно? – улыбнулась Марта, хотя ей отнюдь не было весело:

– Я бы проутюжил прилегающие к Лиарэ земли, чтобы не ожидать удара з спину. Все, что мне нужно, мне бы подвозили с моря. Затем я бы взялся за город. Сделать нашу жизнь невыносимой трудно, но можно. Для начала я бы покончил с рыбаками, затем измотал ложными ночными штурмами и тревогами, а потом настал бы черед подсылов. Лиарэ верит своей герцогине, но предатели и мерзавцы всегда были, есть и будут. Через месяц или два я нашел бы Сезара и порадовал его картинами из городской жизни, вынудив пойти на прорыв по выжженной земле, и разбил бы на глазах горожан. Когда врага ждут и на одного воина приходится три, разгром неизбежен…

– Хватит! – оборвала герцогиня. – Слава святому Эрасти, вы ифранской армией не командуете, а Сезар, надеюсь, не пойдет в

ловушку. Гибель Лиарэ – это только гибель Лиарэ, а потеря армии и герцога – это конец.

– Сезар Мальвани не оставит вас погибать.

– Мальвани всегда ставили долг впереди любви, если вы об этом. И Тагэре, к слову сказать, тоже. Я хотела сказать, истинные Тагэре. Отец, Эдмон, Александр... Но вы правы. Я напишу герцогу и попрошу его сначала думать об Оргонде, а потом обо всем остальном. Вы проследите, чтобы письмо его нашло.

– Обязательно, сигнора. Но, боюсь, если я прав, оно будет последним. Обратно моему человеку вряд ли удастся пройти.

– Тогда тем более поспешите... Что это?!

– Это? – командор поднял старинный окуляр, и лицо его стало жестким. – Это, моя сигнора, корабли ортодоксов.

2896 год от В.И. 16-й день месяца Собаки. ИФРАНА. АВИРА

Вардо и Гризье прошли анфиладой дворцовых комнат и сели на коней. Все это время арциец непринужденно рассказывал о поездке, а ифранец сухо кивал. Когда дворцовые ворота захлопнулись за двумя всадниками и кони, голова в голову, пошли по Утиной улице, Вардо, не поворачиваясь к собеседнику, бросил:

– Как вас только земля носит!

– С трудом, граф. Особенно после Гразы.

– Жаль, я не могу убить вас на месте.

– Да, это было бы неприлично и вызвало подозрение, но вы всегда можете нанять убийц. Вы ведь их нанимали в день, простите, в ночь нашего знакомства, а цены с тех пор выросли не так уж и сильно, несмотря на войну. Кстати, что нового слышно в Оргонде? Ее Высочество явно не в духе.

– Прекратите мне заговаривать зубы и отвечайте, – Вардо не выдержал и повернулся к собеседнику. Он был вне себя, но Гризье в ответ на яростный взгляд лишь пожал плечами.

– С наслаждением, но я все рассказал Ее Высочеству, мне почти нечего добавить. Разве что герцог Ролан сожалеет о Тагэре.

– Какой же вы негодяй!

– Арцийский, – улыбнулся Базиль. – А вот вы – ифранский дурак.

– Что?! – рука графа потянулась к хлысту.

– Я не понимаю. Вы собрались опровергнуть мои слова или доказать?

– Вам придется объясниться!

– Я это уже сделал. Я сказал, что всю дорогу вспоминал о

голубых глазах вашей супруги. Голубых, граф. А у герцога Ролана, поведавшего мне в пустом саду душераздирающую историю про отраву и конвульсии, глаза были карими.

– Что за чушь!

– Это не чушь, сигнор. У Жоселин глаза – если то, чем она смотрит, можно так назвать, – серо-голубые. У Жермона – тоже, Паук и его супруга были серыми, как мыши. Брат Паука и отец Антуанетты и Ролана походил на человека, но красками его Творец тоже обидел. Вы в своей галерее вывесили не только своих предков, но и родичей Антуанетты. Проклятый! Там не было никого с темными глазами. Никого! А герцог Ролан оказался кареглазым.

– Вы думаете, это самозванец?

– Что вы! Самозванец сам берет чужое имя и сам всем доказывает, что он принц или король. Нет, этот молодой человек – подсадная утка. Жоселин хотела, чтобы вы кинулись спасать родича и стали государственным изменником. Писать «сестре» «братец» не стал, потому что не был уверен, что как следует подделает почерк и подпись. Да и с содержанием могла выйти промашка. Они каким-то образом узнали один секрет Антуанетты, но их могло быть несколько.

– Похоже на правду, но если это все-таки он? Если Проклятый пошутил… или пошутила мать Ролана?

– Вы согласились бы променять законного королевского внука на бастарда?

– Не знаю… Но если он брат Туанон хотя бы по матери, его все равно нужно спасти.

– Альбер, – Базиль вздохнул, – вы очень умный человек, но, когда речь заходит о вашей супруге или о вашем заговоре, вы теряете голову, а это не правильно. Будь это настоящий Ролан, нас никогда не оставили бы наедине, за какого бы дурака и шута меня ни держали. Если бы его на самом деле травили, ему бы не удалось обвести тюремщиков вокруг пальца. Это не дурацкий роман из тех, что читал мой покойный племянник, а жизнь, причем поганая. Против вас готовится заговор, Альбер. Вас вынуждают на безумный шаг, чтобы потом казнить. Жоселин боится, хоть и ничего не знает.

К слову сказать, если Ролан жив и его и впрямь травят какой-то дрянью, им придется это прекратить и предъявить живого и здорового герцога. И ваше дело устроить все так, чтобы там оказались люди, видевшие Ролана хотя бы в детстве. Меня, надо полагать, туда больше не пустят.

– Простите меня, Базиль. Вы спасли всех нас.

– Пустяки, сударь. Может быть, теперь вы скажете, что

творится в Оргонде?

– Лиарэ в осаде, но держится. Но Лиарэ – это еще не Оргонда.

– То есть?

– Мальвани и его армия не дают Жоселин стать в стране хозяйкой.

– Бедная Жоселин! Надо полагать, это ее очень огорчает, – сочувственно вздохнул Гризье. Альбер Вардо внимательно посмотрел на арцийца и расхохотался.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ POLLICE VERSO[39]

Погляди – что за рыжие пятна в реке, -
Зло решило порядок в стране навести.
Рукоятки мечей холодеют в руке,
И отчаянье бьется, как птица, в виске,
И заходится сердце от ненависти!
Ненависть – пей, переполнена чаша!
Ненависть – требует выхода, ждет.
Но благородная ненависть наша
Рядом с любовью живет!

В. Высоцкий

2896 год от В.И. 25-й день месяца Собаки. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Если б Александра Тагэре попросили рассказать, как таянская армия вступала в Гелань, он бы вспомнил только солнце и улыбки. День и вправду выдался погожим, но к безоблачному высокому небу, золоту каштанов и багрянцу кленов прибавлялось ощущение полета, не покидавшего Последнего из Королей с тех пор, как он перешел Тахену. Судьба словно задалась целью отдать Александру долги, осыпая изгнанника тем, чего у него никогда не было и на что он не надеялся – не омраченной ложью любовью, уверенностью в своей правоте и надеждой на настоящую победу, после которой воцарятся счастье и мир. Умом Сандер понимал, что такого просто не может быть, что его, Ликэ, Луи, тех, кто сейчас скачет рядом, и тех, кто сражается в других краях, ждут страшные дни, но сердце пело, и ничего с этим поделать было нельзя, да он и не хотел.

Кони весело шли по алым кленовым листьям, девушки посылали всадникам воздушные поцелуи, мальчишки выпускали голубей, взмывавших в пронзительно синее небо. Так было в Мунте, Эльте, Гар-Рэнноке. Цветы, улыбки, взлетающие птицы есть и всегда будут знаками радости.

– Виват! – закричал конопатый парнишка лет двенадцати,

подбросив в воздух белую птицу, и Сандер, сам не зная почему, махнул ему рукой и тоже крикнул: «Виват!» Улица взревела, счастливое мальчишеское лицо осталось позади.

– Он запомнит этот день на всю жизнь, – улыбнулся Ежи, чей дрыгант шел голова в голову с Саданом.

– Я тоже, – заверил Сандер.

– Рысьи когти, – засмеялся таянец, – и я! Мы все запомним. Это победа, Шани, победа! Мы сломали шею этой нечисти! Пятьсот лет шла война и закончилась. С Билланой – все, перезимуем – и в Арцию!

«С Билланой – все, перезимуем – и в Арцию», – про себя повторил Александр, это и впрямь так. Он вернется и не один, а с армией, и какой армией! Нет, он не забыл «волчат» и никогда не забудет, но Ежи, Стах, Ласло, Золтан, как же они ему дороги! Проклятый! Да он любит всех жителей Гелани до последнего человека. Сандер Тагэре, сам не ведая, что творит, завернул коня в толпу и, наклонившись, поцеловал в губы хорошенькую девушку, стоявшую то ли с братом, то ли с женихом. Ежи немедленно последовал его примеру, чмокнув аж двоих красоток, выходка вождей вызвала новый всплеск ликования, стоявшие на углу музыканты грянули какой-то лихой танец.

Ежи засмеялся и дернул повод, вновь занимая место во главе процессии, Садан, разумеется, от дрыганта принца не отстал. А от счастья, оказывается, тоже сходят с ума… Улица кончилась, впереди переливалась и кипела народом площадь Ратуши. У лестницы маялись в тяжелых, обшитых мехом одеждах пожилые, важные люди с массивными цепями на мощных плечах. Ежи подмигнул Александру, и тот первым соскочил с коня, таянец последовал за ним.

Сандер знал об этом обычае. Король Таяны не барин, не хозяин, а первый слуга своего народа, и сейчас самые уважаемые люди Гелани поблагодарят воинов за верную службу, а самые красивые девушки поднесут им вина. Красивый обычай и правильный. Когда он вернется в Мунт, он возьмет с собой лучшее, что есть в Отлученных землях, которым куда больше подходит имя «Верные» или «Выстоявшие».

Запели фанфары, зазвонили колокола, Сандер с Ежи в окружении выборных поднялись на ступеньки ратуши. Из речи геланцев Тагэре не запомнил ничего, хотя она, без сомнения, была замечательной. То, что он наговорил в ответ, им понравилось, хотя сам он не взялся бы повторить свои слова. Александр благодарил, обещал, клялся в любви и верности, пытаясь высказать то, что пело у него внутри. Кажется, это получилось, потому что горожане ответили восторженными

криками, а может, дело было в том, что сегодня счастливы были все. Вышли две девушки, одна держала поднос с серебряными чашами, другая их подавала. Обе были прекрасны, но в Высоком Замке его ждала Ликия, которую он не видел с весны.

Стройная зеленоглазая шатенка с нежной улыбкой на розовых губах подала чашу. Тагэре всегда был равнодушен к вину, но это оказалось райским напитком. Красавицу следовало поцеловать, что он и сделал к явному ее удовольствию, напрочь забыв об изуродованном плече.

Вновь грянули трубы и литавры, они с Ежи сбежали с крыльца и вскочили в седла, подняв коней на дыбы. Это тоже был обычай, но, даже не будь его, Сандер бы вздыбил Садана просто от переполняющей душу радости.

– Все, – словно подслушав его мысли, – шепнул Ежи, – теперь в Замок.

Таянец пустил иноходца крупной рысью, ветер подхватил и заполоскал консигны, толпа расступилась, напутствуя победителей радостными криками. И снова шумные улицы, облитые солнцем стены, увитые разноцветным диким виноградом, музыка, улыбки, взлетающие голуби. Когда выехали из города, кони перешли в кентер.

Замковая гора, разукрашенная медью, золотом и киноварью, приближалась медленнее, чем хотелось. Над нижними воротами развевались знамена Гардани. Король в замке! Анджей должен встречать своих полководцев на Арсенальном дворе, но Гардани считал себя вассалом Арроев И ждал внизу.

Сандер издали узнал леопардового королевского дрыганта. Рядом с Анджеем на белой кобылице восседала королева, а за ее плечом сияла чуть ли не эльфийскими глазищами Ванда, улыбался принц Стефан, махал рукой Луи, золотились косы Беаты. Александр искал глазами Ликию, но ее не было. Нигде. Испугаться он не успел, так как Ежи, лукаво улыбнувшись, заметил:

– А твоя дана зря времени терять не захотела.

– Ты о чем?

– Тебе же нравятся наши обычаи, не так ли? Сейчас узнаешь еще один. Женщина ждет своего воина в спальне у окна. Первый поцелуй после разлуки не предназначен для чужих глаз, и потом, – Ежи засмеялся, – после первого поцелуя обычно следует второй, не правда ли? Даже король – и тот не задерживает своих рыцарей. «Брось поводья оруженосцу и беги к той, что ждет» – так у нас говорят. Можешь бросить поводья мне, мое сердце пока свободно.

Господин Жамон носил связку ключей и ведал кладовыми замка еще тогда, когда покойный Марк ре Ги привез в Лиарэ молоденькую жену. Несмотря на свою должность, Жамон был честен, как святой Никодим[40], раз он говорит, что припасы тают, так оно и есть. Старый счетовод клялся, что без его ведома ключей не мог взять никто, и Марта ему верила, но лучше бы старик был вором, тогда, избавившись от него, она спасла бы кладовые, а значит, и Лиарэ. Герцогиня Оргондская с тоской посмотрела на стену, где благородный рыцарь третью сотню лет убивал маленького и нестрашного дракона. Сезар прав – как было бы чудесно, воплотись зло в чудовище или предмет, от которого можно избавиться. В жизни злом пропитано все, и не знаешь, когда и откуда придет следующая напасть. Они боялись штурмов, но не голода. Кто бы мог подумать, что провиантские склады в порту сгорят, а залив загниет и о рыбе придется забыть. Можно сколь угодно искать поджигателей и кричать, что ортодоксы отравили воду, толку-то...

В поджог Марта не верила, а хоть бы и так. Даже повесив виновных, сгоревшего зерна не вернешь. К счастью, Марк ре Ги был человеком запасливым и не чуждым торговли, и в замке годами хранились огромные запасы продовольствия. Марте это казалось излишним, но Сезар считал, что нельзя держать все яйца в одной корзине, и оказался прав. Не будь в замке складов, в Лиарэ уже бы ели кошек и ворон, впрочем, их, кажется, и так уже едят. Подул ветер с залива, и герцогиня торопливо закрыла окно – отвратительная вонь доносилась даже сюда, а что творится в Рыбном городе, страшно и подумать! Скорей бы зима, штормовые ветры унесут гниль в море, но это опять же никого не накормит.

В городе уже не поют и не смеются, еще немного, и кто-то вспомнит, что Марта Тагэре – еретичка, а кто-то заговорит о проклятии и призовет покаяться. Корабли ортодоксов – вот они, их видно отовсюду. Церковное воинство не участвует в штурмах, оно лишь наблюдает и напоминает осажденным о страхе божьем...

После столкновения с Орестом герцогиня клириков ненавидела и боялась, хотя о последнем не знал даже Сезар. Лучше умереть, чем снова оказаться среди беснующихся, жаждущих крови фанатиков. Тогда Марта с негодованием отвергла предложенный яд, сейчас... Сейчас она бы его выпила. Это было трусостью, но у каждого – свой предел, у каждого... Если людей не накормить, рано или поздно вспыхнет голодный бунт, а зерно куда-то исчезает. Куда? Марта задумчиво прошлась по

комнате. Поговорить с Монтрагэ? Нет! Командор должен думать только об обороне, его нельзя отвлекать. Арно и так на пределе. Поделиться со свекровью? Да, пожалуй, но не раньше, чем она своими глазами убедится в том, что Жамон говорит правду. Он человек надежный, но все-таки нужно проверить.

Старик грешит на крыс, но откуда они взялись да еще в таком количестве? Пожар, крысы, умирающий залив – одно к одному! Прошлый раз тоже начиналось с мелочей, а в конце, если б ни Аларик, ее бы ждала смерть... Но убить зарвавшегося Предстоятеля антонианцев легче, чем отстоять город. Их слишком мало, чтоб прорываться, а если б они и прорвались – прилегающие к Лиарэ земли разорены, там не найдешь ни репы, ни курицы. Ифранцам припасы везут морем...

Марк был глупцом, маршал Мальвани убеждал его заняться флотом, а он – он думал о своем здоровье, а не о стране! За три года Сезар заложил восемь кораблей, но помешала война. Если Лиарэ падет, недостроенный флот достанется Паучихе. Так, может, сжечь? Успеется, они еще не проиграли, хоть и близки к этому. Герцогиня дернула за витой шнур и бросила вбежавшему секретарю:

– Господин Жамон здесь?

– Так точно, моя сигнора.

– Пойдете с нами.

– Вызвать сигноре охрану?

– Бог с вами, Антуан. Мы всего лишь осмотрим погреба.

Герцогиня поднялась. Проклятый, как же она устала! Если б здесь был Сезар, или Сандер, или Аларик, она могла бы забыть, что она – Тагэре, и стать просто женщиной, за которую решают те, кто умнее и сильнее.

Охрана вокруг мрачноватого, приземистого здания была в порядке, вряд ли мимо этих молодцов можно что-то пронести. Может, внизу есть потайной ход? Прежде чем дед Марка приспособил здание под службы, в нем были герцогские покои. Собственно говоря, этот неказистый дом был тем зерном, из которого вырос замок.

– Жамон, нет ли здесь подземного хода?

– Моя сигнора, это было первое, о чем я подумал. Я лично обстучал стены и потолок, а потом поднял старые чертежи. В старый дворец и впрямь вело три хода, но все они были завалены еще при герцоге Карле.

– Будем надеяться, – Марта первая прошла сквозь низкую сводчатую дверь.

Внутри было сухо, пыльно и тепло. Герцогиня и ее спутники шли по унылому полутемному коридору. Все было спокойно, но

Марте отчего-то хотелось закричать и броситься назад, наружу, где галдят стражники, а с залива тянет гнилью.

– Антуан, Жамон, вы ничего не чувствуете?

– Немного душно...

Немного душно?! Да здесь дышать нечем, а может, она просто устала и вот-вот сломается. Аларик на прощание сказал, что она может и впредь на него рассчитывать, как это мило... Прикажите залезть на дворцовую крышу и закричать? Пусть жители доброго города Лиарэ решат, что их герцогиня, наконец, сошла с ума. "Рассчитывать... " Да она б Проклятому душу заложила, скажи он, где и как искать седого капитана.

Марта споткнулась о едва заметную ступеньку на полу, секретарь ее поддержал, но настроения это не улучшило. Страх стал чуть ли не осязаемым. «Аларик, – чуть слышно прошептала женщина, – мне страшно!»

– Сигнора что-то сказала?

– Ничего... Но это не простая духота.

– Действительно, – секретарь казался растерянным, – это место кажется ужасно неприятным.

– Неприятным? – делано рассмеялась герцогиня. – Вы удивительно деликатный человек, Антуан. Жамон, тут и раньше так было?

– Последнюю кварту я не могу здесь долго находиться, я думал, это из-за сердца... Но сегодня сильней, чем обычно. Моя сигнора, может, следует пригласить клириков?

Клириков? Клирики на стороне Ифраны, хотя ведут себя смирно. Еще бы, Орест погиб очень некрасиво. Да и не верит она этим ритуалам, здесь нужен не клирик с кадилом, а Аларик со шпагой. Капитан, если ты и впрямь – Преступивший, если можешь из своего далека слышать других, помоги! Помоги еще раз, потому что больше помочь некому! С ифранцами, даже с ортодоксами мы справимся, но не с тем, кто бродит по старому дворцу, и не с голодом...

– Раз уж мы тут, посмотрим, как дела. Жамон, в каких кладовых вы заметили недостачу?

– Мы почти пришли. Опустели левые кладовые – это здесь.

Счетовод отделил от огромной связки на первый взгляд совершенно одинаковых ключей нужные и отпер массивную дверь. Взгляду предстало обширное помещение. Совершенно пустое! В столбе света, лившегося сквозь узкое решетчатое окно, танцевали многочисленные пылинки. На полу не было ни единого следа, вдоль стен лежали многочисленные серые тряпки.

– Это все, что осталось от мешков, – пояснил счетовод.

Антуан почел своим долгом зайти внутрь. Его следы четко

отпечатались на покрывающей пол сероватой пыли. Секретарь поднял и развернул одну из тряпок.

– Я бы сказал, сигнора, здесь поработала крыса, если представить себе крысу размером с медвежью гончую.

– В таком случае, где следы?

Крыса? Если это крысы, да еще такие большие, их можно убить. Или нельзя? Следов не осталось, но призраки, если они существуют, не могут пожирать настоящее зерно.

– Хорошо, господа. Теперь заглянем в уцелевшие кладовые.

В первых четырех все было в порядке: достигавшие потолка горы мешков и пыльная теплая тишина, но беспокойство не проходило. Марту тянуло наружу, и именно поэтому она заставляла себя осматривать ничем не примечательные помещения. Нельзя позволить себе бояться! Если боишься, сходи и посмотри, возможно, никакой опасности нет, а если есть, то не столь уж и страшная.

Пятый склад был последним в этом коридоре и состоял из двух помещений – первое, просторное, лишенное окон, отделялось аркой от второго. Марта осталась у двери, ее спутники прошли внутрь. Два исполненных ужаса вопля раздались одновременно. Жамон просто кричал, а Антуан пытался ее предупредить.

Нужно было бежать, Марта это понимала, но герцогиня пошла на голоса. За спиной с шумом захлопнулась дверь, но женщина и не подумала обернуться. Там, впереди, таилось что-то чудовищное, ее спутники, скорее всего, мертвы, она тоже погибнет, но отступать нельзя. Если она попробует бежать, ее настигнут, так не лучше ли умереть, показывая злу не спину, а лицо?!

Чужака Марта увидела сразу. На незнакомце не было ни маски, ни плаща с капюшоном, но рассмотреть его лицо отчего-то не получалось. Рядом копошились три чудовищные крысы…

Правую половину помещения занимало зерно, левая была пуста, не считая уже знакомых изгрызенных тряпок, на которых лежали Антуан и Жамон. Будь на месте Марты Мальвани другая женщина, она б или бросилась бежать, или упала в обморок, или закричала, но герцогиня Оргондская скрестила руки на груди и, глядя в неуловимое лицо чужака, раздельно произнесла два слова:

– Кто ты?

– Твоя смерть и смерть твоего города, – голос твари был вполне земным и даже красивым, но при его звуках в душе Марты поднялось непередаваемое отвращение.

– Моя смерть? Возможно, но Лиарэ тебе не по зубам. Иначе

ты не прятался бы здесь, как крыса. А может, ты и есть крысиный король из гадкой сказки?

– Я могу раздавить тебя одним пальцем, но я хочу увидеть твой страх, Тагэре. Мне будет это приятно.

– Вряд ли я доставлю тебе такое удовольствие. Крысы слишком отвратительны, чтобы их бояться...

Марта не лгала. Оказавшись лицом к лицу с неведомой тварью, которая и впрямь могла ее раздавить одним движением руки, герцогиня успокоилась. Не стоило напоминать ей, что она Тагэре, Тагэре не боятся крыс и умирают с гордо поднятой головой.

– Ты лжешь, женщина, – безликий наверняка ухмылялся, но герцогине никак не удавалось сосредоточиться на его лице – взгляд невольно скользил мимо повелителя крыс, Марта даже не могла понять, молод тот или стар.

– Ты владеешь собой неплохо, но ты боишься. И правильно делаешь.

– Тагэре не лгут, крыса!

– Браво, сигнора!

Не может быть! Это – ложь... Чтобы сломать человека, надо ослепить его надеждой, а затем разбить о правду.

– Дайте мне пройти, сударыня.

Марта, с трудом соображая, сделала шаг в сторону. Она не бредила, Аларик и впрямь пришел и теперь стоял между ней и крысиным королем. Оба молчали.

Марта чувствовала разлившееся вокруг напряжение. Теперь от нее ничего не зависело, все решал спор... Кого с кем? Эти двое не были людьми, один был врагом, и страшным, а второй – другом, вновь явившимся на помощь.

Скиталец незаметным движением освободился от плаща. Он совсем не изменился с того дня, когда вырвал герцогиню Оргондскую из лап Ореста. То же темное платье старинного покроя, те же видавшие виды высокие сапоги и черная цепь на плечах. Седые волосы капитана-колдуна по-прежнему трепал несуществующий для прочих ветер, а изящная рука уверенно лежала на эфесе шпаги. Аларик холодно смотрел на безликого, и тот не выдержал.

– Меня нельзя убить, – надменно произнес он и осекся.

– Тебя ввели в заблуждение, Жан Лумэн, – ухмыльнулся Скиталец, – я могу тебя убить, и что-то мне подсказывает, что именно это я сейчас и сделаю.

Жан Лумэн?! Марте показалось, что она ослышалась. Предводитель крыс – основатель династии узурпаторов, умерший и похороненный восемьдесят с лишним лет назад?! Тут было от

чего сойти с ума.

Слова Скитальца словно сорвали с чужака вуаль-невидимку. Теперь Марта могла рассмотреть его как следует. Это и впрямь был Жан-Двоеженец, дядя, свергнувший и, скорее всего, убивший племянника и посадивший на трон собственного сына.

На портретах Лумэн был помладше, он казался умным, жестким и холодным, возможно, так и было, но под взглядом Аларика сохранить невозмутимость мог разве что бог, да и то вряд ли. Капитан мельком глянул на замерших в углу крыс и топнул ногой. Омерзительные твари, толкаясь, ринулись в темный угол и исчезли.

– Ты понял, с кем говоришь, не так ли? – осведомился Аларик.

– Я ухожу, – коротко бросил Лумэн, – Лиарэ мне больше не нужна.

– Истинно королевский жест, – поднял бровь Аларик, – но ты не уйдешь, а умрешь. По Тарре разгуливает слишком много предателей, мне это надоело! Когда раздастся трубный глас и с Полудня никто не появится, надеюсь, твоего истинного хозяина это несколько озадачит...

Скиталец

Кто сказал, что смерть забирает и любовь, и ненависть? Глупец, это любовь и ненависть могут оттолкнуть тупую морду смерти!

Нет, каково?! Жан Лумэн собственной персоной! Интриган и предатель, доигравшийся до убийства и, если верить воплям Илларионa, – Полуденный всадник... Голод на тощем одре! Повелитель крыс и сам... крыса! Восстал и вернулся, нет, не вернулся, куда ему! Вернули, ибо «признан достойным».

Что, Счастливчик, не ожидал от себя такой ярости? Одно дело знать, кто предал и родную кровь, и родовую честь, другое – глянуть ублюдку в глаза. Эрасти не советует трогать этих тварей, на то он у нас и святой, ну а Счастливчик Рене в святых отродясь не ходил!

Проклятие, и откуда только берутся трусы и негодяи? Да оттуда же, откуда все остальные! Рикареда забыл? Тоже родная кровь между прочим... Что ж, потомок, пришло время поговорить. Не здесь! Смертным незачем прежде времени узнавать о Смерти. Оставь даму, Жан Лумэн, и идем к Черте! Не хочешь? Да кто тебя спрашивает?! По праву Крови, по праву Старшинства, по праву Возвращения ты пойдешь за мной, а твоя оболочка подождет

здесь. Сопротивляешься? Дурак, с морем не спорят. Море, если его понять, можно обыграть, но, как ни греби к берегу, отлив не станет приливом...

Вот и Мост, все к твоим услугам, Возвращенный. Что ты можешь сказать в свое оправдание? Этьен был слабым королем? Что же ты не помог племяннику? Великие Братья, да что в этом золотом обруче с камешками такого, из-за чего теряют разум, честь, стыд?! Объясни мне, Жан Лумэн, зачем тебе и твоим сыновьям понадобилась корона?! Чего вы добились? Проигранные войны, междоусобицы, вранье и в итоге усаженный на трон безумец с хомяками... Ты не жалеешь о содеянном? Вижу, что нет. Ты вновь и вновь пошел бы по старой дорожке, только начал бы теперь не с племянника, а с брата – с Эдмона Тагэре.

Вот что тебя мучает, Лумэн. То, что Тагэре победили и победили честно. Как же ты их ненавидишь, ты ушел за Черту и вернулся назад с ненавистью. С ненавистью, завистью и желанием отыграться! Ты хочешь получить все, навсегда и для себя. Как просто и как глупо, ты и впрямь – крыса, крыса, решившая стать богом, но этого не будет! Пусть твоя сила достается троим оставшимся, но тебя я прикончу. Я всю жизнь рисковал, но самым большим риском и самой большой глупостью станет тебя отпустить. Хватит с Тарры подлостей! Да, Голод слабей Войны, Бедствий и Чумы, но ты можешь их пережить и оказаться последним. Оказался же на арцийском троне самый ничтожный из твоих и, к несчастью, моих потомков. Тот, кто затеял большую игру, любит грязь...

Первый раз ты, кажется, испустил дух в своей постели среди клириков и детей от двух женщин? Никаких предсмертных видений, никаких призраков перед глазами не было? Еще бы, откуда им взяться, совесть – это не для тебя, и все же, как тебя впервые посетила мысль убить Этьена? Так... Ты ехал в Мунт ночью, нарождалась луна, ты запомнил кривое дерево у дороги, на обочине стояла какая-то женщина...

В храм Триединого ты не заходил, и сны, в которых ты носил корону, тебе не снились? До своего преступления ты дошел своим умом, хоть это радует! А что ты знаешь про тех, кто тебя вернул? Кто тебя отправил в Лиарэ? Никто? И до этого сам додумался? Значит, сейчас вы предоставлены самим себе? Приказ еще не отдан? А свершивший Последний Грех? Он так и не понял, что властен над вами...

Да, Лумэн, ты знаешь много и не знаешь ничего! При жизни ты был слеп, а после смерти не прозрел. Все! Разговор закончен, пора возвращаться. Я знаю, что меня ждет, если я тебя прикончу, я готов и к этому, и ко всему остальному. А тебя неплохо

защитили, даже хорошо, но я ведь тоже вернулся и много раньше...

Смотри мне в глаза, Жан. Ты ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ от жизни, ты ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ от покровительства, ты ОТКАЗЫВАЕШЬСЯ от силы. Отказываешься! Не хочешь? Я так и думал...

Черное против белого, синее против алого. Я привык к боли, а ты – нет. Ты не выдержишь: страх перед смертью уступит страху перед болью. Эта боль страшней небытия, тебе ее не вынести. Ты вернулся властвовать, я – вернуть долги. Я хочу уйти и уйду, когда все кончится, и потому сейчас я сильнее. Боль – это ерунда, если знать, ради чего терпеть.

Вот и конец твоим доспехам, Лумэн. Твои покровители сильны, у Смерти они тебя отобрали, но воли у тебя как не было, так и нет – только хитрость. Все! Теперь тебя ничего не защищает, меня, впрочем, тоже. Бери клинок и покончим с нашим маленьким спором.

Доставай шпагу, ничтожество! Или я убью тебя безоружным, и это будет справедливо. Герцог из рода Арроев, ты держишь шпагу или метлу?! Да, с такими талантами и с такой душонкой если убивать, так из-за угла, а еще лучше чужими руками.

Твой сынок знал о твоем замысле? Знал... Я так и думал... И любовница знала, и бастарды... Странно, что незаконный братец из зависти не убил законного, это было бы весьма уместно, или ненависть к Тагэре оказалась сильнее? Гиены объединились против волка, на то они и гиены.

Не люблю убивать взглядом и магию не терплю! То ли дело клинок. Он честен, не правда ли? Хотя что ты можешь знать о чести? А про сдвоенный удар «Счастливчика Рене» ты слышал? Я научил ему Александра Тагэре. Напоследок тебе придется узнать, что я, Рене Аррой, император Арции, король Таянский и Великий Герцог Эландский, оставляю Александру ВСЕ, чем владел, владею и буду владеть. В том числе и этот прием – ДВА удара: первый – в предплечье, второй – в сердце. Это так просто... Вот тебе – первый, а вот и второй!

Браво, Счастливчик, ты не разучился орудовать шпагой... Великий Орел, как больно! Эти твари, дай им волю, и впрямь способны разнести Тарру в клочья. Теперь их осталось трое, и каждая стала на треть сильней, и все равно Эрасти не прав!

Вернувшихся нужно перебить, лучше поодиночке, но можно и трое против одного, бывало и хуже! Ты – молодец, Счастливчик, хорошо придумал, только подожди, когда снова сможешь сойти на берег, не взвыв от боли. Сам бой – ерунда, но ломать защиту...

Ничего, месяц в море – не так дорого за победу и надежду. Голода больше нет! В Книге Книг отныне большая дыра, и ее не

заткнуть ни враньем, ни тем более правдой. Не будет вам Полуденного всадника, господа клирики! Все пойдет не так, как предсказано, и кончится иначе! Никто не знает как, но иначе.

А тебе, друг Рене, надо поторопиться. Уходи, пока есть силы добраться до «Созвездия», море тебя всегда спасало, выручит и теперь. На сегодня – все: подвиг ты совершил, а на большее тебя так и так не хватит... Нужно только проститься с женщиной и хоть что-то ей объяснить. Нельзя быть невежливым, и потом она чем-то похожа на Геро...

2896 год от В.И. 7-й день месяца Зеркала. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

– Вот и все, сударыня, – Аларик вбросил шпагу в ножны и поднял свой плащ, – тело сейчас исчезнет. По большому счету, он и убит-то не здесь, но лучше на него все-таки не смотреть.

– Вы опять меня спасли.

– К сожалению, тех, кого я не спас, гораздо больше.

– Все равно я дважды обязана вам жизнью.

– И оба раза случайно, – покачал головой Скиталец, – но я рад этому. Вы мне нравитесь, сигнора, и вы приносите мне удачу.

– Удачу? – Марта воровато глянула туда, где лежал Лумэн. Там ничего не было.

– Да, я выслеживал эту тварь две кварты. То, что Голод в Лиарэ, было очевидно, но найти его оказалось потрудней, чем крысу в погребе. Если б не ненависть к Тагэре, он бы не рискнул проявиться здесь в полной мере. Ненависть и зависть сыграли с Лумэном очередную дурную шутку, к счастью, последнюю, – Аларик рассмеялся и тряхнул белыми волосами, Марта вспомнила этот его жест – у Сандера, когда он волновался, была похожая манера. – Не сомневаюсь, сударыня, мир без этой твари станет заметно лучше.

Кстати, позвольте вам засвидетельствовать свое восхищение. Ваша мысль послать гонца в Новый Эланд оказалась блестящей.

– Эландцы придут?!

– Эскадра в пути и не позже чем через два месяца будет здесь. Рикаред Гоуль – отменный адмирал. Вы продержитесь до зимы?

– Конечно. Я могу об этом рассказать?

– Тем, кому верите. Мне б хотелось, чтоб мои соотечественники нашли здесь господ ортодоксов, а не несчастных дарнийцев, а господа ортодоксы не любят воевать с маринерами.

– Аларик, так вы с Берега Бивней?

– Я там бываю, – по бледному лицу промелькнула тень, – но

не часто. Раскрыть вам несколько тайн?

– Страшных?

– Как сказать… Ваш брат жив и в безопасности.

– Сандер?! Вы его спасли?!

– Не я. Александр Тагэре вернется. Будет большая война, Благодатные земли заполыхают, и брода в этом огне не будет. Не нужно пугаться, вы выдержите. Просто нужно делать то, что за вас не сделает никто, а остальное приложится.

– Аларик, – зачем она спрашивает? Есть вещи, которых лучше не знать. Ни она, ни Сезар этого не делали, так не все ли равно? – Аларик, почему умер герцог ре Ги?

– Потому что я его убил, – пожал плечами Скиталец, – и у меня была прорва доводов в пользу этого поступка. Не смотрите на меня несчастными глазами, я это сделал не для вас, вернее, не только для вас… Не могу видеть ничтожество при власти. А уж ничтожество, откупающееся головой жены и кушающее пареную репу, когда любимую волокут на костер… Такие мужчины не должны жить, это позор! Я бы прикончил Марка в любом случае. Вы удовлетворены?

– На такой вопрос не скажешь ни «да», ни «нет», – Марта невольно засмеялась, – но я вам должна сказать спасибо и за это.

– Сигнора, мы же родственники. Настала пора представиться. Мое полное имя Рене-Аларик-Руис Аррой, герцог и Рьего.

– Император Рене? – а ведь она подспудно ждала чего-то подобного. – Я представляла вас другим, вернее, вообще не представляла.

– Сударыня, – Рене улыбнулся, – я понимаю ваше удивление и счастлив, что вы и на этот раз не упали в обморок. К сожалению, у меня совсем нет времени, я должен идти. Когда-нибудь вы все узнаете и, надеюсь, не станете судить слишком строго.

– Я никого не сужу, просто мне страшно – за себя, за Оргонду, за… вас.

– Благодарю вас, но наши дела не так уж и плохи, если задуматься. Мы еще можем победить, вернее, должны!

– Я правильно поняла, что вы говорили с тем самым Лумэном?

– Да. Он мой потомок. К несчастью. Отдаленный, но и этого довольно, чтоб я мог его покарать.

– Но тогда и… я?

– Можно на досуге подсчитать, кем вы мне приходитесь, но стоит ли? То, что мы родичи, позволило мне услышать ваш зов, иначе я вряд ли отыскал бы вас в этой крысоловке. Мне следовало б отчитать вас за безрассудство, если б оно не было у вас в крови. Кстати, за мной еще один долг, сигнора, – в голубых глазах

сверкнуло что-то странное, – и я его вам отдам, причем немедленно.

– О чем вы?

– О том, что случилось в день нашей первой встречи, – Аларик положил руки на плечи Марты, – припоминаете? Нет? Один мой, гм, знакомый утверждал, что женщины весьма забывчивы, а у него есть несносная привычка оказываться правым.

Марта Мальвани молчала, она и впрямь не понимала, к чему ведет голубоглазый капитан, оказавшийся пропавшим императором и ее отдаленным предком, но сердце герцогини билось молодо и отчаянно.

– Вы – удивительная женщина, Марта. Не боитесь ни выходцев с того света, ни сумасшедших клириков, ни крыс... Я знаю лишь одну такую...

– Кто она? – спросила герцогиня. Сравнение с кем-то неведомым одновременно льстило и... обижало.

– Теперь ее называют Темной Звездой, а раньше звали Геро. Я давно ее не видел, но вернемся к моему долгу. Четыре года назад вам пришло в голову меня поцеловать.

Марта Тагэре думала, что она знает о поцелуях все, оказалось, она не знала о них ничего. Неужели они в осажденной крепости, в пропыленной комнате, где валяются разорванные мешки и лежат два трупа? Нет, вокруг безбрежный, дышащий покоем океан, солнце пляшет на теплой синей воде, а в небе кружат белоснежные птицы...

– Вы – удивительная женщина, Марта, – еще раз сказал Аларик, разжимая объятия. – Жизнь жестока, как кошка, но, надеюсь, к вам и тем, кого вы любите, она будет добра. Прощайте, герцогиня, кто знает, увидимся ли мы еще раз, а наши встречи... Забудьте о них! Или не забывайте, я не знаю, что вам нужнее. В том, что случилось, нет ни беды, ни вины, ведь ваше сердце, как и мое, отдано раз и навсегда. Мы – слишком дальние родичи, чтоб считать себя грешниками из-за такой малости, как поцелуй. Оставайтесь здесь десятинку или две, а потом уходите.

– Рене, – Проклятый, кому она это говорит, – поберегите себя!

– Вряд ли у меня получится, – неистово голубые глаза то ли смеялись, то ли плакали, – все, что со мной могло случиться, уже случилось. И все равно спасибо.

Сгинувший невесть сколько лет назад император еще раз поцеловал оргондскую герцогиню, на этот раз в лоб, коротко поклонился и ушел. Она не слышала ни шагов, ни скрипа давно не смазанных дверей, но призраком ее гость не был. Гость? Гости... Жан Лумэн, из-за подлости которого разгорелась Война Нарциссов, поплатился за все, хотя погибших это не поднимет.

Надо думать о живых.

К зиме придут эландцы, а значит, она должна выбросить из головы все, кроме осады. Осень – это четыре, а то и все шесть штурмов, это плачущие от страха дети, растрепанные женщины, раненые, уставшие, готовые к глупостям мужчины. Ничего, они выдержат, особенно если отступит голод.

Марта немного постояла в кладовой, собираясь с мыслями. Она не собиралась ни забывать об этой встрече, ни рассказывать о ней кому бы то ни было, хотя объяснить, что сталось с ее спутниками, придется. Что ж, свалим все на чудовищную крысу и заставим стражников с арбалетами по ночам обходить здание. Женщина привычным жестом поправила волосы и шагнула в коридор. Дорога назад оказалась очень короткой, а когда герцогиня вышла на улицу, ее чуть не сбило с ног. Неистовый ветер дул от берега, помогая отливу уносить в море дохлую рыбу и сгнившие водоросли.

Эстель Оскора

Гардани выдавал замуж свою племянницу с таянским размахом, свадьба Луи Трюэля и Беаты Ракаи казалась вызовом всем будущим бедам. Беата волновалась, Луи был несколько смущен, а многочисленные гости были в восторге и от предстоящего пира, и от будущих подвигов. Мы с Вандой были подругами невесты, а Сандер и Ежи – друзьями жениха[41]. Так решили молодые, хотя Беате все же стоило взять второй подругой сестру, а не меня. Луи был достаточно тонким политиком, чтобы это понять, но в дело вмешался Ежи, и здравый смысл был отправлен куда подальше.

Я сидела рядом с разодетым в черное с серебром принцем, а напротив Александр что-то говорил сияющей Ванде. Девочка все больше влюблялась в сероглазого короля. Что ж, если мы победим и уцелеем, я сдержу обещание и открою ей дорогу, как Роман открыл дорогу Уррику. Теперь я понимала, что эльф-разведчик подарил своей Кризе истинное счастье. Нэо был прав – бессмертные должны любить лишь бессмертных, Ванда будет достойна Сандера, я это видела, но пока ей нет и четырнадцати, и даже Великие Братья не знают, что нас ждет впереди.

Высокий Замок, разукрашенный розами и лилиями зал Розовых Птиц, свадьба, надвигающаяся война… Река времени не течет вспять, но порой кажется, что возможно и это. Шестьсот шестьдесят восемь лет назад я сидела под этими самыми сводами в пышном подвенечном наряде рядом с королем Марко. Тогда

Эстель Оскора еще не родилась, а Герика Годойя была смертной и глупой, она любила принца Стефана и выходила замуж за его отца. Странно, что мои глаза запомнили все, а душа это самое «все» благополучно забыла. Только вернувшись туда, откуда начался мой безумный путь, я поняла глубину пропасти, отделившей бросившуюся в бездну влюбленную девочку и нынешнюю ведьму. Прежняя Герика сгорела на алтаре Ангеса, мы никогда не вернемся к тому, от чего единожды ушли, раньше я этого не понимала.

Александр поймал мой взгляд и улыбнулся, а я ему ответила. У нас еще было время. Разлука – это потом, после победы, а сначала несколько месяцев счастья и война, так стоит ли загадывать... Я поумнела и научилась быть счастливой одним днем и даже орой. Раньше меня пугали и мучили предзнаменования и предчувствия, я переживала из-за того, что будет через день, месяц, год. Даже в море, когда мы с Рене плыли к Лунным Островам, я не могла отбросить страхи и сомнения, теперь я этому научилась.

Что бы ни случилось завтра, оно не должно отравить сегодня. Что бы ни случилось вчера, оно не должно задушить завтра. Смертные и бессмертные, мы существуем в настоящем, и нельзя его презирать. Да, мы все идем из прошлого и создаем будущее, а самые сильные держат на плечах будущее других, но радость сгорающего дня бесценна, как бесценна сама жизнь – не нужно ее отравлять сомнениями и сожалениями. Лучше всего это понимают люди войны, и поэтому никто не умеет веселиться лучше их.

Близкая Смерть всегда торопит Жизнь и Любовь. Даже имей мои пожелания ту же силу, что и мои заклятия, я бы вряд ли смогла сделать Луи и Беату еще счастливей. Они все больше напоминали Тину и Клэра, может быть, потому, что другой ничем не замутненной любви мне видеть не посчастливилось. Великие Братья, почему я об этом вспомнила именно сейчас? Не потому ли, что счастье наделило графа Трюэля и его белокурую невесту почти эльфийской красотой? Они должны выжить в этой войне, если в этом мире есть хоть какая-то справедливость! Я перевела взгляд на Александра и вдруг поняла, что он думает то же, что и я. Он сбережет Луи для Беаты, а я Беату для Луи.

2896 год от В.И. 16-й день месяца Зеркала. ТАЯНА. ВЫСОКИЙ ЗАМОК

Разряженные женщины многозначительно переглядывались,

девушки собирались стайками и тихонько шушукались, глаза их блестели, и Гражина прекрасно знала, о чем они болтают. О том, что происходит в разукрашенной шиповником спальне. Молодых уже проводили, Гражина вместе с другими дамами видела через окно, как Луи и Беата в сопровождении друзей и подруг рука об руку прошли по галерее. Арцийский король и Ежи держали шандалы со свечами, а Ванда и эта проклятая ведьма несли цветы и вино. Беатка стала графиней Трюэль, а Ликия вот-вот станет королевой Арции! То, что Луи и Александр – изгнанники, не утешало; после того как Аррой сломал шею Биллане, никто не сомневался, что он вернет себе трон и посадит рядом с собой свою девку!

Рядом глупо хихикнула Марыля Гери, этой-то чего надо?! Гражина с подозрением оглянулась на сестрицу Золтана, и та ей подмигнула.

– Ну, Гражинка, сестра косы расплела, теперь дело за тобой...

– Наша Гражина, – вмешалась Тереза Лайдова, – меньше чем на герцога не согласится. Умрет, а нос Беатке утрет.

– Уж лучше принц...

– Или король.

– Король не выйдет. Анджей ей в отцы годится, а Шандеру кроме Ликии никто и через порог не нужен.

– Они б уже поженились, да арциец не знает, как за косы Ликии взяться.

– Да, были б у нее косы покороче, вот как у Гражинки, проще было б...

– А признайся, Гражинка, – подмигнула Лайдова Ягна, – ты за кем больше охотилась – за графом или королем?

– За обоими, – хмыкнула Марылька, – за двумя волками побежала, ни одного не добыла.

– А волки хороши, – не унималась Ягна, – что один, что другой. Мне так Шандер больше нравится.

– Пусть за Шандером Барбара Завгородня бегает, – огрызнулась Гражина, – а мне горбуны не нужны.

– Ага, – хмыкнула Терезка, – не нужны, как той свинье груши.

– Да, разбежалась наша хрюша по деревьям лазить!

От необходимости отвечать Гражину избавили друзья молодых. Дверь распахнулась, пропуская тех, кого девушка готова была убить. Шандер Аррой вел под руку Ванду, вырядившуюся в белое и нацепившую на шею изумруды Гардани. Гражина старательно уставилась на изуродованное плечо арцийца, но это не помогло, потому что у плеча Арроя сияли счастьем зеленые глаза кузины. Вторая пара была не лучше. Ежи, который должен был взять в подруги сестру Беаты, а взял, без сомнения, с

согласия невесты, арцийскую ведьму и сама ведьма со своими проклятыми косами. Это было еще одним оскорблением. Ежи всегда делал все ей назло!

Девушка с трудом выдавила из себя улыбку, когда дамы, выслушав принца, потянулись в Серебряный Зал, где все было готово для общего пира. Племянница королевы и сестра невесты заняла место за главным столом, но это настроения отнюдь не улучшило. Зажатая между братом и отцом, Гражина молча ковырялась в тарелке, стараясь не смотреть на Ликию и Ежи и не думать о том, что сейчас делает сестра. Беата была старше и должна была выйти замуж раньше, но Гражина в своих мечтах видела, как Беатка отдает руку немолодому вдовцу, и тут же, на свадебном пиру, король объявляет о будущей свадьбе младшей из сестер Ракаи с... Имена менялись, но всякий раз это были самые завидные женихи Таяны.

Когда Рышард Лайда женился на Ягне, Гражинке было всего тринадцать, но она почувствовала, что ее обокрали. Хорошенькая Ягенка стала первым врагом Гражины Ракаи, потом к ней прибавилось множество дан и даненок, но сегодня все были забыты из-за сестры. Ласло что-то спросил, кажется, не налить ли ей вина, девушка огрызнулась. Брат пожал плечами и повернулся к Барбаре Завгородней. Шестидесятилетняя вдовица пила царку наравне с мужчинами, и на язык ей было лучше не попадаться.

– Слушай, Иштван, – вредная баба всегда говорила громко, – ты что, младшую дочку не молоком, а уксусом выпоил? Глянь, какая кислая сидит! А ну, Гражинка, улыбнись, Луи – не последний жених на свете.

– Вот ты бы, Барбара, – отец глупо расхохотался, – и пристроила ее.

– Ну нет, – Завгородняя сама наполнила опустевший кубок, – я такой хомут никому на шею не надену, вот Беатку – ту б я посватала для племянника...

Опять Беатка! Всюду Беатка, и что в этой белобрысой дуре такого?! Жаль, что ее и в самом деле не порвали собаки. Гражина схватила кубок и в два глотка осушила, вызвав очередную шутку несносной старухи.

2896 год от В.И. Ночь с 16-го на 17-й день месяца Зеркала. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Гуляли в Таяне столь же неистово, как и воевали, а этот пир в честь победы и любви грозился стать легендой. Было уже за полночь, когда Анджей и Александр незаметно покинули

расходившихся нобилей. Они тоже были слегка пьяны, да и как иначе в такую-то ночь.

Сандера тянуло к Ликэ, но они с Гардани договорились обсудить письмо из Лидды, привезенное ночью. Несколько ор погоды не делало, но Анджей вспомнил о послании, и пришлось с островов любви вернуться в мир войн и политики.

Тагэре положил свиток на стол. Содержание он помнил, но никогда не мешает освежить память.

"Я с радостью приветствую моего доброго друга и короля, – писал старый эскотец, и Сандер словно бы видел его перед собой – грузного, сурового, уверенного в себе, – известия о полном разгроме Тарски и Билланы порадовали нас несказанно, хотя Рорик был весьма раздосадован, что столь блестящий поход обошелся без него. Наш гварский друг в нетерпении роет землю копытами. Замечу, что Гвара становится более арцийской, нежели обифранившийся Мунт. Недавно туда прибыл известный вам Поль Матей со всем семейством и две дочери Анри Мальвани с мужьями и детьми. Его Высокопреосвященство Георгий оказался среди многочисленных родственников, что его немало радует, хотя его мысли по-прежнему заняты войной.

Мне стоило большого труда удержать известного вам Хайнца от похода в Таяну, так как достойный племянник великого дяди полагает, что его место рядом с его королем, и весьма ревниво и неодобрительно относится к вашим новым друзьям. Рорик Ра-Гвар счел уместным подтвердить баронство Хайнца, но наш добрый дарниец останется безутешен, пока не обретет возможность исполнять приказы Его Величества Александра Тагэре или, на худой конец, командора Трюэля. В этом он не одинок, мы уже собрали неплохую армию, которая утроится при известии, что законный король жив и намерен вернуть свой трон.

Эстре, Тагэре и Мальвани готовы к восстанию, как лес в месяце Дракона к пожару – достаточно одной искры. Ифрана вряд ли сможет помочь Тартю, так как охота на тигра весьма отличается от стрижки овец. Лиарэ осаждена с моря и суши, но осадить – не значит взять. В крепости хороший гарнизон, и ее защитники верят своей герцогине и командору Монтрагэ. Сезар Мальвани разбил в пух и прах Ипполита Аршо-Жуая, а его самого взял в плен. Теперь герцог занимается тем, что поодиночке щелкает ифранские гарнизоны.

Думаю, Жоселин сама не рада, что развязала войну, но отступать уже поздно. Оргондская зима славится своей мягкостью, и отдыхать ифранцам и дарнийским наемникам не придется.

Перечислив хорошие новости, перехожу к средним и плохим.

Начну с того, что Церковь Единая и Единственная, за исключением Жоржа Мальвани и вечно молчащего Предстоятеля антонианцев, на стороне Тартю. Его права признаны законными и неоспоримыми, о чем существует булла Его Святейшества, оглашенная в каждом иглеции. Акт Генеральных Штатов о престолонаследии, в котором преемником Филиппа Четвертого назван его брат, изъят и уничтожен, а хранение его копий приравнено к государственной измене.

К счастью, благодаря предусмотрительности покойного Обена Трюэля, сей документ существовал в трех экземплярах, к каждому из которых прилагались свидетельства отца Поля и заверенные копии представленных им доказательств незаконности брака Филиппа Тагэре и Элеоноры Гризье. Один экземпляр акта находится в тайнике в доме Обена Трюэля, другой – у Жоржа Мальвани, который до недавнего времени сам не знал, что хранит (Обен просил вскрыть присланный кардиналу пакет лишь в чрезвычайных обстоятельствах). Таким образом, мы располагаем доказательствами, с которыми вынуждена будет считаться и Церковь, но, разумеется, не раньше, чем законный король заявит о своих правах.

Теперь пара слов об узурпаторе. Пьер Тартю труслив и напрочь лишен воинских талантов, Мо ум у него государственный, хоть он и из тех государей, что думают не о котлах своих подданных, а о собственной мошне.

Судите сами. Арцийский король портит арцийские же ауры и арги, уменьшая содержание золота и серебра и обрезая края монет. Правда, он взялся чеканить собственные золотые монеты с циалианским оленем на реверсе и своим портретом на аверсе, но цену за них назначил вовсе несуразную – 1 пек[42] серебряных денег…

– Пек? – поднял бровь Гардани. – Ваш крысенок изрядно обнаглел.

– Похоже, – кивнул Александр, – брат и Обен в Гробах переворачиваются. Сколько сил вколотили, чтоб вернуть уважение к арцийской монете…

– Меня больше олень на реверсе волнует, – перебил таянец, – где олень, там зло.

– Вряд ли у ног Циалы лежит ТОТ олень, – Александр машинально накрутил на палец темную прядь.

– Если у кого-то выросли рога, он будет бодаться, – хмыкнул Гардани, – нам придется иметь дело не только с армией, но и с орденской магией.

– Возможно, – кивнул Сандер. – Читаем дальше?

Вместо ответа Гардани придвинул поближе шандал.

"Тартю оказался изрядным шутником, он завел милую привычку отдавать вельможам и общинам заведомо невыполнимые приказы. На не справившихся с королевским заданием налагается огромный штраф. Правда, ублюдок редко требует выплатить всю сумму, предпочитая тянуть понемногу, держа должников в страхе, что в один прекрасный день их обдерут до нитки во славу короля. Воистину, Пьеру Тартю следовало родиться сыном Паука, ибо он его превзошел. Стэнье Рогге и барон Эж протащили через Генеральные Штаты закон, под страхом штрафа в сотню пеков серебром и конфискации самой ссуды запрещающий давать деньги в рост.

Единственным законным ростовщиком в Арции остался король, причем в расписке проставляют не реально одолженную сумму, а вместе с процентами за оговоренный срок.

В средней Арции конфискованы все земли, до которых смогла дотянуться кошачья лапа, причем две пятых отобранного Пьер предусмотрительно отдает Церкви и циалианскому ордену. Достается не только нобилям, но и крестьянам. Приняты законы, запрещающие сельским жителям перебираться в города, и, говорят, весной им вообще запретят менять место жительства. В деревнях короля уже прозвали «Пьер-нечистый».

Я понимаю, что утомил вас, расписывая изобретения сына Орельена Тартю, но за прошедший год он успел немало. Например, завел манеру выказывать дворянам и богатым горожанам свою немилость, от которой можно откупиться. Недогадливым грозит тюрьма, затем родичам жертвы через третьи руки дают понять, что узника можно выкупить и даже денег платить не надо – достаточно подписать долговое обязательство. Но и это не все! Если Его Величество приходит к выводу, что продешевил, он собственноручно подправляет расписки – то проценты увеличит, то сумму долга.

– Этой дряни мало свернуть шею, – таянец оттолкнул от себя пустой кубок с таким отвращением, словно в нем сидел Пьер Тартю, – но те, кто под него лег, еще хуже. Я еще понимаю – волка бояться или медведя, но крысы?! С ума твои арцийцы посходили, что ли? У нас бы такой «король» уже вверх ногами болтался или в Рысьве плавал. – Гардани замолчал, и стало слышно, как за стеной догуливают самые стойкие.

– Анджей, – невесело улыбнулся Александр, – в том-то и дело, что вы не мы. Ваши горы и болота к вам словно что-то не пускают. Вы – свободны, а мы с рождения бьемся в какой-то паутине... Липкой, невидимой, ядовитой... Пьер Тартю – именно тот король, который Арции нужен, а вот я в своей стране оказался чужаком. Здесь, у вас, я – дома, а что-то будет в Мунте...

Проклятый! Я всегда осуждал Рауля, который привел с собой иноземцев, а сам...

– Мы не чужаки, – твердо сказал Анджей, – и ты это знаешь. Гомона пойдет за тобой. Хоть в огонь, хоть в воду, хоть в Арцию. Но если Арция достойна Тартю, а ты не хочешь новой войны, оставь все как есть. Ты – потомок Рене Арроя, а значит, наш сюзерен, а орки признали в тебе кровь Инты. Стань нашим императором и забудь о том, что творится за Гордой.

– Прости? – Александру показалось, что он ослышался. – Таяне не нужен никто, кроме Гардани, а у горцев прекрасный король.

– Биллана и Тарска остались без головы, и с ними нужно что-то делать, пока там снова какая-то зараза не завелась. Если не хочешь разгребать арцийский навоз, стань их господарем и главой нового союза из трех королевств.

– Я, наверное, пьян, – покачал головой Сандер, – раз начал жаловаться. Мне никуда не деться ни от своей короны, ни от своего горба. Я – король Арции, и я разорву эту проклятую паутину, как бы мне ни хотелось остаться с Ликэ в ваших горах и просто жить.

– Тогда и говорить не о чем, – засмеялся Анджей, наливая царки, – стает снег – и в поход! Жаль, ты не можешь взять с собой гоблинов...

– Почему это – не могу? – подался вперед Александр. – Потому что наши ханжи объявят их приспешниками Антипода? Пусть объявляют! Если Церковь поддержала Тартю, наплевав на все законы божеские и человеческие, то пошла она куда подальше. Орки – мои друзья, и они – лучшие в мире пехотинцы. Против нас будут не только наемники, но и ортодоксы, и орденские рыцари, а тяжелую конницу надо гасить пехотой.

– Вот поэтому, – веско сказал таянец, – Гардани шли за Арроями, а не наоборот. Горный Король будет счастлив, узнав о твоем решении. Решено, мы выступаем вместе, как в Войну Оленя, и гори все синим пламенем!

Эстель Оскора

Что-то не давало мне покоя, что-то, случившееся на свадебном пиру. Гости разошлись, замок затих, угомонились даже слуги. Я стояла у окна, вслушиваясь в темноту, и пыталась вспомнить то, не знаю что. Сначала все было спокойно, но потом меня словно что-то кольнуло. Магия? Или же я почувствовала, что где-то что-то случилось? Раньше со мной такое бывало. Я

перебрала в памяти тех, кто был сейчас далеко. Рене? Роман? Клэр? Эмзар? Эрасти? Нет, что бы они ни делали, моя тревога связана с чем-то другим. Хоть бы Сандер, что ли, пришел, но Анджей его так быстро не отпустит.

Кажется, у меня завелась милая привычка – чуть что, прятаться за спину Последнего из Королей. Это не дело. Ты, моя дорогая, не Ликия и тем более не Герика Годойя, ты – Эстель Оскора. Чем бы ни кончилась война, после нее ты останешься один на один со своей вечностью, так что не привыкай к чужому теплу...

Я бросила любоваться на луну, высекла огонь, зажгла свечи и подсела к зеркалу. Мне нравилось делать то, что делают обычные люди, может, поэтому я и полюбила смертного. Смертного? Кто знает, что ждет Последнего из Королей. Разве я думала, что проживу несколько веков и научусь ходить между мирами?

Отрезанные без малого семь веков назад волосы отросли и требовали к себе внимания. Я занялась своими косами, думая обо всем и ни о чем. Утром я была пронзительно счастлива, откуда же эта тревога? Я отложила гребень и уставилась в темное стекло, не замедлившее показать мне серую, широко разлившуюся реку, рябую от дождя. То ли очень поздняя осень, то ли, наоборот, весна. Эланд? Тогда этой реки, на берегу которой я после возвращения из Убежища поссорилась с Рене, уже нет, она осталась только в моей памяти. Так же, как и заслонивший унылый пейзаж герцог Алва с его синими, почти эльфийскими глазами и кривой горькой усмешкой. Не стоит долго смотреть в зеркало, особенно ночью – из него на тебя глянет боль!

Зеркалу понравилось меня мучить, Алва исчез, уступив место измученному Астени. Таким я его никогда не видела и не могла видеть. Нет, хватит с меня зеркал! Продолжая плести косу, я вернулась к окну: лучше луна и звезды, чем глаза ушедших друзей.

Раньше в этой башне не жили, здесь хранилось старинное оружие, а со стен глядели портреты Ямборов. Я попыталась восстановить в памяти лицо Стефана. Темные волосы, зеленые, как у Ванды, глаза... Да, я его и впрямь забыла, иначе б подумала, что это у королевны глаза ее отдаленного предка. В жилах Ванды есть немного крови Ямборов, как бы мне ни было неприятно думать о Ланке...

Ланка! Мое беспокойство связано с ней, даже не с ней, а с тем несчастным и вместе с тем ненавидящим взглядом, которым она на меня смотрела в Кантиске. Также сегодня смотрела сестра Беаты, только в душе Ланки хватало и доброго, а в Гражине злобы не меньше, чем в Эанке, и в придачу она глупа, как коза.

Не знаю, что на меня нашло, но я бросилась торопливо собираться. Косы мешали, и я решила завтра же обрезать их хотя бы на треть – воевать с таким украшением себе дороже. Наскоро натянув домашнее платье, я задумалась. Что может быть глупее, чем ворваться к молодым в брачную ночь? Гражина Ракаи – злобная маленькая дрянь, но от злобы и ревности до убийства – а я боялась именно убийства – все же далеко. Беата сейчас с Луи, ей ничего не грозит. Я поуспокаивала себя с пол-оры, а потом все же вышла. Уж лучше жалеть о сделанном, чем о том, что ты промешкал, когда следовало вмешаться.

Мне повезло – в первом же коридоре я наткнулась на Ежи, на сон грядущий проверявшего караулы. Если Гардани и удивился, увидев меня, то не показал виду.

– Ежи, – я предпочла взять быка за рога, – возможно, я сошла с ума, но мне не по себе, когда я вспоминаю Гражину.

– Гражину? – еще бы, мужчины на такие вещи, как женская злоба, не обращают внимания, пока не становится слишком поздно.

– Да. Она и так ненавидит Беату, а тут еще эта старуха со своими шутками.

– Язычок у Баси Завгородней и впрямь змеиный, – улыбнулся Ежи, – Гражинка аж позеленела.

– Можешь считать меня полохливой курицей, но я боюсь, что она что-то натворит.

– Пошли, – Ежи подхватил меня под руку. Он был не то чтобы пьян, но немного навеселе.

– Куда?

– Сначала к нашей красотке, потом молодых навестим. Собак она во дворец, конечно, не впустит, но как бы какую отраву не раздобыла.

Разбуженная служанка сообщила, что даненка велели не беспокоить. Принц кивнул и постучал. Ответа не было. Ежи постучал громче, я прикрыла глаза, пытаясь нащупать за дверью чужой разум, но там никого не было, зато...

– Ежи, – заорала я, – ломай дверь!

Гардани от души саданул ногой по дубовой створке, но та выдержала. Ждать было некогда, и я пустила в ход эльфийскую магию. Дерево уступило, не рассчитывавший на это Ежи влетел внутрь вместе с обломками. Гражины не было, но на столе возвышался жертвенник, на котором истекал кровью пушистый белый котенок, привязанный к старому оленьему рогу длинной золотистой прядью. Мы успели вовремя, чтобы спасти и зверушку, и ту, против которой было направлено колдовство. Магия медленной смерти тем и опасна, что пустить ее в ход может

каждый неуч, а описание подлого ритуала есть чуть ли не в каждой таянской песне. Подарочек от Ройгу, чтоб его!

– Где эта мерзавка?! – Ежи был вне себя, без сомнения, старые сказки он знал не хуже меня.

– Подожди, – я завернула мягкий пушистый комочек в свою шаль. – Его лучше не спускать с рук хотя бы до восхода.

Если б не уроки Астени, я бы вряд ли сумела спасти это создание – Эстель Оскора создана убивать, а не врачевать. Теперь Беатке придется трястись над этим котенком года три. Со временем заклятие сойдет на нет, но сейчас здоровье девушки и жертвенного животного намертво связаны между собой. Еще бы, ведь порчу наводила родная кровь! Я мысленно приготовилась к новой волшбе. Следовало во что бы то ни стало отыскать эту дуру. Сотворив такое, она отдала себя в руки магической дряни, хорошо хоть в Замке нет никого вроде моего покойного папеньки, уж тот бы не упустил случай заполучить такое орудие.

– Ты можешь сказать, где эта гадючка?

По всей комнате валялись разбросанные вещи. Гражина Ракаи бежала, но куда? К счастью, проследить человека, запятнавшего себя медленной смертью, не труднее, чем унюхать имевшего несчастье обидеть хаонского мафатиса[43]. Я без труда обнаружила панель, за которой начинался потайной ход, о котором не знал даже Ежи.

Едва в стене показалась щель, как туда ринулся Гардани. Я поспешила за ним, мы мчались по узкой винтовой лестнице вниз, в подвалы. Похожим путем Преданный вывел меня из замка; правда, тот ход был в лучшем состоянии, но и лет с тех пор прошло немало. Мы спустились в подвал, пробежали еще немного и уперлись в свежую груду камней. Коридор был завален, и оставалось лишь гадать, произошло это после того, как маленькая дрянь проскочила под этими сводами, или они стали для Гражины Ракаи могилой.

Я прикрыла глаза, ощупывая окрестности в поисках чужого разума. Астени заглядывал на весу, если не дальше, мои способности были гораздо скромнее. Вот обрушить потолок я могла запросто. И я бы сделала это, если б обнаружила беглянку, но впереди никого не было.

Мы стояли у обвала, Ежи вполголоса поминал всю местную нечисть, а я боролась с искушением пустить в ход отнюдь не эльфийскую Силу. Исчезновение девчонки тревожило все сильнее, уж больно кстати взялась она за этот мерзкий ритуал, да и жертвенник сделан не наспех. Похоже, сестрица Беаты давно задумала отомстить, и спасибо старой Завгородней, что змея прыгнула раньше времени.

Этот тихий свист не поднял бы графа Трюэля только из могилы. Не представляя, зачем он понадобился Сандеру в такую рань и в такой день, Луи осторожно перебрался через что-то пробормотавшую Беату, вышел из спальни и увидел весьма странную компанию. Сандер, так и не сменивший столь нелюбимое им парадное одеяние, похоже, не только не ложился, но и не поднимался к себе, зато Ликэ была в домашнем полотняном платье. Трюэль первый раз видел любовь Александра с неподколотыми косами, ведьма перебросила их на грудь, и все равно они волочились по полу. Третьим был Ежи Гардани. Тонко вырезанные ноздри таянца раздувались, казалось, принц только что с кем-то дрался или за кем-то гнался. Меньше всего заявившаяся с утра пораньше троица напоминала друзей, решивших проведать молодоженов, а посему Луи решил вокруг да около не ходить.

– Что у вас случилось?

– Скорее у тебя, – быстро проговорил Сандер, – чуть не случилось. Скажи спасибо Ежи и Ликии. Ты только не волнуйся, все обошлось...

– Жабий хвост! "Ты только не волнуйся, дома все в порядке, только ножик сломался, когда шкуру с лошади снимали, которую бревном зашибло, когда... "

– Да знаю я эту притчу, – Сандер тронул Трюэля за плечо, – никого не зашибло. Луи, Гражина удрала из замка, а до этого попыталась напустить на Беату порчу.

– Как это, – Луи показалось, что он ослышался, – на сестру?

– Ты же сам говорил, что ее надо за Тартю выдать.

– Говорил, но, – граф потер виски, – в голове не укладывается. Ты говоришь, обошлось?

– Да, Ликэ что-то почуяла, они с Ежи высадили дверь. Гражина бежала подземным ходом. Возможно, она погибла, но это было б слишком хорошо.

– Возьми, – вступила в разговор Ликия, протягивая что-то, завернутое в пестрый платок, – это котенок. Гражина связала его жизнь с жизнью Беаты, так что береги его. Через пару лет колдовство исчезнет, но пока за ним нужен глаз да глаз.

– Если котенок умрет, то и Беата? – Луи показалось, что он ослышался.

– Не умрет, но заболеть может. Это особенно опасно, когда женщина ждет ребенка. Гражина – кровная родственница, и ее заклятия имеют особую силу.

– Ракаи знают?

– Нет пока, – скрипнул зубами Ежи, – я Иштвану сам расскажу. Вот уж удружила! Ну, попадись мне эта дрянь…

– Нужно, чтоб попалась, – неожиданно жестко сказала Ликия, так говорят даже не королевы, а великие жрицы, про которых Луи читал в хаонгских сказаниях. – Ежи, ты не понимаешь, что она может натворить, если возьмется вредить семье! Ты тоже наполовину Ракаи, так что будь осторожен. Хорошо, что вы успели покончить с ройгинацами, спутайся она с ними… – женщина прервала себя на полуслове. – Я сделаю обереги для каждого, но лучше ее все-таки поймать.

– Сначала ты ляжешь спать, – Александр обнял подругу, и Луи почувствовал жгучее желание вернуться в спальню и последовать его примеру. Он понимал, что его руки от магии не защитят, но здравый смысл иногда отказывает даже Трюэлям.

– Да, идите отдыхать, – натянуто улыбнулся Ежи, – а я дойду до завала через подвал и посмотрю, есть ли там след. Я понял, как туда можно добраться.

– Я пойду с тобой, – предложила ведьма.

– Я справлюсь, – заверил Гардани, – а ты едва на ногах стоишь. Если Гражина и впрямь была сильна, мы б так легко не отделались.

– Ты прав, – не стала спорить Ликия, – сама она не страшна, страшна ее злость и ее кровь, которую можно обратить во зло вам всем. Постарайся ее поймать, прежде чем она еще что-нибудь натворит.

– Ты подготовь Беатку, – Ежи тронул Луи за плечо – а теперь иди, досыпай. Кота береги.

Луи кивнул и проводил уходившую троицу взглядом. У лестницы принц свернул направо, а Сандер немедленно подхватил Ликию на руки. Спать эти двое, похоже, не собирались.

Нэо Рамиэрль

Если б барду Роману Ясному предложили сочинить балладу о Древних Путях, ему пришлось бы самочинно населить их жуткими чудовищами, подстерегающими путников за каждым поворотом, огненными провалами, зыбучими песками, крутыми обрывами и прочими вещами, от которых млеют размякшие после сытной трапезы слушатели. Песню о походе троих эльфов и вновь упрятанной в панцирь из Света лльямы слушать бы не стали, уж больно она получалась скучной. Они шли за вспыхнувшим в сурианских развалинах огоньком-проводником, в лицо им дул слабый ветер, и больше не случалось ничего.

Разговаривать не хотелось, навалившийся со всех сторон мрак давил не хуже гранитных глыб, и это угнетало даже лльяму, путавшуюся в ногах Рамиэрля. Собственно говоря, поэтому ее и пришлось спеленать. Сначала Нэо удивился, что порождение Тьмы так ее боится, но потом понял, что никакой Тьмы здесь и близко нет, равно как и Света. Здесь вообще нет ничего, кроме дороги, созданной могучей древней волей. В прошлый раз их с Кризой здорово поддержала вода из заклятого колодца, теперь у них не было и этого, но они все-таки дошли.

Дорога оборвалась в огромной пещере, в глубине которой плескалось озеро. Подземный дворец был пуст, хотя Нэо и почуял следы некогда свершенной волшбы. Лльяме это место не понравилось еще больше, чем Пути. Она трясла башкой и всеми лапами, урчала, ворчала и рычала. Аддари и Норгэрель вели себя тихо, но им тоже было неуютно. Итак, Ангес не ошибся – заточенное в безымянном мире какими-то высшими силами существо пережило его гибель и было препровождено в Тарру. Какое-то время оно провело под старым храмом, умудрилось освободиться и, воспользовавшись найденным проходом, перебралось в Серое море. Здесь бывший узник обдумал свои замыслы и принялся их осуществлять, а затем покинул насиженное местечко ради Вархи.

Продолжение Путей Нэо отыскал без труда, и все началось сначала – летящий впереди огонек, ветер, тьма и сводящее с ума однообразие. Нэо шел первым, следом тащилась лльяма, за которой брели Аддари и Норгэрель. Казалось, осуществилось глупое фронтерское проклятие «шоб тоби пусто было», хотя представить себе подобную пустоту веселые усатые дядьки вряд ли бы смогли.

Рамиэрль старался не думать о Кризе, но память не отпускала. Тогда они, держась за руки, брели в таком же дрожащем мраке, иногда переговаривались шепотом, пили воду из одной фляжки и надеялись, что все кончится хорошо. Оно и закончилось, по крайней мере, для чернокосой орки, счастливо прожившей свою жизнь, а его дороги все еще тянутся, и каждая последующая темней и запутанней предыдущей. Огонек остановился и замерцал, как гаснущий уголек. Дошли! То ли до победы, то ли до поражения.

Это вновь была пещера, хоть и не столь большая. Было тихо, холодно и тревожно. В свете зажженного Нэо бледно-голубого шара тускло блестели какие-то кристаллы. Соль? Слюда? В любом случае не диаманты! Волчонка вытянула морду, сделала шаг вперед и отскочила назад к стене, из которой они выбрались. Рамиэрль попробовал вызвать путеводный огонек – получилось!

Что ж, по крайней мере, убраться отсюда они могут, это радует. Разведчик проверил кинжал и шпагу, затем попробовал сосредоточиться. Пустить в ход магию было можно! Конечно, до луцианской или фэрриэннской благодати далеко, Тарра есть Тарра, но он не беспомощен. Надо идти, чем раньше они поймут, что здесь творится, тем лучше.

Выход нашелся сразу – его никто не стерег. Стоя под прикрытием скал, Нэо пытался понять, куда же его занесло на этот раз. Неба в Вархе не держали, вместо него было то самое многоцветное безумие, которое они с Эмзаром наблюдали из-за Кольца. Оторвавшись от мигающего кошмара, Рамиэрль с сомнением посмотрел на замощенное мерцающими плитами пустое пространство, старательно отражающее верхнее кривляние. Впереди. Не поймешь, близко ли, далеко ли высилось нечто, похожее на сотканную из ослепительно сверкающего снега стену со множеством проходов. Лабиринт? Плохо, в некоторых лабиринтах можно блуждать годами, там все преимущества за хозяином. Выходит, вернуться? Найти Рене, посоветоваться с Эмзаром и тогда...

Роман почти решился повернуть, когда Норгэрель, отстранив барда, медленно побрел к выходу, и его затуманенный взгляд разведчику очень не понравился. Нэо бросился вперед, чтобы ухватить родича за руку, пока тот не вышел на странную площадь, но тело ослушалось приказа. Нэо, хоть и медленнее, чем Норгэрель, тоже пошел вперед. Чувство собственной беспомощности было отвратительным и страшным, но, к счастью, продолжалось недолго. Что-то ударило разведчика по затылку, и он потерял сознание.

2896 год от В.И. 7-й день месяца Волка. АРЦИЯ. МУНТ

Анхель Светлый присутствовал при появлении на свет своего наследника, и Пьер Седьмой, взявший за образец легендарного императора, последовал его примеру, хотя это было более чем неприятно. Король сидел в кресле у изголовья стонущей Норы и в перерывах между схватками веско произносил приготовленные заранее фразы. Пусть медикусы, циалианские сестры, служанки и представители всех сословий, которым дозволено видеть появление на свет будущего короля, разнесут мудрые слова Его Величества.

К сожалению, Нора вела себя не как королева, а как мещанка – кричала, плакала, жаловалась на боль, звала мать и братьев. Когда медикусы сообщили, что срок королевы близится, он

поговорил с ней, подробно объяснив, как нужно себя вести и что говорить, но Элеонора оказалась слишком глупа. Когда все кончится, он ей напомнит о ее ошибках, но сейчас это бесполезно.

Стоны раздались снова, и Пьер, стиснув зубы, посмотрел на лицо жены, отнюдь не казавшееся красивым. Рядом с ней была наперсница, циалианка поймала его взгляд, и Тартю дорого бы дал, чтобы разгадать выражение этих синих глаз. Нора вскрикнула и вновь позвала мать. Проклятие, он же ее предупреждал! Королева должна была сказать, что не желает никого видеть, кроме венценосного супруга, святых сестер и любезных подданных.

– Базиль, – вскрикнула молодая женщина, – забери меня! Забери меня отсюда... Я не могу... Мама!

– Триединый повелел нам терпеливо переносить страдания, – веско произнес Его Величество, воспользовавшись паузой, – крепитесь, королева Ар...

– Мама! – снова завопила Нора, она не слушала и не слышала. – Базиль! Мамочка...

– Идет, – быстро проговорил главный медикус, в голосе которого чувствовалось облегчение. Пьер понял, что великий момент настает. Нора закричала снова, без слов, потом еще, и с ее криком слился детский плач.

– Мальчик, – торжественно провозгласил врачеватель, – и какой крепкий! Настоящий рыцарь.

Его Величество Пьер Седьмой Лумэн медленно встал с кресла и вышел на середину комнаты.

– Мы счастливы объявить нашему народу о рождении наследника, – Пьер выдержал паузу, как это делали в театре Бриана Перше, – в срок, предписанный Церковью Нашей Единой и Единственной, мы наречем его именем нашего великого предка Анхеля. Пусть это имя будет залогом славы и величия Арции и ее владык. Арде!

– Арде, – нестройно повторили собравшиеся. Пьер принял из рук медикуса новорожденного сына и высоко поднял вверх – подданные должны убедиться, что родился мальчик, что он крепок и доношен. Ребенок, не оценив величия момента, захныкал, и король передал его циалианской сестре, в глазах которой светилось что-то странное. Теперь следовало поблагодарить жену за драгоценный дар. Пьер Седьмой проследовал к постели, с досадой обойдя некстати оказавшийся на пути большой таз. Нора лежала, закрыв глаза и закинув голову, губы были искусаны в кровь, а на бледном лице вокруг запавших глаз проступили красные точки.

– Мы благодарим нашу супругу и королеву, – произнес Пьер и

поцеловал лежащую женщину в лоб.

Длинные ресницы дрогнули, Нора открыла глаза, в них не было ни радости, ни любви. Только страх и воспоминание о пережитой боли.

– Это я благодарю вас, мой супруг, – прошептала роженица, наконец-то вспомнив свои обязанности, – вы были со мной в этот час, и я счастлива, что исполнила свой долг перед вами и королевством.

2896 год от В.И. 12-й день месяца Волка. АРЦИЯ. ГРАН-ГИЙО

Черные знамена с алыми кругами были торжественно сожжены. Маркиз Гаэтано мог собой гордиться, именно он, несмотря на предусмотрительно разрушенные Эгоном лестницы, поднялся на башни и заменил чумные флаги на родовые сигны Фарни. Шарло рвался с ним, но Рито не позволил, племянник – молодец, но на такой высоте у него могла закружиться голова.

Короткая северная осень кончалась, и небо щедро забрасывало Гран-Гийо мокрым снегом. Белые хлопья, кружась, падали на мокрые камни двора, чтобы тут же растаять. Обычно маркиз Гаэтано терпеть не мог это время, его бесили и низкие, лежащие чуть ли не на плечах тучи, и короткие серые дни, и сырость. В эту пору Рито, как никогда, ощущал себя южанином, но сейчас было не до погоды. Правду сказать, мириец заметил, что пришла зима, только тогда, когда ему в лицо швырнуло пригоршню чего-то холодного и мокрого.

Заменить Эгона оказалось непросто, и Рито в который раз подумал, что был прав, не желая становиться властителем Мирии. Если с одним-единственным замком столько хлопот – что говорить о государстве, пусть и небольшом. Странное дело, рядом с Сандером все казалось понятным и не очень-то сложным, хоть и скучным. Куда же теперь занесло его короля, угодившего в спутники какой-то ведьме? Крапивник так и не вернулся, и Рафаэль в глубине души скучал по несносному созданию, не говоря о том, что Серпьент был великолепным разведчиком. Впрочем, тосковать о вольной жизни, гадать о судьбе Сандера и хихикать, вспоминая выходки крапивного божка, было некогда – неотложные дела рвали маркиза Гаэтано на части.

Оживающий замок требовал времени и сил. Эгон был не последней жертвой чумы, после него умерли еще трое, но выбираться из эпидемии оказалось трудней, чем умирать. Они выдержали, и к началу месяца Волка все вошло в свою колею: мертвые были похоронены, ворота открыты, лестницы отстроены.

Рито с Шарло и Николаем наведались в соседние деревни и услышали, что «на самом деле никакой чумы не было». Крестьяне клялись, что новый король отравил колодцы, отомстив северянам за непокорство. Кто пустил эту сплетню, было неизвестно, но упала она на благодатную почву. Кэрна вспомнил «Кровавого горбуна» и усмехнулся – охотник рыл волчью яму и свалился в овраг. Забавно, но люди несли несусветную чушь и при этом были правы. Чуму и впрямь выдумали в Мунте, чтоб отделить ненадежный север от поджавшего хвост юга, а то, как и где началась эпидемия, наводило на мысль о какой-то мерзкой магии.

Если б Серпьент не потерялся, он мог бы сказать больше, но Рито и без Крапивника понял, что чума пошла на убыль после того, как он швырнул в камин вернувшегося с того света Жоффруа. Как герцог Ларрэн спутался с Пьером Тартю, Кэрна не знал, но не сомневался, что связь есть и в этом подлом деле вряд ли обошлось без циалианок. Как бы то ни было, мерзавцы угодили в собственную западню! Нобили могут сколь угодно долго бодаться друг с другом и менять сюзеренов, крестьяне вечно ворчат на сигноров, но если народ увидит средоточие зла в короле и этого же короля возненавидит изрядное число нобилей, на троне усидеть трудно. Рито никогда не считал себя политиком, но только блаженный не заметил бы приближение гражданской войны.

Тагэре, Руна, Мальвани и Эстре весной покажут зубы, а Лось с Лиддой помогут. Самое умное, что может сделать Тартю, – это оставить север в покое, но он этого не сделает, потому что прилегающие к свободным провинциям области неминуемо захотят к ним присоединиться. Посеянные под Гразой зерна начинают давать всходы, узурпатору придется завоевывать свою страну наново…

Маркиз Гаэтано с треском захлопнул окно и потянулся к гитаре, от которой его не отучили ни чума, ни война. Рваные, бешеные аккорды взлетели к высокому потолку, унося гитариста из затерянного в предзимье замка на залитый солнцем морской берег. Это была единственная отдушина, которую позволял себе Рафаэль Кэрна, но прогулка вышла короткой. Прибежавший стражник доложил о приезде сигнора Крэсси и о том, что госпожа Клотильда просит его подняться в зеленую оружейную. Рито отложил гитару, пригладил растрепавшиеся волосы, стянув их на затылке позаимствованной у Кати алой лентой. Похоже, Тильда решила устроить день Правды, что ж, давно пора!

Зеленая оружейная примыкала к Охотничьей комнате, столь любимой Эгоном. После смерти барона туда заходили редко –

Клотильда с детьми перебралась в дом капитана Годи, а тот, в свою очередь, переселился в Воротную башню. В старых баронских палатах ночевали лишь они с Яфе и Николаем. Иноку здесь никто не мешал вволю молиться, мирийцу – петь, а атэву смотреть в стену. Кэрна двинулся было к двери, но спускаться по одной лестнице и подниматься по другой показалось слишком скучным, и мириец вылез в окно и прошел по карнизу. Смешно, но он появился позже всех. Рито улыбнулся Шарло и Кати и скользнул к устроившемуся у стены Яфе. Атэвский принц до сих пор не доверял стульям и лавкам, предпочитая сидеть на полу.

Дверь в Охотничью комнату была открыта, хоть и занавешена выцветшим от времени бархатом. Там было тихо, затем скрипнула дверь, раздались шаги и голоса.

– Я рада вашему приезду, Люсьен, – Клотильда, как всегда, была приветлива и спокойна. – Признаюсь, я собиралась вам написать и пригласить в Гран-Гийо для разговора, но решила выждать еще кварту или две, чтоб убедиться в том, что опасность и впрямь миновала.

– Я восхищаюсь вашим мужеством, сигнора, – в голосе Крэсси звучала искренняя теплота. – Вы пережили страшное испытание – потеряли супруга...

– Ваши потери, барон, не менее невосполнимы, – перебила баронесса. – Я благодарю вас за сочувствие, но я из тех не правильных женщин, которые топят горе в делах.

– В этом вы не одиноки. Сигнора, я вынужден начать разговор с вопроса, который может показаться вам странным, но, поверьте, это очень важно. Я доверил Эгону Фарни одну вещь, представляющую огромную ценность. Смело скажу, что от нее зависит судьба Арции. К сожалению, я просил барона хранить все в тайне. Это небольшая шкатулка, украшенная перламутром. Сигнора Клотильда, помогите мне ее найти.

– Я догадывалась, о чем вы спросите, – послышался шорох и шелест разворачиваемого шелка, – вот она. Я знаю, что в ней. Мой, – Клотильда слегка запнулась, – покойный муж рассказал о ней сразу же, но он ее не открывал.

– Понимаю, ее открыли вы после его смерти.

– Нет, барон, ее открыл тот, кому по праву принадлежит ее содержимое, вернее, его часть.

– Моя сигнора!

– Шарло, – громко позвала Клотильда, – иди сюда!

Рафаэль взглянул на побледневшего мальчика и встал. В Охотничью комнату они вошли вдвоем.

– Рад вас видеть, сигнор Крэсси.

– Рито... Этого не может быть...

– Но это так. Я жив, и я здесь.

– Что ты жив, мы знаем... Ты отомстил этому ублюдку, про твои столичные похождения прямо-таки легенды рассказывают, но как ты очутился здесь?!

– В Гран-Гийо сошлось слишком много тропинок. Я понимаю, что вы поражены, но сейчас вы поразитесь еще больше.

– Добрый день, сигнор Крэсси, – Шарло даже здоровался так, как отец.

Люсьен не ответил, застыв наподобие статуи, изображающей негаданную радость.

– Сигнор, – виконт Тагрэ улыбнулся, – вы меня узнаете? Это и вправду я, просто у меня волосы короткие. Это из-за краски, которую мы решили срезать.

– Монсигнор, – барон опустился на колени, подозрительно шмыгнув носом, – может ли такое быть?!

– А вот этого не надо, – Шарло бросился к Крэсси, вынуждая его подняться, – я не король, я просто Шарло Тагрэ. Я очень рад вас видеть, а вот отец рассердится, если вы встанете перед ним на колени.

– "Рассердится"?! – барон уже ничего не понимал, вернее, понимал, но боялся поверить. – «Рассердится»?! Так Александр... его не...

– Сандер жив, – твердо сказал Рафаэль, – хоть мы не знаем, где он теперь. Его... его оглушило в бою, но Садан вынес всадника из схватки на опушку Гразского леса. Его подобрала и выходила какая-то колдунья. Зиму Александр провел у нее на болотах, я там был и видел следы подков Садана. Потом они вдвоем куда-то ушли.

– Куда?!

– Где бы он ни был, он делает то, что нужно.

– А нам следует брать с него пример, – вмешалась Клотильда. – Я понимаю, Люсьен, что на вашу голову свалилось слишком много тайн, но они, как ни странно, радостные. Давайте уж я расскажу вам все.

– Все?! Моя сигнора...

– С вашего позволения, Клотильда аре Тагэре аре Фарни. Я – та самая женщина, на которой в юности женился Филипп Тагэре.

Люсьен Крэсси стойко перенес и этот удар, хотя Рито на мгновение показалось, что бедняга вот-вот хлопнется в обморок.

– Тильда! – не выдержал Шарло. – Значит, ты нам не чужая? Как хорошо!

– И правда хорошо. Я очень люблю вашего отца, хотя по-настоящему говорила с ним всего лишь раз. У него лучшее сердце в Арции!

– Это точно… Ваше Величество, – пробормотал Крэсси, – а Филипп, не тем будь помянут, дураком оказался. Редким.

– Не надо об этом. Я сказала о себе правду по одной-единственной причине. Я – живое опровержение навороченной Тартю и его покровителями лжи. У меня сохранились ВСЕ доказательства. Я молчала, когда на троне сидел мой, скажем так, супруг, так как ни к чему хорошему мое появление не привело б. Я молчала, когда корона перешла к Александру – у меня была дочь, а не сын, и лучшего короля, чем младший из Тагэре, нельзя было и пожелать. Но я не позволю ублюдку и детоубийце корчить из себя государя! Отныне я – Клотильда Тагэре из дома Лагаров, вдовствующая королева Арции, и я не успокоюсь, пока в Мунт не вернется настоящий король.

– Святой Эрасти, – пробормотал Крэсси, – в один день и в один час я… Я узнал, что мой король жив, нашел законного регента Арции, вдовствующую королеву и сына короля.

– Катрин тоже здесь, – улыбнулась Клотильда, – а также наши друзья. Брат калифа Наджеда, принц Яфе и инок обители Святого Эрасти Гидалского, посланного отцом настоятелем на помощь Александру. Барон, мне кажется, вам следует выпить!

2896 год от В.И. 18-й день месяца Волка. ТАЯНА. ВЫСОКИЙ ЗАМОК

Клэр въехал в Арсенальный двор Высокого Замка в то мгновение, когда Последний из Королей снял со спины коня высокую женщину с роскошными светлыми косами. Эльфу показалось, что он бредит, но все было именно так, как было. Колдунья из Гразы, спасшая Александра Тагэре и ставшая его возлюбленной, была Герика Годойа, Эстель Оскора. Теперь многое становилось ясным – и чудесное спасение короля, и потерянный след, и дорога через Тахену, но как Геро могла предать Рене ради кого бы то ни было! Александр достоин любви, как никто другой, и все равно это предательство.

Влюбленные почувствовали на себе чужой взгляд и обернулись. Да, они любили друг друга, в этом не было никаких сомнений! Темная Звезда не лгала Последнему из Королей и не жалела его, она ему принадлежала, а он – ей. Клэр мысленно поблагодарил Звездного Лебедя за то, что возвращается в Варху. Если б его дорога по-прежнему сплеталась с дорогой Рене, она была бы полна сомнений.

Эльф спрыгнул с коня и пошел навстречу улыбающемуся Александру. Он ничего не знал, иначе никогда не коснулся бы

чужой подруги. Вся вина лежит на Геро, которую придется называть Ликией и с которой придется говорить, как с чужой. Женщина стояла у крыльца, не пытаясь ни скрыться, ни подойти. Она всегда была смелой и всегда давала другим право выбора. Если б не Рене! Клэр Утренний Ветер обнял Александра Тагэре.

– Да пребудет с тобой Звездный Свет, эмико, – Эмзар шлет тебе привет и правду об Арции.

– Спасибо тебе, – просиял глазами Сандер, – я думаю о доме меньше, чем должен, но я слишком счастлив.

– Твое счастье вряд ли помешает твоему долгу. Твою подругу, я слышал, зовут Ликия?

– Да, она будет рада встрече.

Они с Герикой заговорили, как чужие. Эльф старался скрыть свои чувства, но Геро все поняла. Ради Александра лгали оба, и это у них выходило отлично. В Убежище Клэр славился своей правдивостью, но жизнь разведчика учит лжи. Пришли Гардани – Анджей, Ежи и Стефан, а Герика-Ликия попрощалась, не желая мешать мужскому разговору. Утренний Ветер проводил ее взглядом. Мы не властны ни в нашей памяти, ни в нашем сердце. Рыцарь Осени не вправе судить Темную Звезду, но должен ли он рассказать ей о Рене? И как теперь смотреть в глаза Рене, если их тропы вновь сойдутся?

Скиталец исчез, как и собирался, но разведчиком Клэр быть не перестал, он поклялся, что, как бы ему ни хотелось рисовать, не бросит меч, коня и дорогу...

Рыцарь Осени медленно и спокойно рассказывал новости. Тодор Фронтерский с позором выставил посланцев Тартю, пытавшихся стравить его с Гварой и Наботом.

В Тагэре, Мальвани и Эстре зреет бунт, но остальная часть Арции покорилась. Люди боятся, страна наводнена «краснопалатниками» и циалианскими прихвостнями, без которых Пьер Тартю не может жить. Узурпатор больше не пытается мягко стелить и дерет шкуры со всех – от крестьян до нобилей. Исключение составляют лишь клирики, чиновники и новые гвардейцы.

Предстоятель Илларион проповедует о скором пришествии Антипода и не желает благословлять короля. Говорят, антонианец безумен, но Кантиска пока молчит. По всей Арции продолжают ловить маркиза Гаэтано, мириец же, словно в отместку, открыто разгуливает по столице, его видят то тут, то там. За голову смутьяна назначена награда, но ее вряд ли кто-нибудь получит. Клэр тоже пытался разыскать мирийца, но не смог...

Разошлись глубокой ночью, но Клэр, несмотря на усталость, не ложился. Разговор с Герикой был важнее всего, хотя видеть ее

не хотелось. Женщина пришла сама. Это случилось перед самым рассветом, и Утренний Ветер прекрасно понял, что или, вернее, кто ее задержал.

– Сначала объяснимся, – Эстель Оскора прямо взглянула в глаза Рыцарю Осени. Внешне она изменилась не столь уж и сильно, разве что отросли отрезанные Лупе волосы.

– Изволь, – кивнул Клэр, – признаться, я был удивлен, увидев тебя здесь...

– ...с другим, – закончила за него Герика. – Героиня песни должна любить лишь раз, не правда ли? Но я недостойна песни, Клэр, и знаю это. Наши чувства от нас не зависят, я могла отказаться от Александра, но это не вернуло бы меня в прежнюю любовь. Я слишком долго шла домой, эмико, слишком...

– Не мне тебя судить.

– Но ты судишь, – Эстель Оскора кривовато улыбнулась. – Твое сердце осталось прежним и принадлежит Осени и Тине. У Лебедя может быть только одна любовь, но во мне слишком мало вашей крови. Я не умею быть верной и никогда не умела. Я забыла Стефана, почти полюбила Астена, затем встретила Рене, и он стал для меня всем. Для вас наша любовь и наша жертва были песней, но конец ее оказался не правильным. Но разве наша жизнь правильна?

– Ты сказала все, мне нечего добавить. Теперь скажи, как ты из башни Адены попала в Гразу?

– По воле того, кто открыл Тропу Отчаяния. Я не знала, чего от меня хотят, но увидела раненого всадника, за которым гналась целая свора, и вмешалась.

– Что ты сделала с теми, кто шел следом?

– Дикий ветер, мне это удается лучше всего. Лошадей, впрочем, я пощадила. Битва была проиграна, но спасти раненого я успела, хоть и не знала, что спасаю короля. Дальше все случилось само собой, я не сразу поняла, что со мной творится, а когда поняла, решила взять от жизни все. И хватит об этом. Тебе неприятно видеть меня не с Рене, а я не хочу бередить твою боль, но есть вещи, которые в Вархе должны знать, а с Эмзаром мы вряд ли встретимся. Как я поняла, он не готов оставить Кольцо, а я не должна появляться там, где меня знают слишком многие.

– Я все передам. Спасибо, что избавила меня от лжи. Что ты хочешь рассказать?

– Многое, – Геро поправила шпильку. – Мы вернулись вместе с Эрасти, нам открыли дорогу сразу двое.

– Где Проклятый?

– Не знаю. Мы решили до поры до времени не обнаруживать своего присутствия. Эрасти считает, мы не вправе растрачивать

силы на тех противников, с кем справятся другие. Я не была в этом уверена, пока не прогулялась по Миру Обмана, но теперь признаю его правоту.

– Где Ройгу?

– Я ищу его, – задумчиво произнесла Герика, – но он исчез. Я его не слышу, не слышала даже тогда, когда горели его храмы. Клэри, лучше б он был здесь и в полной силе, с НИМ я бы справилась...

2896 год от В.И. Ночь с 18-го на 19-й день месяца Волка. АРЦИЯ. МУНТ

Было уже поздно, когда Его Величество начертал последнюю резолюцию и с чувством выполненного долга отложил перо. Пьер с детства относился к бумагам с уважением, граничащим с нежностью, и теперь получил возможность удовлетворить свою страсть. Сначала король передал обязанности Главного Казначея Казначею Красной Палаты, сделав того единственным хранителем государственных денег, но потом стал вмешиваться и в его дела. Счета двора и всего королевства Пьер вел сам, не доверяя даже своему избраннику.

Сегодня Его Величество имел все основания гордиться: он сделал все, что намечено. Странно, но некоторые не понимают, что работа с бумагами важнее и нужнее громыхания железом. Правда, Александр Тагэре был силен и в первом, и во втором, но зато не владел искусством интриги и проиграл. Времена, когда король был лучшим воином своей страны, безнадежно прошли. Сейчас победы одерживают не на поле боя, а во дворцах, придет время, и Арция станет сильнее Ифраны, а потом и подчинит ее. Конечно, освободиться из-под Паучьей опеки непросто, но он это сделает. А Сезар Мальвани, сам того не желая, поможет.

Если Оргонда разобьет Ифрану, с ней можно будет говорить другим тоном, а если Ифрана проглотит Оргонду, у нее будет несварение. И, опять-таки, этим нужно воспользоваться. Твои самые сильные враги – это твои друзья и покровители. Их неудачи – это ступеньки к успеху, надо только суметь ими воспользоваться. Правда, иногда существует опасность, что союзники потребуют помощи, но сейчас это не грозит. Жоселин понимает, что впутывать Арцию в оргондскую войну нельзя, в стране многие продолжают симпатизировать Тагэре и Мальвани.

Анастазия попробовала отучить народ от привязанности к горбуну, но ее магия сработала не до конца. Александр Тагэре слишком много болтался по стране, а на тех, кто знал его лично, пиесы Перше не действуют. Оказалось, что человеческое упрямство и верность переламывают даже волшбу, да еще эта песня!

Пьер Тартю объявил награду за голову автора зловредных виршей. Было получено немало доносов, но, по словам циалианок, никто из пойманных рифмоплетов не виноват. Даже те, кто спьяну хвастались, что именно они придумали «крапивную песенку».

И ведь стихи-то ерундовые, ни складу, ни ладу, а не забудешь! Пьер сморщился, отгоняя назойливые воспоминания. «Бей Тартю крапивой по унылой харе»... В юности виконт Эмразский ненавидел свое лицо, как он ни старался выглядеть уверенным и спокойным, оно оставалось кислым и настороженным. Проклятый поэт ударил по больному, добраться б до него!

Король задумчиво коснулся подписанных бумаг. Это должно принести плоды, уже приносит – людям свойственно жертвовать малым, чтобы не потерять все. Тут, главное, вовремя остановиться. За год он изрядно укрепил трон, у него есть наследник, а те, кто посадил его на престол, поняли, что он не марионетка.

Элеонора больше не ввяжется ни в один заговор, он не горбун, который прощал, прощал и допрощался. Такая ведьма, как его теща, должна сидеть или в тюрьме, или в монастыре, хотя жаль, что она не умерла. Анастазии зачем-то понадобилось сохранить старой корове жизнь, но из обители она не выйдет. От слепого Аганна вреда немного, хотя был бы шурин здоров, с ним пришлось бы что-то делать. Отчим Рогге... Пока верен, да и куда ему деваться! Матушка за ним всегда присмотрит. Базиль? Проклятый его разберет... Родичи его всерьез не принимали, но для Пьера это ничего не значило. Его самого долго считали пустым местом, даже когда решили сделать на него ставку. Никто не удосужился понять, что на душе у виконта Эмразского, а что, если и Базиль Гризье не столь прост, как кажется? Да, парень выглядит шутом, много пьет, ему на все плевать, но так ли это на самом деле? Граф Мо вернулся из Набота и стал другом графа Вардо, с этим нужно считаться. А привезенные головы – что это было? Глупость? Наглость? Тонкий расчет?

После возвращения от Лося Базиль Гризье силой прорвался к единоутробным братьям, а на свадьбе о них даже не спросил. Он отвечает на письма Норы, но его ответы пусты, зато донесения об ифранских делах написаны очень неплохо, но сколько в них правды? Базиль видел братьев после Гразы, он знает про пиесу, а Нора получает из Авиры советы побольше думать о собственном ребенке, так как оплакивать давно убитых вредно для здоровья. Почему? Родственные чувства не для Гризье? Если так, на шурина можно рассчитывать, а если он затаил зло?

Верить нельзя никому, все играют в свои игры, все продают и предают всех. Он приблизил к себе простолюдина, сделал капитаном своей стражи, но что у того в голове? Что в голове у толстого Клавдия? У Рогге? У Анастазии?

Дворцовый колокол отзвонил два и три четверти. Опять

король просидел полторы оры, думая о крапиве и своем предшественнике. Александр не отпускал, несмотря на то, что все портреты прежнего короля были сожжены, обстановка заменена, а дворец Анхеля трижды обходили клирики со своими кропилами и кадильницами. Скоро год, как Пьер перестал видеть глупые сны, а из дворца Анхеля исчезли кошки, но избавиться от горбуна не удавалось, потому что он не был ни призраком, ни портретом.

Герцог Эстре в свое время поразил воображение виконта Эмразского, и с этим нельзя было поделать ничего. Александр погиб (конечно, погиб, иначе бы он отыскался!), но осталась память о давнем унижении и осознание того, что мертвый волк остается волком, а живая кошка – кошкой. Пьер Тартю знал, что его презрительное прозвище связано с тварями, которых он ненавидел, и это было еще одним оскорблением. Так же как и красные, зудящие пятна на руках и шее, которые ни за что не желают сходить. Медикусы в один голос утверждают, что это от переутомления и излишней возбудимости. Надо больше спать и меньше работать, но он не может себе позволить такой роскоши. Если он хоть немного отпустит вожжи, он не удержится...

Колокол отзвонил три. Хватит сидеть, нужно лечь и уснуть. Утром предстоит много важного, он не может себе позволить валяться в постели, даже если хочет. Король должен быть прежде всего королем самого себя. Ты можешь нарушить слово, данное кому угодно, если это нужно тебе и государству, но то, что обещал себе, нужно выполнять.

Его Величество прошел из кабинета в спальню. Торопливо вскочивший слуга помог ему облачиться в алый халат с золотой оторочкой и поясом в виде шнура с кистями, принес таз и кувшин, полил на руки, подал нагретые полотенца и удалился.

Говорят, Тагэре раздевался и одевался сам. Еще бы, горбуну незачем хвастаться своим уродством. Но, Проклятый побери, Пьер Тартю согласился бы и на горб, если б в придачу ему дали лицо Тагэре и его глаза. Серые глаза в обрамлении очень длинных черных ресниц, смотрящие сквозь собеседника, словно его нет и не было... Глаза герцога Эстре на свадьбе Дариоло Кэрна, он никогда их не забудет!

Горбуна обожало и простонародье, и нобили без помощи Перше и Анастазии, он выигрывал сражения, за ним шли в огонь и в воду, за него с готовностью умирали. Наемники из Дарнии защищали Тагэре до конца, как вождя и короля, а не как нанимателя. Лось и Лидда остались верны свергнутому союзнику, даже герцог Мирийский – и тот ввязался в войну... Ну, с ним как раз понятно, он это сделал из-за детей, но Рафаэль ИЗБРАЛ Александра своим сюзереном. Пока живы мириец, Сезар и Марта,

покоя не будет. Проклятый, да его не будет, пока в Арции останется хоть кто-то, кому мимоходом улыбнулся герцог Эстре. Говорят, его отец был таким же.

Можно стать королем, утвердиться на троне, уничтожить врагов, отделаться от союзников, сделать страну великой и сильной, но нельзя стать всеобщим любимцем, им нужно родиться. Умом, настойчивостью, хитростью можно получить многое, но не все. И это несправедливо! Несправедливо!

Его жена, самая красивая женщина Арции, родила ему сына, теперь про него никто не скажет, что он слабосильный ублюдок! Он будет править долго и умно. Он не добыча – он охотник, а если предпочитает ставить ловушки, а не бросаться на зверей с копьем, то оттого, что умом можно добиться больше, чем силой. Он назовет сына Анхелем и оставит ему сильную державу, в которой никто не посмеет не то что восстать, но даже помыслить об этом. Теперь ему нужно несколько дочерей, чтобы скрепить выгодные союзы. Наследник же должен быть один, хотя это, в известном смысле, риск. Риск? У Шарля Тагэре было четыре сына, не осталось ни одного, а он у своей матери один, и он жив, здоров, стал королем и уже имеет наследника.

Медикус говорит, Норе нужно окрепнуть. Хорошо, три месяца он подождет, хотя придется подыскать временную замену. Воздержание столь же вредно, как и излишества. Жаль, наперсница Норы напрочь лишена властолюбия и слишком строга. Сестра красива и в ней есть нечто, чего нет в Элеоноре. Увы, ее не заботят мирские дела, а ведь когда Анастазия прислала к нему Марию, он ожидал подвоха и ошибся. Предстоятельнице не нужны шпионки, она все узнает при помощи своей магии. Анастазия не захотела посылать во дворец кого-то, кого он мог сделать союзницей или любовницей. Жаль.. Он бы предпочел, чтоб его женой была Мария, а не эта вечно хнычущая глупышка. Нора его боится, но не любит. Его никто не любит и не любил.

Когда он прибыл в Ифрану, Жозеф прямо сказал, что виконт Эмразский не должен верить женщинам, так как его любить нельзя. Его признают мужчиной, только если он станет королем, но и тогда в нем будут любить трон, а не его самого. Паук был прав, Барбара пустила его к себе в постель, и он чуть было на ней не женился, а у девки был любовник-гвардеец. Когда он ударил проклятую шлюху, та закричала, что спать с такой дрянью даже за деньги тошно, и засмеялась. Он хотел ее убить, но не решился. Вернее, решился, но после и чужими руками. Это обошлось в двадцать ауров, и об этом узнал Паук... Мерзкие воспоминания, нужно выбросить их из головы. Вытеснить чем-то приятным...

Пьер задумался. Он мог приблизить к себе любую из придворных дам, но титулованная любовница неминуемо осложнит жизнь. Она и ее родичи начнут торговать своим положением, чего-то требовать… Паук – и тот был вынужден подарить баронессе Таган охотничьи угодья. К тому же шила в мешке не утаишь, а король в глазах подданных и Церкви должен выглядеть целомудренным. Молодая супруга только что подарила ему сына и еще не оправилась от родов, он не может в это время развлекаться с другой дамой. Анхель был прекрасным мужем и отцом, и Пьер Седьмой будет таким же, но он – мужчина, и ему нужна женщина, причем такая, от которой не будет неприятностей.

2896 год от В.И. Ночь со 2-го на 3-й день месяца Звездного Вихря. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Марта Тагэре стояла у высокого тополя, который посадили за год до ее замужества, и смотрела на башню: над ней развевалась сигна с тремя серебряными нарциссами и серебряным иноходцем. Было солнечно, сыро и весело, карнизы и трубы облепили сосульки, а на мокрых ветках радостно орали отогревшиеся воробьи.

Заскрипел, опускаясь, подъемный мост, и во двор конь о конь влетело четверо всадников в синих плащах. Отец послал Пепла в высокий прыжок, выхватив меч, срубил толстенную сосульку, нависавшую над входом в казарму, и засмеялся. Марта давно не видела его таким веселым, если быть честной – с рождения Сандера. Тот тоже смеялся, запрокинув темноволосую голову. Разглядеть четвертого мешал Эдмон, вздумавший повторить отцовский подвиг и объявивший нещадную войну плачущим ледышкам. Золотистые волосы в лучах весеннего солнца ослепительно блестели, ледяные брызги летели во все стороны.

Веселье оказалось заразным, губы сами собой расплылись в улыбке, Марта побежала навстречу отцу и Сандеру, и младший брат ее подхватил, словно она была маленькой девочкой. Она и не подозревала, что он вырос таким сильным, но почему он старше Эдмона?!

– Ты молодец, что дождалась! – обычно серьезный, Сандер сегодня прямо-таки лучился весельем, и плечо у него было в полном порядке.

– Кто приехал с вами? – Марта приняла как данность и отцовскую радость, и исцеление Александра, и то, что Эдмон стал младше, единственное, что имело значение – это имя гостя.

– Ты его прекрасно знаешь, – отец обернулся и махнул рукой Эдмону. Тот оставил в покое побежденные сосульки и спрыгнул с коня. Марта с полным спокойствием отметила, что у брата за спиной лебединые крылья. Все ее мысли занимал человек, сидевший на огромном черном жеребце. Теперь его можно было рассмотреть, и это был… Александр!

– Марта, дорогая!

Залитый солнцем двор отцовского замка исчез, над ней нависал расшитый цветами полог, она была в Лиарэ в своей постели и видела сон. Сон о счастье, которого не было. Герцогиня оргондская торопливо села, вопросительно глядя на свекровь. Еще темно, а Миранда сама отправила ее спать около полуночи. Что-то случилось. Какое странное небо…

– Что-то случилось?

– Да, и скорее хорошее, чем плохое… Но это надо видеть.

– Что с небом? Где-то пожар?

– В заливе! Это или чудо, или твои маринеры…

Сон был забыт, Марта торопливо одевалась, свекровь ей помогала, рассказывая, как ей не спалось, она вышла в парк и увидела странные вспышки, затем загремел гром и вспышки превратились в костры. Миранда ничего не понимала, но зарево разгоралось все сильнее, и, наконец, стало ясно, что это горят стоящие в заливе корабли.

– У меня одно объяснение, – говорила Миранда, торопливо зашнуровывая корсаж невестки, – проклятое зелье. Это безумие, но эландцы всегда были сумасшедшими. Как бы то ни было, ортодоксы остались в дураках.

– Маринеры застигли их врасплох?

– Видимо… Может, в начале кампании они и пустили в ход свои заклятия, но у нас пороха не было. Ханжи успокоились, а маринеры им и в страшном сне не снились. Впрочем, все это – догадки, никто ничего не понимает, даже Арно, но блокаде конец! Другое дело, что Святой поход нам теперь обеспечен.

– Это не страшно, мама, – улыбнулась Марта, – хуже уже не будет.

– Не будет, – согласилась вдовствующая герцогиня.

Свекровь и невестка чуть ли не выбежали из спальни. Прилегающий к герцогскому дворцу парк был разбит на холме. Марта любила это место, и Сезар построил для нее смотровую беседку, откуда открывался прекрасный вид на бухту.

До утра было далеко, с моря дул свежий ветер, ночь выдалась безоблачной, но луна родилась совсем недавно и почти не давала света. Небо тонуло во тьме, зато море пылало. Марта выхватила из рук аюданта окуляр. Стекло услужливо показало третий круг

преисподней, в котором привязанных к горящим доскам грешников бросают в бушующие волны.

Еще вечером выход из бухты сторожил дарнийский флот, за которым маячили линейные корабли ортодоксов, ныне превратившиеся в плавучие костры. На глазах Марты что-то вспыхнуло, затем долетел глухой, тяжелый грохот. Окуляр не давал возможности подробно рассмотреть происходящее, казавшееся огненным танцем. В рыжем зареве мелькали силуэты мачт, небольшие пылающие корабли бросались на беспомощных гигантов, огонь, словно взбесившийся жеребец, прыгал с судна на судно.

Подошедший Арно был собран и серьезен, как никогда.

– Мои сигноры. Я послал на берег людей, наверняка кто-то попробует спастись вплавь или на лодках. Никогда бы не поверил…

– Как все произошло?

– Я не моряк, моя сигнора, и я спал, когда за мной прибежали, так что мой рассказ будет до смешного коротким. В два часа пополуночи с юго-запада подошли неизвестные корабли и, пустив в ход проклятое зелье и атэвское горючее масло, подожгли стоявший на якорях дарнийский флот и ортодоксов. Большего не расскажет никто. Впрочем, святоши обманули себя сами.

– Что вы имеете в виду?

– То, что они отправились на войну, прихватив с собой порох. Дарнийцы – те честно горят, но ортодоксы взлетели на воздух.

– Жаль, если все, – заметила Миранда, – нам пригодятся пленные, готовые подтвердить, что они первыми преступили запрет.

– Тут уж как повезет. Святоши стояли слишком далеко, – покачал головой Арно, глядя на все разгорающийся пожар.

Ветер крепчал, и Марта почувствовала, что мерзнет. Помощь пришла – Аларик сказал правду… Кто бы мог подумать, что ее безумный призыв к давным-давно покинувшим Благодатные земли еретикам будет услышан. Теперь обратной дороги нет. Сегодня закончилась война Оргонды и Ифраны и началась война с Церковью и ее орденами.

Герцогиня украдкой глянула на свекровь и командора. Они казались спокойными. Две женщины и мужчина смотрели, как горят их враги, молча. Это было страшно, но красиво. Еще один факел взвился к черному небу, развалился на несколько частей и стал медленно гаснуть. Если б Марта Оргондская была верной дочерью Церкви Единой и Единственной, она бы молилась, но Орест навеки отучил ее от повторения бессмысленных,

самоуничижительных слов.

Раздались торопливые шаги.

– Моя сигнора! – темнобровый кузен Сержа Терована казался грезящим наяву. – Прибыл посол Нового Эланда.

– Я приму его немедленно.

– Рад это слышать, сигнора, – голос был сильным и веселым, под стать его обладателю. Свет фонаря выхватил из тьмы улыбающееся, обветренное лицо; одежда эландца вызвала воспоминания об Аларике, вернее, о Рене Аррое.

– Да простится мне подобная вольность, но маринеры объявляют о своем приходе сами. Я – Ягоб, Ягоб из дома Коннаков, Паладин Зеленого храма Осейны.

– Коннак? Мне кажется, я попала в легенду.

– Эрик Коннак – мой предок. Сигнора, вы просили помощи, и вы получили ее.

2896 год от В.И. Вечер 3-го дня месяца Звездного Вихря. АРЦИЯ. МУНТ

Онорина проверила, как задернуты занавеси, зажгла ночник и налила травяной отвар в хрустальный графин с золотыми нарциссами. Осталось разложить грелки, и на сегодня все!

Бывшая девица из заведения мадам Жизели, волею судеб ставшая камеристкой герцогини Эстре, а после ее смерти оставшаяся при маленькой Катрин, удержалась во дворце благодаря своему добродушию. Черноволосая пышка вечно улыбалась, никогда не жаловалась, ничего из себя не корчила и всем сочувствовала. У нее всегда можно было перехватить пару монеток, о чем Рина сразу же забывала. Женщинам она никогда не отказывала в советах известного свойства, а с мужчинами и вовсе ладила, хотя ремесло свое давным-давно забросила.

После Гразы Онорину убрали с глаз подальше на кухню, но не прошло и полугода, как вернули в комнаты. Руки у нее были золотые, а застилать новому королю постель оказалось сущим наказанием: Пьер вычитывал старшему лакею за каждую складку на простынях. Сначала слуги злились и вспоминали Александра, засыпавшего на чем угодно, лишь бы было время, но потом говорить о Тагэре стало опасно. Королевские придирки перестали бесить и начали пугать. Онорина стала восьмой служанкой, приставленной к опочивальне Его Величества, и первой, которую спустя кварту не отправили на задние дворы. Женщина восприняла свой успех с полным равнодушием, а у старшего лакея с души свалился камень.

Его Королевское Величество Онорина не видела, так как Пьер, как и Александр, засиживался за полночь в своем кабинете. Дело младшей служанки все принести и подготовить, а дальше пусть отдуваются ночные лакеи. Взбивая подушки и рассовывая грелки, без которых король не мог заснуть, Рина думала о том, что зря не вышла замуж за молочника Жакоба, караул-декана Франсуа и того эскотца, как бишь, его звали... Хотя какие ее годы, младший повар хочет уйти со службы и открыть свое дело в провинции и намекает, что ему нужна хозяйка. Конечно, до красавца Франсуа ему далеко, но господин Улон человек солидный, три года назад овдовел...

Размышления о достоинствах повара были прерваны скрипом и шорохом. Онорина, нагнувшаяся над подушками в весьма живописной позе, торопливо вскочила и столкнулась глазами с королем. Его Величество стоял в дверях кабинета, и на его лице было выражение, которое во времена своей бурной молодости Рина видела сотни раз.

– Как тебя зовут? – голос у Пьера был писклявый. Куда противней, чем у повара, не говоря о молочнике.

– Онорина, с дозволения Его Величества, – женщина присела в реверансе, как ее научила старая Виолетта.

– Ты давно здесь служишь?

На то, что не стоит посвящать Пьера Тартю в свои отношения с семейством Эстре, соображения Онорины хватило.

– К опочивальне Его Величества я приставлена пятый месяц.

– Я слишком поздно ложусь, – на верхней губе короля выступили бисеринки пота, – иди сюда.

Онорина подошла, прекрасно зная, что ее ждет. Пьер Тартю, прерывисто дыша, привлек женщину к себе и даже не подумал задуть свечу. Рина получила прекрасную возможность разглядеть глазки с красноватыми прожилками, блестящий пористый нос, падающие на лоб волосики. Король Арции, победитель узурпатора, верный сын Церкви Единой и Единственной и добрый семьянин что-то блеял и неумело, но грубо мял ее платье, добираясь до груди. Навидалась она таких еще у Жизели – над каждым грошем трясутся, толку никакого, а воплей, если что, до небес.

Онорина стиснула зубы, у Жизели бывали гости и похуже. С прыщами, бородавками, гнилыми зубами, хотя зубы и тут... Скажи ей кто, что она влюблена в маркиза Гаэтано или тем паче в убитого короля, Онорина бы расхохоталась. В гробу она эту самую любовь видела, нет ее и никогда не было! И вообще, чем еще честная девушка может заработать? Мириец пропал, Александр погиб, а жить-то надо!

Блестящий алый шелк королевского халата… В запахе виднеется бледная, как на жабьем брюхе, кожа и такая же безволосая… Проклятый! Бедная королева! Да ни за какие деньги…

Тартю наконец справился с корсажем, рванул полотняную сорочку, и тут красотка Онорина впилась зубами в потное запястье, вывернулась из августейших объятий, сплюнула, схватила пуфик с изогнутыми свинячьими ножками и с воплем «… плешивый!» саданула короля по лысоватой башке.

Нэо Рамиэрль

Изумрудные глаза Аддари казались виноватыми и растерянными, с чего бы это? Нэо огляделся. Они вновь были в пещере у дальней стены. К боку барда привалилась встревоженная лльяма, рядом лежал Норгэрель, его глаза были закрыты.

– Что с ним? – Роман сел, привалившись к стене. В голове звенело, но он прекрасно помнил, что было до падения.

– Обморок… Ты извини, но я вас обоих ударил. Мне показалось, вы идете не по своей воле.

– Спасибо, – от души поблагодарил разведчик, – похоже, ты нас спас. Что это было, ты заметил?

– Я ничего не понял. Норгэрель вдруг оттолкнул меня, но без злости, а как помеху на пути, и пошел вперед. Я посмотрел на тебя, с тобой случилось то же самое.

– А с тобой ничего подобного не было?

– Нет. И с лльямой тоже. Я притащил вас обоих сюда и вышел посмотреть – отвратительное место. Эта снежная стена, похоже, живая. Она начала подползать к пещере, и я ушел. Мы возвращаемся?

Вернуться? Это разумно, это очень разумно и очень подло. Другого шанса добраться до Хозяина Вархи не будет – раз стена двинулась к пещере, значит, их заметили. Если б не это, можно было б думать, а так придется прыгать вниз головой с моста. В худшем случае он пройдет путем Рене, это пережить можно. «Пережить»? Что поделать, ни эльфийский язык, ни наречия смертных не знают слов, подходящих к тому, что случилось с адмиралом!

Не о том он думает, надо понять, почему они с Норгэрелем попались, а Аддари и лльяма – нет. Потому что Солнечный и огневушка в Тарре чужаки или есть иная причина? Их просто увидели или заметили, что кто-то пробует колдовать? Здесь, в

пещере, власть Хозяина Вархи кончается или он не счел нужным их преследовать? А может, сам он ничего не знает и все дело в сторожевой магии?

– Волчонка!

Лльяма подняла башку. Снять с нее кокон? Опасно. Магию в ход пока лучше не пускать, а Огневушка без кокона в мире, где нет Тьмы, будет чем-то вроде набатного колокола.

– Сторожи Норгэреля и никуда не пускай! Поняла? Аддари, ты, если что, сможешь дать мне еще раз по голове?

– Смогу, – с явным неудовольствием откликнулся луцианец, – ты хочешь попробовать еще раз?

– Хочу.

Рамиэрль поднялся и пошел к выходу. Снежная стена и впрямь подползла вплотную к пещере и развернулась высокой стрельчатой аркой. Дескать, просим, гости дорогие, чем богаты, тем и рады! Нэо остановился, прислушиваясь к своим ощущениям. Если все дело в охранных заклятиях, нужно перейти какую-то черту, но, кажется, что-то происходит с ним самим. Разведчик веками возился с чужими заклятиями, но, не схлестнись он с Тэноллианом, он бы ничего не обнаружил.

Их подвела кровь, Норгэреля в большей мере, его – в меньшей, что и неудивительно. Залиэль не просто погибла – она попала в лапы Хозяину Вархи, который тогда был Хозяином Серого моря, теперь сын и внук Лебединой Королевы оказались под властью ее победителя. С этим связана и болезнь Норгэреля. Странное проявление, не имеющее никакого отношения ни к Петле Крови, ни к другим подчиняющим заклятиям, но это сейчас не главное. Стены пещеры глушат магию Хозяина, хотя давление постепенно усиливается. А может, все дело во времени.

Что ты знаешь про своего врага, Нэо, кроме его пути и его подлости? Он использует три вида сил – туманную силу Ройгу, многоцветное, чуждое безумие, принесенное из других миров, и Свет. Свет защитит от Света? Красиво сказано, а на деле старый Эрик имел в виду, что луцианский эльф даст по голове своему таррскому приятелю. Занятно, как Тьма защитит от Тьмы, не иначе Волчонка поджарит какого-нибудь использующего Тьму негодяя. К Арцею темных негодяев, займемся разноцветными!

Что можно противопоставить Свету кроме Света? Тьму! Ангес не стесняется обоих источников и правильно делает. Жаль, с ними нет Воина, он бы разнес это гнездо...

Рене дважды сталкивался со Старцем и вырывался. Адмирал так и не понял, как ему это удалось, он думает, все дело в Цепи Паладина, но у Нэо Рамиэрля из дома Розы нет никаких талисманов. Черное Кольцо он отдал, шпагу Уанна – тоже. Черное

Кольцо – кольцо Проклятого, созданное Ангесом и оставленное Ларэну… Странный камень, найденный Воином в дальних мирах, несет в себе Бездну. Сегодня Свет в руках Хозяина Вархи, равно как и сила Ройгу, и то непонятное и извращенное, что ломало небо над Кантиской во время Войны Оленя, но Тьма, Тьма Старцу неподвластна!

Очень осторожно Нэо потянулся к Бездне, он уже делал это в Луциане, спасая отца Аддари, но тогда можно было не таиться. Рамиэрль старательно воскрешал в себе память о прыжке во Тьму и полете сквозь пылающий снег. Есть! Он сможет дотянуться до этого источника!

– Нэо, – Солнечный тронул друга за плечо, – с тобой все в порядке?

– Все, давай немного отойдем. Нам нужно поговорить, но сначала попробуй открыть проход. Закрой глаза и представь себе летящий огонек и ветер в лицо. Раз прошедший по Путям пройдет и во второй.

Аддари честно зажмурился и замолчал. Хорошо, что Солнечный пошел с ними, он настоящий друг и со временем станет прекрасным разведчиком, а Клэра пора отпустить. Его горе лучше топить в творчестве, а не в дорогах.

Зажженный Аддари огонек был золотисто-желтым, но какое это имело значение, у него получилось!

– Замечательно. А теперь выслушай меня. Я пойду в гости к нашему хозяину.

– Нэо!

– Ты все-таки выслушай. То, что здесь кто-то есть, наш «друг» уже понял. Он убил мать Норгэреля, но сначала научился добираться до ее кровных родичей, самый уязвимый, разумеется, сын. Я оставляю Норгэреля на тебя. Он скоро очнется, если все будет в порядке, ждите меня здесь, если его потянет наружу, тащи его в Серое море.

– Ты сошел с ума!

– Возможно, но другого выхода нет. Я кое-что видел в зеркале твоей матери, это внушает определенную надежду. Я должен попробовать, Аддари!

– Что ты видел? – Солнечный положил руку на лоб Норгэреля, усыпляя его.

– Изволь. Я видел себя, лежащего без сознания на белых плитах. Это уже случилось. Затем я вновь увидел себя, схватившегося с неким Белым Старцем. Свет ударился о Свет, и все накрыла Тьма. Я позволю себя околдовать и войду в лабиринт, он приведет меня к хозяину. Тот будет считать меня игрушкой, но я смогу освободиться с помощью Тьмы, и мы

посмотрим, кто кого.

– Нэо, – покачал головой Аддар, – здесь не Фэрриэнн и не Луциана, а твой Белый Старец – очень сильный маг. Ты с ним не справишься.

– Верно, если он будет ждать нападения, но какая опасность в связанном кровью? Если я подойду достаточно близко, у меня может получиться. Я тебе не рассказывал. Был в Тарре один мерзавец, чуть было не захвативший все Благодатные земли. Среди смертных лично я более сильного колдуна не встречал, так не поверишь, его убили обычным кинжалом. В шею.

– Я мог бы тебе тысячу раз возразить, но ты все равно поступишь по-своему. Что делать с лльямой?

– Она останется с тобой. Я ей прикажу. Стойте у входа, если увидишь или услышишь что-то похожее на драку, освободи ее, она меня найдет, но твое дело – Аддари. Лук тут все равно не поможет.

– Я все сделаю, Нэо. У меня никогда не было брата…

– У меня тоже не было, – улыбнулся бард, – но теперь появился.

2896 год от В.И. 7-й день месяца Звездного Вихря. АРЦИЯ. МУНТ

Художник не подвел, парадный портрет был готов к назначенному сроку. Пьер смотрел на внушительное полотно, занявшее законное место в зале Нарциссов. Он – мудрый и сильный правитель в алом бархате Волингов, неуловимо похожий на знаменитое изображение Анхеля Светлого. Нора – царственно прекрасная в синем платье, отделанном серебряным шитьем. Царственная чета, символизирующая единение золотых и серебряных нарциссов, и их наследник Анхель. Портретист счел уместным изобразить не младенца, а ребенка лет полутора, но Пьер это одобрил. Спеленутая кукла принизила бы значимость полотна, юный принц должен иметь осмысленный взгляд и демонстрировать фамильные черты.

Пьер с удовольствием рассматривал детали картины: бархатные драпировки, трофейные знамена (после некоторых размышлений Его Величество решил пустить в дело свидетельство побед Александра), портрет Великого Анхеля, помещенный на полотне столь удачно, что, казалось, великий император благословляет своего преемника. Сам Пьер себе тоже нравился. Мастер действовал тактично, исправив и смягчив недостатки внешности Его Величества, но сохранив его

индивидуальность. Это был Пьер Седьмой Лумэн, а не выдуманный красавец, и от такого Пьера не отвернулась бы ни одна ноблеска, не то что какая-то служанка!

Тартю поморщился. Почему нам то и дело вспоминаются неприятные вещи? Поднявшая на него руку шлюха сидит в тюрьме, о ней никто никогда не вспомнит. Надо было ее казнить на месте за нападение на особу короля, но он растерялся, а она визжала на весь дворец, как свинья.

Барон Эж и Селестин делают вид, что ничего не поняли. Врут! Все они поняли, но кто мог подумать, что эта корова, которой хорошо к тридцати, станет отбиваться? Он не желал ей ничего плохого, напротив, за свои услуги она бы получила домик в городе. Дура не поняла своего счастья, а его опозорила. Судить ее нельзя, приказать убить? Нет, это ниже королевского достоинства. Лучше забыть, но теперь он трижды подумает, прежде чем выберет себе женщину. Хитрый Эж подсовывал ему свою сестрицу, но такие подарки обходятся дорого, уж лучше потерпеть, пока Нора сможет вернуться к супружеским обязанностям.

– Ваше Величество, – девица Эж, легка на помине, склонилась в почтительном реверансе, демонстрируя довольно-таки среднюю грудь, – Ее Величество ожидает своего супруга.

– Иду, – бросил Пьер. В домашней обстановке Анхель говорил именно так: «Иду», «Буду», «Жду». Монаршье «Мы» у него было для Генеральных Штатов и Совета Нобилей, а вот с вояками император говорил на языке, который новому королю не давался. Новые Гвардейцы служили старательно – еще бы, за такие-то деньги! – но обожания, с которым их предшественники смотрели на горбуна, не было и в помине. Для поднятия настроения, еще раз глянув на портрет, украсивший ту самую стену, с которой раньше смотрел Александр, король проследовал к королеве.

Нора, разодетая в пух и шелк, старательно улыбнулась и пролепетала приветствие. Супругу захотелось ее ударить, потому что... Потому что ни один мужчина не захочет, чтобы его женщина в такой день блеяла, как овца, и отводила глаза, к тому же красные, как у кролика. То, что королева ночи напролет рыдает в подушку, от чего у нее пропало молоко, Пьер знал. Однажды он попробовал с ней поговорить, но Нора только кусала губы и отвечала, что у нее все в порядке. Возможно, он поторопился, лишив ее матери, но старуха становилась опасной, а тянуть с разоблачением «преступлений» Александра Тагэре было нельзя. Вдова Филиппа смирилась с заточением младших сыновей, но мать есть мать, ее следовало убрать до того, как стало известно об убийстве.

– Сударыня, – король галантно подал королеве руку, и зеркала, не отличающиеся тактичностью придворного художника, злорадно отразили тщедушного человечка в не идущем ему красном облачении, ведущего под руку высокую, бледную красавицу. Пьер предпочел бы нести сына, но, согласно этикету, наследника по очереди брали на руки высшие нобили Арции, вернее, почитающиеся таковыми. Самыми родовитыми были матушка и Селестин Стэнье-Рогге в роскошном маршальском плаще. «Крыса в тигриной шкуре» – так кто-то написал на его воротах. Злоумышленника поймать не удалось.

Их Величества медленно спускались по застеленной коврами лестнице, и каждое их движение повторяли десятки зеркал. Филипп Тагэре, в юности прозванный «пять ланов мужской красоты», вешал их, где надо и где не надо, а его горбатый братец не догадался снять. Александру было плевать, на кого он похож и что о нем думают, он жил по каким-то своим законам.

Двери дворца Анхеля распахнулись. По традиции, Именование наследника проводилось в главном храме Мунта Его Высокопреосвященством. Храм был не так уж и далеко от дворца, и венценосные родители проделывали путь пешком, являя себя и свое чадо счастливым подданным. Тартю чувствовал себя неуютно, ведь с каждой крыши мог ударить арбалет, но пойти наперекор традиции король не решился, ограничившись приказом об усиленной охране. Клеман, Эж и Дюбар делали все, что могли, а Анастазия им помогала, и все равно было беспокойно. Король боялся убийц, насмешек, дурацких случайностей, вроде испоганивших коронацию кошек, но со стороны казалось, что он всем доволен и уверен в себе и любви своих подданных.

Пьер шел медленно, глядя вперед и слегка вверх, милостиво улыбаясь супруге и всему сущему. Нора тоже кривила губы, но на улыбку это походило мало. Нет, она не та королева, которая ему нужна! Через год или два надо подыскать другую, пусть не столь красивую, но умную и способную оценить выпавшее на ее долю счастье.

Улица казалась бесконечной, а парадные красные сапоги на каблуках были жуть какими неудобными. Они не жали, но ноги отчего-то начало ломить. Цех сапожников в будущем году льгот не получит! Пьер медленно повернул голову и улыбнулся толпе, клубившейся за скрещенными алебардами. Какие скучные рожи. Ничего, вечером, когда на улицу выкатят бочки с вином, мужичье будет пить за наследника! При мысли о сыне на душе Его Величества потеплело. Его б воля, он бы поставил колыбель в своей спальне, но наследника должно воспитывать в соответствии

с этикетом. Это Тагэре творили, что хотели, Филипп отослал сыновей в Ланже, Александр взял в дом бастардов...

Сыновья Шарля Тагэре в глазах простонародья были истинными Волингами и могли себе позволить многое, если не все. Он же, если хочет вырастить из Анхеля повелителя, обязан жить по законам древних королей! Арцийцы могут не любить его, но Анхеля они полюбят... Проклятые сапоги! А ведь впереди церемония, которую Клавдий, как всегда, затянет, и обратный путь. Хвала хоть, они почти пришли.

Проходя под церковными сводами, Пьер почувствовал на себе чей-то взгляд и повернулся. У колонны в небрежной позе стоял маркиз Гаэтано. Длинные волосы мирийца были стянуты на затылке алой лентой, а черный бархат куртки украшала крупная рыжая бабочка. Процессия поравнялась с колонной, Кэрна улыбнулся с добродушием голодной пантеры, а бабочка, оказавшаяся живой, нахально взмахнула крылышками и перебралась на плечо маркиза. Его Величество готов был убить и командора городской стражи, и капитана новой гвардии, но прерывать торжества и на глазах послов иностранных держав гоняться за мирийцем было бы непростительной ошибкой. Этот наглец, несомненно, явился для того, чтобы превратить триумф Пьера в балаган, так не будет же этого!

Король с гордо поднятой головой прошествовал мимо красавца с бабочкой, заставив себя сосредоточиться на службе.

Нэо Рамиэрль

Он снова бежал наперегонки, нет, не со смертью, с чем-то куда более отвратительным. Нужно успеть, пока Старец вещает, наслаждаясь своим триумфом. В мутном потоке его речей, несомненно, попадаются любопытные рыбы, но выуживать их некогда. А Белый самозабвенно плавал в давным-давно утекшей воде. Он устал от одиночества и собственной неоцененности и будет говорить и говорить. Михай тоже выкладывал всю подноготную перед «умирающим» Рене... Все повторяется, хотя чего удивляться: Михай Годой был «воспитанником» Старца, подцепившего тарского господаря из сероморского укрытия. Любопытно, конечно, как это ему удалось, но он пришел не слушать, а убивать.

– Это было самым трудным, – Белый нежно тронул окладистую седую – впору Звездному Старцу – бороду, он был в точности таким, как его показало луцианское зеркало, – благообразным, высоким, величественным и неимоверно

самовлюбленным, – я долго наблюдал за Светозарными и выбрал Воина. Он был готов к бунту, оставалось лишь слегка подтолкнуть его в нужном мне направлении. На первый взгляд, Ангес мало отличался от Ройгу, казалось уместным внушить ему мысль о единоличном господстве и стравить со старшим братом, но я ошибся и признаю это. Только глупцы скрывают свои неудачи, мудрые строят из них лестницу славы.

Я переоценил Ангеса. Искушать его властью было то же, что петь глухому. Иногда божественное могущество достается тем, кто не может им распорядиться. Воин был бродягой и искателем приключений, а не повелителем, для него важней всего была дорога. Даже война, даже любовь не захватывали его целиком.

Ангес был бы польщен, жаль, его здесь нет, но противники мятежного Светозарного пострашнее этого самовлюбленного чучела. Чтобы их остановить, Воин добавил к Стали Тьму и зажег негасимый огонь. Зажег, но не создал, во что бы ни верили в Фэрриэнне. Пламя Бездны – отсвет иных эпох и иных Сил, в сравнении с которыми даже Дракон и Орел – беспомощные юнцы. Белый Старец хитер и ловок, ему удалось заполучить сильнейшие талисманы, но он не бог. И не станет им! Не станет? Поосторожней с зароками, друг! Варха исполнена силы и ее ключи в руках мага, умудрившегося сплести Свет с многоцветным безумием и древней, туманной злобой. Незаметно вырвать из этой чудовищной косы одну прядь невозможно. Свет потерян – но у тебя есть Тьма. Не слушай этого хвастуна, Нэо, думай о Бездне. Бездна – это то, куда ты стремишься, это – твоя дорога, твоя надежда, твоя судьба!

Наконец! Далеко-далеко запело багровое пламя, рожденное из Тьмы и рвущееся во Тьму. Жаркая, живая ниточка потянулась к тому, кто некогда носил Черное Кольцо. Оковы подались не сразу, но лед уступил огню. Рамиэрль был свободен! Заметил ли это Старец? Нет, витийствует по-прежнему. Хозяин Вархи не счел нужным держать магическую цепь, а прикрепил ее к кому-то или чему-то. Глупо, Белый, ой как глупо, но ты не обязан быть умным. Интриганы редко блещут истинным умом, во время своих скитаний Рамиэрль-Разведчик это понял. Перед ним стоял маг, развращавший богов, эльфов и смертных, и это было отвратительно, потому что в этом враге не было ни величия, ни глубинной мудрости, ни личной силы. Из-за него Анхель предал Эрасти, Эанке убила отца, а Эдмон Тагэре взошел на плаху, он был бешеной собакой, искусавшей Тарру, ее безумием, ее смертельной болезнью, и это было унизительным.

– У меня было все, что нужно, – заходился в экстазе белобородый умник, – но мне мешали древние силы и светлые

пришельцы. С первыми богами было покончено, но Тарра их помнила. Уцелели и их прихвостни, упрямо хранившие верность прошлому.

Глухари на токовище слышат только себя. В этом смысле Белый Старец мало в чем уступал милым лесным петухам, хотя больше всего он напоминал эльфу Примеро, Нэо привык к глубокому, низкому голосу мага и перестал обращать на него внимание. Куда труднее оказалось хранить неподвижность, сматывая из огненной нити клубок, который отправится в голову упивающемуся собственной мудростью колдуну. Рамиэрль бы предпочел, чтоб Белый его вновь обездвижил, но увы!

Напряженные мышцы ныли, напоминая о том, что Нэо всего лишь эльф-разведчик, а не «что-то большее», по любезному выражению Великих Братьев. Сгусток жаркой Тьмы рос, но медленно, много медленнее, чем хотелось, а Старец был далеко, и у него в руках переливался всеми красками посох. Придется все поставить на один-единственный удар, для второго, если не повезет, не хватит ни времени, ни сил...

– Мне следовало подобрать к Ангесу другой ключ, и я понял, какой именно, но потом меня осенила воистину бесценная мысль. Я догадался, как добиться поставленной цели без схватки богов. Воин был ненадежным союзником, но без него можно было обойтись, Светозарные...

Узнать, что за великая мысль посетила Белого, Роману было не суждено, равно как и довести до конца собственное заклятие. Раздался хруст, словно кто-то переломил сухую ветку, и на площадку ворвалась лльяма. Порождению Бездны надоело ждать хозяина, а может, почуяв, что дело неладно, оно пошло по следу и непостижимым образом прорвалось сквозь Барьер. Прорвалось или ему... открыли Дорогу?!

Испепелить мага заточенная в синем панцире огневушка не могла, но кое-какие возможности у нее имелись. Волчонка вряд ли знала, что от любви до ненависти – один шаг, но выражала оба этих чувства одинаково. В один прыжок преодолев расстояние от последней ступеньки до врага, лльяма налетела на старца с такой силой, что тот выронил посох и едва удержался на ногах.

Атакованному порождением Тьмы магу стало не до заклятий, и Нэо прекратил изображать из себя статую. Арцей с ним, с темным шаром, главное – не позволить старому мерзавцу вернуть посох! Завладеть светоносной штуковиной труда не составило, но эльфа тотчас захлестнуло небывалое отвращение. Казалось, в его руках оказался живой, жгучий, нечистый лед! Удержать имущество Белого оказалось трудней, чем лакомиться глазом еще живого элефанта (этой чести Нэо однажды удостоился в Черном

Суре).

Стиснув зубы, Рамиэрль попробовал переломить похабную палку о колено – не вышло. Старец и лльяма продолжали драку, которая в другом случае показалась бы нелепой. Волчонка норовила наподдать врагу башкой, Хозяин Вархи, изрыгая непонятные, но не причиняющие порождению Тьмы никакого вреда проклятия, неуклюже уворачивался.

– Опрокинь его, – заорал Нэо, – опрокинь и придави!!!

Лльяма поняла. Прекратив бодаться, огневушка отскочила назад, разогналась и с маху обрушилась на Белого. Раздался дикий вопль, и Старец с Волчонкой исчезли. Рамиэрль, не рискуя оставить отвратную палку, бросился к ним. Все стало ясно – в середине площадки имелось овальное углубление, занятое огромным зеркалом. Нэо мельком увидел собственное измученное лицо, но разглядывать, во что он превратился, было некогда. То, что творилось на глазах разведчика, годилось разве что для кошмарного сна или Пророчества в стиле Эрасти.

На мерцающей поверхности корчился Хозяин Вархи, на которого навалилась лльяма. Рамиэрль видел запрокинутое старческое лицо, искаженное запредельным ужасом. Что его ТАК испугало? Волчонка? Посох в чужих руках? Присутствие Тьмы?

Разгадка оказалась простой и, как и все в этом месте, мерзкой. Эльф содрогнулся, поняв, что тело мага стремительно врастает в зеркало, но думать о новой напасти было некогда.

– Забери ее... Иначе она... погибнет...

Это не Белый Старец, но кто? Неважно!

– Волчонка, брось его! Назад! Кому говорят!

Лльяма по-кошачьи покрутила задом, оттолкнулась от судорожно вздымавшейся груди и сиганула вверх. Над провалом взлетели «голова» и передние «лапы», огневушка неминуемо б свалилась назад, но Нэо, бросив посох, успел схватить свою приятельницу. Она оказалась тяжеленной, но эльф все же выдернул запеленутую в Свет Тьму из ямы, хоть и опрокинулся на спину.

Отпихнув возликовавшую подружку, Нэо вскочил на ноги и бросился к «зеркалу». Что б ни натворил хозяин Вархи, расплата была страшной. Зеркало сожрало одеяния старца, его волосы и соприкасавшийся то ли со льдом, то ли со стеклом конец бороды. Медленно вмерзающее в голодную глубину обнаженное тело было припорошено то ли толченым стеклом, то ли снегом. Двигаться пленник больше не мог, только кричать, и он кричал. Звездный Лебедь, как он кричал...

– Теперь посох... Его надо... сжечь... Только сжечь... Сначала – посох... Потом все... это...

Кто с ним говорит? Зеркало?! Не может быть! Какой измученный голос!

– Не мешкай... Нужно успеть... пока... Гридэтара еще жив... Начни с посоха...

2896 год от В.И. 7-й день месяца Звездного Вихря. АРЦИЯ. МУНТ

Вызванный к королю глава Красной Палаты Камилл Дюбар стоически выдержал упреки Его Величества и покаянно развел руками.

– Мы без сомнения виноваты, хотя все меры предосторожности были приняты. Я не представляю, как Рафаэль Кэрна смог проникнуть в храм, и почему его никто, кроме Его Величества, не заметил.

Никто? Может быть, ему показалось? Он боится этой встречи и ждет ее, а тут еще долгая дорога под ярким зимним солнцем, слепящий снег, напряжение, неудачные сапоги. Нет, не мог мириец открыто стоять в самом проходе да еще с живой бабочкой на плече. Его Величество непроизвольно почесал шелушившуюся ладонь.

– Дюбар, что вы можете сказать про Кэрну и прочих преступников, связанных с узурпатором?

– Кэрну, – сокрушенно признал глава тайного сыска, – за последний год видели неоднократно в самых разных местах. Как правило, он ходит один, не считая нужным скрываться. Дважды мирийца встречали со странного вида молодым человеком, и один раз с ним разговаривал некто неопределенного возраста с седыми волосами и голубыми глазами, по виду нобиль. Никаких следов атэва и монаха-эрастианца найти не удалось. Все попытки задержать маркиза Гаэтано...

– Он не маркиз! – перебил король.

– Все попытки задержать Кэрну и его сообщников ни к чему не привели, они всякий раз умудрялись скрыться. Восемь лучших прознатчиков пропали без вести, еще пятерых нашли мертвыми. Седой был замечен в таверне «Щедрый нобиль» в начале лета. Когда он выходил, его попробовали взять, но он ушел, убив четверых. Те, кто при этом присутствовали, утверждают, что подобной ловкостью в обращении с оружием обладал только...

– Продолжай...

– Только Александр Тагэре, Ваше Величество, но это не мог быть он. Седой преступник прекрасно сложен и у него яркие голубые глаза, а Тагэре был сероглазым.

– Уверены ли вы, что мириец и его приятели не проникнут во дворец?

– Барон Эж ручается за надежность новой гвардии. Кроме того, к охране Вашего Величества и Его Высочества причастны циалианские рыцари, а это очень надежные стражи. Думаю, Рафаэль Кэрна понимает, что не может причинить вам реального вреда, и пытается испугать вас своей наглостью. Осмелюсь напомнить, что он – байланте, а байланте жизнью не дорожат.

– Зато я дорожу своей жизнью, – сорвался Тартю, но спохватился и степенно добавил:

– Наша жизнь нужна Арции.

– Мы понимаем, какая честь нам оказана. Все дворы, переулки и дома, прилегающие к дворцу, под нашим наблюдением. Барон Эж заверяет, что незаметным проникнуть в здание невозможно.

– С бароном мы поговорим. Что вы можете сказать о северных провинциях?

– Я бы не поручился за лояльность земель, лежащих за Аденой. Эти провинции верны Тагэре даже без Тагэре. Боюсь показаться дурным пророком, но север для короны может быть потерян. Им нельзя управлять, его можно лишь завоевать. Возможно, с помощью Эскоты и Тодора…

– Тодор – суеверный дикарь, он отверг мое предложение из-за глупых слухов, связанных с гибелью Жися. Эскотцы сами не знают, чего хотят, а Лось и Лидда в союзе с недовольными.

– Я счастлив, что Его Величество узнал неприятные известия не от меня.

– Тогда мы готовы выслушать приятные, если таковые имеются.

Дюбар подобострастно улыбнулся и углубился в описание оргондской войны, ифранских интриг и арцийских сплетен. Тартю с трудом заставил себя выслушать, хотя в озере выплеснутой на него воды, несомненно, было несколько крупных рыбин. Увы, перед глазами короля стоял мирийский байланте с рыжей бабочкой на плече.

Король отпустил Дюбара и долго сидел, глядя на горящую свечу. Он не понимал Рафаэля и чем дальше, тем сильнее боялся. Кэрна, не стесняясь, ходит по городу, щеголяя стянутыми в хвост волосами, словно говоря: «Когда я захочу, я до тебя доберусь, где бы ты ни был!»

Нет, так невозможно! Он должен избавиться от Гаэтано, Анастазия втравила его в это дело, она должна помочь! Пусть отыщет этого мерзавца и забирает все, что хочет. Может, Камилл и прав и Кэрна его дразнит от бессилия, но ему мало, что его

стерегут и стерегут надежно. Ему нужны головы Тагэре, Гаэтано, Трюэля, Мальвани, Марты, только тогда он уснет спокойно, только тогда его сын получит в наследство спокойную и сильную страну. Для того чтобы поднять Арцию, ему нужен мир и согласие, а без крови их не обрести.

Север придется раздавить. Жаль, чума так и осталась выдумкой, это был бы лучший выход. Придется платить дарнийцам, потому что арцийцы и даже эскотцы ненадежны. Нужно ударить до того, как начнется бунт, и начать с Эльты – это не город, а осиное гнездо! Клавдий должен призвать их к покаянию и смирению, в ответ они, несомненно, устроят что-то оскорбительное, а это повод для отлучения и Святого похода. Конклав тоже стоит денег, но миндальничать нельзя. Анхель это понимал, потому и стал великим, и ушел в мир иной под именем «Светлый».

Люди помнят силу и то, что им разрешают помнить. Его самого будут вспоминать как Пьера-Учредителя или, еще лучше, Пьера Справедливого, а именем Тагэре станут пугать детей. Именно так!

Нэо Рамиэрль

Избавленная от панциря Волчонка с наслаждением затрясла башкой, брызнув во все стороны искрами. Рамиэрль указал на валяющуюся на мраморных плитах палку со все еще мерцающим набалдашником.

– Сожги!

Эльф думал, что лльяма выдохнет струю огня, но та предпочла улечься на отвратительный предмет. Видимо, это было неприятно, потому что огневушка глухо заурчала, словно жалуясь.

– Это надо сжечь, Волчонка, – твердо сказал Рамиэрль. Тварешка вздохнула и крепче прижалась к полу – чувство долга, доставшееся порождению Бездны, сделало бы честь любому нобилю. Лльяма старалась изо всех сил, а Рамиэрль подбадривал ее взглядом. Старец продолжал кричать – проклятое зеркало все еще обедало. Голова раскалывалась от боли, легким не хватало воздуха, а надо было думать, решать, действовать… Кто же с ним заговорил? Не он ли открыл дорогу Волчонке, но как?

Победный вой лльямы возвестил о том, что приказ исполнен.

– Встань, – разрешил Рамиэрль и подошел взглянуть, что осталось от магического посоха. От него не осталось ничего. Мокрое место, если оно и было, высохло под пузом Волчонки. На

белом мраморе темнело обгорелое пятно, и все! Ну и слава Звездному Лебедю.

– Умница!

Тварешка подскочила на всех четырех лапах и завертелась черно-красным жарким волчком.

– Уничтожь зеркало! Во имя Звезд... Ты можешь... Скорее!

Снова! Кто же тут? Уничтожить зеркало? Легко сказать. Нэо честно склонился над безумным творением Белого Старца, соображая, что с этим делать.

Сам хозяин Вархи – Гридэтара – все еще был жив и в сознании. С такой злобой на Нэо не глядели даже Эанке с Тэноллианом. Эльф чувствовал тяжелую, отчаянную ненависть к Свету, Тьме, Тарре, эльфам, смертным, богам, камням, букашкам... Пусть все летит в тартарары, рушится, корчится в страшных, бесконечных муках.

– Не смотри на него!

Тоненько заскулила лльяма, по телу Белого Старца пробежала судорога, «снег» на тощей груди вспыхнул нестерпимо яркими цветами, а зеркальная поверхность медленно вздымалась и опускалась, переливаясь сонными волнами.

– Не смотри...

Усилием воли Рамиэрль оторвал взгляд от погибающего и вновь увидел себя. Звездный Лебедь, на кого он похож! Волосы спутались, на лбу и щеке какие-то ссадины, а он даже не помнит, где и как их заработал. Нэо поднял руку, чтоб стереть кровь, но пальцы не нащупали никаких царапин и остались сухими. Эльф провел ладонью по лицу – в зеркале его рука не появилась. Нэо покачал головой, отражение осталось неподвижным. Зеркало перестало быть зеркалом или никогда им и не было? И как прикажете его уничтожить?

Нэо опустился на колени, ухватился руками за края впадины и заглянул вниз. Рядом с первым отражением появилось второе – бледное, правильное лицо, на котором не было ни крови, ни порезов.

– Не смотри туда!

– Где ты?

– Здесь... Времени не остается... Не пытайся понять!.. Действуй!.. Не касайся больше Света... Сейчас он опасен... Зачерпни из Тьмы... Ты можешь...

Отражение! С ним говорит его первое отражение!

– Скорее! Во имя Звезд...

Гридэтара вновь зашелся в длинном, неистовом крике. Страшная гибель, отчего ж Белый Старец не просит его добить? От ненависти! Он что-то знает, что-то гибельное для остающихся.

Отражение право! Пусть пламя Ангеса поглотит безумного мага с его кошмарным зеркалом, и будь что будет!

– Ты! – никак Старец? Заговорил… – Смотри, кого ты убиваешь!

– Не смотри!

Но Нэо уже увидел – на отвесной, отливающей сумасшедшими красками стене кто-то висел.

– Не медли, – тихий, прерывистый голос пленника странным образом прорывался сквозь нарастающий вой и визг, – меня не спасти… Но все остальное можно… Ударь!

– Ты можешь забрать его, – выкрикнул Хозяин Вархи, – его больше никто не держит! Он безумен, но это поправимо…

– Не теряй времени! Во имя Звезд!.. Если Тарра для тебя значит хоть что-то – бей…

Нэо стиснул зубы и потянулся к Бездне. На этот раз дело пошло быстрее – не было нужды скрываться и рядом была лльяма. Рамиэрль опустился на колени, уставившись в горящие глаза. Так было легче, но эльф чуть не отшатнулся, чувствуя, что сам вот-вот сольется с темным огнем.

– Скорее…

Рамиэрль и так спешил, как мог. Его никто этому не учил, но он чувствовал, как где-то далеко из Пламени и Тьмы свивается чудовищный хлыст. Нэо из последних сил тащил его в Варху, было страшно тяжело, но потом Рамиэрлю показалось, что кто-то перехватил его ношу, а затем эльфа швырнуло к краю площадки.

– Прощай… Беги… Вниз…

Нэо кинулся прочь по белым блестящим ступенькам. Он почти достиг подножия, когда раздался грохот, и верх башни расцвел чудовищным черно-багровым лилионом.

2896 год от В.И. 29-й день месяца Звездного Вихря. ТАЯНА. ГЕЛАНЬ

Александр полагал, что предстоит что-то вроде заседания Генеральных Штатов, и разумеется, ошибся. Таянские обычаи не имели с мунтскими ничего общего. Выборные от гильдий, торговцы, откупщики и крестьяне на гомону[44] не допускались. В коронном зале Высокого Замка собирались лишь нобили, избираемые в милитариях[45] на малых гомониках. Еще по осени Анджей разослал гонцов, оповещая о Большой Гомоне, назначенной по традиции на самый короткий день года.

И гоцарство[46], и знаменные нобили[47] отнеслись к приглашению по-таянски. Выборные начали съезжаться в Гелань

еще по первому снегу. Старики вспоминали молодость и поругивали молодежь, молодежь крутила усы перед столичными красотками, затевала потасовки и охоты и подсмеивалась над стариками. Вино и царка лились рекой, вспыхнувшие ссоры сменялись попойками, недавние враги клялись друг другу в вечной дружбе, а приятели и собутыльники в пылу ссоры хватались за сабли, чтобы, доказав свою удаль, вновь поднять кубки за здоровье Друг друга. Никто не сомневался, что предстоит война, и все этому радовались. Победа над Билланой и Тарской окрыляла, Александр Тагэре, или, как его называли здесь, Шандер Аррой, стал всеобщим кумиром, а Фронтера уже лет триста нарывалась на хорошую взбучку.

Граница тлела, нужен был лишь повод, чтобы многочисленные стычки перешли в открытые военные действия. То, что за Фронтерой лежала неведомая Арция, где засел Пьер Тартю, с помощью циалианок и предательства захвативший трон, лишь подливало в огонь горючего каменного масла. В бой рвались и старые, и молодые. Едва Александр Тагэре вместе с Анджеем Гардани вошли в Гомонный зал, как от воплей «Виват Таяна», «Виват Аррой», «Виват Гардани» чуть не вылетели стекла.

Сандер успел неплохо узнать Высокий Замок, но в Гомонном зале был впервые. Он был огромным, хоть и уступал помещению, в котором собирались арцийские Генеральные Штаты. Здесь не было ни ступеней, ни скамей – только возвышение, над которым висел огромный щит с гербом – стоящая на задних лапах серебряная рысь в проеме крепостных ворот, увенчанных тремя башнями. И все. Ни балдахинов, ни ковров, ни охраны, да и зачем она? На гомону нобили приходили вооруженными до зубов, несмотря на пылавший в противоположном конце зала огромный камин, никто не снимал не то что верхней одежды, но даже шапок. Считалось, что, приняв решение, выборные немедля либо разъезжаются по своим милитариям, дабы сообщить новости, либо уходят в бой.

Арциец в некотором обалдении смотрел с возвышения на жизнерадостную толпу, ему казалось, что он привык к таянцам, тягаться с которыми в шумливости и жизнелюбии могли разве что мирийцы во время байлы, но Гомона была чем-то особенным.

Высокие рысьи шапки, украшенные журавлиными и орлиными перьями, раскрасневшиеся от жары и крика лица, грозно торчащие усы и усики, распахнутые на груди короткие полушубки, под которыми виднелись яркие кафтаны с галунами, все вместе сливалось в бушующую пеструю массу. Тагэре с детства водил людей в бой, но, глядя на таянское гоцарство, малость растерялся. Анджей лишь улыбнулся в темные усы,

оглядев своих буйных подданных, и поднял руку.

– Данове. Я имею сказать вам нечто важное. Но сначала ответьте: разве мы трусы?

– Нет, – взревела толпа. Сандер знал, что таков местный обычай, заменяющий торжественный молебен, открывающий заседание Генеральных Штатов. Собравшиеся не раз слышали эти вопросы и отвечали на них, но возмущение лихих вояк, которых хотя бы из ритуальных побуждений заподозрили в трусости, было неподдельным.

– Разве мы предатели? – продолжал вопрошать король. – Разве забыли мы Добро и Слово? И заржавели наши сабли и застоялись кони? Разве не любим мы Таяну и честь нашу и не готовы служить им и саблей, и копьем, и жизнью, и смертью?

Последние слова утонули в диком реве, достойном стада буйволов. Немного выждав, король громовым голосом объявил:

– То слушайте меня, данове, и не говорите, что не слышали. Все мы знаем, что в прошлом годе к нам пришел друг – потомок Счастливчика Рене. Шандер Аррой! Виват!

Сердце Сандера бешено забилось в ответ на приветственные вопли его новых друзей. Его всегда любили воины, и всегда это наполняло душу восторгом и благодарностью, но таянцы научили его не скрывать своих чувств. Здесь искренность не считалась слабостью.

Тагэре, улыбаясь, отыскивал в толпе знакомые лица. Стах Тонда. Раскрасневшийся даже сильней, чем обычно. Рышард в белом полушубке, под которым чернеет доломан «Серебряного», и рядом – Ежи. Наследник на гомоне – лишь один из названных на геланском гомонике и гордится своим избранием много больше, чем титулом. Принц поймал взгляд друга и залихватски подмигнул, в мыслях он уже рубил фронтерцев, а за разбегающимися усачами маячил незнакомый Мунт, который следовало взять.

– Данове, – прервал гомонное буйство Анджей Гардани, – все мы знаем доблесть Шандера. Он принес нам удачу. Он раскроил башку главному рогачу и взял Монтайю! Мы должны ему, как Аррою, по долгу памяти. Мы должны ему, как другу, по долгу чести! Шандер – король арцийский, но на его троне сидит трус, предатель и убийца, и помогли ему рогатые бабы и усатые гады!

Кажется, орать громче, чем орали вначале, было невозможно, но при этих словах таянцы превзошли самих себя. Некоторые, несмотря на опасность задеть соседей, выхватили сабли и подняли их высоко над головой, словно летя навстречу вражеским сотням.

– Слушайте дальше, – прокричал король, и, как ни странно, в

Гомонном зале воцарилась относительная тишина. – Все мы знаем слова старого Эрика о том, что придет год Трех Звезд и поднимет меч Последний из Королей. Никто не помнит, чтоб Волчья и Лебединая когда-то сияли так ярко, а с конца Копьеносца в небе горит хвостатая звезда, чего не бывало со времен Проклятого! Вот он год Трех Звезд! Все мы помним клятву Шандера Гардани, друга и соратника Счастливчика Рене, сломавшего шею Михаю Окаянному! Мы разошлись с большой Арцией, но мы не отреклись от рода Арроев.

Шандер, Последний из Королей с нами! Святой Эрасти спас его, Тахена благословила его и открыла ему дорогу. Его меч принес нам победу! Так неужто наши сабли не пойдут за этим мечом? Что скажете, данове?

Тут уж поднялось нечто вовсе невообразимое. Александр понимал одно: таянцы готовы немедленно наброситься на фронтерцев, Пьера, циалианок и самого Триединого, стены зала дрожали от крика «виват», которому, казалось, вторило и бурно взметнувшееся пламя в камине, и ветер за окном.

– Вы приняли решение, данове? – спросил Гардани, когда гоцарство и знаменные нобили малость успокоились.

– Так!

– Есть кто-то несогласный?

– Нет!!!

– Объявляю приговор. Как стает снег, пойдем через Фронтеру и дальше. Пропустит нас Тодор – хорошо, нет – сам виноват, но мы не вложим сабли в ножны и не повернем коней, пока не исполним клятвы Шандера! Арде!

– Виват! Виват!! Виват!!!

Нэо Рамиэрль

Воин в темно-синем тяжелом плаще очень медленно замахнулся мечом, гигантский черный клинок рассек вспыхнувший воздух и обрушился на дышащее зеркало, разрубая и еще живого Хозяина Вархи, и волнующуюся блестящую поверхность. Нэо видел хлынувшую из раны кровь, стремительно превращающуюся во что-то вроде ядовитого жидкого металла, из которого арцийские академики веками пытались получить золото к вящему удовольствию Жана-Флорентина. Рамиэрлю было стыдно, что он прячется у подножия башни, когда наверху идет бой, но что он может сделать?! Эта схватка за пределами его понимания и его сил. Воину проще, он – тень Ангеса... А как он, кстати, оказался в Вархе?! Он же слился с Кольцом, а Кольцо

взяла Герика. Нет, тут что-то не то!

Нэо постарался собраться с мыслями. Если он сидит внизу, держась за раскалывающуюся голову, он не может видеть, что творится с треклятым зеркалом! Значит, это бред! Бред, однако, и не думал проходить, а вел себя как самая настоящая реальность. Воин крушил мечом зеркало, которое корчилось и выло, словно чудище из хаонгской сказки. Белый Старец прекратил свое бренное существование, чему эльф искренне порадовался, – пусть это трижды морок, но вид мертвого Гридэтары и в бреду как-то обнадеживал. Зеркало оказалось более живучим, оно упрямо затягивало раны уже знакомым радужным металлом, покрываясь сверху сверкающей сетью. Нужно было что-то делать, и Рамиэрль начал взбираться наверх. Лестница казалась бесконечной, он полз по скользким, холодным ступенькам, видя в каждой свое отражение – окровавленное, измученное, грязное. Нэо почти забыл, как и почему начал подъем, но он был должен добраться до цели. Должен – и все! До площадки оставалось совсем немного, когда над самой головой загрохотало, словно Анри Мальвани вновь рванул проклятое клириками зелье. Горячая, дымная волна бросила Нэо назад, и он покатился по ступенькам, теряя сознание.

Когда разведчик открыл глаза, он увидел небо – обычное, зимнее небо – серое, низкое, холодное. Было тихо и холодно. Нэо с трудом повернул голову, и его взгляд уперся в сияющую стену. Кольцо Вархи! Он снова дома. Дома? Но почему линия пламени так странно изогнута? Ах да, он не снаружи, а внутри Кольца. Старец… Зеркало… Падение… Что было на самом деле, а что примерещилось?

Собрав все силы, Рамиэрль сел. Мерцающий опаловый купол над головой исчез, равно как и стены лабиринта, и Нэо с удивлением разглядывал унылый двор какой-то крепости, хотя почему какой-то? Это и есть старушка Варха, непонятно только, куда делись внутренние постройки. От старинной цитадели остались только стены и ослепшие башни, лишенные и ворот, и окон. За ними пылало Кольцо, внутри же не было ничего, кроме устилавших землю мутно-белых шестиугольных плит. Раздалось знакомое ворчание. Нэо оглянулся: на безопасном расстоянии (соображает!) стенала лльяма, изнывая от сочувствия и невозможности помочь. Рядом маячила закопченная стена – значит, лестница и взрыв все-таки были? Задирать голову было больно, но Рамиэрль все-таки это сделал.

Башня здорово прокоптилась, но уцелела. Эльф вздохнул и в который уже раз поплелся к ступенькам. И чего он там забыл, хотелось бы знать?! Лишь уверенность в том, что Хозяин Вархи и

впрямь покинул этот мир и отправился... Куда б ни отправился, лишь бы Тарра впредь обходилась без его персоны! Ступенек оказалось не так уж и много, а именно – сто семьдесят три. Нэо с некоторой опаской ступил на верхнюю площадку – пусто, только в середине чернеет овальный провал.

Подходить не хотелось мучительно, но Рамиэрль себя пересилил. Зеркало исчезло бесследно, и башня представляла собой эдакий закопченный колодец, на стене которого по-прежнему кто-то висел. Несомненно, мертвый, но это ничего не значило! Это был друг, и без могилы он не останется. Рамиэрль попытался понять, что держит пленника. Похоже, сами стены. Приглядевшись, Нэо понял, что с беднягой произошло то же, что и с хозяином Вархи. Его руки и спина вросли в странное вещество, из которого состояла внутренность башни. Рамиэрль с опасной покосился на гладкую поверхность, но заставить себя к ней прикоснуться не смог. Магии он не чувствовал – если здесь и было какое-то колдовство, оно прекратилось, то ли когда умер Старец, то ли когда разбилось зеркало. На первый взгляд, опасности башня не представляла, но отвращение порой бывает сильнее страха.

Пахнуло жаром – лльяма вскарабкалась наверх и сосредоточенно созерцала внутренности башни.

– Такие дела, Волчонка, – сообщил ей Нэо. – Бедняга сказал, что Свет здесь трогать нельзя, что делать будем?

Огневушка, судя по всему, придерживалась мнения, что для начала следует кого-то сжечь. Рамиэрль был с ней полностью согласен, но рядом, как назло, не оказалось ни одного негодяя. Эльф безнадежно смотрел на поникшую фигуру на стене, пытаясь добраться хоть до Тьмы, хоть до Света, но то ли он сам смертельно устал, то ли после учиненного здесь безобразия это место стало неким карманом, из которого не дотянешься ни до одного источника сил.

– Нэо! Ты жив!

– Вам виднее. – Слава Звездному Лебедю, отыскались и вовремя!

– Ты нашелся, – сообщил Аддари, – и лльяма тоже! Я не смог ее удержать и не успел снять панцирь.

– Гррррмммррр, – вспыхнула Волчонка.

Солнечный принц подошел поближе.

– Свете Всемилостивый! Кто это?

– Кто – не знаю, но это друг. Не знаю, смог бы я прикончить старичка без его помощи. Похоже, пленник открыл лльяме путь, но как – не представляю. Тут такое творилось, не передать!

– Вот даже как, – зеленые глаза Солнечного потемнели, – нам

не следовало разделяться.

– Очень даже следовало. Втроем мы бы вообще ничего не сделали. Этот Грэдитара, или как там его, уверился, что я на поводке и один, и разнежился, а тут и лльяма подоспела. Ожидай хозяин подвоха, нас бы смололо в муку еще на краю лабиринта. Звездный Лебедь, надо его как-то вытащить, воронья тут, похоже, не водится, но все равно...

– Ты прав, – Норгэрель заглянул внутрь, и по лицу его пробежала судорога, – жуткое место. Кажется, я видел его во сне.

– Мне здешние красоты тоже показывали, – Рамиэрль повернулся к Аддари, – Творец и его Розы! Тут невозможна никакая магия!

– Ты ошибаешься, – возразил Аддари, – то, чем баловался мой покойный дядюшка, сработает и здесь. Возьми то, что есть во мне!

– С ума сошел!

– Это – единственный выход. Нэо, честное слово, я не такой уж плохой источник силы. Тэноллиан меня весьма ценил.

– Он прав, – вмешался Норгэрель, – как маг ты опытнее нас обоих, а чем быстрее мы закончим – тем лучше. Мы с Аддари переживем, не бойся, тут и требуется всего – ничего!

– Уговорили, – Рамиэрль сосредоточился, готовясь к волшбе, но ему помешала лльяма, вклинившаяся между двумя эльфами и явно предлагавшая свои услуги. – Вот ведь... Похоже, я теперь без Тьмы и Света ни на шаг. Спасибо, дорогая. С тебя и начнем, но учти, будет больно.

Лльяма учла, по крайней мере, Рамиэрлю в очередной раз показалось, что его пламенная приятельница прекрасно осознает, на что идет. Забирать силу у живого существа опасно для обоих. Отдающий может ослабеть настолько, что просто не сможет жить, а забирающий – забирающий может войти во вкус и постепенно превратиться в живущее за счет чужих жизней чудовище. Ничего, Рене удержался, Роман тоже удержится. Эльф повернулся к огневушке:

– Будет невтерпеж, рычи, – и начал заклятие. Возможно, это было излишней роскошью, но Нэо не мог заставить себя коснуться внутренности башни, пусть и умершей. Если б не это, он бы обошелся связанными поясами: до пленника было не так уж и далеко, хорошенько свесившись, можно было коснуться безжизненно склоненной головы.

Лльяма была очень сильной, и – Звездный Лебедь! – Рамиэрль чувствовал, что она с радостью отдает ему часть себя. Несколько раз разведчику доводилось спускаться при помощи магии. Свет есть Свет – раньше к ногам эльфа падало нечто, похожее на лунную дорожку во время штиля на море. Разглядеть в черноте

колодца созданную из Тьмы тропу было почти невозможно, но Нэо ее чувствовал. На всякий случай он обвязался и связанными поясами (свободный конец молча принял Аддари) и шагнул вниз.

Эльфу казалось, что он идет по осенней паутине – Тьма пружинила под ногами, снизу веяло сыростью и смертью, но разведчик старался не думать о том, ЧТО упокоилось на дне проклятого колодца. Его дело – побыстрее вытащить тело пленника и на сегодня – все. Темная тропинка оборвалась там, где нужно, и Нэо в упор взглянул на своего спасителя. Руки узника и впрямь вросли в тело башни, голова падала на грудь, лицо закрывали спутанные светлые волосы, но Рамиэрль и так знал, что перед ним его двойник – Хозяин Вархи был большим шутником…

Разведчик вынул кинжал и, чуть помедлив, всадил его в стенку, отколов изрядный кусок. Похоже, эта гадость и впрямь мертва, тронь – и рассыплется. Вот уж не знаешь, где найдешь – где потеряешь: освободить пленника оказалось проще простого. Не понадобилось никакой магии – пара десятинок работы кинжалом, и эльф подхватил обмякшее тело и взвалил на спину. Разумнее было бы попросить Норгэреля и Аддари втащить их обоих, но опаленная и рассыпающаяся при прикосновении стена казалась Нэо гаже и страшнее самого жуткого чудовища.

– Вот и все, – Роман передал свою ношу Аддари и разорвал заклятие, – спасибо, Волчонка!

Лльяма всем своим видом дала понять, что «пожалуйста». Рамиэрль едва увернулся от тучки жалящих искр.

– Свете Милостивый, – в голосе Аддари странным образом смешались удивление, радость и страх, – он жив!

2896 год от В.И. 1-й день месяца Вепря. АРЦИЯ. МУНТ

Обычно мягкая мунтская зима словно с цепи сорвалась – город был завален чуть ли не по крыши, а вьюги продолжали завывать в трубах, колотиться в запертые двери, швыряться колючим, недобрым снегом. Ушел закутанный в белый искрящийся плащ Копьеносец, из своей пещеры вырвался Белый Вепрь и, вздымая снежные тучи, понесся со всех ног, наслаждаясь кратким, безумным бегом.

В детстве виконт Эмразский видел книгу с миниатюрами, на которых художник изобразил Звездный круг. Там был и огромный сверкающий Вепрь, и черный Иноходец со злыми зелеными глазами, и вставший на дыбы Медведь, и ленивый, сонный Дракон, но самыми памятными были две картинки. Влюбленные

привлекали волнующей взрослой тайной, а огромный седой Волк, задравший морду к ледяной, безжалостной луне, пугал. Может, его непреходящий страх перед Александром вызван «волчьей консигной» последнего из Тагэре? Некий то ли медикус, то ли клирик писал, что детские страхи определяют взрослую жизнь. Волк и Влюбленные. Страх и Вожделение…

Его Величество король Арции Пьер Седьмой поднялся и зажег свечу. Захотелось еще раз взглянуть на Анхеля и пересмотреть подарки. Самые ценные он велел сложить в детской – пусть первым, что видит сын и наследник, будут драгоценные вещи. Принц должен смотреть на золото, алмазы, меха, книги в тисненых переплетах…

Король-отец облачился в шелковый стеганый халат на лебяжьем пуху и вышел из опочивальни. Вышколенные гвардейцы в алых туниках с королевским гербом отдали честь и раздвинули скрещенные алебарды, освобождая проход. Повелитель Арции с наслаждением ступал по мягким коврам – подарку хаонгских негоциантов. Филипп Тагэре и Элеонора тонули в купленной роскоши, а поставщики имели наглость требовать денег за отпущенное в кредит. Пьер Седьмой Лумэн не потратил ни арга на отделку покоев принца – все оплачено благодарными подданными, избравшими единовременную трату вместо повышения налогов. Налоги, впрочем, все равно придется повысить, но избирательно. Трактирщики, которые согласятся бесплатно кормить в праздники гвардейцев, получат льготы.

– Виват Его Величеству! – начальник охраны принца Гаэльзского был свеж и бодр.

– Сегодня ненастная ночь, не правда ли, лейтенант? – Анхель был строг со знатью, даже жесток, но с воинами разговаривал охотно и милостиво. Пьер поступал так же.

– Да, Ваше Величество, – согласился лейтенант, – метель очень сильная.

Пьер величественно кивнул, стражи распахнули дверь, пропуская короля к сыну. Кормилица, медикус и две няньки, привыкшие к ночным посещениям, не спали, готовые вскочить и со всех ног броситься к младенцу, но в спальне Его Высочества было тихо.

– Когда последний раз меняли пеленки?

– Пол оры назад, Ваше Величество, – присела в реверансе цветущая деваха с огромной грудью.

– Хорошо, Нанетта, – король потрепал кормилицу по румяной бархатистой щеке и вошел к Анхелю, прикрыв за собой золоченую дверь. У изголовья колыбели горели розовые ароматические свечи, ребенок мирно спал. Отблески пламени играли на

корешках старинных книг, ножнах атэвского кинжала, хаонгских безделушках. Пьер поправил и без того безупречно лежащее одеяльце, в умилении глядя на будущего арцийского короля. У него будет все, чего не было у его отца, – почет, власть, богатство и в придачу родовая красота Вилльо. Тартю ненавидел Аганна и Мо, но пусть Анхель вырастет высоким, стройным, светловолосым, сводящим женщин с ума одной улыбкой.

Собираясь уходить, король начертил над колыбелью Знак. В ответ раздался негромкий звук, прозвучавшей в уютной тишине неожиданно и зловеще. В опочивальне Его Высочества мяукнула кошка. Свечи задымились и погасли, и комнату залил резкий, холодный свет – вьюга прекратилась внезапно, словно кривой лунный клинок рассек нависшие над городом тучи. Кошка мяукнула снова – громче и злее, ей отозвалась другая.

Король замер, вслушиваясь в вязкую тишину. Неужели опять?! На этот раз шутник лишится головы, кто бы он ни был. Повелитель Арции не может выглядеть смешно и глупо, и Тартю, прежде чем кликнуть слуг, мысленно сосчитал до пятнадцати, чтобы успокоиться. Когда он крикнул, его голос прозвучал несколько раздраженно, не более того. Пьер был собой доволен, но его призыв остался без ответа. Взбешенный король повернулся к двери и столкнулся взглядом с маркизом Гаэтано.

Мириец стоял в позе байланте, вполоборота, заведя одну руку за спину и уперев в бок другую. Так вот почему никто не вошел. Все или куплены, или убиты! Король, затравленно озираясь, отступил к столу с подарками, где лежал атэвский кинжал.

– Чего вам нужно? – выдавил из себя Пьер, чувствуя, как по спине побежали мурашки. Рафаэль Кэрна улыбнулся, обнажив белоснежные зубы, холодный свет отражался в глазах байланте, превращая их в лунный лед. Пьер тонул в равнодушном сиянии, черные тени стекали с предметов, как стекает вода с прибрежных скал во время отлива. Было тихо и холодно, леденящая стужа вползала в комнату неотвратимо и равнодушно. Так в лес приходит зима, в город – ночь, в сердце – старость.

Темные пятна в углах проснулись и зашевелились, грациозно потягиваясь. Еще одна тень, обнимавшая ноги Рафаэля, лениво расправила зубчатые крылья, вновь сложила и сделала шаг вперед. Блеснули желтые глаза. Крылатая, сотканная из лунных теней кошка улыбалась той же улыбкой, что и байланте, улыбалась и шла вперед, изящно переступая черными, блестящими лапками, а перед ней струился холод. Еще несколько тварей двинулись к оцепеневшему Тартю. Они не спешили и больше не кричали. Острые морды скалились в усмешке, уши были прижаты, глаза изливали ненависть и презрение.

Окоченевшие пальцы разжались, выпуская бесполезный кинжал, король не мог ни кричать, ни двигаться, только смотреть, слышать и дышать. Черные твари спокойно стягивали кольцо, леденящее сияние перед ними стало нестерпимым, а за кошачьими спинами все тонуло в породившей их ночи. Мрак поглотил обитые шелком стены, стоявшего у двери улыбающегося человека, банкетки, ковры, стол с подарками. Не осталось ничего, кроме тишины, стягивающегося серебристого круга с колыбелью посредине и желтых вымораживающих глаз.

Король не знал, где кончается ужас и начинается холод, рук и ног он уже не чувствовал, а прилегающий к телу шелк превратился в ледяной панцирь, сердце тоже, казалось, обрастало льдом. Тартю не сомневался, что умирает, но на какой-то одним им ведомой границе желтоглазые чудовища остановились и, по-волчьи закинув головы, издали вкрадчивое мурлыканье. Перепончатые крылья тенями взметнулись вверх и сомкнулись над колыбелью. На короля кошки больше не смотрели, они пришли не за ним.

Звери замурлыкали громче, и раздался плач ребенка, сначала тихий и неуверенный, он становился громче и отчаянней. Анхель звал на помощь, но слышал его только отец, скованный по рукам и ногам ледяными путами. Ребенок заходился в крике, отделенный от всего мира темными крыльями и ледяным светом, и Пьер Тартю ничего не мог сделать. Даже умереть. Даже закрыть глаза и заткнуть уши.

Пытка длилась дольше, чем вечность, лунные лучи плясали между замершими бестиями, обливая блестящие шкуры и равнодушные узкие морды серебром. Зима, ночь и луна правили свой бал, исчезло все, кроме света, смерти и порожденных ими тварей, властвовавших и карающих.

Детский плач дошел до предела и стал стихать, становясь тише и глуше, и наконец оборвался. Кольцо крыльев разомкнулось, желтые глаза вновь обратились на Пьера, словно приказывая запомнить. Шесть черных теней рванулись вверх, сливаясь со светом, и исчезли.

– Арде, – раздавшийся голос был тихий, усталый и пустой. В нем не было ни гнева, ни сожаления, но Пьер почувствовал, что вновь может двигаться и говорить. Еще не овладев полностью своим телом, король бросился к колыбели. Там лежал мертвый принц.

2896 год от В.И. 1-й день месяца Вепря. СВЯТОЙ ГОРОД КАНТИСКА

Из членов Конклава отсутствовали лишь двое. Кардинал Гвары и Набота Георгий отговорился тяготами зимнего пути и дурным самочувствием, хотя мужчины рода Мальвани славились своим здоровьем. Отсутствие же настоятеля монастыря Святого Эрасти Гидалского никого не удивило, последним из наследников Иоахиммиуса в Кантиске побывал владыка Фома, и было это три с лишним сотни лет назад. Ее Иносенсия оглядела без малого три дюжины преисполненных собственной значимости мужчин, собравшихся по настоянию кардинала ифранского. Анастазия не сомневалась, что речь пойдет о Святом походе против оргондских и эландских еретиков. Верный Бекко был в Мунте, но у Анастазии хватало прознатчиков и без мирийца. Предстоятельница была прекрасно осведомлена о позоре, постигшем Паучиху и прельстившегося ее золотом Архипастыря Анатолия, давшего добро ортодоксам на вступление в светскую войну.

Глава ортодоксов, он же Предстоятель ордена Святого Амброзия Фотий, был возмущен потерей эскадры. Надо полагать, покойный епископ Аурелий, командовавший злополучным походом, очень удивился, когда на него из темноты бросились эландцы. Он просто собирался простоять на якорях до зимы или до захвата Лиарэ дарнийцами и ифранцами, получить с Паучихи обещанную плату и удалиться. Присутствие кораблей с зелеными сигнами должно было показать миру, что Церковь на стороне Ифраны, а оргондцы – еретики, и тут такая неприятность!

С посланной к Лиарэ эскадры спаслось не так уж и много людей, которых подобрали маринеры. Как оказалось впоследствии, отнюдь не из жалости. К дарнийцам заморские гости проявили куда больше снисходительности. С наемниками заключили соглашение о почетной капитуляции и в разоруженном виде отправили домой на Эландских кораблях. Без последнего можно было обойтись, но адмирал Рикаред счел уместным показать господам дарнийцам свой флот. Господа дарнийцы были поражены, теперь в море их не выгонишь и палками.

Впрочем, на земле маринеры тоже не подкачали. Высадившиеся на берегу в двух местах воины в черном задали ифранским армиям хорошую трепку, а подоспевший Мальвани погнал маршала Ультима на родину по его же следам. Ифранцы выскочили из Оргонды впереди своего визга и только тогда сообразили, что преследователи были не так уж и сильны. Теперь Сезар вернулся к Лиарэ, где отстаивается эландский флот, и ждет ответного хода Авиры.

Ее Иносенсия была в восторге от происшедшего. Еще пара подобных глупостей, и Анатолий тихо скончается, дабы не

позорил Церковь нашу Единую и Единственную. Новым Архипастырем должна стать она, но для этого придется потрудиться. Предстоятельница полагала, что для осуществления ее плана ей лучше остаться в Мунте. Что бы ни решил конклав, выиграет отсутствующий.

Если Анатолий и Маврикий при помощи паучьего золота настоят на Святом Походе, замараются все. Войну без магии не выиграть, это очевидно, но выиграют ли ее с магией? Если прикончивший Ореста седой колдун поможет Оргонде, святые отцы окажутся в большой и глубокой луже. Если же на конклаве возобладают здравомыслящие, трусливые и те, кому не заплатили, под Архипастырем затрещит пол, а главный закон интриги требует появиться вовремя и завладеть всем. Анатолий должен быть свергнут чужими руками. Пусть претенденты на посох вцепятся друг другу в глотки, и тогда кто-то (потом решим, кто!) назовет ее имя.

Ехать в Кантиску не стоило, и Анастазия бы не поехала, но туда отправился Илларион, не покидавший своей норы несколько лет. Это настораживало. Анастазия не имела никаких доказательств, но была уверена, что якобы чуждый всему мирскому Предстоятель антонианцев связан с хаонгскими колдунами и примеривается к креслу Архипастыря.

Илларион был соперником, не имеющим слабых мест. По крайней мере, Ее Иносенсия про таковые ничего не знала. Бекко, и тот оказался бессилен, хотя, возможно, он ищет истину не в Храме, а под юбкой у наперсницы королевы.

Кто б подумал, что Мария прыгнет в постель мирийского авантюриста, но он ею вроде бы доволен. Ре Бейре для полноты жизни нужны богиня и подстилка, так ему проще… Анастазия погасила улыбку – она права, что допускает прознатчика только к руке, да и то не каждый раз. Бекко не привык отступать, он будет добиваться своего годами. Пусть добивается, а Марии полезно поучиться – за полгода мириец наставит перезревшую девственницу на путь истинный не хуже сигноры Жизели, это может пригодиться… Но зачем все же Иллариона понесло в Кантиску?

Предстоятель ордена антонианцев – высокий, строгий и красивый – восседал в своем кресле неподвижно, как статуя. Анастазия не сомневалась, что Его Высокопреосвященство продлевает свою молодость весьма сомнительным способом, ибо грешила тем же. Впрочем, мужчины наверняка это проделывают иначе.

С годами Илларион все сильнее походит на изображение своего любимого Кастигатора, но это уже перебор. Анастазия

прекрасно знала, как стать точным подобием Святой, но отказываться от своего лица опасно. Неужели Илларион настолько глуп? Хотя великий разум и великая глупость зачастую гуляют рука об руку.

Двери распахнулись, и к своему месту прошествовал Архипастырь. А вот этот глуп без всякого «по-видимому». Глуп, жаден и труслив. Старается казаться невозмутимым, но рядом с Илларионом он, что помойная ворона рядом с морским орлом. Да, с антонианцем нужно кончать, если уж ей в голову приходят такие сравнения, что тогда думают другие?!

Анатолий прочитал короткую молитву, и действо покатилось по накатанной колее. Анастазия слушала вполуха, следя за не ко времени проснувшейся рыжей бабочкой, устраивавшейся на руке нарисованного святого Эрасти. Ифранский кардинал Маврикий клеймил ересь и требовал объявить Святой Поход против Оргонды и Мирии. Фотий налегал на то, что эландцы преступили запрет и пустили в ход порох, арцийский Клавдий, получивший очередную взятку, поддерживал Маврикия, хотя ему бы как раз следовало молчать. Если Церковь увязнет в Оргонде, Пьеру будет труднее справляться с северянами.

В свое время Конклав попался на удочку Жоржа Мальвани, вырвавшего себе кардинальскую мантию в обмен на отказ от звания пастыря Арции. Теперь пастырь Гвары и Набота покажет себя во всей красе, но Клавдий этого не понимает. Мирийский Эпоминонд умнее, он не хочет вторжения на остров и правильно делает. Кстати, вторгаться в Мирию нужно через Жасминный пролив. Кардинал Фотий не боится встретить там еще одну эландскую эскадру.

Анастазия была не слишком сильна в воинской науке, но ее знаний вполне хватало, чтобы понять – если Кер-Рене взялся за дело всерьез, о войне на море можно забыть. Впрочем, эландская пехота, как, бишь, ее? – ах да, «Черная волна» – даст фору кому угодно. Их не так уж и много, но со счетов не сбросить. Оргонду лучше оставить в покое, а Жоселин намекнуть, что с Мальвани следует помириться. У Тигра нет ни средств, ни людей, чтоб продолжать драку, он согласится на мир, а потом – потом можно заняться им и Мартой. Разумеется, чужими руками. Это – единственный выход, но кое-кто этого не понимает. Воистину жадность – сестра глупости, а глупость – мать поражения.

– Желает ли кто-то из почтенных собратьев задать вопрос? – произнес голосом подкупленного судьи Архипастырь.

Вверх поднялась очень бледная рука, вспыхнул лиловым пламенем аметистовый перстень.

– Его Высокопреосвященство Илларион!

– Я прошу ответить Его Преосвященство Фотия, как могло случиться, что эландские еретики смогли использовать проклятое зелье? Насколько я понимаю, между нападением и гибелью последнего из ваших кораблей прошло довольно много времени, почему не был нанесен ответный удар? Кроме того, хотелось бы знать, отчего многие из дарнийских кораблей уцелели, в то время как суда наших братьев оказались на дне морском?

– Еретики поступили подло и коварно, – амброзианец, видимо, ожидал подобного вопроса, – они подкрались под покровом темноты и ударили из сотен пушек. Они знали о заклятии, взрывающем порох на расстоянии, и дали один-единственный залп, после чего пустили в ход зажигательные суда и перешли к абордажному бою.

– Насколько мне известно, возлюбленный брат, одного залпа мало, чтоб уничтожить эскадру, подобную вашей. До меня дошли слухи, что корабли тех, кто призван блюсти церковные запреты, погибли потому, что именно еретики пустили в ход заклятие.

Наши корабли были осквернены тем, что несли на борту проклятое зелье, и нашли закономерную кончину на дне морском. Спасенные еретиками моряки, переданные дарнийцам, это подтверждают. Дарнийские же корабли, равно как и немногочисленные оргондские, были чисты и потому пострадали меньше. Так ли это?

Антонианец все же непостижимый человек! Всем известно, что запреты накладываются не на пастырей, а на паству. Другое дело, что, играя с порохом, следует соблюдать осторожность. Эландцы эландцами, но взорвать эскадру Фотия запросто мог тот же седой, хотя почему «мог бы»? Возможно, именно он это и сделал. Для этого на эландской эскадре находиться незачем, все можно проделать с берега.

– Возлюбленный брат полагает, – эллскому кардиналу в данном споре сам святой Никодим велел изображать беспристрастие, – что Его Высокопреосвященство Фотий допустил некоторую, гм, ошибку в обращении с запрещенным оружием?

– Не ошибку, но преступление перед Триединым и Церковью нашей Единой и Единственной. Сказано, что один пастырь, не блюдущий слова божия, опаснее сотни еретиков, как бешеный пес опаснее волчьей стаи. Я полагаю неверным выдвигать обвинения против Оргондской короны. Не ими был нарушен мир, не они применили проклятое зелье.

Нет никаких доказательств в пользу того, что Оргонда выступала в сговоре с Эландом. Ни единая душа не осведомлена о переговорах или о том, что в Лиарэ ждали подмогу. Труднее, чем путь хафаша в ночном небе, проследить мысль еретиков. Шли ли

они на помощь Оргонде или же наносили удар по Церкви нашей Единой и Единственной?

Герцог Мальвани заслуживает наказания за то, что принял помощь от нечестивых, но слишком велик был соблазн. И как мог устоять мирской владыка, когда на глазах его слуги Церкви нарушили запрет божеский? Полагаю неуместным объявление Святого Похода против Оргонды и требую суда Церковного над преступившим закон Фотием и иже с ним!

Илларион безумен! Безумен! Этот же приговор Анастазия прочитала в глазах членов конклава, но формально антонианец прав.

– Предстоятель подкуплен Мальвани! – выкрикнул Клавдий.

А этот не безумец, а дурак. Столько лет в Мунте и не понял, что антонианец не подкупен, да и откуда б Мальвани взял столько денег? Неужели Илларион всерьез? Или это повод, а цель – Посох. А повод, кстати, хорош – не подкопаешься. Ну и что, что про порох знали многие – в Церкви нашей Единой и Единственной давным-давно дозволено грешить, а вот попадаться не рекомендуется. Фотий же попался.

Но, чтоб давать бой Архипастырю, нужны сторонники. Кто же на стороне Иллариона? Фронтерец? Оргондец? Эллец? Эскотец вряд ли, слишком труслив… Возможно, ордена… Никодимианцы?

Анастазия смотрела на утратившие величавость и спокойствие лица. Это казалось невозможным, но Илларион и вправду один! Один! Против всех. На такое даже Евгении не решился бы. Жорж Мальвани – тот просто не приехал…

– Что еще скажет возлюбленный брат? – что-то в голосе Анатолия заставило Анастазию поежиться. Так этот гусак еще никогда не говорил.

– То, что вы все, – Илларион обвел руками собравшихся, и лицо его стало вдохновенным – безумцы! Безумцы, делящие наследство в охваченном пожаром доме. Свершен Последний Грех, земное уже не спасти, но можно спасти души, прежде чем над Таррой сомкнется Тьма и Четыре Всадника осадят коней на площади Святого Града.

Забудьте о золоте! Забудьте о власти! Идите к людям со Словом божьим. Еще не поздно открыть глаза заблудшим и спасти их! Наступило царство Антипода, а вы не видите. Как не видит слепец ночи, называя ее днем! Не остановить поступь Кастигатора, страшен будет гнев его, и вдвойне будут виновны в глазах его пастыри, уподобившиеся алчным волкам!..

То, что нес Илларион, Анастазия слышала, хоть и в пересказе других. Его обычная проповедь о конце света. Но зачем тут-то? Неужели первая мысль оказалась правильной и антонианец

рехнулся. Это все ставит на свои места, а вот Анатолий и Фотий открылись с неожиданной стороны. Они что-то затевают, и даже понятно что. Похоже, царственный вид Иллариона коробил не только ее, от антонианского Предстоятеля решили избавиться, а он сам дал повод. Или наоборот? Илларион понял, что ему не спастись, и решил разыграть из себя мученика?

Ее Иносенсия с непроницаемым лицом наблюдала, как вокруг Иллариона смыкается круг Скорбящих. Братья подняли руку на своего же Предстоятеля, такого еще не было! Кем же надо быть, чтобы пропустить такой заговор?! Александр Тагэре, и тот бы догадался.

– Я, Архипастырь Церкви Нашей Единой и Единственной, – возвысил голос Анатолий, – с глубокой скорбью пред лицом Триединого и князей церкви говорю о постигшем нас тяжелом несчастии. Возлюбленный брат наш Илларион тяжко заболел. Его тело здорово, но дух его подточен, и он долее не может стоять во главе ордена. Церковь наша Единая и Единственная позаботится о брате нашем. Все ли согласны передать страждущего в руки целителей под неусыпным оком Предстоятеля ордена амброзианцев?

– Слепцы, – холодно бросил Илларион, и все отчего-то замолкли. – Дарованной мне силы довольно, чтоб повергнуть вас в прах, но я не стану делать этого. Ибо тот, кто поднимает руку на зло, сам становится злом. Грядет Кастигатор – он повергнет гордых и вознесет смиренных. Пусть судьба моя станет нитью путеводной в глазах истинно верующих. Страдания земные имеют предел, благодать вечна. Я последую за недостойными пастырями, скрестив руки на груди. Я сойду в узилище и останусь там, пока мне не будет явлено знамение, и тогда двери откроются, а цепи истают, и выйду я в мир, и будет этот день Днем Истины и Суда. Арде!.

– Есть ли кто-то, не согласный с моим словом? – Анатолий торопился. Может, Илларион и безумен, но в его безумии есть величие.

Несогласных не нашлось. Бывший Предстоятель вышел в окружении десятка двух клириков. Так бы выглядел Шарль Тагэре в окружении десятка пьеров тартю…

Анатолий вернулся к Святому Походу. Кто-то кивал головой, кто-то высказывал опасения, кто-то спорил, а Анастазии казалось, что она пропустила самое важное. Что-то в словах Иллариона…

Конклав разошелся задолго до рассвета. Анатолий и Фотий почти настояли на своем. Церковь поддержит Ифрану против Оргонды, но Мирию решили не трогать. Анастазия не сомневалась, что пастырей остановило видение черных кораблей

в Жасминном проливе. Что ж, пусть воюют, надо полагать, удачи эта война Церкви и Архипастырю не принесет. Ее Иносенсия же возвращается в Мунт и готовится встретить Три Звезды. Похоже, это и есть предсказанная троица, и раньше времени они не объявятся. Если Александр вопреки всему жив, то Повелитель – наверняка он, а Брата и Деву еще предстоит найти... Кстати, Дева, скорее всего, давно перестала быть таковой, ведь со дня смерти Агриппины прошло двадцать шесть лет! А если Повелитель – седой колдун, Дева – Марта Мальвани, а Брат – Александр? Весьма вероятно. Конечно, Повелителем может быть и Пьер, тогда Девой, хоть и бывшей, становится его жена, а Братом – Базиль Гризье, умудрившийся вернуться из Гвары с головой на плечах. Нет, эта тройка кажется слишком жалкой, хотя в наше время пренебрегать нельзя ничем.

Архипастырь возвысил голос, творя молитву, знаменующую конец совета. Ее Иносенсия присоединила свой голос к другим:

– Да будет благословен и гнев Твой, изливающийся на грешных, и благодать Твоя, дарованная праведным...

Анатолий с Фотием полагают себя победителями. Смешно... Но что же все-таки она недопоняла? Почему ей кажется, что Илларион отнюдь не проиграл?

2896 год от В.И. 1-й день месяца Вепря. АРЦИЯ. МУНТ

Щечка Анхеля была ледяной, словно он умер много ор назад и все это время пролежал на улице. Пьер смотрел на сына, ничего не понимая, потому что есть веши, которые рассудок сразу осознать не может. Луна ушла, за окнами вновь танцевала и смеялась метель, огонь в камине поднял рыжую голову, сначала робко огляделся, а потом с жадностью набросился на подброшенные ему дрова. Комната постепенно наливалась теплом, чья-то рука зажгла свечи, теплый розоватый свет ласкал глаза, но тепло и свет не могли помочь ни мертвому ребенку в колыбели, ни упавшему рядом с ним на колени невзрачному мужчине в стеганом алом халате.

Ветер настойчиво бился в наглухо закрытое окно, пламя, у которого грел руки маркиз Гаэтано, трещало ласково и уютно. Наконец, человек у колыбели поднял голову, мука в его глазах растопила бы и камень, но Рафаэль Кэрна был тверже мирийского базальта. Он только пожал плечами и вновь потянулся к огню. Взгляд Пьера Тартю упал на роскошный кинжал, валявшийся на ковре. Совладать с Кэрной могли разве что Александр Тагэре или Сезар Мальвани, но для арцийского короля это значения не

имело. Впервые в жизни он не боялся и не думал.

Пьер бросился на мирийца с отчаянием загнанного животного, маркиз Гаэтано лениво перехватил руку с кинжалом и вывернул. Что-то хрустнуло, клинок выпал из неумелых пальцев, звякнув о решетку камина, а Рафаэль отшвырнул от себя короля, словно паршивого щенка. Тартю упал на ковер и там и остался, схватившись за покалеченную руку.

– Будь ты проклят, убийца! – выдохнул король.

– Вот как? – Рито Кэрна улыбнулся. Так мог бы улыбнуться Проклятый, которым клирики не одну сотню лет пугали прихожан. – Вряд ли твои слова, Пьер Тартю, что-то значат. Тем более для меня.

– Ты не мог, не должен был мстить ребенку!

– Ты ошибся, гаденыш. Кэрна мстят иначе. Я не помешал этим созданиям исполнить свой долг, только и всего. А почему я должен был им мешать? Сыну убийцы и узурпатора с дурной кровью следовало умереть, и он умер – на престоле Арции не может быть бастарда. Кошки Воля сторожат его кровь, они не позволят нарушить запрет.

– Кошки Воля, – медленно повторил Пьер Тартю, словно пробуя эти слова на вкус.

– Тот, кто связал Свет, Тьму и Холод, знал много, но вряд ли предполагал, что его создания выучатся любить, а значит, и ненавидеть. Кошки Воля полюбили Шарло Тагэре и его младшего сына. И возненавидели тебя. А тебя есть за что ненавидеть, не правда ли?

– Будь ты проклят!

– Я это уже слышал, – маркиз Гаэтано пошевелил тлеющие угли, и по ним поползли оранжевые змеи. – Но проклят не я, а ты. У тебя никогда не будет детей, Пьер Тартю, – в свете камина глаза Рафаэля блеснули золотом. – Кровь Филиппа и Алека разорвала последнюю цепь. Стражи больше не привязаны к дворцу и полнолунию, они найдут твое семя везде. За морем, в храме, в хижине, в крепости. Найдут и убьют на твоих глазах, и ты ничего не сможешь сделать. Разве что никогда не прикасаться к женщине.

– Почему они не убили меня? Я – потомок бастарда! Я, а не мой сын! Это несправедливо!

– К чему эти крики, Пьер Тартю? – мириец легко поднялся. – Прощай, оставляю тебя с твоими мертвецами. Хорони их сам.

– Кэрна! Байланте! Слышишь, ты! Это я сверг твоего Тагэре и перебил твоих дружков… Ты не можешь так уйти! Убей меня… Ты должен меня убить!

– Должен? – Рафаэль вновь улыбнулся странной, отрешенной

улыбкой. – Байланте не давят крыс и никому ничего не должны! Я не столь милосерден, как тебе кажется, так что живи, крысенок! Живи и думай о кошках и о том, что ты сделал год назад.

Маркиз Гаэтано вышел легкой, танцующей походкой, которую виконт Эмразский запомнил по Большому королевскому турниру. Блеснули черные волосы, скрипнула дверь, в трубе по-волчьи взвыл ветер. Пытаясь поднять ее, король неловко оперся о правую руку, острая боль оказалась исполнена милосердия – Пьер Тартю потерял сознание.

Нэо Рамиэрль

Чтобы исцелить Вайарда, пришлось убить цветущие заросли. В Вархе не было цветов, и, чтоб спасти умирающего, Нэо едва не прикончил Аддари, Норгэреля и самого себя, но у них получилось! Они вернули пленника от самой Грани, и теперь он спал на плаще Аддари. Трое эльфов молчали, лльяма тоже притихла. Башня Хозяина менее отвратительной не стала, но спускаться с нее не было сил. Становилось все холоднее, и Рамиэрль поманил Волчонку, та подползла поближе, успешно заменив собой походный костер.

Разведчик смотрел на измученное лицо своего спасителя. Он уже понял, кого нашел, но рассудок, готовый смириться с множеством чудес, иногда упорно не желает признавать очевидное. Зачарованный Альсионэ пруд и впрямь показал будущее, вернее, некую вероятность, которая осуществилась, пусть и не совсем так, как пригрезилось сонной золотой воде. Если б не водяное зеркало, он бы узнал Ларэна сразу, но в Луциане он видел именно себя, это его и обмануло… Он еще допускал, что Залиэль могла немного пережить свою «гибель», но Ларэн… Столько лет, и никто не догадался. Никто! Как он жил эти годы, как уцелел в разбушевавшейся на вершине огненной круговерти… Рене трижды, четырежды прав, когда говорит, что смерть не самое страшное!

Эльф перевел взгляд на молчаливого Норгэреля. Сказать? Или тот уже догадался? Как много ответов на старые вопросы и как много новых загадок, а день все не кончается.

– Нэо, – Аддари говорил шепотом, – может быть, спустимся? Эта башня… Я больше не могу!

– А я еще больше не могу, – вздохнул разведчик, – но Ларэна придется нести…

Вот и все – слово произнесено и стало реальностью. Роман видел, как вздрогнул Норгэрель, он еще не понял, что может

забыть о своей болезни. Круг замкнулся – они бежали от смерти, догнали ее и убили. Завтра придет радость и ощущение победы, но сегодня они слишком огорошены и слишком устали.

– Я... Я и впрямь не смогу идти, – то ли сработала магия имени, то ли просто пришло время, но Ларэн очнулся и даже пытался сесть, правда, неудачно, – иногда мне снилась свобода... но никогда она не была такой...

Почему они молчат? Все четверо, хотя Вечность слишком мала, чтобы успеть сказать друг другу все, что разрывает души?

– Эта башня, – первым заговорил Аддари, ему проще, ведь он почти чужой, – она больше не опасна?

– Не опасна, – кивнул Лунный. Нэо видел, как ему трудно говорить, и не только потому, что он слаб и болен, – зеркало разбито, Грэдитара мертв, а башня – только застывшая грязь, притворявшаяся величием... Она отвратительна, это так, но и все... Мое имя вы знаете... А одного из вас зовут Астени...

– Нет, – тихо произнес разведчик, – меня зовут Нэо Рамиэрль, хотя я больше люблю свое человеческое имя – Роман. Астен был моим отцом, его убили, а я даже не знаю, сколько лет назад. Мы покинули Тарру и заблудились...

– Нэо, – повторил Ларэн и замолчал.

– Норгэрель – твой сын, – торопливо сказал Нэо, – он родился после твоего исчезновения в Сером море.

– Значит, родился сын... Залиэль погибла, это мне показали. Грэдитара любил... развлекаться. Кому-то из вас я обязан жизнью дважды, но лучше б первого раза не было... Грэдитара пытался добраться до вас через меня, вернее, через мою кровь. Сначала у него получалось, потом он потерял след. Он не давал мне умереть... я был ему нужен...

– Зачем вспоминать о страшном? – почти выкрикнул Аддари. – Мы вместе, мы вернулись, мы победили! Это главное, а прошлое лучше забыть.

– Если б все было так, – лицо Лунного исказила гримаса боли. Роман бросился к нему, но Солнечный принц успел раньше. Он легко расставался со своей силой, легче, чем они с Норгэрелем. Аддари был рожден отдавать и делал это с радостью.

– "Если б это было так"? – переспросил Норгэрель. Он смотрел на отца, веря и не веря. Выражать свои чувства всегда непросто, если они идут от сердца и если ими затронуто все твое существо.

– Мы и впрямь вместе, – попытался улыбнуться Ларэн, – обитавший здесь безумец мертв, а созданный им кошмар уничтожен... Только, убив поджигателя, не погасишь пожар, так что мы далеко не победители. И неизвестно, когда и как мы

вернемся...

– Но мы ведь в Тарре. В Вархе!

– Да, в Тарре и в Вархе, а ее хорошо обложили. Грэдитара пытался выползти и не раз, но ему не позволили. Откуда стражам знать, что врага в цитадели больше нет...

Ларэн был прав! Если не удастся докричаться до Эмзара и доказать, что они – это они, а не очередная уловка Хозяина, придется или вырываться силой, или ждать у моря погоды. Роман невольно посмотрел на Кольцо, которое сам же и замыкал. Ловушка была надежной.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ VIVIRE EST MILTARE[48]

Бывает в жизни все.
Бывает даже смерть.
Но надо жить
И надо сметь.
Э. Ростан[49]

2896 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. ИФРАНА. АВИРА

Аврора одевалась медленно и изящно. Не для себя – для любовника. Точными, медленными движениями натянула шелковые чулки, завязала ленты нижних юбок и повернулась к Базилю спиной, чтобы он зашнуровал корсаж. Арциец сказал то, что требовалось, а именно то, что он с куда большим удовольствием сделает обратное. Аврора засмеялась и предложила ему перейти от слов к делу. Базиль перешел. Потом они пили подогретое вино и рассматривали хаонгские картинки, за которые, поймай их на горячем, светило бы церковное покаяние. После картинок Аврора еще раз попробовала одеться, и опять не получилось, так что в посольский особняк на улице Старой Таможни Гризье вернулся лишь во втором часу пополуночи.

Почти все слуги спали, так как граф предпочитал уходить и приходить тогда, когда ему захочется. Базиль зажег свечу и поднялся в спальню. На столе у изголовья белело два письма – от сестры и графа Вардо. Настроение сразу испортилось, как портилось всегда при воспоминании о далекой родине и любимой семье.

Нора могла выводить на раздушенной бумаге какие угодно благоглупости, «возлюбленный брат» не верил ни единому слову «сестры и королевы». Жорес не передавал ему никаких приветов, не желал никаких успехов и был бы рад-радешенек, если б младший братец сломал себе шею или хотя бы обе ноги. Мать, может, за него и молилась – как-никак, из ее сыновей живым и здоровым остался только самый негодный, но в циалианки она по своей воле не уходила и убийцу своих детей не благословляла. Любовь Норы к царственному супругу была столь же непреложной истиной, как святость кардинала Клавдия, а

благорасположение означенного супруга к шурину вызывало непреодолимое желание навсегда остаться в Авире. Базиль не сомневался, что гонец с приглашением на именование теперь уже покойного племянника не прибыл отнюдь не по причине скоротечной лихорадки, а потому, что Пьер боялся. Нора могла разрыдаться у брата на груди, а тот потребовать объяснений и по поводу Алека с Филиппом, и по поводу матери.

Граф Мо был готов поставить живого коня против дохлой кошки, что, останься он в Арции, ему бы на голову уже что-нибудь упало. По большому счету, его спасли Лось и собственное нахальство. Друга Саррижа и Вардо убивать не только опасно, но и глупо, а Тартю выжимает пользу и из чего можно, и из чего нельзя. Гризье поморщился, вообразив физиономию арцийского короля. Говорят, после смерти наследника он превратился в собственную тень, ни на мгновение не расстается с судебными магами и циалианскими рыцарями и строит себе новый дворец. Маркиза Гаэтано обвиняют в ереси, недозволенной магии и убийстве принца Анхеля и ищут по всей Арции. С тем же успехом Пьер мог бы издать указ о поимке ветра... Рафаэля Кэрну то и дело где-то «видят». Бывает, что и в двух, а то и в трех местах одновременно. То он в Мунте, то в Авире, то приходят вести с севера. Дескать, маркиз Гаэтано вспомнил, что он регент Арции и готовит восстание. Бред!

Тартю свихнулся, Кэрна никогда не тронул бы ребенка, он бы сразу содрал шкуру с кошачьего «короля». И правильно бы сделал! Бедная Нора... Хотя она вряд ли успела привязаться к сыну – Тартю решил воспитать Анхеля по допотопному этикету и отобрал у матери. Может, оно и к лучшему, если Пьеру свернут голову, сестренка сможет иметь другого мужа и других детей.

Базиль запил сестрины каракули вином, сжег над свечкой и задумчиво посмотрел на второе письмо. Заговор можно было отложить и на завтра, но спать не хотелось, и арциец сорвал печать с пылающим замком.

Почерк показался незнакомым, но все объяснилось весьма просто. Письмо было не от графа, а от графини. Антуанетта умоляла сжечь послание и к полуночи прийти в парковый павильон, так как ей необходим совет и помощь «истинного арцийского рыцаря». Похоже, белокурая прелестница основательно вляпалась в какую-то беду. Альберу она никогда не признается, да его и в городе-то нет, но почему ей нужен он, а не Морис? Правду сказать, Базиль был уверен, что эта болонка сейчас облизывает Саррижа. Неужели влюбленные поссорились? Хорошо бы! Базиль смертельно устал смотреть в глаза ничего не подозревающему Альберу и выслушивать любовные причитания

Мориса, а от Антуанетты с ее опущенными глазками и губками бантиком арцийца откровенно тошнило.

Граф Мо был сыном своей матери и знал цену женскому лицемерию как никто другой, но не объяснять же двум дурням – старому и молодому, – что предмет их страсти – маленькая, похотливая дрянь, которой нужен и красивый, пылкий любовник, и богатый, влиятельный муж. Мать, та хотя бы была верна королю и семье, Антуанетте же не было дела ни до кого, кроме собственной персоны.

Базиль еще раз глянул на торопливые строки «умоляю», «сегодня ночью я буду одна», «дело идет о жизни и смерти!». Чего же она натворила? Тащиться на улицу Вепря арцийцу не хотелось. Во-первых, Аврора его изрядно измотала, во-вторых, ему наверняка предложат сделать что-то глупое. Хоть бы Альбер держал женушку в неведении относительно своих планов, но он ей доверял. Придется идти – дура слишком много знает. Слава святому Эрасти, она хотя бы не осведомлена о его роли в заговоре, зато о том, что он покровительствует их с Морисом связи, Туанон наслышана. Тоже немало, между прочим! Гризье вздохнул, поднял все еще благоухающий фьонскими магнолиями плащ, немного подумал и сунул в карман куртки злополучное письмо. Сжечь он его всегда успеет, но сначала как следует отчитает Антуанетту.

Надо быть сумасшедшей, чтоб писать такие письма! Он ей не брат, не муж и не любовник – это знают все. Попади записка в чужие руки, и вывод один: Базиль Гризье и Антуанетта Вардо – сообщники, причем речь может идти только о Ролане. Нет, положительно, Туанон надо вправить мозги… Базиль хлебнул вина и вышел в хмурую, слякотную ночь.

2896 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. ОРГОНДА. ЛИАРЭ

Прощаться всегда тяжело, особенно не зная, когда вернешься и вернешься ли, но Сезар и Миранда правы – она должна уехать. Не ради себя, ради них и будущего ребенка. Они с мужем проявили некоторую неосторожность, но победа пьянит, даже если понимаешь, что все еще только начинается. Марта Мальвани улыбнулась глупому дракону с гобелена, кто бы мог подумать, что так раздражавшее ее творение эллских ткачей внезапно станет таким милым? Она родилась в Эльте и всю жизнь считала себя арцийкой, понадобилась война, чтобы дочь Шарля Тагэре почувствовала – Лиарэ стала ее домом, а Оргонда – родиной.

Женщина, дивясь самой себе, погладила глупо ухмыляющегося дракона.

– Мы еще увидимся, ящерица...

– Конечно, увидитесь, – подтвердил вошедший Сезар, – пусть не скоро, но увидитесь, я клянусь тебе.

– Ты обойдешься без Диего и Ягоба?

– Я не собираюсь без них обходиться, Коннак божится, что они скоро вернутся, и я ему верю. «Южный ветер» догонит лишь Скиталец, а он на нашей стороне.

– И все равно Артьенде едет зря, на море он мне ничем не поможет, а здесь...

– Здесь он может совершенствоваться в составлении букетов и стихосложении, но я не Аршо, как-нибудь обойдусь. Марта, если Диего решил тебя проводить, он тебя проводит. Я рад, что он будет с тобой, по крайней мере, ты не заскучаешь.

– О да! В обществе мирийцев и маринеров это трудно, но...

– Никаких «но», – Сезар поцеловал жену, – мы все решили. Тебе самое место в Мирии. Скажи спасибо, что я не отправляю тебя на Берег Бивней.

– Спасибо, – улыбнулась Марта, – никогда не думала, что так привязалась к этому дурацкому дворцу, я его всегда терпеть не могла.

– Всегда? – поднял бровь Мальвани.

– Ну, пока здесь обитал Марк, точно. Наверное, надо идти. От того, что мы будем смотреть друг на друга жалкими глазами и пытаться шутить, ничего не изменится. Постарайся победить и уцелеть.

– А ты постарайся родить сына. На случай, если Анрио придется отдать Арции.

– Уговорил, герцогу Оргонды подойдет имя...

«Александр» они произнесли одновременно.

– В порту Кер-Эрасти будет стоять один из эландских кораблей. На всякий случай. Что бы ни случилось, постарайся спасти Энрике, даже если его придется связать. Я хочу, чтобы он дожил до встречи с сыном – с их ссорой пора кончать.

– Я заставлю герцога написать Рафаэлю, Ягоб не откажется отвезти письмо в Эльту.

– Да он только об этом и мечтает.

– Еще бы, оттуда до Братних островов рукой подать. Давай все-таки пойдем, а то я разрыдаюсь, как мещанка, провожающая мужа на ярмарку за шерстью.

– Ты никогда не станешь мещанкой, Марта. А я никогда не поеду покупать шерсть, хотя иногда это кажется прекрасным, но ты права – перед смертью не надышишься.

Дочь Шарля Тагэре сама накинула плотный плащ с капюшоном. Как же не хотелось уезжать, но это лучше, чем превращаться в камень на шее любимых людей. Сезар должен быть свободен хотя бы от тревоги за нее. Герцогиня еще раз взглянула на дракона, повернулась к мужу, поняла, что сейчас расплачется, и почти выбежала в приемную, где уже ждали Диего и младший Коннак.

Мириец, на сей раз ожививший свой наряд веточкой серебряной мимозы, улыбался, эландец был серьезен и спокоен. С такими спутниками нестрашно и в Преисподней, не то что на корабле. Только б ее не укачало, в ее-то положении… Забавно, какие глупости приходят в голову. Спасительные глупости, они отвлекают от главного. От разлуки с Сезаром и Лиарэ.

Подошла Миранда, как всегда в серо-голубом. Марта растерянно улыбнулась свекрови, не зная, что говорить, хотя зачем говорить, когда и так все ясно. Вдовствующая герцогиня была верна себе:

– Напиши мне про байлу, я мечтаю ее посмотреть с тех самых пор, как Рито Кэрна загонял Аганна.

– Конечно, напишу, – благодарно рассмеялась Марта.

Подступивший к горлу комок исчез. Все будет хорошо, а как же иначе?!

Они спустились к морю, где ждала шлюпка. Сезар и Миранда дальше не пойдут. На борт уходящего корабля поднимаются лишь те, кто выбрал дорогу.

Герцогиня протянула руку адмиралу Рикареду.

– Спасибо вам за все.

– Не стоит, сударыня. Мы лишь начали… Будьте спокойны, мы отобьемся.

– Я спокойна.

Она довольно ловко перебралась через борт, и Сезар с Рикаредом оттолкнули суденышко. Марта знала, что не стоит глядеть назад, и села на корме спиной к берегу. Весла мерно погружались в воду, маринеры гребли слаженно и бесшумно. Море было их жизнью и их смертью. Герцогиня оргондская со спокойной, приветливой улыбкой поднялась на корабль. Все было готово, и «Южный ветер» немедленно снялся с якоря. Сердце тянуло назад, но женщина удержалась от прощальных взглядов, оглядываться – дурная примета.

Корабль медленно, словно во сне, двинулся к выходу из бухты. Не нужно плакать о разлуке с Сезаром, нужно радоваться встрече с сыном, она не видела Анрио почти год… Узнает ли он мать? В его возрасте забывают быстро. Миранда права, сейчас ее место рядом с сыном. Нужно думать о хорошем… Скоро она

увидит Мирию с ее скалами, гранатовыми рощами, сбегающими к морю тропинками. Страну, где рождаются с огнем в крови, страну, откуда пришел Эрасти Церна, отчаянно желавший сделать этот мир лучше, преданный и погибший. Сколько правды в том, что рассказывают про Эрасти? Сколько правды будет в том, что расскажут про них?

2896 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. ИФРАНА. КЕР-АНТУАН

В парковом павильоне творилось что-то странное. Двери были заперты, но окно на втором этаже распахнуто и к нему прислонена лестница, у которой маялись четверо молодцов в плащах и масках. Из самого дома доносились грохот и крики. Двое из сторожившим лестницу то ли не выдержав, то ли подчиняясь приказу, полезли наверх. Ближайший дом был в трех десятинках ходьбы, а хоть бы и совсем рядом! Когда во владениях одного из знатнейших вельмож творится подобное, лучше сидеть тихо.

Благоразумие требовало повернуться и уйти, сделав вид, что он всю ночь провел в посольстве и ничего не знает. В павильоне кто-то закричал, крик оборвался коротким, отвратительным звуком. Что-то разбилось, наступила тишина, а потом вновь раздался грохот опрокинутой мебели. Двое у лестницы смотрели вверх, прикидывая, стоит ли вмешиваться. Базиль с трудом сдержал смешок – видел бы его сейчас Рафаэль Кэрна – и вытащил кинжал.

Мириец прикончил бы обоих сторожей, не сходя с места, но Гризье не был уверен, что попадет в цель на таком расстоянии. Чтобы подобраться к занятым потасовкой в доме чужакам, явно наемным убийцам, пришлось отступить в кусты, прокрасться вдоль стены, перебежать освещенное луной пространство. Церемониться Базиль не стал. Два удара в шею, и двумя душами в преисподней стало больше. Немного подумав, Гризье с отвращением сорвал маску с одного из новоявленных покойников и надел на себя. Снять ее он всегда успеет, а лицо кому попало показывать незачем. Подниматься пришлось с кинжалом в зубах, словно какому-нибудь атэвскому корсару, но предосторожности оказались излишними. Разгромленная комната была пуста, если не считать парочки лежащих ничком мужчин в уже знакомых плащах, не подающих признаков жизни. Бой шел в глубине дома, и Базиль пошел на звук.

Он успел как раз вовремя, чтобы прямым выпадом заколоть

еще одного убийцу, собиравшегося ударить в спину графа Вардо. Базиль Гризье был сносным бойцом, но ему вряд ли б удалось справиться с теми, кто зарабатывал на хлеб и вино убийствами, однако появление арцийца оказалось для них полной неожиданностью, а основную работу Вардо уже сделал. Двое раненых, но державшихся на ногах разбойников были заняты поединком с Альбером и не поняли, что ворвавшийся в комнату парень прикончил их товарища. Тот, что повыше, заорал Базилю, чтоб он нападал со спины. Альбер это услышал и попытался отступить к стене. Базиль увидел залитое кровью лицо, но разбираться, сильно ли ранен граф, не стал: нужно было воспользоваться полученным советом. Арциец прикинул, кто из двоих опасней, и выбрал того, кто его окликнул. Ничего не подозревающий разбойник посторонился, освобождая место для «товарища», чем товарищ не преминул воспользоваться, от души рубанув высокого. Одновременно Альбер Вардо покончил с последним из нападавших и, шатаясь, повернулся к Базилю.

– Ты… Кто… ты? – Гризье едва успел его подхватить.

– Спокойно, Альбер. Полежите пока, я проверю дом.

– Базиль… Откуда?

– Меня вызвали… Да лежите вы, кому говорят! Вам изрядно досталось.

– Вы даже не представляете, насколько изрядно… Я – покойник, Базиль. И хорошо…

– Ваш предок за такие слова на вас обидится. Куда вас?

– В голову, в спину, в руку… Но это – ерунда. Главное, живот… Сорвите с кровати простыню, дайте мне и ступайте в спальню. Там должны быть эта шлюха… и ее любовник…

– Вот простыня, я сейчас вернусь… Лежите смирно.

– Куда я денусь… А завтра я стану совсем смирным.

– Не говорите глупостей, граф.

Гризье оглядел комнату, в которой, кроме них, было шесть тел. Одно некстати шевельнулось, и арциец, не желая рисковать, ударил мечом. Еще один из нападавших был оглушен, его пришлось сунуть в здоровенный гардероб и запереть на ключ. Пленные – вещь полезная. Глянув через плечо на полуживого хозяина с окровавленной простыней в руках, Базиль осторожно выбрался в прихожую. Никого, только следы крови. Зато во второй спальне обнаружилась рыдающая, но совершенно целая Антуанетта и четверо покойников, одним из которых был Морис. Базиль наклонился над другом. Руки Саррижа были теплыми, но сердце не билось.

Арциец с плохо скрываемой ненавистью посмотрел на плачущую женщину, из-за которой все и произошло. Та испуганно

подняла голову, в глазах промелькнуло что-то осмысленное, и Туанон умело бросилась Базилю на шею, но он ее отстранил.

– Успокойтесь, сигнора. Здесь не место для поцелуев.

– Уведите меня… отсюда.

– Позже, – Базиль глянул на Мориса и красотку – оба были совершенно одеты, а Сарриж сжимал рукоять меча. На застигнутых врасплох любовников они не походили.

В последнее время Базиль Гризье видел смерть чаще, чем ему хотелось. Равнодушие и ирония, которыми он прикрывался всю жизнь, не помогали. Можно, как Рафаэль Кэрна, смеяться над своей смертью, можно плевать на тех, кто смеется над тобой, но Базиль любил Мориса, как бы глупо это ни было. И еще глупей было то, что Альбера Вардо он тоже любил. Для этих двоих он не был ни «пуделем», ни шутом, ни сволочью.

Арциец присел на корточки, зачем-то осторожно тронув щеку убитого, Туанон заплакала громче и уверенней, вернув графа к действительности.

– Что здесь произошло? Говори, но быстро, мне надо бежать за медикусом. Зачем ты меня вызвала? Ты знала о заговоре?

– Базиль, ты о чем? Я ничего не знаю. Я тебя не звала! – женщина казалась ошарашенной. Нет, она и впрямь поражена. Антуанетта была природной лгуньей, но Базиль наблюдал за ней почти год, зная, когда она врет, а когда – нет. Сейчас графиня говорила правду.

– Ты мне этого не писала? – уточнил Базиль, вытаскивая письмо.

– Это… Это моя печать… Но это не я! Клянусь… Это другой почерк.

– Верю. Жди. Сейчас я пришлю медикусов и слуг… Или нет! Ты пойдешь со мной, я тебя оставлю в большом доме, и вот еще что, моя дорогая…

2896 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. АРЦИЯ. МУНТ

О будущем Онорина не задумывалась, даже когда жила у Жизели и знала, что когда она постареет, ее вышвырнут на улицу. Теперь загадывать было еще глупее. Из тюрьмы ей не выбраться, это ясно и блохе.

Сначала женщина решила, что ее убьют на месте, но этот слизняк растерялся да в придачу у него носом пошла кровь. Что было дальше, Онорина не видела – ее проволокли по дворцовым коридорам, швырнули сначала в повозку, потом в лодку и,

наконец, водворили в одну из камер в подвале Речного Замка. Первые оры она просидела в углу, вздрагивая от каждого звука и ожидая увидеть палача с веревкой, но о ней попросту забыли. Раз в день тюремщик приносил какую-то бурду и кувшин воды и два раза по куску хлеба. Было холодно, сыро и грязно, разорванный королем корсаж так и не удалось как следует стянуть, но на замшелого старикашку женские прелести не действовали, а потом она так заросла грязью, что стала противна самой себе.

Узница целыми днями сидела в углу на охапке гнилой соломы, дрожа от ставшего привычным холода. Расчесывать жесткие волосы приходилось пятерней, о свежей одежде или хотя бы свечке приходилось только мечтать. В этом каменном мешке мышей и то не было, но хуже всего были безделье и бессонница. Поговорить – и то было не с кем, разве что с Триединым, но, воспитанная в крестьянской строгости, она с детства уразумела, что непотребным девкам святых лучше не тревожить. Да и о чем она могла просить ту же Циалу? О гребешке или теплой шали? На большее воображения Онорины не хватало. Кварта шла за квартой, и конца края этому не было, а потом в неурочный час щелкнул замок и на пороге возникла стройная фигура с факелом.

– Сигнор Рафаэль! – узнице показалось, что она бредит. С красавцем-мирийцем бывшую куртизанку связывало приключение в доме Жизели, а повадки байланте не позволяли видеть в маркизе вельможу, но вообразить, что он полезет за ней в Речной Замок?!

– Рафаэль? – рассмеялся мириец. – Бери выше, женщина. Перед тобой – святой Эрасти. Сейчас я буду совершать чудеса. Брррррр! Эти свиньи тебя еще и заковали…

– Они не знали, куда меня девать, – пробормотала Онорина, стараясь держаться подальше от своего спасителя. Виолетта и Жизель вбили в голову подобранной на ярмарке крестьянской девчонке, что самый страшный грех в мире, не считая обмана хозяйки, это неряшливость, а теплую воду узница в последний раз видела еще во дворце.

– Не вертись, – строго сказал Кэрна и что-то сделал с замками. Цепи тяжело шлепнулись на подгнившую солому, – пошли.

– Куда?

– Для начала подальше отсюда, а потом что-нибудь придумаем.

– Как сигнор меня нашел?

– Мне было откровение, – хмыкнул Кэрна, хватая женщину за руку, – ну и грязнуля же ты!

– Я помоюсь.

– Надеюсь, – маркиз Гаэтано приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Онорина переносила свое заключение стойко, но когда замаячило спасение, ей стало страшно и за себя, и за мирийского красавца, сунувшего ради шлюхи голову в петлю. Женщина попробовала высказать обуревающие ее чувства и заработала шлепок пониже спины.

– А ты похудела, ну да корма – дело наживное… Погоди чуток. И прекрати нести чушь, и без тебя тошно. Ты – мой друг и друг Тагэре. Кем бы я был, если б тебя бросил? – Байланте выскользнул из камеры, предоставив узнице или трястись от неизвестности, или обдумывать его слова.

Друг… Она называла это иначе. Когда Жаклин заболела, Онорина жалела и ее, и герцога, она вообще родилась жалостливой, что сначала привело в веселый дом, а потом оттуда вытащило. Однажды маркиз Гаэтано попросил ее помочь сразу и герцогу, и герцогине, и женщина с готовностью согласилась. Об этом никто не знал, кроме них двоих и маркиза Гаэтано.

Кэрна притащил ее к Александру, не терпящим возражения голосом объяснил, для чего, и вышел. Онорина впервые в жизни была готова сквозь землю провалиться, герцог Эстре совсем растерялся, но обошлось. Александр ее не обижал, наоборот. Рина сама не поняла, как рассказала герцогу всю свою немудреную жизнь. Только сейчас женщина сообразила, как ей жаль короля, и, как всегда, не смогла сдержаться.

– Прекрати рыдать, – одернул ее вернувшийся Кэрна. – Все позади.

– Я не… Король…

– Король? – переспросил мириец. – Этот мозгляк уже получил и еще получит. Сын у него умер.

– Я, – хлюпнула носом Онорина. – о настоящем… короле… Об Александре… Это несправедливо…

– Прекрати его оплакивать, рано еще! Пошли.

Душа Онорины прочно угнездилась в пятках, но им повезло – на дороге не было ни одного стражника, казалось, Речной Замок вымер. Двери открывались легко, даже не скрипнув, да и света хватало. У выхода из коридора Рафаэль вытащил из ниши плащ с капюшоном и набросил спутнице на плечи. Они прошли через освещенный двор, по галерее наверху прохаживались стражники, у конуры лежал свирепого вида пес, но все словно ослепли и оглохли. Последним чудом было то, что калитка оказалась заперта лишь на засов. Рафаэль толкнул тяжелый металлический брус, дверка скрипнула и открылась. Оказавшись снаружи, Кэрна засмеялся и несколькими штрихами довольно ловко изобразил на внешней стороне калитки пылающее сердце.

– Вот так, подруга. Не стоит, чтоб за дела Кэрны спрашивали с других. Прыгай в лодку. Я тебя отвезу в одно местечко…

«Одним местечком» оказалась гостиница на берегу Льюферы. Маркиз ушел, оставив кошелек и не побрезговав расцеловать спасенную в обе щеки. Онорина осталась на попечении хозяйки, предоставившей ей сколько угодно горячей воды, мыльного камня и сушеных трав.

Справившись с помощью череды, тысячелистника и камнелазки с отвратительным тюремным запахом, одевшись во все чистое и отдав должное мясному пирогу и красному авирскому, спасенная задумалась, как быть дальше. Из Мунта нужно убираться, но куда и к кому? Женщина тоскливо посмотрела в угол, где сиротливо висела икона святого Эрасти. Лампадка бросала отблеск на грустное лицо великомученика, ужасно похожего на мирийского маркиза. Женщине захотелось рассмотреть его поближе, она встала, но вино оказалось для недавней узницы слишком крепким. Онорина пошатнулась и мешком шлепнулась на свое место.

– Не надо вставать, – голос был мягким и как будто знакомым, – в поклонах нуждаются лишь ничтожества.

– Сигнор Рафаэль?

Онорина робко улыбнулась своему спасителю, но тот в ответ лишь покачал головой. Женщина присмотрелась. Ее гость очень походил на маркиза Гаэтано, но это был другой человек. В золотистых, а не черных глазах не светилась дурашливость, готовая смениться гневом или желанием, они смотрели пристально и спокойно. Незнакомец был старше Рафаэля и несколько тоньше в кости.

– Онорина, – похожий на маркиза человек улыбнулся, и улыбка была грустной, как на иконе. На иконе? В углу ничего не висело… – Я – Эрасти Церна, и я избрал тебя из всех.

– Меня?

– Тебя. Твоя душа не знает злобы и лжи, ты сможешь открыть глаза простым людям. Ты пойдешь по Арции, дева Онорина, и расскажешь людям, что король жив. Истинный король. Александр Тагэре. Он вернется и призовет к ответу предателей и лжецов. Те, кто хочет спасти Арцию, спасти Тарру, спасти свою душу, должны встать под твою сигну, дева. Сигну с белым волком и луной.

– Дева? – выдохнула Онорина. Она не сомневалась ни в том, что пьяна, ни в том, что и впрямь говорит с Эрасти. Только святой ошибся, пришел не к той, кто ему нужен. – Я непотребная девка… Да и то раньше была, а теперь и на это не гожусь.

– Дева Онорина, – строго сказал Церна, но в янтарных глазах мелькнула усмешка, – не спорь с тем, кто знает лучше. Ты – дева,

и ты – моя избранница. Зеркало подтвердит. Женщины верят посеребренным стеклам больше, чем святым, и они правы. Иди по дорогам Арции и поднимай народ. К Светлому Рассвету правду должны знать все. Александр жив. Он вернется. Пьер – детоубийца, лжец и узурпатор. Циалианки – его пособницы. Они – Зло!

– Как есть зло! – согласилась с детства ненавидевшая капустниц Онорина.

Эрасти поднял руку. Мелькнуло кольцо с длинным черным камнем. Женщина вздрогнула, когда горячие пальцы коснулись ее лба, по всему телу пробежала горячая волна. Золотистые глаза оказались близко-близко, Онорине показалось, что в них отразилось поле зрелой ржи, два клена на холме, быстрые облака. То, что она не вспоминала много-много лет. Она так и не поняла, вышел ли святой через дверь, исчез или вернулся на свою икону и сколько времени она просидела за столом. Нет, это был сон, только бы ей проснуться в милой харчевне, а не в сырой камере. Если ей приснился Эрасти, мог присниться и Рафаэль. Они так похожи.

Женщина зажмурила глаза и вновь открыла. Ничего не изменилось. Уютная комнатка, оплывающая свеча, в углу – икона, на столе кувшин. Может, ущипнуть себя за руку или кольнуть булавкой? Рина проделала и то и другое, если это и вправду сон, то разбудить сама себя она не может. А зеркало тут есть, она видела. Онорина встала, взяла свечу и подошла к туалетному столику. Из туманного стекла смотрела давно забытая деревенская девчонка лет семнадцати с короткими толстыми косицами, высокой грудью и нежными нецелованными губами.

2896 год от В.И. Ночь с 19-го на 20-й день месяца Сирены. ИФРАНА. КЕР-АНТУАН

Базиль оставил Антуанетту на попечении перепуганных служанок, отправил конюха за медикусами и стражей, спросил перо и бумагу, написал и разослал несколько записок и вернулся к Альберу. Графа перенесли на обитый кожей диван, раздеть он себя не дал – боялся потерять сознание. Базилю стало не по себе, когда он столкнулся глазами с раненым, но арциец взгляда не отвел.

– Что с этой шлюхой?

– Вы несправедливы к графине. Я отвел ее в дом и оставил на попечение служанок. Ей нужно лечь. В ее положении…

– Я знаю про ее положение, но не знаю, кто в нем виноват.

Базиль прекрасно знал, кто виноват, и полностью разделял мнение прозревшего Альбера насчет шлюхи, но Вардо умирал, и Гризье укоризненно покачал головой:

– Сигнор Альбер, если б не ваши раны и не уважение, которое я к вам питаю, я бы вынужден был вас вызвать на дуэль за клевету на кузину моего погибшего друга.

– То есть?!

– Вы еще не поняли? Странно... Хотя чего удивляться, мы все глупеем, когда речь заходит о нашей семье. Мать не собиралась убивать Филиппа с Алеком, она просто хотела стать королевской тещей...

– Базиль! Если вы что-то знаете...

– Вы можете читать?

– Пока да. От таких ран, как у меня, умирают два или три дня.

– Тогда я подержу письмо у вас перед глазами. Читайте.

Вардо читал, а Базиль лихорадочно подбирал слова. У Луи Трюэля вышло бы лучше, но не всем же быть «волчатами». Ладно, он тявкнет, что сможет.

– Что это? Это не рука Антуанетты!

– Это письмо, которое мне принесли. Почерка графини я не знал, но я бы не усомнился в подлинности и явился на встречу... Что я и сделал, только позже. Я был уверен, что сигнора догадывается о заговоре и, зная, что вы и Морис правды ей не скажете, хочет расспросить меня. Мне повезло, я задержался у любовницы и опоздал к назначенному часу. А вот Антуанетта пришла вовремя...

– Ты хочешь сказать?! – Вардо рванулся к Базилю и, побледнев от боли, осел на подушки. Арциец опустился на колени рядом и взял графа за руку.

– Клянусь вам, – широко распахнутые фиалковые глаза прямо-таки излучали искренность, – Антуанетта пришла на свидание со мной. Ее тоже выманили подложным письмом. Вот оно.

– Это ваш почерк!

– Сначала мне самому так показалось, но я шут, а не пошляк. Я никогда не употребляю выражений вроде «вопрос жизни и смерти», да и...

– Вы подписываетесь или полным титулом, или инициалами.

– Что поделать, арцийские нобили слишком долго мне объясняли, что имени Гризье следует стыдиться... К сожалению, ни Морис, ни Антуанетта этого не знали.

– Морис?!

– Тот, кого вы приняли за любовника, был вашим

племянником. Когда стало ясно, что я не приду, они послали слугу с письмом к Саррижу. Это я нашел у Мориса. Немного в крови, но тут уж ничего не поделаешь: «Морис, я должен вам сообщить срочное, важное и неприятное известие. Без преувеличения скажу, что речь идет о жизни и смерти. Действовать нужно немедленно, а граф Вардо в отъезде. Я был вынужден привлечь к делу вашу кузину. Мы с Антуанеттой ждем вас ночью в парковом павильоне. Постаройтесь, чтобы вас никто не увидел. Искренне ваш. Базиль Гризье».

– Я тоже получил письмо, – прохрипел граф. – Меня предупредили, что моя жена сегодня ночью встретится с любовником. Я вернулся в Авиру... Я знал человека... Он казался мне подходящим для тайного дела, когда-то я спас ему жизнь. Я нанял его.

– Кто он?

– Его уже убили, Базиль... Мы караулили под окнами. Я видел, как вошла Антуанетта, потом – мужчина в темном плаще. Я видел их тени на фоне занавесок, они обнимались.

– Это был братский поцелуй, – отважно солгал Базиль. – Антуанетта очень боялась за брата и за вас. Ей нужна была поддержка.

– Я был слеп, – пробормотал граф, – и я за это поплатился... Я приказал своему наемнику убить обоих, а сам остался ждать. Меня не хватило на то, чтобы... Чтобы убить ее своей рукой. Он исчез... Наверху раздался шум. Он не стихал... Я справился с собой и пошел... Пошел... Поднялся по лестнице, и тут на меня напали. Я не понял, что случилось... Решил, что это слуги любовника, хотя откуда им было бы здесь взяться?

Появился медикус, и Базиль вышел. Что дело безнадежно, знал и он, и Альбер, но врач должен посмотреть. Может, ему удастся хотя бы снять боль. Рана в живот, что может быть хуже?

– Базиль, – арциец обернулся – Антуанетта с распухшими глазами стояла в дверях. – Базиль, что мне делать? Он меня убьет...

– Альбер никого больше не убьет, – Гризье подошел вплотную к женщине и заговорил быстрым шепотом:

– Слушай и запоминай. Ты ничего не понимаешь. Получила письмо, думала, от меня. Я вызывал тебя в павильон, и ты пришла, хотя ничего не понимала. Ни-че-го! Тебе было очень страшно, ты знала, что в павильоне никого нет и быть не может, но тебе показалось, что в темноте кто-то прячется. Потом появился Морис, ты от страха бросилась к нему, и тут на вас напали. Поняла?

– Но... Но никакого письма не было.

– Было. Вот оно, – Базиль протянул исписанный лист, – оно БЫЛО у тебя в спальне, только ты никогда не читаешь писем. Особенно когда ждешь любовника.

– Но…

– Никаких «но». Все было так, как я сказал. Если тебя будут резать на куски, стой на своем.

– Ты… Он поверит?

– Альбер? Уже поверил. Он умирает. А тебя опять считает святой, Проклятый тебя побери!

– Базиль! Почему… Почему ты со мной так говоришь?!

– Потому что ты – маленькая дрянь, Туанон. Ты не стоишь ни Мориса, ни Альбера, но в сегодняшнем твоей вины нет. Будь ты чиста, как охапка лилий, это все равно бы случилось.

– Почему?

– Потом объясню. А пока читай письмо и думай, как смотреть в глаза Альберу, чтоб он умер счастливым. Теперь ты не только сестра Ролана, но и наследница Вардо, так что соберись! Сейчас придется врать. Сначала мужу, а потом этим…

– Этим? – Антуанетта честно пыталась понять, но главным для нее было, что в адюльтере ее не обвинят.

– Тебе нужны имена? Посмотри в окно. Явились собственной персоной… Стервятники – не божьи Вестники, не опоздают.

2896 год от В.И. 22-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ВАРХА

Коралл, сын Коралла, остановился среди заснеженного леса, не желая делать дальше ни шага. Клэр не настаивал, он повидал достаточно, чтоб отличить каприз от ужаса. От эльфа, человека, орка можно ожидать, что они переступят через «не могу», но животное есть животное. Рыцарь Осени достал покрытую воском дощечку и стило, черкнул пару строк и спрятал написанное в потайной карман седла. Застегнув клапан, спешился, подобрал поводья, зацепив за луку седла, чтоб конь не запутался в кустах. Привязывать жеребца Клэри не стал, мало ли что, не стоит обрекать друга на смерть от голода или волчьих клыков. Если с хозяином что-то случится, Коралл вернется к Вархе, и Эмзар узнает, что эльфам нужен новый разведчик.

Утренний Ветер потрепал спутника по золотистой шее, и конь, словно извиняясь за трусость, потянулся к эльфу мордой. Клэри с деланным смешком оттолкнул иноходца, и тот печально потрусил в лес. Остаться без лошади Клэри не боялся – они связаны магическими узами и всегда отыщут друг друга, было б кого искать; но чего все же испугался Коралл? В Войну Оленя

кони отказывались подчиняться всадникам, когда сталкивались с адептами Ройгу, но эльфийские иноходцы преодолевали и этот страх.

Для очистки совести Клэри вытащил Кристалл. Разумеется, никакой смертный в истощенном зимой лесу колдовством не занимался. Рыцарь Осени спрятал ненужный инструмент в один из висевших у пояса кошелей и замер, освободив разум от всего лишнего и слушая лес. Деревья спали, и сны их были тревожными и неприятными, они не грезили о весне, а тряслись от осенней боли. Вековые ели чуяли то же, что и Коралл, но не могли ни убежать, ни хотя бы проснуться. Неизвестная опасность была довольно далеко, но неумолимо приближалась. Эльф проверил лук и пошел навстречу

Снега навалило по пояс, придавленные его тяжестью кусты и молодые деревца сгибались чуть ли не пополам, делая и без того глухое Чернолесье непроходимым, но Клэри это не мешало. Легко ступая по нетронутой белой поверхности и безошибочно находя проход в самой густой чаще, разведчик пробирался вперед, пытаясь не думать, что его ждет в конце пути. Все существо эльфа восставало против этой затеи, каждый шаг давался с трудом и казался последним, но рыцарь Осени не останавливался. Деревьев он больше не слушал – цель была так близко, что ее б почуяли даже орки и люди. Клэри остановился. Сквозь серебристые от инея заросли виднелся старый Корбутский тракт, которым «Зубры» добирались к Вархе.

Дорога казалась пустынной, но это ничего не значило. То, что напугало Коралла и превратило зимние грезы леса в кошмар, вот-вот должно было появиться из-за поворота. Эльф ловко взобрался на огромный, умирающий от старости ясень и пристроился в развилке ствола, закутавшись в плащ. Отсюда открывался неплохой вид на кусок дороги, по которой с тех пор, как корбутцы сняли свою стражу, вряд ли кто-нибудь прошел.

Клэр ждал, и никогда еще ожидание не давалось ему с таким трудом. Рыцарю Осени казалось, что он давно разучился бояться, но в этот раз страх чуть не взял верх над волей, и все же Клэр победил. Слившись с древним деревом, эльф-разведчик смотрел на то, чего просто не могло быть.

Огромный Белый Олень понуро плелся вперед, раскачивая лишенной рогов слепой головой, достигавшей вершин самых высоких елей. Тварь едва передвигала распухшие ноги, шаркая, как древняя старуха, а на ее тощей спине, вцепившись в облезлую шею, сидел некто в сером плаще, за которого держалось еще трое. В сурианских болотах Клэр видел водяных быков, на спинах которых частенько отдыхали юркие небольшие птицы.

Оседлавшие чудовище люди или орки в сравнении с гигантом выглядели так же.

Клэр стремительно выхватил лук. Будь, что будет, но наездников он снимет, отчего-то эльф был уверен, что уничтожить всадников даже важнее, чем справиться с тварью. Стрелы сорвались с тетивы одна за другой, но отскочили от невидимой преграды и упали в снег, не долетев до цели несколько ланов.

Олень продолжал свой путь, никто даже не оглянулся. Белое чудовище и его всадники словно бы спали на ходу. Клэр выпустил еще несколько стрел. Бесполезно. Оставалось смотреть, как монстр неверной походкой пьяного или смертельно больного медленно и неотвратимо бредет к Вархе. Эльф получил сомнительное удовольствие во всех подробностях рассмотреть казавшееся ожившим трупом чудовище. Тварь была стара, как мир, она устала от самой себя, в ней не ощущалось ничего, кроме желания уйти в небытие, но что-то или кто-то поднял ее и погнал к зачарованной крепости. Рыцарь Осени проводил Оленя взглядом и соскользнул вниз. Теперь все зависит от ног Коралла.

Нэо Рамиэрль

Роман в который раз поймал себя на мысли, что лучшим собеседником и другом для Ларэна стал бы Рене Аррой. Скиталец тоже познал, что такое ад и безнадежность. Лунный, как и Рене, ни на что не жаловался и почти ничего не рассказывал, но рядом с ним Роман со всеми своими потерями и метаниями чувствовал себя ребенком, разбившим коленку на залитой солнцем площади. Аддари и Норгэрель испытывали то же самое. С Ларэном было тяжело, хотя он не доставлял почти никаких хлопот – просто лежал, глядя то в небо, то в огонь. Если с ним заговаривали – отвечал, но сам никогда ни о чем не спрашивал. Ссадины и раны на лице и руках бывшего пленника постепенно заживали, он понемногу начинал вставать, хоть и с трудом.

Как-то вышло, что чаще других Ларэну помогал Аддар. Не то, чтоб родичи стеснялись друг друга, но между ними словно возникла какая-то стена. Разбить ее могла лишь взаимная откровенность, но ее время еще не пришло. Лльяму, однако, подобные тонкости не смущали, и она прочно поставила Ларэна на второе место после Рамиэрля. Первый был кумиром, второй – слабеньким щенком, о котором следовало заботиться. Волчонка укладывалась недалеко от Лунного короля, стараясь его то ли обогреть, то ли подбодрить, общество друг друга явно доставляло

удовольствие обоим. Ради нового члена стаи огневушка даже отказывалась от прогулок в обществе хозяина, ставя долг превыше удовольствия.

Ларэн поправлялся, а Роман, Аддари и Норгэрель порознь и вместе искали выход из ловушки, в которую угодили. Схватка на башне разрушила не только лабиринт, но и Древние Пути. После двадцатой попытки Нэо окончательно уверился, что дороги назад и вправду нет. Из упрямства он попробовал еще несколько раз. Ничего. Замкнутый круг, вернее, Кольцо! Хорошо хоть выйти из самой цитадели труда не составляло по причине отсутствия таковой. Стены и башни были мороком, «ответом» покойного Грэдитары пылающему Кольцу. Дескать, это я от вас отгородился, а не вы меня поймали. Старая крепость исчезла, словно ее слизало отвратительным клейким языком.

Нельзя сказать, что то, что было при Старце, Нэо нравилось, но замощенная молочными шестиугольниками огромная пустая площадь с обгоревшей башней посредине, призрачные стены и тянувшиеся за ними белые пески, ближе к Кольцу поросшие неким подобием вереска, вгоняли в тоску. Варха не знала ни зимы, ни лета, ни дня, ни ночи, серое небо грозило снегом, но на мерцающие плиты не упала ни одна снежинка. Узникам зачарованного места не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, казалось, они пришли лишь мгновение назад, и все же время здесь не стояло на месте, по крайней мере, судя по тому, как заживали раны Ларэна и как сюда возвращалась магия.

Роман пропустил мгновение, когда вновь ощутил и Свет, и Тьму, а Аддари с Норгэрелем не заметили, когда к ним вернулся Свет. «Слепым пятном» оставалась лишь разбитая башня, от которой все старались держаться подальше. Не из страха – от отвращения. А за синей пылающей стеной была жизнь с ее радостями и бедами, победами и поражениями, жестокая, несправедливая, недоступная и желанная. Если б только Эмзару пришло в голову проверить, что творится в Вархе, но он вряд ли рискнет. Они с Норгэрелем пытались подать Лебединому королю знак, но он или не слышал, или не верил. Сам бы Нэо тоже не поверил…

Эльф нагнулся и сорвал тонкую веточку, усыпанную белыми цветами не больше булавочной головки. Похоже на вереск, но не вереск, хотя пахнет, как и положено, горечью. Часть земли Вархи, примыкающая к Лебединому Огню, не сдалась, не покрылась мозаичной опаловой коростой, а назло Грэдитаре продолжала цвести. Надо думать, со временем белой герикэй[50] зарастет все, что осталось от владения Старца, но Рамиэрль предпочел бы, чтоб сие случилось не на его глазах. Эльф размял в руках тоненький

стебелек, вдыхая горьковатый аромат.

Подошла лльяма и вежливо заурчала. В мертвой Вархе не было нужды закутывать огненную тварь в магический кокон, а черные, выжженные следы на ненавистных молочно-белых плитах четверым эльфам почти нравились. Огневушка скромно улеглась неподалеку, и Нэо показалось, что он стоит у горящего камина.

– Что скажешь, Волчонка, – осведомился бард, хотя лльяма никогда ничего не говорила и говорить не собиралась, – вляпались мы?

– Унурррм, – искры взлетели и стали медленно гаснуть, лльяма повернула к хозяину башку и то ли зевнула, то ли улыбнулась, показав что-то багровое. Сразу стало жарче.

– Придется тебя все же засунуть в мешок, – сообщил эльф, – иначе ты нас всех поджаришь. И вообще, пора нам отсюда выбираться.

Лльяма еще раз зевнула и завертелась вокруг своей оси, устраиваясь поудобнее. Ее действия истолковывались предельно просто: раз уж нельзя залезть в какой-нибудь вулкан, то все равно, куда и где, лишь бы с хозяином. Нэо искренне позавидовал огневушке – ему каждое проведенное в Вархе мгновение казалось украденным. Их чудовищный путь подошел к концу, остался последний шаг, но тропа оборвалась.

Ждать, когда Эмзар или Рене захотят заглянуть за барьер, было глупо, и еще глупей было надеяться на Орла и Дракона. Проламываться силой? Вряд ли ее хватит, и как доказать Эмзару, что они – друзья? Лебеди не ждут из Вархи ничего хорошего, они сначала ударят, а потом посмотрят – кого. Было бы обидно найти конец от рук своих же. Как же им сообщить? Как?!

Самым нелепым было то, что именно они с Норгэрелем помогали Эмзару замкнуть Кольцо. Кузнец попался в откованный им же капкан, это было бы смешно, это и будет смешно, когда они придумают, как укусить столь близкий локоть. Нэо закинул голову, глядя вверх, туда, где Лебединый Огонь врастал в низкое, серое небо. Так близко от дома и так далеко...

2896 год от В.И. 23-й день месяца Сирены. ИФРАНА. АВИРА

Агония продолжалась третий день. Базиль сидел на подоконнике, кто-то ему рассказывал, что Александр Тагэре в бытность герцогом Эстре то и дело пристраивался на открытом окне... Странное дело, до Гразы граф Мо о горбуне почти не думал, хоть однажды и угодил к нему в лапы вместе с Жоресом и дядюшкой Реви. Все трое были пьяны и пытались принудить

сестру маркиза Гаэтано выйти за Аганна. Глупо получилось, на следующий день их, как нашкодивших щенят, вышвырнули из Мунта. Аганн злился, а он сам? Пожалуй, он в глубине души был рад, что Дариоло не досталась брату. Базиль сам не понимал, почему, ведь Жорес был его кумиром. И горбуна он, к слову сказать, не возненавидел, а может, это ему сейчас так кажется. Через десять лет. После того, как братец с матерью заигрались и погубили мальчишек и Арцию...

Базиль отвернулся от осенней ночи. Не хватало еще, чтобы «пудель» взвыл над горестями любезного отечества. С него хватит Ифраны с ее интригами. Обмануть Александра Тагэре было просто – король верил людям. Верил вопреки всей своей бесчестной жизни. Верил или верит? Сколько времени прошло, а ни слуху, ни духу. Лучше бы Тагэре был жив! Лучше бы все были живы – и Филипп с Алеком, и Морис с Альбером, но уцелела только эта болонка, из-за которой все и произошло. Из-за нее и проклятой ревности Альбера, на которой в очередной раз сыграли.

Прошедший огонь и воду интриган оказался не умнее арцийского горбуна. Тот верил в лучшее, этот – в худшее, а исход – один. Паучиха своего добилась. Один враг свергнут и, вероятнее всего, мертв, другой умирает, остается беременная дура, которая благополучна скончается в родах вместе с ребенком, и поделом... Род Вардо на этом кончится. И род Саррижей тоже, как ни верти, дальние родичи – это дальние родичи. Те же Мальвани никогда не станут Тагэре. Проклятый, да ему-то какое дело до этих гордецов? Они его и за человека-то не считают, хотя в сравнении с теми, кто дрался под Гразой, он и впрямь не человек. А если – человек, то «волчата» и их король больше, чем люди.

Внизу зашумели. Прибыла Жоселин, значит, конец и впрямь близко, регентша не станет тратить драгоценное время, просиживая у изголовья умирающего врага. Ей не до того – поймала тигра, а он не пускает! На носу весна и война, хотя, по большому счету, Паучиха права. Использовать военные промахи как повод для переворота сам бог велел, регентша это понимает, потому и пошла вразнос.

Проклятый, как же он напьется, когда все кончится! До потери сознания. Он будет пить день, два, три... Пока не запьет то, что видел в залитом кровью разоренном павильоне. А ведь роль любовника Жоселин отвела ему, именно графа Мо должен был увидеть Вардо со своей женой, после чего убийцы прикончили бы всех. Нет, против него регентша ничего не имела, хотя он ездил к фальшивому «Ролану», что делало его опасным. Паучиха убивала двух зайцев сразу: устраняла свидетеля, а

участие в заварухе иностранного посла выводило регентшу из-под удара. Все знают, что Альбер ревнив, а Базиль Гризье молод, недурен, принят в доме Вардо – взял да и соблазнил бедную затворницу, а ифранские дела тут и вовсе ни при чем.

Сорвалось. Вместо выдуманного Паучихой любовника заявился настоящий. И принял бой. Теперь Жоселин гадает, как такое вышло и кто из ее подручных стал играть свою игру; написав еще и Морису. О том, что подложное письмо от имени Гризье написал сам Гризье, найдя в спальне Туанон фальшивку, Паучиха умрет – не додумается. Вот так-то, сигнора! Волков ты обманула, а «пуделя» не удалось!

Базиль изящно склонился, приветствуя Жоселин Пата. Паучиха с умеренно скорбным выражением на постной физиономии протянула арцийцу шершавую руку.

– Если б ни печальные обстоятельства, я была б рада вашему обществу, граф. Я слышала, вы первым пришли сюда?

– Меня вызвали письмом, как оказалось, подложным.

– Но вы видели разбойников?

– О да! Наемные убийцы в масках, как в какой-то глупой книге… Мне пришлось убить троих или четверых.

Двери распахнулись, и на пороге появился Его Высокопреосвященство кардинал Ифраны Маврикий. Если Клавдий был толст, румян и походил на свинью, то ифранец отличался худобой и благородной бледностью, но деньги оба пастыря любили одинаково самозабвенно. Что, собственно, и привело их к кардинальскому посоху – Пауки ценили продажные шкуры, а продажные шкуры хранили верность Паукам, так как те платили больше других. Граф Мо сдержал неуместную во всех отношениях ухмылку и, опустив глаза, подошел под благословение сразу же после «паучат» и будущей вдовы.

Рука кардинала приятно пахла церковными куреньями, ногти были вычищены и аккуратно подстрижены. Воистину, вкушать благодати у ифранского шкурника много приятней, чем у арцийского.

– Ваше Высокопреосвященство, – Жоселин откровенно наслаждалась спектаклем, – есть ли надежда?

– Надежды нет, – скорбным голосом возвестил клирик. – Его душа готова расстаться с телом. Граф Вардо исповедался и получил полное отпущение грехов. Теперь он желает проститься со своим повелителем и своими близкими.

Королек воровато глянул на тетушку и произнес ничего не значащую фразу о том, что долг монарха и так далее. Слуги распахнули двери. Жермон после легкой заминки подал руку обливающейся слезами Антуанетте, а Базилю ничего не осталось,

кроме как предложить свои услуги Паучихе. Бедная Нора, она-то со своим пауком не только под ручку ходит, хотя Пьер даже не паук, а мокрица… А мокриц нужно давить, а не сажать на престолы. Хотя какое ему до этого дело, скоро все кончится и он сможет вернуться домой, если снятый за арцийские деньги особняк можно называть домом… Смешно, но дома у него нет, не было и не будет. И не надо, зачем лишние хлопоты?

– Вы хотели говорить с Нами, граф. – Жоселин не стала ждать, когда ее племянник догадается, что говорить умирающему врагу в присутствии доброго десятка свидетелей.

– Да, моя сигнора, – Вардо был смертельно бледен, даже не бледен, а желт, а запах, стоящий в комнате, несмотря на жаровни с эллскими благовониями, свидетельствовал, что раны загноились. – Его Высокопреосвященство принял мою исповедь и разрешил мне испить Чашу Милосердия[51].

Вот даже как! Базилю стало тошно. Как бы ни были некогда близки Арция и Ифрана, сейчас они разошлись, и далеко. Арцийские нобили почитали Чашу трусостью, а если уходили из жизни по доброй воле, то не заручались купленным загодя отпущением. В Ифране же нет греха, от которого нельзя откупиться. Граф Мо понимал, что умирать от раны в живот тяжело, и не представлял, как потерявший зрение Жорес продолжает жить. Если б Вардо или брат попросили принести им яд, он бы сделал это без колебаний, но предсмертные ритуалы… Базиль почувствовал на себе взгляд раненого и взял себя в руки. Мирийцы танцуют со смертью, ифранцы заключают с ней сделки, а арцийцы не замечают ее до последнего. В каждом доме свои занавески.

– Мой государь, я прошу разрешения огласить мою последнюю волю.

Молодой король кивнул. Происходящее его тяготило, но что было причиной – сама смерть, то, что за ней стояло, или же духота и тяжелый запах, Базиль не понял.

– В этом ларце – список того, чем я владею, – арцийцу показалось или же граф Вардо особо пристально взглянул на кардинала. – Мое прежнее завещание утратило силу после того, как моя супруга забеременела, а Морис Сарриж, избранный мной наследником, погиб, пытаясь защитить мою супругу и свою кузину от наемных убийц. Прежде чем просить милосердия у Триединого и слуг Его, я вызвал нотариуса и продиктовал ему новое завещание. Сейчас оно будет оглашено, за исключением описи принадлежащего мне, ибо она слишком велика.

Королевский нотариус, лысый и бровастый и потому похожий одновременно на собаку и тюленя, вздрогнул и торопливо

забормотал: "Я, Альбер-Жастин-Фаустус-Савиньен, граф Вардо, сигнор Эллорийский и Баргосский, находясь на смертном одре, заявляю свою последнюю волю, и да падет мое проклятие на головы тех, кто осмелится ее нарушить.

Титул и земельные владения за исключением Эллории, Баргосса и Пьеринских виноградников да отойдут моему наследнику, как указано в Коронном праве. Если Триединый в милости своей дарует мне сына, то по достижении двадцати пяти лет он вступит во владение землями и обретет право голоса в Совете Нобилей. Если небо пошлет мне дочь, то таковые права обретет ее супруг после свадьбы. Если же случится так, что род графов Вардо пресечется, то новыми владетелями Вардо станут потомки моего двоюродного деда из рода Мэррасов Эллских".

Нотариус перевел дух и слушатели тоже. Оставалось только восхищаться умом Вардо, защитившего своего не рожденного еще ребенка от паучьих лап. Мэррасы Эллские слыли людьми жесткими и к Ифране особых чувств не испытывали. Убить наследника Альбера означало пустить в страну чужаков, накрепко связанных с Эллским престолом, а Элл наблюдал за схваткой Ифраны и Оргонды, дожидаясь, чья возьмет, чтобы потом прижать измотанного победителя. Да, эллские вельможи Паучихе не нужны, ей придется трястись над ребенком Антуанетты.

Законник вновь поднес бумагу к глазам, и Базилю показалось, что он ослышался: "Единственным близким родичем моей благородной супруги, – читал нотариус, – является ее брат герцог Ролан Авирский, состояние здоровья которого не позволяет ему заботиться о сестре. Я оставляю графиню Вардо и своего будущего наследника или наследницу на попечение Базиля Гризье графа Мо, доказавшего свою дружбу словом и делом.

Я завещаю вышеупомянутому Гризье свои Эллорийские и Баргосские владения со всеми доходами и соответствующие титулы, а также особняк в Авире и летние поместья.

Моим настоятельным желанием, которое в случае согласия сторон и церковного свидетельства обретает силу, является женитьба графа Мо на моей вдове и матери моего будущего ребенка после истечения срока Глубокого траура. С момента оглашения помолвки Пьеринские виноградники переходят в руки Церкви Нашей Единой и Единственной, дабы она молилась за здравие будущих супругов.

Таковы мои новые распоряжения. Список же посмертных даров моим друзьям и слугам не изменился. Все распоряжения на сей счет хранятся у королевского нотариуса господина Фуарсье.

Подписано в двадцать третий день месяца Сирены года 2886

от Великого Исхода в городе Авире в собственном доме и заверено личной печатью, печатью нотариуса и четырьмя непредвзятыми свидетелями".

Господин Фуарсье опустил документ и скромно отошел. Граф Вардо, стиснув зубы от боли, повернулся на своих подушках к Антуанетте.

– Сигнора, поняли ли вы, чего я от вас жду?

– Да, мой сигнор, – еле слышно пролепетала женщина.

– Согласны ли вы вручить свою руку присутствующему здесь графу Мо?

– Я повинуюсь вашей воле.

– Да или нет?

– Да, – отчетливо произнесла Антуанетта. Базилю захотелось ее убить. Похожие чувства одолевали и Жоселин, уж в этом-то арциец не сомневался. Что до него самого, то Александр Тагэре на Гразском поле чувствовал себя уютней. Горбун мог или вырваться, или умереть, а вот Базилю деваться было некуда.

– Друг мой, – маленькие глаза Вардо не утратили способности обжигать, – согласны ли вы взять на себя заботу о моей жене и моем ребенке и будете ли вы верно служить ифранской короне?

То есть возглавишь ли ты, мой дорогой, заговор, посадишь ли ты на ифранский престол неведомого Ролана, и потащишь ли на своем горбу хитрющую кошку и потомка графов Саррижских, какового придется называть графом Вардо...

– Друг мой, – повторил Альбер. А ведь он умоляет. Он отнюдь не уверен, что Базиль согласится, но ему больше некому завещать ни заботу о семье, ни заботу об Ифране, Проклятый ее побери! У бедняги в запасе один-единственный арцийский «пудель», ненавидящий собственного короля. Альбер верит, что жена ему верна, и если эта ложь – зло, то он, Базиль Гризье, – святой Эрасти!

– Граф, – Базиль старался говорить спокойно, – я принимаю оказанную мне честь и клянусь позаботиться о вашей семье и служить ифранскому престолу так же, как... служу арцийскому.

– Вы должны обручиться немедленно. – Спустись сюда божий Вестник и объяви, что умирающий упокоится в Свете, вряд ли на лице Альбера отразилось бы большее облегчение. – Если Его Высокопреосвященство не возражает...

Его Высокопреосвященство важно кивнул. Еще бы, заполучить знаменитые виноградники! Тут не только жену при еще живом муже обручишь с иностранцем, тут за Проклятого свечку поставишь. Будь у кардинала возможность остаться наедине с Паучихой, он, возможно б, и выторговал у нее взамен Пьерины

Вангарию и пару тысяч ауров, после чего объявил, что завещание Вардо противоречит Книге Книг. Но времени церковнику Альбер не оставил. Если кардинал откажет, Жоселин, конечно, что-то даст, но несопоставимое по ценности, а если согласится, то отступать будет некуда.

Маврикий веско произнес:

– "...и было такое. Почуял благородный повелитель Лукериус приближение смерти и не знал, кому вручить корону. И призвал Лукериус праведного Амброзия, и попросил назвать имя нового короля. И назвал Амброзии богобоязненного и достойного мужа Давида Достарбарского, отмеченного высшей благодатью. И тогда повелел Лукериус своей супруге Корделии выйти замуж за избранного и в его присутствии скрепил праведный Амброзии будущий союз во славу Благодатных земель и божиим словом, и золотыми кольцами". Таким образом Церковь наша Единая и Единственная не видит препятствия в оглашении помолвки присутствующих здесь Базиля и Антуанетты.

– Святой отец, примите их взаимные клятвы, как святой Амброзии принял клятвы Давида и Корделии.

– Подойдите ко мне, дети мои, – провозгласил Маврикий, и Базилю показалось, что перед мысленным взором клирика витают залитые солнцем виноградники и множество работников с корзинами, собирающих небывалый урожай. – Отвечайте мне, готовы ли вы вступить в союз?

Умереть пару раз в своей жизни граф Мо готов был, но жениться, тем более на Антуанетте?!

– Да, – ответил арциец, понимая, что соглашается и на камень на шее, и на меч, подвешенный над головой. Он был в зале Совета, когда на голову Александра Тагэре нежданно-негаданно свалилась корона. Жаль, тут нет зеркала, было б забавно сравнить выражение лица горбуна с собственным. Что ж, Проклятый побери! «Пудель» Гризье исполнит все, чего от него хотят, и даже больше. Женится на шлюхе, взвалит на себя чужого ребенка, вытащит злосчастного Ролана из монастыря и усадит на престол. Назло Паучихе и Пьеру Тартю! А потом найдет способ освободить Нору от мужа, а заодно и Арцию от ублюдка...

2896 год от В.И. 25-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ВАРХА

После неистовых попыток освободиться Зло Вархи затаилось, и это тревожило Эмзара все сильнее. Оно, без сомнения, копило силы или, того хуже, замышляло хитрость. Рене не сомневался, что обитатель Серого моря умудрился перебраться в крепость, но

может ли он выбраться оттуда? Снежное Крыло очень надеялся, что нет, так как иначе не стоило проламываться сквозь Кольцо силой. Осенью Лебеди выстояли, хоть и с трудом, но что-то будет весной… Предсказанное время пришло, дальше заглянуть не удалось ни умиравшим от Агва Закта, ни самому Проклятому.

Эльф подошел к столу, взял небольшой свиток, внимательно перечел, исправив два или три слова, немного подумал и дописал: «Это все, что я знаю и могу рассказать. Далее начинается неизвестность». Король Лебедей улыбнулся, провел рукой над пергаментом, высушив ярко-синие чернила, и приложил к манускрипту печать с взлетающим лебедем. Дело сделано, остается решить, кому передать рукопись, хотя чего решать, она по праву принадлежит Эрасти, ученику Ларрэна и наследнику Ангеса. Рано или поздно Проклятый найдет Герику, значит, свиток он отдаст ей, все еще носящей талисман Астени.

Герика, Скиталец, Эрасти, две сотни эльфов и еще смертные, люди и орки во главе с Последним из Королей, готовые отдать и жизнь, и посмертие… Хватит ли их, чтобы удержать на плечах небо Тарры? Эмзар Снежное Крыло ответа не знал, а до восхода Трех Звезд оставались считанные дни. Клэри оскорблен за Рене, он не понимает, что случившееся – не вина, а судьба. Геро – Эфло д'Огэр обоих, Рене и Александра, Первого и Последнего, а один из них, похоже, Эфло д'Огэр Эстель Оскоры. Если б он знал, что Последнего из Королей спасла Эстель Оскора, он бы говорил с Александром иначе. Этот смертный не слабее Рене, каким был тот до похода в Серое море, но еще не осознал ни своей силы, ни своего предназначения.

Алый рассветный луч упал на стол. Ночь кончилась, одна из последних ночей 2896 года от Великого Исхода, который помнят лишь Иллиэль да он, король последних эльфов Тарры. Последних? Да, именно так, хотя на Лунных островах по-прежнему живут его соплеменники. Их в два или три раза больше, чем стражей Вархи, но они чужие, гораздо более чужие, чем смертные.

Эмзар сам удивлялся тому, как тоскует по людям и гоблинам. Да, их стража кончена, опасности со стороны Билланы и Тарски больше нет, по крайней мере, опасности, от которой можно оборониться копьем и мечом, но как ему не хватает походных костров, грубых голосов, незатейливых шуток и надежды, потому что смертные всегда надеются…

Лебединый владыка накинул серебристый плащ и вышел навстречу занимающемуся дню. Легкие строения в розоватом утреннем свете казались сотканными из зари и мороза. Странно, но он полюбил север много больше Убежища, может быть,

потому, что здесь его существование имеет смысл.

Стук копыт ворвался в предвесеннюю безмятежность. Это мог быть только Клэри, человеческие лошади скачут иначе. Утренний Ветер оправдывал свое имя, но обычно эльф-разведчик не гнал Коралла галопом.

Король Лебедей стоял на пороге своего дома, глядя на приближающегося всадника, и думал об оставленной на столе рукописи. Хорошо, что он успел ее закончить. Клэри соскочил с дрожащего иноходца, и Эмзар положил руку на холку скакуна, возвращая ему силы.

– Ты привез плохие новости или очень плохие?

– Безумные.

Нэо Рамиэрль

Запереть в Вархе ройгианцев с помощью эльфийского огня удалось, но Грэдитара умудрялся вредить и из-за Кольца. Нэо был весьма далек от того, чтобы проникнуться жалостью к Максимилиану или Эанке. Избранные Старцем орудия отнюдь не были невинными жертвами, до своих предательств и преступлений они доходили собственным умом. Грэдитара подбрасывал им мысль, но прорастало зерно лишь на благодатной почве. Михаю Годою никто не мешал вести себя, как Рене, а Конраду Батару брать пример с Шарля Тагэре или Анри Мальвани, так что по большому счету Тарру губит сама Тарра. И она же спасает. Надо будет обсудить это с Жаном-Флорентином. Любопытно, до какого размера разросся каменный философ за время их отсутствия и что он теперь думает о вечном?

Грэдитара был не первым и не последним предателем и властолюбцем, которому покровительствовала судьба. Причиненное им зло не измерить, на какие весы прикажете бросить изломанные судьбы, несправедливость, подлость, предательства? Война Оленя, раскол Арции, даже гибель Шарля Тагэре и его сына – прошлое, но посеянные Грэдитарой семена только начинают прорастать. Его следовало убить, но смерть мага мало что изменила бы...

Нэо изо всех сил гнал от себя предательскую мыслишку о том, что поторопился разбить зеркало, не попробовав с его помощью внушить Эмзару мысль заглянуть за Кольцо. Разведчик понимал, что артефакт был создан отнюдь не для того, чтобы сделать Тарру счастливой, но ведь любую силу можно использовать и во зло, и во благо, все зависит от того, кто ею управляет.

– Нэо, – Ларрэн как-то доковылял до вересковой поляны, на которой валялся Роман, – ты знаешь молодую сероглазую женщину с очень длинными светлыми косами?

– Нет, – Рамиэрль растерянно посмотрел на Лунного короля, – пожалуй, нет... А в чем дело?

– Я все время вижу ее во сне. Она меня тоже видит, тут не ошибешься. Видит, но, к сожалению не слышит, – Ларэн пошатнулся и с виноватой улыбкой опустился на белые цветы, – я думал, ты поймешь, кто это. Она рвется ко мне, но я никогда ее не видел, иначе б запомнил. Мне кажется, она принимает меня за кого-то из вас. Это неудивительно – ты тоже спутал меня со своим отражением.

– Сероглазая с очень длинными светлыми косами, – с сомнением переспросил Нэо, – она смертная?

– Трудно сказать, но она не эльфийка... Я знаю, вы пытаетесь докричаться до... до старшего сына Залиэли. Ты ему – брат, Норгэрель – племянник, вы искренне привязаны друг к другу, но он не слышит вас, а вы – его. Как чужая женщина смогла заглянуть за такой барьер?! Откуда в ней столько силы и столько нежности? Тут не ошибешься... Вспомни, кто мог вас так любить? Если мы будем знать имя, мы ее дозовемся.

У кого из оставленных им светлые косы? Кто может их помнить, ведь прошло столько лет! Если б Ларрэн увидел сероглазого горбуна, Нэо б еще понял, но женщина...

– Мне очень жаль, я не знаю никого похожего. Может быть, Норгэрель, но вряд ли.

– Мы все равно прорвемся друг к другу, – твердо сказал Лунный, – рано или поздно, но прорвемся. Но лучше раньше. Грэдитара посеял ветер, а пожинать бурю придется другим...

– Ларрэн, – Рамиэрль прекрасно понимал, что говорит глупость, но что делать, если глупость приставила к горлу кинжал. – Может быть, не стоило разбивать зеркало?

– "Не стоило"? «Может быть»? – Лунный задумчиво погладил шрамы на запястье. – Такие мысли мой покойный победитель и подбрасывал своим избранникам. Почти все гончие Грэдитары – он так их называл: и Архипастырей, и императоров, и полководцев – начинали с «может быть», благих намерений и еще с обид... Те, к тому ты хочешь обратиться, не стали бы слушать ЭТОТ шепот. Иногда я просыпался или меня будили, и я видел, как действует зеркало... Хозяин Вархи ставил тех, кого облюбовал, перед выбором. В снах. Те, кто шли у него на поводу, проснувшись, рано или поздно ступали на избранный путь. Впрочем, Грэдитаре лишь казалось, что он управляет зеркалом, оно обладало собственной волей, и у него были другие хозяева...

Ларрэн впервые заговорил о том, что с ним случилось, и Нэо очень захотелось заставить его замолчать. Это было трусостью, но есть вещи, о которых лучше не знать.

– Это зеркало – чудовищная вещь, – Лунный попробовал улыбнуться. Ему не хотелось говорить так же сильно, как Роману не хотелось слушать. – После того как его напоили моей кровью, я стал его чувствовать...

Я не думаю, что Грэдитара создал эту... вещь сам, скорее украл у тех, кому служил раньше. Может быть, ему нарочно подсунули осколок... Как бы то ни было, сначала зеркало было маленьким, потом ему понадобилась башня. Я его узнал, когда оно было меньше раз в десять – тогда в нем еще не было Света, только отвратительные и Тьме и Свету Безумие и Туман... То зеркало Грэдитара еще смог пронести Путями, но здесь оно стало расти, и с ним росла башня. Я был узником Грэдитары, а он узником Зеркала, он не мог отойди от этой, – плечи Ларрэна непроизвольно дернулись, – этой... вещи дальше, чем на сотню шагов...

Любая сила не имеет ни совести, ни мыслей, это не ново. Когда я попался, Грэдитара получил доступ к Свету, хотя он и раньше имел с ним дело – в этом я не сомневаюсь. Он подчинил Лунный талисман с помощью моей крови и отдал его Зеркалу. Меня тоже. Я грезил теми же снами, Нэо.

Если не будет другого выхода, когда мы выберемся, я отдам тебе мои воспоминания, в них можно найти ответы на многие вопросы, но я бы предпочел все забыть.

– Хочешь, я помогу тебе это сделать?

– Хочу, но не имею права. Моя ошибка и так стала причиной многих бед, а в этом бреду слишком много смысла. Может быть, мои кошмары еще помогут нам принять верное решение, – Ларрэн махнул исчерченной шрамами рукой, – главное не в прошлом, а в будущем. Каждый мир несет в себе и свою гибель, и свое спасение, а Тарра сейчас, как загнанная лошадь, вот-вот упадет... Грэдитара был шпорами и хлыстом, но не наездником и тем более не хозяином.

Зеркало ненавидело его и хотело. Ему нужно было тело его глупого владельца, поглотив его, оно становилось дверью для изначально создавшей его силы. Долго рассказывать и теперь уже незачем. Этот путь для Безумия закрыт навсегда, но у него в запасе много других дорог...

Отвратительное шаркающее создание скрылось из глаз. Оно плелось неимоверно медленно, медленнее не только коня, но и пешего человека.

Твари хотелось укрыться в туманных болотах, затаиться, ей не нравилась дорога, на которую ее толкали, она желала покоя и только покоя. Туман, холод и пустые длинные сны, что может быть лучше? Зачем ей свет, шум, бой? Она устала, ей больно и тоскливо, но у нее нет выбора...

Эмзар с трудом вырвался из чужой и чуждой тоски и, отвечая на незаданный вопрос, тихо сказал:

– Это Ройгу, Клэри.

– Ройгу? – переспросил рыцарь Осени. – Но это же невозможно! Ройгу может возродиться лишь в ребенке Эстель Оскоры, а Геро бездетна.

– Это так и не так. Ройгу-бог, наделенный разумом и волей, с проснувшейся памятью о былом величии, не вернется, пока сын Герики и одержимого духом Ройгу не вырастет и не пройдет ритуал посвящения, но тем, кто оседлал Белого Оленя, это и не нужно. Они воскресили тело бога, и оно не более, чем орудие в их руках. Не спрашивай меня, как это сделали, нам некогда искать ответ, хотя он, несомненно, лежит на поверхности, сейчас нам нужны наши кони. – Эмзар сосредоточился, призывая Опала, и Клэри последовал его примеру.

– У нас есть немного времени, – рыцарь Осени повернулся к повелителю Лебедей. Случившееся потрясло Клэри, но он уже взял себя в руки, – скажи, что нам делать?

– Не пустить Ройгу к Вархе.

– Как?

– У нас только один способ, и ты его знаешь.

– Ты хочешь сказать...

– Эта тварь и ее поводыри – не самое страшное, Клэри. Их могут уничтожить и Геро, и Эрасти. Думаю, Рене это тоже по зубам, но все они далеко, а тварь ведут в Варху. Мы переоценили билланскую победу, вернее, недооценили ройгианцев, по крайней мере, троих.

– Я ничего не понимаю, – с горечью признался рыцарь Осени, – хотя я там был, а ты – нет.

– Клэри, – голос Снежного Крыла был безмятежен, словно повелитель Лебедей уже принадлежал иному миру, – ты видишь многое, но тебе некогда обдумать увиденное. Возможно, я

ошибаюсь, и я был бы этому рад, но мое сердце на этот раз согласно с моим разумом.

Сотни лет в Биллане и Тарске приносились жертвы, сотни лет шла война с Таяной и Корбутом, но это была обычная война. Мы решили, что ройгианцы без талисмана Шаддура растеряли свою магию, ведь она им не помогала, она даже не защитила их жрецов. Геро вернулась, но не услышала Ройгу, хотя на душе у нее было тревожно. Мы ничего не понимали, а Чаша наполнялась и была наполнена, но собранную силу в ход не пустили. Когда пала Биллана, трое бежали, унося с собой Чашу.

– Это ничего не объясняет.

– Это объясняет все, если предположить, что к ним в руки попала гривна. Я страшно ошибся, когда не позволил Шандеру Гардани открыть, где она. Ройгианцы искали талисман у нас и в Вархе, и я решил, что лучший способ не выдать тайну – ее не знать. Мне казалось правильным переложить эту заботу на Шандера, я догадался, что Гардани хочет завещать ее Герике, и помог ему обратиться к Эстель Оскора через годы… Клэри, Геро зря сидела у могилы Шандера, пытаясь почувствовать гривну. Ее там не было.

– Как?

– Не знаю! – сверкнул глазами Эмзар. – Да это и не важно! Главное, она попала в руки ройгианцам. При помощи талисмана и полной Чаши можно сделать многое. Прежние адепты Ройгу создавали смертное воплощение бога, им удавалось сливать бессмертную сущность с человеческим телом. Со Стефаном они потерпели поражение, но Марко им покорился. Шаддур со товарищи надеялись вернуть Ройгу и, служа ему, обрести бессмертие и власть над народами Тарры. Созданные фантомы появлялись и умирали под мечами всадников Горды, но сам талисман был неприкосновенен. Для них реликвия и вправду была священной; те, кого мы видели, думают не о боге, а о себе. Они разрушили талисман, возродив телесную оболочку Ройгу и заставив исполнять их волю. Не сомневаюсь, они хотят прорваться в Варху, где, как им кажется, обретут могущество.

– Вряд ли…

– Верно, но они этого не знают. Хозяин Вархи умен, он не смог вырваться сам и нашептал этим безумцам мысль прорвать Кольцо с помощью тела бога.

– Как он мог это сделать?

– Так же, как погубил Арцию. Игра на чужой подлости и глупости. Не я, ты шестьсот лет не слезаешь с коня. Ты все видел сам – и Максимилиана, и Иволгу, и Лумэна, и Рауля… А до этого были Анхель, Циала, Флориан… Звездный Лебедь, да кого только

не было!

Длинногривые кони вылетели из серебряного леса сказочными видениями. Клэри собрался вскочить в седло, но Эмзар его остановил:

– Возьми Опала, Коралл слабее, и он слишком устал за прошлые дни.

– Эмзар!

– Спокойно, Клэри, спокойно, – владыка Лебедей как никогда походил на Рене Арроя. – Все еще живы, а я пока твой король. Ты стал разведчиком, чтобы обмануть бессмертие; ты рисковал больше нас, но сейчас твой долг добраться до Высокого Замка, отдать Геро мое письмо и рассказать про Ройгу. Ты уйдешь, а я соберу Лебедей и открою им правду. Тот, кто захочет уйти, – уйдет, но я не хочу довериться тем, для кого главное – выжить. Это приказ, Клэри. Ты возьмешь Опала и поскачешь в Варху, там вы с Геро сотворите зеркало. Твоих знаний и ее сил для этого хватит, так что вы все увидите. Если случится худшее, что ж, Эстель Оскора вступит в бой раньше, чем думалось, только и всего. Если мы не пропустим Ройгу и не отдадим Варху, все равно возвращайтесь вместе – время тайн миновало.

И еще одно. Эстель Оскора должна быть одна, рисковать Последним из Королей нельзя. Его дело – война людей, по крайней мере, сначала. Геро поймет... И еще одно: не вини ее за Александра Тагэре. Так было суждено! Теперь прощай, и да хранит тебя Великий Лебедь!

– Я сделаю, как ты скажешь, но как мне жить, если я буду последним?

А ведь Клэри тоже забыл об ушедших на острова, хотя они живы. И вместе с тем мертвы...

– Как жить? Так же, как жили Всадники Горды и Сумеречная, как живет Рене! Хранить то, что можно, и стоять насмерть. – Эмзар стиснул руку разведчика. – У тебя остается надежда на Рамиэрля. Он должен вернуться, я не верю, что наш бард пропал навсегда.

– Ты прав. Прости и прощай! – Рыцарь Осени хотел сказать что-то еще, но не нашел слов. Неловко высвободив руку, Клэри подошел к своему коню, на мгновение уткнулся лицом в золотистую гриву, а потом вскочил на королевского иноходца. Опал, повинуясь двойному приказу, сделал большой прыжок и помчался на юго-запад. Снежное Крыло проводил глазами исчезающего всадника, успокаивая осиротевшего Коралла. Можно было не торопиться, Белая Тварь едва волочит ноги, те, кто ее подняли, берегут силы для решающего броска. Король Лебедей знал, что опережает чудовище почти на сутки, этого хватит и для

правды, и для прощания, и для смерти

Эстель Оскора

Последние ночи мне снился Астени, и это были очень грустные сны. Принц-Лебедь выходил из заснеженного леса, останавливался на залитом лунным светом пригорке и молча смотрел на меня, словно хотел о чем-то попросить и не решался. Он казался усталым и изможденным, словно после долгой болезни или заточения. Иногда эльф поднимал исхудавшую руку, на которой виднелись свежие шрамы – их не было, когда я похоронила его на заросшей шиповником и бересклетом поляне. Что же с ним сталось по ту сторону жизни? Или дело не в Астени, а во мне, и это мне нужен ответ на незаданный вопрос.

Я вспомнила каждый миг, проведенный с отцом Романа, каждое слово, взгляд, вздох. Мне удалось основательно расковырять старую рану, но это было моим единственным достижением. Не помогал и медальон с лебедем, который я продолжала носить. Изящная вещица загадочно мерцала на моей ладони, но сколько я на нее ни смотрела, сколько ни сжимала в руке, озарение на меня не снизошло. Я не могла понять, что нужно Астени, я, готовая на все в память нашей дружбы, оборвавшейся на краю любви!

Раньше мы чувствовали друг друга, хотя Принц-Лебедь был бессмертен и принадлежал Свету, а я вернулась с Порога непонятной тварью, отмеченной печатью старого зла. Роман Ясный и его отец стали моими первыми друзьями в новой жизни, теперь я достаточно сильна, чтобы вернуть хотя бы часть долга. Может быть, синими эльфийскими глазами на меня смотрела моя совесть? Я и впрямь была виновата и перед Рене, и перед Таррой. Я забыла о том, кто я, и позволила себе стать счастливой и глупой, но отпущенное мне время стремительно таяло.

Мы с Эрасти договорились ждать, пока раздосадованные неудачами враги не покажутся во всей своей красе. Сандер разобьет Тартю, как разбил Биллану и Тарску, и тогда за дело возьмутся ордена, а затем и те, кто накачивает их силой и злобой Женщина с Оленем в Мире Обмана могла быть либо самой Циалой, во что я не верила, либо кем-то, занявшим ее место. Сестры – враги Александра, они сделают все, чтоб не допустить его возвращения. Если у них не выйдет, на помощь придет хозяйка Оленя, и тут без меня вряд ли обойдется. А еще была четверка, свершившая Непростимые Грехи, и тот, невысокий и грустный, сожалеющий о всеобщей скверне. Его милосердие для

Тарры страшнее ненависти всех богов Света и демонов Тьмы, в этом я была уверена так же, как в своем имени и своей любви. Но чего все же хотел Астени?

Я старалась успокоиться, но это у меня никогда не получалось. Валять дурака и лгать в глаза близким, чтоб они не переживали, я умела отменно, но схватить под уздцы свои чувства и не показывать их другим – не одно и то же. Мое сердце было не на месте, я знала, что должна немедленно куда-то мчаться и что-то делать, но не могла догадаться, что, а Астени возвращался каждую ночь.

Проще всего было вовсе не спать. Мне в моем нынешнем состоянии это было совсем нетрудно, я могла быть человеком и жить, как человек, могла стать зверем, деревом, камнем, могла сохранить женский облик, но отказаться от материального, став не более зависимой от сна, пищи и воды, чем ветер. Я цеплялась за свое старое человеческое естество, потому что любила человека, но делала это для радости, а не для боли. Запретить себе спать – что могло быть проще, но я шла навстречу ночным видениям, потому что Астени приходил не зря. Он пытался достучаться до нас через все преграды, разделившие прошлое и настоящее, я рвалась к нему, но безуспешно. Я кричала – меня не слышали. Я пыталась бежать навстречу – заснеженный холм не приближался ни на волос. Я пускала в ход магию – и просыпалась.

Если б не проклятая тайна и эта ходячая любовь в серой хламиде, я бы попробовала спросить у зеркала или пошла за ответом в Мир Обмана, но рисковать мы с Проклятым не имели права. Нас было всего двое и мы, что бы ни плели про нас церковники, были отнюдь не всесильны. Я могла вновь угодить в жемчужный плен, в прошлый раз меня спасло чудо, даже не чудо, а стечение обстоятельств, которое не могло повториться. Мне оставалось лишь ждать, что я и делала, и ожидание это наверняка было преступлением.

2896 год от В.И. 28-й день месяца Сирены. ТАЯНА. ВАРХА

Не ушел никто, хотя Эмзар ничего не скрывал и никого не удерживал. Ройгу шаркал по сырому слежавшемуся снегу в десятке вес от Вархи, в загонах ржали и метались почуявшие приближение чего-то страшного длинногривые кони, а их хозяева готовились к последнему делу в своей жизни. Эльфы были спокойны, у них было достаточно времени, чтоб привыкнуть к тому, что рано или поздно все кончается. Те, кто тяготился

таррским заключением и не желал знать о нависших над миром бедах, ступали по золотым пескам далеких островов, вздыхая об утраченном Свете. Эмзар вспоминал о них редко, те, кто пошли за ним на север, – тоже, хотя среди ушедших за моря были братья, сестры, родители, дети, бывшие возлюбленные.

Кольцо пылало ровным, сильным огнем, оно казалось несокрушимым и вечным, особенно в сравнении с жалким, несмотря на размеры, созданием, тащившимся к Вархе, но Эмзара не обманывали ни дряхлость Ройгу, ни ничтожность его нынешних служителей. Спешить им было некуда, а силы древнего бога имеют предел, их нельзя растрачивать на пустяки.

– Эмзар, – вошедший Нидаль был в парадных одеждах дома Ивы, – не хочу тебе советовать, и не думай, что я цепляюсь за призраки. Но, может быть, стоит ударить, пока он еще идет?

– Для этого нужно открыть Варху, – покачал головой Снежное Крыло. – Копье Света, без сомнения, пробьет защиту Ройгу, и мы сможем убить поводырей, а возможно, и его самого. Думаю, эта смерть стала бы последней и окончательной. Белый Олень еще не бог, высшая сила, лишенная сознания и воли – не более чем оружие. Сильное, но не всемогущее.

– Тем более его нужно уничтожить.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что я устал от нашей стражи и не боюсь умирать. Я боюсь, Нидаль, и я люблю жизнь и Тарру… Мне очень жаль, но мы не можем поднять Копье. Ройгу страшен не сам по себе, ведь Эстель Оскора вернулась, и мы знаем, где она. Не смотри на меня так. Сначала говорить о ней было рано, а потом стало поздно. Я послал за Герикой Клэри, но они не успеют, даже если у них вырастут крылья.

Дело не в Белом Олене, а в Вархе. Тот, кто там засел, отчаялся освободиться своими силами, и он умеет заставить других исполнять его желания.

– Думаешь, хозяин Вархи ХОЧЕТ, чтобы мы сцепились с Ройгу?

– Это на него похоже, вспомни Арцию, вспомни Эанке… Нидаль, эта чума должна оставаться на цепи до появления Геро. Жаль разлучать ее с Александром, но Ройгу и Варха – ее дело.

– Так спасшая его колдунья?..

– Эстель Оскора… Она, кстати, видела тебя и хотела окликнуть, но ты слишком быстро уехал.

– Проклятый тоже вернулся?

– Да, и я надеюсь на Эрасти, но один раз он уже проиграл не силе, а лжи и предательству. Мы не можем позволить обезуметь всей Тарре, а это неминуемо случится, если Ройгу откроет дорогу вархианскому лжецу.

– Ты прав, – наклонил голову Нидаль, – у нас и впрямь нет другого выхода. Бросим жребий?

– Нет нужды. Я не держу здесь никого, но те, кто готовы к жертве, должны ее принести. Вспомни Кантиску.

– Тогда Ройгу помогали силы извне, даже звезды – и те были на его стороне.

– На стороне фантома, сгустка силы, не имевшего материального воплощения. Сейчас Ройгу один, но он возвращен в наш мир, мы лишены талисмана, а Эстель Оскора будет здесь не раньше, чем через кварту, и то, если пройдет тропой Зеркал. Мы не можем рисковать. Придется бросить в огонь ВСЕ.

Эмзар надел серебряный венец, накинул плащ с взлетающим лебедем и направился к выходу, но на пороге остановился, оглядев озаренную по-весеннему ярким солнцем комнату.

– Знаешь, Нидаль, что мне сказал Рене, когда мы снова встретились?

– Что?

– Что ему никогда не хотелось умирать, а значит, он всегда был счастлив. И он никогда не боялся смерти и не лгал себе, а значит, был свободен. Я тоже счастлив и свободен.

– Я предпочел бы уйти с мечом в руке, но это было бы бессмысленно. Отдать свою Жизнь Силе... Говорят, подобное уже было.

– Да, в одном из вечерних миров. В Песне сказано, что из жертвы родилась победа.

– Хотел бы я знать, какой будет наша Песня.

– Я верю, что ее сложит Нэо, когда вернется. Пойдем, нам пора.

Больше до самого Кольца Эмзар не сказал ни слова. Нидаль тоже молчал, он вообще был молчалив даже для эльфа. Голые ветви деревьев, сверкая, тянулись к высокому небу, в котором не было ни облачка, ни птицы.

В море предвесеннего света эльфийское поселение казалось призраком, видением, навеянным снежной сказкой. Оно и будет призраком, когда опустеет. Эмзар не думал, имеет ли право сделать то, что задумал.

Мысли о цене и средствах хороши для философов, возлежащий среди цветущих кустов и с высоты своего знания и добродетели судящих тех, кто ошибался и умирал, в смертный час думая о чем угодно, но не о том, как заклеймят его будущие мудрецы.

– Илла Реи, – Ариэн Нарсиэль преклонил колени перед владыкой Лебедей, – мы готовы.

– Аэвэ Эстеллиэ, – произнес Снежное Крыло. – Спросите свое

сердце еще раз. В любви к жизни нет греха.

Дети Звезд молчали. Решение принято – стражи Вархи уйдут. Одни ждали смерти как освобождения от бесконечной пустоты, другие считали себя в долгу перед Таррой, третьи надеялись на жизнь в Свете, четвертые… Кто прочтет последние мысли и сожаления рожденных вечными и решивших сжечь свои жизни ради ничего не подозревающих смертных.

Солнце Тарры бросало на Лебедей золотые весенние лучи, прощаясь и благодаря. Две сотни эльфов замерли на широкой поляне. Мужчины надели сверкающие, словно сплетенные из льда и солнца кольчуги, на женщинах лучились главные драгоценности Домов. Старейшая из Лебедей, Иллиэль, помнившая то, чего не знал даже Эмзар, опиралась на посох, утративший силу много лет назад, глава дома Ириса, Антэл, поднял меч своего отца, три тысячи лет не покидавший ножен. Амэл Прохладное Утро был в золотистом плаще: его возлюбленная покинула Тарру вместе с Солнечными, осталась лишь память и переживший Разлуку дар. Тамиона Лагариэль распустила лунные волосы, украсив их трепещущими бабочками, а ее сестра Лиа впервые за долгие годы надела ожерелье из серебряных стрекоз – подарок погибшего в Войну Монстров жениха.

Золотую тишину разорвал стук подков. Вардис Роса на Траве и Элэар Журавлиное Перо вызвались встретить Оленя на краю заповедного леса. Сестра Тамионы и Лии казалась испуганной, Элэар владел собой лучше.

– Илла Реи, – Журавлиное Перо отсалютовал Владыке мечом. – Оно остановилось.

– Остановилось, – поднял бровь Эмзар, – для чего?

– Готовится к бою. Это… – Элэар не смог найти подходящее слово. – Оно наливается силой. Оно уже не кажется дряхлым, поводыри едва сдерживают его, а рога скоро упрутся в небо.

Воина прервал исполненный чудовищной злобы и силы визг. Эмзар внимательно посмотрел на Вардис.

– Что ж, больше медлить нельзя, но помните, вы ничего никому не должны. Тарра велика, и на ней есть Лунные острова.

– Нет, – быстро проговорила Вардис, заливаясь румянцем, – мне не страшно, но эта тварь, она… Она слишком отвратительна.

– И поэтому, – Элэар нежно взял девушку за руку, – мы не можем ее пропустить. Илла Реи, можем мы уйти вместе и первыми?

– Да будет так.

Они смотрели друг на друга веками, но не могли понять очевидное. Нужное слово было сказано лишь в последний день.

Вардис и Элэар уйдут в Вечность вдвоем, рука об руку, грезя о Любви. Это высшее счастье или высшая несправедливость?

Ройгу исполняется мощи, убивая, но сотня отобранных жизней весит меньше одной, отданной добровольно. Лебеди уходили, улыбаясь друг другу, произнося кто старинные строфы, кто слова любви или прощения. Они уходили, а Эмзар их провожал, принимая прощальный, бесценный дар и отдавая его Кольцу. Визг Ройгу не стихал, тварь стремительно обретала полную силу, и Снежному Крылу не хотелось думать, что то, что они делают, – напрасно, что Белый Олень погасит Пламя Вархи и в мир вырвется зло, безликое и непобедимое, как подлость, зависть и трусость. Если так, умирать нельзя, живыми они нужнее.

Эмзар закрыл глаза Антэлу. Их осталось всего трое. Он, Нидаль и Тамиона. Легкая и непонятная, она заслуживала свое лунное имя. Эмзар никогда не знал, что у нее на душе, когда-то она была подругой Нанниэли, потом Лунная Бабочка и супруга Астени разошлись.

– Я еще не готова, – из-за воплей Ройгу слова едва угадывались.

– Уходи, если пройти берегом Ганы, ты еще...

– Ты не понимаешь, Эмзар, как никогда не понимал. Я люблю тебя и Нанниэль любила.

Наверное, он должен быть потрясен и околдован, в скольких песнях Она признается Ему в любви на смертном пороге, но Лебединый король ничего не чувствует. Только смущение и горечь. Он не был слеп, потому что свет этой звезды ему не нужен.

– Я не могу уйти, не взглянув еще раз в твои глаза.

– Тамиона, я думал, ты все еще оплакиваешь мужа. Жаль, мы не поняли друг друга раньше.

– Ты меня любишь?

– Конечно, – она умрет счастливой, а ему это ничего не стоит.

– Я отдала тебе сердце, жизнь в сравнении с этим такая малость! Пусть пламя Вархи пылает, и я в нем! – тонкие руки легли ему на плечи, Эмзар Снежное Крыло произнес Слово. Тамиона Лунная Бабочка ответила. Солнце тонуло в наползающей мутно-белой пелене, но и сапфировый огонь разгорался все ярче. Эмзар, творя заклятия, не видел, как верх огненной короны на мгновение обрел сходство с ожерельем из синих мотыльков. Тамиона улыбнулась и затихла на руках владыки Лебедей.

Монстр за лесом замолчал – собирался с силами перед броском.

– Мы успели, – с облегчением произнес Нидаль, – но, Эмзар,

подумай еще раз. Я решил уйти последним, чтобы напомнить тебе про Копье. Ты видишь, что творится. Вряд ли наших искр довольно для Защиты, но Ройгу мы можем уничтожить. Мы освободим Эстель Оскору от этого долга и оставим ей другой, только и всего. Ударь Оленя, Эмзар. Ударь первым. Может быть, ты его прикончишь...

– И открою путь вархианскому безумию? Кольцо не расплавить, Нидаль, не вырвать из него отданные жизни и не вернуть ушедшим. Они сделали выбор, зная, ЧТО я сделаю. Неужели я солгу?

– Даже ради Тарры?

– Ради Тарры нужно удержать Кольцо!

– Прости. Я хотел дать тебе выбор.

– И дал. Я уверен в своем решении. Как тихо...

– Страшная тишина. В Кантиске было так же. Они готовы.

– Мы тоже.

– Нас осталось двое, будет легче, если мы уйдем одновременно. Я смогу переступить Порог без твоей помощи.

– Ты уверен?

– Да.

– Тогда прощай и спасибо тебе за все.

– Почему «прощай», – попробовал пошутить Нидаль, – мы теперь всегда будем вместе. В пламени. Это стоит посмертия.

– Посмертия стоит Тарра, – Снежное Крыло улыбнулся, – мы пришли сюда как злые гости, но уходим как защитники.

Эмзар не стал закрывать глаз, произнося последнее в своей жизни заклятие. Он отказывается от жизни, от молодости, от вечности. Его душа никогда не достигнет Звездных Полян, он не встретит тех, кого когда-то любил, не обретет покоя. Его просто не будет, потому что Сила безлика, она не имеет памяти и воли, она не любит, не ненавидит, не сожалеет, она может убить и защитить, но она не может выбирать.

Сила, рождающаяся из смерти изначально неподвластного времени и тлену существа, велика. Ею можно рушить горы, поворачивать реки, убивать драконов, разрушать и создавать барьеры. Даже истинные маги отступают перед таким оружием, но ранит ли оно бога, пусть и лишенного души?

Эмзар стоял спиной к пылающей Стене и лицом к лесу. Время замерзало, словно вода холодным предзимним утром. Боли не было, только тихая, неторопливая пустота, в которую низвергалась жизнь. Нет, не пустота! Небо не может быть пустотой, а полет – падением! Кольцо сзади, отчего же все тонет в сапфировом сиянии? Огненные сполохи мелькали, как блики на воде в летний поддень, и одним из этих бликов был он. Снежное

Крыло чувствовал себя разбитым зеркалом, каждый из осколков которого отражал свое солнце. Боль и праздник, сожаления и равнодушие, голодная пустота и неистовый свет раздирали его на куски. Эльф еще помнил, кто он, где, что и во имя чего сделал.

Все кружилось, переливалось, мерцало, и только зимние деревья впереди казались чем-то живым и понятным. Он не жалел ни о чем, и он еще мог вернуться, вырваться из объятий небытия. Что-то плавно опустилось рядом, Эмзар рванулся в ту сторону, и небо снова стало небом, а земля землей. Нидаль лежал на спине, серьезно глядя в глаза своему королю. Он уже был частью Вархи, а Эмзар пока нет. Он мог отступить, мог создать из пламени Копье и ударить. Нет! В Тарре и так слишком много лжи, предательств и нарушенных клятв, а это страшнее любых монстров. Лебединый Огонь не погаснет, а дальше – дело тех, кто останется, – Рене, Геро, Эрасти, сероглазого короля Клэри, Нэо... Тарра падает на их плечи, а его дело Кольцо!

Пусть горит, горит вопреки всему. Он отдает себя пламени Вархи полностью. С памятью, несбывшимися надеждами, разочарованиями, неслучившейся любовью. У Пламени нет души, а Силе все рвано, кто из нее черпает... Если он и впрямь на что-то годится, пусть Пламя научится любить и помнить, пусть Сила, в которую он уходит, не дается грязным рукам. Он завещает себя тем, кто придет и вступит в бой. Как меч... Ройгу не должен пройти, Кольцо не должно погаснуть, не должно...

Снежное Крыло взглянул в глаза Смерти и не испугался. Просто понял, что возврата нет, он уже переступил Порог, но рассудок пока не угас и тело повиновалось. Эмзар слеп и слеп стремительно, но все еще различал лес на той стороне поляны и побрел к нему. Главное он совершил и теперь имел право коснуться пальцами серебряной буковой коры. В последний раз.

Проклятый

Рене сидел, прижавшись спиной к стене пещеры, и, казалось, дремал с открытыми глазами. У самых ног Скитальца лениво плескалось подземное озеро, о существовании которого знал только Гиб. Наверху жаркий ветер крутил желтый песок, а здесь было тихо и прохладно – они добрались до места раньше, чем следовало, и могли отдохнуть. Смешно... Их тела давно не нуждались в отдыхе, а тяжесть, которую они на себя взвалили, была не из тех, что можно сбросить хотя бы на ору.

Проклятый опустил руку в воду, которая в здешних краях дороже и крови, и золота. Висящий над озером голубоватый

светящийся шар слегка разгонял тяжелый подземный мрак, создавая ощущение весенних арцийских сумерек.

– Эрасти, – Церна оглянулся, Рене Аррой по-прежнему смотрел в пространство, – Эрасти, мы ошиблись. Мы были нужны в Вархе, Гидал мог бы и подождать.

– Что-то случилось?

– Смерть, – медленно проговорил эландец, – там случилась Смерть. Уже ничего не исправить. Эмзара больше нет, остальных, скорее всего, тоже. Ты так и не узнал их, жаль...

– Я ничего не услышал.

– Ты и не мог. Я с ними одной крови, и я вернулся из-за Грани, потому и почувствовал.

– Была битва?

– Нет. Они сделали это по доброй воле. В бою Смерть гонят и обманывают, а не зовут. Эмзар поклялся, что огонь не погаснет, пока жив хоть один Лебедь. Он сдержал клятву.

Если б Рене кричал, молотил кулаками по камню, рвался назад, было бы легче, но Скиталец даже не встал. В глубине пещеры раздался яростный плеск и рев взбесившегося потока – Гиб все слышал и не мог оставаться спокойным.

– Ты уверен, что мы опоздали?

– Да. Они уже за Гранью, а мы слишком далеко. Даже для Гиба. Одну ошибку мы совершили, не стоит делать еще одну. Нужно завершить то, зачем пришли. Давай о чем-нибудь поговорим...

– О чем-нибудь... Ты не отыскал след остальных?

– В Тарре сейчас двое, но кто и где, я не знаю. Третий вернулся за Грань – зализывает раны.

– Это – Жоффруа, больше некому, – вздохнул Эрасти, – «Полуночный всадник, и имя ему Зараза». Летом на севере внезапно началась чума и столь же внезапно кончилась. Жоффруа, скорее всего, нарвался на Эстель Оскору. Вряд ли у кого-то еще хватит сил прикончить тело Вернувшегося.

– Ну отчего ж, я могу назвать еще семерых – ты, я, Эмзар, – ровный голос адмирала все-таки дрогнул, – твой любимый клирик, моя не менее любимая «непорочная сестра», Филипп и Анхель.

– Ты б еще Романа назвал. Дескать, вернулся и притащил с собой чудо-меч...

– А что, – попытался улыбнуться Рене, – почему бы ему и не притащить? Я тоже думаю, что это – Геро, но хотелось бы узнать твои доводы.

– Изволь. Мы с тобой этого не делали, к тому же после встречи с тобой Трое превратились бы в Двоих. Эмзар не покидал

Вархи, клирик с циалианкой были у нас на глазах, да и не стали б они воевать с Чумой. Женщина вряд ли знает о Вернувшихся хоть что-то, а наш дорогой пророк считает, что чем хуже будет людям, тем громче они станут каяться. Ну а Филипп и Анхель связаны, по крайней мере, пока жив Тартю. К тому же эти двое прикончили бы Ларрэна окончательно и бесповоротно.

– Не обязательно. У Анхеля и тем более Филиппа могло не хватить выдержки. Чтоб довести дело до конца, нужно разрушить защиту, а для этого есть единственный способ – погасить силу противника собственной. Затем можно пустить в ход меч.

– Ты так и поступил с Лумэном?

– Да, но это очень больно. Я столетиями учился ходить по земле, и то... К хорошему привыкаешь быстро – после Последнего Греха я забыл, что значит сразу и гореть, и замерзать. Филипп с Анхелем этого и вовсе не знали, разве что хозяин показал им, что будет, решись они на бунт. Нет, Эрасти, никто из Вернувшихся не продержится без защиты столько, сколько нужно, чтоб убить себе подобного, а вот прикончить тело... Филипп мог пожалеть свой родной север, но ты прав – он на цепи, у него нет своей воли, разве что его желания совпадут с желаниями Тартю. Хорошо, гаденыш не знает, какие силы ему подвластны. Особенно после твоего визита...

– Ты противоречишь сам себе. Если б он пустил по моим следам Вернувшихся, ты бы их уже нашел.

– Он бы пустил их по стопам Рафаэля Кэрны.

– А Рафаэль Кэрна для него – это я. Кстати, Анхель держит слово. Он чувствует желания своего хозяина, знает, что я вернулся и видел кошек. Мой бывший брат достаточно умен, чтобы сообразить, что к чему. Если б он захотел оказать Тартю услугу, он бы попробовал меня подстеречь... Или стал разыскивать настоящего маркиза Гаэтано, чтоб заставить меня сорвать маску.

– Ты сам сказал, что Анхель умен, – Рене наконец-то поднялся. – Он знает, что с тобой не справится, да ему это и невыгодно. Он подождет и посмотрит, чем все закончится. Если мы ему позволим.

– Рене, тебе не нравится то, что я затеял. Почему?

– Почему? – Скиталец откинул со лба непокорную прядь. – Потому что ложь идет на пользу лишь мерзавцам. Геро тебе рассказала про Войну Оленя. Мы решили объяснить чудеса вмешательством высших сил, которые, дескать, на нашей стороне. Сначала наша ложь сожрала Максимилиана, потом – победу и наконец всю Арцию. Эрасти, ты рискуешь повторить нашу ошибку

– Ты забываешь об одной вещи, – Проклятый поднес к глазам

Черное Кольцо. – Я. На. Самом. Деле. Эрасти. Церна. И я же – пугало, которым клирики стращают непокорных. Это не ложь во спасение, на которой вы попались, а правда, и она способна разнести по кочкам не хуже Дикого Ветра, который так любит Герика.

Анхель заигрался, объявив меня святым, а тогдашний Архипастырь попался, слепив из обученного эльфами прекраснодушного дурачка средоточие Зла и завязав на него все пророчества и проклятия. В Благодатных землях веруют в Триединого и прочих, которых отродясь не бывало, по крайней мере, в Тарре, и в меня. А я – вот он! Дева Онорина избрана Великомучеником Эрасти, и никем другим. Она БУДЕТ творить чудеса своей верой и моим именем, и это будет истиной.

Как ты думаешь, почему орден Эрасти, один из самых многочисленных и почитаемых, не имеет своей магии? Потому что сила молений не оседает в орденской копилке – до нее могу дотянуться только я. Про Проклятого я и вовсе молчу, тут у меня соперников нет: Антипода не представляют, в Темную Звезду не верят...

– Что-то ты зазнался, – попробовал пошутить Рене.

– Тут зазнаешься, – Эрасти вновь посмотрел на свои руки. Глупая привычка, но он слишком часто просыпался в ужасе – ему снилось, что он вновь стад калекой. – Если в Тарру пожалуют Антипод с Триединым, им придется сцепиться со мной – сразу и Святым, и Проклятым.

– Святой освободил узницу, а Проклятый покарал преступного короля?

– Я жду этого разговора второй месяц.

– Думаешь я тебя сужу? Роман прикончил ребенка Ройгу и Эстель Оскоры. Кто знает, что выросло бы из этого существа, унеси Роман и Геро его в Убежище. Сила сама по себе ничего не значит, ты знаешь об этом не хуже моего, но я считаю, что Роман был прав. На его месте я б поступил так же даже в те благословенные времена. Если б можно было вернуться назад, я б, не колеблясь, прикончил многих, пока они еще лежали в колыбели, в том числе и Анхеля, и Лумэна, и Тартю...

– Но ты остановил бы кошек...

– Не знаю!

– А я чуть этого не сделал, но мне удалось СТАТЬ Проклятым, и я выдержал. Выдержу и дальше.

– Раз ты уверен в том, что задумал, делай, а я тебе помогу.

Эрасти вновь тронул перстень:

– Рене, раз уж мы оказались у озера, давай посмотрим на Варху. Здесь нас никто не услышит.

Эмзар шел целую вечность, плохо понимая, где он и что с ним. Жизнь была брошена в Пламя Вархи, и лишь Звездный Лебедь знал, хватит ли ее и других, чтобы не выпустить в мир связанное зло.

Над Ганой угасал предвесенний день, но голубые чуть раскосые глаза, в которых отражались обнаженные стволы в черных разводах, уже ничего не видели. Мысли о Ройгу, Герике, Рамиэрле, Рене путались и тонули в рваной, рыдающей мелодии, а в кромешной темноте вспыхивали и гасли чужие созвездия, похожие то на летящего орла, то на сломанный цветок, то на оскалившееся чудовище. Он отдал Тарре все что мог и даже то, чего не мог, – жизни эльфов, которых провел от безопасности Убежища через кантисское побоище к смерти в зажженном ими же огне.

Заснеженная земля качалась, уходила из-под ног, становилась на дыбы, как норовистый конь, сквозь застилавшую глаза мглу прорывались какие-то вспышки. Три звезды готовы взойти над Таррой... Неужели все зря? Песня делалась все навязчивей, в ней, как в горном потоке, кружились обломки жизни, устремляясь к последнему водопаду. Все пройдет, Эмзар, все пройдет, все уже прошло...

Чужой мир, не заслуживший предательства, мать, последовавшая за своей любовью... «Тебе этого не понять!». Так ли? Может быть, он все же что-то понял? Астени, золотые волосы, синие глаза, глаза Лунного короля, чей-то совет отдать брата смертным, Лунные, скрестившие мечи с Лебедями, мертвый отец на ложе из бледных роз, усталые глаза тех, кто пережил Разлуку. Усталость и пустота и бегство от этой пустоты. Дорога, женщина из рода людей, горная долина... Эмзар Снежное Крыло сделал последний шаг и схватился за ствол высокого бука, вышедшего на опушку впереди своих собратьев. Большая темная птица, укрывшаяся в ветвях, поднялась и, медленно взмахивая крыльями, полетела на запад. Это место ей больше не казалось безопасным.

Эмзар медленно сполз на снег, облепивший могучие корни. За лесом бесновался и визжал безумный древний бог, но Снежное Крыло его не слышал. Рев водопада глушил все прочие звуки, над несущейся в бездну водой сверкала радуга. Эльф чему-то улыбнулся, тонкие пальцы ласково тронули серебристую кору, соскользнули вниз и замерли.

Мелодия рванулась к небесам и рассыпалась искрами, черными и синими. Порыв ветра пришпорил облачных коней,

мчавшихся навстречу рассвету. Зашептались проснувшиеся рябины, дрогнули и закачались на тонких серебристых стебельках черные маки, обещая все запомнить и рассказать. На сотканных из ночи лепестках дрожали капли росы, светлые и горькие, как слезы на женских ресницах. Черные цветы в лучах рассвета могут показаться алыми…

С потревоженной ветки осыпался снег, растаяв на еще теплой руке короля Лебедей. Свет Кольца Вархи падал на бледное правильное лицо, играл на гладкой серой коре, делал влажный предвесенний снег еще более синим.

2896 год от В.И. 28-й день месяца Сирены. ТАЯНА

Опал сам повернул на Гелань, он хорошо знал дорогу к замку Гардани. Не пройдет и кварты, как послышится шум мчащейся меж обледенелых берегов Рысьвы, и небо закроет Замковая гора. Клэри старался думать о будущих войнах, но его сердце было в Вархе.

Не иметь права на смерть – что может быть страшнее, но рыцарь Осени его не имел. Он по доброй воле избрал дорогу разведчика, надеясь на то, что его путь по вечности рано или поздно оборвется, но Смерть не любит тех, кто ищет ее поцелуев…

Иноходец Эмзара, резво бегущий по заснеженной ложбине, вскинулся на дыбы и закричал, едва не сбросив наездника. Клэри попробовал успокоить жеребца, но тот бился, как атэвский конь, ужаленный прыгучим скорпионом. Рыцарь Осени с трудом держался в седле, сражаясь с обезумевшим иноходцем, но это продолжалось недолго. Опал затих и присмирел. Конь и всадник замерли под низкими вечерними тучами, затем жеребец повернул голову, в карих глазах блестели слезы, и Клэри понял, что они означали. Опал и Эмзар были связаны незримой нитью. Рыцарь Осени успел потерять десяток коней, и всякий раз смерть друга отзывалась ощущением горечи и вины, но бессмертные приговорены провожать друзей в иные пределы. Утренний Ветер родился много позже старых войн, он не видел эльфийских лошадей, переживших всадников. Опал был первым.

Конь застыл, понуро опустив голову, если б Клэри тронул поводья, иноходец покорно пошел бы вперед, но рыцарь Осени медлил, подставив лицо наползающему вечеру.

Художник не знал, как расскажет миру о гибели Лебедей, но он сделает это, хотя лучшим памятником Эмзару станет победа над Ройгу, вархианским злом и прочими бедами, нависшими над

Таррой. Их, этих бед, слишком много даже для богов, давным-давно отринувших этот мир…

Опал снова обернулся и жалобно заржал. Клэри погладил осиротевшего скакуна, но тот вряд ли это заметил. Рыцарь Осени оглянулся и не увидел ничего, кроме терявшейся в лесу дороги. Если он переживет войну, то высечет из мрамора плачущего коня. Он будет стоять над озером среди опустивших в воду ветвей серебряных ив, конь с пустым седлом, который не хочет пить, потому что вода пахнет кровью. Но Эмзар отдал ему Опала и отправил в Гелань не для того, чтобы останавливался на полдороге!

– Опал, – собственный голос показался эльфу чужим, – аи куэ веньириэ, эмико. Нуэсто девиа анэтэ муэри э нинос эфина со нуэсто мора[52].

Этот язык теперь поймут только Рене, Герика и Эрасти, но для них он не родной и никогда родным не станет. Речи эльфов растают в небе, как растаяли в ней слова Первых богов Тарры, ставшей отныне миром смертных. Только он и Опал будут думать на смолкнувшем языке, хотя, кто знает, думают ли лошади, но они плачут. Королевский иноходец вскинул голову и стрелой понесся вперед, обгоняя приближающуюся ночь и пытаясь сбросить потерю и тоску, всадников, которых обречен таскать на себе до последнего вздоха. Клэри не сдерживал неистовый бег, в лицо бил ветер, мелькали черные ели, испятнанные тяжелым белым снегом, между ними и Вархой вставали леса, холмы, скованные льдом реки и речушки, но что значит расстояние для тех, кто любит и помнит? Что значит жизнь для тех, кому нечего терять?

Одинокий эльф на белой лошади всю ночь гнался за Волчьей Звездой, звездой Войны, зажженной ушедшим богом, познавшим боль и научившимся прощать.

Нэо Рамиэрль

– Ангес? – обведенные темными кругами глаза Ларэна потеплели, – я любил его. Не как повелителя, как друга. Он и был другом… Ангес попросил меня остаться и помочь Тарре, и я остался. Тарру я тоже любил…

– Воин сказал, что ты стоил дороже всех его братьев, – улыбнулся Рамиэрль. – Он сожалел о твоей гибели, очень сожалел…

– Ангес помнил друзей, жизнью я обязан именно ему… Погоди, – Лунный перебил сам себя, – смотри!

Нэо обернулся и словно вновь оказался на Лунном острове, когда огненный талисман Залиэли превратился в растрепанный костер. Какая-то сила весьма успешно ломилась в Варху. Роман сжал кулаки, все повторялось – страх за друзей, невозможность помочь, беспомощность и бессмысленность. Эмзар из последних сил защищал ставший ненужным рубеж, вместо того чтоб ударить по врагу. Если б он превратил Кольцо в Копье Света! Перед таким оружием устоят только боги, но Лебеди спасали не себя, а Варху…

– Они все погибнут, – прошептал подбежавший Норгэрель. Роман промолчал, хотя ему захотелось взвыть от бессилия. Это за него проделала лльяма, Рамиэрль цыкнул, и огневушка замерла, обиженно окутав себя облаком искр.

– Что же делать, – руки Аддари сжимали бесполезный лук, – они нас не услышат?

– Даже если услышат, не поверят, – пробормотал Нэо. – Варха – логово лжи и предательства, Эмзар это знает…

– Надо думать о другом, – Лунный король не отрывал глаз от умирающего пламени. – Если Кольцо не выдержит, драться придется вам…

– Оно не выдержит, – покачал головой Норгэрель, – и вряд ли этого врага остановят стрелы и мечи.

– Хотел бы я знать, кто там, – прошептал Ларрэн.

Лльяма тоже хотела это знать. Огневушка уразумела, что творится что-то не правильное и сюда вот-вот ворвется враг. Глаза твари из Бездны налились жаром, по хребту побежали огненные волны, она даже немного выросла. Лльяма медленно, словно охотничья собака, двинулась вперед, оставляя на сероватых плитах дымящиеся черные следы.

Нэо, у которого не хватало сил смотреть на умирающее пламя и думать, что творится на той стороне, уставился на любимицу. Почувствовав взгляд, лльяма повернула раскаленную башку и открыла пасть.

– Выправилось! – слова Аддари заставили Нэо поднять глаза. Кольцо и впрямь вновь стало стеной сияющей синевы, расцветающей наверху огненными завитками. На первый взгляд все казалось прежним, и Рамиэрль сам не понял, почему вместо облегчения испытал ужас.

– Что-то не так, – в голосе Норгэреля не было радости, – эти сполохи и этот плач… Такого раньше не было, что они делают?!

– Они умирают, – сказал Ларрэн, – вернее, уже умерли.

Битва продолжалась, но узники Вархи могли лишь смотреть и слушать. Ранее безмолвное Пламя звенело, как звенят рвущиеся струны, а языки огня походили на бьющиеся в агонии крылья. Четверо эльфов стояли молча, лльяма тихонько поскуливала, и ее

жалобы сливались со стонами Кольца. Пытка тянулась бесконечно, а потом огненная стена лопнула. В образовавшуюся брешь метнулось белесое щупальце, но края раны стремительно сошлись, и мутная мерзость исчезла в лазурном сиянии.

Пламенные крылья взметнулись и опали. Стена подалась назад, изгибаясь эллским луком, ц остановилась чуть ли не у самой морды лльямы, вновь выправилась, прыгнула к самому небу и на миг расступилась. Этого хватило, чтобы внутрь ворвался сгусток холода и смерти, на который бросилась осатаневшая лльяма. Перед Пламенем Бездны туманная тварь оказалась бессильна. Огневушка злорадно взвыла, и ее маленькая победа словно бы придала Силы Стене. Надолго ли? Лльяма сделала пару шагов вперед, готовясь к новым подвигам.

Что ж, по крайней мере, один из них встречает врага во всеоружии. Жаль, Волчонка слишком мала: чтоб управиться с ТАКИМ врагом, нужна не искра, а море огня, океан, бездна... Бездна! От произнесенного мысленно слова стало жарко. Перед глазами встало пламя Ангеса, отгородившее Луциану от Фэрриэнна, пламя, выросшее из принесенной мятежным Светозарным искры.

Кольцо вновь лопнуло, и на этот раз сомкнуть края не получалось. Разрыв, в который тянулись мутно-белые лапы, становился шире. Лльяма, огрызаясь, отступила.

– Зачерпни из Бездны! Ты сможешь... Зачерпни... Помоги ей... – голос Ларрэна перешел в стон, но Нэо понял. Даже не понял, а сделал, мысленно окунувшись в огненную Тьму, из которой вышла его Волчонка.

Жар, охвативший разведчика, когда он убивал Тэноллиана, был ничто в сравнении с тем, что пришлось пережить теперь. Рамиэрль сам не понимал, что делает, он ЖЕЛАЛ и ТРЕБОВАЛ, чтобы родная стихия помогла лльяме, и та стала расти, обретая все большее сходство с хищным, похожим на волка зверем, сотканным из Тьмы и Пламени. Это уже не было смешное, несмотря на силу и опасность, существо с замашками щенка, а воплощение великой и грозной стихии.

Свет Вархи, словно почуяв поддержку, вновь бросился на врага, давая Роману время. Нэо тянулся к Темному Пламени, поток силы становился все более мощным. Эльф глянул на лльяму – обернув чудовищную морду, огненная тварь чего-то ждала, от нетерпения перебирая лапами, как готовая к прыжку кошка. Подбавляя ей решительности, Нэо еще раз черпнул из Бездны, и адская боль прошла, накатило какое-то исступление. Не соображая, что творит, Рамиэрль бросился к своей питомице и вскочил ей на спину. Защитного кокона не было, но он не сгорел,

напротив, его переполнило счастье и жажда битвы.

– Разверните Кольцо и гоните вперед, – заорал Нэо, – слышите! Разворачивайте и гоните за мной!

– Что ты задумал?!

Роман не понял, а догадался, что кричал Аддари, но повторять еще раз было некогда. Бездна и Тьма, дайте мне силы вынести еще один бой!

Лльяма, разделявшая чувства хозяина, ринулась вперед, не дожидаясь приказа.

Светозарное… Бездна… Океан огня… Темное пламя, пылающая Тьма… Ты ее частица, ты горишь, Роман, горишь и не сгораешь. Или сгораешь?! Неважно, лишь бы тебя хватило на эту схватку! Ты несешь в себе силу Тьмы и Огня. Ты сам Тьма и Огонь… Вперед!

Не думай, Нэо! Не думай о том, что там еще дерутся, что там могут быть друзья! Забудь про Эмзара, Нидаля, Тамиону, Клэри… Битва проиграна, будь жив хоть один, Кольцо бы держалось.

Только с гибелью последнего из Лебедей Вархианское зло вырвется на волю. Они клялись, и они сдержали клятву…

Только с гибелью последнего из Лебедей Варха отпустила пленников навстречу убийцам. Кто же они? Как смогли победить? Мощью или предательством? Истощены или готовы к битве? Не думай об этом, Нэо, думай о Бездне, она с тобой и ты – часть ее, наделенная волей и разумом и еще любовью к своему миру.

Огненная волчица и ее наездник проскочили меж опускающихся синих крыльев, чтобы столкнуться с сотканной из смертного холода и ужаса тварью. Ройгу… Не может быть! Не может, но есть! Он восстал и пришел. Белый Олень! Повелитель обмана и ночных кошмаров.

Бог-отступник, бог-предатель, единственный, переживший вторжение Света! И недостойный жизни! Ты зол и горд, Ройгу, ты сильнее людей и эльфов, так взгляни в глаза Бездне!

У Нэо не было меча Омма, у него вообще не было оружия, кроме его самого, отдавшегося во власть Темного Пламени, но Ройгу отступил, повернулся и помчался к дальним горам. Боится! Звездный Лебедь, боится! Лльяма! Волчонка! Девочка моя, вперед! Ради Тьмы, Света, Вечных Звезд, Бездны, ради всего святого и грешного, беги! Беги изо всех сил! Он не должен уйти еще раз!

Они неслись сквозь засыпанные снегом леса, оставляя за собой черную, выжженную полосу. Ничего, леса вырастут вновь, если будет, где расти… Только б успеть, только б овладевший им огонь не погас, а он не лишился разума и памяти до того, как свершит что должно и остановит сделавшее свое дело Тьму.

Проклятое мерцающее пятно впереди не уменьшалось, но и не увеличивалось. Нет, растет! Они догоняют! Лльяма, быстрее, быстрее во имя Звездного Лебедя! Ближе! Еще ближе…

Где он это уже видел? В Убежище? В зеркале Альсионэ? Нет! В Кабаньих топях! Тогда Олень спасался от вышедших из воды черных коней. Вода его настигла и пленила, но не убила. А теперь, Ройгу, ты умрешь! Умрешь в огне! Лльяма мчалась все быстрее, слушаясь мысли своего наездника, а может, они и впрямь стали единым целым – искрой негасимого Огня, Великого Костра, зажженного кем-то неведомым, отринувшим Свет в поисках иной Силы. Олень летел, не разбирая пути, вытянув увенчанную рогатой мутноглазой головой шею, он еще не оставил надежды уйти… Волчонка, еще немного! Давай!

Лльяма догнала Ройгу, и теперь они неслись рядом, но долго так продолжаться не могло. Нэо собрался с силами и перепрыгнул на спину новому воплощению Древнего бога. Огонь и Лед! Смерть и Жизнь! Жар и Холод! Руки Рамиэрля вцепились в отростки чудовищных рогов. Ройгу испустил чудовищный вопль, так он не кричал даже в бою под Кантиской!

Падали, ломались, как тростинки, столетние сосны, вскипал и клубами улетал к багровеющему небу снег, плавилась показавшаяся земля. Лльяма вертелась волчком, норовя то ли дотянуться до врага, то ли подставить спину хозяину. Нэо держался, хотя его тело и душу рвала нестерпимая боль. Он не знал, не думал, не догадывался, что может быть такой холод и такое одиночество! К Проклятому это! Если нужно навеки уйти в Ничто, он уйдет, но не один, а с Ройгу!

Как мечтал Ангес об этой встрече, но Ангеса здесь нет, здесь всего лишь то ли эльф, то ли человек, но он не выпустит этих рогов. Тварь сгорит, истает, рассыплется прахом, исчезнет навсегда! Ты умираешь Ройгу! Умираешь! Никогда твоим именем не будут убивать и обманывать. Никогда ты не вползешь в чужие сны, не подчинишь, не сломаешь, не предашь! Ты умрешь немедленно. Вот в этом самом лесу, под этими самыми звездами!

Сколько времени прошло? Ора или вечность? Лес горел, пылающее кольцо окружало сошедшихся в смертельной схватке древнего бога и рожденного в Тарре эльфа. Вековые сосны полыхали, и Пламя Бездны сливалось с живым земным огнем, огнем, дарующим смертным свет, тепло, горячую пищу и их же порой убивающим!

Прыжки Ройгу становились тяжелее и ниже, но и силы Романа были на пределе, деревья вокруг догорали, они отдали то, что могли, на большее сил у них не было. Лльяма! Лльяма, помоги еще раз. Гони его к еще живым соснам! Поняла! Напала

сзади, заставила тварь отпрыгнуть в сторону леса. Какой же она стала маленькой! Или это он вырос?

Ройгу слабел, еще немного – и с ним было бы покончено, вся беда была в том, что этого «немного» у Романа не было. Руки начинали цепенеть, сердце стучало неровно и глухо, а вновь слиться с Бездной не было ни сил, ни времени. Звездный Лебедь, неужели все?! Ройгу залижет раны и вновь напьется чужих смертей?! Лльяма из последних сил прыгнула на врага, отлетела в сторону и замерла – жалкий, мерцающий багровым сгусток на опаленной земле. Но свое дело она сделала: Олень отступил еще немного, и за ним с грохотом обрушилось несколько стволов, превращаясь в гигантские факелы. Тварь завизжала и забила задом, Нэо понял, что сейчас он упадет. Ройгу вскинулся на дыбы, в глаза эльфу брызнула звездная россыпь… С неба стремительно падали звезды, сверкающие синие звезды, которых он никогда не видел. Нет, не звезды! Огненные лебеди, лебеди Света, осколки разбитого Кольца.

Стая окружила Ройгу и его наездника, отливающие солнечной летней лазурью крылья плескались над самой головой. Теперь Нэо на себе испытал, что ощущала лльяма, когда он запер ее в коконе Света, но все уже было неважно… Сила Лебедей превосходила силу Ройгу, несильно, но превосходила. Все они – и он, и лльяма, и сгоревшие сосны – забрали из Ройгу столько, сколько смогли, и теперь он наконец попался…

Белый Олень с чудовищным криком рухнул на колени, увлекая за собой Рамиэрля. Огненным росчерком мелькнула полыхающая сосна, что-то оглушительно загремело. Роман успел выпустить рога чудовища, сноровка его не подвела, он приземлился на ноги лицом к своему противнику, и там было на что посмотреть! Ройгу обрел истинный облик, на выгоревшей поляне высился воин в шлеме с оленьими рогами, но без забрала. Мелькнуло обожженное лицо, осклабившееся в пустой, идиотской усмешке, и на обоих – бога и эльфа – обрушились удары сияющих синих крыльев.

Падая, Нэо думал, что Ройгу наконец исчезнет и ничего страшного, что вместе с ним исчезнет и он, рожденный эльфом и ставший… Он так и не узнает, кем же стал в смертный час. Рамиэрль широко распахнул свои несчастные глаза, вбирая мучительное сияние. Боль резанула по зрачкам атэвским клинком и рассыпалась снопом искр – багровых, золотистых, ясно-синих…

2896 год от В.И. Ночь с 28-го на 29-й день месяца Сирены. ЭР-АТЭВ. ГИДАЛ

Владыка Иоанн тяжело повернулся в постели – не спалось, болело сердце в прямом и переносном смысле этого слова. Нужно наконец решать с преемником, похоже, скоро ему нести ответ перед господом Всеблагим и Всемилостивым за то, что сделано и не сделано. А от Николая и Яфе нет никаких известий. Нет и не может быть... Хвала святому Эрасти, пока удается скрывать исчезновение принца из обители, но если атэвы узнают об этом, Наджед откажется от клятвы Майхуба, и тогда страшно подумать, какая судьба уготована и братии, и тому, что они хранят. Впрочем, все в руце божией.

Старый клирик, кряхтя, встал. Отчего-то захотелось удостовериться, что с реликвиями все в порядке. Надев холщовую рясу (по здешней жаре в монастыре давно отказались от положенных в Арции одеяний из тонкой шерсти), Иоанн выпил из стоявшего у изголовья небольшого кувшинчика настойки конвалярии и сальва – прежде чем сражаться с лестницей из полутораста ступеней, следовало поддержать сердце – и прошел в личную молельню.

Те, кто строил обитель, сделали все, дабы сохранить тайну. Никому и в голову бы не пришло, что под поварнями сооружено тайное хранилище, проникнуть в которое можно лишь по одному-единственному ходу с противоположного конца обители. Иоанн бывал здесь нечасто: его пугали вызывающая красота Циалы Тарской и исполненное ужаса Пророчество и смущала слишком уж человеческая грусть Эрасти Черны. Владыка впервые взглянул в глаза святому, когда покойный настоятель остановил свой выбор на иеромонахе Иоанне и объявил его своим преемником. С той поры клирик пользовался потайной лестницей трижды в год, чтоб убедиться, что с реликвиями все в порядке, да убрать пыль, которая умудрялась проникнуть даже глубоко под землю. Следующий раз Иоанн собирался спуститься под землю в день памяти святого Эрасти, но непонятная ему самому тревога вынудила открыть потайную дверь много раньше.

Слегка скошенные ступени вели вглубь. Говорили, что рабы Майхуба, владевшие тайной хранилища, были убиты сразу же по окончании работ, и святой Иоахиммиус не смог их защитить, а может (думать об этом было неприятно), и не защищал. Мысленно попросив у Творца милости к убиенным язычникам, Иоанн прижал руку к стене, и она отошла в сторону, открыв сводчатый проход. Внутри было светло. Несколько серебристых шаров вот уже шестьсот лет светились мягким светом. Иоанн не знал, откуда они взялись, это было частью тайны, которую он стерег и ради которой князь Церкви и величайший калиф атэвоф пошли на беспримерный сговор.

Владыка отвел в сторону белый шелк, закрывавший картины. Циала по-прежнему улыбалась высокомерно и вызывающе, а на ее обнаженных плечах тревожным блеском горели огромные рубины. Все так же уносилась к недоступной звезде женская фигурка, простиравшая руки к обреченному кораблю, а святой Эрасти снимал с пальца черное кольцо. Иоанн, досадуя на свои ночные страхи, собрался возвращаться, но раздавшийся за спиной негромкий голос заставил клирика прирасти к полу.

– Обернись...

– Кто здесь? – Иоанн повернулся и столкнулся взглядом с портретом Эрасти. Нет, не с портретом. Святой стоял у стены, на которой висела картина, но на полотне осталось лишь открытое окно, за которым гас осенний день и стена комнаты, обитая золотистым шелком. Потрясенный настоятель сделал запоздалую попытку опуститься на колени, но горячая (он почувствовал ее жар сквозь тонкую холстину) рука Эрасти легла ему на плечо.

– Не нужно становиться на колени. Ты не раб, я не господин. Настоятель построенной в мою честь обители, выслушай меня и начинай действовать. Это, – Эрасти обвел рукой висящие на стене картины, – должно вернуться в Кантиску в ночь перед Светлым Рассветом. Даже если тебе придется пожертвовать душой, даже если понадобится сжечь половину Святого Города, в Светлый Рассвет, не раньше и не позже, они должны быть в Центральном Храме. Пока это не будет исполнено, никто не должен знать, ЧТО и КУДА ты везешь. Если ты ошибешься, то, что ты видишь на одной из картин, может стать правдой, а теперь ступай, и да пребудет с тобой то, что даст тебе силы!

На негнущихся ногах Иоанн направился к выходу и... проснулся. Он лежал в собственной постели, и за окном занимался рассвет. Голова клирика была удивительно ясной, он слово в слово помнил свой сон и ничего не понимал. Что это было? Безумие? Происки Антипода? Или с ним действительно говорил святой Эрасти? После утренней службы он спустится вниз, нужно убедиться, что там все, как всегда.

Владыка торопливо оделся и лишь потом бросил взгляд на Вечноцветущий посох. К двенадцати дивным серебристым цветам добавился еще один, выросший и распустившийся за ночь. И был этот цветок ярко-алого цвета, цвета крови, бегущей от сердца...

Нэо Рамиэрль

Облегчения, отразившегося на лице Норгэреля, с лихвой хватило бы на сотню морячек, дождавшихся застегнутых хъелой

мужей. Отчего-то эта мысль ужасно рассмешила Нэо, но вместо смеха с губ сорвался кашель. Нэо кое-как утер черную кровь, и ему от этого опять стало смешно. Вот так и сходят с ума...

– Теперь твой черед со мной возиться, Норгэрель... Погоди... Ройгу! Где он?!

– Ройгу больше нет, но... Как мы и думали... Лебеди погибли...

Нэо рывком сел, пытаясь вопреки зверской боли привести в порядок мысли. Разорванное защитное Кольцо, сила Бездны, прыжок со спины лльямы на спину Ройгу, скачки сквозь пылающий лес, огненные птицы... Кем он был? Что с ним сталось? Как он попал в покои Эмзара?!

– Норгэрель, я помню только Ройгу, если это был он, и бой... Он не мог прийти один. Звездный Лебедь, я совсем забыл... – Нэо торопливо закрыл глаза ладонями.

– Не надо, – голос бывшего сородича дрогнул, – ты вернулся из Бездны, ты опять один из нас.

Нэо не поверил, потому что себя прежним не чувствовал, хотя, может быть, Ройгу потушил в нем Пламя Бездны... Потушил?! Волчонка! Узнав о гибели своего клана, пристало ли горевать о маленьком чудище, только вот сердцу не прикажешь, по ком плакать. Гадать было еще хуже, и Роман торопливо спросил:

– Где лльяма?

– Отлеживается на пожаре. Ей здорово досталось, но, кажется, обошлось. Она снова такого роста, как всегда, и все время вертится.

– Пожар далеко?

– Близко, но идет в другую сторону. Возле Вархи вы все уже сожгли. Лес горит, но снега много, он скоро остановит огонь. Ты можешь встать?

– Это нужно? Тогда могу. Где... все?

– Ларрэн и Аддари с мертвыми. Мы перенесли всех, кого нашли, в Зал Совета.

– Сколько же я пролежал?!

– С конца ночи до середины следующей.

Нэо торопливо вскочил, острая боль пронзила колено, но он удержался и от крика, и от падения. Попытался вспомнить исцеляющее заклятие, но память словно бы выжгло. Ничего, можно и потерпеть, Рене терпит и не такую боль. Как давно он не был в этой серебристой комнате, с тех самых пор, как повез Норгэреля на Седое поле.

Вот ты и дома, Нэо Рамиэрль, бард Роман Ясный, исчадие Бездны...

– Мы странно вернулись, – шепнул Норгэрель, помогая Нэо удержаться на ногах, – странно и страшно.

– Странно, что здесь все уцелело.

– Разрыв был с другой стороны, ты приказал нам развернуть пламя… Там были… – сын Ларрэна запнулся, не зная, как назвать адептов Ройгу, но людьми он их называть не хотел, – трое… Не ушел никто.

– Хоть бы ты не ошибся! Пусти меня, я пойду сам. Неужели вы не могли меня поднять раньше?!

– Мы боялись навредить тебе… Ты же…

– Ах да… Не знаю, что меня чуть не убило: Ройгу или Свет.

С лестницы ему удалось спуститься без посторонней помощи. На снегу лежали длинные тени, Гана мирно спала подо льдом, деревья тянули к изящным постройкам обнаженные ветви, было мучительно тихо и только вдалеке мерцало зарево пожара. Месяц Сирены или самое начало месяца Агнца какого-то года от Великого Исхода и первый день первого месяца первого года от гибели не предавших Тарру эльфов. Если б Эмзар знал что Варха взята, Гридэтара убит, а его заклятия уничтожены! Но он не знал и не мог знать.

Судьба посмеялась над всеми. Над ройгианцами и их богом, прорвавшимися сквозь смерть навстречу смерти, над эльфами, умиравшими, но не гасившими Кольца, сила которого могла их спасти, и над теми, кто ждал внутри крепости, не рискуя причинить зла стражам Вархи! И что теперь думать о том, что бы было, решись они разорвать Кольцо изнутри! Быть может, кто-то и уцелел, а так…

Рамиэрль был уверен, что последним погиб Эмзар, он всегда был упрям. Кто-то наверняка молил короля развернуть огонь и погнать на врагов или хотя бы ослабить барьеры, но Снежное Крыло выдержал. Он был бы прав, будь в Вархе все по-прежнему, и он смертельно ошибся…

Двери Зала Совета были распахнуты настежь, Аддари позаботился зажечь свет, показавшийся непривычно желтым. Солнечный принц с горечью развел руками – он понимал, что здесь все должно быть иначе, но янтарная магия Львов отличалась от сапфировой волшбы Лебедей. Теплое золотое сияние заливало просторную комнату. Мертвые лежали вдоль стен – каждый под символом своего Дома. Нэо знал всех, но видел только Эмзара. Если бы не длинные темные волосы и отсутствие бороды, можно было б поклясться, что это Рене, вернувшийся с Порога. Рядом привалился к стене Ларрэн, походивший на Ушедшего куда больше мертвого повелителя Лебедей. Нэо тихо подошел к ним и опустился на пол – долго

стоять он еще не мог.

– Вот мы и вернулись. – Что он мог еще сказать?

– Да, и вовремя.

– Вряд ли вовремя…

– Вовремя, – повторил Ларрэн, – вы уничтожили не только зло Вархи, но и Ройгу. Случись иначе, два зла – древнее и пришлое – продолжали бы грозить Тарре. Дети Звезд искупили свой грех перед этим миром или почти искупили. Прости, что говорю такие слова, Нэо, но Уводящая освобождает и от ложной скромности, и от ложной гордости. А теперь мы должны исполнить свой долг, Король Лебедей!

Разведчик вздрогнул, поняв, что Лунный Король обращается к нему. Он, Рамиэрль, глава дома Розы клана Лебедя, пережившего Разлуку, сын Астена Кленовой Ветви, племянник и наследник Эмзара Снежное Крыло, вступал на призрачный трон. Король без королевства, без подданных, без власти. Талисман клана разрушен в Войну Оленя, в мире Тарры, кроме него, остался, если остался, лишь один Лебедь – Клэри, но война по-прежнему идет…

– Мы найдем свое место в этой войне, – тихо сказал Рамиэрль.

Ларрэн промолчал, зато все заполнил душераздирающий вой. Пошатываясь, Нэо выбрался на улицу. Лльяма пришла в себя и добрела до Лебединого Гнезда. Черная, окруженная тоненьким алым ореолом фигура, похожая и не похожая на волка, сидела у входа в Зал Совета, задрав голову к темному небу, и выла. Роман устало подумал, что ее слышно за много вес вокруг, и вздрогнул, поняв, что слушать как раз и некому. Надо было надеть на тварь из Бездны защитные «доспехи», спасая ее от Тарры, а Тарру от нее, но Нэо Рамиэрль не спешил. Пусть плачет… Плачет по тем, кто погиб, защищая ненужный рубеж.

Огненная тварь провожала таррских Лебедей в их последний полет, в вышине таяли сотни багровых искр, не похожих на пламя Вархи, как Свет не похож на Тьму, но именно Тьма и Свет спасли их. Спасли и позволили победить сначала того, кто превратил Тарру в сгусток боли, а затем и ройгианское безумие.

Лльяма взвыла громче, ей и вправду было больно – так плачут лишь живые и чувствующие об ушедших, но любимых. Роман смотрел на рыдающую Тьму и молчал. Он не мог ни рыдать, ни петь, только помнить. И еще жить и драться. Они вернулись. Они нужны. А горе – что ж, оно будет ездить с ним в седле и схватит за горло, когда все кончится. Если они отобьются и уцелеют, придет время скорби по тем, кто уже погиб, и по тем, кто еще не бросился в огонь, спасая других, но бросится, когда

пробьет его ора. Время скорби еще наступит, но сначала – время ярости.

2896 год от В.И. 29-й день месяца Сирены. ЭР-АТЭВ ГИДАЛ

Глядя на алый цветок, Иоанн мучительно раздумывал, что делать. Явленных доказательств было достаточно, ему и впрямь явился святой Эрасти, и его, Иоанна, долг исполнить все, что тот велел Но как это сделать? Как доставить в Арцию бесценное сокровище? В одиночку это сделать невозможно, а довериться кому бы то ни было нельзя. И как он сможет тайно от братьев по вере проникнуть в главный храм Арции и внести туда картины? Что сказать братии? Солгать? Удовлетвориться полуправдой?

Один через пустыню да еще с таким грузом он не пройдет, нужен спутник. Если б молодой язычник все еще был в монастыре… Яфе знает Гидал, владеет саблей, хотя… Хотя спутник-атэв в Арции привлек бы ненужное внимание. Ненужное? А если… а если атэвов будет много?!

Мысль показалась кощунственной, немыслимой, невозможной, но это был выход, и, похоже, единственный! Не сам ли святой Эрасти сказал своему избраннику, что во имя цели он должен пойти на все. Даже на то, чтобы натравить язычников на Святой град! Если в Арцию вторгнутся атэвы, никто не обратит внимание на поклажу одной из тысяч лошадей. Странно, но Иоанн даже не подумал о том, пойдут ли за ним почитатели Баадука. Твердой походкой, опираясь на Вечноцветущий посох, владыка направился к воротам, в первый раз не подумав ни о братии, ни о том, что скажет или сделает калиф.

Монах-приворотник суетливо закрутил ручку подъемного механизма, опуская узкий наклонный мост, и Иоанн, тяжело ступая, направился к лагерю атэвов. Те, разумеется, увидели его сразу же: если воины калифа берутся кого-то или что-то сторожить, они не пропустят и муху (если та, разумеется, не вздумает вылететь через подземный ход, по которому и ушли Яфе и Николай). Не успел владыка пройти половину расстояния, отделяющего монастырь от лагеря, как ему навстречу вышел зрелый атэвский воин в простой белой одежде, но в синем дзибане[53] и с роскошной саблей на боку. Атэв шел быстрее клирика, и когда они встретились, до лагеря было еще довольно далеко.

– Склоняю свое ухо к устам старшего калкса[54], – Али с достоинством коснулся висков, уголков губ и сердца.

– Я пришел говорить с тобой о клятве Майхуба, – Иоанн

вперил взгляд в чужие черные глаза, – пришло время ее исполнить. Ты и твои люди избраны, чтобы сопровождать меня и то, что будет со мной, в Арцию. У нас мало времени, мы должны успеть к Светлому Рассвету, вы называете этот день Конем Солнца.

– Почему я должен верить тебе, пастырь хансиров?

По тому, как воин в синем дзибане задал вопрос, Иоанн понял: тот отнесся к его словам серьезно, но ему нужны доказательства. Владыка заговорил с язычником так же доверительно, как заговорил бы с иеромонахом Игнатием, которого прочил себе в преемники. Правда, клирику пришлось делать поправку на атэвскую манеру изъясняться и незнание того, что арцийцы узнают, еще лежа в колыбели.

– Мне явился во сне тот, во имя которого построена наша обитель. Он велел мне взять то, что хранится в ней, и тайно доставить в главный храм Святого города Кантиски. А когда я проснулся, то увидел, что на моем посохе появился новый цветок. Он красный, как кровь. Как та звезда, которую вы называете сердцем Воина, а мы – Ангезой или Волчьей. Это знамение. Даже если я погублю душу и сожгу половину Святого города, я должен сделать то, что должен, – именно так закончил бы свою речь атэв, которых за свои семьдесят три года Иоанн повидал достаточно.

– Я вижу то, что вижу. И я верю, что ты сказал правду. Ты хочешь, чтобы мы пошли за тобой? Но нас слишком много, чтобы пройти незаметно, и слишком мало, чтобы прорваться с боем. Судьба каждого эр-генуби[55] висит на его поясе рядом с саблей, – Али задумчиво потрогал шрам на подбородке, – мы умрем там, где умрем, но хочет ли Баадук того же, что твой пророк? И верно ли, что настали предсказанные времена и древо Ада прорастает там, где упало семя Зла?

– Это так же истинно, как то, что на Вечноцветущем посохе расцвел цветок войны. Но я тебе сказал еще не все. Уже год как идет бой, и ведут его Яфе, сын Усмана, и Николай, брат наш по вере. Ибо один есть Меч Добра, а другой – Посох. В книге, которую мы чтим, как вы Наширу[56], исчезли слова молитвы и вместо них появились иные. Так было предназначено. Яфе и Николай вступили на дорогу от воды к огню и от огня к ветру.

Слово было сказано, оставалось надеяться, что Али, узнав о бегстве племянника, не убьет монаха на месте. Меч Атэва выглядел потрясенным, но ответить не успел. Беспощадный солнечный свет померк, выгоревшее белое небо налилось роскошной вечерней синевой, дохнуло морской прохладой. На горизонте встала груда невиданных здесь кучевых облаков, которые внезапно разошлись, как от удара молнии, обнаружив

сверкнувшую звездами ночную тьму, из которой вырвался всадник на черном белогривом коне. Иоанн видел строгое, окаймленное темной бородой лицо, развевающийся белоснежный дзибан... Клирик не успел ничего сказать, а его собеседник повалился на колени, простирая руки к рехнувшемуся небу. Судя по донесшемуся из лагеря вою, там происходило то же самое.

Опираясь на посох, Иоанн ошеломленно смотрел на явление своим последователям пророка, в существовании которого лично он, Иоанн, сильно сомневался. А тот, осадив белогривого коня, простер руку в повелительном жесте.

– Слушайте меня, воины, или вы будете прокляты! Пришло время Клятвы, и да исполнится то, что обещано Львом и Волком! Станьте наконечником копья, оком бури, сердцем огня! Не жалейте себя, ибо смерть – это только смерть, а трусость – это позор! Легче пера будет смерть исполнивших договор и выше горы память о них. Победившие получат награду, Отступники потеряют все.

Свершите же великое! Идите на север!

Идите на север за красными цветами. Идите на север, дабы обрести владыку. Идите на север, дабы исполнить клятву. Идите на север, и земля сама поскачет вам навстречу, и вы пройдете там, где не пройдет ни человек, ни конь. Такова воля Всеотца. И нет бога кроме Него, и нет Воли против его Воли. Это говорю вам я! И это истинно и бесценно, как Вода.

Всадник замолчал, его конь ударил прозрачным копытом о раскаленный камень, и из того забил родник, а наездник исчез, словно его и не было. Али, с трудом оторвав взгляд от места, где только что стоял великий Баадук, взглянул на Иоанна, и на лице его застыло благоговение.

– Воистину прав и праведен ты, если Баадук велел нам идти за тобой.

Иоанн не нашелся что ответить, но невольно проследил за взглядом атэва, поняв, что тот смотрит на красный цветок. Это было правильно, но лишь отчасти: все цветы на посохе стали алыми.

Эстель Оскора

В Новогоднюю ночь спать нельзя, ее проводят среди друзей у Звездного Древа с вином и песнями. Таяна встречала Новый год, год Трех Звезд, неистово и отчаянно. Здесь верили в Пророчество Эрика и не сомневались в победе. Да, кто-то должен умереть, на то и война, но смерти в этих краях никогда не боялись.

Веселье охватило Высокий Замок, как пожар, – гуляли все от короля до последнего кухонного мальчишки. Звездные Дерева стояли чуть ли не в каждой зале и были разукрашены смешными рожами, изображавшими минувшие неприятности, сделанным из стекла оружием, цветами и разноцветными свечами. Столы ломились от снеди и выпивки, музыканты играли только радостные песни.

Король и его нобили веселились в Коронной Зале, где когда-то я станцевала свою первую майерку со Стефаном Ямбором. Люди уходят, стены остаются, и на них все прибавляется портретов. Кого-то я знала, чьи-то жизни сгорели, пока я искала дорогу домой. Придет время, и здесь появятся изображения Анджея, Ежи, Ванды…

Ежи, легок на помине, спросил, о чем я думаю, я сказала, что ни о чем. Таянец подмигнул Александру и потащил меня танцевать, я вцепилась в руку Сандера, затягивая в беснующийся круг и его, а вслед за нами бросилась Ванда. Скрипачи вовсе обезумели, играя кватру за кватрой[57], но мы выдержали. Когда отзвучала музыка, мы по словам все того же Ежи походили на загнанных, но очень счастливых лошадей. Ванда что-то быстро рассказывала смеющемуся Александру. Через три года она станет красивее Мариты, но меня здесь уже не будет. Ежи дурачился, доказывая Луи, что однажды видел хвост, но без жабы – таянец оказался достойным соперником арцийскому остряку. Беата счастливо улыбалась, и ради такой улыбки стоило спасать этот мир.

Кто-то, несомненно очень важный, ударил в барабан. Анджей Гардани поднял кубок за будущую победу, осушил и грохнул об пол, подавая знак только и ждущим этого подданным. Нобили пили и колотили кубки из дорогого бордового стекла. Прежде чем прикончить свой, Ежи дал мне отпить. Вино было красным и терпким. Когда-то я уже пила из кубка Гардани, клянясь Шани быть с ним правдивой до конца. Ежи я лгать тоже не стану.

Откуда-то появился Стах Тонда, они с Сандером обнялись. Знаменный был более чем весел и явно намеревался рассказать о Стефане Завгороднем. Мы с Вандой переглянулись и засмеялись, Ежи погрозил нам пальцем, от чего стало еще смешнее. Музыканты вновь заиграли, праздник только-только перевалил за половину, но для Беаты он закончился. Она явно переоценила свои силы, и Луи ее увел, а я пошла их проводить. Не то, чтоб я чего-то всерьез опасалась, но Трюэлю было спокойней, когда в их комнаты первой заходила я, да и мне, признаться, тоже.

Известий о Гражине не было, и я молила бы всех богов, не будь это столь бесполезно, чтобы маленькая дрянь нашла или

свой конец, или счастье, ведь счастливые женщины, какими бы подлыми они ни были, забывают о мести.

Все обошлось. В спальне графини Трюэль была лишь белая кошечка, при моем появлении приоткрывшая зеленый, как у Ванды, глаз и вновь заснувшая. Я простилась с нашими влюбленными у порога, но назад не пошла. Радость куда-то делась, накатили очередные предчувствия, их еще можно было утопить в веселье, но меня отчего-то потянуло на стены.

Дорогой, которой мы со Стефаном ходили смотреть на звезды, я могла пройти с закрытыми глазами: Оружейная галерея, Старая лестница, площадка Закатной башни... Дверь заперта, но человеческие замки для меня давно перестали быть преградой, и я вышла в последнюю ночь старого года.

Небо было ясным, на нем отчетливо проступали рисунки созвездий. Красную Ангезу и голубую Амору я отыскала сразу. Если старый Эрик говорил о настоящих звездах, для полного счастья не хватало только Темной, но разве увидишь во тьме Тьму? Моя звезда останется незамеченной, если не догадается взойти в поддень.

Я смотрела вверх, в ледяную алмазную россыпь, словно искала ответ, хотя самый завалящий астролог знает, что светила предупреждают, но не приказывают и что свои жизни, а значит, и судьбы миров мы лепим сами, скрестив свою волю с высшей. Вряд ли тот, кто нашел способ вернуть в мир Ройгу, думал о том, что Эстель Оскора может сорваться с цепи, а она сорвалась.

Считая звезды, я слишком сильно запрокинула голову. Серебряные, подаренные Ежи шпильки не выдержали тяжести, и мои косы вырвались на свободу. Положительно, с ними надо что-то делать. С ними, с моей любовью, с исчезнувшим Ройгу и иже с ним. Тревога, не покидавшая меня со свадьбы Луи, позавчера взорвалась запредельной болью и исчезла, оставив тоску и чувство вины. Это было связано с Астени, потому что он ушел из моих снов, а я так и не смогла его понять и куда-то опоздала...

Александр тоже почувствовал, что произошло несчастье, и тоже не понял, где и с кем. Он боялся за тех, кто остался в Арции, я думала то про Романа, то про Эрасти, то про Рене, а год кончался, и наконец от него остался лишь осколок холодной, ясной ночи.

Остро и тревожно пахло дымом, снизу доносился шум и смех, нужно было возвращаться, но мои ноги словно бы приросли к старинной кладке. Я не знала, что делаю здесь, на семи ветрах, почему не возвращалась к друзьям в свет и тепло. Боюсь выплеснуть на них свой страх и свое знание? Надеюсь услышать от молчавших небес хоть что-то? Хочу, чтоб Последний из

Королей подольше пробыл с Вандой, почувствовав ее восторг и ее нежность? Пытаюсь понять, что же мучает меня последние дни? Наверное, все вместе и при этом ничего.

Обычный человек давно бы замерз, но я прошла через такую стужу и такой зной, что зима и лето для меня рознились лишь снегом и зеленью. Замерзают от предчувствия одиночества, а сгорают в ожидании любви, все остальное – это наши выдумки, не более того.

Сзади раздался шорох. Сандер! И, как всегда, вовремя. Я вцепилась в него, как деревенская девчонка, и он закутал меня плащом. Это было трусостью, но я слишком боялась потерять и эту любовь. Не избранного Таррой Последнего из Королей, а одинокого рыцаря, найденного мной на опушке Гразской пущи. Александр Тагэре значил для меня много больше, чем я могла себе позволить, и я ничего не могла с этим поделать. Ничегошеньки! Да, я говорила Ванде о том, что может случиться после победы, и я не лгала, но до победы было далеко, и я мучительно хотела остаться Ликией. Хотя бы до весны, но вряд ли судьба подарит нам даже такую передышку.

Обнявшись, мы стояли на площадке самой высокой из замковых башен и смотрели, как занимается холодная заря. Первый день года Трех Звезд начинался точно так же, как тысячи других зимних дней.

ЭПИЛОГ

– Ему будет непросто удержать два меча…

– В грядущей битве пригодятся оба, но признайся, что ты не ожидал подобного.

– Не ожидал, это так, но я отнюдь не удивлен. Тарра тоже могла ошибиться, и эта ошибка – повод для радости и надежды.

– Надежда? Это не надежда, брат. Когда родится волчонок, мы не надеемся, что он вырастет волком, мы знаем это, но ты прав – наш рвущийся карать и миловать друг будет в недоумении.

– Возможно он наконец соизволит понять, что не все нуждаются в его любви и прощении, но радоваться рано.

– Отчего же, брат? Я рад и я горд тем, что мы не ошиблись в главном. В тех, кому предстоит встретить бурю. Они готовы, их сердца горячи, они умрут стоя, но не упадут на колени и не станут молить о пощаде. Они свой выбор сделали, и я тоже.

– Иногда ты меня пугаешь. Не хочешь ли ты сказать…

– …что я нарушу Запрет и, если случится худшее, избавлю защитников Тарры от последнего «милосердия»? Клянусь Вечностью и Временем, я сделаю это!

– МЫ это сделаем, брат. МЫ, а не ТЫ, но война еще не проиграна. Она даже не началась – три звезды только восходят.

Конец пятой хроники.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛЮДИ ТАРРЫ

Арция

Анхель Светлый (1244–1310) – легендарный император Арции, символ доброго и мудрого правителя.

Аррои – династия, правящая в Арции с 2230 года. Сигна – три нарцисса.

Аррой Леонард (1085–1123) – герцог, сын от второго брака императора Арции Рикареда Волинга, единокровный брат и законный наследник императора Арции Эдгара Второго. Умер или был убит в тюрьме по приказу вдовы Эдгара. Считается образцом рыцарской доблести и чести.

Аррой Руис (1113–1167) – сын Леонарда, законный наследник арцийского престола, вынужденный бежать в Эланд, родоначальник Арроев Эландских. Сигна – три белых нарцисса.

Аррой Рене-Аларик-Руис, герцог и-Рьего сигнор че Вьяхе (2180–2231?) – первый паладин зеленого храма Осейны, великий Герцог Эланда (2228–2231?), король Таяны, господарь Тарски, император Арции Рене Первый (2230). Личная сигна (консигна) – белый волк, воющий на луну.

Аррой Стефан-Рене-Аларик (2212–2274) – сигнор че Ри, император Арции Рене Второй Смелый (2231–2274), сын Рене Первого.

Бэррот – знатная арцийская фамилия. Сигна – черный лис в короне.

Бэррот Антуан – канцлер Арции.

Бэррот Артур, виконт Барре – старший сын Антуана, консигна – лев с мечом и щитом, на котором изображена роза.

Бэррот Жан – младший сын Антуана.

Вилльо – арцийские нобили, родственники королевы Элеоноры. Сигна – собака, несущая в пасти зайца.

Фернан, граф Реви – старший брат Элеоноры.

Жорес Вилльо – барон, средний брат Элеоноры.

Люсьен – граф Паран, кузен Элеоноры.

Вобан Андре – воин, соратник Луи Трюэля.

Гартажи – знатная арцийская фамилия. Сигна – орлиная лапа

Гартаж Эжен – граф

Гартаж Одуэн – виконт Гро, сын Эжена.

Герары – арцийская дворянская фамилия. Сигна – альбатрос.

Герар Амбруаз – нобиль из Тагэре.

Герар Никола – его сын.

Гилле – аюдант Рогге.

Годи Онорэ – капитан Гран-Гийо.

Гран-Гийо Эгон Фарни – барон, сторонник Лумэнов. Сигна – серебряный цветок, похожий на водяную лилию, но на стебле ромашки.

Гризье – арцийские бароны, сигна – дикий кот в прыжке.

Гризье Элеонора (урожденная Вилльо) – вдова Артура Гризье, незаконная жена Филиппа Тагэре.

Гризье Жорес граф Аганнский – старший сын Элеоноры от первого брака. Консигна – золотой коронованный единорог, попирающий тигра.

Гризье Доротея (Тея) в девичестве Койла – жена Аганна.

Гризье Базиль, граф Мо – младший сын Элеоноры от первого брака. Консигна серебряный единорог, попирающий тигра.

Даннэ Клотильда – вдова из Гран-Гийо.

Дюбар Камилл – магистр Красной Палаты.

Жиль – лакей в доме Вилльо.

Карпус – наставник детей из дома Тагэре.

Клеман Жозеф – капитан, а затем командор городской стражи.

Клод – трактирщик в Мунте.

Койла – знатная арцийская фамилия. Сигна – два скрещенных копья и бычья голова.

Койла Гастон – приближенный Филиппа Четвертого, казнен в 2892 году.

Крэсси-бароны. Сигна – три звезды на голубом поле, отделенные алой волнистой чертой от силуэта замка.

Люсьен – глава фамилии.

Альбер – сын старшего брата Люсьена, погибшего в Кер-Оноре.

Антуан – его брат.

Франсуа – сын Люсьена.

Лагары – дворянская фамилия. Сигна – сердце на фоне морской волны.

Клотильда – тайная жена Филиппа Тагэре.

Маргарита – ее дочь от Филиппа.

Ландеи – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – атакующий вепрь.

Ландей Этьен, виконт Лантье – наследник титула.

Лиффо – бароны, сторонники Лумэнов. Сигна – золотое дерево на зеленом поле.

Латен Жан-Поль – барон из Аганна, сигна – танцующий журавль.

Лумэны (Лумэн-Аррои) – ветвь Арроев, ведущая начало от

третьего сына императора Филиппа Третьего Жана. Сигна – три золотых нарцисса на алом фоне.

Пьер Шестой Лумэн (2831–2885) – король (2832–2871) и (2884–2885).

Агнеса, урожденная Сарриж – супруга Пьера Шестого (2835–2891).

Филипп, принц Гаэльзский – сын Агнесы (2862–2885).

Люваль – мунтский стражник.

Мальвани – арцийская аристократическая фамилия, родичи Арроев по женской линии. С 2871 года – герцоги Сигна – лежащий тигр.

Мальвани Сезар (2184–2278) – маршал Арции, герой Войны Оленя.

Мальвани Сезар (2792–2845) – отец Анри, маршал Арции.

Мальвани Анри (2820–2892) – маршал Арции, друг Шарля Тагэре.

Мальвани Миранда – супруга Анри Мальвани.

Мальвани Жорж (Георгий, кардинал Гварский) – брат Анри.

Мальвани Сезар – сын Анри Мальвани. Консигна – нападающий ястреб. Девиз «Придут лучшие времена».

Эттина – старшая дочь Анри и Миранды.

Шарлотта – средняя дочь Анри и Миранды.

Анриэтта – младшая дочь Анри и Миранды.

Мариета – служанка Клотильды.

Матей – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – воткнутый в срубленный дуб топор.

Матэй Поль, виконт Ми – друг Александра Тагэре.

Одуа ре Изье – знатная арцийская фамилия. Сигна – целящийся лучник.

Онорина – камеристка Катрин Тагрэ.

Паже Андре – капитан королевской гвардии, помощник Артура Бэррота.

Перше – мунтские мещане.

Арман Перше – поэт.

Бриан Перше – королевский писарь.

Пикок Базиль – личный слуга и доверенное лицо Обена Трюэля.

Пуйар – мещанин, возведенный в графское достоинство Пьером Тартю. Сигна – золотой жезл и побег хмеля.

Равье Туссен – караул декан в Гран-Гийо. Наставник Шарло.

Релльи Жак – доверенное лицо Пьера Тартю.

Рогге – знатная арцийская фамилия. После казни у Беток графов Стэнье их кузен по женской линии барон Рогге унаследовал их титул и сигну. С 2871 года именуется Стэнье-

Рогге. Сигна – белый олень.

Селестин Стэнье-Рогге – граф, глава фамилии.

Сашни Ив по прозвищу Боров – караул-декан в Речном Замке.

Тагэре – ветвь Арроев, ведущая род от четвертого сына короля Филиппа Третьего. Сигна – три серебряных нарцисса на синем фоне.

Тагэре Шарль – герцог Эльты, правнук короля Филиппа Третьего (2822–2870). Консигна – серебряный конь, вставший на дыбы.

Тагэре Филипп (2852–2892) – старший сын Шарля Тагэре, король Арции. Консигна – белый сокол в кольце, образованном из пут лошади.

Дети Филиппа от Элеоноры Гризье:

Филипп – старший сын Филиппа, получивший от Александра титул графа Рунского.

Александр (Алек) – младший сын Филиппа, получивший от Александра титул виконта Ланже.

Элеонора – старшая дочь Филиппа.

Эстела – средняя дочь Филиппа.

Раймонда – младшая дочь Филиппа.

Тагэре Эдмон, граф Рунский (2854–2870) – второй сын Шарля Тагэре. Консигна – лебедь на волне.

Тагэре Жоффруа, герцог Ларрэн (2857–2888) – третий сын герцога Шарля Тагэре. Консигна – атакующий бык.

Тагэре Этьен, герцог Ларрэн – старший сын Жоффруа, в 2892 году восстановленный Александром в правах, а в 2893 году провозглашенный наследником престола.

Леон, виконт Ро – младший сын Жоффруа.

Тагэре Шарль Руис-Александр – младший сын герцога Шарля. Король Арции с 2892 года. Консигна – молодой белый волк, задравший голову к невидимой луне. Девиз «Верность меня обязывает».

Шарль-Роман-Аларик виконт Тагрэ (Шарло) – внебрачный сын Александра.

Катрин-Рафаэлла (Кати) – внебрачная дочь Александра.

Эдмон-Дени (2888–2893) – сын Александра от Жаклин ре Фло.

Тагэре Лаура – младшая дочь Шарля Тагэре.

Тартю – знатная арцийская фамилия. Сигна – белая борзая на алом фоне.

Пьер Тартю, виконт Эмразский – сын Анжелики Фарбье от первого брака с Орельеном Тартю.

Трюэли – знатная арцийская фамилия. Сигна – лежащий бык и ветка яблони. С 2871 года – графы.

Обен Трюэль (2811–2894) – один из виднейших сторонников Тагэре.

Луи-Анатоль-Обен граф Рабан, граф Трюэль – его старший внук.

Эжен – его младший внук.

Ювер – его средний внук.

Тюлли Виктуар – караул-декан в Речном Замке.

Фарбье – потомки Жана Лумэна от Катрин Суэль (аганнской лисицы), его постоянной любовницы. Сигна – элефант на алом поле, по которому идут кошачьи следы (с 2847 по 2862 год и с месяца Дракона 2895 года по месяц Влюбленных 2897 года не изображались), с башней на спине, полной воинов.

Анжелика Фарбье – дочь Жана Фарбье Второго, замужем первым браком за Орельеном Тартю, вторым – за Селестином Стэнье-Рогге.

Фертье – мунтский стражник.

Фло – аристократическая арцийская фамилия. Сигна – медведь.

Рауль, граф ре Фло, прозванный Король Королей – кузен по матери братьев Тагэре (2836–2885).

Фло Жаклин (2860–2894) – его младшая дочь, жена Александра Тагэре, королева Арции.

Шаотан Морис – командир арцийских лучников, барон из Гартажа. Сигна – алые маки, прорастающие сквозь лежащие на земле доспехи.

Эжи – бароны, сторонники Лумэнов. Сигна – две гончие, бегущие по алому полю.

Эж Каэтан – капитан Новой Гвардии.

Эжьеры – старинный род, пресекшийся с бегством в 1128 году Эжьера-клятвопреступника. Сигна – бегущий конь с огненной гривой и хвостом.

Эжьер Арсен (1190–?) – маршал Арции, собственноручно убивший несовершеннолетнего императора, его мать, вдовствующую императрицу Мадлен и ее любовника.

Эсташ Рубен – лейтенант новой гвардии

Дарнийский союз

Влозу Жозе – моряк, капитан «Сладости греха», по происхождению эллец.

Игельберг Альбрехт-Штефан-Фердинанд – командир дарнийских наемников, возведенный Александром Тагэре в баронское достоинство.

Флак Йозеф – наемник.

Крайе Хайнц-Отто-Мария – племянник Игельберга.

Свонберг Отто – моряк, капитан «Небесной ласточки».

Ифрана

Аршо-Жуай Ипполит – второй маршал Ифраны, командующий Второй армии.

Вардо – графы. Сигна – пылающий замок.

Альбер-Жастин-Фаустус-Савиньен, граф Вардо – сигнор Эллорийский и Баргосский, глава рода.

Антуанетта – жена Альбера.

Габан Жан-Поль – граф, вице-маршал Ифраны, командующий Первой армии.

Пата – королевская династия, правящая с 2521 года. Сигна – коронованный селезень.

Жозеф-Луи Пата по прозвищу Паук – король Ифраны (2814–2990). Консигна: открытая раковина с жемчужиной на лазурном поле.

Жоселин Пата – дочь Жозефа, регент при несовершеннолетнем племяннике.

Жермон (род. в 2878 г.) – внук Жозефа, старший сын умершего в 2989 году принца Франсуа, король с месяца Медведя 2891 года.

Ролан – сын младшего брата Жозефа, признан умалишенным.

Саррижи – ифранские герцоги. Сигна – два перекрещенных павлиньих пера на малиновом поле.

Сарриж Морис – глава фамилии.

Саброн Поль – граф, владелец пограничной Оргондой крепости Кер-Септим, сигна – 9 золотых пчел на коричневом поле.

Фобан Ультим – первый маршал Ифраны, Главнокомандующий и командующий Третьей армией.

Фьонне – герцоги Сигна – фазанья курочка и арбалет.

Фьонне Валентин – глава дома, канцлер.

Фьонне Аврора – его супруга.

Мирия

Альда – знатная мирийская фамилия. Сигна – морской змей.

Алькон – знатная мирийская фамилия. Сигна – взлетающий сокол с серебряной лентой на шее.

Алькон Диего-Луис-Алехандро, граф Артьенде – наследник рода, племянник Ренаты Ллуэва.

Кэрна (ранее произносилось как Церна) – фамилия, правящая в Мирии с 1814 года. Сигна – пылающее сердце.

Кэрна (Церна) Эрасти-Рафаэль (1245–1282) – сподвижник императора Анхеля, причислен к лику святых.

Энрике Янтарные Глаза – герцог Мирии.

Эвфразия – супруга герцога Энрике.

Рафаэль (Рито), полное имя Хозе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец, маркиз Гаэтано – старший сын герцога Энрике. Консигна – мангуст, схвативший змею, девиз «Танцую со смертью».

Антонио (Тието) – младший сын герцога Энрике.

Дариоло (Даро) – дочь герцога Энрике, жена Артура Бэррота.

Ллуэве Рената – маркиза, покойная фаворитка Энрике мирийского.

Лючо – старый байланте, учитель Рито.

Робле – графы.

Сэда – маркизы.

Новый Эланд

Гинте – один из Морских домов Эланда. Сигна – три черных корабля на алом поле.

Торкил Гинте – командир «Черной волны».

Терен Гинте – его младший брат.

Гоули – один из Морских домов Эланда. Сигна – морской лев

Рикаред Гоуль – адмирал, Паладин Зеленого храма Осейны, командующий эландским флотом, отправленным на помощь Оргонде.

Коннаки – один из Морских домов Эланда. Сигна – черная чайка.

Диман Коннак – старейшина Совета Паладинов.

Ягоб Коннак – его сын, самый молодой из паладинов Зеленого храма Осейны.

Эрик-Фаталь (2156–2231) – Первый Паладин Зеленого храма Осейны, добровольно передавший Черную Цепь Рене Аррою. С его предсмертных слов Архипастырем Феликсом было записано одно из самых известных Пророчеств.

Оргонда

Ги – фамилия, правящая Оргондой с 2551 по 2892 год. Сигна – три золотые короны. (Не следует путать с сигной самой Оргонды, символом которой был трилистник.)

Ре Ги Марк, прозванный Отважным (2843–2892) – герцог Оргонды.

Аре Ги ре Мальвани Марта, урожденная Тагэре – вдова Марка, герцогиня Оргонды, замужем вторым браком за Сезаром герцогом Мальвани.

Шарль-Анри Мальвани – ее сын, наследник престола.

Жамон – счетовод в герцогском замке.

Летэн Симон – лейтенант.

Монтрагэ Арно – командор Второй армии.

Монтрагэ Мишель – его брат, дипломат.

Парри Антуан – секретарь герцогини.

Терован Серж – аюдант Сезара Мальвани.

Франго Вивиана – придворная дама и подруга Марты.

Таяна и Тарска

Гардани – таянская королевская династия. Сигна – изогнутый меч на фоне трехглавой горы, из-за которой поднимается солнце.

Гардани Белинда-Лара-Эттина (2215–2256) – дочь Шандера Гардани, императрица Арции (2233–2256), жена Рене Второго.

Гардани Шандер (2195–2264) – Великий Герцог Таяны (2230–2264), друг и соратник Рене Арроя.

Гардани Анджей – третий сын короля Ласло Четвертого, король Таяны с 2867 года.

Гардани Ежи – старший сын короля Анджея.

Гардани Стефан – второй сын короля Анджея.

Гардани Янош – третий сын короля Анджея.

Гардани Марко – младший сын короля Анджея.

Гардани Данута, урожденная Ракаи – королева.

Гардани Ванда – дочь короля

Гарские – знатная северо-фронтерская фамилия. Сигна – три костра на черном поле.

Михай Гарский – старший сын главы дома.

Гери Лауданские – знатная таянская фамилия. Сигна – руки, ломающие молнию.

Стефан Гери – глава дома.

Золтан Гери – молодой воин.

Марыля Гери – его сестра.

Годои – династия тарскийских господарей. Сигна – воин с пламенным мечом.

Годой Монтайе Михай-Эсейб-Удад (2172–2230) – господарь Тарски, герцог, самозваный регент Таяны и император Арции.

Годойя Мария-Герика (2209–2231?) – единственная дочь Михая Годоя, наследница Тарски, впоследствии королева Таяны и госпожа Тарски.

Завгородний Стефан – знаменитый военачальник, родич Гардани по женской линии. Под его началом в 2866 году соединенные силы Таяны и Южного Корбута разбили ройгианцев.

Завгородня Барбара – его вдова.

Лодзии – знатная таянская фамилия, родичи Стаха Тонды.

Янош Лодзии – «Серебряный».

Ракаи – знатная таянская фамилия. Сигна – три лиса с копьями.

Ракаи Иштван – глава фамилии, брат королевы.

Беата – его старшая дочь.

Гражина – его младшая дочь.

Ласло – его сын и наследник.

Лайды – знатная таянская фамилия. Сигна – путник с мечом и соколом на плече.

Рышард – старший из братьев.

Лесь – средний.

Алехно – младший.

Тереза – их сестра.

Ягна – жена Рышарда.

Тонда Стах по кличке Барсук – знаменный.

Фронтера

Максим Длиннозуб по прозвищу Жись – командир фронтерских наемников.

Панас по прозвищу Сивый – воин из отряда Жися, сказочник.

Тодор по прозвищу Розумный – господарь фронтерский с 2877 года.

Степан по прозвищу Скаженный – сотник, внучатый племянник Тодора.

Эскота

Джакомо Второй (2809–2893) – король Эскоты.

Лидда – графы. Цвет плащей – сине-серо-зеленый.

Лидда Жавер – глава дома.

Ра-Гвары – графы, фактически контролирующие граничащие с

Арцией земли. Цвет плащей – серо-черно-малиново-изумрудный.

Ра-Гвар Рорик по прозвищу Лось – глава дома.

Ра-Данны – родственники Ра-Гваров.

Ласло ра-Данн – воин, племянник Рорика Ра-Гвара по женской линии.

Ноэль Пятый – король Эскоты с 2893 года, внук Джакомо.

Эр-атэв

Абуна Джаббу – атэвский ученый и астролог, казнен по приказу калифа Наджеда.

Али-ар-Амир-ар-Каркс-ар-Эреб-гар-Майхуб, прозванный Меч Атэва – брат калифа Усмана, полководец.

Баадук (1201–1256) – почитается в Эр-Атэве пророком, основатель религии.

Майхуб (2189–2266) – калиф Эр-Атэва, заключивший договор с Рене Арроем.

Наджед-ар-Усман-ар-амир-ар-Каркс-гар-Майхуб – старший сын калифа Усмана, калиф с 2891 года.

Усман-ар-Амир-ар-Каркс-ар-Эреб-гар-Майхуб (2836–2891) – калиф атэвов.

Яфе-ар-Усман-ар-Амир-ар-Каркс-гар-Майхуб – младший сын калифа Усмана.

Клирики (за исключением циалианского ордена)

Анатолий – Архипастырь с 2893 года.

Евгений (2793–2887) – кардинал Арции, приверженец Тагэре.

Илларион – Предстоятель ордена антонианцев с 2892 года.

Иоахиммиус Рэггский (2169–2254) – сподвижник Филиппа и Феликса, один из самых влиятельных кардиналов, впоследствии настоятель монастыря Святого Эрасти Гидалского в Эр-Атэве, причислен к лику святых.

Иоанн – настоятель обители Святого Эрасти Гидалского.

Клавдий – кардинал Арции.

Маврикий – кардинал Ифраны.

Максимилиан (2194–2288) – сначала кардинал Вриона, затем Таяны, Тарски и Эланда, а с 2237 года Архипастырь.

Неонил – кардинал эскотский.

Николай – монах обители Святого Эрасти Гидалского.

Орест Второй (2824–2892) – предстоятель ордена антонианцев.

Феликс I – Архипастырь (2227–2236), герой Войны Оленя.

Филипп XI (2204–2227) – Архипастырь Церкви Единой и Единственной (2204–2227).

Эпоминонд – пастырь Мирии.

Циалианский орден и лица, с ним связанные

Анастазия (в миру Соланж Ноар) – Предстоятельница циалианского ордена с 2870 года.

Арвэль – рыцарь Оленя, вице-командор.

Бавэ – командор рыцарей Оленя.

Бекко ре Бейра – мириец, доверенное лицо Анастазии.

Гийом – гонец, рыцарь ордена.

Дафна – наперсница мирийской герцогини Эвфразии, убитая Рафаэлем Кэрной в 1885 году.

Данута – глава ифранского сестринства с 2878 года.

Елена – бланкисисма Авиры и Ифраны (2814–2877).

Кадо Мишель – молодой рыцарь.

Нэрюж – рыцарь Оленя.

Цецилия – циалианка.

Циала Тарская, Циала Благословенная, Равноапостольная Циала (1291–1373) – дочь Тарского господаря, единственная в истории Церкви Архипастырь-женщина (1316–1373), сокрушившая Проклятого. Причислена к лику святых.

Шарлотта – глава арцийского сестринства с 2874 года.

ЛЮДИ ФЕРРИЭННА

Адон – конд Фамарский.

Ваярд – конд Леганский.

Зигран – отец Ваярда и Тамарина, погиб на войне с Фаной.

Зайа – дева Тьмы, знак – двуглавая пантера.

Онка – дева Тьмы, предводительница «Черных Лилий». Знак – черная лилия, прорастающая сквозь череп.

Рэмик – отчим Ваярда и Тамарина, выходец из Луцианы.

Тамарин – младший брат конда Лигонского.

Таэтан – воин из Леганы, наставник Ваярда и Тамарина.

Тигойа – дева Тьмы, знак – окровавленный меч и разрубленное сердце.

Фагона – дева Тьмы, знак – крылатая львица со змеиным хвостом.

Шабба – дева Тьмы, знак – черная пернатая змея с человеческими глазами.

ЭЛЬФЫ

Аддар Полуденная Песнь – сын Солнечных владык, друг и спутник Нэо и Норгэреля. Личная сигна – золотое сердце на ладони.

Амэл Прохладное Утро – из Дома Мотылька.

Антэл Золотой Тростник – глава Дома Ириса.

Ариэн Нарсиэль, Ариэн Ольховая Сережка – младший из племянников Нидаля, воин в охране Эмзара.

Астен Кленовая Ветвь – старший сын Ларэна и Залиэли, глава дома Розы, отец Рамиэрля. Убежденный сторонник того, что эльфы должны быть защитниками и хранителями Тарры. Погиб в 2228 году от руки собственной дочери. Личная сигна – плывущий лебедь.

Вардис Роса на Траве – сестра Тамионы.

Залиэль Ночная Фиалка – мать Эмзара и Астена, последняя из Лебединых королев, тайно покинувшая свой клан во имя любви к Ларрэну Лунному. Погибла в Сером море в 2231 году.

Иллиэль, носящая титул Старейшая из Лебедей – одна из двух уцелевших эльфийских магов, лишившаяся силы, но не мудрости.

Клэр Утренний Ветер – рыцарь Осени. Личная сигна – золотой кленовый лист.

Ларрэн Лунный Восход – последний из королей Клана Полной Луны. Исчез в Сером море во время попытки достичь Места Силы в 1407 году. Личная сигна – рука, держащая на ладони луну.

Лиа Танцующая Стрекоза – сестра Тамионы.

Нидаль Рябиновая Гроздь – глава дома Ивы.

Норгэрель Лагариэль, Норгэрель Вечерняя Волна – младший сын Ларрэна и Залиэли. Личная Сигна – волна, переходящая во вздыбившего коня.

Нэо Рамиэрль (Нэо Звездный Дым), он же Роман Ясный (Роман-Александр ч' Вэла-и-Пантана) – сын Астена, глава Дома Розы, разведчик в мире людей. Личная сигна – белая роза в скрещении солнечных лучей.

Тамиона Лунная Бабочка – вдова Айлэ Золотого Листа. Глава Дома Иволги.

Элэар Журавлиное Перо – один из воинов, охраняющих Лебединый Трон.

Эмзар Снежное Крыло – старший брат Астена по матери, король эльфов Тарры. Личная сигна – взлетающий лебедь.

ГОБЛИНЫ

Грэддок-Стефан-пад-Рэннок – старший сын и наследник Рэннока.

Криза ада Уррик-Коэй (2211–2263) – спутница Романа в походе к Седому полю, позднее – жена Уррика.

Маррграч-пад-Врагхток, гар Игрэнк – командир гоблинского экспедиционного корпуса.

Рэннок-Стефан-пад-Кардинч, гар Стефан-пад-Уррик – старший сын Кардинча, Горный король с 2889 года.

Стефан пад Уррик (2229–2276?) – сын Уррика и принцессы Иланы Ямборы, Первый из Горных королей.

Уррик пад Рокэ (2201–2257) – правитель Южного Корбута, присягнувший на верность Рене Аррою. Побратим Шандера Гардани.

СВЕТОЗАРНЫЕ

Адена (Дева) – одна из семи Светлых Богов Тарры. Покровительница искусств, удовольствий и любви ради любви. Знак – Лебедь.

Ангес (Воин) – один из семи Светлых Богов Тарры, Бог Войны, железа и прощения. Знак – Волк.

Арцей (Владыка) – глава семи Светлых Богов Тарры, Бог Солнца, Молний и Пламени. Знак – Кондор и Лев.

ПРЕЖНИЕ БОГИ ТАРРЫ

Омм – Отец богов, часто являлся в обличий Рыси.

Ройгу – Повелитель тумана, снов и лжи, часто являлся в обличий Белого Оленя.

ИНЫЕ СИЛЫ

Великие Братья – покровители затонувшего в 2585 году Эланда, при встрече с избранными чаще всего принимавшие облик огромного Орла и Золотого Дракона.

Гридэтара – хозяин Вархи.

Кэриун а Роэбл а Дасто – Хозяин сопредельных Тахене лесов.

Прашинко – Хозяин сопредельных Тахене дорог.

Проклятый (некогда сподвижник императора Анхеля Эрасти Церна) – маг, ученик Ларрэна Лунного, побежденный и заточенный в Башне Адены Равноапостольной Циалой.

Скиталец (некогда император Рене Аррой) – капитан призрачного парусника, вернувшийся из-за Черты.

Хозяйка Тахены (некогда смертная по имени Лупе).

Эстель Оскора, также именуемая Темной Звездой (некогда Герика Годойа, дочь связанного с ройгианским культом узурпатора Михая Годоя) – возлюбленная Рене Арроя, героиня многих легенд и предсказаний.

МАГИЧЕСКИЕ СОЗДАНИЯ

Андриаманзака Ракатуманга Жан-Флорентин – философский жаб.

Гиб – водяной конь.

Лльяма (Волчонка) – отродье Темного Пламени Бездны.

Серпьент Кулебрин – Хозяин Всея Крапивы и Сопредельного.

Стражи Крови (Кошки Полнолуния) – обитатели дворца Анхеля.

notes

1

Перевод А. Геелскула.

2

Рыбаки считают, что за запретной чертой водится стервья рыба, в голове которой находятся драгоценные камни.

3

Хвост, точнее, «лисий хвост», так на берегу Сельдяного моря называют облака, появление которых вечером предвещает на следующий день бурю.

4

С востока идет свет (лат.)

Господа (таянско-фронтерск.).

6

Большой съезд дворянства, на который каждая провинция присылает своих представителей, избранных на малых съездах, именуемых гомониками. По заведенной Шандером Гардани традиции гомона должна подтверждать полномочия нового короля и одобрять наиболее важные государственные решения. В частности, объявление войны и заключение мира, вступление в политический союз и так далее.

7

Воинская должность, по значению примерно равная полковничьей.

8

Полновесный золотой с профилем Филиппа Четвертого, по весу и чистоте золота превосходивший прочие ауры Александр Тагэре, вступив на престол, распорядился продолжать чеканить Филиппы, но с указанием года и месяца Последняя партия монет была отчеканена в месяце Дракона 1895 года. Придя к власти, Пьер Тартю распорядился обрезать края монет, что изрядно уменьшало их стоимость.

9

Эрмет, родившаяся в Эр-Атэве игра, напоминающая шахматы, но с гораздо большим числом фигур. Игра ведется на доске, разделенной на черные, белые и серые клетки. Фигуры делятся на три уровня. Фигуры первого уровня ходят лишь по своему цвету, второго по своему и серому, третьего – по всем. Игроки по желанию четыре раза во время игры могут обменять несколько фигур более низкого ранга на одну высокого, кроме Повелителя. Изначальный набор фигур случаен, так как перед началом партии игроки, не глядя, вытаскивают фигуры из закрытого ящика, причем на руку надевается толстая варежка, чтоб игрок не мог на ощупь определить, что выбирает. Традиционно партию начинают светлые, а темные делают второй ход.

10

Напоминающий пса хищник, питающийся падалью. Стая гаенн может загнать и растерзать раненого или ослабевшего зверя.

11

Ироничное название Дев Тьмы.

12

Символ Оргонды – трилистник, в отличие от сигны герцогов Оргондских из династии Ги, на которой изображены три короны.

13

Таянское воинское звание, если сравнивать с арцийской воинской иерархией, коронный находится примерно между командором и вице-маршалом.> и сделал его милитарием <Член королевского военного совета (Милитарии).

14

«Рогатые», «рогачи», «рогоносцы» в Таяне и Южном Корбуте – презрительная кличка билланцев, тарскийцев и северных гоблинов, исповедующих культ Ройгу, символом которого являются белые оленьи рога. В Арции «рогатыми» иногда называют рыцарей Оленя, воинов, присягнувших на верность ордену Святой Циалы, чьим символом является белый олень.

15

Первый месяц истинной весны по эльфийскому календарю, приходится на вторую треть месяца Агнца и первые две трети месяца Иноходца.

16

Ты должен, значит, ты можешь (лат.).

17

«Зубры», «Вепри», «Медведи» – названия полков южных гоблинов.

18

Легкий галоп.

19

Хафаш – летучая мышь.

20

На войне ошибаются только раз (лат.).

21

Массала (атэв.) – храм, в котором благодарят Всеотца и его Пророка Баадука.

22

В Арции во время эпидемий вывешивали особые флаги-предупреждения. О том, что в данном городе или крепости свирепствует мышиная чума (чаще называемая просто чумой), свидетельствовали черные флаги с одним большим алым кругом посередине, о черной оспе – белые флаги с черным кругом, о холере – белые флаги с алым кругом.

23

Алко (мирийск.) – сокол.

24

Презрительная кличка ифранских монархов из династии Пата.

25

Сумасшедший остается сумасшедшим (мирийск.).

26

Лучшая байла – это байла со смертью (мирийск.).

27

Доматтин – небольшой очень сочный овощ ярко-красного цвета, широко распространен в Мирии, Оргонде и южной Ифране (мирийск.).

28

Огонь! Разжигай! Быстрее!

29

Прием байлы.

30

Мирийский обычай. Обвиняемый перед судом мог выкрикнуть «красная ставка». Ему приносили ларец, в котором было тридцать восемь белых фишек и одна красная. Белая означала смерть, красная – полное оправдание.

31

Имеется в виду маршальский жезл.

32

Намек на оргондский герб с трилистником и родовую сигну Мальвани, изображающую тигра.

33

Таза – мера объема. Чуть больше литра.

34

Пламя Кэрна (мирийск.).

35

Сказочный персонаж, в первый день Нового года приносящий свои дары и складывающий их к подножию Звездного Древа.

Одна рэна – около полутора литров.

37

Свечи лета – высокие малиновые цветы, названные так потому, что считается, что на них сгорает лето. Когда они отцветают, наступает осень.

38

Слезы елани – цветы, вырастающие на болотах там, где утонул человек.

39

Опустить книзу большой палец – знак, которым зрители в римском цирке требовали, чтобы раненый гладиатор был добит (лат.).

40

Основатель нищенствующего ордена. Изначально у никодимианца не должно было быть ничего, кроме холщового, перепоясанного веревкой одеяния, сандалий, посоха, грубого шерстяного плаща с капюшоном, посоха, кружки, ложки и Книги Книг.

41

По старому таянскому обычаю на первом свадебном пиру женщины, кроме невесты и двух ее подруг, уединяются от мужчин и ждут, пока за ними придут друзья жениха и подруги невесты, проводившие молодых в спальню, после чего начинается общее веселье.

42

Пек – единица веса, сопоставимая с английским фунтом.

43

Мафатис – обитающий в Хаоне пушной зверек, защищающийся от врагов при помощи специальных пахучих выделений.

44

Гомона – в Таяне съезд нобилей из милитарий, решающий вопросы войны и мира, а также подтверждающий власть нового короля и обладающий правом вето на королевские нотации в случаях, перечисленных коронным уставом.

45

Милитария – административно-территориальная единица Таяны, совместно управляемая назначаемым королем милитарием, в ведении которого находится сбор налогов и военные вопросы и избираемым малым гомоником на четыре года господарем, осуществляющим основную административно-управленческую функцию.

Гоцарство – беститульное дворянство (таян.).

Знаменные нобили – крупные феодалы, имевшие собственные воинские отряды (знамена). Не следует путать с воинским званием Знаменного. Знаменные (командиры королевских полков) назначались королем, иногда по представлению милитариев.

Жить – значит бороться (лат.).

49

Перевод В. Соловьева.

Герикэ – вереск (эльф.).

51

Церковь Единая и Единственная выступала против самоубийств, почитая оные смертным грехом, но в 2274 году конклав по инициативе Архипастыря разрешил смертельно больным, находящимся в здравом уме и в твердой памяти и осознающим свое положение, дабы прекратить мучения, принимать яд после предсмертной исповеди и в присутствии медикуса, клирика и не менее чем четверых непредвзятых свидетелей. Однако правом этим по существу могли воспользоваться лишь очень состоятельные люди, так как разрешение на Чашу Милосердия Церковь давала в обмен лишь на очень крупное пожертвование. В истории Тарры известны случаи, когда Чашу Милосердия заставляли выпить против воли. Особенно часто это случалось в Ифране и Элле.

52

Надо идти, друг, наш долг перед живыми и мертвыми закончится лишь с нашей смертью (эльф.).

53

Дзибан – национальный головной убор атэвов, цвет которого определяется общественным положением носящего его мужчины. Синий цвет означает принадлежность к роду Майхубитов.

Калкс – дервиш, монах (атэв.).

55

Эр-генуби буквально «обретший истину» – самоназвание последователей Баадука.

56

Нашира – святая книга атэвов.

57

Бравурный быстрый танец, где танцующие разбиты на четверки из двух женщин и двух мужчин, которые постоянно меняются друг с другом местами, целуя при этом партнеров.